ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА ШЕСТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1923—ПЕТРОГРАД

ВЕСТНИК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

4973

КНИГА ШЕСТАЯ

ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

1923 год

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Vestnik
*QCB

TO NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
223924A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1926 L

Главлит № 16603. Москва. Тир. 5.000 экз.

„Мосполиграф". 27-я Типография „Красная Печать", Остоженка, 10.

СОДЕРЖАНИЕ.

I отдел.—Статьи.

Стр.

Мировое хозяйство, как единый производственный организм.—*И. Иванов*. 5
Плеханов, как экономист. —*В. Чернышев*. 51
Диалектический метод в работах Ленина по экономике —*В. Дитякин*. 77
Диалектика эксперимента —*И. Орлов*. 107
Материализация и пролетарское сознание.—*Г. Лукач*. 116
Фракционная борьба в Якобинском клубе.—*С. Моносов* 186
Закон 9 ноября и политика насаждения хуторов.—*А. Тюменев*. . . 264

II отдел.—Стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

Экономические кризисы при нэпе.—*Е. Преображенский*. 302
Новые данные о литературном наследстве К. Маркса и Ф. Энгельса.—*Д. Рязанов*. 351

III отдел.—Библиография.

Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. I. К Маркс. Статьи и письма 1837—1844 г.г., под ред. и с прим. Д. Рязанова. Т. II. Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1839—1844 г.г., под ред. и с прим. Д. Рязанова.—*Ст. Кравцов* 377
К вопросу о развале капитализма. (Милютин, В. П. Новый период мировой экономики. Курс лекций по экономике переходного периода. Госиздат; Осинский, Н. Н. Мировой кризис сельского хозяйства. Изд. „Новая Деревня")—*Ф. Капелюш*. 386
Кунов, как интерпретатор Марксовой теории общества и государства.—*Е. Пашуканис*. 400
Марксизм и философия (Karl Korsch. Marxismus und Philosophie).—*A. Fogarasi* 412

IV отдел.—Хроника.

Протокол общего собрания членов Социалистической Академии 11/X 1923 г. 417
Работа библиотеки Соц. Акад. за январь—октябрь 1923 г. (из доклада Президиуму). 438

Приложение.

Литература о петрашевцах.—*Г. Бешкин*. 443
Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России.—*Е. Мороховец*. 451
Положение рабочего класса (Указатель литературы на русском языке).—*С. Капцун*. 478
Кабинет внешних сношений (книги издания 1920 г.). *Ю. К.* . . 492

Мировое хозяйство, как единый производственный организм.

Что такое мировое хозяйство?

Буржуазная наука исследует мировое хозяйство чаще всего с точки зрения обмена. В обмене она видит центр тяжести мирового хозяйства, в явлениях обмена старается найти ответ на жгучие вопросы современности. Так, проф. Гармс, директор института мирового хозяйства в Киле, редактор журнала „Weltwirtsch. Archiv", дает следующее наиболее новое определение: «Мировое хозяйство — это совокупность взаимных, регулируемых по преимуществу международным правом сношений между отдельными хозяйствами земного шара. Эти сношения многообразны, но центр тяжести их лежит в международном товарообмене»[1]).

По этому определению национальное хозяйство—все, мировое же—лишь придаток, лишь сношения, да притом еще регулируемые... правом (в эпоху более откровенного чем когда-либо господства империалистического бронированного кулака!).

Эту буржуазно-национальную точку зрения еще резче оттеняет Цепфль в своих определениях мирового хозяйства: 1) «Совокупность хозяйственных отношений между национальными хозяйствами», 2) «Совокупность хозяйственной деятельности за пределами государственных границ и развитых этим путем хозяйственных отношений между национальными хозяйствами» [2]).

---

[1]) Проф. Бернгард Гармс. „Кризис мирового хозяйства" 1923. Стр. 9.

[2]) Zoepfl. Weltwirtschaftliche Forschung. 1915. Стр. 5.

Такой подход к исследованию, подчиняя мировое хозяйство национальному, а не наоборот, в результате должен был дать безнадежную путаницу, а не выяснение тенденций развития мирового хозяйства.

Между тем, уже в 1878 г. Нейман-Спалларт видел в мировом хозяйстве «высший, охватывающий все культурные государства организм», а национальным хозяйствам уделял лишь подчиненное место, функцию членов, органов «непреодолимой силы»—мирового хозяйства [1]). Определение, не переваримое для национально настроенного буржуазного экономиста, и, напр., Кальвер, цитирующий определение Нейман-Спалларта, тут же скатывается к преобладанию национального хозяйства, расплывается в рассуждениях о мировой торговле (Welthandel) и хозяйстве мирового рынка (Weltmarktwirtschaft), отодвигая вопрос о мировом хозяйстве (Weltwirtschaft) в даль будущего.

Лишь в русских коммунистических работах, прежде всего у тов. Бухарина [2]), проводится интернациональная точка зрения на мировое хозяйство, как на «реально существующее единство», а на национальные хозяйства, как на «части гораздо более крупной сферы, мирового хозяйства».

Нравится это национально настроенным буржуазным экономистам или нет, но развитие мирового хозяйства определяет судьбу национальных хозяйств, а не наоборот. Национальные хозяйства — следствия этой «непреодолимой силы», которая проявляет себя не только в обмене товарами, людьми и капиталами, но и военной силой, игравшей и играющей более глубокую роль, чем это может показаться на первый взгляд. Хозяйственные судьбы Индии определяются не обменом, а господством английского бронированного кулака. Таможенная политика Китая и других «независимых» государств диктуется броненосцами империалистических держав. Русско-германский таможенный договор эпохи русско-японской войны был прежде всего результатом Мукдена и Цусимы. В буржуазном мировом хозяйстве в стихийном процессе развития одни национальные органы сталкиваются с другими, поднимаются, опускаются, становятся объектами разрушения; и хотя процесс происходит стихийно, часто помимо сознания его участников,

[1]) Kalwer. Einführung in die Weltwirtschaft. 1906. Стр. 1.

[2]) Бухарин. Экономика переходного периода. Стр. 9. Мировое хозяйство и империализм. Стр. 5.

он развивается по вполне определенным законам, «непреодолимым» для отдельного национального хозяйства.

Задача исследователя заключается в выяснении этих законов, в возможном уточнении их определения, чтобы затем с их помощью разобраться в сложной обстановке мировой хозяйственной жизни, все более кристаллизующейся в единое гигантское предприятие (Riesenbetrieb) [2]).

Мировое хозяйство — это громадный общечеловеческий производственный организм, с ускоряющейся быстротой пробегающий стадии своей кристаллизации, стремительно выковывающий технически-единый мировой материальный базис и над ним единую мировую систему работающих людей.

И к изучению этого организма, этого мирового гигантского предприятия (Riesenbetrieb), так же как и к изучению национального хозяйства, надо подходить с производства, а не обмена, представляющего фактор вторичного порядка. Производительные силы, точка, где человечество, как целое, соприкасается с природой,—система орудий и предметов труда, система работающих людей—как результат системы орудий и предметов труда,—вот откуда надо начинать работу по изучению мирового хозяйства и его законов.

Силовой аппарат мира.

Природные условия представляют основу, на которой вырастает система орудий труда. Роль этой основы огромна и в известных пределах непреодолима. Полярные пустыни—красноречивые свидетели. Но роль эта непостоянна, изменчива. Значение того или иного природного фактора может меняться в огромной степени, от нуля до бесконечности, в зависимости от уровня техники. Роль каменного угля в эпоху до паровых машин можно приравнять нулю, теперь она огромна и стремительно возрастает в своем значении. Море до судоходства было величайшим разделителем. С усовершенствованием судоходства оно затмило сухопутное движение. Теперь, с распространением и усовершенствованием жел. дорог, оно постепенно теряет свою гегемонию, в дальнейшем ему предстоит, повидимому, опять оказаться разделителем.

[1]) См. Otto Neurath. Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft. 1919. 222 стр.

Лишь точно установив уровень техники данного времени, можно определить значение того или иного естественного фактора, количественные колебания его значения.

Наиболее универсальным и притом поддающимся числовому определению показателем состояния техники является силовой аппарат мира, число механических л. с., применяемых человечеством. Оно выражает размеры всей системы машинного аппарата, так как двигатель—неотделимая часть вполне развитой машины, т.-е., технического единства из двигателя, передаточного механизма и раб. машины. Величина же машинного аппарата в свою очередь определяет степень вытеснения ручного труда машинным, процесс роста постоянного капитала по сравнению с переменным, процесс концентрации производства, рост городского населения за счет деревенского и т. д.

Более или менее приблизительные подсчеты силового аппарата мира имеются за 1840—1911 г. в трудах Мэлголла и Зайцева [1]). По этим подсчетам число л. с. было равно в:

1840	1.650 т.	1880	34.150 т.
1850	3.990 »	1888	50.150 »
1860	9.380 »	1896	66.100 »
1870	18.460 »	1911	200.000 »

Современную мощность силового аппарата мира, принимая во внимание колоссальный рост числа автомобилей в С. Шт. (до 12.000.000 автомобилей), а отчасти и в других государствах, можно определить приблизительно в 500 милл. л. с., отметив при этом резко увеличившуюся мощность двигателей внутр. сгорания, работающих на нефти и ее производных (бензин, газолин).

Прежде всего бросается в глаза колоссально быстрый рост аппарата: за 60 лет (1850—1911) он увеличился в 50 раз! В начале 20-го столетия один год давал приращение в 9 милл. л. с., т.-е., столько, сколько было в 1860 г., через 80—90 лет после начала промышленной революции в Англии. Последнее десятилетие пережило (в огромной степени в Соед. Штатах) еще больший размах, пока не подытоженный, но дававший в приблизительных цифрах по 20—25 мил. л. с. в год.

Уже в начале 90-х годов, т.-е., приблизительно тридцать лет тому назад, силовой аппарат развивал энергию—в Европе

[1]) Mulhall. The dictionary of Statistics. Стр. 807. Saitzew. Die Motorenstatistik. 1918 г. Стр. 50.

равную энергии, которую могли развивать люди и рабочий скот, а в С. Штатах—даже большую.

	Миллионы тонно-футов.		
	Люди.	Лошади.	Пар. машин.
Европа	31.550	115.360	146.580
Соед. Шт.	6.400	54.600	67.760 [1])

С того времени аппарат вырос в несколько раз. Теперь можно утверждать, что механ. энергия далеко превышает энергию работающих людей и рабочего скота всего мира.

А так как благодаря непрекращающемуся совершенствованию механич. двигателей их энергия уже 30 лет тому назад в среднем обходилась в 20—40 раз дешевле энергии человека и в 2—3 раза дешевле энергии лошади [2]), а теперь разница значительно больше и все увеличивается, то в будущем надо ожидать дальнейшего все ускоряющегося распространения механ. двигателей. За счетом сотнями миллионов последует счет миллиардами л. с.! И человек, как физич. сила, и помогающие ему животные быстро вытесняются, «морально снашиваются». За промышленностью и большим транспортом машина быстро охватывает местный транспорт и земледелие. Теперь, напр., и Каутский и Баллод выставляют требование, чтобы в сельском хозяйстве не было рабочего скота [3]).

Но машины также пьют и едят. Стремительный рост силового аппарата ставит на сцену вопрос о топливе: очевидно, что быстро должны возрастать добыча и расход топлива. Это и наблюдается в действительности.

	Лош. силы.	Добыча кам. угля.
1850.	3.990 т.	82,6 милл. тон [4])
1911.	200.000 „	1.165,6 „ „
Увеличение в 50 раз		в 14 раз

Рост добычи камен. угля весьма стремителен, но в несколько раз отстает от роста силового аппарата. Здесь сказывается и улучшение паровых двигателей (возрастание процента полезного использования топлива), и появление нефти рядом

[1]) Mulhall. Industries and wealth of nations. 1896. Стр. 378.

[2]) Там же, из сопоставления данных на стр. 172 и 180.

[3]) Kautsky. Die Sozialisierung der Landwirtschaft. Стр. 47. Баллод. Государство будущего. Стр. 68.

[4]) Данные о добыче угля — Бухарин. Мировое хозяйство и империализм. Стр. 21.

с углем, и более медленный рост потребления угля для домашнего отопления. В общем же возрастание добычи каменного угля нельзя не назвать громадным (в среднем 5% в год).

Топливный баланс мира.

Запасы каменного угля исчисляются в настоящее время в 7.338 миллиардов тонн. Если бы потребление его остановилось на достигнутом уровне и не увеличивалось, их хватило бы на 6.000 лет. При возрастании добычи на 5% в год их хватит на 117 лет [1]). При условии, конечно, что будут использованы все запасы, даже лежащие на глубине до 2 верст и в столь тонких пластах, что разработка их представляет огромные трудности, а следовательно—повышенный расход труда. До полного истощения запасов даже при 5% возрастании сравнительно далеко—к этому времени техника может сказать веское новое слово. Но увеличение стоимости кам. угля уже в ближайшее время может оказаться очень серьезным. В Европе за последние десятилетия наблюдается систематическое понижение ежегодной добычи углекопа и рост цен на уголь.

Рост силового аппарата упирается в довольно внушительную преграду и ставит вопрос о способах ее преодоления. Прежде всего мысль обращается к нефти и ее использованию.

Нефть во многих отношениях более ценный вид топлива, чем кам. уголь.

Теплопроизводительность.

(Из килограмма больших калорий).

Нефть	10.000.
Средне-Донецкий уголь	7.000.
Торф (сухой)	3.400.
Сухие 3-арш. дрова	3.150.
Подмосковный бурый уголь	3.000
Сырые ¾-арш. дрова	1.900
Уидорский сланец	1.410 [2]).

[1]) Радциг. Новейшие течения в развитии тепловых двигателей. 1923. Стр. 3.

[2]) Степанов. Электрификация Р. С. Ф. С. Р. Стр. 392.

Теплопроизводительность нефти в среднем в полтора раза выше, чем у кам. угля, добывается нефть легче и дешевле (камен. уголь не может, например, давать сюрпризов в виде фонтанов в сотни тысяч пудов), нагрузка, разгрузка нефти, подача ее в топку гораздо легче механизируются и вообще требуют меньше усилий, чем кам. уголь.

Нефть—это сверх-топливо, лучший дар природы для силового аппарата. Но подавляя камен. уголь качественно, она по количеству страшно отстает от него.

Мировые запасы угля и нефти исчисляются так:

Угля.	Нефти.
7.338 млр. т.	6—7 млр. тонн [1]).

Запасы угля в тысячу раз больше запасов нефти. Если учесть различие в теплопроизводительности (1 т. нефти=1½ т. кам. угля) и тогда запасы энергии в угле в 700 раз больше.

Конечно, все эти цифры нельзя считать окончательными. Земля пока еще далеко не достаточно исследована. Возможны новые и даже весьма существенные открытия нефти. Но возможны такие же открытия и по отношению к каменному углю. Во всяком случае разница в запасах обоих видов топлива настолько огромна, что изменения в будущих подсчетах не затронут основного факта: количественного преобладания угля во много сотен раз.

Если взять расход угля и нефти в 1920 г.—1300 м. т. угля и 90 м. т. нефти, то при такой норме потребления—угля хватит на 6000 лет, а нефти на 70 лет.

Если бы при питании силового аппарата уголь целиком заменить нефтью, т.-е., вместо 1.300 м. тонн угля взять 1.300 : 1½ = 866 м. тонн нефти, весь расход нефти в 1920 г. составил бы 866+90=956 м. т. нефти. Запасов нефти хватило бы на 7—8 лет, немного больше, немного меньше. Без каменного угля силовой аппарат мира через какой-нибудь десяток лет оказался бы на положении святого Антония.

Но силовой аппарат мира стремительно растет и будет расти. Расход угля до войны ежегодно увеличивался на 5%, расход же нефти обнаруживает еще большую склонность к

[1]) Для запасов угля наиболее полная сводка у Фалькнера. Угольный вопрос в мировом хозяйстве. „Вестник Н. К. В. Т.“. 1921, № 2—3, стр. 61. Для нефти—Statistical outline of the economic situation of the United States. Стр. 35.

росту. Появление огромной массы двигателей внутреннего сгорания (автомобили, тракторы, моторы для воздухоплавания, дизели в речном и морском флоте) и замена угля нефтью при паровых машинах военного и торгового флота дали за последние 10 лет, на ряду с приостановкой в росте добычи кам. угля, более чем удвоение добычи нефти. Обстоятельство вполне естественное в виду высоких топливных свойств нефти,—люди с жадностью бросаются на лучший вид топлива. Но это лишь ускоряет процесс ее истощения, стремительно приближает момент ухода этого дорогого и полезного гостя из мирового хозяйства.

Перевод силового аппарата целиком на нефть явно невозможен. Перевод значительной части его на нефть, как это отчасти наблюдается теперь (в 1920 г. нефть покрывала приблизительно десятую часть потребностей силового аппарата), сразу же обострил бы до крайности нефтяной вопрос. И в скором времени можно ожидать либо отказа от широкого применения двигателей внутр. сгорания (электрификация автомобилей, тракторов и т. д.), либо питания их жидким топливом, добываемым из... каменного угля. И то и другое до некоторой степени наблюдается уже и теперь. Таким образом, развертывающаяся сейчас ожесточенная борьба за нефть является в сущности лишь прологом, прелюдией к более грандиозной борьбе за каменный уголь.

Поднялся интерес к торфу. Но даже сухой торф в два раза менее теплопроизводителен, чем средний камен. уголь (3.400 калорий на килограмм против 7.000). Притом он крайне рассыпен по сравнению с концентрированным расположением камен. угля. Добыча его дороже, перевозка затруднительнее (нужно охватить новыми—хотя бы и легкими—железными дорогами огромные пространства) и пользы от него в два раза меньше. Со временем, когда уголь будет в значительной степени исчерпан, а техника не укажет более благоприятного выхода, торф—как свидетельство топливной бедности—получит мировое значение. Но до этого еще далеко, да и техническая мощь человечества велика и быстро растет. Словом, по всем данным, торфу предстоит скромная местная роль. К этому выводу приходит в конце-концов и тов. Степанов, склонный ожидать от торфа более благоприятных результатов. Он говорит о «революционном сдвиге в географическом размещении производства» в направлении к углю, о «планомерной пере-

движке на север или на юг, туда, где громадные залежи угля расположены по соседству с столь же мощными залежами железной руды» и т. д. [1]). Торф—костыль для безъугольного инвалида до тех пор, пока производство может опираться на каменный уголь.

Еще меньше приходится возлагать надежд на дрова. Правда, русская промышленность и русские железные дороги прибегали и прибегают к этому источнику. Так в 1913 году, одни лишь наши паровозы потребовали 8,25 милл. тонн каменного угля, 1,55 милл. тонн нефти и мазута и 1,71 милл. тонн дров [2]), но это опять-таки результат бедности топливом. Теплопроизводительность сухих дров (3.150 калорий на килограмм) и сырых (1.900 кал.) в 2—4 раза меньше теплопроизводительности среднего угля. В мировом масштабе вопрос о лесах получает совершенно иное направление. Леса быстро исчезают (производство древесной массы для бумаги, строительный лес и т. д.). В Соед. Штатах уже теперь потребление леса в 4—5 и больше раз превышает естественный прирост. Ввоз бумаги и материала для бумаги растет, доходит до 2 с лишним миллионов тонн в год (главным образом, из Канады) [3]). Сообразно с этим быстро растут цены на лесной материал. По общему мнению осведомленных лиц, уже к середине столетия цены достигнут уровня, недоступного для массового употребления дерева [4]). Лесной материал, за исключением отрезков и отбросов, быстро уходит из топливной сферы.

Есть еще претендент, недавно мечтавший вытеснить все другие источники энергии—сила падающей воды. Подсчеты этой силы колеблются широко—от 200 милл. лош. сил до 1.500 милл. лош. сил. По новейшим данным, водяная энергия, максимум могла бы дать 1.500 милл. лош. сил, при среднем уровне воды 650—700 милл. лош. сил, при низшем уровне—450 милл. [5]). Эта энергия раскидана по всему земному

---

[1]) Степанов. Электрификация Р. С. Ф. С. Р. Стр. 176, 175.

[2]) Радциг. Новейшие течения в развитии тепловых двигателей. 1923. Стр. 40.

[3]) Statistical outline of the economic situation of the U. St. N. Jork. 1921. Стр. 27—29.

[4]) Wolf. Nahrungsspielraum und Menschenzahl. 1917. Стр. 18.

[5]) Для 200 м. Manchester Guard. Commercial. Annal Review. 1921. Стр. 143. 1500—450 м. из Zeitschrift V. D. J. 1923. Номер от 28 апр. Стр. 451.

шару (средний уровень): Азия—235 милл. лош. сил, Африка—160 милл., Сев. Америка—100 милл., Ю. Америка—95, Европа—52, Астралия—9 милл.

Не вся эта энергия может быть экономически использована. Даровая энергия требует колоссальных сооружений. Нередко местные условия поднимают расход на сооружения до такой высоты, что даровая энергия оказывается чрезвычайно дорогой. Значительная часть водных сил разбросана мелкими порциями, совершенно не способными итти в сравнение по величине с современными мощными паровыми установками в сотни тысяч лош. сил.

Против чрезмерной переоценки водных сил решительно выступил такой знаток электротехники, как Вернер Сименс, как это видно из записки, составленной им в последние годы жизни. «Чем меньше сила, подлежащая передаче, тем большую роль играют расходы на оборудование и электрическую передачу. При использовании водяных сил не следует предаваться слишком большим иллюзиям, всегда ведущим к неудачам и тем замедляющим действительный прогресс» [1].

Рост использования водной энергии, несомненно, очень стремителен за последние десятилетия и играет огромную роль в отдельных странах (Норвегия, Канада, Швейцария), но в системе силового аппарата мира занимает очень скромное место. В настоящее время общая мощность находящихся в действии и строющихся водяных установок доходит приблизительно до 30 милл. лош. сил [2], т.-е., составляет около 6% мощности всего силового аппарата. Весьма вероятно, что на ряду с стремительным ростом силового аппарата будет расти—и даже несколько быстрее—и его водная часть. Возможно, что ее значение постепенно поднимется с 6% до 10 и даже несколько больше. Но не исключена перспектива относительного замедления этого роста в связи с появлением гигантов парового мира с 60—90.000 лош. сил в одной машине, с минимальными расходами по сооружению и уходу на 1 лош. силу, особенно при соединении силового и теплового использования установок, повышающего коэффициент полезного действия топлива до 60—70 и даже 84% [3].

---

[1] Matschoss (Herausgeber). Werner Siemens. Стр. 103—4.
[2] Zeitschrift V. D. J. 28 апр. 1923. Стр. 451.
[3] Ратциг. Новейшие течения в развитии тепловых двигателей. Стр. 115—136.

Таковы результаты опыта последних двух десятилетий. Водяная сила, несомненно, очень полезный элемент в силовом балансе мира, но ей суждено играть лишь третьестепенную роль в предстоящем колоссальном развитии производственных сил человечества с миллиардными массами лош. сил.

На современном топливном небе ярко горит колоссальная звезда каменного угля. В пятнадцать раз слабее горит звезда водяной энергии и в десять раз слабее нефть. Звезда нефти быстро разгорается. Жадно протягиваются руки к этому аристократу топливного мира, сверхтопливу. Возможно, что в ближайшие десятилетия яркость ее увеличится, дойдет до седьмой, даже пятой части яркости каменного угля. Тем быстрее и стремительнее будет процесс потухания. На нефти нельзя строить мирового производства.

Таким образом, при дальнейшем росте силового аппарата роль каменного угля будет возрастать в огромной степени. За последние сто лет он из нулевого фактора превратился в властелина мира. В ближайшие десятилетия тирания его вырастет во много раз. Его воля будет железным законом мирового хозяйства.

В 1865 году Стэнли Джевонс писал в своей замечательной книге по каменноугольному вопросу:

«Уголь по справедливости стоит не рядом, а целиком над всеми другими предметами потребления. Это—материальный источник энергии страны, универсальный помощник во всем, что мы делаем. Без него мы были бы отброшены в трудолюбивую бедность ранних времен. Прогресс знания и усовершенствование хозяйственной деятельности будут стремиться к усилению гегемонии пара и угля» [1].

Прошло 60 лет с момента, когда были написаны эти слова. За это время значение угля выросло в чудовищной степени. Но это лишь тень того, что предстоит человечеству пережить под все более обостряющейся тиранией каменного угля, пока техника не откроет новых путей.

Влияние угля на жизнь человечества будет скачками расти, а так как стремительность хозяйственных процессов с каждым годом ускоряется, эти скачки получат колоссальный размах, превратятся в мировые революционные сдвиги огромного напряжения.

---

[1] Bone. Coal and its scientific uses. 1918. Стр. 1.

Сырьевая система мира.

За каменным углем по универсальности своего значения следует железная руда. Если каменный уголь дает силовому, а следовательно, и всему машинному аппарату энергию, то железная руда доставляет материал, из которого строится этот аппарат. Ясно, что с ростом силового аппарата должна возрастать добыча железной руды. И действительно, если добыча угля за 60 лет (1850—1911) выросла в 14 раз, то добыча железной руды в 13 раз.

Но есть и большая разница: количество добываемой руды в 7—8 раз меньше добываемого каменного угля. Во-вторых, каменный уголь при потреблении исчезает без следа, железо же и сталь по использовании остаются в виде лома, и запасы этого лома возрастают в такой степени, что в увеличивающихся размерах заменяют руду, при чем современная техника достигает часто лучших результатов с ломом, чем с рудой. Так, на одном паровозостроительном заводе Германии для отливки паровозных цилиндров к расплавленной массе прибавляли до 30% особого дорогого сорта английского железа. Вместо этого потом стали прибавлять о т б р о с ы, более дешевые, чем самый дешевый чугун, и достигали большей крепости, чем было установлено заказом (28 клг. на кв. миллм. вместо 18—24 клг. [1]). В общем в Германии только за 1908—1912 г.г. доля лома в совокупной выплавке поднялась в одних случаях с 18,5 на 23,1%, в других—с 20,5 до 27,4% [2]). В дальнейшем ожидается еще более интенсивное использование лома; полагают, что в течение 50 лет эта доля поднимется до 60% [3]).

Экель в своей книге «Уголь, железо и война» идет еще дальше. Указав, что с каждым годом уменьшается часть переработанного железа, погибающая от ржавчины, кораблекрушений и т. д., он продолжает: «Очевидно, должно наступить время, когда запасы на руках [лом] будут достаточны для всех надобностей, при условии лишь сравнительно небольших добавлений и пополнений. Это может быть принято, как несомненное дело будущего» [4]).

[1]) Zeitschrift V. D. J. 1922, 4 февраля. Стр. 101.
[2]) Gemeinschaftliche Darstellung des Eisenhüttenwesens. 1915 г. Стр. 31.
[3]) W o l f. Nahrungsspielraum und Menschenzahl. 1917 г. Стр. 17.
[4]) E c k e l. Coal, iron and war. Стр. 310—311.

Если добавить, что дополнением к железу являются и другие металлы, напр., медь и особенно аллюминий, то вопрос о запасах железной руды представится не столь острым, как по отношению к каменному углю. К тому же и запасы эти обследованы в гораздо меньшей степени, чем запасы каменного угля, особенно в Азии, Африке и Австралии. В общем, однако, по новейшим данным, кроме «готовых к добыче» 35 миллиардов тонн, насчитывается до 100 миллиардов «предполагаемых» запасов, всего около 135 миллиардов [1]), т.-е., почти в 60 раз м е н ь ш е, чем запасы каменного угля, при теперешнем расходе руды лишь в 7—8 р а з меньшем, чем расход каменного угля. Следовательно, здесь процесс истощения идет быстрее, приходится пользоваться рудой ухудшающегося качества. Так, в северных районах С. Штатов содержание железа в используемых рудах ежегодно в среднем уменьшается на ½%, что создает тенденцию в сторону повышения стоимости железа и усиленного использования лома. Словом, с развитием и ростом машинного аппарата, гонка за железом будет расти, но все же далеко не в такой степени, как за каменным углем, особенно в ближайшие десятилетия, сравнительно обеспеченные железом. Вместе с тем надо отметить, что железная руда не вызывает таких географических сдвигов, как каменный уголь. При выработке железа и стали на тонну руды расходуется до 3 тонн угля, так что руда идет к углю, а не уголь к руде. К тому же и стоимость руды выше, что позволяет ей гораздо легче, чем уголь, переносить дальние перевозки. В 1907 году стоимость добытых в мире каменного угля и руды оценивалась так:

Каменного угля	8.400 милл. мар.
Руды	2.900 » [2]).

Так как руды добывается в 7—8 раз меньше, то средняя мировая цена руды приблизительно в 2½ раза выше каменного угля. Количество перевозимой руды меньше. В результате металлургическая промышленность развивается не в странах, богатых рудой, а в странах, богатых каменным углем. Швеция и Испания вывозят руду, но почти совсем не обрабатывают ее дома.

[1]) E c k e l. Coal, iron and war. Стр. 137. С у х о в. Эконом. география Англии. Стр. 4—5.
[2]) Wörterbuch der Volkswirtschaft. 1911. 1 Band. Стр. 424.

С ростом машинного аппарата значение запасов железной руды быстро возрастает, но идет на значительном, все увеличивающемся расстоянии от каменного угля.

Другие металлы и по количеству и по производственному значению далеко отстают от железной руды.

Волокнистые, кожевенные и прочие сырьевые материалы, не имеющие и тени универсализма каменного угля и железной руды, направляются в сферу производства средств потребления, спрос на них растет медленнее. С развитием индустрии и культурных потребностей давление «сырьевого голода» усиливается, но громадные пространства неиспользованных свободных земель, опираясь на усовершенствование и удешевление путей сообщения, держат в известных пределах это давление, делая его величиной небольшой и отстающей, по сравнению с каменным углем и железной рудой.

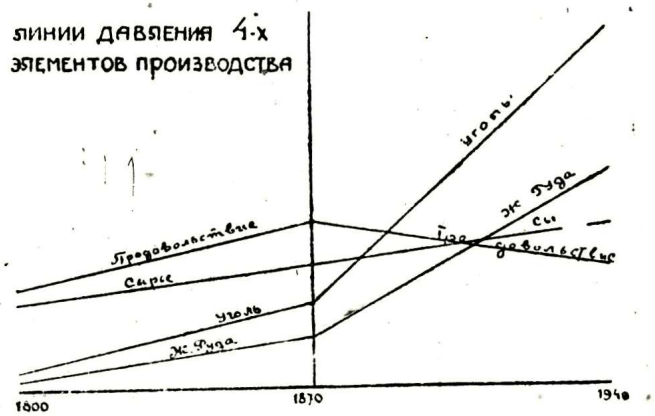
Наконец, что касается продуктов питания, то аграрный кризис 1870—1890 годов и мировое падение цен на хлеб в последние годы свидетельствуют об ослаблении давления этого фактора. Индустриализация земледелия, вытеснение машинами рабочего скота, потребляющего около одной трети всех зерновых продуктов и около половины всего сена [1]), значительно увеличивать питательные ресурсы человечества.

А так как этот разряд потребностей может возрастать лишь в сравнительно ограниченной степени, то в ближайшие десятилетия следует ожидать излишков, а не недостатка. Земля далеко еще не использована даже для экстенсивного земледелия. Интенсификация в мировом масштабе делает первые шаги.

Сопоставляя относительное влияние этих четырех элементов—каменного угля, железной руды, сырья и продовольствия, можно развитие их взаимоотношений и степеней их давления на мировое хозяйство изобразить такой диаграммой: (см. чертеж № 1 на стр. 19).

До развития в широких размерах машинного хозяйства, главную роль играли продовольствие и сырье, уголь и железная руда только начинали развивать свое давление. С 70-х годов, с резким поворотом в сторону машинного производства, относительное значение сырья, особенно же продовольствия (аграрный кризис), резко упало, при чем сырье опередило продовольственную линию. Роль железной руды и тем более каменного угля резко и круто возрастает. Чрезвычайно круто движение линии каменного угля. За сто лет из элемента, почти равного нулю, она превратилась в главную ось, вокруг которой с увеличивающейся силой и быстротой вращается машинизирующееся мировое хозяйство. По всем данным, в предстоящие 50 лет черный самодержец с особой властностью будет формировать мировое хозяйство по образу своему и подобию.

[1]) Баллод. Государство будущего. Стр. 68.



Чертеж № 1.

Стремясь поднять свои производительные силы, развить и во много раз увеличить машинный аппарат, человечество с умноженной энергией и быстротой будет бросаться в районы каменноугольных запасов, стараясь в первую голову использовать наиболее богатые из них. Люди—дети машины, а машина—дитя каменного угля. И если в последние 50 лет можно проследить могучие сдвиги в сторону каменного угля, то в ближайшие десятилетия эти сдвиги превратятся в ураганные движения мирового характера.

Основная тенденция машинного мирового хозяйства.

По мере вытеснения двигательного и формообразующего труда человека и двигательной энергии животных вполне развитой машиной, по мере роста машинного автоматизирующегося производства, роста постоянного капитала за счет пере-

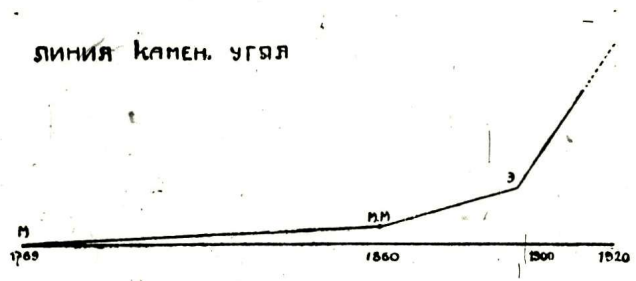
менного (*C* за счет *V*) и повышения органического состава капитала, по мере вытекающей из этой машинной основы концентрации производства и приближения к переходу от капиталистического способа производства к коммунистическому, мировое хозяйство все в большей степени попадает в зависимость от каменного угля. Каменный уголь выдвигается как основная сила, центральная ось, главное богатство в хозяйственной жизни человечества. Мировые очаги хозяйства все более сосредоточиваются в районах, богатых каменным углем. Роль местностей, бедных каменным углем, ускоряющимся темпом падает. Это наблюдается в развитии отдельных районов той или другой страны, в развитии отдельных государств в той или иной части света, в относительном развитии отдельных материков. И чем шире и быстрее развивается машинное производство, тем круче и стремительнее должны происходить и происходят эти сдвиги.

В коммунистический период мирового хозяйства, когда *C* вырастет еще больше, а *V* особенно резко сократится, значение каменного угля, как оси мирового хозяйства, увеличится в грандиозной степени. Сдвиги из стихийных превратятся, конечно, в планомерные, метод их проявления будет совершенно иной, но стремительность еще более возрастет. Тов. Степанов говорит в своей «Электрификации Р. С. Ф. С. Р.» о нерациональности возобновления и развития центров нашей промышленности на старых местах, вдали от источников топлива (Донбас), о переброске ее к этим источникам [1]). То же, но уже в грандиозном мировом масштабе, придется проделать мировому Госплану, поскольку это раньше не будет проделано иными методами—стихийным развитием буржуазного мирового хозяйства.

Пока новые успехи техники не откроют иных, достаточно широких и дешевых источников энергии, каменный уголь будет лежать в основе всех расчетов мирового строительства. Другие элементы (железная руда, сырье, продовольствие) могут либо усиливать давление каменноугольной линии, либо ослаблять его, но ослаблять в незначительной, уменьшающейся степени, чем дальше, тем больше отступая на задний план.

[1]) Степанов. Электрификация Р. С. Ф. С. Р. Стр. 170-1, 175-6.

Подъем каменноугольной линии графически можно представить так:



Чертеж № 2.

Лош. силы:

0	9.380 т.	66.100 т.	200.000 т.
(1769)	(1860)	(1896)	(1911)

1769 — первый патент Уатта.

1855—66—полный переход к машинному производству машин.

1891 — передача электрической энергии на 175 километров (франкфуртская выставка).

До промышленной революции в Англии значение угля было равно нулю. Другие факторы определяли ход развития мирового хозяйства, передвижения его центров, выдвигание одних, захирение, а то и разрушение других. Решающую роль играли мировые торговые пути: до мореходства—исключительно сухопутные (Вавилония, Ассирия, история Киево-Новгородской Руси и даже Московской России была отголоском этих влияний), с развитием мореходства—сперва средиземноморские пути (Финикия, Венеция), затем океанские (Англия).

Рост машинного производства и связанный с ним ускоренный рост населения в Западной Европе выдвинули значение сырья и продовольствия. Это значение возрастало до 70-х годов, когда—аграрный кризис—роль продовольствия стала уменьшаться.

Развитие железнодорожного транспорта, раскрывшего материки для усиленной хозяйственной жизни, на ряду с ростом машинного аппарата вообще, ускорило поднятие каменноугольной линии. Железнодорожный транспорт получает воз-

растающее значение в силовом аппарате мира. В 1911 году 200 милл. лош. сил распределялись так:

производство	75 м. л. с.
железнодорожный транспорт . . .	100 м. л. с.
водный транспорт	25 м. л. с. [1]).

Тем самым уголь подчинил себе и транспорт. В странах, бедных углем, и транспорт, прежде всего железнодорожный, не может быть дешевым.

«Фактором, часто оставляемым без внимания,—пишет Экель,—но имеющим огромное индустриальное и социальное значение, является помощь, которую дешевый уголь оказывает развитию транспорта в пределах самой производящей страны» [2]).

Железнодорожный силовой аппарат требует огромных количеств каменного угля—необходимость привозить топливо издали или пользоваться малоценным топливом (например, дровами на севере России) ведет к вздорожанию железнодорожных тарифов.

В результате не уголь следует указаниям транспорта, а транспорт развивается лучше всего там, где имеется дешевый уголь. Раньше говорили: торговля следует за флагом (морской транспорт), теперь надо говорить: торговля следует за топливом. Японский экономист Шотаро Коджима делает большую ошибку, признавая, что Япония не может стать мировой индустриальной державой, но в то же время предрекая ей большую коммерческую будущность [3]). С машинизацией транспорта и индустриальная и коммерческая роль на Дальнем Востоке—удел Китая, а не Японии.

Эпоха машинного капитализма и в этом отношении в корне отличается от всех предыдущих эпох. Выгодное морское положение так же теряет свое преобладание, как и другие влияния. Если Япония б е з у г о л ь н о й б а з ы осуждена на экономическое прозябание, то Англия с сравнительно ограниченной и притом относительно ухудшающейся угольной базой осуждена на упадок. Это—вывод из основной тенденции ма-

[1]) S a i t z e w. Motorenstatistik. 1918. Стр. 50.
[2]) E c k e l. Coal, iron and war. Стр. 101.
[3]) Prof. Shotaro Kojima (Kyoto). The influence of the great war upon japanese national economy. Weltwirtsch. Arch. 1922. 1 апр. Стр. 53.

шинного мирового хозяйства, входящий в действительность с железной необходимостью.

Без угля нет силового аппарата. Без силового аппарата нет индустрии, транспорта, торговли, даже земледелия (нового, индустриализированного). Это положение становится тем более решающим, чем больше разница в стоимости человеческой или живой энергии по сравнению с механической. Экономическая сущность революционного сдвига, произведенного Уаттом, заключалась в том, что до него «огневая машина» Ньюкомена давала энергию, которая обходилась д о р о ж е, чем человеческая, Уатт же стал доставлять ее д е ш е в л е человеческой. Человек превращает в двигательную энергию 20% поглощаемой пищи, «огневая машина» Ньюкомена—превращала 1/3% каменного угля, т.-е. в 60 раз меньшую часть. Пища же человека стоит в среднем в 30 раз дороже такого же количества каменного угля [1]). В итоге, человек мог давать энергию в 2 раза дешевле. Паровая машина Уатта повысила процент используемой энергии каменного угля до 1—2%, т.-е., в 3—6 раз по сравнению с «огневой машиной» Ньюкомена. Тем самым механическая энергия стала в 1½—3 раза д е ш е в л е человеческой. С тех пор разница в пользу механической энергии увеличилась во много раз. В начале 90-х годов, по подсчетам Мэлхолла, энергия человека была в 20—40 раз дороже механической [2]). Это—в среднем. В лучших установках разница уже тогда была гораздо больше.

Для нашего времени эта разница громадна.

В 1916 г. Меллендорф, столп германского планового хозяйства, определяет эту разницу так:

«Машина дает ту же механическую работу за п ф е н н и г и, какую в наиболее благоприятном случае человек может продать за то же число м а р о к. Если же сравнить расходы на энергию в современном крупном предприятии, то мускулу за то же напряжение приходится платить в д е с я т к и т ы с я ч р а з б о л ь ш е, чем паровому котлу» [3]).

В с т о раз—в д е с я т к и тысяч раз больше!

За последние годы разница опять увеличилась. И теперь слова Стэнли Джевонса о роли каменного угля и о «трудолю-

[1]) Р у б и н ш т е й н. Современный капитализм и организация труда. 1923 г. Стр. 17.
[2]) Mulhall. Industries and wealth of nations. 1896 г. Стр. 378—380.
[3]) M o e l l e n d o r f. Deutsche Gemeinwirtschaft. Berlin. 1916 г. Стр. 37.

бивой бедности ранних времен», не пользовавшихся углем, должны звучать в сотни раз сильнее, чем 60 лет тому назад. Только машинное производство и транспорт могут быть дешевыми. Отсюда колоссально быстрый рост силового аппарата и значения каменного угля.

Но уголь бросает свет не только на будущее. Без него нельзя понять развития мирового хозяйства и в ближайшем прошлом, хотя влияние угля тем слабее, чем больше мы проникаемся назад.

В статье «Сила и экономика в образовании Германской империи» Энгельс объясняет тяготение крупной промышленной и торговой буржуазии Германии к объединению «отечества» желанием устранить провинциальные помехи,—«которые не давали капиталистам возможности в достаточном количестве перебрасывать имеющуюся в их распоряжении рабочую силу в т е п у н к т ы, где руда, у г о л ь, водяная сила и другие благоприятные естественные условия давали предпосылки для устройства промышленных предприятий» [1]).

Статья касалась времени, когда каменный уголь только выходил на сцену и скромно стоял рядом с другими факторами—рудой, даже водяной силой. С тех пор роль его все время росла и сказалась вполне рельефно в передвижениях населения Германской империи. За все время с 1871 по 1910 г.г. все население Германии увеличилось на 58,1%, население же Вестфалии выросло на 132,4%, а в Рейнской провинции—на 99,0%. Лишь Берлин и портовые города дали еще большее возрастание [2]). Так сказалась каменноугольная мощь Рура.

И в России, как только промышленность стала машинизироваться, наметилась тяга ее к каменному углю. За 16 лет (с 1875—8 по 1892) число лошадиных сил в русской промышленности увеличилось с 114,987 л. с. до 345,209, т.-е., в т р и р а з а. В это же время число л. с. в промышленности Петроковской губернии (Домбровский каменноугольный бассейн) увеличилось в 11.6 раза, а в Екатеринославской (Донбасс) — в 10.9 раз.

«Эти выросшие столь быстро индустриальные центры,—пишет тов. Ленин,—п е р е д в и н у л и с ь с п о с л е д н и х н а п е р в ы е м е с т а и о т т е с н и л и с т а р ы е п р о м ы ш л е н н ы е ц е н т р ы» [3]).

[1]) Фр. Энгельс. Сила и экономика в образовании Германской империи. 1923 г. Стр. 12.

[2]) Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich. 1921-22 г. Стр. 5.

[3]) Ленин. Развитие капитализма в России. 1923 г. Стр. 355-6.

Такие передвижения с оттеснением старых центров наблюдались и внутри государств, и в масштабе отдельных частей света (Германия по сравнению с Англий), и в общемировом масштабе (подъем Соед. Штатов и относительный упадок Европы). Но понятно, что при более скромных размерах машинного аппарата эти передвижения и оттеснения были и менее глубоки и менее стремительны. Тем стремительнее и революционнее стали они теперь, круто ломая хозяйственную жизнь всего мира.

Каменноугольная картина мира.

Эпоха, в которую вступает мировое хозяйство, будет в обостренной и обостряющейся степени дышать и жить каменным углем. Ясно, что те члены мирового хозяйства, которые бедны каменным углем, осуждены на стремительный и резкий упадок, относительный, а то и абсолютный. Центры промышленной жизни должны быстро сдвигаться в сторону запасов каменного угля, размеры этих центров должны все в большей степени с о о т в е т с т в о в а т ь в е л и ч и н е з а п а с о в.

Использование запасов каменного угля ведет к углублению шахт, к необходимости разрабатывать все более тонкие пласты, работать при более высокой температуре, затрачивать больше капитала и труда на то же количество выработки. В Германии еще в 1876 году 45% каменного угля получалось на поверхности земли, в 1898—уже только 16,5%, накануне войны этот процент свелся к н у л ю. Самая глубокая шахта в 1858 г. доходила до 300 метров, в 1886—уже до 624 м., в 1906—до 850, накануне войны—до 1000 м. Это в Германии. В Англии в 1910 году добрались до 1.061 м., в Бельгии—до 1.250 м. [1]).

Нахимсон указывает дальше, что в Дортмунде (Германия) в 1887 году на каждые 1.000 тонн годовой выработки приходилось иметь силовой аппарат в 6,27 л. с., а в 1911—уже в 13,19 л. с.,— в д в а р а з а б о л ь ш е. В 50-х годах оборудование каменноугольного предприятия стоило столько тысяч марок, сколько перед войной м и л л и о н о в. Наоборот, в Америке уголь добывается б о л ь ш е ю ч а с т ь ю на поверхности земли. К началу XX века на оборудование предприятия в Америке—даже при американском пристрастии к машинам—требовалось

[1]) Nachimson. Die Weltwirtschaft vor und nach dem Kriege. B. I. 1922 г. стр. 52.

около 1 миллиона марок против 20 миллионов в Германии [1]). По отношению к Англии Баллод отмечает другое знаменательное обстоятельство. «В Англии в новейшее время стали разрабатывать угольные залежи под поверхностью моря, преимущественно на побережьях Уэльса, но также и в Нортумберланде. Конечно, уже произошел один раз прорыв морской воды в шахту» [2]).

Чем меньше запасы каменного угля, тем быстрее приходится продвигаться в глубь земли. Но самое расположение запасов может быть более или менее удобным. В Северной Америке и Китае огромные каменноугольные залежи расположены на значительно меньшей глубине. В Китае превосходнейший антрацит прямо выпирает на поверхность земли. Наоборот, в Европе пласты лежат гораздо глубже. Так, в Руре главная масса угля лежит на глубине, превышающей 1.200 метр. [3]).

Результат—чем относительно меньше запасы угля, чем хуже они расположены и чем интенсивнее их разработка, тем быстрее падение продуктивности труда, тем меньше прогресс техники в состоянии задержать или ослабить это падение. Наоборот, при очень больших и хорошо расположенных запасах, при значительно менее интенсивной их разработке прогресс техники не только задерживает падение продуктивности труда, но, наоборот, дает даже повышение выработки на одного человека.

Первое явление (падение продуктивности) мы наблюдаем в Европе, второе (повышение продуктивности)—в Соед. Штатах. В год на одного углекопа добыча в тоннах равнялась:

	Англия.	Германия.	Франция.	С. Штаты.
1886 — 1890	310	272	209	400
1906 — 1910	275	249	191	596 [4]).

Здесь определенная картина нарушенного и все более нарушаемого равновесия. Либо Европа живет не по средствам, либо С. Штаты еще далеко не развернули своего производства соответственно каменноугольной базе.

Необходимо поближе присмотреться к размещению запасов каменного угля, за разницей качественной (более близкое к поверхности расположение пластов в С. Штатах и

[1]) Там же. Стр. 54—55.
[2]) Ballod. Grundriss der Statistik. 1913 г. Стр. 180—181.
[3]) Ballod. Там же. Стр. 160.
[4]) Levinski. Die wirtschaftliche Entwicklung der letzten zwanzig Jahren. Zeitschr. für die gesamte Staatswiss. 1917/18. III. Heft. Стр. 333.

Китае по сравнению с Европой и большая мощность этих пластов) [1]) сравнить и разницу количественную.

7.338 миллиардов тонн каменного угля на земном шаре располагаются так:

С. Шт.	3.838 млр. тон.	Индия.	79 млр. тон.
Канада	1.235 „ „	Евр. Россия	60 „ „
Китай.	996 „ „	Южн. Африка	56 „ „
Германия до 1918	423 „ „	Франция.	17 „ „
Сибирь	400 „ „	Бельгия.	11 „ „
Англия.	189 „ „	Испания	8 „ „
Австралия.	170 „ „	Япония.	8 „ „ [2])

Цифры эти, конечно, не окончательные. Вероятны новые открытия, особенно в малоисследованных странах, но основные соотношения выражены слишком резко и едва ли в существенном изменятся. В общем главные каменноугольные центры можно в круглых цифрах определить так:

С. Штаты	ок.	4.000	мрд. тонн.
Канада	»	1.250	» »
Китай	»	1.000	» »
Зап. Европа	»	750	» »
Россия	»	500	» »

Наиболее важно, конечно, соотношение каменноугольных богатств С. Штатов и Зап. Европы.

1896 год.

	Зап. Европа.	Соед. Штаты.
К.-уг. запасы	750 мрд. т.	4.000 мрд. т.
Сил. аппарат	37 м. л. с.	18 м. л. с.
На 1 милл. лош. сил.	20 мрд. т.	222 мрд. т.

К концу XX века Европа приблизительно в одиннадцать раз интенсивнее использовывала свои запасы, чем Соед. Штаты.

[1]) Экель идет еще дальше. Он совершенно выбрасывает из подсчетов бурые угли, как малоценные. Но градации угля по качествам установить точно трудно. К тому же эти угли в общем расположены ближе к поверхности земли, что облегчает и удешевляет их добычу. Итоги получаются у него почти те же, лишь с резким подчеркиванием кам.-уг. богатств Китая. См. Eckel—Coal, iron and war. Стр. 108—114.
[2]) Фалькнер. Угольный вопрос в мировом хозяйстве. Вестник НКВТ. 1921 г. № 2—3. Стр. 61.

Такое же соотношение получается, если сопоставить запасы с добычей каменного угля.

1897 год.

	Зап. Европа.	Соед. Штаты.
К.-уг. запасы	750 мрд. т.	4.000 мрд. т.
Добыча каменного угля ок. .	416 „ „ ок.	182 „ „[1]
На 1 милл. тонн добычи. . .	1¾ мрд. т.	22 мрд. т.

По величине добычи Зап. Европа даже **больше, чем в одиннадцать раз**, превышала Соед. Штаты по интенсивности разработки запасов.

Отсюда падение производительности европейского углекопа и повышение производительности американского. Отсюда же в 2—3 раза **более низкий** уровень цен на каменный уголь в Соед. Штатах по сравнению с Западной Европой. Так, метрич. тонна каменного угля в среднем на месте добычи стоила (в золотых марках):

	Англия.	Германия.	Франция.	Соед. Штаты.
1913 — 4	10,97	12,00	16,61	5,46
1923 (июль)	20,83	13,38	20.29	7.31[2]

При этом в течение ряда десятилетий в Европе наблюдается тенденция к **повышению** цен на каменный уголь, в Соед. Штатах—к понижению[3].

Столь резкое нарушение равновесия не могло пройти бесследно. Добыча каменного угля развивалась в Соед. Штатах гораздо быстрее, чем в Европе.

	Зап. Европа.	Соед. Штаты.
1897	416 м. т.	182 м. т.
1912	642 м. т.	500 м. т.
1920	575 м. т.	585 м. т.

В 1920 году Соед. Штаты добыли больше каменного угля, чем Западная Европа, но по интенсивности использования запасов Европа все еще в **пять раз** превышает Соед. Штаты.

Равновесие все еще не восстановлено — более быстрый бег Соед. Штатов будет продолжаться до тех пор, пока их добыча превысит западно-европейскую **по крайней мере в пять раз**, даже оставляя в стороне преимущество Соед. Штатов в

[1] **Фалькнер.** Там же. Стр. 57.
[2] Wirtschaft und Statistik. 1923. № 19. Стр. 608.
[3] **Bone.** Coal and its scient. uses. 1918 г. Стр. 6.

менее глубоком расположении пластов и большей их толщине, что значительно облегчает разработку. Лишь тогда равновесие будет восстановлено, но тогда Зап. Европа окажется индустриальным карликом по сравнению с Соед. Штатами со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такой ход развития с железной необходимостью вытекает из основной тенденции машинного мирового хозяйства, хотя в капиталистической оболочке он равносилен полному разгрому европейского хозяйства.

Приравняв единице цифру запасов каменного угля в 1.000 миллиардов тонн, получим такую картину распределения каменного угля на земной шаре (главные угольные базы):

С. Штаты.	Канада.	Китай.	Зап. Европа.	Россия.
4	1¼	1	¾	½

Соединив их в более крупные районы, получим:

Сев. Америка.	Китай-Сибирь.	Зап. Европа.
5¼	1½	¾

Подавляюще главным центром мирового хозяйства должен стать северо-американский (Соед. Шт. + Канада). При условии равновесия в использовании каменноугольных запасов здесь должны быть расположены ⅔ мирового силового аппарата. Вторым по величине центром должен стать **китайско-сибирский**, на долю которого падает пятая часть силового аппарата мира. Здесь особенно возможны открытия значительных дополнительных запасов, но нет оснований ожидать слишком большого сдвига в соотношениях. Зап. Европа занимает последнее место—1/10 силового аппарата мира,—доля, далеко не соответствующая положению не только в 1896 году (тогда Зап. Европа располагала 37 м. л. с. из 66 м. л. с. мирового аппарата), но и теперь.

Давление каменноугольной линии в китайско-сибирском центре должно будет преодолеть ряд препятствий, какие совершенно отсутствуют в северо-американском: в Китае и исторического и экономического характера (напр., отсутствие значительной жел.-дор. сети), в Сибири—экономического характера (необходимость огромной ж.-д. сети и громадного сдвига населения России в сторону Кузбаса и Иркутска). Потребуются огромные капиталы, которых Зап. Европа при теперешнем своем разброде дать не в состоянии, а Соед. Штаты, поглощен-

ные колоссальной задачей развития своего центра, едва ли будут склонны дать. По отношению к Китаю американский капитал, вероятнее всего, проявит стремление задержать развитие крупного конкурента, а не ставить его на ноги. Стремительность сдвига с тем большей силой направится в сторону Соед. Штатов.

Таким образом, если исходить из велений каменного угля, то в ближайшие десятилетия надо ожидать ускоренного роста северо-американского центра, возможности которого (считая Соед. Штаты с Канадой) в семь раз превышают возможность Зап. Европы. Вместо старой системы мирового хозяйства, когда вокруг Европы с $^1/_3$ мирового производства вращались остальные стороны с $^2/_3$ производства, т.-е., когда подавляющего производственного преобладания у Европы все же не было, нарастает новый центр с данными для сконцентрирования в своих руках до $^2/_3$ мирового силового аппарата и значительно большей, чем половина, части мирового производства. Остальные страны явятся лишь придатками к этому колоссальному сверх-центру, в котором воплотится территориальная концентрация мирового производства, идущая рядом с концентрацией технической и организационной и этой последней обусловленная.

Такова воля черного гегемона машинного мира.

Каменный уголь и железная руда.

Давление каменного угля огромно и быстро возрастает, но это—только одна из величин, направляющих развитие мирового хозяйства. Необходимо учесть давление целого ряда других величин, хотя и значительно меньших, но способных или усилить давление главной величины, или—пусть в небольшой степени—ослабить ее.

Прежде всего — железная руда, дающая основной строительный материал для машинного аппарата.

И общий размер запасов железной руды и распределение ее по земному шару меньше исследованы. Это вносит некоторую задержку в процесс уточнения линий развития мирового хозяйства, допуская выводы лишь в более общих очертаниях.

35 миллиардов тонн «готовых к добыче» запасов железной руды, о которых говорит Экель [1]), распределяются так:

Северная Америка	15 мрд. тонн.
Южная Америка.	8 » »
Европа	12 » »

Приблизительно две трети запасов приходятся на долю Америки—не только Северной, но и Южной (Бразилия). Лишь одна треть падает на долю Европы. Это отношение (2 : 1) более благоприятно для Европы, чем в сфере каменноугольных запасов (7 : 1). Но все же Америка располагает в два раза большей «готовой к добыче» железорудной базой, чем Европа.

Возьмем распределение по отдельным странам [2]):

Америка:	Бразилия	7.500	м. т.
	С. Штаты	6.350	„ „
	Нью-Фаундленд.	3 635	„ „
	Куба.	3.100	„ „
Европа:	Франция.	5.318	„ „
	Англия	1.015	„ „
	Швеция	749	„ „
	Германия.	725	„ „
	Испания	678	„ „
	Россия	629	„ „
Азия:	Индия	400	„ „
	Китай	400	„ „

В Америке главная масса железной руды сосредоточена в С. Штатах и около них (Нью-Фаундленд, Куба). Затем идут запасы Бразилии, совершенно бедной каменным углем. Основное правило—руда идет к каменному углю. В Европе: Испания и Швеция, бедные каменным углем, не могли развить собственной металлургической промышленности, а вывозят руду в Англию, Германию и Бельгию. То же с Алжиром, некоторыми островами Греции. Таким образом, запасы руды в Бразилии являются резервом для северо-американского металлургического центра.

[1]) Eckel. Coal, iron and war. Стр. 137.
[2]) Сухов. Экономическая география Англии. 1923 г. Стр. 4—5.

Почти половина железных рудных богатств Европы сконцентрирована во Франции (5318 м. т.). Англия (1015 м. т.), Швеция (749), Германия (725) и Испания (678) идут далеко сзади. Россия (629) до выяснения результатов курской аномалии остается под вопросом. Франко-германский район (рурский уголь в Германии, эльзас-лотарингская железная руда) представляет значительные удобства в отношении близости железной руды к каменному углю,—в Соед. Штатах руде приходится проходить большие расстояния (чаще всего по линии озер) навстречу каменному углю. Таким образом, при условии устранения политических и национальных препятствий, Рейн мог бы продолжать развивать свою металлургию, опираясь, правда, как и раньше, и на привозимые из Испании и Швеции руды. Мог бы, но все же лишь до известной, ограниченной степени, так как, по сравнению с американской, каменноугольная база Рура—крошечная дробь, притом запрятанная в землю слишком глубоко.

Что касается китайско-русского центра, то к «готовым» запасам России в 629 м. т. присоединяются всего 400 м. т. Китая. Цифры небольшие, отчасти результат слабого изучения железо-рудных богатств этих двух стран.

В общем, «готовые к добыче» жел.-рудные запасы вносят поправку к запасам каменного угля, но поправка эта сводится почти на-нет, так называемыми, «предполагаемыми» запасами.

Предполагаемые запасы:

Соед. Штаты	70.000 м. т.
Куба	12.000 »
Англия	4.635 »
Франция	4.090 »
Германия	2.851 »
Швеция	1.239 »
Россия	958 » [1]).

Предполагаемые запасы Соед. Штатов и Кубы в 5—6 раз больше таких же запасов Европы.

В общем, по тем данным, которые уже зафиксированы исследованиями, железо-рудные богатства северо-американ-

[1]) Сухов. Экономическая география Англии. Стр. 4—5.

ского центра позволят ему развить металлургию в несколько раз большую, чем в Европе, не говоря уже о том, что руда идет к углю, а не наоборот.

Давление жел.-рудной линии в общем и целом скорее усиливает, а не ослабляет линию каменного угля, особенно в ближайшие десятилетия, пока металлургия Соед. Штатов не разовьется до отношения 3 : 1 и 4 : 1, по сравнению с Европой (теперь 1½ : 1).

Словом, жел.-рудные отношения благоприятствуют быстрому росту северо-американского центра и не благоприятны для китайско-русского центра. Европе же до некоторой степени предрекают судьбу Испании и Швеции—вывоз части ее рудных богатств в Америку и восточную Азию, хотя и в более отдаленное время.

Сырье и продовольствие.

Сопоставим пространство и население С. Штатов с населением Зап. Европы (Европа без довоенной России и Балканского полуострова):

Зап. Европа 4.700 т. кв. кил. 315 м. жителей.
Соед. Штаты. 7.652 „ „ „ 110 „ „
(без Аляски)

Плотность населения:

Зап. Европа 67 чел. на кв. кил.
Соед. Штаты 14 „ „ „ „

Если бы население всей Зап. Европы переселить в Соед. Штаты, там образовался бы человеческий массив в 425 милл., с плотностью в 55 чел. на кв. кил., равной плотности современной Румынии, вывозящей сел.-хоз. продукты, и в полтора раза меньшей, чем в Австро-Венгрии и Франции, странах полуаграрных, сводивших перед войной свой сельско-хозяйственный баланс почти без минуса.

Но Канада—экономический придаток Соед. Штатов, все более срастающийся с ними. Если учесть только половину Канады (южную), то получится еще более яркое положение:

Зап. Европа . . . 4.700 т. кв. кил. 315 м. жителей.
С. Шт.+Канада.
(юж. половина) . . 12.500 т. кв. кил. 119 м. жителей.

При переселении населения Зап. Европы в Сев. Америку там получилась бы плотность населения в 34 чел. на кв. версту,—гораздо меньше, чем на Балканском полуострове.

Это колоссальное пространство, далеко еще не использованное по сравнению с Европой, значительно сдвинуто к югу: по широте расположения Соед. Штаты покрывают Средиземное море, северную часть Африки и южные полуострова Европы. Кроме продуктов умеренной зоны, это пространство может давать и продукты полутропических стран (хлопок), чего Европа лишена.

Таким образом, для стремительного роста гигантского индустриального центра и с этой стороны препятствий нет. Население может возрастать очень быстро в течение ряда десятилетий, не натыкаясь на сырьевые и продовольственные затруднения. Индустриализация земледелия, заменяющая живых двигателей железными, привела уже к приостановке роста, а с 1914 года к уменьшению числа лошадей на фермах Соед. Штатов (из городов лошади в значительной степени уже раньше вытеснены).

Число лошадей на фермах.

1910	19.833.000
1914	20.962.000
1920	20.785.000 [1]).

Уходит потребитель, пожиравший почти треть сельско-хозяйственных продуктов, открывается дополнительный простор для производства сырья и продовольствия.

Но американский индустриальный центр развивается в условиях иных, чем Европа. Опираясь на дешевизну каменного угля, он развивает свою работу при большей степени машинизации, чем Европа,—для тех же размеров производства нуждается в меньшем числе людей.

В индустрии на 100 рабочих приходилось лош. сил:

Германия (1907)	75
Англия (1911)	152
Соед. Шт. (1914)	328 [2]).

Американский рабочий работает с машинным аппаратом в 4 раза большим, чем германский, в 2 раза большим, чем

[1]) Stat Abstract of the U. St. 1921. Стр. 799.
[2]) Saitzew. Motorenstatistik. Стр. 238.

английский. В итоге, с населением в три раза меньшим, чем в Западной Европе, Соед. Штаты дают цифру производства бо́льшую. Производство нового индустриального центра растет быстрее, чем его население.

1860 г.	31 милл. жит.	7.460 м. руб.
1914 г.	100 » »	72.500 » » [1]).
увеличение в 3 раза.		в 10 раз.

Индустриализация земледелия, развернувшаяся за последнее десятилетие, еще более уменьшает потребность в росте населения. За 1910—20 г.г., при громадном росте американского сел.-хоз. производства, число работающих в земледелии сократилось с 12.659 т. до 10.951 т., т.-е., больше чем на 13% [2]). Если в 1860—1914 годах удесятерение производства потребовало утроенного населения, то в ближайшие десятилетия новое удесятерение производства потребует увеличения населения, может быть, всего в полтора раза.

Уголь в с.-х. сфере позже, но тем стремительнее начинает проявлять свою силу. Силовой аппарат в земледелии в Соед. Штатах насчитывает уже десятки миллионов лош. сил и развернется в сотни миллионов. За нефтью (временный гость) наступит работа исключительно каменного угля. Новое индустриализированное земледелие станет концентрироваться, главным образом, там, куда направляется и городская индустрия. Разница между стоимостью мускульной энергии человека, а также рабочего скота, и механической энергии уже теперь огромна и все увеличивается. Только индустриализированное земледелие способно давать дешевое сырье и дешевое продовольствие.

В итоге, по территориальной мощности, Сев. Америка по крайней мере в три раза лучше поставлена, чем Зап. Европа, при населении меньшем в два с половиной раза. И при этом производительность земледелия при прочих равных условиях должна стать еще выше, чем даже теперь, когда она далеко опережает парцельную Зап. Европу. Нарастающая американская интенсификация земледелия, во много раз энергичнее, чем Зап. Европа, использующая машину, этой разницы не уменьшит, а увеличит. Словом, и продовольственно-сырье-

[1]) Нац. доход—Journal of the Royal statist. Society. July. 1919 Стр. 462.
[2]) Ежегодник Коминтерна. 1923. Стр. 828.

вая база Сев. Америки в семь—восемь раз шире зап.-европейской. Опираясь на нее, новый центр сумеет, конечно, не хуже Зап. Европы использовать земной шар для пополнения своих продовольственно-сырьевых ресурсов.

Положение китайско-сибирского центра значительно благоприятнее западно-европейского, но уступает северо-американскому. Здесь еще впереди оборудование густой сети жел. и шоссейных дорог. Бездорожье замедляет рост производства сырья и продовольствия. В южных районах центра колоссальные массы китайского населения, сбивающие заработную плату до минимума, чрезмерно велики для современного индустриализированного земледелия и в силу этого оказывают огромное сопротивление распространению машины. Эмиграционного клапана здесь нет—мир либо уже заселен, либо заблокирован (Соед. Штаты, Канада, Австралия) от проникновения туда желтой расы. Сибирская часть центра—в несравненно более благоприятном положении (нужно, однако, учитывать суровость климата) и быстрее двинется вперед, чем китайская.

Зап. Европу индустриализация земледелия ставит в тяжелое положение. Парцеллярный, опирающийся на ручной труд и рабочий скот, крестьянин должен уступить место механической лош. силе. Но это—коренная ломка земледелия с необходимостью переброски значительной части крестьянства за океан, поскольку это возможно. С другой стороны, должна усилиться степень эксплоатации и истощения каменноугольных залежей. Производство хлеба и сырья останется более дорогим, чем в Соед. Штатах и Канаде.

Таким образом, и с этой стороны веления каменноугольной линии встречают не ограничение, а поддержку. Это должно повести к еще большему ускорению сдвига по направлению к северо-американскому центру, придать этому сдвигу революционный по стремительности характер.

Основной смысл процесса.

Капитализм, все больше заменяя работающего человека машинным аппаратом, на ряду с концентрацией технической (рост размеров отдельных предприятий, стягивание целых отраслей промышленности в высшее производственное единство, срацивание хозяйств целых областей и даже государств размеров западно-европейского типа в единую машину [1]),—электрификация) влечет за собой и концентрацию территориальную, как в отдельных странах, так и в мировом масштабе. На известной ступени развития эти концентрационные движения превращаются в централизационные [2]). Хлопчато-бумажная промышленность Англии, концентрируясь в Ланкашире, разрушила (централизация) ростки этой промышленности в других районах.

Такой же процесс территориальной концентрации наблюдается в мировом масштабе. В силу целого ряда естественных условий (прежде всего и главнее всего, расположение залежей каменного угля), мировое производство концентрируется с универсальностью, стремительностью и в размерах до сих пор невиданных. Соед. Штаты, страна наиболее концентрированного технически производства, стягивает главную массу мирового производства и территориально. Этот процесс ярко проявился уже во второй половине XIX века. Он вначале не вызывал тревоги, пока имел характер концентрационный, а не централизационный. Аграрный кризис 70—90 годов дал, однако, уже пример перехода от концентрации к централизации. Значительная часть английского земледелия была убита. Германия и Франция спасли свое земледелие таможенными стенами, ценой искусственного повышения стоимости продовольствия и сырья.

Быстрая индустриализация Соед. Штатов сопровождалась быстрым ростом их индустриального вывоза. За время с 1891—95 по 1913 год индустриальный вывоз (фабрикаты) из Англии удвоился, из Германии утроился, из Соед. Штатов—ушестерился [3]). Европу спасло лишь то, что подавляющую часть энергии американской обрабатывающей промышленности поглощал внутренний рынок. Крики тревоги, раздавшиеся в Европе в конце XIX века и начале XX века, оказались вследствие этого преждевременными. Быстро растущий вывоз американских фабрикатов не получил размеров, соответствующих мощности американской промышленности.

Но мощность эта возрастала с быстротой урагана. Характерна таблица, составленная Мэлхоллом еще в 1896 году и

---

[1]) См. мою статью „Материальный базис коммунистического общества“ в 4 книге „Вестника Соц. Ак.“.

[2]) Маркс. Капитал. Том 1. Стр. 642—3.

[3]) Hermberg. Kampf um den Weltmarkt. 1920 г. Стр. 4—5.

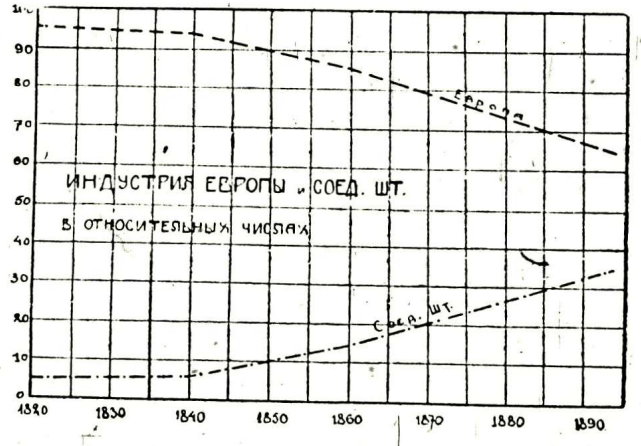
скромно, без особых комментариев цитируемая Богартом в его «Экономической истории Соед. Штатов» [1]).

Стоимость фабрично-заводского производства (manufactures) в Соед. Шт. и др. государствах в милл. долларов:

	1820	1840	1860	1894
Англия	1411	1833	2808	4263
Франция	1168	1606	2092	2900
Германия	900	1484	1995	3357
Австрия	511	825	1129	1596
Др. госуд. Европы	1654	2576	3455	5236
Европа	5644	8341	11479	17352
С. Штаты	268	467	1907	9498

Поражая быстротой роста своей индустрии, Соед. Штаты все же еще в 1860 г. занимали скромное положение—за Англией, Францией, Германией. В 1894 году эти гиганты оказались уже карликами. Если выразить величину европейской и северо-американской (С. Шт.) индустрии в относительных числах, в процентах общей суммы европейской и американской (С. Шт.) индустрии, получим ряд чисел (%):

	1820	1840	1860	1894
Европа	96	95	86	65
Соед. Штаты	4	5	14	35



Чертеж № 3.

[1]) Bogart. The economic history of the U. St. 1916. Стр. 426.

Относительный подъем Соед. Штатов и относительный упадок Европы бросаются в глаза. К сожалению, нет данных для продолжения ряда за последние тридцать лет. Приходится восполнить пробел сравнением национального дохода, который, кроме индустрии, охватывает и другие виды хозяйственной деятельности. Национальный доход в 1914 году:

Англия	22.500	м. зол.	руб.
Германия	21.500	»	»
Франция	15.000	»	»
Ав.-Венгрия	11.000	»	»
Италия	8.000	»	»
Итого	78.000	»	»
Соед. Штаты	72.500	»	» [1]).

Ценностные показатели—скользкая почва, особенно при сравнении Европы с Соед. Штатами. В целом ряде европейских государств цены на сел.-хоз. продукты искусственно (тамож. пошлины) повышены по сравнению с Соед. Штатами, где стоимость и без того ниже европейской. По мере повышения тамож. пошлин на эти продукты разница все больше увеличивалась. Цены на уголь в Соед. Штатах в два-три раза ниже европейских, и т. д.

Затем, в итоги национальных доходов включены доходы от капиталов за границей и от колоний, значит, доходы непроизводственные, не отражающие какой-либо внутренней хозяйственной деятельности. Если сумму капиталов, вложенных за пределами Зап. Европы, принять в 1914 году приблизительно в 70 миллиардов золотых рублей, получим доход (почти исключительно Англии, Франции и Германии) в 3—4 мрд. руб. золотом. Доход от колоний (напр., Англии в виде жалованья, пенсий и т. д.) в общем итоге давал едва ли меньше миллиарда рублей золотом. С другой стороны, Соед. Штаты платили Европе в виде процентов по займам, переводов, пожертвований и т. д. не менее миллиарда рублей.

Если учесть все эти элементы (разница цен, доходы от вложенного за границей капитала и т. д.), то смело можно сказать, что доход Соед. Штатов от внутри-хозяйственной деятельности уже в 1914 году превышал такой же доход пяти главнейших зап.-европейских государств, т.-е. был недалек от дохода всей Западной Европы.

[1]) Journal of the Royal Statistical Society. July 1919 г. Стр. 491.

Буржуазные экономисты Европы, изучая мировое хозяйство с точки зрения обмена, а отчасти и по национальным побуждениям, гораздо меньше внимания уделяли производственной стороне вопроса. Таким подходом буржуазные экономисты Германии оказали медвежью услугу общественному мнению страны, легкомысленно бросившему в 1917 году вызов Соед. Штатам, производственные рессурсы которых были недостаточно оценены.

Действительно, в области мировой торговли гигант-производственник—Соед. Штаты—стояли на третьем месте, за Англией и Германией. Вызывалось это тем, что Соед. Штаты в гораздо меньшей степени, чем европейские государства, были связаны с мировым рынком. По данным Мэлхолла, ценность вывоза по отношению к национальному производству составляла:

Англия	23%	Франция	12%
Германия	13%	Соед. Штаты	6%[1])

Более новые данные, касающиеся не только вывоза, но и ввоза, отмечают при этом тенденцию не к увеличению, а к уменьшению доли внешней торговли по отношению к внутреннему производству.

Миллионы долларов.

	Домашнее производство минус ввоз.	Внешняя торговля (ввоз и вывоз)	
1900	11.700	2.200	18,8
1910	28.200	2.800	9,9
1913	32.100	3.600	11,5
1914	29.300	3.200	10,7[2])

Это сокращение—результат относительного сокращения сельско-хозяйственного вывоза Соед. Штатов в связи с индустриализацией этого государства и вследствие той же индустриализации—относительного сокращения ввоза фабрикатов. Наоборот, вывоз фабрикатов, как уже было указано, рос чрезвычайно быстро.

В общем гигант-производственник представлял собой чуть ли не карлика в мировой торговле, особенно по ввозу.

---

[1]) Исаев. Мировое хозяйство, Стр. 76.

[2]) Statistical outline of the economic situation of the U. St. 1921. Стр. 10.

Приводим таблицу, вычисленную японским экономистом, проф. Шотаро-Коджима, который, чтобы спастись от мистификации ценностных показателей военного времени, перевел абсолютные цифры внешней торговли в относительные, в доли, приравняв общий размер мировой торговли, а также общий размер ввоза или же вывоза, каждый раз тысяче (permillage).

	1913			1918		
	Ввоз.	Вывоз.	Вместе.	Ввоз.	Вывоз.	Вместе.
Англия	183	167	175	274	127	209
Германия	133	134	133	—	—	—
С. Штаты	90	122	105	129	368	237
Франция	81	72	77	186	48	124
Италия	34	26	30	134	35	89
Канада	33	21	28	41	83	60
Япония	18	17	18	35	51	43
Китай	20	16	18	30	32	31
Аргентина	20	25	22	20	40	29
Россия	32	40	36	—	—	—[1])

Из этой таблицы видно, что стоило войне вытянуть гиганта-производственника на мировой рынок, как сразу же он занял огромное место. Конечно, ввоз в Соед. Штатах остался по-прежнему скромным—у них и сырья и изделий достаточно. Зато вывоз дал изумительные результаты:

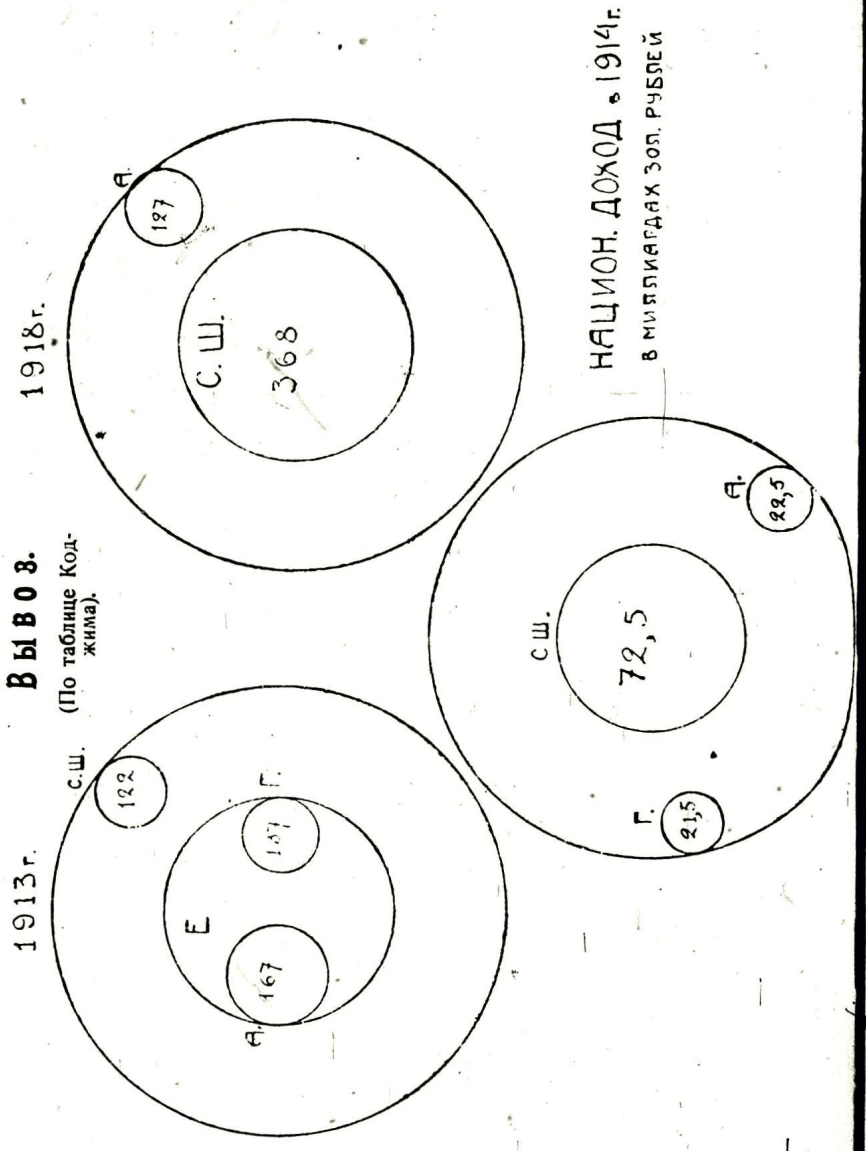
См. чертежи №№ 4, 5 и 6 на стр. 42.

По относительному размаху вывоза Соед. Штаты превзошли Англию в 1918 году в три раза. Результаты известны. Вывоз Соед. Штатов за 7 лет (1915—1921) на 40 с лишним миллиардов зол. рублей превысил ввоз, из должника (Европе до 15 млрд. рублей) они превратились в главного мирового кредитора, теперь остальной мир (главным образом. Европа) должен Соед. Штатам уже до 40 млрд. рублей [2]).

---

[1]) Prof. Shotaro Kojima. The influence of the grent war. Стр. 541.

[2]) На 1908—9 г.г. финансовые отношения С. Штатов к остальному миру определялись так: долг заграницe 6.500 м. долларов, вложено заграницей американского капитала (Куба, Мексика и т. д.)—1500 м. д. Чистая задолженность—5.000 м. долл., около 10.000 м. зол. руб. См. Friedman, International Finance and its reorganisation. N.-Jork. 1922. Стр. 295—296. К началу войны долг С. Штатов Европе Konversationslexikon Meyera определял в 15.000 м. зол. рублей. Eulenburg (Internationale Kapitalbildung nach dem Kriege. Weltw. Archiv, Juli 1923. Стр. 389)



Вывод. (По таблице Коджима).

Чертежи №№ 4, 5 и 6.

Интересна громадная стремительность концентрационного процесса в мировой торговле, скачок Соед. Штатов.

Англия в 1913 году объединяла шестую часть мирового вывоза. Соед. Штаты в 1918 году—больше трети. Концентрационный процесс в мировом производстве ярко прорвался здесь и в мировом обмене. Но он сразу же превратился здесь в централизационный, в экспроприацию одной части мировой буржуазии другой частью, более могучей в производственном отношении. Этот централизационный процесс на ряду с хозяйственными формами и одновременно с ними получил также форму военную, как и подобает в буржуазном, особенно империалистическом обществе. Наиболее жизненный и наиболее быстро развивавшийся в Европе производственный центр—Германия—удушается американским капиталом: в 1918 году американским бронированным кулаком, а за последние годы—французским, который в данном случае играет ту же роль, какую греческий кулак—неудачно—хотел сыграть по отношению к Турции. Только маленький греческий кулак служил маленькому господину—Англии, а большой бронированный французский кулак служит и большому господину—капиталу Соед. Штатов.

Территориальный отрыв *C* от *V*.

Мировое хозяйство переживает колоссальный централизационный процесс — технический и территориальный. Оно стягивается в огромный северо-американский центр, подводя человечество к положению, когда больше половины мирового производства будет приходиться на эту территорию и меньше половины на остальной мир. Это — высшая точка технически-территориальной централизации, высшая точка в развитии капитализма, оправдавшая в мировом масштабе великий прогноз Маркса о линии развития капитализма. В лице Соед. Штатов мир достигает в отношении центра-

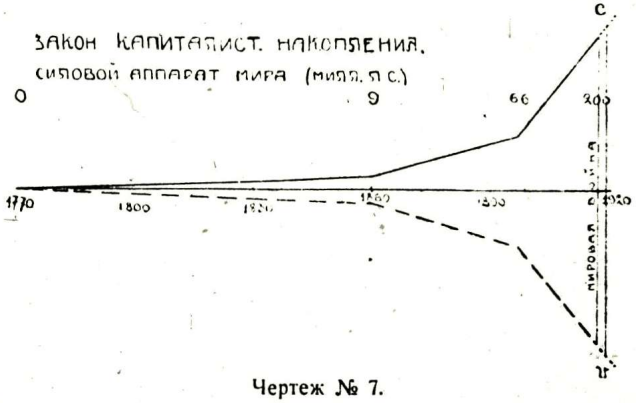
определяет задолженность Соед. Штатов заграницей в 7.000 м. долл.=около 14.000 м. зол. рублей, капитал, вложенный С. Штатами за границей, в 3.000 м. долл., чистую задолженность—в 4.000 м. долл.=8.000 м. зол. рублей. После войны, уже в 1921 г. задолженность мира Соед. Штатам доходила до 18 000 м. долл., в том числе государственные долги союзников С. Штатам 10.000 м. долларов, долги экспортеров, ценные бумаги и т. д. 8.000 м. долл., с ежедневным ростом долгов на 10 м. долл. („Эконом. Жизнь“ и др. период. издания).

лизации производства преддверия коммунизма и проделывает остающийся путь с а м е р и к а н с к о й быстротой.

Но эта централизация производства и его машинного аппарата, эта централизация мирового постоянного капитала *(C)* не сопровождается соответственной же централизацией населения земли, полуторамиллиардного мирового *V*. Чем быстрее и дальше развивается повышение органического состава капитала, тем больше *C* опережает *V*, тем больше *V* отстает от *C*, становится материалом для образования «избыточного населения». В мировом масштабе этот процесс все резче проявляется в т е р р и т о р и а л ь н о м отрыве *C* от *V*, в блокаде пауперизуемого большинства человечества, в недопущении его на территорию мировой сверх-буржуазии. На ряду с законом о концентрации и централизации производства с такой же силой и с таким же мировым размахом выполняется второй закон Маркса—а б с о л ю т н ы й в с е о б щ и й з а к о н к а п и т а л и с т и ч е с к о г о н а к о п л е н и я.

У Маркса читаем:

«Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, т е м б о л ь ш е о т н о с и т е л ь н о е п е р е н а с е л е н и е или промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной, резервной армии возрастает параллельно возрастанию сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией,



Чертеж № 7.

т е м о б ш и р н е е п о с т о я н н о е п е р е н а с е л е н и е, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда» [1]).

Когда Маркс формулировал этот абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления, Англия достигла высшей точки своего производственного могущества. Здесь с особенной жестокостью стал оказывать давление страшный закон. Ирландия, потерявшая в конце-концов половину своего населения, уже истекала кровью. Недаром Маркс так много внимания уделил этой несчастной стране.

За 60 лет картина мира изменилась, однако, д о н е у з н а в а е м о с т и. Если в 1860 году по размерам своего богатства Англия стояла выше Соед. Штатов, то теперь между ними чудовищная, быстро растущая пропасть. Уже в 1920 году в Fortn. Review Politikus писал:

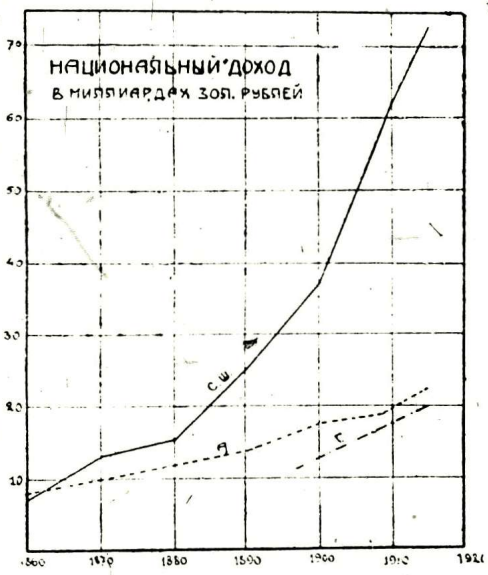
«С двойным количеством белого населения по сравнению с Англией, Соед. Штаты производят п р и б л и з и т е л ь н о в ш е с т ь р а з б о л ь ш е предметов потребления. По сравнению с Соед. Штатами Англия может превратиться во вторую Бельгию» [2]).

Крайне тяжелый кризис 1921—1922 г.г., далеко еще не законченный в Англии, задыхающейся от безработицы, и грандиозная волна подъема в 1922—23 г.г. в Соед. Штатах, несомненно еще более увеличили разницу между американским гигантом и английской «Бельгией». Стремительность развития Соед. Штатов была настолько велика в двадцатилетие перед войной (теперь эта стремительность еще больше), что даже Германию ее очень быстрый рост не спасал от о т н о с и т е л ь н о г о п а д е н и я. Приводим цифры национальных доходов этих трех стран (для Соед. Штатов и Англии в фунтах стерлингов, Германии—в золотых марках):

	Соед. Штаты.	Англия.	Германия.
1860	743	750	—
1870	1.380	1.000	—
1880	1.519	1.200	—
1890	2.482	1.450	—
1896	—	—	23,5 млрд.
1900	3.693	1.750	—
1908	—	1.900	—

[1]) Маркс. Капитал Т. I. Стр. 662-3.
[2]) Fort. R. 1920. December.

	Соед. Штаты.	Англия.	Германия.
1910	6.272	—	—
1913	—	2.100	43 млрд.
1914	7.250	2.250	—[1])

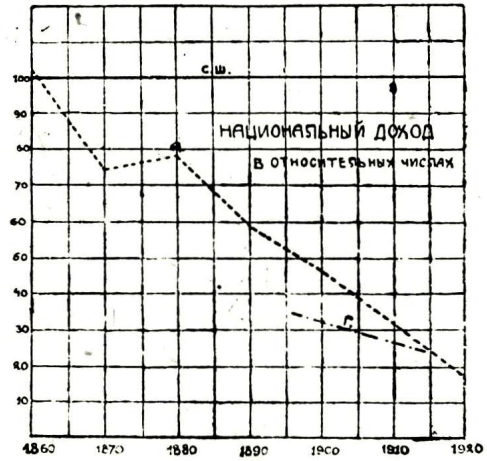


Чертеж № 8.

Диаграмма, составленная на основании этих цифр, ярко освещает сдвиг, происшедший в 1860—1914 г.г. Особенно интересен все ускоряющийся темп развития Соед. Штатов (усиливающееся давление каменноугольной линии). Вторая диаграмма производит сдвиг в относительных числах (национальный доход Соед. Штатов каждый раз приравнивается 100, а национальные доходы Англии и Германии выражаются в процентах этой суммы). Здесь поражает устойчивость относительного падения Англии. За все время наблюдается лишь один перерыв, вызванный аграрным кризисом 70—90 г.г. (падение цен на сел.-хозяйственные продукты).

[1]) Для Соед. Штатов. Journal of the Royal Stat. Society. July 1919. Стр. 462.
Для Англии. Bowley. An elementary manual of statistics. 1915. Стр. 173.
Для Германии. Helfferich. Deutschlands Volkswohlstand. 1917. Стр. 97.

Этот мировой концентрационный процесс, превратившийся в годы войны и после нее в централизационный, дал мировой размах и абсолютному всеобщему закону капиталистического накопления. Теперь по отношению к капиталу Соед. Штатов



Чертеж № 9.

весь остальной мир попадает в положение необъятной Ирландии. С той, однако, разницей, что ирландцы могли спасаться в Соед. Штаты, а теперь 1½ миллиардной массе человечества спасаться некуда. Она попадает в положение «относительно избыточного населения» [1]).

При нынешнем темпе повышения органического состава капитала Соед. Штаты могут вновь удесятерить производство уже не при утроении населения, а при увеличении его, скажем, в полтора раза, т.-е. при естественном приросте числа жителей. Падение рождаемости в Соед. Штатах сопровождается падением смертности — теперь смертность в Нью-Йорке и Чикаго упала до 11 с дробью на 1000 [2]). Иммиграция, особенно с индустриализацией земледелия, становится почти совсем излишней—двери притворяются все плотнее. Полуторамиллиардная масса человечества становится избыточной. И на этой почве вырастает жестокое явление XX века—блокада подавляющего большинства человечества

[1]) Маркс. Капитал. том. 1. Стр. 648-9.
[2]) Wirtschaft unt Statistik. 1923 г. № 8. Стр. 262—3.

меньшинством. С ростом C и с относительным уменьшением V мировая «избыточность населения» становится все более острой. Народы, отхватившие более крупные куски земли, отгораживаются от остальных. Австралия (5—6 миллионов людей на материке величиной с Европу) первая захлопнула дверь. За ней последовали Соед. Штаты и Канада. Сперва удар обрушился на цветные расы—практически на желтую, как более многочисленную. За «белой Австралией» вынырнула «белая Америка». Протесты Японии ни к чему не привели. Постепенно прихлопывалась дверь и для белых в виде повышения физических, культурных и денежных требований к иммигрантам. После войны Соед. Штаты проделали новый, более решительный шаг. По закону 3 июня 1921 года установлен численный предел для иммигрантов. Их число не должно превышать трети среднего числа за время 1905—1914 гг. Размер движения сразу срезан на две трети. Норма касается не только общего числа, но и численности иммигрантов каждой отдельной страны. Число иммигрантов из северных и западных государств Европы (Скандинавия, Германия, Англия, Голландия, Бельгия, Франция и Швейцария) равнялось в среднем 185.000 чел. в год, из восточной и южной Европы (главным образом Италии, Австро-Венгрии и России)—750.000 чел. По норме первые могут давать до 200.000 в год, вторые—155.000 [1]).

Первые могут пока что пользоваться нормальными рамками.—вторые лишь пятой частью прежнего движения. Белая раса разделяется на три часит: 1) хозяева страны, 2) стопроцентные иммигранты, 3) двадцати-процентные иммигранты. Желтая раса практически совершенно исключена. Блокада против половины населения Европы—не слова, а жестокий факт. Но и западным и северным европейцам нет оснований радоваться. Когда английская буржуазия повела кампанию за переселение безработных в Канаду и Австралию, канадские и австралийские рабочие заявили, что они и так страдают от безработицы. Указание, что переселенцы будут заниматься земледелием, их не успокоило (и в сел. хозяйстве много наемных рабочих, в том числе и горожан, особенно в связи с индустриализацией земледелия), а фермеров встревожило—и так хлеб упал в цене. Эмиграционное решение вопроса об английской

[1]) Notz. Neuere Entwickluugen in der weltwirtsch. Stellung der V. St. Weltwirtsch. Arch. 1923. Januar Heft. I Стр. 17.

безработице отпало. «Пустые» материки не принимают иммигрантов или же сильно ограничивают их число.

Рабочие «пустых» материков настаивают на обострении иммиграционных запретов, надеясь этим путем спастись от действия «абсолютного всеобщего закона капиталистического накопления», на деле же дают лишь толчек дальнейшему подъему органического состава капитала в их странах. Это втянет и их в железные тиски закона, если они не сумеют покончить с капиталистическим строем. То же проделывали и проделывают квалифицированные рабочие в Англии и др. государствах, блокируясь от необученных (ученичество, недопущение в проф. союзы и т. д.). Эти бесплодные усилия повторяются теперь в мировом масштабе, ставя полуторамиллиардное V в остальном мире в сугубо тяжелое положение. Тем более, что индустриальные центры—и взлетающий (Соед. Штаты) и падающий (Англия) мешают росту местных индустрий в Китае, Индии и т. д., хотя это осуждает на гибель десятки миллионов ремесленников и кустарей, для которых политика «открытых дверей», т.-е., свободного проникновения иностранных фабрикатов, означает лишение заработка, пауперизацию и голодную смерть. С перспективой для уцелевших от голода погибнуть от «карательных экспедиций» мирового C (форма послевоенного империализма), когда ему — в дальнейшем росте—потребуются горные и сырьевые ресурсы разоренных стран.

Беспощаден закон капиталистического накопления. По мере ускорения подъема мирового C с железной необходимостью ускоряется и падение мирового V. В тисках капитализма нет спасения от этого закона. Коммунизм или смерть!

Заключение.

Процесс централизации мирового производства, превращение его в одно гигантское предприятие развивается с ускоряющей быстротой. В силу конкретных, естественных условий (расположение залежей каменного угля) на ряду с технической централизацией развивается централизация территориальная. Мировой C стягивается в Соед. Штаты. Потребность его в V уменьшается с каждым успехом техники. Отсюда растущий территориальный — одновременно с технически-социальным—отрыв C от V.

С точки зрения материального базиса мир подходит к самым воротам коммунизма. Для огромного большинства человечества дальнейшее существование капитализма и его законов особенно опасно—капиталистическое накопление несет гибель сотням миллионов. Но это большинство—как раз вследствие отрыва *C* от *V* не переваривалось в фабричном котле, не прошло школы капитализма. Во имя самосохранения оно должно проделать скачек через капитализм. Сроков для прохождения школы уже нет. Либо скачек, либо смерть—не рабство (они не нужны сверх-капиталу), а смерть. Среди этого большинства имеется однако подготовленный кадр—европейский пролетариат, имеется и закаленный в борьбе авангард—русский рабочий. Авангард стоит наготове. Дело за европейским пролетариатом. Крушение Европы грозит ему не меньшими бедствиями, чем населению Азии. Падающая линия успела уже населить Европу трупами. В случае продления капитализма неизбежны новые катастрофы и экономические и военные. Перед европейским пролетариатом поставлена колоссальная задача—и общеевропейская, и мировая. Но приступить к ее решению он может, лишь покончив с европейской буржуазией, европейским капитализмом. Организовав Соед. Штаты Европы, а затем всего старого мира (Европы, Азии и Африки) и приступив к коммунистическому строительству, он освободит американский пролетариат от страха перед наплывом «избыточного населения» старого мира, от страха перед внешне-территориальным давлением закона капиталистического накопления и позволит ему сосредоточить внимание на внутренне-американском давлении этого закона, что равносильно обострению борьбы с его собственной сверхбуржуазией, собственным сверх-капиталом. Это ускорит процесс перехода Соед. Штатов Америки от капитализма к коммунизму.

Если же европейский пролетариат не справится с поставленной перед ним задачей, процесс капиталистической централизации мирового производства—с его проявлениями, невиданными еще по напряжению гнусности и мировому ее размаху — продолжит свое ускоряющееся развитие. И закон капиталистического накопления поведет к дальнейшему резкому падению линии V, к мировой катастрофе, небывалой в истории человечества.

Иосиф Иванов.

Г. В. Плеханов, как экономист.

Введение.

«Литературное наследство», оставленное Г. В. Плехановым, поистине громадно. Нет, кажется, такой области жизни и мысли, в которую не проникал бы универсальный ум покойного. Но во всех сферах творчества он оставался себе равным, несравненно владея методом диалектического материализма Маркса-Энгельса. Монизм мышления—это черта, свойственная Плеханову, как, быть может, ни одному из других учеников Маркса.

«Марксизм—не только известное экономическое учение (учение о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу); он—не только известная историческая теория (исторический материализм); он также не есть известное экономическое учение плюс известная экономическая теория. У Маркса экономическое учение не поставлено рядом с исторической теорией: оно насквозь пропитано ею. То, что говорится у него о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу, является плодом изучения экономики данной эпохи с точки зрения исторического материализма. Вот почему безусловно правы те, которые говорят, что «Капитал» есть не только экономическое, но также историческое сочинение. Однако, и это не все. Исторический материализм, с точки зрения которого Маркс изучал экономические отношения капиталистического общества, еще не составляет миросозерцания. Он—только часть материалистического понимания мира: материализм в его применении к области истории. Вот почему исторический материализм,—иначе: материалистическое по-

внимание истории,—предполагает материалистическое объяснение природы... Марксизм представляет собою цельное и стройное мировоззрение, и кто упускает из виду эту цельность его, как материалистического учения, имеющего своим предметом не только историю, но также и природу, тот рискует очень плохо понять даже и те отдельные стороны этого учения, которые почему-либо привлекают к себе его внимание и пользуются его признанием» [1])... (курсив всюду Плеханова).

По этому же поводу Плеханов говорит в другом месте: «Самая главная заслуга в разработке современного материализма принадлежит, без всякого сомнения: Карлу Марксу и его другу Фридриху Энгельсу. Историческая и экономическая стороны этого мировоззерцания, т.-е. так-называемый исторический материализм и тесно связанная с ним совокупность взглядов на задачи, метод и категории политической экономии и на экономическое развитие общества, в особенности же капиталистического, являются в своих основаниях почти исключительно делом Маркса и Энгельса [2])...

«Экономические взгляды Маркса были теснейшим образом связаны с его историческими взглядами. Чтобы хорошо понять «Капитал», безусловно необходимо сначала хорошо вдуматься в знаменитое предисловие к «Zur Kritik der politischen Oekonomie» [3]), которое Плеханов называет в своей статье «Бернштейн и материализм»—«пролегоменами ко всякой будущей социологии, которая могла бы выступить, как наука» [4])...

Этот монизм мировоззерцания составлял сущность всего творчества Плеханова, как достойнейшего продолжателя Маркса и Энгельса. В былое время «критики» марксизма упрекали его в ортодоксии и в рабском повторении марксовой «догмы». Не говоря уже о том, что самое название «догма» не может быть применено к методу, суть которого состоит в диалектике, совершенно ложно представление о Плеханове просто как о популяризаторе Маркса. Наоборот. В любой его работе—касающейся философии, эстетики, литературы, истории, политической экономии, социологии, партийной програм-

[1]) «От обороны к нападению». Двадцатилетие смерти Маркса, стр. 481.

[2]) «Основные вопросы марксизма». Изд. «Отпор». 1917 г., стр. 3.

[3]) Ibid., 109 стр.

[4]) «Критика наших критиков». СПБ. 1906 г., стр. 165.

мы или тактики, вы, подходя к Плеханову без предвзятости, найдете самостоятельное изыскание, лишь одухотворенное глубиной диалектического метода Маркса.

Пусть другие дадут оценку творчества Г. В. Плеханова в иных, более им близких областях. Мы ограничимся здесь разбором того, что он сделал в области теории политической экономии. Определенно и сознательно отграничиваем мы эту тему от другой, близкой и родственной—о Плеханове, как социологе. Смешение этих двух тем повело бы нас к исследованию таких его работ, как «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Социализм и политическая борьба», «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова», ряда статей в сборниках, «История русской общественной мысли», т.-е. к материалу еще более обширному, чем тот, который остался после Плеханова в области теории политической экономии в собственном смысле.

В этой сфере знания можно отметить следующие существенные моменты, на которых останавливался Плеханов: подчеркивание исторического характера экономической науки, определение ее, метод, понятия стоимости (ценности), критика теорий стоимости, «антиномия» закона трудовой стоимости и закона уравнения прибылей, прибавочная стоимость, определение понятия «капитал», земельная рента и закон убывающего плодородия почвы, теория народонаселения, теория обнищания, кризисы, критика утопических теорий Родбертуса и Чернышевского.

---

1. Исторический характер политической экономии. Определение ее. Метод.

Мы указали уже выше, что марксизм есть учение, охватывающее природу, историю и духовную жизнь. Если экономические условия лежат в основе истории, то политическая экономия насквозь исторична.

Полемизируя с «субъективистами» (Михайловским, Кареевым и К°), Г. В. Плеханов писал: «Вы признаете экономические взгляды Маркса, отрицая его историческую теорию, говорите вы. Надо сознаться, что этим сказано очень много, а именно: этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономиче-

ских взглядов. О чем говорится в первом томе «Капитала»? Там говорится, например, о стоимости. Там говорится, что стоимость есть общественное отношение производства. Согласны вы с этим? Если нет, то вы отказываетесь от своих собственных слов насчет согласия с экономической теорией Маркса. Если да, то вы признаете его историческую теорию, хотя, очевидно, не понимаете ее» [1])...

Если же в основе понимания экономических категорий лежат общественные отношения,—продолжим мы эту мысль,—являющиеся результатом развития производительных сил, то и самый комплекс понятий об экономических отношениях, т.-е. политическая экономия, не может быть ни вечной истиной, ни проистекать из «естественного права», как полагали экономисты-классики. (Кэнэ, Смит, Рикардо).

Категории политической экономии и вся теория политической экономии так же «текучи», как течет создающая ее общественная среда. Неправ был поэтому Ж. Б. Сэй, полагавший, что все теории политической экономии до Ад. Смита—сплошная ошибка, а потому их и изучать не стоит. Эти теории выражали лишь неразвитость действительности, которую они отражали, но сам Ад. Смит был бы немыслим без В. Петти и Ф. Кенэ. Подобно тому, как, по Гегелю, последняя по времени философия есть результат всех предшествовавших философий и потому должна заключать в себе принципы их всех, так и политическая экономия базируется на всех предыдущих экономических учениях. В «Критике политической экономии» Маркс объясняет существование монетарной и меркантильной систем политической экономии тем, что торговля в то время была, главным образом, внешней, а национальное производство было еще сжато в тисках феодализма, почему продукты в большей своей части не превращались в товары и вовсе еще не олицетворяли «богатства народов». Уже учение физиократов означало, что прибавочная стоимость появилась на поверхности буржуазного общества, хотя бы в виде капиталистической прибыли фермера. В «Нищете философии» Маркс называет Ад. Смита и Д. Рикардо «классиками»—представителями буржуазии, еще не успевшей закончить борьбы с остатками феодального строя, стремящейся вперед к умножению

[1]) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Изд. 2-е. стр. 183.

производительных сил. «Вся миссия таких экономистов, как Ад. Смит и Рикардо, состоит в следующем: они показывают как производится богатство при буржуазных отношениях производства, формулируют эти отношения в категории и законы и показывают, насколько совершеннее эти законы и категории удовлетворяют цели производства богатств, чем законы и категории феодального общества» [1]).

Отсюда понятно, что экономисты-классики представляли себе капитализм единственным экономическим порядком, который способен удовлетворить естественным, неискаженным требованиям человеческой природы, и считали «законы», свойственные этому порядку, естественными, вечными и непреложными законами общественного хозяйства», говорит в одной из своих работ [2]) Плеханов, приводя в подлиннике цитату из «Богатства народов» Ад. Смита, которая в переводе значит: «разделение труда есть необходимое, хотя медленно и постепенно развивающееся последствие известного, врожденного всем людям, стремления, побуждающего их к торгу, к взаимному обмену одного предмета на другой»...

Однако, действительность не замедлила показать, что мнимо-вечные «законы капиталистического хозяйства преходящи»: из среды третьего сословия выдвинулся пролетариат, идеологи которого, покидая утопическую точку зрения, приходили к убеждению в неизбежности развития капитализма в собственное свое отрицание, и рост рабочего движения недвусмысленно показывал, что блага нового режима весьма относительны. В теории политической экономии происходит новый перелом. «Появляются «романтики», «гуманитарная школа», (Сисмонди) и филантропическая школа, представители которой хотят сохранить категории, служащие выражением буржуазных отношений, но без присущего им и неразлучного с ними антагонизма. Они воображают, что серьезно сражаются против буржуазной практики, а на самом деле оказываются еще бо́льшими буржуа, чем другие»... «Чем более обнаруживается этот антагонистический характер (буржуазного общества. В. Ч.), тем в большей степени экономисты, научные представители буржуазного производства, запутываются в своих собственных теориях»...

[1]) К. Маркс. «Нищета философии». Изд. 1905 г. Одесса, стр. 85.
[2]) «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова», стр. 25.

Так говорит о после-рикардовской политической экономии К. Маркс в «Нищете философии», где он критикует «романтика» Прудона.

А вот как говорит о том же Плеханов в одной из ранних своих работ: «Захочет ли буржуазия быть руководительницей рабочего класса при исследовании отношений труда к капиталу, этого вопроса из вопросов всей общественной экономии? Она неохотно берет на себя даже эту выгодную для нее роль, потому что поднимать этот вопрос, значит уже угрожать ее господству. Да и может ли (курсив подлинника) она выполнить эту роль хотя бы так, как она выполнила ее когда-то по отношению к религии и праву? Нет. Ослепленные интересами своего класса, ее ученые представители давно уже утратили всякую способность к объективному научному исследованию общественных вопросов. В этом и заключается вся тайна современного упадка буржуазной экономии (курсив наш. Писано Плехановым в 1883 году, но еще с бо́льшим правом относится к современному состоянию теории политической экономии). Рикардо был последним экономистом, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имел достаточно ума, чтобы понять диаметральную противоположность интересов труда и капитала. Сисмонди был последним экономистом буржуа, у которого было достаточно чувства, чтобы нелицемерно оплакать этот антагонизм. После них общие (курсив Плеханова) теоретические исследования буржуазных экономистов утратили, большею частью, всякое научное значение. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить историю политической экономии со времени Рикардо и полюбоваться произведениями Бастиа, Кэри, Леруа-Болье или хотя бы современных катедер-социалистов. Из мирных и объективных мыслителей буржуазные экономисты превратились в воинствующих охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями самое здание науки» [1])... Теорией все более пренебрегают, и она превращается в апологетику того строя, внутренние изъяны которого видели уже экономисты-классики.

Прерванную нить изучения капиталистической экономии подхватил К. Маркс, очистив от противоречий и недомолвок,

[1]) «Социализм и политическая борьба». Изд. «Огни». Петроград, 1917 г., стр. 60—61.

от шлаков и мусора все, что создано было до него классиками. Вот как определяет Плеханов это значение Маркса, возражая критикам, утверждавшим, что Маркс заимствовал многое у своих предшественников: «Достаточно сравнить «Богатство народов» с «Капиталом», чтобы увидеть, какое стройное развитие получил у Маркса тот зародыш правильного взгляда на природу и происхождение прибавочной стоимости, который встречается уже у Адама Смита. А этим решается весь вопрос; в этом все дело. Дерево, без сомнения, заимствует у того семени, из которого оно выходит; но дерево отделяется от семени целым — и очень сложным — процессом развития. То же надо сказать и об отношении Маркса к учению Смита: первое несомненно «заимствовано» из второго; но первое отделяется от второго богатым процессом развития, и этим развитием наука обязана главным образом Марксу».

Если иметь в виду, что Смит сам всецело [1]) опирался на физиократов—и на Кэне в особенности,—то можно сказать, что Маркс, синтетически сливший в своем миросозерцании германскую философию, английскую промышленность и французскую революцию, органическим цементом спаял политико-экономические учения этих трех наций, дал им высшую форму в неподражаемом синтезе. Поэтому нельзя не улыбнуться филистерскому шовинизму столпа «австрийской школы» Карла Менгера, приветствующего своих немецких ученых соратников по поводу «немецкой» политической экономии и по поводу опыта «реформы основ нашей науки» на почве «работ, созданных почти исключительно немецким трудолюбием» (подчеркнуто мной) [2]).

Плеханов прекрасно уяснил себе и своим последователям историчность политической экономии и глубокую ее связанность с классовой психологией, повидимому, объективных ученых. Классическая политическая экономия соответствует «весне» буржуазии, вульгарная—ее упадку; марксистская политическая экономия есть политическая экономия рабочего класса. Но именно потому, что последний, освобождая себя, освободит общество от самого классового строя, политическая экономия Маркса есть лишь отражение внутренних законов

[1]) Предисловие Плеханова к «Теории прибавочной стоимости» Маркса, стр. VIII.

[2]) См. К. Менгер. «Основания политической экономии». Одесса, 1902 г., стр. XII.

капитализма, есть наиболее надклассовая наука. В таком именно духе писал Плеханов в ответ Бернштейну: «Возможен ли научный социализм?». «Партийная наука», строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование ученых, «проникнутых духом партий и классовым эгоизмом» (курсив подлинника), говорит он в другом месте, полемизируя с Бернштейном [1]).

Существенной заслугой Маркса было выяснение в анализе капитализма тех его тенденций, которые неизбежно ведут к его уничтожению. И как раз в этом пункте смыкалась свобода с необходимостью, и социалистическая утопия становилась научной необходимостью. По разным поводам Плеханов, с присущей ему проникновенностью, выяснил именно этот момент Марксовой «догмы», столь не понятый критиками из буржуазного и социалистического лагеря.

Процесс экономического развития закончится неизбежно устранением капиталистических отношений. Никакого иного исхода быть не может. Именно в открытии экономической необходимости грядущего социалистического преобразования и состоит главная заслуга научного социализма. Эту уверенность сторонники его черпают из анализа капитализма [2]),—вот положения, которые мы встречаем в статьях против ревизионистов и синдикалистов и в «Монистическом взгляде»...

Если, однако, классическая политическая экономия, завершенная Марксом, завоевывает себе рабочую аудиторию, что заметил уже последний из буржуазных классиков — Родбертус, то аудитория буржуазная, перефразируя Фихте, «выбирает себе такую политическую экономию, которая соответствует ее потребностям». Ибо политическая экономия — лишь «мысленное отражение своего времени»...

На место «историко-реалистической» школы, критике которой, в лице М. Мейера и Э. Лавэлэ, Плеханов посвятил еще в 1885 году большую статью (см. сборник «За двадцать лет», «Новое направление в области политической экономии»), выдвигается «австрийская школа предельной полезности», про-

[1]) «Критика наших критиков». СПБ. 1906, 149 стр.

[2]) Воля деятелей социализма — необходимое звено в этой цепи причинности,—говорит Плеханов.—Рассмотрение этой темы выводит нас за пределы статьи, в область социологии и философии марксизма.

тив которой Плеханов направил также несколько ядовитых стрел.

В связи с краеугольным камнем политической экономии—вопросом о стоимости—мы остановимся на плехановской критике этих теорий. Здесь же отметим отзыв крупнейшего органа английской буржуазии «The Times» на английский перевод Вильямом Смартом известного сочинения Бем-Баверка («этого Бастиа наших дней», как характеризует его Плеханов): «Die positive Theorie des Kapitals». Этот отзыв Плеханов приводит дважды в предисловии к монографии о Чернышевском и в ответе Бернштейну. И не даром: он в высшей степени показателен при всей своей чисто английской лаконичности. «The Times» выражает свое удовольствие по поводу того, что теперь у английского читателя есть противоядие (!) против марксистской теории эксплоатации («antidot to the exploitation theorie of the Marxist School»). Этим сочувственным отзывом лондонская газета раскрыла, можно сказать, всю тайну успеха австрийской школы. «Она нравится идеологам капиталистического порядка именно, как противоядие против теории эксплоатации», говорит Плеханов в одном месте [1]). «Буржуазный общественный порядок клонится к упадку. Параллельно с этим совершается и падение буржуазной науки. Защищая буржуазные общественные отношения, теоретики буржуазии понижаются до уровня софистов низшей пробы», пишет он о том же отзыве «Times'а» в другой статье [2]).

Мы можем указать Карлу Менгеру на это приветствие англичан «немецкому трудолюбию». Очевидно, дело тут не в расовом моменте и не в национальном, а в классовом. Когда буржуазия разрушила феодализм, француз Кэнэ и англичанин Смит бесстрашно проникали в сущность нарождающегося капитализма. Когда же капитализм стал проявлять тенденции зрелости (и перезрелости), его экономисты испугались его сущности и стали описывать лишь его поверхность.

Такова классовая сущность исторического развития политической экономии, как и идеологии вообще.

Тем понятнее та горячность, с которой нападал Г. В. Плеханов на «бывших марксистов» и разномастных социалисти-

[1]) «Чернышевский», стр. 10. СПБ., 1910 г.

[2]) Ответ Бернштейну на его брошюру: «Возможен ли научный социализм?» Одесса, 1906 г. Изд. «Буревестник», стр. 64.

ческих критиков, которые плелись в хвосте реакционных теорий политической экономии и «сочетали» Маркса законным браком то с Брентано (Струве, Бернштейн), то с Бем-Баверком (Франк, Туган-Барановский), то с Парето (Энрико Леонэ). Он решительно борется с «неомарксизмом» в политической экономии, который вытаскивал камень за камнем из мощного здания, воздвигнутого Марксом, под предлогом его ревизии справа и слева. Плеханов мастерски вскрывает единую сущность реформизма и синдикализма, одинаково исходящих из ложно понятых и толкуемых принципов марксовой политической экономии. «Реформизм, подчиняясь влиянию буржуазных теоретиков социальной реформы, преувеличивает значение вмешательства буржуазного государства в отношения между трудом и капиталом». ...«Революционный синдикализм, подчиняясь влиянию нового манчестерства и воскрешая Прудона, восстает против государства и в своем анархическом увлечении доходит до того, что местами отказывается прибегать к государственному вмешательству даже тогда, когда оно может принести рабочему классу *свою* долю пользы» [1])...

И реформизм и синдикализм—результат идейного подчинения социализма буржуазной «догме», следствие возрождения кумиров, которых низвергла политическая экономия Маркса.

Особенно клеймит Плеханов эклектиков à la Туган-Барановский, соединяющих несоединимое—Бем-Баверка с классиками. Невозможно «соединять» теории, из которых одна берет за основу «психологическую потребность, *отвлекаясь* от сущности отношений производства, другая—эти отношения производства считает именно такой основой.

Как определяет Плеханов содержание политической экономии, как науки? Исходя из определяемых Марксом существенных категорий науки, он вполне правильно говорит, что *политическая экономия есть наука о тех законах, которыми определяются отношения людей в общественном процессе производства, а эти взаимные отношения... объясняются в последнем счете состоянием производственных сил в данное время и в данном обществе».*

Это определение охватывает все категории науки, из которых каждая выступает так же, как общественное отношение,

[1]) «От обороны к нападению», стр. 319.

и в то же время в этом определении оттенен глубоко исторический характер политической экономии.

Метод Плеханова с формальной стороны тот же, что и метод «Капитала»—дедукция, он пользуется им в своих главных работах по теории политической экономии о Чернышевском и Родбертусе. Но Плеханов часто пользуется и индукцией, опираясь на статистику.

По существу его метод—метод диалектического материализма, вскрывающий prius общества в виде производительных сил в их развитии путем противоречий.

---

2. Стоимость. Критика теорий стоимости. „Антиномия" закона стоимости с законом равного уровня прибыли.

Плеханов не раз подчеркивает, что учение о стоимости есть пробный камень теории политической экономии и основа науки о законах производства. Ошибка в понимании стоимости ведет за собою всевозможные ошибки и делает невозможным понимание сущности капитала.

Поэтому, отдавая должное Родбертусу, который, опираясь на классиков, любил повторять, что «товар стоит труда и только труда», Плеханов отмечает, что Родбертус не знал понятия «общественно-необходимого труда», введенного Марксом. Отсюда проистекала главная ошибка Родбертуса, полагавшего, что закон стоимости осуществится *только* в социалистическом обществе, и полное непонимание им сущности конкуренции, благодаря которой только и действует закон стоимости в современном буржуазном обществе.

Очень высоко ставя Чернышевского, Плеханов, однако, указывает на непонимание им теории стоимости Рикардо, так как Чернышевский вслед за эклектиком Д. С. Миллем определяет стоимость то через труд, то через издержки производства + прибыль, т.-е. вводя в определение то, что надо определить. Отсюда у Чернышевского непонимание денег, капитала, ренты и пр. «Меновая стоимость,—пишет Плеханов,—выражает самое *простое отношение* (курсив его) производителей в общественном производстве. Другие отношения, как, например, капитал, выражают собою уже гораздо более *сложные* и притом *производные отношения*. Поэтому правильное понимание их невозможно без правильного понима-

ния стоимости» [1]) (курсив Плеханова). Именно неправильное понимание этой категории повело Прудона, Родбертуса, Чернышевского к утопии «конститутивной стоимости».

Укажем здесь, что Плеханов не раз говорил, что термины „Wert", „value", „valeur" следует переводить термином «стоимость», а не «ценность», потому что товар стоит труда. Поэтому и в редактированной им первой книге «Теорий политической экономии» этот термин переведен «стоимость». Нам думается, что это тем более необходимо, что термин «ценность» предполагает субъективную оценку и потому широко растворяет двери австрийской школе субъективной ценности. [2]). А о последней школе Плеханов говорил, что она отвлекается от всех отношений производства и закрывает путь к пониманию экономических категорий, т.-е. прежде всего категорий стоимости. И он сочувственно цитирует работу бернского приват-доцента д-ра Ф. Лившица „Zur Kritik der Boehm-Bawerkschen Werttheorie": «Теория предельной полезности есть насквозь капиталистическая теория, т.-е. теория, исходящая (сознательно или бессознательно) из капиталистических стремлений. Ее успех вызван современным капитализмом».

Уже Энгельс в своей ранней брошюре указывал на Сэя, который стремился определить стоимость вещи ее полезностью. Плеханов в статье «Новое направление в области политической экономии» разбирает подобную же теорию Лавелэ, значение которой в том, что рассуждения, подобные его рассуждениям, определяют научное значение по крайней мере «трех четвертей» современных экономистов [3]). Лавелэ, доказывая, что меновая стоимость непропорциональна труду, приводит пример, что заяц, убитый одним, и коза, убитая другим, оцениваются различно, так как зайца едят один день, а козу пять дней, хотя убить их стоило одинакового труда.

Плеханов возражает, что в случае обмена произошло бы одно из двух: «или «я» должен был бы платить «вам» за зайца «козой» (если бы убить козу было всегда так же легко, как зайца), или «вы» прекратили бы охоту за зайцами, и стали бы, в свою очередь, убивать коз».

---

[1]) «Чернышевский», 386 стр.

[2]) От редакции. Вопрос о термине «стоимость» или «ценность» редакция считает дискуссионным.

[3]) «За двадцать лет», стр. 389

Говоря о школе «L'ekonomie pure» («новейшее манчестерство»)—Парето-Панталеоне, Плеханов возражает против психологической теории стоимости, утверждающей, что раз дана потребность и продукт, то продукт будет иметь стоимость.

К числу наиболее распространенных возражений против теории трудовой стоимости Смита — Рикардо — Родбертуса — Маркса принадлежит указание на то, что цены товаров не совпадают с их стоимостью, что закон определения стоимости товара трудом, затраченным на его производство, находится в противоречии с законом равного уровня прибыли во всех отраслях промышленности. Конкуренция выравнивает норму прибыли, несмотря на то, что товары в одной отрасли производства стоят больше, в другой меньше, в зависимости от различного отношения частей постоянного и переменного капитала. Отсюда якобы «противоречие» между I и III томами «Капитала».

Этот вопрос имеет целую литературу. Родбертус претендует на приоритет решения этого противоречия в том смысле, что цены «тяготеют к стоимости, что закон стоимости проявляется в буржуазном строе лишь как тенденция...» [2]). Но вот Плеханов указывает, что уже Рикардо понимал, что цены не совпадают со стоимостью, и ссылается на 4-й отдел первой главы первого тома его «Начал политической экономии», трактующий вопрос о том, что «закон, в силу которого количество труда, затраченного на производство товаров, регулирует их относительную стоимость, в значительной степени видоизменяется вследствие употребления машин и другого основного и долговечного капитала». В тексте у Плеханова эта цитата не приведена (она стоит в примечании) и ее смысл несколько ослаблен, так как Плеханов говорит, что, по мнению Рикардо, «нередки случаи», когда закон стоимости сталкивается с законом равного уровня прибыли, и это столкновение разрешается в ущерб стоимости. Это неточная передача духа и смысла 4-го (и 5-го) отделов первой главы творения Рикардо [3]), но дело от этого по существу не меняется: уже Рикардо прекрасно знал о знаменитой антиномии. Неужели же Маркс ее упустил? Возражая С. Франку и Бенедетто Кроче, Плеханов рядом ссылок на первый и второй томы «Капитала» показы-

---

[1]) «От обороны к нападению», стр. 392—393.

[2]) См. Родбертус. «Капитал». Четвертое социальное письмо к Кирхману, стр. 4—5, 8—11.

[3]) См. Рикардо. «Начала». В особенности стр. 18 и 27 перевода Рязанова. СПБ. 1908 г.

вает, что эти «критики» ошиблись и, что Маркс уже задолго до выхода II тома знал, что закон стоимости модифицируется («considerably modified», как писал еще Рикардо) в условиях буржуазного производства, и что он не может теперь проявляться иначе, как в колеблющихся вокруг некоторого уровня ценах. Это противоречие не Маркса, а противоречие условий буржуазного производства, подобно тому, как и противоречивость кризисов не Марксом «придумана», а лишь вскрыта им. Вот цитата из первого тома «Капитала», доказывающая непосредственно, что Маркс писал о стоимости, прекрасно зная, что он рассматривает ее, так сказать, лабораторным путем, абстрагируясь от закона равного уровня прибыли: «Если бы беспристрастное мышление было в интересах капиталиста, он должен был бы поставить себе задачу происхождения капитала следующим образом: каким образом может образоваться капитал в том случае, когда цены регулируются средней ценой, т.-е. последней инстанции стоимостью товара. Я говорю в последней инстанции, потому, что средние цены не совпадают прямо с величинами стоимости товаров, как это думают А.Смит, Рикардо и другие»... [1]). Эта цитата приводится Плехановым по переводу 1872 г. В переводе Струве, более точном и правильном, в этом случае, это место гласит так (мы только заменяем слово «ценность» «стоимостью»): «Если бы беспристрастное мышление было в интересах капиталиста, то проблема образования капитала представилась бы ему в следующем виде: как может образоваться капитал при регулировании цен средней ценой, т.-е. в конечном счете стоимостью товара. Я говорю «в конечном счете», так как средние цены не совпадают прямо с величиной стоимости товаров, как это полагают А. Смит, Рикардо и другие»... Мы видели, что, в сущности, Рикардо уже понимал факт несовпадения цен со стоимостью, и в этом отношении нужно внести, если хотите, поправку в Маркса. Но в предисловии к «Нищете философии» Энгельс уже делал это замечание о Рикардо [2]).

Возражая Франку и его учителю Бем-Баверку, открывшему указанные «противоречия» между I и III томами «Капитала» в своей работе: „Zum Abschluss der Marxschen System", Плеханов приводит еще цитату из II тома «Капитала», где Маркс говорит: «При распределении общественной прибавочной стоимости между капиталами в различных предприятиях, различие сроков, на которые затрачивается капитал (следовательно, продолжительность существования основного капитала, например), и различный органический состав капитала (следовательно, также различное обращение постоянного и переменного капитала) оказывают соразмерное (имеют одинаковое) влияние при приведении прибыли к общей норме и превращении стоимости в цену производства» [1]).

Это место, во-первых, очень напоминает вышеприведенное из Рикардо, во-вторых, трактует уже прямо о предмете III тома и в тех же терминах. В статье по тому же вопросу против Б. Кроче Плеханов приводит еще три цитаты из второго тома, доказывающие не только то, что нет «противоречия» между I и III томами, но и то, что закон стоимости есть основа, на которой только и может проявиться закон равного уровня прибыли. Мы не приводим этих цитат, чтобы не загромождать этой статьи, и отсылаем читателя к статье Плеханова против Бенедетто Кроче [2]).

Там же читатель найдет и обширную выдержку из письма Маркса к Кугельману на ту же тему о «форме проявления закона стоимости» [3]). Можно указать на ряд мест в «Нищете философии» (стр. 31, 33, 35, 61 перевода Алексеева), в ранней, относящейся к началу 40 г.г., работе Маркса: «Наемный труд и капитал» (стр. 12—13, изд. «Молот», 1905 г.), в работе молодого Энгельса: «К критике политической экономии» (29 и 31 стр. в изд. «Молот», 1905 г.), чтобы убедиться, что и Маркс и Энгельс всегда отдавали себе полный отчет в «противоречии» закона стоимости с законом прибыли. И Энгельс совершенно прав, когда пишет в «Анти-Дюринге», помимо ссылок на ряд мест из I тома «Капитала», и помимо обещания Маркса решить «противоречие» в III томе: нужно только внимательнее вчитаться в весь первый том, чтобы понять, что закон стоимости только в конкуренции и проявляется (см. 307—308 стр., изд. Яковенко, 1904 года). Мы укажем еще, что в ряде мест первой части «Теории прибавочной стоимости» К. Мар-

[1]) «Критика наших критиков», стр. 249.

[2]) См. предисловие к «Нищете философии», пер. Алексеева. Одесса. 1905 г., стр. VII—VIII.

[1]) «Критика наших критиков», 250—251 стр.

[2]) Ibid, стр. 264.

[3]) Idid., стр. 267. См. также „Письма Маркса к Кугельман." ПТГ. 1907 г., стр. 47—49.

кса, изданной в переводе под редакцией Плеханова в 1906 году, можно найти ряд указаний на то, что Маркс всегда имел в виду «указанное противоречие» и прекрасно его понимал [1]). Этот глубокий мыслитель, проникший в самые сокровенные тайны капитала, разумеется, не мог не заметить того, что́ видно уже на его поверхности всякому вульгарному экономисту—закон равной прибыли [2]). Выяснению того, как проявляется в условиях капитализма закон стоимости, посвящена девятая глава третьего тома «Капитала». Здесь и в десятой главе решается вопрос, как «стоимость» выражается на практике в «цене производства». Насколько это не противоречит принципу стоимости, видно из того, что говорит Маркс на 157 стр. III тома «Капитала»: «Чего конкуренция не показывает, так это того, чем определяются стоимости, что господствует над движением цен производства; стоимости, которые стоят в основе цены производства и, в конце-концов, (подчеркнуто мною. В. Ч.) определяются ею». Как видит читатель, формулировка здесь вполне совпадает с той, которая приведена Плехановым в первой цитате из первого тома (см. выше). Там стояло—«определяет»: «в конечном счете» («в последней инстанции»), здесь—«в конце-концов»...

Почему же Маркс излагал I том так, как будто не существует закона равной прибыли, что и подало повод к такому непониманию его критиками? Это объясняется тем, что Маркс изучал основную категорию капиталистического производства, так сказать, лабораторным способом, абстрагируясь от конкретных условий ее воплощения, совершенно уподобляясь химику или математику, изучающему закон в его сущности, а затем принимающему во внимание влияние на него других законов, более или менее изменяющих его действие. Химик производит свои реакции в лаборатории, открывая закон; техник применяет его на практике, учитывая влияние других законов (света, температуры, атмосферы и проч.). В III томе «Капитала» есть место, прямо говорящее об этом методе исследования. «Обмен товаров по их стоимости, или близкой к ним, требует поэтому гораздо более низкой степени развития, чем обмен по ценам производства, для чего необходима определенная высота капиталистического развития... Поэтому, по существу дела совершенно правильно не только теоретически,

[1]) См. «Теория прибавочной стоимости», стр. 110, 125, 132—133.
[2]) Капитал, III т., стр. 111, перевод Н—она. СПБ. 1896 г.

но также исторически рассматривать стоимость товаров, как prius цен производства, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости» [1]).

Плеханов говорит, что уже с начала 80-х годов он был твердо убежден, что рассматриваемая нами антиномия решается в направлении, указанном Родбертусом, «отвлекаясь от некоторых неясностей и неправильностей в построениях» его. [2]). Он объясняет, что свою известную задачу в предисловии ко II тому Энгельс предложил именно родбертусианцам, чтобы заставить их признать, что родбертусово решение не имеет под собой достаточно удовлетворительной научной основы, которая дана только в III томе. Так как к решению задачи подошли только марксисты (К. Шмидт и Фирман), то родбертусианцы были разбиты. Излагая в 80-х годах учение Чернышевского и попутно учение Маркса [3]), Плеханов держался того же абстрактного метода Маркса. «Если бы мне кто-нибудь сказал, что мое изложение этого учения (Маркса. В. Ч.) неточно, то я отвечал бы вопросом: разве не точно излагает учение современной астрономии тот, кто, говоря, что планеты движутся по эллипсисам, не считает при этом нужным, в силу тех или других соображений, сделать добавление на счет тех отклонений от эллиптической орбиты, которые наблюдаются в действительном движении планет и которые, в свою очередь, находят свое объяснение в других теоремах науки. В естествознании мы почти на каждом шагу сталкиваемся с тем явлением, что действие одного закона ограничивается и, следовательно, видоизменяется действием другого. И никто этому не удивляется. А когда Маркс в III томе своего «Капитала» сказал, что действие закона стоимости ограничивается и, стало быть, видоизменяется действием закона равного уровня прибыли, то его противники, в роде г. Бем-Баверка, закричали, что он противоречит сам себе и отвергает основу своего собственного экономического учения. Это просто-напросто несерьезно».

Полемизируя с Воронцовым, Плеханов по поводу той же [4]) «антиномии» приводит пример из физики, а именно закон о распространении света в пустом пространстве и однородной

[1]) Капитал, т. III, стр. 130—131.
[2]) Плеханов, «Н. Г. Чернышевский», стр. 18.
[3]) Впервые на страницах «Отечественных Записок» в 1882 г.
[4]) «Чернышевский», стр. 19.

среде по прямой линии и движении его в действительности в среде с изменяющейся плотностью—по ломаной линии. «Ну, и что же,—спрашивает Плеханов Воронцова,—отклоняются от чего-либо ученые, исследующие законы преломления света и указывающие их действие? «*Противоречат*» (курсив автора), они основному положению оптики, гласящему, что свет распространяется по прямой линии? Устраняет ли законы преломления света закон его прямолинейного распространения? Нет, они только видоизменяют окончательный результат его действия, а сам он ни на одно мгновение не перестает действовать. И это всякому понятно. Всякий образованный человек знает, что столкновение двух законов природы не прекращает действия ни одного из них. А вот в политической экономии этому многие продолжают удивляться» [1]).

На этом примере с «антиномией» мы лишний раз убеждаемся, как ясно и целостно было мировоззрение Плеханова, как монизм в понимании природы и духа влечет за собой неизбежно монизм в научном методе при изучении явлений природы и духа, и как в корне безнадежны попытки методологически «дуализировать», так сказать, эти сферы знания, в роде попытки Риккерта.

В высшей степени просто и ясно разрешает Плеханов рассматриваемую нами антиномию.

«Меновая стоимость» выражает собою отношения товаропроизводителей в общественном процессе производства. Пока и поскольку мы имеем дело с обществом простых товаропроизводителей, до тех пор и постольку она выражает их точно и в общем совпадает с трудовой стоимостью продуктов. Но вот общественные отношения производителей усложняются. Простые товаропроизводители становятся капиталистическими товаропроизводителями (ведь капитал,—это тоже общественное отношение производителей). Меновая стоимость производится теперь ради производства прибавочной стоимости. Это усложнение общественных отношений производителей влияет на меновую стоимость в смысле ее отклонения от трудовой стоимости»... [2]) (курсив Плеханова).

«Меновая ценность» (Плеханов оговаривается, что он делает уступку этому термину, во избежание терминологической путаницы), есть форма, которую принимает действие закона ценности, способ действия этого закона. Она—не более, как историческая категория. Но если способ действия названного закона изменяется в зависимости от изменяющихся общественных отношений, то действие его неустранимо, как неустранимо действие вечных законов природы. Поэтому, если мы видим, что способ действия изменяется или осложняется по той или иной причине, например, вследствие конкуренции между капиталистами, то это отнюдь не значит, что само это действие прекращается или устраняется хотя бы только отчасти. Нет, проявляясь иначе или переплетаясь с действием другого закона, оно все-таки остается во всей своей силе, и задача исследователя заключается в том, чтобы проследить его через все разнообразие новых форм и сплетений. Эту задачу и решает Маркс в своем «Капитале» [1]).

Совсем иное—«вульгарные экономисты», видящие решение вопроса в ценах производства, т.-е. там, где капитал—еще сфинкс. «Цена производства представляет уже вполне отчуждаемую и prima facie бессодержательную форму товарной стоимости, форму, какую она проявляет в конкуренции, т.-е. в сознании вульгарных капиталистов, а потому также имеется и у вульгарных экономистов» [2]). В одном из писем к Кугельману Маркс писал по поводу критики Фаухера: «Вульгарный экономист чужд всякой догадки о том, что между действительными повседневными отношениями обмена и величинами стоимости не может быть непосредственного тождества. Ирония (der Witz) буржуазного общества состоит как раз в том, что отсутствует a priori сознательное общественное регулирование производства. Разумное и естественно необходимое прокладывает себе дорогу лишь как слепо действующее среднее. А в виду этого вульгарный экономист воображает, что делает большое открытие, когда вопреки раскрытой внутренней связи он напирает на то, что в явлении вещи выглядят иначе. В действительности же он показывает только то, что он держится за внешность и считает ее конечной причиной. Но в таком случае, зачем вообще наука? Но этот вопрос имеет под собою еще и другую подкладку. При понимании внутренней связи, еще ранее действительного крушения рушится вся-

[1]) «Обоснование», стр. 60.
[2]) «Обоснование», 59—60 стр.

[1]) «Критика критиков», 267—268 стр.
[2]) «Капитал», III т., стр. 150.

кая теоретическая вера в перманентную необходимость существующего порядка вещей. И, следовательно, в этом вопросе сохранение навеки бессмысленной путаницы безусловно в интересах господствующих классов. А то, за что же платят сикофантам—болтунам, которые не в состоянии найти иного научного козыря, кроме того, что в области политической экономии вообще не следует мыслить?» [1]).

То, что здесь высказано в резкой политической форме. Маркс повторяет в академическом тоне в III томе «Капитала»: «Готовые формы экономических отношений, какими они представляются при поверхностном взгляде, в действительности, а потому также и в тех понятиях, которыми представители и агенты этих отношений домогаются уяснить их себе,—крайне отличны и на самом деле переиначены, противоположны своему внутреннему, существенному, но скрытому основному содержанию и соответствующему понятию» [2]).

Чем более вдумываешься в этот вопрос, тем яснее громадное значение «раз'яснений» Плеханова. Вот, например, г. П. Струве стремится возвести вульгарную экономию в перл создания в своей последней работе «Хозяйство и цена». И он, несомненно, воображает, что делает большое открытие, тогда как только реставрирует достопочтенного Бастиа. Показательно, что за г. Струве идет целая «плеяда» молодых экономистов и, того и гляди, создастся «школа»... Но право же, прочитывая книгу этого в «plus que parfait» марксиста, повторяешь за Марксом и его блестящим интерпретатором Плехановым: «но тогда зачем вообще наука, зачем же вообще наука?»

---

3. Прибавочная стоимость. Капитал. Земельная рента.

Прибавочная стоимость является производной от стоимости и потому она также есть общественное отношение, состоящее в том, что капиталист покупает рабочую силу по ее стоимости, а получает путем ее производительного потребления стоимость бо́льшую приобретенной в рабочей силе. Плеханов, разбирая Чернышевского и, следовательно, Милля, которого некритически повторяет наш крупнейший просветитель, отмечает, что Милль остается далеко позади Рикардо в определении

[1]) Письма Маркса к Кугульману, стр. 49.
[2]) «Капитал», III, 157.

сущности прибавочной стоимости [1]). Подобно Смиту и Миллю Чернышевский под прибылью подразумевает прибавочную стоимость и отрицает ее, опираясь не на внутренний закон развития капитализма, а исходя из соображений «экономического расчета», т.-е. стоя на точке зрения до-научного социализма.

Зато Струве уже в 1900 году в журнале «Жизнь» выступал по вопросу о прибавочной стоимости вполне определенно в роли апологета и получил отповедь от Плеханова и «Карелина» (В. И. Засулич в «Научном Обозрении»). В статье: «Основная антиномия теории трудовой стоимости» («Жизнь», февраль, 1900 г.) Струве писал: «прибавочная ценность (т.-е. стоимость), воплощенная в прибавочном продукте, создается не только живым трудом», а есть функция всего общественного капитала... «Это Геркулесовы столбы буржуазной апологетики»—замечает Плеханов [2]).

Понятие «капитал» Плеханов выясняет всесторонне и неоднократно в связи с критикой Чернышевского (Милля) и Родбертуса. Ни Чернышевский, ни Милль, ни Родбертус никогда не поднимались до понимания капитала, как общественного отношения производства... Плеханов приводит цитату из «Наемного труда и капитала» Маркса: «Негр есть негр. Лишь в определенных условиях становится он рабом. Хлопчатобумажная машина есть машина для прядения хлопчатой бумаги. Лишь в определенных условиях становится она капиталом» [3]),—из которой делает заключение, что капитал лишь кажется отношением вещей, на самом же деле является отношением людей. Определение капиталу он дает такое: «Капитал есть меновая стоимость, одаренная способностью к совершенно, повидимому, произвольному возрастанию» (курсив Плеханова). Таким образом, капитал определяется Плехановым через меновую стоимость, которая есть, как мы видели, выражение взаимных отношений производителей в процессе производства, т.-е. капитал—сам форма этих отношений. Определение же капитала, «через накопленный труд, служащий средством для нового производства», Плеханов называет «наименее состоятельным», так как «хорошо определение,—в котором отсутствует главный отличи-

[1]) «Чернышевский», 424—5, 451 стр.
[2]) «Критика критиков», 70 стр.
[3]) «От обороны к нападению», 607 стр.

кая теоретическая вера в перманентную необходимость существующего порядка вещей. И, следовательно, в этом вопросе сохранение навеки бессмысленной путаницы безусловно в интересах господствующих классов. А то, за что же платят сикофантам—болтунам, которые не в состоянии найти иного научного козыря, кроме того, что в области политической экономии вообще не следует мыслить?» [1]).

То, что здесь высказано в резкой политической форме. Маркс повторяет в академическом тоне в III томе «Капитала»: «Готовые формы экономических отношений, какими они представляются при поверхностном взгляде, в действительности, а потому также и в тех понятиях, которыми представители и агенты этих отношений домогаются уяснить их себе,—крайне отличны и на самом деле переиначены, противоположны своему внутреннему, существенному, но скрытому основному содержанию и соответствующему понятию» [2]).

Чем более вдумываешься в этот вопрос, тем яснее громадное значение «раз'яснений» Плеханова. Вот, например, г. П. Струве стремится возвести вульгарную экономию в перл создания в своей последней работе «Хозяйство и цена». И он, несомненно, воображает, что делает большое открытие, тогда как только реставрирует достопочтенного Бастиа. Показательно, что за г. Струве идет целая «плеяда» молодых экономистов и, того и гляди, создастся «школа»... Но право же, прочитывая книгу этого в «plus que parfait» марксиста, повторяешь за Марксом и его блестящим интерпретатором Плехановым: «но тогда зачем вообще наука, зачем же вообще наука?»

---

3. Прибавочная стоимость. Капитал. Земельная рента.

Прибавочная стоимость является производной от стоимости и потому она также есть общественное отношение, состоящее в том, что капиталист покупает рабочую силу по ее стоимости, а получает путем ее производительного потребления стоимость бо́льшую приобретенной в рабочей силе. Плеханов, разбирая Чернышевского и, следовательно, Милля, которого некритически повторяет наш крупнейший просветитель, отмечает, что Милль остается далеко позади Рикардо в определении

[1]) Письма Маркса к Кугульману, стр. 49.
[2]) «Капитал», III, 157.

сущности прибавочной стоимости [1]). Подобно Смиту и Миллю Чернышевский под прибылью подразумевает прибавочную стоимость и отрицает ее, опираясь не на внутренний закон развития капитализма, а исходя из соображений «экономического расчета», т.-е. стоя на точке зрения до-научного социализма.

Зато Струве уже в 1900 году в журнале «Жизнь» выступал по вопросу о прибавочной стоимости вполне определенно в роли апологета и получил отповедь от Плеханова и «Карелина» (В. И. Засулич в «Научном Обозрении»). В статье: «Основная антиномия теории трудовой стоимости» («Жизнь», февраль, 1900 г.) Струве писал: «прибавочная ценность (т.-е. стоимость), воплощенная в прибавочном продукте, создается не только живым трудом», а есть функция всего общественного капитала... «Это Геркулесовы столбы буржуазной апологетики»—замечает Плеханов [2]).

Понятие «капитал» Плеханов выясняет всесторонне и неоднократно в связи с критикой Чернышевского (Милля) и Родбертуса. Ни Чернышевский, ни Милль, ни Родбертус никогда не поднимались до понимания капитала, как общественного отношения производства... Плеханов приводит цитату из «Наемного труда и капитала» Маркса: «Негр есть негр. Лишь в определенных условиях становится он рабом. Хлопчатобумажная машина есть машина для прядения хлопчатой бумаги. Лишь в определенных условиях становится она капиталом» [3]),—из которой делает заключение, что капитал лишь кажется отношением вещей, на самом же деле является отношением людей. Определение капиталу он дает такое: «Капитал есть меновая стоимость, одаренная способностью к совершенно, повидимому, произвольному возрастанию» (курсив Плеханова). Таким образом, капитал определяется Плехановым через меновую стоимость, которая есть, как мы видели, выражение взаимных отношений производителей в процессе производства, т.-е. капитал—сам форма этих отношений. Определение же капитала, «через накопленный труд, служащий средством для нового производства», Плеханов называет «наименее состоятельным», так как «хорошо определение,—в котором отсутствует главный отличи-

[1]) «Чернышевский», 424—5, 451 стр.
[2]) «Критика критиков», 70 стр.
[3]) «От обороны к нападению», 607 стр.

тельный признак». То, что Милль (и за ним Чернышевский) называет капиталом, есть не более, как средство производства.

У Родбертуса есть различение «капитала самого по себе» (или в логическом смысле) и капитала, составляющего частную собственность (или в историческом смысле). Плеханов в своей большой работе о Родбертусе показывает, что «логический капитал» не более как средство производства, а исторический капитал и есть просто капитал [1]). Мы не будем более входить в рассмотрение этого предмета и отсылаем читателя к четвертой главе отдела второго части второй большой монографии Плеханова о Чернышевском, где вопрос о капитале разобран прямо-таки с поразительной ясностью и простотой.

Следующий большой вопрос политической экономии—вопрос о земельной ренте. Чернышевский держался на земельную ренту взгляда Рикардо, признававшего только «дифференциальную» ренту, обусловленную переходом на менее и менее плодородные участки. Маркс доказал существование и абсолютной ренты, и эту поправку вносит Плеханов во взгляды Чернышевского—Милля. И в этом отношении прав Родбертус, утверждавший, что «за вычетом прибыли на капитал из доставшейся обладателям сырого продукта ренты [2]), всегда должна остаться некоторая часть в виде поземельной ренты, как бы велика или мала ни была стоимость сырых продуктов». (Подчеркнуто Плехановым). «Основной пункт и краеугольный камень» теории поземельной ренты Родбертуса состоит в том, что при равном, чистом доходе фермер получит бо́льшую прибыль, чем фабрикант, так как в земледелии органический состав капитала ниже (издержки производства фабриканта выше). Но конкуренция уравнивает прибыли, и излишек дохода поступает от фермера к землевладельцу. Этот взгляд Плеханов подвергает критике как в работе о Родбертусе, так и в «Обосновании народничества» (см. стр. 54-55).

Укажем также, что задачу с необитаемым островом, которую Родбертус предложил рикардианцам в Гильдебрандовских «Jahrbücher» за 1870 г., Плеханов очень легко решил совершенно в духе Рикардо, показав, что дифференциальная

[1]) «За двадцать лет», стр. 528—9, 570, 634. См. также «Чернышевский», стр. 306—7.

[2]) У Родбертуса понятие «ренты» в широком смысле равносильно понятию прибавочной стоимости. В. Ч.

рента существует на ряду с абсолютной (Родбертус находил, что теория дифференциальной ренты построена на шатком основании) [1]).

Но в одном вопросе, близко связанном с земельной рентой, Плеханов сходится с Родбертусом и расходится с Рикардо—это в вопросе об убывающем плодородии почвы. В качестве агрария-практика Родбертус «со свойственной ему основательностью» (слова Плеханова) разобрал это положение английской школы при помощи аргументов, которым Плеханов придает «огромную важность» [2]). Вот эти три аргумента: 1) в Западной Европе до самого последнего времени также часто совершался переход от худших участков к лучшим, как и наоборот, 2) последующие затраты не всегда и не везде были и будут менее производительны, чем предшествующие, 3) худшие участки могут давать ренту и помимо возрастания стоимости продуктов. Все эти соображения Родбертус снабжает обширными фактическими данными, которые не оставляют сомнения, что, как говорит Родбертус, препятствия к развитию земледелия «устраняются с развитием общества и не могут иметь тех последствий, которые выводятся из них системой Рикардо». Подтверждение правильности взгляда Родбертуса и своего собственного Плеханов уже более чем через двадцать лет по написании статьи о Родбертусе нашел в «Theorien über den Mehrwerth» Маркса [3]), и Плеханов обращает на эти страницы (172 и 174 немецкого издания 2-й части) внимание П. Маслова, до сих пор признающего теорию убывающей производительности земледельческого труда вслед за Рикардо и Мальтусом.

4. Теория народонаселения Мальтуса. Теория относительного обнищания. Кризисы. Критика утопий.

Раз мы заговорили о Мальтусе, нужно естественно перейти к критике его закона народонаселения. Чернышевский со своим «историческим методом» мало дал для критики Мальтуса. Как известно, по Мальтусу, все социальные бедствия не более, как закон природы, объясняемый тем, что народонаселение растет в геометрической прогрессии, а средства существования только в арифметической. Маркс разобрал в «Капитале» полную бездоказательность этой гипотезы, доказав, кроме того, что

[1]) «За двадцать лет, стр. 643—4.

[2]) Ibid., 577 стр.

[3]) См. «Чернышевский», 470.

Мальтус—плагиатор. Плеханов выяснил, что до Мальтуса по этому вопросу ранее и «гораздо основательнее» Мальтуса писали Франклин, Уоллес, Юм, Мирабо-отец, Монтескье, Джемс Стюарт и Герреншванд, при чем два последних уже определенно ставили закон народонаселения в зависимость от общественных условий. Выдумка «закона природы» объясняется борьбой имущих классов против налога в пользу бедных, введенного еще со времен Елизаветы. Этот закон доказывал-де тщету государственного вмешательства в предначертания всевышнего. Следовательно, вся теория Мальтуса была просто классовым рефлексом против социальных мероприятий. Это Плеханов вскрывает с полной ясностью.

Если мальтузианцы учили смирению пред законами природы и воздержанию, то школа Кэри и Бастиа находила, что классовые противоречия смягчаются, так как относительная доля рабочего класса в общем национальном фонде все увеличивается [1]). За этой парой вульгарных экономистов эту мысль доказывали Брентано, Бернштейн и Струве. Со всеми ими вел неоднократно полемику Плеханов, доказывая и дедуктивно и статистически, что доля рабочего относительно падает по отношению к общему фонду. При этом Плеханов доказывал, что Маркс никогда не развивал теории абсолютного обнищания рабочего класса, каковую теорию ему навязывали услужливые критики. Рядом цитат из «Наемного труда и капитала» и первого тома «Капитала» Плеханов установил с несомненностью, что у Маркса шла речь только об относительном обнищании [2]).

Из двух подробно разбираемых Плехановым экономистов по вопросу об обнищании, Чернышевский только подошел к объяснению причины этого явления, когда писал, что «коренная черта экономического прогресса с технической стороны—расширение производительной единицы по мере успехов сочетания труда». Главной же причиной обнищания он считал, что наемный рабочий... теряет «самоуважение» (см. Чернышевский, 405—407 стр.). Зато в Родбертусе Плеханов находил определенного защитника теории обнищания. «При возрастающей производительности общественного труда заработная плата составляет все меньшую и меньшую часть национального дохода»

[1]) См. брошюру Маркса: «Кэри и Бастиа». СПБ. 1905 г., предисловие Каутского, стр. 6, а также стр. 10 и 20.

[2]) См. «Критика критиков», 78—80 стр.

(курсив Родбертуса)... Плата за труд, рассматриваемая как часть продукта, падает по меньшей мере в той же, если еще не в большей пропорции, в какой увеличивается производительность труда». В этом вся суть социального вопроса по Родбертусу [1]). Плеханов сообщает, что в 1873 году Родбертус послал в редакцию „Berliner Revue“ опыт о распределении национального дохода в Англии, названный им: « Die Baxstersche und die Colguhonnsche Einkommens Piramide» («Пирамида доходов Бакстера и Колькугонна»). «Это поразительная, страшная статистическая картина, основанная на официальнейших данных. Вы не можете себе представить, какая печальная разница произошла в распределении (удвоившегося) населения и (возросшего в шесть раз) национального дохода в промежуток времени от 1812 года (исследованное Colguhonn'a. по 1866 год, к которому относятся исследования Baxster'a). Доход все более концентрируется в денежном мешке на вершине общественной пирамиды, весь прирост населения поглощается ее основанием, он ведет лишь к увеличению рабочего муравейника, наконец, соответствующие средним классам middle inkomes“ постоянно уменьшаются. Эти статистические данные превзошли все мои ожидания. Я никогда не думал, чтобы могли существовать такие тяжелые пункты обвинения против государственной системы... Общество напоминает собою суставчатое животное с перетянутой талией. Довольно. Это зрелище «достойное богов» [2])...

Любопытно, что душеприказчик Родбертуса, известный профессор А. Вагнер, не опубликовал этого сочинения под предлогом его незаконченности.

Нам известно, что своей трактовке «теории обнищания» [3]) Плеханов сам придавал большое значение.

В тесной связи с этим вопросом стоит вопрос о кризисах. Интересно, что уже Франсуа Кэнэ указывал на связь воспроизводства и обнищания [4]), что и отметил Плеханов, как путь правильного решения вопроса о кризисах («За двадцать лет», стр. 363). Родбертус, на которого ссылается Плеханов, указы-

[1]) «За двадцать лет», 521—522 стр.

[2]) Ibid., 59—3 и примечание.

[3]) Новые данные, подтверждающие взгляды Плеханова на «относительное» обнищание находим в обстоятельной монографии С. И. Солнцева: «Заработная плата, как проблема распределения». СПБ. 1911 г., стр.: 343, 351, 359, 375, 404, 420, 460—61.

[4]) См. Ф. Кэнэ. Избр. сочинения. Изд. Солдатенкова, 1896 г., стр. 76.

вает, что «критика кризисов» заключается единственно в несоответствии покупательной и производительной силы». Плеханов говорит, что учение Родбертуса основано на признании только некоторых элементов кризисов, и утверждает, что их неизбежность вызывается общим ходом развития крупной промышленности, самой из себя создающей «резервную армию» труда. «Причина кризисов»,—замечает он,—«лежит в несоответствии капиталистического способа производства с современным состоянием производительных сил общества» [1]). Родбертус «не выяснил окончательно исторического значения кризисов». По поводу взгляда Чернышевского на кризисы Плеханов говорит, что «его взгляд гораздо глубже и вернее, чем взгляд Милля, поверхностность которого доходит в этом случае до апогея» [2]).

Укажем еще в заключение, что критика Плехановым утопий Чернышевского и Родбертуса о реализации в обществе будущего полного продукта труда, о «трудовых ассигнациях» и проч.—по методу напоминает марксову критику Прудона. Плеханов точно устанавливает, что в основе их утопий лежит полное непонимание главнейших категорий буржуазных отношений производства: стоимости, капитала, земельной ренты.

Как известно, на Западе в университетах доктрина трудовой ценности считается изжитой. Под шумок и у нас проскальзывают книги, написанные под явным влиянием книги Струве «Хозяйство и цена». Школа Сэя-Бастиа образуется с несомненностью.

Не мало еще «докторских дипломов получено будет за критический пересмотр Маркса» [3]), но сторонникам Маркса необходимо будет «подвергнуть Парето, Шульце-Геверница или Бем-Баверка критике с точки зрения Маркса» [4]).

Плеханов не мог угнаться за всеми экономическими «школами» и оставил большую работу такого критического пересмотра своим последователям.

Изучение Плеханова дает сильнейший к этому толчок, ибо «приятно рыться у корней истины».

В. Р. Чернышев.

---

[1]) «За двадцать лет», 521—522 стр.
[2]) «Чернышевский», 416 стр.
[3]) «Критика наших критиков», стр. 204.
[4]) «От обороны к нападению», стр. 484.

Диалектический метод в работах Ленина по экономике.

Великому делу московского (а с ним и всего российского) революционного пролетариата—**Институту Ленина** посвящаю.

Содержание: 1. Общие положения о методологическом значении работ Ленина.—2. Краткая характеристика диалектического метода в определении его Лениным.—3. Материал статьи «Развитие капитализма в России», общие методологические принципы исследования.—4. Монистический принцип исследования.—5. Частные задачи исследования. Методология работы с статистическими данными.—6. Исследование «противоречий», диалектическое развитие, примеры его.—7. Итоги исследования.—8. Связь теории с практикой.—9. «Капитализм и земледелие в Соед. Штатах Америки».—10. «Империализм, как новейший этап капитализма».—11. Защита ортодоксальной диалектики и разоблачение Каутского.—12. Итоги статьи.

1. Метод диалектического материализма, как известно, лежит в основе всего марксизма. Диалектика, понимаемая как принцип развития мира, а не только как наука,—сердце теории революционного марксизма. Каждому мало-мальски теоретически образованному марксисту известна сущность диалектики, сущность диалектического метода, но, как показывает опыт, понимание, знание ее нередко очень ограниченно, в том смысле, что «знать» диалектический метод в настоящем смысле слова, значит — уметь его применять.

В этом и лежит самая трудная часть изучения и приложения марксисткой теории, и, чтобы преодолеть ее, нужно, после теоретического раздумья, проделать вдумчиво, внимательно анализ работ виднейших представителей марксизма, исследовать метод их работ, процесс развития исследующей мысли и строение выводов.

И здесь, кроме работ основателей марксизма, громадную ценность представляют собою работы именно Ленина, одного из очень немногих, сумевших провести методологические требования в яркой и отчетливой форме. Из работ его особенное внимание привлекают именно работы, посвященные экономике; это ясно, так как все работы по вопросам политики, тактики базируются именно на анализе экономики.

Работы Ленина ценны, повторяю, именно своей методологической и методической стороной. Написанные большею частью в процессе борьбы с называвшими себя «научными» «теориями»,—они полны разбросанных там и сям замечаний и указаний не только критического, но, что важнее, конструктивного (положительного) характера. Собрать эти указания, проследить за мыслью Ленина—задача, обогащающая мысль более, чем штудирование десятков сухих томов. Мы и даем попытку такой сводки [1]) не на всех, а лишь на наиболее крупных экономических работах Ленина.

2. Совсем еще недавно Ленин, подчеркивая колоссальное значение умения владеть диалектическим методом, дал определение его в следующем виде:

«Логика диалектическая требует того...

Во 1-х, чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвения.

Во 2-х, диалектическая логика требует брать предмет в его развитии, «самодвижении»..., изменении...

В 3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку.

В 4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»... («Еще раз о профсоюзах»).

Эта формулировка, краткая, ясная, прямо поразительна

[1]) Тов. В. В. Адоратский год тому назад положил начало изучению диалектики произведений Ленина своею статьей «Марксистская диалектика в произведениях Ленина» («Печать и Революция», 1922 г. Кн. 2-я (5-я), стр. 44—55), посвященной разбору XIV тома Собрания сочинений Ленина.

по своей чеканности [1]). Это — настоящий сгусток ярчайшей марксистской мысли. Что можно к ней прибавить?—Почти ничего, разве только напомнить о том, что диалектическое движение совершается в силу борьбы противоположностей («противоречий»), которые надо уметь отыскивать в действительных процессах и уметь проследить.

Посмотрим же теперь, как прилагаются Лениным эти «правила» диалектической логики на практике экономических исследований.

3. Пока я останавливаюсь лишь на 4-х экономических работах Ленина —«Развитие капитализма в России» [2]), «Аграрный вопрос в России в XIX веке» [3]), «Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки», «Империализм, как новейший этап капитализма».

[1]) Извиняюсь перед читателями за загрузку статьи цитатами, и все же не могу удержаться от приведения нескольких цитат из статей т. Ленина в сборнике «Против течения» (изд. Петр. Сов. Р. и С. Д. 1918 г.) по определению понятия «диалектика». «...(Но попробуйте заменить) софистику (т.-е. выхватывание внешнего сходства случаев вне связи событий) диалектикой (т.-е. изучением всей конкретной обстановки события и его развития)» (стр. 46). «Софист выхватывает один из «доводов»... Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося, к коренным движущим силам, к развитию производительных сил, к классовой борьбе»,—далее идет блестящее приложение диалектического метода к анализу войны 1914 г. (contra Плеханов) (стр. 144 — 145), далее — «диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает (именно) изолированное, то-есть однобокое и уродливо-искаженное, рассмотрение предмета» (стр. 159—160, contra Каутский), ср. еще стр. 427, стр. 433—«основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны... мы остаемся диалектиками, борясь с софизмом не посредством отрицания (возможности всяких превращений) вообще, а посредством конкретного анализа данного в его обстановке и его развитии». (Курсив всюду, кроме последнего слова, мой).

[2]) Вышло в свет первым изданием в 1899 г., вторым дополненным в 1908 г., третьим без изменений со 2-го в 1923 г. (Изд. «Московский Рабочий»), все указания страниц по этому последнему изданию, 4-м изданием с приложением ответа П. Скворцову (статья «Товарный фетишизм» в «Научн. Обозр.» 1899 г., № 12) в Собр. сочин., т. III, М. 1923.

[3]) Работа «Аграрный вопрос в России к концу 19-го века» написана в 1908 г. для Энциклопедического словаря бр. Гранат и представляет собою краткое изложение отдельных частей первой с небольшими дополнениями; цитирую ее по отдельному изданию. М. 1918 г.

Первая из них представляет собою, несомненно, единственную по своему историческому значению и мастерству анализа работу в русской экономической литературе, да и в мировой такие работы насчитываются единицами; можно сказать без преувеличения, что эта работа в истории и теории русского хозяйства и развития пролетарской борьбы в России имеет то же значение, что «Капитал» в мировой.

Написана она, как известно, как теоретическое обоснование тактической программы социал-демократии в России, в процессе борьбы с русскими народниками, представляющими в своих экономических исследованиях последователей субъективно-идеалистического метода.

Уже в Предисловии к 1-му изданию книги Ленин определяет и задачи своего исследования, и метод его. Возникшее из критики народнических воззрений, оно быстро развертывается во вполне самостоятельное, конструктивное исследование по вопросу: «Как складывается внутренний рынок для русского капитализма?»,—«Для чего (нам казалось) необходимым рассмотреть и попытаться изобразить весь процесс развития капитализма в России в его целом» (дальше, смысл последних слов ограничивается, вернее, уточняется 4-мя моментами), «...безусловно необходимо показать связь и взаимозависимость отдельных сторон того процесса, который происходит во всех областях общественного хозяйства...», следующее ограничение темы исследования дает уже рассмотрение «основных черт процесса» [1]).

Далее Ленин отзывается очень одобрительно о книге К. Каутского «Аграрный вопрос», особенно подчеркивая намерение Каутского «рассмотреть разнообразные явления в современном сельском хозяйстве, как частные проявления одного общего процесса». Предисловие ко 2-му изданию (1907 г.) констатирует, что данный в исследовании анализ «подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции...» (стр. V), в частности особенно подтверждается анализ противоречий в строении и развитии русского крестьянства. И дальше Ленин отмечает коренную ошибку в анализе революционного процесса, производимом плехановской группой—«стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины...» (стр. VI), и. как бы для того, чтобы еще раз

[1]) Всюду, где это специально не оговорено, курсив мой.

подчеркнуть правильность своего 4-го «правила», Ленин говорит о «безнадежных педантах, (решающих) возникающие... своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитаток из того или иного отзыва Маркса про другую историческую эпоху» (стр. VII).—«Неверно, потому что слишком абстрактно» («Аграрный вопрос», стр. 67).

Вот каковы основные методологические принципы подхода к исследованию: а) процесс, а не состояние, б) весь процесс в его целом, в) связь и взаимозависимость отдельных сторон его, г) конкретность истины, то-есть отрицание голых абстрактных (отвлеченных) неизненных рассуждений, д) монистический принцип, то-есть постоянное признание основного общего процесса, являющегося тем «целым», отдельные части которого исследуются, постоянное сведение этих отдельных частей к этому «одному общему процессу».

Подчеркнем особенно одно положение, которое является основным в этой (и других) работах Ленина, ибо оно является центральным пунктом и вообще марксистской экономики—это понимание хозяйства, как процесса, изучение его только и именно как процесса,— поэтому уже давно пора выбросить за борт науки трактаты и теории буржуазных экономистов, изображающих хозяйство как состояние и анализирующих не процессы развития, а формы, отдельные стороны «состояний» [1]).

4. Но что значит монистический принцип, как его понимать, как его проводить в исследовании? Ленин в 1-й главе, исследующей «Теоретические ошибки экономистов-народников» отводит значительное место определению капитализма, характеристике процессов, складывающихся в этом хозяйственном строе [2]). Исходный пункт анализа — простое товарное хозяйство и процесс постепенного превращения его в

[1]) Главная ошибка либералов-народников в том, что они «не умеют смотреть на хозяйственные отношения с точки зрения развития». («Аграрный вопрос», 9).

[2]) Необходимо эту главу ввести в обязательный минимум в самообразовательной и школьной (партшколы) работе молодых марксистов. Какое громадное значение Ленин придает определению (дефиниции) предмета исследования, видно из внимательного критического разбора им ходячих определений и формулировки более точных научных, напр., стр. 262 прим. 1, 316, 327, 335 и указанные ниже в моем тексте.

Уже давно пора ввести в школы (преимущественно в парт. и ВУЗ'ы) классические по ясности характеристики различных форм хозяйства—особенно гл. I, §§ 1, 2, 6, 8; гл. II, § 13; гл. III, §§ 1—4, 8, 10; гл. IV, § 11; гл. V, §§ 1—3, 5, 6, 9; гл. VI, §§ 1, 3, 7, 8; гл. VII, §§ 1, 10, 12; гл. VIII; §§ 5, 6.

капиталистическое; основным моментом в этом процессе является прогрессивный рост общественного разделения труда (стр. 3), выражающийся в отделении промышленности обрабатывающей от добывающей, промышленности (в узком смысле этого слова) от земледелия и превращение самого земледелия в промышленность (хозяйство, производящее товары); в этом анализе Маркса налицо отмеченный выше пункт диалектики — связь и взаимозависимость явлений. Этого не могли или не хотели понять наши народники (стр. 3—5), которые вместо анализа конкретной действительности создали чисто абстрактное [в худшем смысле этого слова] построение [«прямо декретировали отсутствие общественного разделения труда в России» [1]] и из него исходили. По тому же диалектическому порядку развитие основного процесса ведет за собою и «сущую мелочь», опущенную народниками — отвлечение населения от земледелия к промышленности и влияние этого факта на земледелие (гл. I. § 3. стр. 6—7), и ряд других процессов — разорение мелких предпринимателей и т. д. Крупная методологическая ошибка народников заключается в непонимании ими процесса реализации продукта и сверхстоимости, при чем первый они сводят к второму (гл. I. § 4), обходя действительно трудные вопросы [реализация постоянного капитала]. Романтические воззрения народников, распространяющихся о гармонии классов, заставляют их не видеть ряда экономических противоречий [2]), «спасаться в заоблачные выси романтических мечтаний от... действительности» (стр. 20). Методологическая схоластика народников видна особенно в их теории о национальном доходе, какой вопрос может быть разрешен лишь при анализе «до конца» «производства всего общественного капитала» (стр. 23), когда этот вопрос теряет свою самостоятельность и сравнительно легко разрешается.

Требование исследовать весь процесс в его целом и его деталях [3]), выполняемое последовательно [4]), с полным и тща-

[1]) Пример еще одной «декретированной без всякого анализа данных» теории, см. стр. 151—152.

[2]) См. статью Ленина «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты». Такая же слепота налицо и у Эд. Бернштейна, см. стр. 19, прим. 1-ое.

[3]) Ленин не раз утверждает его, кроме вышецитированных мест, см. еще стр. 114 «о всех..., как они выросли» (стр. 267), «непозволительно заслонять изучение разновидностей» процесса—«Аграрный вопрос», стр. 25, 77.

[4]) О скачкообразном характере методологических приемов г. Н—она («Он перепрыгивает через...»), см. стр. 152.

тельным учетом всех связей и опосредствований дает работе Ленина поразительную стройность, красивую архитектонику [1]) всего его исследования.

Работа распадается на 2 основных части [раздела]: процессы создания, формирования и развития внутреннего рынка в:

а) земледельческом хозяйстве (гл. II—IV), распадающиеся в свою очередь на характеристику процессов в развитии 1) крестьянского хозяйства (гл. II), 2) помещичьего (гл. III) и 3) торгового и капиталистического земледелия (гл. IV);

б) нашей промышленности, распадающиеся в свою очередь на развитие капитализма в 1) мелкой крестьянской (так наз. кустарной) промышленности (гл. V), 2) капиталистической мануфактуре и работе на дому (гл. VI) и 3) крупной машинной индустрии (гл. VII).

Все здание увенчивается последней (VIII) главой, устанавливающей «связь между отдельными, изложенными выше, сторонами процесса и [дающей] общую картину этого процесса» (Предисловие к I изд., стр. II), в действительности же, первая часть формулированной в приведенной фразе задачи выполняется в ходе всего исследования, как единого целого. Но, проводя монистический принцип в исследовании, нужно никогда не забывать отмеченных «правил» диалектики, нужно уметь органически сочетать монизм с учетом всех особенностей и отведении им должного места; о непонятом монизме—«псевдомонизме» народников Ленин говорит: «взять одну эту [что в земледелии работы распределяются по всему году крайне неравномерно] черту,—довести ее, при помощи абстрактных предположений до абсурда,—отбросить все остальные особенности того сложного процесса, который превращает патриархальное земледелие в капиталистическое—таковы нехитрые приемы» [народников] (стр. 216).

5. Как частные задачи основной проблемы, Лениным ставится анализ исторических (а не абстрактных, взятых из досужей головы) причин необходимости внешнего рынка, для чего «надо рассмотреть каждую отдельную отрасль промышленности, ее развитие внутри страны... одним словом, надо взять факты [курсив Ленина] о развитии капитализма

[1]) О поразительной архитектонике «Капитала» Маркса и основах ее—см. мою работу «Творческий облик К. Маркса» (Казань, 1922).

в стране», а не отговариваться ничего не стоющими фразами—излюбленный метод народников (стр. 26); и, наконец, в резюме I-й главы мы имеем методологическое требование разрешения основного вопроса—о внутреннем рынке, не как отдельном, самостоятельном, а как целиком зависящем от степени развития капитализма. Степень развития капитализма—центральная задача исследования, решение ее определяет и решение поставленного вопроса, всякий иной подход неправилен. Динамический принцип требует ответа на вопросы: «Каким образом и в каком направлении развиваются различные отрасли русского народного хозяйства? В чем состоит связь и взаимозависимость между (ними)?» (Стр. 28).

Гл. II озаглавлена «Разложение крестьянства», и здесь Ленин, анализируя данные земской статистики, выявляет характерную черту своего—как и других крупных марксистских экономистов—метода работы: очень тонкое, искусное комбинирование статистических данных; поразительное умение сводить разрозненные цифры в стройные таблицы, дающие материал ряду выводов. Методология разработки статистических данных в трудах Ленина почти не исследована; это неудивительно, если мы вспомним, что сбор и разработка статистических сведений у нас в России производились почти исключительно земцами, настроенными большею частью народнически и нередко просто либерально (кадетски); но нет сомнения, что при создании настоящей научной теории и истории статистики ленинским приемам должно быть отведено виднейшее место [1]).

Фетишизм цифр, цифра—как нечто самодовлеющее, цифра, как самоцель, а не как материал—вот сущность народническо-буржуазной статистики. Уметь увидеть за этими цифрами живую действительность могут лишь очень немногие, и только те, кто свободен от этого фетишизма. Возьмем излюбленный прием буржуазных статистиков — оперирование «средними числами»: десятки и сотни страниц в курсах и «исследованиях» посвящены обоснованию этого приема и до сего дня, хотя уже почти 20 лет тому назад Ленин десятками

[1]) Жаль, что М. Н. Смит в своем, в общем очень интересном и ценном, курсе «Основы статистической методологии» (Вып. I, М. 1923) не остановилась на приемах Ленина и не привела ни одного примера из его работ.

своих рассеянных там и сям замечаний и специальными статьями вскрыл и лживую научность этого приема, и внутреннюю сущность его—затушевывание противоречий, затушевывание (почти всегда сознательное) полярности явлений и процессов (стр. 53). Нам нет надобности систематически прослеживать ленинский анализ этого приема, вполне достаточно нескольких цитат: «Достаточно взглянуть на эту табличку (речь идет о табличке на стр. 32), чтобы понять полную фиктивность тех «средних» цифр, с которыми так любят оперировать у нас, говоря о «крестьянстве» (стр. 32). В этой цитате Ленин иронизирует еще над одним первородным грехом «научных» исследований—страсть оперировать общими, то-есть лишенными содержания, вследствие своей голой абстрактности, понятиями, в роде «крестьянство» («истина всегда конкретна»). «Не смешно ли брать «средний» размер аренды.... складывая вместе крестьян, из которых один берет 2 десятины за безумную цену (15 р.), очевидно, из крайней нужды, на разорительных условиях, а другой берет 48 десятин.... по 3,55 р. за десят...?» (Стр. 38, курсив Ленина) [1]). Еще—«средняя» цифра... является и здесь (по Самарской губ.), как всегда, совершенно фиктивной, создавая иллюзию общего довольства» (стр. 41). «Вместо того, чтобы изучать разложение крестьянства [то-есть конкретный реальный процесс, как это делает Ленин, ставя вопрос: «но как могла создаться такая крупная буржуазия в земледельческом общинном хозяйстве?»], г. Карышев [один из тех столпов русской сельскохозяйственной экономики, именем которого так любят клясться наши агрономы], подставляет произвольные и неверные посылки о среднем крестьянстве. Поэтому все его аналогично построенные заключения и выводы в цитированном издании [«Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», Спб. 1897], не могут иметь

[1]) Еще о средних величинах аренды (по исчислению г. Карышева), см. стр. 49, стр. 50—«Средняя цифра аренды—4,4 дес. на один арендный двор... получена из сложения таких цифр, как 4 дес... и 38 дес.!! Не удивительно, что при сложении богачей и бедноты вместе и при делении на число слагаемых можно везде, где угодно, получить «равномерное распределение»!» (курсив Ленина). «В действительности же 21% дворов богачей... имеют... 66,3% всей арендованной пашни»: ср. еще стр. 202—203, 210, прим. 1, 239, 258; «Аграрный вопрос» стр. 38, 44.

никакого значения» (стр. 45), и далее опять имеем налицо произвольные, выдуманные посылки, с точки зрения которых и к которым (выражаясь вульгарно) «притягивается за волосы» бедное «среднее», «крестьянство», т.-е. опять-таки очередная фикция [1]).

Но ход исследования отдельных областей хозяйства все же иногда требует оперирования «средними величинами»,—как тогда поступать? Так, Ленин, вовлекая в анализ данные о крестьянских бюджетах, которые по существу являются именно средним (или, как называют их еще «типичными») величинами, отбрасывая «общие и отульные «средние» о всем «крестьянстве», все же принимается оперировать с «средними», но 1) он подходит к ним критически, отмечая, что «средние» бюджетные данные почти всегда характеризуют хозяйство выше среднего типа (то-есть изображают действительность в лучшем свете, чем она есть») [2]), 2) поэтому он пользуется этими бюджетными («средними») данными «лишь посредством вывода средних для каждой отдельной группы крестьянства» (стр. 86—87) [3]).

Особенно яркую иллюстрацию ленинского метода оперирования с статистическими данными представляет собою начало главы, посвященной обзору текстильных производств (гл. VII, § 3, 1, стр. 328), о двух «противоположных течениях, которые, однако, оба выражают развитие капитализма, именно: с одной стороны, упадок помещичьих заведений вотчинно-посессионного характера [упадок помещичьих, дворянских суконных фабрик], с другой стороны, развитие чисто капиталистических фабрик из крупных заведений», каковые течения

[1]) Об абсолютной неправильности выводов из представлений о «среднем» крестьянстве см. еще «Агр. вопр.», стр. 46, 30—31, 35.

[2]) Это положение Ленина не мешало бы усвоить очень и очень многим нашим исследователям бюджетов.

[3]) Ср. еще стр. 90, 98, 103 («Злоупотребление средними величинами» г. Щербина), 104—«предрассудки народничества привели к забвению самых элементарных требований экономической статистики».

Кроме критики земской статистики, в этой же работе мы имеем параграф, специально посвященный анализу состояния русской фабрично-заводской статистики (гл. VII, § 2, стр. 319—327), (ср. еще в «Этюдах» статью «К вопросу о нашей ф.-з. статистике») и разбору некоторых работ, отличившихся некритическим отношением к ней (работы гг. Н—она, Карышева, Каблукова); (см. еще стр. 329, 334, прим. 1-е, 336; и статистика ремесл., стр. 227, прим. 1-е).

затушевываются и незаметны при орудовании с «общими» данными.

Анализ методологии разработки статистических данных у Ленина дает еще одно очень важное указание по вопросу об определении удельного веса тех или иных явлений. Подходя к выяснению места, занимаемого в крестьянстве высшей группой его—пользующиеся наемным трудом (то-есть, «кулаки»)—Ленин отмечает неправильность подхода г. В. В., бравшего для ответа на поставленный вопрос процентное отношение числа хозяйств ко всему числу крестьянских хозяйств, выводом из чего и было, что «число крестьян, прибегающих... к помощи наемного труда, сравнительно с общей массой народа совершенно ничтожно: 2—3, максимум 5 хозяев на 100—вот и все представители крестьянского капитализма...».

В таком сопоставлении, конечно, нет никакого смысла, ибо оно дает абсолютно неправильную оценку (и освещение) реальных процессов («ведь по подобному приему можно [было] бы отделаться и от капитализма в русской промышленности»,—замечает Ленин), «несравненно правильнее сопоставлять число батрацких хозяйств с числом одних лишь действительно самостоятельных хозяйств...» и «ничтожный» (по г. В. В.) процент хозяйств с батраками оказывается при применении правильного подхода достигающим *34,7,—64,1* у того крестьянства, которое в свою очередь держит в своих руках 50% всего посева (стр. 34). Вот один только образчик, одна рядовая иллюстрация двух методов и результатов приложения их.

Подобную картину представляют собою исчисления гг. Н—она и Каблукова («Лекции по экономии сельского хозяйства», М., 1897, стр. 14), квалифицирующиеся Лениным как кульминационный пункт злоупотребления статистикой,... поистине феноменальный прием: берется отношение числа фабрично-заводских рабочих ко всему населению (!), и на основании полученной цифры (около 1%) разглагольствуется о том, как ничтожна эта «горсть» рабочих (!)» [выражение «горсть» принадлежит г. Н—ону], (стр. 349—350), при чем Каблуков просто «с необыкновенною храбростью совершает одним духом две передержки». «Вздорность» этого приема (стр. 351) объясняется не только невежеством в разработке статистических данных, но и определенным сознательным решением—извратить картину истин-

ного положения русского народного хозяйства. «Приблизительный» [вспомним сказанное Лениным о состоянии нашей фабрично-заводской статистики] подсчет, произведенный Лениным, дает для этой «ничтожной горсти» рабочих *не 1%, а около 17,3%* уже по переписи 1897 года, а приблизительное распределение населения России в конце XIX века по классовому положению дает: пролетарии и полупролетарии—*около 50%* (при чем одних первых 17,5%), беднейших мелких хозяев—около 28%, зажиточных мелких хозяев—около 18,4%, крупной буржуазии, помещиков, высших чинов—около 2,4% (стр. 352—354) [1]).

В вопросе группировок статистических данных, вопросе вообще очень сложном и важном, Ленин предлагает свой подход, отвергая группировку крестьянских дворов по наделу и пользуясь «исключительно группировкой по хозяйственной состоятельности (по рабочему скоту; по посеву)»,—первый прием излюблен земцами, но в корне неправилен, т. к. базируется на игнорировании реальных специфических особенностей русской хозяйственной действительности—именно, несвободного характера надельного землевладения, носящего уравнительный характер, и стесненности мобилизации земли. Игнорируя это, народники остаются фетишистами юридических норм, сохраняющих этот порядок, в то время, как «весь процесс разложения... крестьянства в том и состоит, что жизнь обходит эти юридические рамки» (стр. 53) [2]). Диалектика же

[1]) Ср. тождественный изложенному выше вывод г. В. В. о прогрессе «крестьянской» массы в замене отсталых орудий усовершенствованными (стр. 42, прим. 1-е) и Чупрова (стр. 212, прим. 1-е).

[2]) Дальше на стр. 54 Ленин формулирует основания экономической статистики в области земельных отношений. Ср. на стр. 66—«действительное распределение земли, находящейся в пользовании «крестьянства», оказывается совсем непохожим на распределение надельной земли» (курсив Ленина). Вот блестящая, взятая на удачу, иллюстрация по земельным отношениям в 4-х округах Енисейской губернии (90-ые годы).

В группе.	% населения.	% дворов.	% скота.	% запашки.
I. Низшая группа (без-1, 2-х лошадные)	24	39,4	7,1	6,2
II. Высшая группа (5 и более лошадей)	51,2	36,4	74,5	73,0

(Таблица составлена нами по подсчетам т. Ленина на стр. 69). На стр. 71 Ленин подводит итоги методологическим приемам: «мы не можем, очевидно, брать абсолютные цифры и складывать их по группам... Мы можем сравнивать и сопоставлять только отношения между группами высшими и низшими» и дальше (стр. 72) дает подробную (в 14 пунктах) схему анализа процессов развития крестьянского хозяйства,—обращаем на нее особенное внимание наших экономистов, ибо этой схеме уже давно пора стать типовой. Ср. еще упомянутый выше ответ т. Ленина его критику П. Скворцову, статья «Некритическая критика», первоначально в «Научном Обозрении» 1900 г., №№ 5, 6, перепечат. в Собр. сочин., т. III, стр. 519 и сл.

требует анализа именно «жизни» и жизненных процессов в первую очередь.

К отдельным, частным методологическим вопросам отнесем требование брать для сопоставлений (разумеется, в изучении крестьянского хозяйства) двор, семью, а не 1 (одну) душу населения («как любят делать народники»), брать же ее за единицу (не принимая во внимание сокращения хозяйственных расходов в больших семьях)—«значит, искусственно и фальшиво приравнивать положение «души» в большой и малой семье» (стр. 76).

Отношение к общим вопросам, которые все же налицо в каждом исследовании, построенном на монистическом основании, особенно ярко выражается Лениным в том положении, что при сохранении основной линии анализа—основных тенденций крестьянского разложения, необходимо для получения правильных выводов иметь в виду, что формы процесса, равным образом, как и проявление его, могут быть различны, определяясь различными местными условиями, которые обязательно должны быть учтены; игнорирование этого положения дает основание ошибкам (стр. 83) [1]).

6. Анализ хозяйственных процессов, уменье отыскивать в них антагонистические моменты (противоположности),—есть, как указано выше, необходимая часть диалектического мышления. Уметь осознать диалектику конкретной действительности и, осознав, сделать выводы—конечная задача диалектика-мыслителя. И Ленин, в совершенстве

[1]) «Иная историческая обстановка... видоизменяет только формы проявления одних и тех же капиталистических отношений» (стр. 244). См. еще о двух процессах развития капитализма («вглубь» и «вширь»)—стр. 395 и 420, о двух формах роста капитализма в домашней промышленности (стр. 231, 232), об особом характере проявления капитализма в земледелии (стр. 210). Но и здесь очень важно не делать ошибок, подобных народническим и кадетским,—смешение двух сторон в русской литературе о русской общине: агрикультурной и бытовой—одной, и политико-экономической—другой... (Агр. вопр.», 24).

владея этим приемом, дает ряд ярких указаний и образцов этому [1]). Вот, например, такое построение (вывод)—«наиболее резко выраженный торговый характер носит хозяйство безлошадного и многолошадного хозяина, почему это? каким образом? Именно потому, что они представляют собою два полюса рынка, разница «только» в том, что «у одного товаром является его рабочая сила, а у другого—продукт, произведенный на продажу с значительным употреблением наемного труда...» (стр. 91). Такова же диалектика того процесса, по которому «община [т.-е., круговая порука и отсутствие права отказа от земли] становится все более и более вредной для крестьянской бедноты» (стр. 92, курсив Ленина); та же диалектика реального процесса формирует деревню как рынок двоякого порядка—рынок на предметы потребления (сельский пролетариат) и рынок на средства производства (сельская буржуазия) (стр. 100, еще стр. 111—112). Но диалектическое мышление требует изучения и понимания не только статики этих противоречий, но, главным образом, их динамики. Так, в анализе помещичьего хозяйства противоположность между барщинной (вернее, употребляя термин Ленина, «отработочной») и капиталистической системами диалектически превращается в переход первой во вторую или тесное слияние первой со второй (гл. III, §§ 1, 2), соединение же той и другой «делает строй помещичьего хозяйства чрезвычайно похожим по экономической организации на тот строй, который преобладал в нашей текстильной индустрии, до появления крупной машинной индустрии» (гл. III, § 3, особ. стр. 127, сл.), а дальнейший этап—падение отработочной системы (гл. III, § 4), главнейшей причиной которого является разложение крестьянства.

Вот этот несколько схематично изложенный процесс представляет собою прекрасную иллюстрацию истинности диалектического метода, в частности, в положении о «связях» и «взаимозависимостях». Процесс разложения крестьянства в свою очередь создает и формирует процесс формирования батрацкой группы крестьянства, рост которой создает резервную ар-

[1]) «...Основные противоречия капитализма, которые на каждом шагу встречаются в действительной жизни» (стр. 101, прим. 1). «Совокупность всех экономических противоречий в крестьянстве и составляет то, что мы называем разложением крестьянства» (стр. 105). Для диалектических процессов в крестьянстве см. еще стр. 156. 299.

мию для капиталистического земледелия (стр. 131—132). Народники и в этом вопросе избегали «поставить [его] на... почву констатирования действительно происходящей «смены» (стр. 132, курсив Ленина), оставаясь попрежнему бездушными строителями абстракций» (подробнее гл. III, § 5).

А дальше связи, опосредствования и взаимозависимости ведут к созданию помещичьим и кулацким хозяйством рынка на сельскохозяйственные машины, то-есть на орудия производства, на продукт машинной индустрии (гл. III, § 7), которая вытесняет и уничтожает крестьянское производство (плугов, стр. 142, прим. 1), (формулировка вывода по этому процессу на стр. 146), машина в свою очередь с необходимостью ведет к концентрации земледельческого производства (стр. 148—150), и создает в широких размерах соединение неземледельческого и земледельческого труда по найму, какое «возможно только в эпоху последней, высшей стадии капитализма» (стр. 158).

Еще можно указать на диалектический процесс развития отхожих промыслов, «перекочевывания» рабочих (стр. 162—163), на взаимное создание рынка друг для друга двух процессов—развития промышленности в центральной России и развития торгового земледелия на окраинах, каковые процессы «стоят в неразрывной связи» (стр. 169), взаимозависимость и взаимообусловленность процесса развития крупных заведений по обработке сельскохозяйственных продуктов—«с одной стороны, они завоевывают себе массовый рынок..., с другой стороны, они расширяют в громадных размерах рынок для сельских предпринимателей. Эти последние получают сильнейший толчок к расширению и улучшению торгового земледелия» (стр. 178—179), что в свою очередь ведет к развитию этих крупных заведений (ср. еще данные о внутренней связи между ростом индустриального населения и ростом торгового скотоводства, стр. 178, прим. 1-е. и гл. VIII, § 2, ср. стр. 391).

Но, подмечая и учитывая противоречия, важно избегать узости в понимании подмеченного, иначе исследование опять-таки приведет к ошибочным выводам (напр., ошибки народников, стр. 187), также как и узость в понимании взаимосвязности отдельных процессов одного общего явления, процессов, лежащих в одной плоскости: пример правильного понимания—развитие торгового льноводства ведет к обмену и «между земледелием и промышленностью... и к обмену

между разными видами торгового земледелия (продажа льна и покупка хлеба)», (стр. 189), или развитие свеклосахарного производства и «неразрывная связь с переходом к более совершенной системе полеводства...» (Стр. 195).

Я не думаю, чтобы нужно было увеличивать количество образцов анализа подобных данному, так как, как не раз было отмечено, вся книга Ленина представляет собою редкостный образец последовательного применения диалектического метода. Анализируя одну область хозяйственной жизни за другой, Ленин и в порядке перехода, в развитии своего исследования точно следует вскрываемому им принципу взаимосвязности отдельных процессов; отметим лишь, что некоторые главы посвящены им специально установлению связи, таков, напр., § 7, гл. V, «Промысел и земледелие» (стр. 254 сл.) (и в дополнение к нему § 8, той же главы, посвященной «излюбленной народнической формуле»—«соединение промысла с земледелием»), § 7 гл. VI «Капиталистическая работа на дому, как придаток мануфактуры» (стр. 309 сл.), связь этой системы с прикреплением крестьян к наделу (стр. 312), связь ее с разложением крестьянства (стр. 312—319), § 8 той же главы, посвященный вскрытию и анализу связи между «кустарной» и фабрично-заводской промышленностью (стр. 314 сл.). Гл. VIII дает много ярких образцов диалектики, из которых отметим, как особенные—особенность размещения русской фабричной промышленности и ее влияние на ход преобразующего действия фабрики на население и обратное взаимодействие (§ 8, стр. 362 сл.), связанность развития лесопромышленности с развитием ряда обслуживающих ее производств (стр. 370, прим. 1-е), весь параграф, трактующий о «придатке фабрики» (§ 10, стр. 374 сл.).

Гл. VIII («Образование внутреннего рынка») также прямо ставит задачей «дать представление о взаимозависимости различных областей народного хозяйства в их капиталистическом развитии» (стр. 389).

7. В заключительной главе своей работы Ленин сам формулировал причины разногласия марксистов с народниками (стр. 424—425): 1) неправильное понимание народниками процесса развития капитализма в России и строя хозяйственных отношений в России, предшествовавшего капитализму, и—«особенно важно»—игнорирование ими капиталистических противоречий в строе крестьянского хозяйства, 2) неправильная оценка ими темпа (вопрос о медленности или быстроте) развития капитализма, 3) «едва ли не самая глубокая причина расхождения... лежит в различии воззрений на общественно-экономические процессы..., народник.... не задается целью представить всю совокупность общественно-экономических отношений, как результат взаимоотношения между этими группами [участвующих в производстве лиц], имеющими различные интересы и различные исторические роли...»

8. 3-е «правило» диалектической логики требует включения в анализ «всей человеческой практики... и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку», или, как это формулирует т. В. В. Адоратский в 4-м «основном правиле диалектического мышления» («Программа», стр. 13), «не разрывать теорию и практику. Не только познавать, но и переделывать окружающее». Для нас пока важна одна сторона этого требования — умение делать выводы из анализа экономического положения различных классов в область формулировки социально-политического положения этих классов и их тактики. Мастерски это проделывается Лениным; так, проанализировав группировки крестьянского населения по их экономическому положению, он делает вывод о неустойчивости средней («середняцкой») группы его—«...ясен неустойчивый, переходный характер этой группы между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом» (стр. 36—37) [1]).

В «Аграрном вопросе...» мы имеем гораздо больше указаний на практические выводы из теоретического исследования; так, взгляд на «решение» земельного вопроса внутренней России путем переселения части населения на окраины (думать об этаком решении—«верх нелепости»), настоящее решение заключается в ликвидации остатков крепостничества в

[1]) Эпигоны буржуазной науки, прикрывающиеся сейчас фиговым листком формального «признания» марксизма, и доныне еще не хотят признать колоссальной ценности разбираемой работы т. Ленина; так, автор толстой (215 стр.) работы под громким названием «Русская история в освещении экономического материализма». (Историографический очерк, Казань, 1922). Об этой работе см. мою статью «Пустая ученость» в журнале «Казанский Библиофил», 1923 г., № 1), т. М. Нечкина, разобрав на 2-х страничках работу т. Ленина, заключает: «представляет ли работа Вл. Ильича приложение теории экономического материализма? (к русской истории). Нет, не представляет» (стр. 47, курсив мой).

центре России — в аграрном перевороте (стр. 13—14), решение вопроса об устранении аграрного кризиса (стр. 67 сл.) и др. [1]).

9. Следующая разбираемая нами работа Ленина носит полное заглавие: «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки», написана им в 1915 г. [2]) и представляет собою критику воззрений Гиммера. Несколько слов о поводах написания названной работы т. Лениным. В 1913 г. в журнале «Заветы» (в № 6) Н. Гиммер (Суханов) поместил статью «Из итогов последнего ценза С.-А. Соединенных Штатов» (стр. 39—60), в которой на основании данных переписи Соединенных Штатов 1910 г. «еще и еще раз повторил самое ходячее и глубоко буржуазное, как по его теоретической основе, так и по его политическому значению [важно обратить внимание на эту связь] утверждение» [3]) о разложении земледельческого капитализма и развитии мелкого «трудового» земледелия. Ленин квалифицирует эту теорию «некапиталистической эволюции земледелия» как «теорию громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов..., т.-е. новейшей разновидности буржуазных демократов», «эта теория есть иллюзия [4]), мечта, самообман всего буржуазного общества», утверждения ее защитника [Гиммера] «чудовищно неверны. Они прямо противоположны действительности. Они представляют собою сплошную издевку над истиной». Сам г. Гиммер «не первый встречный, не случайный автор случайной статейки», а один из видных экономистов, «представляющих наиболее демократическое, крайне левое буржуазное направление... общественной мысли», его взгляды—«это лишь особенно демократизированное, особенно подкрашенное якобы—социалистической фразеологией, выражение обще-буржуазных взглядов казенного профессора и мелкого земледельца (мелкого буржуа)» (стр. 6—7, курсив Ленина [1]).

Какие же задачи ставит себе в своем исследовании Ленин, каким путем (методами) он подходит к их разрешению, в чем главные методологические ошибки г.г. Гиммеров и т. п.,—вот вопросы, на которые мы находим в ленинской работе исчерпывающие ответы. Но предварительно отмечу, что и в этой работе Ленин, конечно, остается тем же блестящим диалектиком, как и в предшествующих, поэтому я остановлюсь лишь на формулировке его приемов мышления, оставляя детали в стороне [2]).

1) «Я буду стараться давать картину капитализма в американском земледелии в ее целом, ибо одна из главных ошибок [«ошибок» ли только] буржуазных экономистов состоит в вырывании отдельных фактов, цифр и цифрек из общей связи политическо-экономических отношений» (стр. 7), определяет в самом начале работы свои задачи т. Ленин, и далее: «все эти сложные разнообразные процессы» (стр. 56), из которых «и складывается общий процесс развития капитализма в земледелии» (там же) [3]). Положение, нам уже известное, как 1-ое правило диалектики.

2) Детализация принципа изучения «общего» и «целого» на основании учета конкретной действительности, реальных процессов. Так, Ленин не раз подчеркивает особенности развития американского земледелия—наличность незанятых, свободных земель (стр. 87) и наличность нераздробленных еще рабовладельческих плантаций на юге (стр. 88); эти особенности (конкретные, реальные) имеют громадное значение—расширение базы для развития и ускорения развития ка-

---

[1]) Специально программным вопросам посвящены, как известно: работа т. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», I изд., 1907 г.; II изд. 1919 г. затем статьи 1901—1906 гг., собранные в сборнике «Из истории социал-демократической аграрной программы» (2-ое изд. 1919 г.), об этих книгах, как и о других экономических статьях т. Ленина, речь пойдет в моей второй статье.

[2]) 1-е издание ее вышло в 1917 г. (изд. «Жизнь и Знание», П). 2-е без изменений. М. 1923 г., ссылки по 1-му изданию.

[3]) В. Ленин, стр. 5—6. Курсив везде мой.

[4]) «Миф» (стр. 25).

[1]) Еще причиной остановки внимания Ленина на американском земледелии явилась характеристика последнего Гиммером, как особенно методологически ценного, что не раз подтверждает и Ленин—ср. стр. 103, 5.

[2]) Обращаю особенное внимание на § 10 работы Ленина — «Недостатки обычных приемов экономических исследований» (стр. 54 и сл.).

[3]) «... в области таких сложных, разнообразных, переплетенных и противоречивых тенденций, как экономика современного земледелия, можно всегда найти примеры для подтверждения противоположных взглядов. Здесь требуется в первую голову и больше, чем где бы то ни было, изображение процесса в целом, учет всех тенденций и определение их равнодействующей или их суммы, их результата» (стр. 70—71).

питализма, с одной стороны, и с другой,—прикрытие процесса экспроприации мелких земледельцев.

3) Настоящее научное исследование, как отмечалось, необходимо нуждается в точном определении процессов (дефиниции), таким стержнем при разрешении вопроса Ленин считает место торговых(рыночных) культур в хозяйстве единицы (стр. 73—74), доля применения наемного труда и машин («главный признак и показатель капитализма в земледелии — наемный труд», стр. 103—140), определение экономического процесса, протекающего на юге Соединенных Штатов (стр. 21) и, как пример не- (вернее лже-) научной терминологии, Ленин приводит излюбленный народнически-буржуазными экономистами термин-понятие «трудовое» хозяйство, раскрывая его «лишенное смысла» содержание (стр. 21, 55); (ср. понятие «капиталистическая ферма», стр. 43 и др.).

4) Анализ конкретной действительности в ее конкретных выявлениях,—он тесно связан с необходимостью изгнать общие фразы, «общие данные» и выставлением вместо этого реальных процессов, групп их. Много раз Ленин отмечает «грехи» Гиммера—«неосновательно... без разбора конкретных данных каждой отдельной страны и каждого отдельного района» (стр. 217), «неучет мелочи... извращает» (стр. 82), Гиммер «забыл... мелочь»: процесс интенсификации земледелия (стр. 29), отношения, игнорируемые экономистами (стр. 35), игнорирование и ходячие ошибки (стр. 36), по невежеству, но чаще всего, сознательно: обход данных о наемном труде (стр. 21), «фальшиво подкрашивает...» (стр. 81—84, 103—104), манера заслонять основные факты малозначительными мелочами (стр. 92), извращение действительности (стр. 13), «курьез» (стр. 19).

5) Ясно, что должны быть установлены научные принципы группировки данных и анализ их, и здесь мы опять имеем у Ленина резко нетерпимое отношение к «средним» величинам, особенно к смыслу оперирований с ними, о чем уже я говорил выше,—подкрашивание, сглаживание противоречий, смешение и т. д. [1]).

[1]) См. стр. 17, применение самим Лениным «средних», стр. 59, сл. (о его «средних» я говорил выше). Отожествление совершенно различных данных—стр. 59. Стр. 42—«общие для всей страны данные о среднем размере ферм ничего не говорят...», 23—средние данные..., т.-е. данные, сливающие вместе капиталистические хозяйства с некапиталистическими».

Поэтому Ленин прежде всего разделяет территорию Соединенных Штатов на отчетливые районы и изучает данные по крупным, и—по мере возможности—мелким районам—«безусловная необходимость отдельного рассмотрения... районов, существенно неоднородных по своему экономическому положению» (стр. 7—8) и далее,—«смешивать в одну кучу данные о [совершенно различных] районах... было бы насмешкой [а именно это и делают г. Гиммер и К°] над приемами научного исследования» (стр. 10). Не раз Ленин делает экскурсы в область постановки американской сельскохозяйственной статистики, ставя ее выше старинной русской, но находя также и ее полной или недоразумениями или подозрительными «пропусками» [1]).

Особенно Ленин отмечает непригодность и фальшивость приема группировки по размерам земельной площади без учета всех других факторов [2]) и выдвигает, в согласии с изложенным выше, преимущественную ценность данных о наемном труде (они «несравненно доказательнее и показательнее», стр. 23), он дает также свой принцип группировки ферм [3]).

[1]) См. стр. 11 — «Сельскохозяйственная статистика, если бы она была поставлена осмысленно, разумно, должна была бы видоизменять свои методы исследования, приемы группировок и т. д., в соответствии с формами проникновения капитализма в земледелие... К сожалению, в статистике слишком часто царит рутина, бессмысленное, шаблонное повторение однообразных приемов», стр. 25 («разработана... по казенному рутинно, нелепо...»), стр. 43 (о принятом в американской статистике приеме группировок), 56—57 (здесь же и о русской сельскохозяйственной статистике), здесь важно указание на умение «выдвинуть, определить и учесть» основные черты, которые в обычной статистике исчезают в «бессмысленных столбцах цифр», стр. 84, 85, 23, 38.

[2]) Стр. 36, 23, особ. стр. 65—66 (о классово-идеологической прочности ошибок буржуазной экономики), 54 («явно недостаточна... вносит чрезмерное упрощение и углубление»), 81 («боятся»).

[3]) Стр. 43—44 и др., стр. 56, 67—71, 20, 62, 77, сл.

Как смотрит Ленин на задачи исследователя в данном случае, он говорит сам на стр. 68: «Задача научного исследователя, если он хочет быть свободным от обвинения в вольном или невольном угождении буржуазии путем подкрашивания положения разоряемых и придавляемых мелких земледельцев, состоит прежде всего и больше всего в том, чтобы точно определить признаки разорения, которые вовсе не отличаются простотой и однообразием; затем в том, чтобы вскрыть эти признаки, проследить и по возможности учесть широту их распространения, изменение их во времени. На эту, особенно важную, сторону дела меньше всего обращают внимания современные экономисты

Диалектический метод, приложенный к анализу самостоятельно скомбинированных статистических данных, в исполнение не раз указанного выше требования исследования конкретной действительности в деталях, в исполнение методологического указания Маркса о различных формах проявления капиталистических процессов в земледелии [1]), дает возможность Ленину дать поразительную картину многосложности и разнообразия форм этого проявления. Только диалектически мысля, возможно дойти и понять один из главных выводов этой работы Ленина,—«капитализм растет не только путем ускорения развития крупных по площади хозяйств в экстенсивных районах, но и путем создания более крупных по размеру производств, более капиталистических хозяйств на более мелких участках земли в интенсивных районах» [2]); вот этого никогда не смогут понять г.г. народничествующие экономисты, трактующие о «мелком», сиречь «трудовом», «некапиталистическом» хозяйстве, и не захотят понять, вернее, признать, светила буржуазной экономики.

Я не знаю, есть ли надобность еще приводить образцы поразительной диалектики Ленина—три главы (12—14) каждой страницей своей являют блестящие образцы ее, особенно стр. 77—79 с таблицей, скомпанованной самим Лениным [3]).

и статистики» (стр. 68). Изменяя эту формулу по другим вопросам исследования (или, как говорят, mutatis mutandis), мы получаем яркое определение задач революционного марксиста-исследователя и, добавим, политика.

[1]) Стр. 10, 28, 55. Цитату из Маркса, пересказанную на этой странице, Ленин полностью приводит в «Разв. капит.», см. выше. «Процесс роста и победы капитализма во всех этих случаях (общинно-надельное землевладение в России, земельные порядки в Сибири, на Западе и Юге Соединенных Штатов) однороден, но не одинаков по форме»,— говорит Ленин. (См. особенно § 16 «Итоги и выводы»).

[2]) Беру окончательную формулировку на стр. 104, другие формулировки этого же закона рассеяны по страницам книги, напр., 36, 53, 74—75.

[3]) Об этой таблице один из моих молодых учеников по научной разработке марксизма, анализируя ее, восторженно воскликнул: «Ведь это на редкость гениально сделано»; думаю, что все же многие присоединятся к этой характеристике.

Вот наудачу образцы диалектики: «районы самых мелких—по количеству обрабатываемой земли—ферм суть районы самых крупных молочных хозяйств» (стр. 32), см. еще стр. 35, роль владения молочным скотом (стр. 90 сл.), анализ пролетаризации (стр. 91 сл.) и мн. др. (стр. 39—40).

Но диалектическое мышление, как установлено выше, не есть только исследование, в узком смысле этого слова, экономических процессов, оно в его наилучшем выражении неразрывно связано с учетом и анализом моментов и процессов т. наз. «противоречий». Подметить, учесть их [1]) и на основании анализа построить тактическую линию—вот полная задача диалектика-материалиста. И в разбираемой работе Ленин не довольствуется только констатированием «противоречивых» процессов в земледелии или промышленности и земледелии [2]), но анализирует и классовые соотношения (стр. 96 и сл.), определяя и положение мелкого земледельца при капитализме в общем здании общества, и его тенденции [3]), и как результат анализа десятилетия американской истории (1900—1910), когда «рабочие в промышленности проиграли... (а) мелкие земледельцы выиграли, как мелкие аграрии, на счет пролетариата». Также ценно использование т. Лениным материала американской действительности для освещения одной некогда важной тактической проблемы в развитии движения русского пролетариата и крестьянства [4]).

Наконец, как последнее заключительное слово, подтверждение Лениным «замечательной одинаковости законов [капиталистической] эволюции, вытеснение мелкого производства и тут [в промышленности] и там [в земледелии]» [5]).

Как замечательно подтвердился данный Лениным анализ развития капиталистических процессов в американском хозяйстве, показывают данные за последнее десятилетие — про-

---

[1]) О так-наз. «кажущихся противоречиях» см. стр. 61.

[2]) Стр. 95—96.

[3]) «... для капитализма даже типично явление, ...когда улучшение положения мелких землевладельцев, как класса, есть результат их объединения с помещиками, их участия во взимании повышенной земельной ренты со всего общества, их антагонизма с массой пролетариев и полупролетариев...» (стр. 97—98). Как поразительно понятны и правильны эти слова в свете русской революции!

[4]) Стр. 103—по вопросу о последствиях безвыкупного перехода земель к крестьянам. О близких к русским явлениях см. стр. 14, 17, 19 и др.

[5]) Стр. 104, специально этому посвящена гл. 15-ая: «Сравнительная картина эволюции промышленности и земледелия» (стр. 93—102).

223924

цесс развития капитализма в земледелии пошел еще более быстрым темпом, чем в 10-летие 1900—1910 г.г. [1]).

Приложение к § 9.

Схема строения работы Ленина „Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Северной Америки".

1. Характеристика американского земледелия по 3-м главным районам в целом (§ 1).
2. Характеристика американского земледелия по каждому району в отдельности (§ 2—3).
3. Разбор обычно применяющихся в науке данных: данные о среднем размере ферм (§ 4) и методы исследования (§ 10. 13).
4. Выдвигание на первый план в исследовании данных: о наемном труде и торговых культурах (§ 5, § 6), типы земледельческих культур, урожайность по районам.
5. Данные о торговом скотоводстве, молочном хозяйстве, роль покупных кормов, размещение рабочего скота, расходы на удобрение, данные о стоимости орудий и машин (§ 7), все пока по районам.
6. Анализ процесса вытеснения мелких хозяйств крупными (§ 8—9). Принцип группировки ферм: 1) по количеству обработанной земли (от 1 до 100, 100 — 174, 1000 и более акр.), 2) по стоимости ферм, 3) по сумме денежной стоимости производимых продуктов, 4) по главному источнику дохода (§ 12).
7. Метод сравнения процентных отношений между разными группами, комбинирование показателей, таблица (стр. 79).
8. Процесс экспроприации мелких земледельцев (§ 14), данные об аренде, числе собственников, издольщиков, заложенных ферм, концентрации рабочего и молочного скота.
9. Сравнение эволюций промышленности и земледелия (§ 15), данные о числе предприятий, стоимости их, вложенном в них капитале, росте продукции, соотношении между ростом продукции и стоимостью ее.
10. Итоги и выводы.

---

[1]) Об этом подробнее см. мою статью «Очерк основных явлений истории Соединенных Штатов за 1900—1920 г.», стр. 85 сл., там же указания на другую литературу (статья эта представляет собою приложение к моему переводу брошюры А. Саймонса: «Классовая борьба в истории Америки». Казань. 1922).

10. Последняя из разбираемых работ Ленина — «Империализм, как новейший этап капитализма» — написана весною 1916 г. [1]) и обозначена, как «популярный очерк». Уже в предисловии т. Ленин отмечает, что под гнетом царской цензуры ему пришлось «строжайше ограничить себя исключительно теоретическим—экономическим в особенности—анализом и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшею осторожностью, намеками» (эзоповским языком) (стр. 3). Это самоограничение в связи с желанием максимальной популяризации наложило на всю работу определенный, яркий отпечаток, в ней поэтому нельзя искать таких глубоких узкоспециальных экскурсов в отдельные детали, и обо многом автору приходится говорить без привлечения (разумеется, в книгу) обширного материала (напр., таблиц, цитат и т. п.), но зато здесь особенно ярко вычеканивается ленинская диалектика и вся брошюра является образцом, как надо писать популярные брошюры.

Диалектическое мастерство, пронизывая всю работу, особенно выступает в гл. 9-й книги, где Ленин полемизирует с «критиками империализма», давая богатый методологический материал для марксиста-полемиста.

Задачей своей Ленин и здесь ставит «кратко изложить... связь и взаимоотношение основных экономических особенностей империализма» (стр. 5) и с особенным умением и подчеркиванием обрисовывает это сложное явление — «империализм».

Связь между всеми отдельными процессами и организациями налицо. Но важно ведь не только просто констатировать связь между двумя, например, процессами, но и определить ее характер,—вот здесь-то и должно особенно проявить уменье работать и мыслить диалектически.

Ленин на первых же страницах, констатируя наиболее характерную черту капитализма—конкурренция и вытекающий из нее рост производства, протекающий в свою очередь в двояком виде — концентрация и комбинация производства, устанавливает—«превращение конкурренции в монополию, как... одно из—если не—важнейшее явление в экономике новейшего

---

[1]) 1-ое издание в 1917 г., 2-ое—1918 г. (М. изд. «Коммунист»), 3-е—1923 г. (М. Гос. Изд.), оба последние—перепечатки без изменений, лишь 3-е—с опечатками и перепутанными примечаниями; ссылки по этому изданию.

капитализма» (стр. 71, 94). Этот процесс—яркий пример диалектического мышления в его чистой форме: тезис—конкурренция, антитезис—монополия, органически вырастающий из него и в свою очередь органически являющийся базою, основанием для нового явления (процесса), своего рода (по логической триаде) «синтеза»—обобществление хозяйства при империализме в более, чем раньше, широких размерах (стр. 14) [1]). Другим примером диалектики является связность процессов в крупном капиталистическом хозяйстве: рост, укрупнение предприятий «несут в себе тенденцию к монополии», концентрация приводит к необходимости затраты на предприятие громадных капиталов (отсюда толчек к развитию банковского капитала), с другой стороны—крупное предприятие должно производить громадное количество продуктов, прибыльная продажа которых возможна лишь при росте спроса и т. д. [2]).

Выше было не раз отмечено правило анализировать явление не только во всех его связях и опосредствованиях, но, что особенно важно, в изменении. Поэтому и Ленин, отводя как совершенно несостоятельные выводы казенной науки с ее «опровержениями» Маркса, подчеркивает в первую очередь место отдельных форм развития процесса и общей линии его: «факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами... обусловливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма» (стр. 10) [3]). И дальнейшее изложение и посвящается выяснению этих хронологических (во времени) и морфологических (по формам) изменений основного, единого процесса: дается периодизация истории монополии (стр. 10—11), точно устанавливается эпоха превращения капитализма в империализм, обзор развития процесса монополии в различных странах (Соединенные Штаты, Германия, Франция и др.) (стр. 11 сл.). Важно и здесь отметить вскрытую Лениным диалектику хозяйственного развития—сам по себе процесс монополии ведет к дальнейшему росту и созданию «производственных единиц необъятного размера» (стр. 12), что опять-таки является базисом для более широкой и глубокой монополии и т. д. Здесь же дается положение, которого никак не могут понять близорукие «экономисты», что «монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом» (курсив Ленина, стр. 17), которая в форме кризисов усиливает тенденцию к концентрации.

[1]) «Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению».

[2]) Это ход мысли экономиста Г. Леви, которого цитирует Ленин стр. 9.

[3]) И еще «...Форма борьбы (между союзами капиталистов) может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных... причин, но сущность борьбы, ее классовое содержание, не может измениться, пока существуют классы» (стр. 59) и далее «...подменять вопрос о содержании борьбы... вопросом о форме борьбы... значит спускаться до роли софиста» (стр. 60, курсив в обеих цитатах Ленина). Ср. о переходных формах и их сущности, стр. 69—70.

От процессов, развивающихся в области производства, Ленин переходит к банкам, нащупывая в их новой роли, в диалектическом процессе их развития (из состояния «многочисленных скромных посредников... [превращение]... в горстку монополистов») один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм (стр. 19). Дальше, банки в своей новой роли сами ускоряют процесс концентрации капитала и образования монополии (стр. 25), втягивая и капитал ссудо-сберегательных касс (стр. 25—26). Биржа—регулятор свободной конкурренции старого капитализма отмирает (стр. 27). Но вот возникает вопрос—каков дальнейший фазис развития капитализма, «к чему» он переходит[1])—к монополии банков, образованию международных капиталистических трестов и постепенному слиянию аппарата монопольных организаций с аппаратом государственной власти (стр. 28 сл.). Так формируются 2 процесса: сращивание банков с промышленностью, финансовый капитал[2]), и слияние банков с правительственным аппаратом — финансовая олигархия, «государство рантье» (§ 3, стр. 34 сл., 82 сл.).

Дальнейшим звеном в цепи является формирование и развитие процесса вывоза капитала (§ 4, стр. 47 сл.), формирую-

[1]) «...Поставить этот вопрос буржуазные ученые боятся» (стр. 27).

[2]) Важно обратить особенное внимание на критику Лениным построений Гильфердинга, нередко принимаемых у нас безоговорочно, стр. 34, 4, 81.

щего в свою очередь процесс раздела мира между союзами капиталистов (§ 5, стр. 52 сл). Замечательно, как Ленин, анализируя один момент (процесс) в структуре новейшего хозяйства—государственные и частные монополии, определяет их место: те и другие «переплетаются воедино в эпоху финансового капитала... те и другие на деле являются лишь отдельными звеньями империалистической борьбы...» (стр. 57), и тем самым еще более углубляя и расширяя свой тезис о господстве финансовой олигархии, что в целом и дает ему основание построить главу (6-ю) о «разделе мира между великими державами»—«...между союзами капиталистов» [1]).

В 7-й главе (стр. 71, сл.), подводя итоги всему исследованию, Ленин дает очень короткое определение империализма («есть монополистическая стадия капитализма»), но, придавая, как не раз отмечалось выше, громадное значение правильному, ясному, четкому, не оставляющему места для недоговоренности или извращения, определению, дает более полное определение, отвечающее принципу охвата «всесторонних связей явления в его полном развитии» по пяти основным признакам (стр. 72).

11. В этой же главе Ленин отводит видное место другим выдвигавшимся в «науке» определениям империализма, и эта критика также очень важна для выяснения методологических оснований революционного марксизма.

Вот определение К. Каутского, когда-то марксиста, виднейшего теоретика II Интернационала, главного героя истории великой измены марксизму,—оно «не только неверное, но и немарксистское», потому что построено на сознательном игнорировании всех оснований марксистской диалектики. Его ошибки в основном [2]) сводятся к тому, что он (Каутский): 1) «произвольно выделяет один только национальный вопрос... и неверно связывал его только с промышленным капиталом в аннектирующих... странах, столь же произвольно и неверно выдвигал аннексии аграрных областей» [3]): 2) Каутский «отрывает политику [он вообще «заявляет, что

[1]) «Несомненен... тот факт, что переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу связан с обострением борьбы за раздел мира» (стр. 62).

[2]) Этому посвящены стр. 73, сл., 91—100 работы Ленина. Мною готовится работа, специально посвященная «деяниям и мыслям» Каутского за 1913—1922 годы.

[3]) Стр. 74, курсив частью мой, частью Ленина.

под империализмом надо понимать не «фазу» или ступень хозяйства, а политику... предпочитаемую финансовым капиталом» (стр. 73)] империализма от его экономики» (стр. 75); 3) он далее искажает факты и неправильно оценивает реальные процессы, в результате чего у него и «получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий... вместо раскрытия глубины их (получается буржуазный реформизм вместо марксизма)» (стр. 76, 97) [1]); 4) он в своей теории «ультра-империализма» («разрывающей решительно и бесповоротно с марксизмом») дает «чистую» абстракцию, игнорируя «конкретно-экономическую действительность современного всемирного хозяйства» (стр. 77); 5) характерный для Каутского и К° метод вырывания нужных им кусочков [2]) из всей совокупности явлений приводит их к обходу (вспомним «обходы» у Гиммера и К°) всего вытекающего из империализма в области социальной политики, в то время как Ленин прямо констатирует, что «государство-рантье есть государство паразитического, загнивающего капитализма, и это обстоятельство не может не отражаться как на всех социально-политических условиях данных стран вообще, так и на двух основных течениях в рабочем движении в особенности» и далее—здесь-то теория, «холодная, сухая, скучная, рассудочная» революционного марксизма сплетается с его практикой [3]), —Ленин переходит к характеристике рабочего движения и его тактическим задачам (стр. 83—90, 100—103) [4]).

[1]) В то самое время, как «обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода...» (стр. 102).

[2]) Каутский «так же поверхностен», как и буржуазный экономист Лансбург, но последний «подошел все же к более научной обработке данных... Он взял сравнение не одной, случайно выхваченной страны...» (стр. 95), и далее: «а сравнивать попросту колонии вообще и не колонии... значит, обходить и затушевывать как раз суть (как это делает Каутский) дела» (стр. 97, см. еще стр. 99, 100), «наблюдатель перечисляет отдельные деревья, не видя леса... рабски копирует внешнее, случайное, хаотическое...» говорит Ленин о Риссере (стр. 104), но это можно отнести и ко многим «наблюдателям» типа Каутского.

[3]) Каутскианство, как теоретическое направление, тоже «связано с практикой, оно практически слилось... с мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной оппозицией (империализму)» (стр. 90).

[4]) Особенно ценные в этом отношении указания т. Ленин дает в предисловии к французскому и немецкому изданию «Империализма...» (напечатано под заглавием: «Империализм и капитализм» в «Ком-

Итоги.

12. Вот в общих чертах анализ марксистской методологии, как она вырисовывается в работах наиболее яркого и тонкого знатока ее—Ленина. Может возникнуть вопрос, и он естественен—что же особенного в этих приемах и требованиях? Что нового? Как будто все очень просто, ясно, что «необходимо изучать все стороны процесса, все связи, брать предмет в его изменении, включать в определение предмета всю человеческую практику; помнить, что истина всегда конкретна и т. д.», да еще несколько указаний на методы разработки статистических данных, и это все. Но это так кажется только поверхностному наблюдателю, а внимательный увидит, что это простое и есть истинно гениальное, как говорит поговорка.

Диалектика очень проста именно потому, что она есть сама жизнь, но уметь применять диалектический метод, продумать его и научиться владеть им—большая трудная работа, но работа необходимая, ибо овладевший диалектическим методом получает оружие неизмеримо более мощное для того, чтобы «переделать» мир, чем все арсеналы «всемогущего бога» и буржуазной науки. «Овладеть методом Ленина — вот задача нашего молодого [да и только ли молодого?] поколения коммунистов... Овладеть им значит, овладеть искусством побеждать с наименьшей тратой сил» [1]).

В. Дитякин.

14—21/IV, 1923.
Кабинет по изучению марксизма.
Казань.

мунистическом Интернационале», № 18, 1920 г. и Собрании сочинений, т. XVII, стр. 244—249); вот некоторые характерные цитаты из него: «... доказательство того, каков истинный... классовый характер войны (1914—1918 годов), содержится в анализе объективного положения командующих классов во всех воюющих державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно совокупность данных об основах хозяйственной жизни всех воюющих держав и всего мира» (курсив частью мой, последние четыре слова подчеркнуты самим т. Лениным) (стр. 245). Здесь же еще о каутскианстве и Гильфердинге (стр. 247—248).

[1]) Е. Преображенский. «Вождь партии». «Правда», 1923 г., № 58 (от 14/III).

Диалектика эксперимента.

I.

Разработка самой по себе материалистической диалектики, как метода исследования, поставлена на очередь дня. Тов. А. Тальгеймер в № 2 «Вестника Социалистической Академии» указывает, что разработка диалектики является «назревшей потребностью молодого революционного поколения, жаждущего знания».

Для полноты разработки диалектического метода, необходимо исследовать не только его применение к общественным и философским наукам, но также и к естествознанию. Переходя к естествознанию, которое всецело основано на эксперименте, мы прежде всего встречаемся с вопросом, какую роль играет диалектика в процессе экспериментального исследования? Ответ на этот вопрос может быть только один: естественно-научный эксперимент невозможен без явного или скрытого применения диалектики; эксперимент без диалектики не привел бы исследователя ни к каким результатам.

Но вот перед нами известные «четыре правила опытного исследования» Д. С. Милля, столь прославленные, обладающие исключительной популярностью в мире школьной философии. Напрасно бы мы стали искать каких бы то ни было следов диалектики в этих формально-логических схемах, которыми Милль пытается охватить опыт. При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что методы Милля фактически не приложимы к естествознанию, и что экспериментаторы не пользовались и не могли пользоваться этими формальными метафизическими схемами. Таким образом, популярность методов Милля создалась за счет школьной логики, увидевшей в «индуктивных» формальных правилах Милля как бы продолжение дедуктивной логики Аристотеля.

Прежде всего, мы докажем, что экспериментатор не может руководиться в своей работе правилами Милля, а затем проследим тот путь, которым действительно идет экспериментатор, и убедимся, что он идет путем диалектическим.

II.

Милль, прежде всего, формулирует метод согласия. Схема этого метода в коротких словах следующая: пусть мы можем наблюдать *a* в двух различных соединениях: *abc* и *ade*, пусть мы знаем, или можем найти, что в этих случаях соответственными предшествующими обстоятельствами были *ABC* и *АДЕ;* отсюда, согласно Миллю, можно вывести, что *A* связано с *a* законом причинной связи. Милль рассуждает так: «Действительно, *B* и *C* не могут быть причинами *a*, так как их нет во втором случае; точно также не могут быть причинами *a* ни *Д*, ни *E*, так как они отсутствовали в первом случае» [1]).

В указанном правиле ясно выражен метафизический склад мышления, и с точки зрения диалектики оно не выдерживает ни малейшей критики. Здесь обстоятельства *A, B, C, Д*, метафизически изолированы друг от друга, каждое из них существует само по себе. *A* нисколько не влияет на *BC* и *ДЕ*, и само нисколько не подвергается их влиянию. *A, B, C, Д* здесь не живые конкретные явления, вступающие в реакции между собою, видоизменяющие друг друга, но отвлеченные символы. Поэтому правило Милля не есть конкретная истина (истина всегда конкретна!), но отвлеченная схема, не приложимая к реальным явлениям.

Естествоиспытатель не может встать на точку зрения Милля, он будет мыслить все явления в их взаимной связи; естествоиспытатель будет рассуждать так: обстоятельств *BC* не было во втором случае, но место *BC* не осталось пустым; это место заняли обстоятельства *ДЕ*. Ниоткуда не следует, поэтому, что *B, C, Д* и *E* не принимали участия в произведении *a*, что *A* могло произвести *a* в первом случае без участия *BC*, а во втором—без участия *ДЕ*. Таким образом, нельзя считать экспериментально установленным, что *B* и *C* в первом случае, *Д* и *E*—во втором, не являлись причиной или частью причины *a*.

[1]) Д. С. Милль. «Система Логики», пер. под ред. Ивановского, изд. 1899 г. 311 стр.

Пусть, однако, после многочисленных наблюдений можно с большой степенью вероятности исключить обстоятельства *BC, ДЕ* и проч., пусть можно считать доказанным по методу Милля, что *A* есть причина *a*. Как отнесется к этому естествоиспытатель? Он не придаст этому никакого значения, он попросту пренебрежет указанным результатом. Естествоиспытатель задаст такой вопрос: имеет ли обстоятельство *A* особенное отношение именно к следствию *a*, или, может быть, *A* является также причиною явлений *в, с, d, e*, и проч.? Если верно последнее, то открытая причинная связь не имеет для естествоиспытателя ни малейшего интереса. А метод согласия по вопросу, интересующему естествоиспытателя, не дает никаких указаний.

Пусть, например, на поляриметре исследуются растворы веществ, отклоняющих плоскость поляризации светового луча. Рассуждая по схеме метода сходства, мы придем к странному выводу. Отклонение поляризованного луча, скажем мы, не может быть произведено веществом *B*, так как оно получается и в отсутствии *B;* то же самое можно сказать о веществе *C* и о всех прочих испытуемых веществах. Неизменным сопутствующим во всех явлениях было присутствие прибора и пучка света; следовательно, этот прибор и есть причина или часть причины явления.

Скажут, что здесь рассуждение неправильно, потому что сходство наблюденных случаев не ограничивается присутствием пучка света и поляризующего прибора, но заключается также и в том, что все вещества, деятельные в оптическом смысле, имеют в составе молекулы асимметрический атом углерода. Но здесь мы попадаем в порочный круг. Если при исследовании причин фактов мы будем руководиться ясным и бросающимся в глаза сходством, то наиболее важное и скрытое сходство мы неизбежно упустили. Можно ли вообще искать это скрытое сходство по «методу сходства», и не напоминает ли в этом случае правило метода юмористический совет, как поймать воробья? Скрытое сходство можно найти только вопреки «методу сходства». Пока исследователь будет по метафизическому рецепту Милля искать сходства в сходстве, он не двинется с места. Но естествоиспытатель (в нашем примере Вант-Гофф) искал диалектически сходства в различии, он несходное признал сходным и благодаря этому сделал блестящее открытие.

Перейдем теперь к методу различия. Милль говорит: «Если следствием *ABC* будет *abc*, а следствием *BC*—*bc*, то очевидно, что следствием *A* будет *a*» [1]).

Действительно, можно считать экспериментально установленным, что при данных условиях *a* есть следствие *A*, и *A* есть полная или же добавочная причина *a*. Итак, «истина» все-таки открыта? Но экспериментатор повернется спиной к этой «истине», такая «истина» ему совершенно не нужна. Второе правило Милля так же метафизично, как и первое. Оно построено по принципу или—или. *A* или является причиною *a*, или не является; эксперимент, по мнению Милля, должен выяснить, которое «или» является безусловной истиной. Для метафизика совершенно чужда мысль о том, что *A* может быть причиною *a* при одних условиях (напр., в присутствии *BC*), и может не быть причиною *a* при других условиях (напр., в отсутствии *BC*).

Экспериментатор спросит так: может ли явление *a* получиться в отсутствии *A*, т.-е. является ли *A* незаменимой причиной *a*, или же *A* может быть заменено чем-нибудь другим для производства того же результата? Метод различия опять не дает никаких указаний. Например, спокойно лежит некоторое количество иодистого азота; пусть это будет обстоятельство *BC*.

Вводим обстоятельство *A*, прикасаясь к указанному веществу бородкой гусиного пера. Происходит довольно сильный взрыв или явление *a*. Перо и его прикосновение действительно есть компонент причины взрыва; но какое это имеет значение, если перо можно заменить буквально первым подвернувшимся под руку твердым предметом для произведения того же результата. Кроме того, взрыв можно вызвать нагреванием, электричеством, звуком и т. под. Интересующая экспериментатора причина, столь легко вызываемого взрыва заключается как раз в обстоятельствах *BC*, т.-е. в строении иодистого азота.

Приведем еще пример. Когда было открыто искусственное индиго, то первое время процесс получения его шел слишком медленно, результатом чего являлась дороговизна производства и невозможность конкурренции с естественной краской. Однажды химик, ведущий производство, заметил, что процесс, в силу какой-то неизвестной причины, прошел чрезвычайно

[1]) Там же, 313 стр.

быстро. Причину эту отыскать не удалось. Через некоторое время, после многих тщетных попыток, процесс опять прошел с большой быстротой; на этот раз химик обратил внимание на обстоятельство, послужившее причиной: оба раза случайно разбивался термометр, погруженный в реакционную смесь. Это дало ему повод для следующих соображений: термометр разбился; ртуть вытекла в реакционную смесь; некоторые металлы служат ускорителями реакций; надо применить ртуть в качестве катализатора, а также применить для этой цели и другие металлы. Средство для быстрого получения индиго было найдено.

Необходимо обратить внимание, что химик рассуждал вопреки методу различия: метод различия «доказывал», что разбитый термометр является причиной ускорения реакции, а химик вывел, что реакцию следует ускорять, не разбивая термометра. И если всмотреться ближе, то станет ясным, что химик пользуется методом различия диалектически, т.-е. он превращает его в другой метод, которого нет у Милля и о котором речь будет дальше. В самом деле, он признает вывод по схеме метода Милля и в то же время отрицает его: признает, как факт, и отрицает, как закон.

Методы сходства и различия, взятые отдельно, дают мало. Не многим более дает и соединенный метод сходства и различия.

Если, например, экспериментатор пользуется для своих опытов электрическим током, и при этом он будет строго придерживаться схемы соединенного метода, то он рискует приходить каждый раз к одним и тем же результатам, а именно, что замыкание тока и есть причина явления. В самом деле, во всех опытах необходимым предшествующим является замыкание тока. Во всех случах, когда ожидаемого эффекта не получалось, можно было найти неправильность в соединении проводов, т.-е. отсутствие замыкания тока. Указанный вывод был бы совершенно правильным, но, к сожалению, вовсе не ценным.

Между тем, это все, что можно вывести при помощи метафизических правил. Милль соединяет методы сходства и различия; но и в этом соединении они остаются разъединенными: он предлагает искать отдельно сходства в сходстве и отдельно различия в различии; экспериментатор же должен искать сходства в различии.

Все вышесказанное можно повторить по отношению к методу остатков и к методу сопутствующих изменений. Эти методы точно так же дают возможность констатировать с большей или меньшей вероятностью простейший факт причинной связи, но оставляют открытым вопрос, имеет ли констатированный факт какое-либо значение для исследования.

III.

Теперь рассмотрим тот действительный метод, который применяет всякий экспериментатор. Допустим, что установлены следующие факты: совокупность условий *ABC* вызывает появление результата *a;* при условиях *AB, AC, BC* результат *a* не может появиться; следовательно *ABC* есть полная причина *a*. Окончено ли экспериментальное исследование? Ничуть, с этого момента оно только начинается.

Экспериментатор начинает с отрицания указанного факта, т.-е. он отрицает его, как закон. Экспериментатор будет стараться всячески видоизменять явление, но так, чтобы оно в существенном не изменялось. Прежде всего он заменит обстоятельство *A* в комплексе причин другим обстоятельством, сходным с *A*, напр., обстоятельством *A′*, затем *A″* и т. д. В результате получится, что обстоятельства *A′BC*, *A″BC* и т. д. также приводят к результату a. Затем будет последовательно замещаться *B* обстоятельствами *B′*, *B″* и т. д. с ним сходными. Обратив внимание в чем сходны между собою *A,A′,A″...*, а также *B, B′, B″...*, исследователь разскрывает тот действительный механизм, который лежит в основе явления.

Научно констатированный факт ускорения какой-либо химической реакции ртутью может послужить исходным пунктом для исследования. Ртуть или ее соли будут последовательно заменяться солями других металлов: меди, ванадия, платины и т. п., в результате чего вырабатывается общее понятие о катализаторе или ускорителе реакций, который должен представлять собою металл, имеющий несколько степеней окисления, легко поглощающий и отдающий кислород. Вещества ускоряемой реакции также могут заменяться другими, и таким образом будет разработана общая теория катализа.

Легко убедиться, что указанный пример не подходит ни под один из методов Милля. Здесь мы не имеем нескольких

случаев, сходных лишь в одном обстоятельстве; скорее мы имеем случаи, различающиеся только в одном обстоятельстве. Значит—это не метод сходства.

Но это и не метод различия: причины различаются только в одном обстоятельстве, а действия остаются (по крайней мере, качественно) без изменения.

Характерною особенностью описанного метода является то, что экспериментатор вводит различия, которые в своей сущности не являются различиями. Такой метод можно назвать, поэтому, методом диалектического различия.

Но иногда случается наблюдать, что тот же самый результат *a* получается при существенно различных обстоятельствах. Например, совокупность условий *ABC* дает в результате *a*, но и совокупность условий *XYZ* также дает в результате *a*. В других случаях компонент полной причины может быть заменен другим обстоятельством без изменения результата; но замещающие друг друга обстоятельства не только не аналогичны, но, повидимому, не имеют между собою ничего общего. Например *ABC* производит *a* и *EBC* производит тоже *a*.

В таких случаях естествоиспытатель несходное признает сходным. Несходство он рассматривает как факт, сходство—как скрытый закон. Чем более несходными кажутся причины, тем более блестящим будет открытие закона.

В пример можно привести электромагнитную теорию света. Скорость света была измерена оптическими методами и найдена равной приблизительно 300000 km/sec. Оказалось, что в другой области физики, повидимому, несоизмеримой с первой, была получена та же самая цифра. Отношение абсолютных электромагнитных единиц к электростатическим, как оказалось, имеет ту же величину и тот же самый функциональный состав, т.-е. представляет собою точно также длину, отнесенную к времени. Отсюда было сделано заключение, что свет и электричество имеют тождественную природу. Это заключение подтвердилось и создало эпоху в науке.

В упомянутом ранее примере связь между асимметрическим атомом углерода и способностью отклонения плоскости поляризации была открыта таким же образом. Чтобы усмотреть асимметрические атомы углерода в деятельных веществах, надо предварительно умозаключить, что в этих веществах, не

имеющих, повидимому, никакого общего всем им признака, непременно должно существовать сходство.

Этот второй метод можно назвать методом диалектического сходства.

IV.

Если мы бросим общий взгляд на тонкие построения современной экспериментальной науки, то мы убедимся, что экспериментатор не может не быть диалектиком; он не может не рассматривать все явления во взаимной связи. Никакое явление не имеет значения и интереса, не имеет даже названия, взятое изолированно, вне отношения к другим явлениям. Одно явление наслаивается на другом и в свою очередь служит основанием для наслаивания следующего явления. Если рассматривать одно явление, как норму, то другое явление будет, уклонением от этой нормы, а третье—уклонением от уклонения и т. д. Можно сказать еще так: одно явление представляет базис; на этом базисе возникает другое явление в качестве надстройки, при чем на этой надстройке, как на базисе, возникают все новые надстройки.

Прямолинейное распространение света есть простое нормальное явление. При известных условиях явление усложняется, происходит дисперсия света, т.-е. преломление или рассеяние. В некоторых же случаях наука имеет дело с аномальной дисперсией, при чем последняя также имеет свои законы.

Кроме прямолинейного распространения света и простого преломления его имеет место еще двойное преломление. На этом базисе возникает новое явление: один из двух возникающих таким образом лучей может быть поляризован в определенной плоскости. На этом базисе возникает еще надстройка: плоскость поляризации луча может подвергнуться отклонению. Приведем еще пример из области химии. Медленное течение некоторой реакции является базисом. На этом базисе возникает надстройка: ускорение реакции при помощи катализатора. На этом базисе возникает новая надстройка: отравление катализатора и парализование его способности к действию. Затем можно, в свою очередь, бороться и с этим связыванием или отравлением катализатора и т. д.

Теперь очевидно, что при исследовании столь тонких обстоятельств метафизические правила и формальные схемы не могут принести никакой пользы. Экспериментатор должен вносить диалектические различия и открывать диалектические сходства. Только тот исследователь получает ценное результаты, который является хорошим диалектиком.

Таким образом, в том, что является наиболее важным для естествознания, т.-е. в эксперименте, обнаруживается господство диалектики и полная несостоятельность школьного логического формализма.

И. Орлов.

Материализация и сознание пролетариата [1].

III.

Точка зрения пролетариата [2].

(Окончание).

Уже в своей ранней критике гегелевой философии права Маркс ясно формулировал особое положение пролетариата в обществе и истории, то положение, при котором выявляется его сущность, как субъект-объекта общественно-исторического процесса развития. Маркс говорит: «Если пролетариат провозглашает упразднение существовавшего доселе порядка вещей, то он этим высказывает только тайну своего собственного существования, ибо оно есть фактическое упразднение этого порядка». Самопознание пролетариата есть, следовательно, вместе с тем объективное познание сущности общества. Преследование пролетариатом своих классовых целей есть вместе с тем сознательное осуществление объективных целей общественного развития, которые, однако, без этих сознательных усилий пролетариата неизбежно оставались бы лишь абстрактными возможностями, объективно неосуществимыми.

Но что же меняется от этого положения в самом обществе или хотя бы только в возможности мысленно занять ту или иную позицию по отношению к нему? На первых порах—ничего. Ведь пролетариат является продуктом капиталистического общественного строя. Формы его бытия—как было показано в первой главе—таковы, что овеществление должно проявиться в них наиболее ярко, должно привести к глубочайшему унижению человека. Овеществление всех проявлений жизни пролетариат делит, таким образом, с буржуазией. Маркс говорит [3]: «Имущий класс и класс пролетариата представляют собою одно и то же самоотчуждение человека. Но первый чувствует себя в этом самоотчуждении благополучным и утвержденным, он сознает это отчуждение как свою собственную мощь и обладает в нем иллюзией человеческого существования; второй же чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и реальный факт нечеловеческого существования».

[1]) Редакция некоторые места в статье тов. Лукача считает дискуссионными и терминологию невсегда марксистски выдержанной.

[2]) См. «Вестник Соц. Акад.», кн. 4 и 5.

[3]) Nachlass, II, 132.

I.

Итак, возникает иллюзия, будто—даже для марксистского мировоззрения—в самой объективной действительности не произошло никаких перемен; изменилась только «точка зрения» на нее, только ее субъективная «оценка». Эта иллюзия в самом деле таит в себе весьма важный момент истины. И момент этот должен быть удержан во что бы то ни стало, если мы не хотим, чтобы правильное воззрение незаметным образом превратилось в нелепость. Выразимся конкретнее: объективная действительность общественного бытия в ее непосредственности «одна и та же» для пролетариата и буржуазии. Но это не мешает тому, что специфические категории опосредствования, при помощи которых эта непосредственность сознается обоими классами, при помощи которых голая непосредственная действительность становится для них действительностью подлинно объективной,—что эти категории, в виду различного положения обоих классов в «одном и том же» хозяйственном процессе, должны быть радикально различными. Ясно, что с этой постановкой вопроса мы снова, только с другой стороны, подошли к основному вопросу буржуазного мышления, к проблеме вещи в себе. Ибо приняв, что превращение непосредственно данного в действительно познанную (а не только знакомую) и поэтому действительно объективную действительность, т.-е. действие наших категорий на образ мира, есть нечто только «субъективное», только иная «оценка» ничуть при этом не изменившейся действительности, мы тем самым приписали объективной действительности характер вещи в себе по отношению к нашей деятельности, направленной на ее изменение. Правда, та гносеология, которая считает эту «оценку» чисто субъективной, не затрагивающей существа фактов, утверждает, что она-то как раз и подходит вплотную к фактам самой действительности. Ее самообман заключается в том, что она не отдает себе критиче-

ского отчета в обусловленности своей собственной точки зрения (особенно в ее обусловленности тем общественным бытием, которое лежит в ее основании). Возьмем, напр., Риккерта, у которого это понимание истории получило наиболее развитую и логически разработанную форму. Он говорит об историке, изучающем «свой собственный культурный мир», следующее [1]: «Когда историк образует свои понятия на основе ценностей того общества, к которому он сам принадлежит, тогда объективность его изложения зависит исключительно от правильности фактического материала, и вопрос о том, существенно ли то или другое событие прошлого, вовсе не может возникнуть. Он свободен от всякого произвола, когда, напр., относит развитие искусства к эстетическим культурным ценностям, а развитие государства к политическим, и даваемое им изложение, поскольку оно воздерживается от всяких неисторических оценок, обязательно для всякого, кто вообще признает эстетические или политические культурные ценности в качестве всеобщих норм для членов своего общества». Привлечение материально непознанных и лишь формально значимых «культурных ценностей», как основы для объективности истории, как будто выключает субъективность судящего историка, но при этом мерилом объективности, путем к ней оказывается фактическая наличность «культурных ценностей, значимых для его общества (т.-е. для его класса)». Произвол и субъективности перелагаются из материи отдельных фактов и из суждений о них в самый критерий оценки, в «значимые культурные ценности», исследование которых на этой почве становится невозможным: «культурные ценности» становятся для историка вещью в себе—процесс, аналогичный тому, который мы констатировали в первой главе для экономики и юриспруденции. Еще важнее, однако, другая сторона вопроса, а именно то, что трансцендентный характер отношения между содержанием и формой с необходимостью приводит к проблеме законченного целого. Риккерт и по этому поводу высказывается с похвальной ясностью [2]). Подчеркнув методическую необходимость материального учения о ценностях для философии истории, он продолжает: «И точно так же универсальная (всемирная) история может быть изложена целостно только с помощью некоторой системы культурных ценностей и предполагает, следовательно, материальную философию истории. В остальном, однако, для суждения о научной объективности чисто исторических изложений нет надобности в знании какой-либо системы ценностей». Спрашивается однако: есть ли противоположность между исторической монографией и всемирной историей только вопрос объема, или мы имеем здесь дело с вопросом метода? Правда, с точки зрения гносеологии Риккерта, историческая наука и в первом случае была бы крайне проблематичной. Ибо «факты» истории, несмотря на все «отнесение к ценности», должны у него оставаться в своей сырой и неопознанной фактичности, так как всякая возможность действительно понять их, познать их действительный смысл, их действительную функцию в историческом процессе, методически уничтожена принципиальным отказом от познания целого. Но вопрос о всемирной истории есть, как это показано нами в другом месте [1]), вопрос методический, необходимо возникающий при всяком изложении малейшего отдела истории или выреза из истории. История, как целое (всемирная история), не есть ни просто механическая сумма отдельных исторических событий, ни трансцендентная по отношению к этим событиям область, для построения которой требовалась бы поэтому особая дисциплина—философия истории. Нет, исторический процесс в целом есть и сам реальная историческая сила—пусть пока еще не осознанная, но такая, которую нельзя оторвать от действительности (и, следовательно, познаваемости) отдельных исторических фактов, не уничтожив тем самым и их собственную действительность. Она составляет последнее, действительное основание их действительности, их фактической наличности и, значит, их истинной познаваемости даже и как единичных фактов. В указанной статье мы привели теорию кризисов Сисмонди в качестве примера того, как недостаточное использование категории целого сделало невозможным действительное познание отдельного явления, несмотря даже на правильное наблюдение всех его подробностей. Там мы видели, что включение в целое—предпосылкой для него служит взгляд, что подлинная историческая действительность и есть целостный исторический процесс—радикально меняет не только наше суждение об отдельном явлении, но и содержание самого этого отдельного явления, так таковое. Еще

[1]) Grenzen der naturwissensc haftlichen Begriffsbildung, 2-е изд., 562.
[2]) Там же, 606—7.

[1]) См. мою статью: «Что такое ортодоксальный марксизм?».

рельефнее обнаружится противоположность между этим воззрением, изолирующим отдельные исторические явления, и точкой зрения целого, если мы, напр., сравним взгляд буржуазных экономистов на функцию машины со взглядом Маркса [1]): «Неотделимые от капиталистического употребления машин противоречия и антагонизмы не существуют, потому что они вытекают не из машин, а из капиталистического употребления. Так как машины сами по себе сокращают рабочее время, а при капиталистическом употреблении удлиняют рабочий день, так как они сами по себе облегчают труд, а при капиталистическом употреблении повышают его интенсивность, сами по себе означают победу человека над силами природы, а при капиталистическом употреблении порабощают человека силам природы, сами по себе увеличивают богатство производителей, а при капиталистическом употреблении делают их нищими и т. д., то буржуазный экономист просто заявляет, что рассмотрение машин самих по себе точнейшим образом доказывает, что все эти очевидные противоречия только иллюзия вульгарной действительности, сами же по себе, а значит и в теории, вовсе не существуют».

Оставим на минуту в стороне апологетический классовый характер буржуазно-экономического воззрения и взглянем на рассматриваемую противоположность чисто методологически. Мы увидим тогда, что буржуазное воззрение, беря машину в ее изолированной единственности, в ее фактической «индивидуальности» (ибо, как факт экономического развития, машина есть исторический индивидуум в смысле Риккерта), искажает ее действительную сущность, потому что ложно объявляет ее функцию в капиталистическом процессе производства ее «вечным» существенным свойством, неотделимой составной частью ее индивидуальности. В смысле метода это воззрение превращает, таким образом, всякий исторический предмет в неизменную монаду, отрезанную от всех остальных, столь же неизменных монад и навеки связанную с теми свойствами, которыми она обладает в своем непосредственном бытии. Так за ней сохраняется, правда, ее своеобразная индивидуальность, но это всего лишь индивидуальность простой фактичности, непосредственного вот-так-существования. «Отнесение к ценности» ничего тут не меняет, потому что оно дает только возможность сделать выбор из бесконечного

[1]) Kapital, I, 406—7.

множества таких фактичностей. Как отнесенность этих индивидуально-исторических монад друг к другу есть чисто внешняя, лишь описывающая их простую фактичность, так и их отношение к руководящему принципу выбора остается чисто фактическим, т.-е. случайным.

А между тем, сущность истории—как этого не могли не заметить действительно выдающиеся историки XIX-го века, напр., Риттль, Дильтей, Дворжак—заключается как раз в изменении тех структивных форм, посредством которых человек данной эпохи постигает окружающий его мир и которые определяют весь строй его внутренней и внешней жизни. Ибо такое изменение только в том случае объективно возможно (и, следовательно, только в том случае может быть адэкватно понято), если индивидуальность и единственность данной эпохи, данного образа и т. д. заключаются в своеобразии этих структивных форм, в них и через них раскрываются. Но непосредственная действительность ни переживающему ее человеку, ни историку не может быть дана непосредственно в этих своих истинных структивных формах. Эти формы еще должны быть найдены, и путь к их нахождению есть путь познания исторического процесса, как целого. На первый взгляд кажется,—и для всякого, кто остановился на ступени непосредственности, этот «первый взгляд» остается и последним,—будто этот выход за пределы данного есть чисто мысленное движение, пустая абстракция. Но сама эта иллюзия есть только продукт интеллектуальных навыков, внушаемых все той же голой непосредственностью, для которой непосредственно данные, вещные формы предметов являются чем-то первичным, реальным, объективным, а их «отношения» чем-то вторичным, только субъективным. С этой точки зрения всякое действительное изменение должно представляться непостижимым. Неоспоримый факт изменяемости отражается в формах этого непосредственного сознания как катастрофа, как внезапная перемена, вторгающаяся извне и исключающая всякие переходы [1]).

[1]) О материализме XVIII века ср. Плеханов, указ. соч., 51. Что буржуазная теория кризисов, теория возникновения права и т. д. стоят методически на этой точке зрения, мы показали в первой главе. Да и по собственно историческим сочинениям легко убедиться, что всякое изложение, игнорирующее связь событий с историческим процессом в целом, вынуждено превращать как раз важнейшие моменты истории в бессмысленные катастрофы, потому что их причины лежат вне той обла-

Чтобы изменчивость стала вообще понятной, мышление должно подняться над неподвижной замкнутостью своих предметов, должно поставить «вещи» и «отношения между ними» на одну и ту же ступень действительности. Чем больше мы удаляемся от голой непосредственности, чем шире протянутая над вещами сеть «отношений», чем полнее вещи переходят в систему этих отношений, тем больше изменчивость освобождается от своего катастрофического характера, тем больше она становится доступной пониманию.

Но только в том случае, когда этот выход за пределы непосредственно данного совершается в направлении к повышенной конкретности предметов, когда полученная таким путем система посредствующих понятий становится,—по счастливому выражению Лассаля о философии Гегеля,—законченной целостностью эмпирии. С методическими границами формально-рациональных, абстрактных систем понятий мы уже познакомились. Здесь нам важно только подчеркнуть, что с помощью этих систем методически невозможно уничтожить описанным образом голую фактичность исторических фактов (Риккерт и все новейшие теории истории стремятся доказать то же самое, и это им действительно удалось доказать). На этой почве можно в лучшем случае построить формальную типологию общественно-исторических явлений, в которой исторические факты могут привлекаться в качестве примеров,—но ясно, что между системой понятий и познаваемой исторической действительностью тут сохраняется все та же чисто случайная связь. Происходит ли это в наивной форме искания «социологических законов» (конто-спенсеровский тип), причем методическая неразрешимость задачи обнаруживается в нелепости выводов, или же эта методическая невозможность критически осознается с самого начала (Макс Вебер),—все равно, результат, желаемый или невольный, получается всегда один и тот же: проблема фактической наличности снова отодвигается в историю, и непосредственность чисто исторической точки зрения остается неустраненной.

Гносеологическую позицию риккертова типа (т.-е. наиболее критического и сознательного буржуазного типа) мы назвали остановкой на ступени голой непосредственности. Этому

сти, в которой они обнаруживаются наиболее катастрофично. Напомню о переселении народов, о нисходящей линии немецкой истории со времени ренессанса и т. д.

как будто противоречит очевидный факт, что сама историческая действительность может быть достигнута, познана и изображена только в результате сложного процесса опосредствования. Не следует, однако, забывать, что непосредственность и опосредствование сами входят моментами в диалектический процесс, что каждая ступень бытия (и его постижения человеком) имеет свою непосредственность, в смысле гегелевой феноменологии [1]), когда к непосредственно данному объекту мы должны «относиться так же непосредственно или рецептивно, т.-е. ничего не изменяя в том, как он является».

Выходом за пределы этой непосредственности может быть только генезис, порождение объекта. Ибо для этого уже необходимо, чтобы формы опосредствования, в которых совершается этот выход, были поняты, как структивные принципы построения и реальные тенденции развития самих предметов, т.-е. необходимо, чтобы мысленный и исторический генезис в принципе совпадали. Мы проследили исторический ход идей, который в процессе развития буржуазной мысли все сильнее толкал к разрыву между этими двумя принципами. Мы констатировали при этом, что вследствие этой методической двойственности действительность распалась на множество нерациональных фактов, над которыми протянута сеть чисто формальных, опустошенных от всякого содержания «законов». И «гносеологический» выход за эту абстрактную форму непосредственной данности мира (и его мыслимости) увековечивает эту структуру, оправдывает ее,—с данной точки зрения вполне последовательно,—как необходимое «условие возможности» этого миропонимания. Но так как все это «критическое» направление не в силах привести к действительному порождению объекта, т.-е. в данном случае мыслящего субъекта, и даже уводит в прямо-противоположную сторону, то в конце этой «критической» переработки действительности снова появляется та же непосредственность, перед которой стояло обыденное сознание буржуазного человека, — выраженная в понятиях, но тем не менее сохранившая всю свою непосредственность.

Итак, непосредственность и опосредствование суть не только сопринадлежные и взаимно друг друга восполняющие

[1]) Hegels Werke, II, 173.

способы отношения к действительности, но—согласно диалектическому характеру этой действительности и ее постижения человеком—это способы диалектически соотносительные, т.-е. всякое опосредствование с необходимостью приводит к такой точке зрения, на которой порожденная им предметность принимает форму непосредственности. Такова именно позиция буржуазного мышления перед лицом общественно-исторического бытия буржуазного строя (проясненного и освещенного целым рядом опосредствований). Так как тут оно уже не в силах найти дальнейшие опосредствования, не в силах понять бытие и возникновение буржуазного общества, как продукт того же самого субъекта, который «породил» целостную систему познаний, то его последней и решающей точкой зрения становится точка зрения голой непосредственности. Ибо, говоря словами Гегеля [1]), «посредствующим должно бы было быть то, в чем обе стороны слились бы в единство, так что сознание могло бы узнать один момент в другом—свою цель и деятельность в своей судьбе, а свою судьбу в своей цели и деятельности, узнать свою собственную сущность в этой необходимости».

Все предшествующее изложение, надеюсь, достаточно ясно показало, что именно тут, именно в деле этого опосредствования, буржуазное мышление оказалось и должно было оказаться бессильным. Для экономической области это множество раз доказывал Маркс [2]), который определенно свел ложные представления буржуазной экономики об экономическом процессе капитализма к отсутствию опосредствования, к методическому избеганию посредствующих категорий, к непосредственному принятию производных форм предметности, к остановке на ступени непосредственного представления. Во второй главе мы подробно разобрали те логические выводы, которые вытекают из природы буржуазного общества и из методической границы буржуазного мышления; мы вскрыли те антиномии (субъекта и объекта, свободы и необходимости, индивидиума и общества, формы и содержания и т. д.), к которым оно неизбежно приходит. Теперь нам важно подчеркнуть, что хотя буржуазное мышление и приходит к этим антиномиям лишь в результате величайших умственных усилий, оно все же принимает как нечто самоочевидное и не-

[1]) Там же, 275.

[2]) Kapital, III, I, 326—27, 340—41, 364—65, 368—69, 377—78, и т. д.

устранимое ту бытийную основу, из которой они вырастают оно относится к ней непосредственно. Вот что говорит, напр., Зиммель об идеологической структуре овеществления [1]): «Пусть поэтому эти противоположные тенденции, раз они уже существуют, стремятся к идеалу абсолютно чистого разграничения, чтобы по мере того, как объективное содержание жизни будет становиться все более объективным и безличным, тот ее остаток, который уже не может быть овеществлен, становился все более личным, все более неоспоримым достоянием *я*». Но тем самым то, что должно было быть выведено и понято, становится просто принятым и даже этически идеализованным принципом объяснения всех явлений. Необъясненная и необъяснимая фактичность бытия и строя буржуазного общества получает характер вечного закона природы или безвременно значимой культурной ценности.

Но это есть вместе с тем самоупразднение истории. «Итак, история существовала прежде,—говорит Маркс о буржуазной политической экономии [2]),—но теперь она уже не существует». Пусть эта антиномия принимает в позднейшее время все более утонченные формы, выступая даже как историзм и исторический релятивизм,—основная проблема, проблема упразднения истории, от этого не меняется нисколько. Наиболее обнаженно эта антиисторическая сущность буржуазной мысли предстанет перед нами, когда мы взглянем на проблему современности, как на историческую проблему. Здесь нет надобности приводить примеры. Полнейшая неспособность всех буржуазных мыслителей и историков понять мировые события наших дней в их всемирно-историческом значении, наверное, в памяти у всякого здравомыслящего человека, пережившего мировую войну и начало мировой революции. И это полнейшее бессилие, низведшее даже заслуженных историков и проницательных мыслителей на жалкий духовный уровень самой низкопробной провинциальной журналистики, нельзя объяснять одними внешними причинами (цензурой, приспособлением к «национальным» классовым интересам и т. д.),—нет, это бессилие имеет свое методическое основание в том, что созерцательно-непосредственное отношение между субъектом и объектом познания создает тот самый «темный и пустой» иррациональный проме-

[1]) Philosophie des Geldes, 531.

[2]) Elend der Philosophie, 104.

жуток, о котором писал Фихте и который своей темнотой и пустотой вторгался и в познание прошлого, но там был незаметен благодаря временно-пространственной и исторической удаленности предмета, а теперь должен был обнаружиться во всей своей обнаженности. Яснее, может быть, чем подробный анализ, которого мы здесь все равно не можем дать, осветит эту методическую ситуацию одно изящное сравнение Эриста Блоха. Там, где природа становится пейзажем,—в противоположность, напр., бессознательной погруженности крестьянина в жизнь природы,—там художественная непосредственность этого переживания (прошедшего, разумеется, много посредствующих ступеней, прежде чем достигнуть этой непосредственности) имеет своей предпосылкой пространственное расстояние между зрителями и пейзажем. Зритель находится вне пейзажа, иначе природа не могла бы стать для него пейзажем. Если бы он, не покидая почвы этой эстетически-созерцательной непосредственности, попытался воспринять самого себя и непосредственно окружающую его природу, опять-таки, как пейзаж, то он тотчас же убедился бы, что пейзаж становится пейзажем только при определенном — правда, в различных условиях, различном—расстоянии от зрителя, что он может воспринять природу, как пейзаж, только будучи пространственно отделенным от нее. Для нас это сейчас важно только как пример, потому что переживание пейзажа находит свое естественное и недвусмысленное выражение в искусстве, хотя, впрочем, не следует забывать, что в искусстве развертзается такое же расстояние между субъектом и объектом, как во всех остальных областях современной жизни; и что искусство может быть только оформлением, но не реальным разрешением сосредоточенных здесь проблем. В истории же, как только она вплотную подходит к современности,—а это неизбежно, потому что в конечном счете история интересует нас, как средство понять современность,—в истории это, по выражению Блоха, «вредное пространство» выступает в обнаженном виде. Ибо оказывается, что оба полярно-противоположные понятия, на которые дифференцируется неспособность буржуазно-созерцательной мысли понять историю—«великие личности», как самодовлеющие творцы истории, и «естественные законы» исторической среды,—что оба эти понятия, вместе и порознь, равно бессильны перед лицом того радикально-нового, что несет в себе современность и что требует

своего осмысления [1]). Внутреннее совершенство художественного произведения может прикрыть разверзающуюся здесь бездну: его совершенная непосредственность не допускает никаких дальнейших поисков опосредствования, которое для стоящего на созерцательной точке зрения невозможно. Но современность, как проблема истории, как проблема практически неустранимая, повелительно требует своего опосредствования. Мы должны считаться с этим требованием. Но при всякой попытке в этом направлении мы убеждаемся в истинности того, что Гегель говорит об одной ступени самосознания (в связи с приведенным выше определением опосредствования): «Так в результате своего опыта, в котором ему должна была открыться его истина, сознание стало, наоборот, загадкой для себя; в последствиях своих действий оно не видит своих же действий; то, что с ним происходит, не есть для него опознание того, что оно есть в себе; переход от одного к другому не есть для него лишь формальное изменение одного и того же содержания и сущности, только один раз представляемых, как содержание и сущность сознания, а другой раз как предмет и созерцательная сущность самого себя. Абстрактная необходимость понимается, таким образом, как чисто отрицательная, непонятая власть всеобщего, о которую вдребезги разбивается индивидуальность».

2.

Пролетарское познание истории начинается с познания современности, с осознания своего собственного общественного положения, с обнаружения его необходимости (в смысле генезиса). Совпадение генезиса и истории или, точнее говоря, такое положение, когда они суть лишь моменты одного и того же процесса, возможно только в том случае, если, с одной стороны, все категории, в которых построяется человеческое существование, признаются определениями самого существования (а не только его познаваемости), и если, с другой стороны, их по-

[1]) Укажу еще раз на плехановскую дилемму старого материализма. Что логическая позиция всякой буржуазной философии истории тяготеет к механизации «массы» и к иррационализированию героя, показал Маркс в полемике против Бруно Бауэра (Nachlasz, II, 178 слл.). Но, например, у Карлейля или Ницше можно наблюдать совершенно такую же двойственность точек зрения. Даже такой осторожный мыслитель, как Риккерт, склонен (несмотря на некоторые оговорки) рассматривать «среду» и «массовые движения», как нечто закономерное, и лишь отдельную личность, как историческую индивидуальность. См. указанное сочинение, 440, 460—1, и т. д.

следовательность, их связь и их сочетание являются моментом самого исторического процесса, структивной характеристикой современности. Последовательность и внутренная связь категорий не составляют, таким образом, ни чисто логического, ни чисто исторического ряда. «Их порядок определяется отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе и которое прямо противоположно тому, что представляется их естественным отношением или соответствует ряду исторического развития» [1]). Это в свою очередь предполагает, что в мире, противостоящем человеку в теории и практике, может быть обнаружена такая предметность, которая, если до конца продумать и понять ее, ни в одном пункте не должна оставаться на ступени голой непосредственности, которая, следовательно, может быть понята как проходящий момент, посредствующий между прошлым и будущим, и таким образом во всех своих категориальных определениях может быть обнаружена, как продукт человека, как продукт общественного развития. Но тем самым мы подошли к вопросу об «экономической структуре» общества. Вспомним, что говорил Маркс [2]) в своей полемике против псевдо-гегельянца и вульгарного кантианца Прудона, ложно отрывающего принципы (т.-е. категории) от истории. Когда поднимается вопрос, «почему такой-то принцип обнаружился как раз в XI или XVIII веке, а не в каком-нибудь другом, то мы видим себя вынужденными детально исследовать, каковы были люди XI или XVIII века, каковы были тогда их потребности, их производительные силы, их способы производства, сырье этого производства, каковы, наконец, были отношения между людьми, вытекавшие из всех этих условий существования. Но исследовать все эти вопросы не значит ли изучить действительную, мирскую историю людей такого-то века, изобразить этих людей как одновременно авторов и актеров своей собственной драмы? Но с того самого момента, как мы изображаем людей актерами и авторами их собственной истории, мы окольными путями уже вернулись к действительному исходному пункту, потому что отказались от тех вечных принципов, от которых исходили сначала».

Было бы, однако, заблуждением,—и это заблуждение составляет методический исходный пункт всякого вульгарного

[1]) Zur Kritik der politischen Ökonomie, XLIV.

[2]) Elend der Philosopie, 97—98.

марксизма,—если бы мы сочли эту точку зрения простым принятием непосредственно данной (т.-е. эмпирической) структуры общества. При этом то непринятие, которое мы сейчас имеем в виду, этот выход за пределы голой непосредственности, отнюдь не означает простое недовольство эмпирией, простую, абстрактную волю к ее изменению. Такая воля, такая оценка эмпирии в самом деле оставалась бы только субъективной—«оценочным суждением», желанием, утопией. Но даже и в том случае, когда утопическая воля принимает философски более объективную и проясненную форму долженствования, она отнюдь еще не поднимается над принятием эмпирии и, следовательно, над простым—хотя бы и философски утонченным—субъективизмом попыток к изменению. Ибо как раз в той классической и чистой форме, которую долженствование получило в кантовой философии, оно предполагает некоторое бытие, к которому категория долженствования принципиально неприменима. Стало быть, как раз тогда, когда отказ субъекта от простого принятия эмпирически данного ему бытия принимает форму долженствования, непосредственно данная форма эмпирии получает философскую санкцию; она философски увековечивается. «Из понятия свободы,—говорит Кант [1]),—ничего нельзя объяснить в явлениях, но тут повсюду руководящей нитью должен быть механизм природы». Таким образом, перед всякой теорией долженствования стоит дилемма: либо приписать долженствованию чисто субъективный характер, оставив неизменным бессмысленное существование эмпирии, бессмысленность которой есть методическая предпосылка долженствования, потому что в осмысленном бытии проблема последнего вовсе не могла бы возникнуть; либо принять некий трансцендентный (по отношению к бытию и долженствованию) принцип, чтобы иметь возможность объяснить реальное воздействие долженствования на бытие. Намеченное уже Кантом и приобретшее большую популярность решение вопроса путем ссылки на бесконечный прогресс только маскирует неразрешимость этой проблемы. Ведь с философской точки зрения важен не срок, нужный долженствованию для преобразования бытия, а важно указать те принципы, при помощи которых долженствование вообще в состоянии воздействовать на бытие. Но эта-то последняя возможность

[1]) См. «Критика практического разума» и «Основоположение метафизики нравов». Ср. также критику Гегеля, Werke, III, 133 слл.

как раз и исключена—утверждением механизма природы, как неизменной формы бытия, строго дуалистическим разграничением бытия и долженствования, их взаимной непроницаемостью, на этой точке зрения совершенно неустранимой. А то, что невозможно в силу самого метода, никогда не станет вдруг реальностью потому только, что мы будем рассматривать бесконечно малые элементы этой невозможности, как моменты бесконечного прогресса.

Впрочем, отнюдь не случайно, что именно в идее бесконечного прогресса буржуазная мысль нашла выход из того противоречия, которое ставится перед ней фактом истории. По Гегелю [1]), этот прогресс появляется «повсюду, где относительные определения доведены до взаимной противоположности, так что они пребывают в неразлучном единстве, и все-таки каждому приписывается независимость от другого. Этот прогресс есть, следовательно, противоречие, которое не разрешается, а лишь постоянно утверждается, как наличное». И тот же Гегель показал, что методическая операция, составляющая логическую предпосылку бесконечного прогресса, заключается в том, что элементы этого прогресса, качественно несравнимые, приводятся в чисто количественное отношение друг к другу, но так, что при этом «каждый элемент признается равнодушным к этому изменению» [2]). Тем самым старая антиномия вещи в себе возвращается в новой форме: с одной стороны, бытие и долженствование пребывают попрежнему в непреодолимой противоположности, но в то же время эта лишь мнимая и чисто внешняя связь между ними создает область столь же мнимого становления. Подлинное содержание истории, возникновение и исчезновение, при этом только еще более погружается в мрак непостижимого. Не забудем, что при сведении всего прогресса к количествам (этой квантификации подлежат не только основные элементы прогресса, но и его отдельные стадии) в самом деле возникает видимость постепенного перехода. «Но эта постепенность касается только внешней стороны изменения, а не качественной; предшествующее количественное отношение, бесконечно близкое к последующему, есть ведь и качественно иное бытие... В постепенности перехода мы охотно ищем ключ к пониманию изменений: но на деле постепенность есть только безразличная

[1]) Werke, III, 147.
[2]) Там же, 262.

смена, отнюдь не качественное изменение. На деле в постепенности уничтожена как раз взаимная связь обеих реальностей (они принимаются за состояния или за самобытные вещи); утверждается, что... одна реальность есть нечто абсолютно постороннее для другой; этим исключается как раз то, что требуется для понимания, как бы мало для этого ни требовалось... Этим уничтожается возникновение и исчезновение вообще, т.-е. внутренняя суть... превращается в мелочь внешнего существования, и существенное или логическое различие—в чисто внешнее различие по величине» [1]).

Итак, выход за пределы непосредственно эмпирического и его столь же непосредственных рационалистических отображений не должен вырождаться в попытку выйти за имманентные пределы (общественного) бытия: иначе это ложное трансцендирование только еще раз зафиксирует и увековечит, в философски утонченной форме, непосредственность эмпирического со всеми ее противоречиями. Нет, выход за пределы эмпирического может только означать, что сами эмпирические предметы понимаются как моменты целого, т.-е. как моменты исторически меняющегося человеческого общества. Категория опосредствования, как методическое орудие для преодоления голой непосредственности эмпирического, не есть, стало быть, нечто извне (субъективно) привнесенное в предметы, не есть какая-либо оценка или трансцендентное долженствование, но является откровением их собственной, объективной, предметной структуры. Правда, обнаружить в предметах и осознать эту структуру может только тот, кто отказался от ложной позиции буржуазной мысли. Ибо опосредствование было бы невозможно, если бы эмпирическое бытие предметов уже само не было опосредствованным: иллюзия его непосредственности оттого только и возникает, что отсутствует сознание этой непосредственности, и предметы (именно в силу этого) вырываются из своей подлинной связи и искусственно изолируются [2]).

[1]) Там же 432—35. Плеханову принадлежит заслуга, что он еще в 1891 году указал на важность этой стороны гегелевской логики для правильного различения между эволюцией и революцией (Neue Zeit, XI г., 280 слл.). К сожалению, он не нашел в этом пункте продолжателей.

[2]) О методической стороне этого вопроса ср. в особенности первую часть Философии религии Гегеля. «Не существует непосредственного знания. Непосредственным мы называем знание, при котором мы

При этом не следует забывать, что этот процесс изолирования предметов тоже не случаен и не произволен. Если правильное познание уничтожает ложное разделение предметов (и их еще более ложное соединение при помощи абстрактной рефлексии), то это исправление есть нечто гораздо большее, чем простая поправка к неправильному или недостаточному научному методу, чем замена одной гипотезы другой, более удачной. Нет, эта мысленная переработка предметной формы современности в такой же мере характеризует социальную сущность последней, как и сам предметный материал, над которым работает мысль. Если поэтому точка зрения пролетариата противополагается буржуазной, то это вовсе не значит, что пролетарская мысль требует какой-то tabula rasa, какого-то совершенно нового, «беспредпосылочного» подхода к действительности, как то делала буржуазная мысль—по крайней мере, по своей основной тенденции—перед лицом феодальных форм средневековья. Именно потому, что практическая цель пролетариата в радикальном изменении всего общества, исходным пунктом для своего метода он берет буржуазное общество со всеми его идеологическими, художественными и т. д. формами. Методическая функция категорий заключается в том, что с их помощью становятся объективно действенными и через то получают возможность проникнуть в сознание пролетариата те имманентные значения, которые необходимо присущи предметам буржуазного общества, но столь же необходимо остаются невыявленными в непосредственном бытии этого общества, а потому и в его идеологических отображениях в буржуазной мысли. Другими словами: если буржуазия останавливается в области теории на ступени непосредственности, а пролетариат поднимается над нею, то это не случайность и вовсе не вопрос одной только теории. Нет, в различии этих двух теоретических позиций выражается различие общественного бытия обоих классов. Правда, познание, достигаемое пролетариатом, в объективно-научном отношении выше: недаром оно дает решение тех проблем, над которыми тщетно бились величайшие мыслители

не осознаем опосредствования, но опосредствованно оно всегда». В таком же смысле в предисловии к Феноменологии: «Только это восстанавливающееся равенство или рефлексия, ставшая иной в самой себе, а не первоначальное единство, как такое, или непосредственно, как такое, есть истина». Werke, II, 15.

буржуазной эпохи. Пролетариат владеет адэкватным историческим познанием капитализма, которое недоступно и не может быть доступно буржуазной мысли. Однако, это объективное различие в познавательной ценности методов само таит в себе общественно-историческую проблему: оно есть необходимое следствие общественных типов, представляемых обоими классами, и их исторической последовательности, так что то «ложное» и «одностороннее», что есть в буржуазном понимании истории, оказывается необходимым моментом в цельной системе социального познания [1]). С другой стороны, оказывается, что всякий метод необходимо связан с бытием соответствующего класса. Метод буржуазии вырастает непосредственно из ее общественного бытия, и поэтому непосредственность является внешней, но именно в силу этого непреодолимой границей ее мышления. Задача же пролетариата в том, чтобы внутренне преодолеть эту границу с самого начала, в момент занятия им своей собственной позиции. А так как диалектический метод все время заново производит и воспроизводит свои собственные существенные моменты, так как его сущность в отрицании прямолинейного, беспрепятственного развития, то эта проблема исходного момента заново встает перед пролетариатом на каждом шагу его пути—как теоретического, так и практического. Граница непосредственности стала для пролетариата внутренней границей. Тем самым эта проблема выяснилась для него вполне; а раз ясно поставлен вопрос, то уже дан и путь к его решению.

Да, но сначала только путь. Наше исходное положение, что при капиталистическом строе общественное бытие—в своей непосредственности—одинаково для буржуазии и пролетариата сохраняет свою силу. Но теперь мы можем прибавить, что это одинаковое бытие, действуя через классовые интересы, удерживает буржуазию в оковах этой непосредственности, а пролетариат оно заставляет рваться вон из них. Ибо в общественном бытии пролетариата неотразимее сказывается диалектический характер истории и, следовательно, опосред-

[1]) Энгельс и в самом деле принял гегелево учение о ложном (лучше всего развитое в предисловии к Феноменологии, Werke, II, 300 слл.). Ср., напр., критику роли «зла» в истории, Feuerbach, II, 31 слл. Впрочем, это относится только к действительно оригинальным представителям буржуазной мысли. Эпигонов, эклектиков и просто наемных адвокатов интересов гибнущего класса приходится рассматривать совсем под другим углом зрения.

ствованный характер каждого момента, который лишь в опосредствованном целом находит свою истину, свою подлинную предметность. Осознать диалектическую сущность своего бытия—это для пролетариата вопрос жизни и смерти, тогда как буржуазия в обыденное время маскирует диалектическую структуру истории абстрактно-рефлексивными категориями квантификации, бесконечного прогресса и т. д., чтобы затем в моменты переворотов переживать непредвиденные катастрофы. Это происходит, как было показано, от того, что для буржуазии субъект и объект исторического процесса и общественного бытия всегда являются в двойном образе: в сфере сознания отдельный индивидуум противостоит, как познающий субъект, гигантской и лишь в небольших отрывках доступной ему объективной необходимости общественного бытия, в действительности же как раз сознательная жизнь индивидуума относится к объективной стороне процесса, субъект которого (т.-е. класс) не может быть пробужден к сознательности и должен навсегда остаться трансцендентным сознанию индивидуального и в этой индивидуальности мнимого субъекта. Таким образом, субъект и объект общественного процесса уже находятся здесь в диалектическом взаимодействии. Но так как они все время являются замкнутыми и внешними друг для друга, то эта диалектика остается неосознанной, и предметы сохраняют свой двойственный и поэтому непроницаемый характер. Эта непроницаемость может быть уничтожена только катастрофически, чтобы тотчас вслед за тем уступить место другой, столь же непроницаемой структуре. Эта бессознательная и потому принципиально неуловимая диалектика «прорывается наружу в словах наивного изумления, когда то вдруг оказывается общественным отношением то, в чем они только что грубо усматривали вещь, то снова вдруг дразнит их обликом вещи то, что они едва успели определить, как общественное отношение» [1]).

Для пролетариата этого двойного образа его общественного бытия не существует. Он с самого начала оказывается чистым о б ъ е к т о м общественного процесса. В любой момент повседневной жизни, когда рабочему кажется, что он сам есть субъект своей собственной жизни, его непосредственное бытие тотчас же разрушает эту иллюзию. Оно грубо навязывает ему познание той истины, что удовлетворение его элементарнейших

[1] Zur Kritik per dolit. Ökonomie, 11.

потребностей, что «индивидуальное потребление рабочего остается моментом производства и воспроизводства капитала независимо от того, происходит ли оно внутри или вне мастерской, фабрики и т. д., внутри или вне трудового процесса,—совсем как чистка машины остается таким моментом независимо от того, производится ли она во время трудового процесса или во время его регулярных перерывов» [1]). Квантификация предметов, их обусловленность абстрактными рефлексивными категориями, обнаруживается в жизни рабочего непосредственно, как процесс абстракции, который совершается на нем самом, отделяет от него его рабочую силу и вынуждает его продавать ее, как принадлежащий ему товар. И продавая этот свой единственный товар, он включает его—а так как его товар неотделим от его физической личности, то и самого себя—в механизированный и рационализованный частичный процесс, который функционирует и без него и в который он включен как чисто абстрактный номер, как механизированное и рационализованное колесико.

Тем самым общественный характер непосредственной действительности капиталистического хозяйства доведен для рабочего до последнего предела. Конечно, и для капиталиста существует это удвоение личности, это разделение человека на элемент в движении товаров и на (объективно-бессильного) зрителя этого движения [2]). Но для его сознания этот разрыв по необходимости принимает форму деятельности (на самом деле, правда, иллюзорной), форму выявления его субъекта. Эта иллюзия скрывает от него истинное положение вещей, тогда как для рабочего, которому нет доступа к этой мнимой деятельности, разорванность его, как субъекта, сохраняет свою брутальную форму абсолютного (в идеале) порабощения. Поэтому свое превращение в товар, свою низведенность к чистому количеству он вынужден претерпевать в качестве объекта процесса.

[1]) Kapital, I, 535.

[2]) На этом основаны в конечном счете все так-называемые теории воздержания. Сюда особенно относится подчеркнутое Максом Вебером значение «мирского аскетизма» для происхождения «духа» капитализма. То же самое устанавливает Маркс, когда говорит, что капиталисту «его личное потребление представляется расхищением его капитала, как в итальянской бухгалтерии личные расходы фигурируют в качестве долга капиталиста перед его капиталом». Kapital, I, 536.

Но именно в силу этого он стремится выйти из своего непосредственно данного состояния. Ибо «время»,—говорит Маркс [1]),—есть пространство человеческого развития». Количественные различия эксплоатации, имеющие для капиталиста форму количественных определений в сфере его калькуляции, оказываются для рабочего решающими качественными категориями всего его психического, духовного, морального и т. д. существования. Превращение количества в качество есть не только определенный момент диалектического процесса развития, как это изображается в натурфилософии Гегеля и в следующем по его стопам «Анти-Дюринге» Энгельса. Нет, оно есть нечто большее, как мы это выше показали на основании логики Гегеля: оно есть обнаружение подлинной предметной формы бытия, разрушение тех затемняющих дело рефлексивных определений, которые исказили подлинную предметность на ступени чисто непосредственного, незаинтересованного, созерцательного подхода к вещам. Как раз в проблеме рабочего времени ярко обнаруживается, что квантификация есть овеществляющее и овеществленное покрывало, которое ложится на истинное существо предметов, и лишь постольку может вообще приниматься за объективную форму предметности, поскольку субъект, относящийся к предмету созерцательно и (мнимо) практически, не заинтересован в существе предмета. Когда превращение количества в качество Энгельс [2]) иллюстрирует на примере воды, которая из жидкого состояния переходит в твердое или газообразное, то пример этот верен по отношению к этим точкам перехода. Но при этом упускается из виду, что и те переходы, которые с этой точки зрения представляются чисто количественными, тотчас же принимают качественный характер, как только меняется точка зрения. (Так при рассмотрении воды со стороны ее пригодности для питья, и те изменения, которые только-что были количественными, становятся в определенной точке качественными). Это уяснится еще более, если мы методологически рассмотрим приведенный Энгельсом пример из «Капитала». Речь идет о количественной величине, которой должна достигнуть на определенной ступени производства некоторая сумма ценностей, чтобы ее можно было превратить в капитал; у этой грани-

[1]) Lohn, Profit und Preis, 40.

[2]) Anti-Dühring, 127.

цы, говорит Маркс [1]), количество превращается в качество. Если мы теперь сравним два ряда возможных количественных изменений и соответствующие превращения количества в качество (рост или понижение этой суммы ценностей и увеличение или сокращение рабочего времени), то ясно, что в первом случае мы имеем в самом деле лишь «узловую линию количественных отношений» (по выражению Гегеля), тогда как во втором случае *каждое* изменение качественно по самому своему существу, и хотя общественная обстановка заставляет рабочего видеть в нем нечто количественное, но как раз для него-то его сущность и заключается в его качественной особенности. Это различие явным образом происходит от того, что для рабочего рабочее время есть не только объективная форма продаваемого им товара, т.-е. его рабочей силы (в этой форме проблема сводится и для него к обмену эквивалентов и, следовательно, к количественным отношениям), но вместе с тем и определяющая форма его существования как субъекта, как человека.

Этим, однако, непосредственная данность и методически из нее вытекающая взаимная непроницаемость субъекта и объекта отнюдь еще не преодолена вполне. Но в проблеме рабочего времени—именно потому, что овеществование достигает в ней своего апогея—уже вскрываются те силы, которые толкают пролетарскую мысль за пределы этой непосредственной данности. Ибо, с одной стороны, рабочий в своем общественном бытии непосредственно поставлен целиком на сторону объекта: он непосредственно воспринимает себя как предмет, а не как деятеля общественного трудового процесса. Но, с другой стороны, сама эта роль объекта уже не имеет чисто непосредственного характера. В самом деле, превращение рабочего в простой объект производственного процесса объективно осуществляется, конечно, благодаря капиталистическому способу производства (в противоположность рабству и крепостному праву), благодаря тому, что рабочий вынужден объективировать свою рабочую силу и продавать ее, как принадлежащий ему товар. Но именно благодаря этому расколу между объективным и субъективным, возникающему здесь в превращенном в товар человеке, и появляется вместе с тем возможность осознать это положение. При прежних, более естественных формах общества работа определена «непосредственно, как функция некоторого члена общественного орга-

[1]) Kapital, I, 272—73.

низма»[1]); при рабстве и крепостном праве формы власти являются «непосредственными стимулами производственного процесса», благодаря чему трудящиеся, всей своей неделимой личностью погруженные в подобный строй, совершенно не в состоянии осознать свое положение. Наоборот, «труд, воплощающийся в меновой стоимости, должен быть трудом изолированного индивидуума. Общественным он становится благодаря тому, что принимает форму своей непосредственной противоположности, форму абстрактной всеобщности».

Тут уже явственнее и конкретнее обнаруживаются те моменты, которые пронизывают диалектикой общественное бытие рабочего и его сознание и тем самым толкают его за пределы голой непосредственности. Прежде всего, рабочий только тогда может осознать свое общественное бытие, когда он осознает себя, как товар. Его непосредственное бытие делает его, как было показано, чистым объектом в производственном процессе. Когда эта непосредственность оказывается результатом разнообразных посредствующих обстоятельств, когда начинают выясняться все сложные предпосылки этой непосредственности, тогда начинается распад фетишистских форм товарного хозяйства: рабочий узнает в товаре самого себя и свои собственные отношения к капиталу. Поскольку он практически еще не в состоянии подняться над этой ролью объекта, его сознание является самосознанием товара или, выражаясь иначе, самопознанием, самораскрытием капиталистического общества, основанного на товарном производстве и товарообмене.

Это привхождение сознания к товарной структуре хозяйства означает, однако, нечто принципиально и качественно иное, чем то, что обычно принято называть знанием «о» каком нибудь предмете. Не только потому, что тут мы имеем дело с самосознанием. Это последнее вполне может (пример тому дает научная психология) оставаться знанием «о» предмете—таким знанием, которое сохраняет тот же способ отношения между сознанием и предметом и лишь «случайно» выбирает своим предметом самого себя. Отсюда следует, что для возникающего таким путем познания критерии истины должны быть совершенно те же, что и для знания о каких либо «чуждых» предметах. Когда, например, античный раб, это instrumentum vocale, приходит к познанию самого себя, как раба, то это не есть

[1]) Zur Kritik der polit. Ökonomie, 10.

самопознание в нашем смысле: ведь он приходит только к познанию некоторого предмета, который «случайно» есть он сам. Между «мыслящим» и «бессознательным» рабом в объективно-общественном смысле нет принципиальной разницы, как нет ее и между способностью раба осознать свое собственное общественное положение и способностью «свободного» познать сущность рабства. Неустранимое гносеологическое раздвоение на субъект и объект, а следовательно и отсутствие соприкосновения между адэкватно познанным объектом и познающим субъектом, сохраняется при этом в полной силе.

Но когда рабочий познает в себе товар, это познание имеет уже, как таковое, практический характер. Это значит, что это познание производит предметное, структурное изменение в своем собственном объекте. Специальный объективный характер труда, как товара, его «потребительная стоимость» (т.-е. его способность давать прибавочный продукт), которая, как всякая потребительная стоимость, бесследно исчезает в количественных меновых категориях капитализма, пробуждается в этом сознании, благодаря ему, к общественной действительности. Специальный характер труда, как товара, остающийся без этого сознания непознанным мотором экономического развития, объективирует сам себя через это сознание. Но благодаря тому, что вскрывается специфическая сущность этого вида товара, который есть скрытое под вещной оболочкой отношение между людьми; благодаря тому, что под корой количественных отношений обнаруживается живое качественное ядро,—благодаря этому становится возможным разоблачить основанный на превращении труда в товар фетишистский характер всякого товара: ядром всякого товара оказывается отношение между людьми, которое и вступает фактором в процесс общественного развития.

Правда, все это только скрыто содержится в диалектической противоположности количества и качества, вставшей перед нами в вопросе о рабочем времени, т.-е. эта противоположность, со всеми вытекающими из нее следствиями, есть только начало того сложного процесса опосредствования, целью которого является познание общества, как исторического целого. Диалектический метод отличается от буржуазного мышления не только тем, что он один способен познать целое, но и тем еще, что это познание возможно для него только

потому, что тут отношение целого к частям стало принципиально иным, чем каким оно было для рефлектирующей мысли. Коротко говоря, сущность диалектического метода заключается, с этой точки зрения, в том, что в каждом диалектически правильно понятом моменте содержится все целое, что из каждого момента может быть развит весь метод[1]). Часто, и не без основания, подчеркивали, что знаменитая глава из Логики Гегеля о бытии, небытии и становлении содержит в себе всю философию Гегеля. Может быть, с таким же правом можно было бы сказать, что глава о фетишистском характере товара заключает в себе весь исторический матерьялизм, все самопознание пролетариата, как познание капиталистического общества (и предшествующих общественных форм, как ступеней к нему).

Отсюда, разумеется, вовсе не следует, что тем самым становится излишним развитие целого в его конкретной полноте. Наоборот, программа Гегеля: понять абсолютное, высшую цель его философии, как результат,—получает еще большую силу в марксизме по отношению к изменившемуся предмету познания, ибо в марксизме диалектический процесс отожествляется с самим историческим развитием. Для нас, с нашей методической точки зрения, важно только констатировать, что отдельный момент не есть кусок механического целого, которое могло бы быть сложено из таких кусков (взгляд, который в свою очередь привел бы к пониманию познания, как бесконечного прогресса), но что в отдельном моменте заключена возможность развить из него самого всю конкретную полноту целого. Однако, только при том условии, чтобы момент утверждался как момент, т.-е. понимался как точка перехода к целому; чтобы то движение за пределы непосредственной данности,

[1]) Так Маркс пишет Энгельсу (22, VI, 1867): «Господа экономисты не заметили до сих пор ту в высшей степени простую вещь, что формула: 20 арш. полотна = один сюртук, есть лишь неразвитое основание формулы: 20 арш. полотна = 2 фунта стерлинга, другими словами, что простейшая форма товара, в которой его ценность выражена не как отношение ко всем другим товарам, а только как отличие от его собственной, естественной формы, содержит в себе всю тайну денежной формы и, следовательно, в малом виде все буржуазные формы трудового продукта». Переписка, III, 383. Ср. также мастерской анализ различия между меновой стоимостью и ценой в «Zur Kritik der polit. Ökonomie», где доказывается, что в этом различии «сконцентрированы все бури, угрожающие товару в процессе реальной циркуляции», 52 слл.

которое сообщило диалектический характер моменту, бывшему до того лишь ясно обнаружившимся противоречием двух рефлексивных определений, не застыло в неподвижность, не выродилось в новую непосредственную данность.

Эти соображения приводят нас обратно к нашему конкретному исходному пункту. В упомянутом выше марксовом определении капиталистического труда мы встретились с противоположением изолированного индивидуума абстрактной всеобщности, как с тем фактом, в котором индивидууму открывается отношение его труда к обществу. И здесь мы снова должны повторить: как во всякой непосредственно-абстрактной сфере данности, так и тут буржуазия и пролетариат непосредственно поставлены в сходные условия. Но и тут оказывается, что, тогда как буржуазия удерживается своим классовым положением в этой своей непосредственности, пролетариат увлекается за ее пределы специфически присущей ему диалектикой его классового положения. Превращение всех предметов в товары, в количественные фетиши меновой стоимости есть не только интенсивный процесс, воздействующий в этом смысле на всякую предметную форму жизни (как мы это установили при рассмотрении проблемы рабочего времени), но вместе с тем, и в неразрывной связи с этим, оно распространяется экстенсивно на все общественное бытие в целом. Для капиталиста эта сторона процесса означает количественный рост объектов его калькуляции и спекуляции. Поскольку этот процесс приобретает в его глазах качественный характер, качественность эта сводится к все большему росту рационализации, механизации и квантификации противостоящего ему мира (отличие гегемонии торгового капитала от гегемонии промышленного, капитализация сельского хозяйства и т. д.). Открывается перспектива — правда, время от времени она прерывается «иррациональными» катастрофами — перспектива бесконечного прогресса, ведущего к законченной рационализации всего общественного бытия в целом.

Для пролетариата, наоборот, «тот же самый» процесс означает возникновение его самого, как класса. В обоих случаях мы имеем превращение количества в качество. Достаточно представить себе развитие от средневекового ремесла через простую кооперацию, мануфактурное производство и т. д. до современной фабрики, чтобы убедиться, какие резкие качественные различия (и для буржуазии) стоят

вехами на этом длинном пути. Но классовый смысл этих изменений заключается для буржуазии как раз в постоянном превращении вновь достигнутой качественной ступени в чисто количественную основу для дальнейшей рациональной калькуляции. Наоборот, для пролетариата «то же самое» развитие имеет тот классовый смысл, что оно приводит к уничтожению разъединения, позволяет осознать общественный характер труда и толкает к все большему конкретизированию и преодолению той абстрактной всеобщности, в какой непосредственно является принцип общественного бытия.

Теперь становится также понятным, почему превращение в товар труда, оторванного от цельной личности человека, только у пролетариата вырастает в революционное классовое самосознание. Правда, в первой главе мы показали, что основная структура овеществления может быть доказана для всех общественных форм современного капитализма (бюрократия). Но вполне ясно и в доступном для осознания виде эта структура обнаруживается только в трудовых условиях пролетария. Прежде всего его труд уже в своей непосредственной данности имеет голую и абстрактную форму товара, тогда как в других областях эта структура прикрыта фасадом «духовного труда», «ответственности» и т. д. (иногда формами «патриархальности»); и чем глубже проникает овеществление в «душу» человека, продающего свой труд, как товар, тем обманчивее становится эта видимость (журналистика). Этой объективной замаскированности товарной формы соответствует в субъективной сфере то, что процесс овеществления, т.-е. превращения рабочего в товар, хотя и уничтожает его (пока он сознательно не восстает против существующего строя), хотя калечит и уродует его «душу», но все же не превращает в товар как раз человечески-душевную сторону его существа. Поэтому он может внутренно стать к этому своему существованию в совершенно объективное отношение, тогда как человек, овеществленный бюрократической службой и т. д., превращается в вещь, в механизм, в товар даже теми сторонами своего существа, которые могли бы быть единственными носителями его восстания против этого овеществления. Овеществляются даже его мысли, чувства и т. д. «Но гораздо труднее,—говорит Гегель [1]),—расплавить твердые мысли, чем чувственное существование». Наконец, это извращение принимает и объективные формы. Для рабочего его положение в производственном процессе есть, с одной стороны, нечто окончательное, с другой же стороны, оно непосредственно запечатлено характером товарности (неуверенность, создаваемая ежедневными колебаниями рынка, и т. д.). Наоборот, в других областях есть и видимость устойчивости (служебное положение, пенсия и т. д.), и абстрактная возможность индивидуального восхождения в господствующий класс. На этой почве вырастает «сословное самосознание», которое может помешать пробуждению классового самосознания. Таким образом, чисто абстрактная отрицательность в условиях жизни рабочего не только является объективно наиболее типичной формой овеществления, структурным прообразом капиталистического обобществления, но именно поэтому она и субъективно составляет ту точку, где эта структура может быть введена в сознание и тем самым практически прорвана. «Труд,—говорит Маркс [1]),—перестал быть определением, которое срослось с индивидуумом в нечто своеобразное»; нужно только уничтожить ложные формы, в которых это существование является непосредственно, чтобы пролетариат мог осознать свое собственное бытие, как класса.

[1]) Werke, II. 27.

3.

Именно здесь, где легче всего могла бы возникнуть иллюзия, будто весь этот процесс есть только «закономерный» результат объединения множества рабочих в больших предприятиях, механизации трудового процесса, нивеллировки условий жизни, весьма важно понять, что в односторонне выдвигании этой стороны дела таится опасная иллюзия. Несомненно, все перечисленное составляет необходимое предварительное условие для развития пролетариата в класс; без этих предпосылок пролетариат, разумеется, никогда не стал бы классом, без их постоянного роста (о чем заботится механизм капиталистического развития) он никогда не достиг бы того значения, которое делает его ныне решающим фактором в развитии человечества. Тем не менее не будет никакого противоречия, если мы скажем, что и здесь нет места непосредственному отношению. Непосредственны, по словам Коммунистического Манифеста, «вот эти рабочие, которые вынуждены по частям продавать себя—такой же товар, как всякий другой предмет торговли». Но тем, что этот товар имеет возможность притти к осознанию

[1]) Zur Kritik der polit. Ökonomie, XL—XLI.

самого себя, как товара, проблема еще далеко не решена. Ибо непосредственное сознание товара как раз запечатлено абстрактной изолированностью, абстрактно-внешним отношением к тем моментам, которые делают товар общественным явлением. Я здесь вовсе не собираюсь обсуждать вопрос о противоречии между единичными (непосредственными) интересами и осознанным в результате опыта и мышления (опосредствованным) классовым интересом, между скоропреходящими личными и постоянными общими интересами. Что здесь необходимо покинуть почву непосредственности, понятно само собой. Кто пытается понять классовое самосознание, как нечто непосредственно данное, тот неизбежно впадает к мифологию: творцом движения оказывается у него какое-то загадочное родовое сознание (ничуть не менее загадочное, чем «народные духи» Гегеля) [1]). Взаимодействие и связь этого сознания с сознанием отдельных людей совершенно непостижимы, а после объяснений механически-натуралистической психологии становятся только еще непостижимее. С другой стороны, классовое самосознание, пробужденное и питаемое сознанием общности положения и интересов, не заключает в себе, в своем абстрактном виде, ничего специфически-пролетарского. Исключительность позиции пролетариата состоит в том, что выход за непосредственно данное получает у него характер *направленности на все общество в целом* (хотя бы эта направленность до поры до времени и оставалась неосознанной). Поэтому выход за пределы данного не может здесь, согласно своему смыслу, ограничиться восхождением на сравнительно высшую ступень все той же непосредственности, но находится в непрерывном движении по направлению к целому и, следовательно, вовлечен в диалектический процесс постоянного самоуничтожения всякой непосредственности. Маркс очень рано понял эту сторону классового самосознания пролетариата [2]). В своих заметках о восстании силезских ткачей, он подчеркивает, как его существеннейшую особенность, его «теоретический и сознательный» характер. В боевой песне ткачей он находит «смелый лозунг борьбы, в котором даже не упоминается о домашнем очаге, фабрике, округе, но прямо выкрикивается пролетариатом—в ударной, резкой, беспощадной, революционной форме—его враждебность обществу, основанному на частной собственности». А самое выступление обнаруживает свое «превосходство» в том, что «тогда как все другие движения направлялись в первую очередь только против промышленника, т.-е. явного врага, это движение направляется сразу и против банкира, т.-е. скрытого врага».

Мы недооценили бы методическое значение этого факта, если бы в поведении, которое Маркс (правильно или неправильно) приписал силезским ткачам, усмотрели только их способность руководиться в своих действиях не одними ближайшими, а и более отдаленными мотивами. Сама по себе эта черта наблюдается в действиях почти всех выступавших в истории классов (правда, не в одинаково ясно выраженной форме). Но решающим является здесь то, какое значение имеет эта отдаленность от непосредственно данного как для структуры предметов, являющихся мотивами и объектами действия, так и для руководящего действием сознания и его отношения к бытию. И тут-то очень резко проявляется отличие буржуазной точки зрения от пролетарской. Для буржуазной мысли эта отдаленность мотивов (когда речь идет, как здесь, о проблемах действия) означает, прежде всего, вовлечение отдаленных в пространстве и времени предметов в сеть рациональной калькуляции. Но при этом для буржуазии все дело в том, чтобы привести их к однородности с ближайшими предметами, т.-е. придать им рациональную, количественную, поддающуюся калькуляции форму. Выражение явлений в форме «естественных законов» общества знаменует собою, по Марксу, вершину и вместе с тем «непереходимую границу» буржуазного мышления. Изменение, которое претерпевается этим понятием закона в ходе истории, происходит от того, что первоначально оно было принципом преобразования действительности (феодальной), а затем, сохранив свою внутреннюю структуру, превра-

[1]) О «роде» у Фейербаха—а всякое аналогичное воззрение ничуть не возвышается над Фейербахом, чаще же всего опускается ниже его—Маркс говорит, что он может быть понят только «как внутренняя немая всеобщность, лишь *естественно* связывающая множество индивидуумов». VI тезис.

[2]) Nachlasz. II, 54. Нас здесь интересует только методическая сторона вопроса. Поставленный Мерингом вопрос (*там же*, 30), не переоценил ли Маркс сознательность восстания ткачей, нас тут не касается. *Методически* он и здесь дает законченную характеристику развитию революционного классового сознания пролетариата. Его позднейшие взгляды (Манифест, Брюмэр и т. д.) на различие между буржуазной и пролетарской революцией развиваются целиком в намеченном здесь направлении.

тилось в принцип охранения действительности (буржуазной). Однако, и в своей первоначальной функции оно было, в общественном смысле, бессознательным. Наоборот, для пролетариата эта «отдаленность», этот выход за пределы непосредственно данного, означает перерождение самой предметности объектов действия. На первый взгляд кажется, что этому перерождению ближайшие во времени и пространстве предметы подвергаются не больше и не меньше, чем более отдаленные. Но в действительности оказывается, что на них этот процесс перерождения обнаруживается гораздо очевиднее и ярче. Ибо сущность изменения заключается здесь в практическом взаимодействии пробуждающегося сознания с теми предметами, из которых оно возникает и которые осознает, а с другой стороны—в растворении, в процессуализации этих предметов, которые теперь понимаются как моменты общественного развития, т.-е. как простые моменты диалектического целого. И так как в своем глубочайшем ядре это движение имеет практический характер, то оно по необходимости отправляется от исходной точки самого действия, сильнее и решительнее всего берется за непосредственные объекты действия—с тем, чтобы через их полное структурное преобразование дать толчек к преобразованию всего общественного бытия в целом.

Дело в том, что влияние категории целого обнаруживается задолго до того, как она получает возможность пронизать своим светом всю полноту предметного мира. Оно обнаруживается как раз в том, что действие, которое, казалось бы, и по существу и для сознания исчерпывается отношениями к отдельным объектам, на самом деле уже направлено на изменение целого; в том, что это действие, по своему объективному смыслу, стремится изменить целое. Та черта диалектического метода, которую мы установили выше чисто методически,— запечатленность его отдельных моментов и элементов структурой целого, — обнаруживается здесь в более конкретной форме, недвусмысленно направленной на практику. Так как сущность исторического развития имеет объективно-диалектический характер, то такой подход к изменению действительности можно наблюдать во все решающие поворотные моменты истории. Задолго до того, как люди могли убедиться в отмирании какой-либо хозяйственной формы и связанных с ней социальных, юридических и др. форм, они уже ясно видели

вскрывающееся противоречие в предметах своего ежедневного обихода. Если, напр., теория трагедии от Аристотеля до Корнеля и драматургическая практика за весь этот период считает семейные конфликты наиболее пригодным материалом для трагедии, то этот взгляд—помимо достигаемого таким путем технического преимущества в смысле концентрации драматического действия—опирается на сознание, что великие общественные перевороты обнаруживаются в этих конфликтах с чувственно-практической наглядностью, тогда как понять их в их подлинном существе, в их основаниях и значении для всего исторического процесса, невозможно и по субъективным, и по объективным условиям. Так, Эсхил [1]) или Шекспир дают нам в своих семейных драмах столь глубокое и верное изображение общественных переломов своего времени, что только теперь, благодаря методу исторического материализма, мы вообще в состоянии теоретически измерить глубину их художественных прозрений.

Но общественное положение и соответствующая ему точка зрения пролетариата принципиально выводят его и за эти пределы. Специфическая особенность капитализма заключается в том, что он уничтожает все «естественные границы» и всю совокупность междучеловеческих отношений превращает в чисто общественное явление [2]). Буржуазная мысль, плененная фетишистскими категориями и поэтому превращающая эти отношения в застывшие вещи, не в силах поспеть за объективным развитием. Абстрактно-рациональные, рефлексивные категории, которые суть объективно-непосредственное выражение этого первого действительного обобществления всего социального бытия, представляются буржуазной мысли чем-то последним, неустранимым (поэтому буржуазная мысль всегда берет их в их непосредственном виде). Пролетариат же поставлен в самый фокус этого процесса обобществления. Превращение труда в товар удаляет, с одной стороны, все «человеческое» из непосредственного существования пролетариата, но, с другой стороны, оно же все более вытравляет все

[1]) Сошлюсь на данный Бахофеном анализ Орестии и на ее значение для истории развития общества. И если скованный предвзятой идеологией Бахофен дает лишь правильное истолкование драмы, но неспособен пойти дальше, то это только лишний раз доказывает правильность развиваемых здесь взглядов.

[2]) Ср. по этому поводу марксов анализ промышленной резервной армии и перенаселения. Kapital, I, 547 слл.

«естественное», всякое прямое отношение к природе и т. д. из форм общественности, так что именно в их далекой от всего человеческого, в их прямо бесчеловечной объективности может обнаружиться, как их ядро, обобществленный человек. Именно в этой объективации и рационализации всех форм общественности, впервые ясно выступает наружу построение общества из отношений между людьми.

Но все это так лишь до тех пор, пока мы не забываем, что эти отношения между людьми (по словам Энгельса) «связаны с вещами» и «являются, как вещи»,—пока мы все время видим в этих человеческих отношениях не непосредственные отношения человека к человеку, но типичные формы, в которые эти отношения переводятся объективными законами производственного процесса и в которых они непосредственно обнаруживаются через эти «законы». Отсюда следует, во-первых, что открыть человека, как ядро и основу овеществленных отношений, можно не иначе, как уничтожив непосредственность этих отношений; а это значит, что отправляться нужно всегда от этой непосредственности, от овеществленных закономерностей. Во-вторых, отсюда следует, что эти формы отнюдь не отвлеченные формы мысли, но предметные формы современного буржуазного общества. Их уничтожение, чтобы быть действительным, не может, следовательно, ограничиться простой работой мысли, но должно подняться до их практического уничтожения, как форм общественной жизни. Всякое познание, которое хочет оставаться чистым познанием, необходимо вернется к признанию этих форм. Но, в-третьих, это практическое действие не может быть отделено от познания. Практическое действие, в смысле подлинного изменения этих форм, возможно лишь тогда, когда оно ставит себе единственной целью до конца додумать, осознать и наполнить сознанием имманентное развитие этих форм. «Диалектика,—говорит Гегель [1]),—и есть это имманентное выхождение, при котором односторонность и ограниченность рассудочных определений обнаруживается как то, что она есть, т.-е. как отрицание». Великий шаг вперед от Гегеля, сделанный в этом пункте марксизмом, как научной точкой зрения пролетариата, заключается в том, что он понимает рефлексивные определения не как «вечную» ступень миропознания вообще, но как необходимую бытийную и мыслительную форму буржуазного

[1]) Энциклопедия, § 81.

общества, овеществляющего мышление и бытие, и тем самым открывает диалектику в самой истории. Диалектика здесь уже не привносится в историю извне и не разъясняется на исторических примерах (как очень часто у Гегеля), но вычитывается из самой истории, на определенной ступени развития, как ее необходимая форма.

И, наконец, носителем этого процесса осознания истории является пролетариат. Поскольку его сознание оказывается имманентным результатом исторической диалектики, постольку он сам оказывается диалектическим; это значит, что его сознание есть не что иное, как высказывание исторически-необходимого. Пролетариат «не ставит себе никаких идеалов». Сознание пролетариата, переведенное в действие, может только вызвать к жизни то, к чему неотвратимо толкает историческая диалектика, но никогда не может «практически» подняться над ходом истории, навязывая ему свои желания и познания. Ибо и само оно есть не что иное, как осознанное противоречие общественного развития. Однако, с другой стороны, не следует забывать, что диалектическая необходимость отнюдь не тожественна с механически-причинной. В связи с приведенным выше местом Маркс говорит: рабочий класс «должен только освободить (разрядка моя) элементы нового общества, уже развившиеся в недрах гибнущего буржуазного общества». К простому противоречию — автоматически-закономерному продукту капиталистического развития—должно, стало быть, присоединиться нечто новое: переходящее в действие сознание пролетариата. И поскольку простое противоречие возвышается, таким образом, до степени противоречия сознательно-диалектического, поскольку осознание становится точкой перехода к практике,—постольку здесь еще конкретнее обнаруживается уже не раз отмечавшаяся нами особенность пролетарской диалектики: так как сознание не направляется здесь на какой-то противостоящий ему предмет, но есть самосознание самого предмета, то акт осознания преобразует предметную форму своего объекта.

Ибо в этом сознании впервые вполне разоблачается та глубоко заложенная иррациональность, которая таится за рациональными частичными системами буржуазного общества и лишь по временам дает о себе знать внезапными подземными толчками, но именно поэтому ничего не изменяет на поверхно-

сти предметов. И это положение вещей лучше всего выясняется на самых простых примерах из повседневной жизни. Выше мы рассматривали проблему рабочего времени только с точки зрения рабочего, только как фактор, из которого возникает его сознание, как сознание товара (т.-е. как сознание основного ядра буржуазного общества); но в тот момент, когда это сознание уже возникло и вышло за пределы непосредственно данной обстановки, в проблеме рабочего времени, как в фокусе, открывается основная проблема классовой борьбы—проблема силы, как та точка, в которой обнаруживается бессилие, диалектическая неустойчивость «вечных» законов капиталистической экономии, вынужденных передать судьбу дальнейшего развития в руки сознательно действующих людей. Маркс развивает эту мысль следующим образом [1]): «Мы видим, что, оставляя в стороне самые эластические границы, природа товарного обмена не дает никаких пределов для рабочего дня, а потому никаких пределов и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день, и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обусловливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Здесь получается, следовательно, антиномия, право противопоставляется праву, при чем оба они в равной мере санкционируются законом товарного обмена. При столкновении двух прав решение принадлежит силе. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает, как борьба за пределы рабочего дня,—борьба между собирательным капиталистом, т.-е. классом капиталистов, и собирательным рабочим, т.-е. классом рабочих». Но и здесь мы должны подчеркнуть: сила, которая является здесь, как конкретная сила иррациональной ограниченности капиталистического рационализма, как тот пункт, где прекращается действие его законов,—эта сила есть для буржуазии нечто совсем иное, чем для пролетариата. Для буржуазии она есть непосредственное продолжение ее обычной жизни; но, не являясь для нее какой-либо новой проблемой, она именно поэтому и не в состоянии

[1]) Капитал, I, 164. (Русский перевод, под редакцией Базарова и Степанова, переработанный Степановым).

разрешить ни одно из порожденных общественной действительностью противоречий. Для пролетариата, наоборот, ее обнаружение и ее действенность, ее возможность и границы ее приложения зависят от того, насколько преодолена непосредственная данность преднаходимого им бытия. Конечно, возможность этого преодоления и, стало быть, ширина и глубина самого сознания являются продуктом истории. Но эта исторически обусловленная высота лежит не на прямой линии развития непосредственно преднаходимой данности (и ее «законов»), а в достигнутом путем многообразных посредствующих переходов осознании общественного целого, в ясной воле к осуществлению диалектических тенденций развития. И ряд этих посредствующих переходов должен не завершаться непосредственным созерцанием, а направляться на то качественно новое, что возникает из диалектического противоречия: он должен быть движением, которое связывает настоящее с будущим.

Но для этого, в свою очередь, требуется, чтобы застывшее вещное бытие общественных объектов разоблачилось в своей мнимости, чтобы диалектика, самопротиворечивая и логически нелепая до тех пор, пока речь идет о переходе одной «вещи» в другую «вещь» (или одного вещного по своей структуре понятия в другое), обнаружила свою истинность на всех предметах,—требуется, другими словами, чтобы все вещи могли быть представлены, как моменты текучих процессов. Тут мы снова подходим к границе античного мышления, к тому, что отделяет это мышление от материалистически-исторической диалектики. (Гегель и в этом отношении знаменует собою методический переход, т.-е. элементы обеих концепций встречаются у него в методически не вполне выясненном смешении). В самом деле, элейская диалектика движения вскрывает противоречия, лежащие в основе всякого движения, но она оставляет неприкосновенной самое движущуюся вещь. Движется ли или покоится летящая стрела, она сама во всяком случае остается неприкосновенной посреди диалектического вихря, как стрела, как вещь. Пусть, по Гераклиту, невозможно дважды войти в одну и ту же реку, все же эта вечная смена сама не становится, а есть, т.-е. не производит ничего качественно нового, а потому и является становлением лишь в противоположность застывшему бытию отдельных вещей; по отношению же к целому вечное становление все-таки оказывается вечным бытием, и за протекающей рекой стоит неизменная сущность, хотя бы она и проявляла себя в непре-

рывном изменении отдельных вещей [1]). Наоборот, у Маркса диалектика превращает в текучий процесс предметные формы самих предметов. Уже в простом процессе воспроизводства капитала ясно обнаруживается эта сущность диалектического процесса, преобразующая предметные формы. Простая «повторяемость и непрерывность придает процессу известные новые черты или, скорее, устраняет видимость некоторых черт, которые кажутся присущими ему, если его рассматривать, как единичный акт». Ибо «совершенно независимо от всякого накопления, уже простое повторение производственного процесса, или простое воспроизводство, неизбежно превращает по истечении более или менее продолжительного периода всякий капитал в накопленный капитал, или в капитализированную прибавочную стоимость. Хотя бы даже собственность, вложенная в производственный процесс при начале предприятия, была лично заработана владельцем, во всяком случае рано или поздно она становится стоимостью, присвоенной без всякого эквивалента, воплощением, в денежной или иной форме, чужого неоплаченного труда» [2]).

Таким образом, познание, что общественные предметы суть не вещи, а отношения между людьми, потенцируется до полнейшего разрешения предметов в процессы. И если теперь их бытие оказывается становлением, то это становление уже не абстрактный водоворот какого-то всеобщего потока, не бессо-

[1]) Здесь мы не можем рассмотреть этот вопрос подробно, хотя это пролило бы яркий свет на различие между античностью и новым временем, потому что самоуничтожающееся понятие вещи у Гераклита обнаруживает ближайшее родство с овеществленной структурой современного мышления. Сравнение античной и новой диалектики выяснило бы, что граница античной мысли, ее неспособность исторически понять свое время, есть та самая граница античного общества, о которой говорил Маркс, хотя и в другой связи, по поводу «Экономии» Аристотеля. Для диалектики Гегеля и Лассаля весьма характерно, что они переоценили «современность» Гераклита. Но отсюда только следует, что эта «античная» граница мысли оказалась непереходимой и для них, что и выражается в созерцательно-спекулятивном (а не материально-практическом) характере их философии.

[2]) Капитал, I, 446, 439. (Русский перевод, под редакцией Базарова и Степанова, переработанный Степановым). И здесь обнаруживается, что превращение количества в качество характеризует каждый отдельный момент. Квантифицированные моменты остаются количественными лишь до тех пор, пока берутся изолированно. Как моменты потока, они оказываются качественными изменениями экономической структуры капитала.

держательная durée réelle, но непрерывное произведение и воспроизведение тех отношений, которые, будучи вырваны из этой связи и искажены рефлексивными категориями, представляются буржуазному мышлению вещами. На этой ступени впервые сознание пролетариата возвышается до самосознания общества в его историческом развитии. Осознавая голые товарные отношения, пролетариат может осознать себя только как объект экономического процесса, ибо товар есть то, что производится, так же как и рабочий, поскольку он товар; поскольку же он непосредственный производитель, он в лучшем случае только маховое колесо в этом механизме. Но когда вещность капитала разрешена в непрерывный процесс его производства и воспроизводства, тогда может появиться сознание, что пролетариат есть истинный—хотя и связанный и до поры до времени бессознательный—субъект этого процесса. Для того, кто покинул почву непосредственно данной, предназначенной в готовом виде действительности, возникает, таким образом, вопрос [1]): «Разве рабочий на хлопчато-бумажной фабрике производит бумагу? Нет, он производит капитал, он производит ценности, которые в свою очередь служат для командования его трудом, чтобы с помощью последнего создавать новые ценности».

4.

Но тем самым проблема действительности получает совершенно новое освещение. Если, выражаясь по-гегельянски, становление оказывается истиной бытия, процесс—истиной вещей, то это означает, что тенденции развития, заложенные в историю, обладают более высокой действительностью, чем «факты» голой эмпирии. Правда, в капиталистическом обществе (как мы показали в другом месте) прошлое властвует над настоящим. Но это означает только, что не руководимый сознанием и гонимый лишь своей собственной, имманентной и слепой, динамикой антагонистический процесс во всех своих непосредственных проявлениях обнаруживается, как власть прошлого над настоящим, как власть капитала над трудом; а потому и мышление, остающееся на почве этой непосредственной данности, прилепляется к отвердевшим формам отдельных стадий про-

[1]) Lohnarbeit und Kapital, 28.

цесса и беспомощно стоит, как перед некими загадочными силами, перед его все же выявляющимися тенденциями, которыми она не в состоянии овладеть. Эта фантастическая картина непрерывно движущихся отвердевших форм тотчас же исчезает, как только их отверделость растворяется в процессе, движущей силой которого является человек. Что такая точка зрения возможна только для пролетариата, объясняется не только тем, что раскрывающийся в этих тенденциях смысл означает уничтожение капитализма, и, следовательно, познание истины в этом вопросе было бы для буржуазии равносильно духовному самоубийству. Помимо этого, здесь существенно важно еще и то, что «законы» овеществленной капиталистической действительности, в которой вынуждена жить буржуазия, могут осуществлять себя только через головы тех людей, которые являются деятелями и агентами—мнимыми—капитала. Средняя норма прибыли дает образцовую, в методологическом отношении, иллюстрацию этих тенденций. В ее отношении к отдельным капиталистам, действиями которых она управляет, как какая-то неведомая сила, целиком выявляется глубокомысленно открытая Гегелем «хитрость разума». То обстоятельство, что индивидуальные «страсти», через которые осуществляют себя эти тенденции, принимают форму самой тщательной, точной и дальнозоркой калькуляции, решительно ничего тут не меняет и только еще резче подчеркивает сущность дела. Ибо внушаемая классовой принадлежностью и поэтому субъективно обоснованная иллюзия законченного во всех подробностях рационализма только ярче освещается от того, что осуществляющийся вопреки всему смысл общественного процесса в целом никогда не может быть постигнуть этим рационализмом. И если и тут мы имеем дело не с однократным событием, не с катастрофой, а с непрерывным произведением и воспроизведением одних и тех же отношений: если те моменты осуществляющейся тенденции, которые уже превратились в «факты» эмпирии, тотчас же включаются, как овеществленные и изолированные факты, в сеть рациональной калькуляции,—то это также ничего не меняет в существе дела и только показывает, до какой степени этот диалектический антагонизм господствует над всеми явлениями капиталистического общества.

Буржуазное вырождение социал-демократического мышления яснее всего проявляется в отказе от диалектического

метода. Уже во время споров по поводу теорий Бернштейна обнаружилось, что оппортунизм всегда становится на «почву фактов»— с тем, чтобы либо игнорировать тенденции развития [1]), либо низводить их на степень субъективно-этического долженствования. Многочисленные недоразумения в споре о накоплении могут быть методологически сведены к этой же проблеме. Роза Люксембург, как подлинно диалектическая мыслительница, понимала невозможность существования чисто капиталистического общества, как тенденцию развития, как такую тенденцию, которая оказывает решающее влияние на действия людей (бессознательно для них самих) задолго до того, как она превратилась в «факт». Экономическая невозможность накопления в чисто капиталистическом обществе проявляется, стало быть, не в том, что с экспроприацией последнего некапиталистического производителя капитализм «перестает существовать», а в тех действиях, которые навязываются классу капиталистов приближением (эмпирически еще довольно отдаленным) этого момента: в лихорадочной колонизации, в борьбе за рынки, в империализме и мировой войне и т. д. В том-то и дело, что осуществление какой-либо диалектической тенденции не есть бесконечный прогресс, приближающийся к цели путем постепенных количественных приращений. Нет, тенденции общественного развития проявляются в непрерывном качественном преобразовании структуры общества (состава классов, соотношения их сил и т. д.). Пытаясь овладеть этими изменениями единственно возможным для него способом и как будто успевая в этом по отношению к отдельным «фактам», господствующий ныне класс только ускоряет своими слепыми и бессознательными действиями осуществление этих тенденций, наличность которых означает его собственную гибель.

Это различие между «фактом» и тенденцией методически выдвигалось Марксом на первый план бесчисленное множество раз. Сама основная мысль его главного труда—обратное превращение экономических предметов из вещей в текучие процессы конкретных междучеловеческих отношений—целиком построена на этом различии. Но отсюда далее следует, что место, занимаемое отдельными формами экономической структуры общества в целостной системе, определяется тем, насколько

[1]) По вопросу о том, исчезают ли или растут средние предприятия, ср. Роза Люксембург: « Sociale Reform oder Revolution ?», стр. 11 сл.

они удалены от этого момента обратной превратимости. На этом основан приоритет промышленного капитала над торговым, денежным и т. д. Приоритет этот выражается исторически в том, что эти производные формы капитала, не определяющие самого производственного процесса, способны играть в развитии только чисто отрицательную роль, разлагая первоначальные формы производства; «но к чему приведет этот процесс разложения, т.-е. какой новый способ производства станет на место старого, это зависит не от торговли, а от самого этого старого способа производства» [1]). С другой стороны, и чисто методологически оказывается, что эти формы определены в своей «закономерности» эмпирически «случайным» движением спроса и предложения, что в них не выражается никакая общесоциальная тенденция. «Не отклонения от закона определяются здесь конкуренцией, но не существует вообще другого закона, кроме диктуемого конкуренцией»,—говорит Маркс о проценте [2]). В этом учении о действительности, по которому осуществляющиеся тенденции общего развития «более действительны», чем эмпирические факты, получает свою подлинную, конкретную и научную, форму та противоположность, которую мы подчеркивали при обсуждении отдельных вопросов марксизма (конечная цель и движение, эволюция и революция и т. д.). Ибо лишь при такой постановке вопроса становится возможным действительно конкретное исследование понятия «факта», т. е. исследование социальных условий его возникновения и сохранения. В другом месте мы уже говорили о том, в каком направлении должно вестись подобное исследование, но там мы имели в виду только отношение «фактов» к тому конкретному целому, к которому они принадлежат и в котором впервые получают «действительность». Но теперь вполне выясняется и следующее: общественное развитие и его выражение в мысли дали человеку возможность подчинить себе природу, но вместе с тем они же замаскировали исторический, общественный характер этих фактов, их человеческую сущность. В самом деле, уничтожающая всякий процесс, всякую текучесть тенденция овеществленного мышления обнару-

[1]) Kapital, III, I, 316.

[2]) Там же, 341. Таким образом, рыночная норма процента оказывается «постоянной величиной, как рыночная цена товаров», и ей определенно противополагается общая норма прибыли, как тенденция. Там же, 351. Тут перед нами как раз тот пункт, в котором совершается принципиальный разрыв с буржуазным мышлением.

живается еще явственнее в «факте», чем в упорядочивающих факты «законах». Если в «законах» еще можно найти следы человеческой деятельности, хотя это часто приводит лишь к ложному, овеществленному субъективизму, то в «факте» обесчеловеченная, застывшая и превращенная в непроницаемую вещь сущность капиталистического развития кристаллизуется таким образом, что эта застывшая и чуждая человеку форма кажется самым очевидным основанием действительности и миропознания. Перед лицом этих застывших «фактов» всякое движение кажется чем-то внешним по отношению к ним, всякая тенденция, стремящаяся изменить их, кажется чем-то только субъективным (желанием, оценкой, долженствованием). Значит, только сломив эту методическую гегемонию «фактов», только познав, что процесс есть сущность всех явлений, можно понять, что и то, что обычно называется «фактами», состоит из процессов. Тогда только можно понять, что факты и суть не что иное, как части, как искусственно изолированные и зафиксированные моменты целостного исторического процесса, а также и то, почему этот процесс, который свой характер процесса обнаруживает в неискаженном виде, представляет собою, по сравнению с фактами, более высокую, подлинную действительность. И вместе с тем становится понятным, почему овеществленное буржуазное мышление поневоле должно было создать себе свой наивысший теоретический и практический фетиш из этих «фактов». Эта окаменевшая фактичность, при которой все застывает в «постоянную величину» [1]), и непосредственно данная действительность стоит перед нами в своей бессмысленной неподвижности, делает методически невозможным даже понимание самой этой непосредственной реальности.

Тем самым овеществление доведено до наивысшей степени; теперь оно даже диалектически уже не выводит за свои собственные пределы; оно только запечатлевает своей внутренней диалектикой непосредственные формы производства. Но тем самым противоречие между непосредственным бытием, соответствующим ему мышлением в рефлексивных категориях и живой общественной действительностью заостряется до предельной степени. Ибо, с одной стороны, капиталистическая мысль видит в этих формах (проценте и т. д.) подлинно первоначальные формы производства, которыми определяются все

[1]) Ср. замечания Маркса о Бентаме, Kapital, I, 573—74.

остальные; с другой же стороны, при каждом решающем повороте в ходе производственного процесса наглядно обнаруживается, что истинная природа экономической структуры капитализма таким взглядом опрокидывается вверх ногами. Так буржуазная мысль останавливается на этих формах, как непосредственных и первоначальных, и с их помощью пытается теоретически овладеть экономическим процессом, не подозревая, что таким путем она только дает логическое выражение своей неспособности понять общественные основы своего собственного бытия. Наоборот, для пролетариата именно здесь открывается возможность уразуметь до конца формы овеществления, ибо он исходит из диалектически наиболее ясной формы (из отношения между трудом и капиталом), относит к ней формы более отдаленные и, включив их таким образом в диалектическое целое, постигает их в их подлинной сущности [1]).

5.

Так человек становится мерой всех (общественных) вещей. Методическая проблема экономики: разрешение фетишистских форм вещей в процессы, которые происходят между людьми и объективируются в конкретных отношениях между ними; выведение застывших фетишистских форм из первичных форм человеческих отношений,—эта проблема приводит к созданию как категориальной, так и исторической основы для всего нашего мировоззрения. С категориальной точки зрения оказывается, что человеческий мир есть система динамически меняющихся форм отношений, в которых разыгрывается борьба человека с природой и человека с человеком (классовая борьба и т. д.). В строении и иерархии категорий отражается, следовательно, та степень ясности, с какой человек сознает основы своего бытия в этих своих отношениях, т. е. с какою он сознает самого себя. Но строение и иерархия категорий составляют вместе с тем и центральный предмет истории. История перестает быть каким-то загадочным процессом, который совершается *над* людьми и *над* вещами, который нуждается для своего объяснения во вмешательстве трансцендентных сил и для своего осмысления в отнесении к трансцендентным ценностям. История оказывается, с одной стороны, продуктом

[1]) Превосходное изображение этого процесса дано в Kapital, III II. 362 слл.

деятельности самих людей (правда, пока еще бессознательным), с другой—последовательностью тех процессов, в которых происходит преобразование форм этой деятельности, этих отношений человека к самому себе, к природе и к другим людям. Если раньше мы подчеркивали, что категориальное строение данного состояния общества не имеет непосредственно-исторического характера, т.-е. что эмпирическая последовательность событий при возникновении какой-либо формы мышления или бытия отнюдь не достаточна для ее объяснения и понимания, то теперь мы должны сказать, что несмотря на это—или, вернее, именно поэтому—всякая такая система категорий в целом означает какую-либо определенную ступень в развитии общества. И история в том именно и состоит, что всякое фиксирование оказывается призрачным: *история есть не что иное, как история непрерывного преобразования предметных форм, определяющих существование человека.* Значит, невозможность понять сущность этих форм из их эмпирически-исторической последовательности зависит не от того, что эти формы трансцендентны по отношению к истории (как воображает буржуазная мысль), а объясняется тем, что они непосредственно не связаны между собой ни исторической одновременностью, ни исторической последовательностью. Действительная связь между ними создается их местом и функцией в целом, так что, отрицая чисто историческую объяснимость отдельных явлений, мы тем самым приходим лишь к более ясному осознанию истории, как универсальной науки: если связь отдельных явлений стала для нас категориальной проблемой, то в силу того же диалектического процесса всякая категориальная проблема снова превращается в историческую, но именно в проблему универсальной истории, которая благодаря этому теперь еще яснее, чем в наших вступительных полемических рассуждениях, оказывается и методической проблемой, и проблемой познания современности.

Только на этой точке зрения история действительно становится историей людей. Ибо теперь в ней уже не происходит ничего такого, что не имело бы своего последнего основания в человеке, в отношениях между людьми. Именно потому, что Фейербах попытался направить философию по этому пути, он и оказал столь решающее влияние на возникновение исторического материализма. Но «антропологическая» точка зрения

Фейербаха превращала человека в застывший предмет, оставляя без внимания диалектику и историю. В этом великая опасность для всякого «гуманизма», для всякой антропологической точки зрения [1]). В самом деле, когда человек объявляется мерой всех вещей, и таким путем хотят уничтожить всякую трансцендентность, но при этом сам человек не измеряется в свою очередь, «мерило» не прилагается к самому себе или, точнее говоря, человек сам не берется диалектически,—тогда этот наделенный свойствами абсолюта человек просто становится на место тех трансцендентных сил, которые, по смыслу задачи, он должен был объяснить, устранить и методически заменить собою. На место догматической метафизики становится, в лучшем случае, догматический релятивизм.

Этот догматизм возникает оттого, что не диалектически понятому человеку по необходимости соответствует столь же не диалектически понятая объективная действительность. Поэтому релятивизм движется в застывшем, по существу, мире, и так как он не в состоянии осознать эту неподвижность мира и окостенелость своей собственной точки зрения, то он неизбежно ниспадает на догматическую позицию тех мыслителей, которые тоже пытались объяснить мир, исходя из неосознанных и без критики принятых предпосылок. Ибо есть существенное различие в том, релятивируется ли истина по отношению к индивидууму, роду и т. д. в застывшем мире (хотя бы его неподвижность и маскировалась мнимым движением в роде «вечного возвращения того же самого» или биологически-морфологической «закономерной» последовательности возрастов),—или же раскрывается конкретная историческая функция и значение различных «истин» в конкретном, однократном историческом процессе. О релятивизме в собственном смысле может быть речь только в первом случае; но тогда он неизбежно становится догматическим. В самом деле, логический смысл релятивизм имеет только там, где принимается вообще что-нибудь абсолютное. Слабость и половинчатость таких «смелых мыслителей», как Ницше или Шпенглер, в том и состоит, что их релятивизм лишь мнимо устраняет абсолютное. Та точка, которая методически соответствует в этих системах прекращению их мнимого движения, и есть «систематическое место» абсолютного. Абсолютное есть не что иное, как мысленно зафиксированная и облеченная в мифологическую форму неспособность мысли конкретно понять действительность, как исторический процесс. Так как релятивисты лишь мнимо резрешают мир в движение, то и абсолютное лишь мнимо устранено из их систем. Всякий «биологический» и т. д. релятивизм, провозглашающий установленную им границу «вечной», тем самым, вопреки своему желанию, снова вводит абсолютное, вводит «безвременный» принцип мышления. А пока в системе присутствует, хотя бы и бессознательно, абсолютное, до тех пор оно всегда будет сильнее всех релятивистских попыток, ибо оно представляет наивысший принцип мысли, достижимый на не-диалектической почве, в сущем мире застывших вещей и в логическом мире застывших понятий. На этой почве Сократ неизбежно одерживает верх над софистами, как логизм и философия ценностей над прагматизмом, релятивизмом и т. д.

[1]) Школьным примером может служить современный прагматизм.

Действительно, эти релятивисты только то и делают, что превращают нынешнюю, общественно-исторически данную границу человеческого миропознания в некоторую «вечную» границу—биологическую, прагматическую и т. д. Постольку они знаменуют собою проявившийся в форме сомнения, отчаяния и т. д. упадок того рационализма или той религиозности, против которых направляются их сомнения. И поэтому они бывают иногда исторически немаловажным симптомом того, что общественное бытие, на почве которого вырос «отрицаемый» ими рационализм и т. д., уже стало внутренне проблематическим. Но этим и исчерпывается все их значение. Действительные духовные ценности олицетворяются не ими, а той культурой, против которой они ведут борьбу, культурой еще не надломленного класса.

Только историческая диалектика создает тут радикально новое положение. Не только потому, что в ней релятивируются или, лучше сказать, растворяются все границы; и не только потому, что все формы бытия, логическим отражением которых является абсолютное в своих различных формах, разрешаются в процессы и понимаются, как конкретные исторические явления, так что абсолютное не просто отрицается, но постигается в своем конкретном историческом образе, как момент самого процесса,—но и потому еще, что исторический процесс в своей однократности, в своем диалектическом стремлении вперед и в своих диалектических рецидивах есть непрерывная борьба за все более высокие ступени (обществен-

ного) самопознания человека. «Релятивирование» истины у Гегеля означает, что высший момент содержит в себе истину низшего. «Объективность» истины на более низких ступенях не разрушается этим, а только получает новый смысл, будучи введена в более конкретное и широкое целое. А так как у Маркса диалектика становится сущностью самого исторического процесса, то это движение мысли в свою очередь оказывается лишь частью всего исторического процесса в целом. История становится историей предметных форм, которые образуют внешний и внутренний мир человека и которыми он старается овладеть идейно, практически, художественно и т. д. (тогда как релятивизм оперирует с твердыми и неизменными предметными формами). Истина, которая в «пред-исторический период человеческого общества», в период борьбы классов, может служить только для закрепления различных, возникающих в ходе борьбы, отношений к непонятному в самом себе миру; которая, следовательно, может быть в этот период объективной только по отношению к отдельным классам,—истина получит совершенно иной смысл, как только человечество ясно уразумеет и соответственно преобразует основание своей собственной жизни. В тот момент, когда теория и практика, соединившись вместе, получат возможность изменить действительность, будет окончательно сыграна историческая роль как абсолютного, так и его «релятивистических» отрицаний. Ибо вместе с практическим уразумением и реальным преобразованием основ человеческой жизни исчезает и та действительность, мысленным отражением которой были в одинаковой мере абсолютное и релятивное.

Этот процесс начинается с пробуждения классового самосознания пролетариата. Поэтому обозначение диалектического материализма, как «релятивизма», в высшей степени неудачно. Ибо как раз то, что кажется общей исходной точкой обоих,—человек как мера всех вещей,—означает здесь и там нечто по существу различное и даже прямо противоположное. А начало «материалистической антропологии» у Фейербаха так и остается началом, которое само по себе допускало развитие в самых различных направлениях. Мысль Фейербаха была радикально додумана до конца Марксом. В этом пункте Маркс очень резко выступает против Гегеля [1]: «Гегель делает человека человеком самосознания, вместо того, чтобы самосознание сделать самосознанием человека, настоящего человека, который поэтому и живет в настоящем предметном мире и им обусловлен». Но вместе с тем —и это еще в тот период, когда он находится под особенно сильным влиянием Фейербаха —Маркс берет человека исторически и диалектически. То и другое в двойном смысле. Во-первых, поскольку он никогда не говорит о человеке вообще, об абстрактном, абсолютном человеке, но всегда мыслит его как члена конкретного целого, т.-е. общества. Общество должно быть объяснено из человека, но лишь после того, как человек сам введен в это конкретное целое, возведен к подлинной конкретности. Во-вторых, поскольку человек, как предметное основание исторической диалектики, как ее тожественный субъект-объект, сам проделывает весь диалектический процесс, или, применяя к нему первую абстрактную категорию диалектики, поскольку одновременно он есть и не есть. «Религия,—говорит Маркс в своей «Критике гегелевой философии права» [1],—есть фантастическая реализация человеческого существа, потому что человеческое существо здесь не имеет истинной реальности». И так как этот несуществующий человек объявляется мерой всех вещей и истинным демиургом истории, то его небытие тотчас же принимает конкретную и исторически-диалектическую форму критического познания современности, в которой человек необходимо обречен на небытие. Отрицание его бытия конкретизируется, следовательно, в познании буржуазного общества, и в то же время диалектика этого общества, противоречие его абстрактных рефлексивных категорий, ясно обнаруживается, как мы видели, при его рассмотрении с точки зрения человека. Так, в связи с только что приведенной критикой гегелева учения о сознании, Маркс выставляет следующую программу: «Следует... показать, как государство, частная собственность и т. д. превращают людей в абстракции или суть продукты абстрактного человека—вместо того, чтобы быть действительностью конкретных людей». И что этот свой взгляд на абстрактное небытие человека Маркс сохранил в полной мере и в свою зрелую пору, доказывается известными и часто цитируемыми словами из предисловия к «Критике политической экономии», где буржуазное общество названо последним явлением «пред-истории человеческого общества».

[1]) Nachlasz, II, 304.

[1]) Nachlasz, I, 384. Разрядка моя

Здесь «гуманизм» Маркса наиболее резко отделяется от всех на первый взгляд сходных с ним тенденций. Бесчеловечная сущность капитализма, насилующая и умерщвляющая все человеческое, была понята и изображена и другими. Укажу лишь на Карлейля, книга которого «Past and Present» (Прошлое и настоящее) была в своей описательной части сочувственно, отчасти даже восторженно встречена молодым Энгельсом. Но когда невозможность человеческого существования в буржуазном обществе выставляется, с одной стороны, как простой (вневременный) факт, а, с другой стороны, существующий человек противопоставляется этому небытию человека непосредственно или, что то же самое, посредством метафизически-мифологических понятий, то это приводит лишь к неясной постановке вопроса, а отнюдь не к возможности его решения. Решение может быть найдено только тогда, когда оба эти момента берутся в своей неразрывной диалектической связанности, как они являются в конкретном и реальном процессе развития капитализма; когда, другими словами, правильное применение диалектических категорий к человеку, как к мере вещей, переходит в полное описание экономической структуры буржуазного общества, в правильное познание настоящего. Всякое другое описание, как бы удачно оно ни было в частностях, неизбежно впадает в эмпиризм или утопизм, волюнтаризм или фатализм и т. д. В лучшем случае, оно, с одной стороны, застревает на ступени собирания сырых материалов, а с другой — ставит имманентному ходу исторического развития чуждые ему и потому лишь субъективные и произвольные требования.

Такова судьба всех без исключения систем, которые, сознательно исходя из человека, стремились теоретически разрешить проблемы его существования и практически спасти его от них. Во всех попытках евангельски-христианского типа наблюдается эта двойственность. Эмпирическая действительность оставляется нетронутой в своем (общественном) бытии и качестве. Происходит ли это в форме заповеди: «Дайте кесарю кесарево», или лютеровского освящения существующего, или толстовского «непротивления злу»,—методически это сводится к одному и тому же. Ибо решительно все равно, каким эмоциональным тоном или какой метафизически-религиозной оценкой сопровождается признание неустранимости эмпирического (общественного) бытия человека. Важно лишь, что непосредственно наличная форма этого бытия провозглашается неприкосновенной для человека и что эта неприкосновенность получает значение нравственной заповеди. Утопический же противовес к этому учению о бытии заключается не только в вере, что бог в конце истории уничтожит эту эмпирическую действительность,—эта апокалиптическая эсхатология может и отсутствовать, как, напр., у Толстого,—утопизм проявляется здесь прежде всего в требовании, чтобы человек стал «святым» и внутренне преодолел неустранимую внешнюю действительность. Пока такой взгляд сохраняется в своем первоначальном несмягченном виде, он упраздняет сам себя, как попытку «гуманистического» разрешения проблемы человечества: ибо он вынужден отказать в человеческом бытии подавляющему большинству людей, исключить их из того «спасения», через которое жизнь человека получает, с этой точки зрения, смысл, недостижимый в эмпирическом существовании. Но тем самым он воспроизводит в методически-религиозной плоскости, в потустороннем мире, в вечности — бесчеловечность классового общества, своеобразно искаженного. А что всякое смягчение этих утопических требований означает приспособление к существующему строю, в этом нас убеждает простое историческое ознакомление с любым монашеским орденом — от общины «святых» вплоть до могущественной экономически-политической организации, услужающей господствующему в данный момент классу.

Но и «революционный» утопизм, когда он присутствует в подобных воззрениях, бессилен преодолеть внутреннюю границу этого не-диалектического «гуманизма». Анабаптисты и тому подобные секты сохраняют все тот же двойственный характер. С одной стороны, они оставляют неприкосновенным эмпирическое существование человека в его предметной структуре (потребительский коммунизм), а с другой — ожидают преобразования действительности от пробуждения «души» человека, которая существует вечно, независимо от его конкретно-исторического бытия, и лишь должна быть пробуждена к жизни, иногда путем трансцендентного вмешательства со стороны божества. И они, следовательно, исходят из некоторой неизменной в своей структуре эмпирической действительности и из сущего в самом себе человека. Что подобный взгляд обусловлен их историческим положением, ясно само собой, но в данной связи это нас не интересует. Упомянули же мы здесь

об этом только для того, чтобы подчеркнуть, что отнюдь не случайно именно революционная религиозность сектантов дала идеологические основы чистейшим формам капитализма (Англия, Америка). И, в самом деле, это соединение очищенной от всего конкретного, от всякой «тварности» души с трансцендентной философией истории вполне соответствует идеологической структуре капитализма. Более того, можно сказать, что в кальвинизме, тоже революционном, в котором индивидуальная этика долга (мирской аскетизм) связана с полнейшей трансцендентностью объективных сил, движущих миром и творящих реальную судьбу человека (Deus absconditus и предопределение), что в этом характерном сочетании выразилась мифологически, но зато в самом чистом виде буржуазная структура овеществленного сознания [1]). Что касается самих активно-революционных сект, то тут стихийная активность какого-нибудь Мюнцера может скрыть от поверхностного взора непримиримую двойственность и механическое смешение эмпиризма и утопизма в этих сектах. Но если мы вглядимся пристальнее и ближе изучим конкретное влияние религиозно-утопического учения секты на действия Мюнцера, то между учением и действиями найдем тот же «темный» и «пустой промежуток», тот же «hiatus irrationalis», которые имеются везде, где субъективная и поэтому не-диалектическая утопия непосредственно прилагается к исторической действительности с целью ее изменения. Реальные действия всегда оказываются в этом случае — по своему объективно-революционному смыслу — совершенно независимыми от религиозной утопии, которая неспособна ни руководить ими, ни указывать им конкретные пути и цели. И если Эрнст Блох [2]) видит в этом сочетании религиозности с социально-экономической революционностью путь к углублению «только экономического» исторического материализма, то он не замечает, что в своей попытке углубления он проходит мимо подлинной глубины исторического материализма. Рассматривая экономику как объективную вещность, которой он противопоставляет душу, внутреннюю жизнь и т. д., он не замечает, что действительная общественная революция только и может быть преобразованием реальной и конкретной человеческой жизни и что то, что обычно называют экономикой, есть не что иное, как система предметных форм этой реальной жизни. Революционные секты поневоле должны были пройти мимо этого вопроса, потому что такое преобразование жизни и даже самая постановка этой задачи были для них объективно невозможны в силу исторических условий. Но нельзя же видеть какую-то углубленность в этой их слабости, в их неспособности найти точку опоры для совершения действительного переворота, в их вынужденности искать эту точку то слишком высоко, то слишком низко.

[1]) Ср. по этому поводу статьи Макса Вебера в I томе его «Социологии религии». (Для оценки собранного им материала безразлично, соглашаемся ли мы или нет с его причинным объяснением). О связи капитализма с кальвинизмом ср. также замечания Энгельса: «Об историческом материализме», Neue Zeit, XI, I, 43. Эта структурная связь между онтологией и этикой жива еще в системе Канта. Ср. место из «Критики практического разума», 120, выдержанное совершенно в духе кальвинистической этики франклиновского типа. Более глубокий анализ этого родства увел бы нас слишком далеко от нашей темы.

[2]) Thomas Münzer, 73 сл.

Индивидуум никогда не может сделаться мерой вещей, потому что он стоит перед объективной действительностью, как перед комплексом готовых данностей, которые он может только субъективно принять или отвергнуть. Только класс (а не «род», который есть не что иное, как созерцательно-стилизованный, мифологизированный индивидуум) может практически-преобразовательно подойти к действительности в целом. Но и класс лишь тогда, когда он способен узреть в вещной предметности непосредственно данного мира процесс, являющийся заодно и его собственной судьбой. Для индивидуума же неустранимой остается вещность и вместе с ней детерминизм (детерминизм есть логически необходимая связь вещей). Всякая попытка пробиться к «свободе» отсюда — обречена на неудачу, потому что чисто «внутренняя свобода» предполагает неизменность внешнего мира. Поэтому и расщепление «я» на долженствование и бытие, на умопостигаемое и эмпирическое «я», не может явиться основой диалектического становления даже и для единичного субъекта. Вопрос о внешнем мире и его структуре (о вещах) опирается на категорию эмпирического «я», для которого (в психологическом, физиологическом и др. отношениях) законы вещного детерминизма имеют такую же силу, как и для самого внешнего мира. Умопостигаемое «я» превращается в трансцендентную идею (все равно, толкуется ли она в смысле метафизического бытия или долженствования) — идею, которая по самому своему существу исключает диалектическое взаимодействие с эмпирическими содержаниями «я».

а следовательно и самообнаружение умопостигаемого «я» в эмпирическом. Воздействие такой идеи на приуроченную к ней область эмпирического не менее загадочно, чем отношение между долженствованием и бытием вообще.

После сказанного становится вполне ясно, почему всякое подобное воззрение должно было привести к мистике, к мифологии понятий. Ибо мифология всегда возникает там, где два каких-либо пункта движения (будет ли то движение в самой эмпирической действительности или в мысли, направленной на ее целостное постижение) должны быть установлены, как конечные пункты движения, а между тем конкретно связать эти пункты с самим движением оказывается невозможным. Эта субъективная невозможность почти всегда сопровождается убеждением, что дело идет о реальной пропасти между движением и движущимися, между движением и двигателем, двигателем и движущимся и т. д. Но мифология неизбежно принимает предметную структуру той проблемы, неразрешимость которой послужила толчком к ее возникновению: тут торжествует «антропологическая» критика Фейербаха. Так возникает то парадоксальное, на первый взгляд, положение, что этот мир мифологических проекций кажется сознанию более близким, чем непосредственная действительность. Парадоксальность исчезает, если вспомнить, что для подлинного овладения непосредственной действительностью нужно разрешение проблемы, поднятие над точкой зрения непосредственности, тогда как мифология есть не что иное, как фантастическое воспроизведение самой неразрешимости проблемы: непосредственность восстанавливается ею на более высокой ступени. Так пустыня мейстера Экхарта, которую душа должна искать по ту сторону бога, чтобы обрести божество, все-таки ближе единичной индивидуальной душе, чем само ее конкретное бытие в конкретном целом человеческого общества, которое в этих жизненных условиях сокрыто от нее даже в своих самых общих очертаниях. Так прочная причинная связь между вещами (детерминизм) ближе овеществленному человеку, чем те посредствующие отношения, которые выходят за пределы его непосредственного бытия. Индувидуальный человек, как мера всех вещей, необходимо приводит в этот лабиринт мифологии.

Но «индетерминизм», разумеется, отнюдь не является преодолением этой трудности на индивидуалистической точке

зрения. Индетерминизм современных прагматистов был первоначально не чем иным, как открытием того «свободного» поля деятельности, которое оставляют индивидууму в капиталистическом обществе взаимная интерференция и иррациональность законов вещного бытия; в дальнейшем же своем развитии он привел к интуитивному мистицизму, который целиком оставляет в силе фатализм для внешнего овеществленного мира. И гуманистический мятеж Якоби против канто-фихтевского господства «закона», его требование, чтобы «закон существовал ради человека, а не человек ради закона», может на место рационалистического сохранения существующего у Канта поставить только иррациональное прославление все той же эмпирической действительности [1]).

Но когда подобная идеологическая концепция сознательно ставит себе целью преобразование общества, она бывает вынуждена (что еще хуже) исказить общественную действительность, чтобы в одной из ее сфер найти положительную сторону — того подлинно существующего человека, которого она не сумела обнаружить, как диалектический момент, в его непосредственно наличной отрицательности. В качестве особенно яркого примера, приведу известное место из «Школы Бастиа» Лассаля [2]): «Из этого общественного положения на о б щ е с т в е н н о м п у т и нет выхода. Тщетные усилия в е щ и стать человеком—вот что такое английские стачки, печальный исход которых достаточно известен: Е д и н с т в е н н ы й выход для рабочих может, поэтому, лежать только через ту сферу, внутри которой они еще признаются л ю д ь м и, т.-е. через государство, конечно, через такое, которое само стремится к этому, что, в конце-концов, неизбежно. Отсюда инстинктивная, но безграничная ненависть либеральной буржуазии к самому

---

[1]) Werke, III, 37—38.

[2]) Werke, V, 275—76. Насколько Лассаль становится тут на буржуазную почву, показывает, между прочим, развитие некоторых естественно-правовых теорий, которые именно из идей «свободы» и «человеческого достоинства» выводили несостоятельность всякого чисто пролетарского движения (об американском естественном праве ср. Макс Вебер: wirtschaft und Gesellschaft, 497). Но и циничский основатель исторической школы права, К. Гуго, приходит к подобной же конструкции (хотя его социальный идеал и противоположен лассалевскому), к взгляду, что возможны такие права, которые превращают человека в товар, причем его «человеческое достоинство» в других областях остается неприкосновенным. Naturrecht, § 144.

понятию государства во всех его проявлениях». Нас здесь не интересует фактическая ошибка во взглядах Лассаля,—нам, с нашей методической точки зрения, важно лишь подчеркнуть, что это чисто абстрактное разделение хозяйства и государства, при чем человек, как вещь, переносится в одну из этих сфер, а человек, как человек, в другую, приводит Лассаля, во-первых, к фатализму, погрязающему в непосредственно-эмпирической фактичности; а, во-вторых, заставляет его приписать совершенно утопическую функцию «идее» государства, оторванной от развития капиталистического хозяйства. Тем самым методически отрезаны все пути к пролетарскому преобразованию действительности. Механическое отделение экономики от политики уже само по себе уничтожает возможность всякой действенной деятельности, которая должна быть направлена на все общество в целом, включающее в себе оба эти момента и основанное на их непрерывном взаимодействии. Кроме того, экономический фатализм может только парализовать всякое решительное действование в экономической области, тогда как государственный утопизм заставляет ждать чуда или гонит в объятия авантюристской политики.

Это разделение диалектически-практического единства на внутренне не связанные эмпиризм и утопизм, на прилепленность к «фактам» (в их непосредственной данности) и чуждый действительности пустой иллюзионизм, все ярче и ярче обнаруживается в развитии социал-демократии. Точка зрения последней интересует нас здесь только с методологической стороны и поэтому мы ограничимся кратким указанием на то, что как бы ни драпировались в «социализм» нынешние социал-демократы, вся их позиция означает полнейшую капитуляцию перед буржуазией. Разрозненность отдельных сфер общественного бытия и соответственная раздробленность человека целиком отвечают классовым интересам буржуазии. И в особенности двойственность фатализма в экономической сфере и «этического» утопизма по отношению к «человечным» функциям государства—эта двойственность, лишь выраженная другими словами, и составляет основу позиции социал-демократов—означает вместе с тем переход на почву буржуазных воззрений; а на этой почве перевес, разумеется, всегда останется на стороне буржуазии. Опасность, все время угрожавшая пролетариату с первого же момента его исторического выступления, опасность погрязнуть в общей у него с

буржуазией непосредственной фактичности своего бытия, получила благодаря социал-демократии политическую организационную форму, которая искусственно уничтожает все уже достигнутые с таким трудом переходные моменты, чтобы вернуть пролетариат к его непосредственному бытию, к тому положению, когда он служит только элементом капиталистического общества, а не также и орудием его самоупразднения и уничтожения. Конечно, «законы», которыми пролетариат может либо безвольно-фаталистически покоряться (естественные законы производства), либо «этически» сочувствовать (государство, как идея, как культурная ценность), своей скрытой от овеществленного сознания, объективной диалектикой все равно толкают капитализм к гибели[1]); но пока капитализм существует, подобное воззрение на общество соответствует элементарным классовым интересам буржуазии. Раскрытие имманентных частичных связей непосредственно данного общественного бытия, при скрытости его внутренне единой диалектической связи в целом, дает буржуазии все практические преимущества. Поэтому на этой почве социал-демократия с самого начала обречена на поражение. Не только потому, что она добровольно отказывается использовать тот момент, который составляет историческое призвание пролетариата: его способность найти выход из неразрешимых для буржуазии проблем капитализма; не только потому, что она остается пассивной зрительницей того, как «законы» капитализма толкают его в бездну,—нет, она обречена на поражение и в каждом частном вопросе. Ибо пока буржуазия, оставаясь господствующим классом, имеет все те преимущества, какие дают ей обладание властью, знаниями, образованностью, нужными навыками и т. д., до тех пор у пролетариата есть только одно решающее орудие против нее: его способность видеть все общество, как конкретное историческое целое, понимать овеществленные формы, как отношения между людьми, осознавать в его положительной сущности и проводить в жизнь тот имманентный

[1]) В чистом виде эти взгляды выражены в новой книге Каутского. Уже одно мертвящее, механическое отделение политики от экономики изобличает сторонника лассалевского заблуждения. Взгляд Каутского на демократию слишком известен, чтобы была надобность в его анализе. А что касается экономического фатализма, то характерно, что даже там, где он допускает невозможность конкретного предвидения кризиса, он считает методически несомненным, что кризис будет протекать согласно законам капиталистического хозяйства.

смысл развития, который в абстрактных противоречиях открывается лишь с отрицательной стороны. Социал-демократическая идеология ввергает пролетариат во все антиномии овеществления, подробно рассмотренные нами выше. И если она начинает все больше подчеркивать принцип «человека», как ценности, как идеала, как долженствования и т. д. (правда, одновременно все более «осознавая» небходимость и закономерность фактического хозяйственного процесса), то это лишь симптом ее ниспадения на ступень буржуазно-овеществленной непосредственности. Ибо именно эта внешняя сопоставленность естественных законов и долженствования и является наиболее последовательным идеологическим выражением непосредственного общественного бытия при буржуазном строе.

6.

Если, таким образом, овеществление есть необходимая форма непосредственной действительности для всякого человека, живущего в капиталистическом обществе, то ее преодоление может выразиться только в одном: в непрекращающемся стремлении практически разбить эту овеществленную структуру бытия путем конкретного обнаружения противоречий, таящихся в развитии общества, и путем осознания имманентного значения этих противоречий для всего развития в целом. При этом мы должны помнить следующее: во-первых, что этот прорыв возможен только как осознание имманентных противоречий самого процесса развития. Только тогда, когда сознание пролетариата способно на тот шаг, к которому объективно толкает, но которого вместе с тем не в силах сделать сама имманентная диалектика развития,— только тогда сознание пролетариата вырастает до размеров сознания самого процесса, только тогда пролетариат оказывается тожественным субъект-объектом истории, а его действие — преобразованием действительности. Если же пролетариат на этот шаг не способен, то противоречие остается неразрешенным и, в измененном и потенцированном виде, воспроизводится снова диалектической динамикой развития. В этом и состоит объективная необходимость последней. Следовательно, действие пролетариата может заключаться только в конкретно-практическом выполнении ближайшего

шага развития [1]). Будет ли это «решающий» или «эпизодический» шаг, зависит от обстоятельств и в рамках нашего методологического рассмотрения не имеет особого значения, так как дело идет о перманентном процессе таких прорывов.

Во-вторых, отнесение к целому отнюдь не должно выражаться в том, что вся экстенсивно-содержательная полнота целого вовлекается в круг мотивов и объектов действования. Нужна лишь направленность на целое, нужно, чтобы действие выполняло только-что охарактеризованную функцию в процессе, как целом. Правда, по мере роста капиталистического обобществления общества растет и возможность, а с нею и необходимость включать каждое отдельное событие, во всей его конкретности, в конкретное целое [2]). Мировое хозяйство и мировая политика стали для нас гораздо более непосредственными фактами, чем то было во времена Маркса. Однако, это нисколько не противоречит тому, что решающим мотивом действия может быть нечто на первый взгляд весьма маловажное. Здесь-то и обнаруживается практически, что в диалектическом целом все отдельные моменты запечатлены структурой целого. Если теоретически это выражалось в том, что, напр., из структуры товара можно было вывести весь строй буржуазного общества, то тот же самый структурный принцип проявляется теперь в том, что практически от решения какого-нибудь, казалось бы, совсем несущественного вопроса может зависеть судьба целой эпохи.

И поэтому, в-третьих, правильность или неправильность какого-либо шага определяется его функциональной правиль-

[1]) Ленину принадлежит та заслуга, что он заново открыл эту сторону марксизма, которая приводит к осознанию его практического ядра. Его постоянные напоминания, что нужно со всей энергией браться за то «ближайшее звено», от которого в данный момент зависит судьба всего развития в целом, его отклонение всех утопических требований,— другими словами, его «релятивизм», его «реальная политика» означает не что иное, как практическое осуществление тезисов молодого Маркса о Фейербахе.

[2]) После всего сказанного ясно само собой, что «целое» есть категориальная проблема, и притом проблема революционно-практического действия. Концепцию, которая, оставаясь созерцательной, охватывала бы по своему содержанию «все проблемы» (что, впрочем, и по существу невозможно), мы не можем, поэтому, признать целостной уже с чисто методологической точки зрения. Это относится, главным образом, к историческому мировоззрению социал-демократии: своей «материальной полнотой» оно всегда стремится удержать от общественного действия.

ностью или неправильностью по отношению ко всему развитию в целом. Пролетарское мышление, поскольку оно является практическим, имеет резко выраженный прагматический характер. «The proof of the pudding is in the eating» (пуддинг доказывается тем, что его едят), говорит Энгельс, выражая этим, в популярно-образной форме, сущность второго тезиса Маркса о Фейербахе: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, есть практический, а не теоретический вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т.-е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Вопрос о действительности или недействительности мышления, изолирующего себя от практики, есть чисто схоластический вопрос». Пуддингом, о котором здесь идет речь, является организация пролетариата в класс, т.-е. практическое осуществление его классового сознания. Тем самым получает более конкретную форму наше положение, что пролетариат есть тожественный субъект-объект исторического процесса, т.-е. первый в истории субъект, который способен (объективно) к осознанию общества. Ибо оказывается, что объективное общественное разрешение противоречий, в которых проявляется антагонистический характер развития, практически возможно только тогда, когда это разрешение проявляется как новая, практически достигнутая ступень пролетарского сознания. Функциональная правильность или неправильность действия имеет, следовательно, свой последний критерий в классовом сознании пролетариата.

Практический по преимуществу характер этого сознания выражается, в-четвертых, в том, что адэкватное, правильное сознание означает вместе с тем и изменение его объектов и в первую голову его самого. Во второй главе настоящей статьи мы разобрали отношение Канта к онтологическому доказательству, к проблеме мышления и бытия и изложили его весьма последовательный взгляд, что если бы бытие было действительным предметом, то «я не мог бы сказать, что существует как раз предмет моего понятия». Кант был со своей точки зрения вполне прав, когда не соглашался признать это. Но если мы теперь видим, что с точки зрения пролетариата эмпирически данная действительность вещей растворяется в процессы и тенденции, что процесс познания заключается не в однократном акте срывания покрывала с этих процессов, а в непрерывной смене застывшей неподвижности, противоречия

и разрешения в движение, что при этом подлинная действительность (т.-е. пробуждающиеся к сознанию тенденции развития) представлена пролетариатом,—то мы должны вместе с тем признать, что столь парадоксальное на первый взгляд положение Канта есть точное описание того, что фактически происходит при каждом (функционально правильном) действии пролетариата.

Только поняв это, мы будем в состоянии вскрыть последние следы овеществленной структуры сознания и его теоретической формы—проблемы вещи в себе. Даже Фридрих Энгельс высказался однажды по поводу этой проблемы в форме, которая легко может породить недоразумения. Говоря о разногласии, которое отделило Маркса и его от школы Гегеля, он замечает [1]): «Мы снова стали рассматривать понятия нашего ума, как отображения действительных вещей, вместо того, чтобы рассматривать действительные вещи, как отображения той или другой ступени абсолютного понятия». Но тут возникает вопрос, и Энгельс не только ставит его, но и сам дает на следующей странице ответ совершенно в нашем смысле: «мир должен был понят не как комплекс готовых в е щ е й, а как комплекс п р о ц е с с о в». Но раз нет вещей, то что же «отображается»? Мы не можем дать здесь даже самого беглого исторического очерка теории отображения, хотя только история этой теории могла бы раскрыть во всей ее глубине интересующую нас проблему. Ибо в учении об «отображении» теоретически объективируется непреодолимая для овеществленного сознания двойственность мышления и бытия, сознания и действительности. И с этой точки зрения решительно все равно, признаются ли вещи за отображения понятий или понятия за отображения вещей: ведь в том и другом случае одинаково навсегда закрепляется эта двойственность. Величественная и очень последовательная попытка Канта преодолеть ее логически, его теория о синтетической функции сознания вообще при создании теоретической сферы, не могла дать ф и л о с о ф с к о г о решения вопроса, потому что удаляла двойственность только из логики, но увековечивала ее, в форме двойственности явления и вещи в себе, как неразрешимую философскую проблему. До какой степени это решение Канта не может почитаться решением в философском смысле, доказывается судьбой его учения. Было бы, правда, недоразумением толковать

[1]) Feuerbach, 38—39.

теорию познания Канта как скептицизм или агностицизм. Однако, корень этого недоразумения лежит в самом учении Канта—только не непосредственно в логике, а в отношении логики к метафизике, в отношении мышления к бытию. Необходимо понять, что всякая созерцательная точка зрения и, стало быть, всякое «чистое мышление», которое поневоле ставит себе задачей познание противостоящего объекта, тем самым оказывается перед проблемой субъекта и объекта. Объект мышления (как противопоставленный) становится чем-то чуждым субъекту, и возникает вопрос о том, совпадает ли мышление со своим предметом. Чем в более «чистом» виде выявлялся познающий характер мышления, чем «критичнее» это мышление становилось, тем непроходимее оказывалась пропасть между «субъективной» формой мысли и объективностью (сущего) предмета. Правда, можно вместе с Кантом считать предмет мышления «порождением» мысли. Этим, однако, проблема бытия не решается, и Кант, изгнав эту проблему из теории познания, все-таки был вынужден признать, что его мыслимые предметы согласуются с некоторой «действительностью». Но эта действительность, в качестве вещи в себе, ставится вне пределов «критически» познаваемого. По отношению к этой действительности (которая и для Канта, как доказывает его этика, есть подлинная, метафизическая действительность) его точка зрения остается скептицизмом и агностицизмом,—как бы далеко от скептицизма ни было его учение о чисто имманентной, гносеологической объективности.

Не случайность поэтому, что к Канту примкнули самые разнообразные формы агностицизма (напомню только о Маймоне и Шопенгауэре). И тем более не случайно, что именно Кант первый снова ввел в философию тот принцип, который самым резким образом противоречит его принципу синтетического «порождения»,—именно платоново учение об идеях. Ибо это учение представляет собою самую решительную попытку спасти объективность мышления, его совпадение со своим предметом, не прибегая для этой цели к эмпирически-материальному бытию объектов. Ясно, что при всяком последовательном развитии учения об идеях должен быть указан принцип, связывающий мышление с предметами идеального мира, с одной стороны, эти последние с эмпирическими предметами—с другой (анамнезис, интеллектуальное созерцание и т. д.). Но тем самым теория мышления выходит за пределы самого мышления: она становится учением о душе, метафизикой, философией истории. Вместо решения проблемы получается ее удвоение или утроение; сама же проблема остается попрежнему нерешенной. Ибо как раз убеждение в принципиальной невозможности совпадения между принципиально-разнородными формами предметности и составляет движущий мотив всякого воззрения, аналогичного теории идей. Всякое такое воззрение пытается открыть в предметах мышления и в самом мышлении одну и ту же последнюю сущность. С этой точки зрения Гегель [1]) вполне правильно характеризует основной философский мотив теории анамнезиса, видя в ней мифологическое выражение той существенной особенности человека, «что истина уже заключена в нем, и требуется лишь ввести ее в сознание». Но как доказать тожество этой последней сущности мышления и бытия, раз мышление и бытие уже признаны принципиально разнородными сущностями, каковыми они и должны являться с чисто созерцательной точки зрения? Тут-то появляется на сцену метафизика, чтобы явными или скрытыми мифологическими средствами кое-как связать мышление и бытие, раздельность которых не только составляет исходный пункт «чистого» мышления, но и все время удерживается им, хочет ли оно того или нет. И положение дела не меняется нисколько, когда вместо одной мифологии берут другую, противоположную, и пытаются объяснить мышление из эмпирически-материального бытия. Риккерт назвал однажды материализм платонизмом с обратным знаком. И он совершенно прав. Ибо пока мышление и бытие продолжают оставаться в своем неразрешенном противостоянии, пока они сохраняют неизменной свою структуру и структуру своих взаимных отношений, до тех пор учение о том, что мышление есть продукт мозга и поэтому совпадает с эмпирическими предметами, нисколько не менее мифологично, чем учение об анамнезисе и мире идей. Оно мифологично, потому что не в состоянии объяснить *из своего принципа* возникающие тут специфические проблемы. Оно вынуждено оставить их не разрешенными или же решать их при помощи «старых» средств, сохраняя мифологию только как общий принцип догматического мировоззрения [2]). Но из всего пред-

[1]) Werke, XI, 160.

[2]) Если здесь отвергается метафизическое значение буржуазного материализма, то этим отнюдь не умалена его историческая ценность: он был идеологической формой буржуазной революции и, как таковая,

шествующего, надеюсь, уже ясно, что противоположность мышления и бытия не может быть уничтожена и путем бесконечного прогресса. На этом пути получается либо мнимое решение, либо снова появляется в измененной форме теория отображения [1]).

Эта безнадежная постановка вопроса навязывается недиалектическому мышлению как раз тем обстоятельством, в котором для исторического мышления раскрывается совпадение мышления и бытия—именно тем, что в непосредственном опыте (но только в нем) мышление и бытие имеют застывшую вещную структуру. Из их застывшего противостояния друг другу следует, во-первых, что одно никак не может отображать другое, но отсюда же следует, во-вторых, что критерий правильного мышления может заключаться только в отображении эмпирического бытия. Пока человек подходит к вещам созерцательно, его отношение к собственному мышлению и к окружающему его эмпирическому миру может быть только непосредственным. Стремясь только к познанию мира, но не к его изменению, он вынужден брать, как нечто неотразимое, и эмпирически-материальную неподвижность бытия, и логическую неподвижность понятий. В своей мифологической предвзятости он не спрашивает себя о том, на какой конкретной почве возникла неподвижность этих двух основных данностей и какие реальные моменты, способствующие преодолению их неподвижности, таятся в них самих. Его интересует только один вопрос: как соединить эти две данности, *не изменяя их сущности*, как объяснить их в их непосредственно данном виде?

Решение, намеченное Марксом в его тезисах о Фейербахе, заключается в превращении философии в практику. Но эта практика имеет, как мы видели, своей объективно-структурной предпосылкой взгляд на действительность, как на «комплекс

остается практически-актуальным до тех пор, пока остается актуальной буржуазная революция (хотя бы как момент пролетарской). Ср. об этом мои статьи о Молешоте, Фейербахе и атеизме в „Rote Fahne" и, главным образом, исчерпывающую статью Ленина: „Unter der Fahne des Marxismus". Die Kommunistische Internationale, 1922, № 21 («Под знаменем марксизма»).

[1]) Ласк весьма последовательно вводит в самое логику разделение на сферу прообразов и сферу отображений. (Учение о суждении). Правда, он критически изгоняет из философии чистый платонизм, взгляд на действительность, как на отображение идеи, но в логике он у него воскресает снова.

процессов», взгляд, по которому тенденции исторического развития представляют собою, по сравнению с застывшими вещами эмпирического опыта—не потусторонюю, конечно, потому что из них же вырастающую, но все-таки более высокую, подлинную действительность. По отношению к теории отображения это означает, что мышление должно, разумеется, ориентироваться на действительности, что критерием истины служит совпадение с действительностью, но что, с другой стороны, эта действительность отнюдь не тожественна с эмпирически-фактическим бытием. Эта действительность не есть, а становится—и становится в двойном смысле. Во-первых, в том, что в этом становлении, в этой тенденции, в этом процессе раскрывается истинная сущность предмета—раскрывается так, что при этом находят свое *конкретное* решение все конкретные проблемы, заданные мысли парадоксальными свойствами существующей вещи. Открытие, что невозможно дважды войти в одну и ту же реку, дает только отточенное выражение непримиримой противоположности между понятием и действительностью, но не дает ничего конкретного для познания реки. Наоборот, открытие, что капитал, как процесс, может быть только накопленным или, вернее сказать, накопляющимся капиталом, означает конкретное и положительное решение целого ряда конкретных и положительных, материальных и методических проблем капитализма. Стало быть, только преодолев методическую двойственность философии и частных наук, методологии и фактических знаний, можно найти путь к мысленному уничтожению двойственности мышления и бытия. Всякая попытка диалектически преодолеть эту двойственность в логике, в чистой мысли, освобожденной от всякого конкретного отношения к бытию—такова была попытка Гегеля, несмотря на наличность и противоположенных тенденций в его философии—всякая такая попытка обречена на неудачу. Ибо всякая чистая логика платонична, она есть мышление, оторванное от бытия и застывшее в этой оторванности. Только ставши формой действительности, моментом целостного процесса, может мышление диалектически преодолеть свою собственную неподвижность, превратиться в процесс становления [1]). Во-вторых, становление есть вместе с тем и

[1]) Ограничение чисто логическим или чисто методологическим рассмотрением вопросов означает только, что в настоящих исторических условиях еще невозможно понять и изложить все категориальные проблемы, как проблемы преобразующейся исторической действительности.

посредствующая связь между прошлым и будущим, но между конкретным, т.-е. историческим, прошлым и столь же конкретным, т.-е. также историческим, будущим. Конкретное «здесь» и «теперь», разрешаясь в процесс, перестает быть пролетающим, неуловимым мгновением, ускользающей непосредственностью [1]),—оно становится моментом глубочайшего и сложнейшего опосредствования, моментом решения, моментом рождения нового. Пока человек направляет свой интерес, чисто созерцательный, на прошлое и л и будущее, то и другое застывает в какое-то чуждое бытие, и между субъектом и объектом ложится непроходимое «вредное пространство» настоящего. Только для того, кто способен понять настоящее как становление, открыв в нем те тенденции, из диалектического антагонизма которых он способен т в о р и т ь будущее,—только для того настоящее становится е г о настоящим. Только тот, кто призван и хочет творить будущее, может видеть конкретную истину настоящего. «Ибо истина,—говорит Гегель [2]),—в том, чтобы не относиться к предмету, как к чему-то чуждому». Но если истина становления—в еще не возникшем будущем, в том новом, что несут с собой реализующиеся (при нашем сознательном содействии) тенденции развития, то вопрос об отображающем характере мышления теряет всякий смысл. Конечно, критерием правильности мышления служит действительность. Но эта действительность не есть, а становится, не без усилий со стороны мысли. Здесь, следовательно, осуществляется программа классической философии: принцип генезиса на самом деле преодолевает догматизм (особенно в его самой значительной исторической форме, в платоновой теории отображения). Но только конкретное (историческое) становление способно осуществить подобный генезис. И сознание (ставшее действенным, классовое сознание пролетариата) входит в это становление необходимой составною частью. Следовательно, мышление и бытие тождественны не в том смысле, что они «соответствуют» друг другу, «отображают» друг друга, «параллельны или совпадают» друг с другом (все эти выражения содержат в скрытом виде мысль о непримиримой двойственности субъекта и объекта),—нет, их

[1]) Ср. об этом Феноменологию Гегеля, особенно Werke, II, 73 слл., где дано самое глубокое до сих пор обсуждение этой проблемы, а также учение Эриста Блоха о «мраке переживаемого мгновения» и его теорию «еще не осознанного знания».

[2]) Werke, XI, 207.

тожество заключается в том, что они суть моменты одного и того же реально-исторического диалектического процесса. Сознанием пролетариата «отображается» то положительное и новое, что возникает из диалектических противоречий капиталистического развития, т.-е. нечто такое, что отнюдь не изобретается пролетариатом, не «творится» им из ничего, а составляет, наоборот, необходимый результат процесса развития в целом, но что в то же время превращается из абстрактной возможности в конкретную действительность только будучи осознано и практически осуществлено пролетариатом. А такое превращение отнюдь не только формально, ибо осуществление возможности, актуализация тенденции означает предметное преобразование общества, изменение функционального характера его моментов и, следовательно, как структурное, так и материальное изменение всех отдельных предметов.

Но при этом не следует забывать, что т о л ь к о с т а в ш е е п р а к т и ч е с к и м к л а с с о в о е с о з н а н и е п р о л е т а р и а т а о б л а д а е т способностью произвести такое изменение. Всякий чисто познавательный, созерцательный подход к предмету остается в конечном счете дуалистическим, и простое перенесение описанной здесь структуры с действий пролетарита на любой другой подход к действительности неизбежно приведет к новой мифологии понятий, к возврату на преодоленную Марксом точку зрения классической философии. Ибо подлинно практическим может быть только класс в своем отношении к целостному процессу развития. Всякое же чисто познавательное отношение к предмету несет в себе порок непосредственности, т.-е. в конечном счете всегда противостоит ряду готовых, неразрешимых в процессы предметов. Его диалектическая сущность может заключаться только в направленности на практическое, на действия пролетариата, в критическом осознании присущей ему, как всякому непрактическому отношению, тенденции к непосредственности, в стремлении критически найти посредствующие переходы к процессу в целом, к действию пролетариата как класса.

Но возникновение и осуществление практического характера пролетарской мысли само есть также диалектический процесс. Самокритика означает для этой мысли не только самокритику ее объекта, т.-е. буржуазного общества, но вместе с тем и критический отчет в том, насколько ее собственная практическая сущность действительно проведена в жизнь,

какая ступень подлинно практического объективно достижима и в какой мере это объективно достижимое уже практически осуществлено. Ибо ясно, что как бы правильно мы ни понимали текучий характер общественных явлений, как бы справедливо ни разоблачали иллюзорность их вещной неподвижности, мы этим практически не уничтожим «действительность» этой иллюзии в капиталистическом обществе. Моменты, когда переход нашей теории в практику становится действительно возможным, определяются процессом общественного развития. Так пролетарская мысль есть на первых порах всего лишь теория практики, и только постепенно (правда, часто скачками) превращается она в практическую теорию, преобразующую действительность. Только характеристика отдельных этапов этого процесса (здесь мы не можем наметить их даже самыми беглыми штрихами) могла бы с полной ясностью представить путь диалектического развития пролетарского самосознания (организации пролетариата в класс). Только такая характеристика вскрыла бы интимные диалектические связи между объективной общественно-исторической ситуацией и классовым сознанием пролетариата, только она придала бы действительно конкретную форму нашему утверждению, что пролетариат есть тожественный субъект-объект общественного развития [1]).

Ибо и сам пролетариат способен преодолеть овеществление лишь в той мере, в какой он стоит на подлинно практической позиции. Преодоление же это по самой своей сущности таково, что не может сразу, единым актом, уничтожить все формы овеществления; более того, целый ряд предметов надолго остается как бы вовсе не затронутым этим процессом. Сюда относится прежде всего природа. Но и для целого ряда общественных явлений очевидно, что их вовлечение в диалектический процесс совершается другим путем, не тем, каким оно идет для тех явлений, на которых мы пытались изучить и представить сущность исторической диалектики. Так мы видели, напр., что отдельные произведения искусства обнаруживают чрезвычайно тонкую восприимчивость к качественной сущности диалектического изменения, но так, однако, что выявившиеся

[1]) По вопросу о отношении теории практики к практической теории укажу на интересную статью Josef Révai, Das Problem der Taktik Kommunismus, т. I. 46—49. (Впрочем, должен оговориться, что я не целиком принимаю его выводы).

в них антагонизмы не привели и не могли привести к осознанию их сущности и смысла. Наряду с этим мы отметили, что другие явления овеществленного бытия противоречивы лишь абстрактно, т.-е. их внутренняя противоречивость есть лишь производное следствие из внутреннего противоречия других, более центральных явлений и поэтому может объективно обнаружиться только через посредство этих последних (процент в противоположность прибыли). Только система этих качественных различий в диалектическом характере отдельных комплексов явлений могла бы дать нам конкретную целокупность категорий, которая необходима для правильного уразумения современности. Иерархия этих категорий была бы вместе с тем мысленным зафиксированием той точки, в которой осуществляется единство системы и истории, она была бы выполнением уже приведенного нами требования Маркса, чтобы «последовательность категорий определялась их взаимными отношениями в современном обществе».

Но во всяком сознательно-диалектическом построении мысли, не только у Гегеля, но уже и у Прокла, любая последовательность сама диалектична. Диалектический вывод категорий ни в коем случае не может быть простым сопоставлением неизменных форм или хотя бы даже их следованием друг из друга. Более того, если мы не хотим, чтобы наш метод выродился в мертвую схему, он также ни в коем случае не должен быть механически равномерным повторением одного и того же неизменного отношения форм (в роде знаменитой тройственности тезиса, антитезиса и синтеза). Против такого омертвения диалектического метода, часто наблюдаемого у самого Гегеля, особенно же у его эпигонов, единственным действительным средством является историческая конкретизация в духе Маркса. Но отсюда должны быть сделаны и все методические выводы. Гегель [1]) сам различает между только отрицательной и положительной диалектикой, разумея под последней обнаружение определенного содержания, уяснение конкретной целостности. Но фактически путь от рефлексии к положительной диалектике совершается у него почти всегда одним и тем же способом, хотя, напр., его понятие природы, как «инобытия» или «самоотчуждения» идеи [2]), прямо исключает положительную диалектику. (В этом, вероятно, один из методических

[1]) Энциклопедия, § 81.

[2]) Там же, § 247.

источников тех насильственных конструкций, которыми так изобилует его философия природы). Впрочем, порою Гегель сам ясно видит, что диалектика природы, в которую никоим образом не может быть вовлечен субъект, по крайней мере, на достигнутой до сих пор ступени развития, сама не может подняться выше, чем до созерцательной диалектики движения. Так, он подчеркивает [1]), что антиномии Зенона стоят на той же высоте, что и кантовы антиномии: дальнейшее восхождение было здесь, стало быть, невозможно. Отсюда вытекает необходимость методически отделить чисто объективную диалектику движения в природе от общественной диалектики, в которой в диалектический поток вовлекается и субъект, в которой становится диалектическим взаимное отношение между теорией и практикой и т. д. (Что развитие естествознания, как некоторого общественного явления, принадлежит ко второму типу диалектики, разумеется само собой). Кроме того, для конкретного развития диалектического метода было бы еще необходимо конкретно представить различные типы диалектики. Гегелево различение положительной и отрицательной диалектики, а также ступеней созерцания, представления и понятия (его терминологию можно было бы и изменить) отмечает только некоторые из этих типов. Для характеристики других богатейший материал дают законченные анализы в экономических произведениях Маркса. Однако, даже самый беглый очерк типологии этих диалектических форм увлек бы нас далеко за пределы настоящей работы.

Впрочем, еще важнее, чем эти методологические вопросы, то обстоятельство, что даже и предметы, явным образом находящиеся в центре диалектического становления, могут совлечь с себя свою овеществленную форму только в результате длительного процесса. Завоевание власти пролетариатом и даже социалистическая организация государства и хозяйства—только этапы в этом процессе, правда, очень важные, но отнюдь не завершительные. И кажется даже, что решающий период кризиса капитализма имеет тенденцию еще усилить овеществление, довести его до последнего предела. В этом приблизительно смысле Лассаль писал когда-то Марксу [2]): «Старик Гегель говаривал: непосредственно перед появлением чего-то качественно нового старый строй возвращается к своей первоначальной сущности, к законченному единству, снимая и поглощая в себя те отчетливые различия и особенности, которые он произвел, когда еще был жизнеспособен». С другой стороны, вполне правильно и замечание Бухарина [1]), что в век разложения капитализма фетишистские категории оказываются бессильными и возникает необходимость вернуться к лежащей в их основании «естественной форме». Но противоречие между этими двумя взглядами только кажущееся, или, точнее говоря, именно в этом противоречии между все возрастающей опустошенностью форм овеществления (можно бы сказать, что их оболочка лопается от внутренней пустоты), между их возрастающей неспособностью овладеть явлениями, с одной стороны, и между их количественным возрастанием, их экстенсивным распространением на всю поверхность явлений, с другой, именно в этом противоречии и отпечатлевается характер гибнущего буржуазного общества. И по мере того, как это противоречие обостряется, для пролетариата растет как возможность заменить эти опустошенные и лопающиеся оболочки своими собственными положительными содержаниями, так и опасность идеологически подчиниться—по крайней мере, временно—этим совершенно пустым, внутренно сгнившим формам буржуазной культуры. Если процесс развития вообще не автоматичен, то в особенности это верно для сознания пролетариата: для пролетариата особенно верно то, чего не мог понять старый, созерцательно-механический материализм, та истина, что преобразование и освобождение может быть только делом самого субъекта, «что воспитатель сам должен быть воспитан». Общественное развитие хозяйства могло только дать пролетариату его положение в производственном процессе, которое и определило его точку зрения; оно может только поставить пролетариат перед возможностью и необходимостью преобразовать общество. Само же это преобразование должно быть свободным делом самого пролетариата.

Георг Лукач.

---

[1]) Werke. XII, 299 слл.

[2]) Письмо от 2/XI 1851 г.

[1]) Экономика переходного периода. (В немецком изд. стр. 50—51).

Фракционная борьба в Якобинском клубе [1]).

(По протоколам клуба [2]).

Великая драма французской революции имеет и свой наиболее трагический акт, каковым, несомненно, является промежуток времени от 31 мая 1793 г. по 27 июля 1794 г. (9-е термидора). Мы видим, как в течение этого времени якобинцы, захватившие власть путем вооруженного переворота, проявившие огромную энергию и решимость в деле организации революционного правительства, начинают самоистребительную борьбу друг с другом, и в этой борьбе гибнут. Каковы причины этого? Ведь нельзя же согласиться, скажем, хотя бы с Кине и думать, что неограниченная диктатура и применение террора так ослепили якобинцев, что они в исступлении начали истреблять друг друга. Ведь нельзя же подумать, что самоистребление—удел всякой партии, употребившей для захвата власти революционное насилие, и организовавшей эту власть в виде революционной диктатуры, поддерживаемой, в числе других революционных мероприятий, и террором.

Конечно, не в этом лежит разгадка борьбы, происшедшей среди якобинцев. Якобинцы являлись выразителями интересов определенного слоя населения, именно — мелкой буржуазии.

---

[1]) Настоящая работа была представлена в качестве доклада в семинарий т. Лукина в Институте Красной Профессуры.

[2]) Для этой работы в качестве источника использованы «Протоколы Якобинского Клуба», собранные Олором (La société des jacobins, recueil de documents par Aulard), т.т. V и VI (в ссылках—соответствующие римские цифры). В качестве пособий: Луи Блан «История французской революции» (в ссылках—Л. Б. и римская цифра, обозначающая том), Олар «Политическая история французской революции», Кунов «Борьба классов и партий», Жорэс «Конвент», вып. I (в ссылках—Жорэс, в. I), Jaurés Histoire socialist, t IV, Convention (в ссылках— Jaurès —Жорэс) и некоторые другие сочинения, указанные в сносках под текстом.

Последняя, однако, представляет собою весьма пестрый конгломерат различных групп с весьма разнообразными интересами. И только этим и можно объяснить ожесточенность борьбы между отдельными фракциями якобинцев, фракциями, возглавляемыми столь известными вождями—Робеспьером, Дантоном, Шометтом, Гэбэром, фракциями, которые отражали собою отдельные группировки в среде мелкой буржуазии.

В настоящей работе будет сделана попытка проследить, как протекала борьба между этими фракциями в центре и средоточии тогдашней политической жизни, в Якобинском Клубе. поскольку, конечно, следы этой борьбы сохранились в его протоколах.

Протоколы эти представляют непочатый угол интереснейших и мало доселе изученных материалов. При чтении их встают перед глазами как живые якобинцы эти мелкие торговцы и ремесленники, перед которыми долгое время трепетали все короли и князья Европы.

Что же касается нашей темы, то, как это ни странно, приступая к изучению протоколов с точки зрения отражения в них фракционной борьбы, приходится испытать некоторого рода разочарование. Представители различных фракций и даже вожди их, владея совершенно одинаковой фразеологией, обычно свои требования и мысли облекают в столь туманные и столь общие формы, что бывает весьма трудно за этими общереволюционными фразами увидать настоящие побуждения и причины того или иного выступления. Социально-экономическая подоплека фракционности проступает очень неясно и для ее более отчетливого очерчивания необходимо было бы привлечь другие, помимо протоколов клуба, материалы, например: протоколы Коммуны, газетные статьи и так далее. Но, поскольку в моем распоряжении имелись только протоколы клуба и, кроме того, результаты уже проделанной Куновым и Жоресом работы, приходится ограничиться этим материалом и на основании его рассматривать вопрос о фракционной борьбе.

I.

Вопрос о конституции. Якобинцы и „бешеные".

В дни переворота 31-го мая—2-го июня якобинцы были довольно единодушны. Так, 30-го мая они единогласно вотировали по предложению Газенфранца неприкосновенность собственности и поклялись ее защищать. 31-го мая общереволюцион-

ный подъем охватил представителей всех течений. Билло-Варрен, Шабо, Бурдон из Уазы бросают одинаково революционные лозунги. 1-го июня Общество имело вид боевого штаба. Одинаково всеми произносились речи, похожие на боевые приказания (V, 214, 215, 217, 220).

Одним из способов удержать захваченную власть и заручиться доверием масс для якобинцев было скорейшее принятие конституции. Уже 3-го июня неугомонный Шабо говорил об этом, как об одном из необходимейших мероприятий. (V, 227).

10-го июня в день декретирования конституции Робеспьер разразился целым хвалебным гимном в честь нового акта государственного законодательства. «Все добрые граждане,—говорил он,—просили конституции и боялись, что просьба их будет напрасна. Наконец, она была декретирована сегодня; она осуществила желания народа и мы можем теперь представить миру конституционный кодекс, бесконечно превосходящий все установления моральные и политические. Правда, конституция эта может быть еще усовершенствована, но все же она представляет собою прочную базу общественного блага и являет собою план возрождения Франции величественный и возвышенный... Вот наш ответ всем клеветникам, всем заговорщикам, обвиняющим нас в том, что мы хотим только анархии... Интриганы не желают нашей конституции, но мы ее поддержим и вокруг этого знамени объединятся все друзья свободы».

Оказалось, однако, что не все члены клуба держались столь высокого мнения о новой конституции. Непосредственно за выступлением Робеспьера выступил Шабо и несомненно не без влияния «бешеных» начал критиковать новую конституцию. Первым недостатком этой конституции Шабо, в согласии с Ру, считал то, что она «не гарантирует хлеба тем, кто его не имеет», что в ней недостает таких мер, «которые бы изгнали нищету из республики».

«Ведь учредительное собрание,—говорил Шабо,—тоже декретировало конституцию и однако я имел несчастье видеть, как аристократия забрасывала бедноту грязью... Я имел несчастье видеть обездоленных людей, борющихся с отчаянием и тщетно сражающихся с эгоизмом и жестокосердием богатых... Своего рода убийство—сносить существование бедности и нищеты в республике. Первый недостаток конституции то, что она ничего не говорит о естественных правах человека».

Вторым недостатком ее Шабо считал то, что конституция оставляет на усмотрение законодателей вопрос о налогах, т.-е. иными словами, она не устанавливает обязательного прогрессивного налога. «Конституция, которую перед вами изложили,—закончил Шабо,—представляет собою некоторые зародыши блага и с известными исправлениями она может послужить базой для устроения общественного счастья. Все же я прошу ее отсрочки до тех пор, пока мы обсудим все то, что в ней есть гибельного в глазах философов» (V, 246—248).

Как мы видим, этот отзыв Шабо о новой конституции очень далек от похвал, расточаемых ей Робеспьером, однако последний, чувствуя, что Шабо выразил не свое мнение, а в данном случае подлаживался под настроение парижской бедноты, а выступление этой последней еще совсем недавно отдало власть в руки якобинцев, мягко согласился с Шабо и сказал:

«Я заявляю, что также желаю обсуждения конституции и что не смотрю на нее как на работу законченную и сам готов прибавить к ней те демократические пункты, которых в ней недостает...» Для того, чтобы сгладить впечатление от выступления Шабо, робеспьерист Жанбон-Сен-Андре сказал: «Конституция соединить вокруг себя все умы, она носит в себе начало своего улучшения и я полагаю, что сделанное Робеспьером предложение о методическом и детальном ее обсуждении не мало будет способствовать этому улучшению... Чего ждут от нас департаменты? Конституции. Их уверили, что якобинцы ее не желают, а вы докажете вашим братьям, что, борясь против той конституции, которую составили интриганы и которая еще более полна пороков, чем конституция 1789 г., вы только защищаете интересы народа...» (V, 249).

Эти кратковременные прения в клубе были только цветочками, ягодки назревали в клубе Кордельеров и в секции Гравилье. Как известно, Жак Ру, кумир секции Гравилье и трибун обнищавших ремесленников (главным образом ленточников, населявших эту секцию), 25-го июня появился в Конвенте и произнес громовую речь против новой конституции. В этот раз Ру в Конвенте появился уже вторично. За два дня перед этим, в день окончательного принятия конституции, Ру, по настоянию Робеспьера, был удален из Конвента и его выступление было отложено. В тот день Робеспьер сказал: «Именно сегодня, в день согласия, в день торжества, когда все добрые граждане приходят поздравить нас с тем, что мы дали свободную кон-

ституцию народу, изгоним тех, кто хочет разделить патриотов» (Жорес. IV, 1596).

Но вечером того же дня Якобинский клуб «присоединился к предложению посетившей его делегации кордельеров и аплодировал их «рвению». Предложения же этой делегации носили на себе несомненную печать «экзальтизма»: «Прогоните знатных со всех военных и гражданских должностей, никогда наши солдаты не пойдут к победам под командой генералов—врагов свободы... В то время, как дома богатых представляют собою целые склады оружия и зерна, народ терпит недостаток и продовольствия и оружия... Знатные приказывают душить патриотов. Заставьте декретировать обновление всех штабов и в особенности добейтесь такого декрета, который бы осветил великий принцип «продовольствие—собственность народа», и который бы назначал смертную казнь скупщикам, учредите революционную армию из всех санкюлотов Парижа» (V, 273).

А через два дня в самом Конвенте Ру в таких выражениях громит новую конституцию: «На утверждение Суверена будет представлен конституционный акт, воспретили ли в нем спекуляцию? Нет. Определили ли вы в чем состоит свобода торговли? Нет. Воспретили ли вы торговлю звонкой монетой? Нет. Прекрасно, мы вам заявляем, что вы ничего не сделали для счастья народа. Свобода—пустой призрак, если один класс людей может уморить другой с голоду. Равенство—пустой призрак, если богач, благодаря монополиям, пользуется правом над жизнью и смертью себе подобных. Республика—пустой призрак, если контр-революционеры оперируют возрастающими со дня на день ценами, за которыми три четверти граждан не могут угнаться, не проливая слез. Для того, чтобы привязать санкюлота к республике и конституции, необходимо прекратить разбой торговли и сделать доступными ему съестные припасы... Сегодня Конвенту возвращено его достоинство, мы заклинаем вас спасением республики—поразите конституционным проклятием ажиотаж и спекулянтов. Вот уже четыре года только богатые пользуются выгодами революции; аристократия купцов более страшная, чем аристократия знати угнетает нас и мы не видим конца их вымогательству; цены товаров растут ужасающим образом. Пришло время, когда смертный бой, ведущийся эгоизм против самого трудолюбивого класса, должен окончиться. Выскажитесь против спекулянтов и скупщиков, выскажитесь только и санкюлоты заставят своими пиками

выполнять ваши декреты. Неужели собственность мошенников священней человеческой жизни... Ведь имеют же право законодатели объявлять войну (т.-е. устраивать резню людей), почему же не имеют они права помешать их угнетению и воспрепятствовать тому, чтобы морили голодом тех, кто охраняет их очаги... Вы декретировали миллиардный принудительный заем у богатых, но если вы не вырвете с корнем дерево спекуляции, если вы не наложете узды на алчность скупщиков, купец и капиталист завтра же благодаря монополии и лихоимству переложат эту сумму на санкюлотов. Вы нанесли удар не эгоистам, а санкюлотам».

Конечно, эти речи не могли понравиться большинству якобинцев, но еще большей угрозой для них должно было показаться заявление Ру о том, что совершенно «напрасно говорят, будто рабочие получают плату сообразно с увеличением цены продуктов». «Правда,—говорил Ру,—есть некоторые рабочие, работа которых теперь оплачивается лучше, но много и таких, заработок которых со времени революции уменьшился. к тому же не все граждане рабочие и не все рабочие имеют работу. А среди тех, которые ее имеют, есть обремененные детьми. не могущими зарабатывать пропитание, женщины же зарабатывают не больше двадцати су в день». «Депутаты Горы, пройдите от третьих до девятых этажей этого революционного города и вы будете тронуты слезами и стенаниями огромного населения без хлеба, без одежды, доведенного до состояния несчастия и бедствия ажиотажем и спекуляцией, благодаря тому, что закон жесток по отношению к беднякам и создан богатыми для богатых...». Затем Ру переходит в наступление: в его словах слышится угроза и отчаяние изголодавшихся ремесленников и наемных рабочих: «Горе и позор XVIII века! Кто бы мог подумать, что представители французского народа, объявившие войну тиранам внешним, были бы столь трусливы, чтобы не уничтожить тиранов внутренних. При господстве Сартинов и Флесселей правительство не потерпело бы того, чтобы заставляли народ платить за предметы первой необходимости в три раза дороже их цены... Национальный Конвент терпит, чтобы купец и богатый эгоист наносили смертельные удары, назначая произвольные цены за наиболее полезные для жизни предметы... Достаточно ажиотажа и скупщиков для того, чтобы разрушить здание республиканского закона. Хотите ли вы узаконить для нас наготу, отчаяние и голод? Неужели необходи-

мо, чтобы роялисты и умеренные, под видом свободной торговли, пожирали мануфактуры и собственность, чтобы они завладевали зерном, лесами, виноградниками и даже кожей животных. Делегаты народа, не прекращайте позорным образом вашего движения вперед. Что касается нас, то мы поклянемся защищать свободу, равенство, единство и неразрывность республики и помогать санкюлотам, угнетаемым департаментами...» (Жорес, 1598—1601).

Ру не дали докончить этой речи, Тирион потребовал «удаления этого человека», так как он «проповедует принципы чудовищные и анархические». Но тот же Тирион, учитывая настроение стоящих за Ру масс, потребовал, чтобы «Комитету Законодательства было поручено составить доклад относительно средств уменьшения цен на продукты» (Жорес, 1601).

Высказанные в приведенной речи Ру взгляды имели своих защитников, вероятно, не только в секции Гравилье. Еще в феврале, в острый момент борьбы за максимум, когда в сопротивлении ему объединились и якобинцы и жирондисты, делегаты 48-ми секций, явившись в Конвент, заявляли: «Народ знает, что ораторы, выступающие в народных собраниях, декламирующие красивые речи и поучения, хорошо ужинают каждый день» (Жорес, 1022).

В мае месяце, когда уже и якобинцы, по тактическим соображениям, начали поддерживать требования масс о введении максимума, опять-таки делегаты от нескольких секций говорили: «Есть другие аристократы, это все крупные купцы, все скупщики, банкиры и все имеющие что-нибудь. Нужно очистить от них землю отечества» [1]).

28-го июня Робеспьер выступил в клубе и после небольшого вступления, в котором говорилось о единении, как средстве сохранить республику, он обрушился на Ру: «Клевещут на якобинцев, на монтаньяров ,на кордельеров. Человек, прикрывающийся плащом патриотизма, намерения которого можно заподозрить, оскорбляет величие Конвента; под тем предлогом, что конституция не содержит законов против скупщиков, этот человек делает заключение, что она вообще не пригодна для народа, для которого она создана... Люди, любящие народ и ничего об этом не говорящие, люди трудящиеся без отдыха над народным благополучием и не хвастающиеся этим, эти люди будут очень удивлены, услыхав, что их работа противонародна и представляет собою замаскированную аристократию. Но об

[1]) Тарле „Рабочий класс в эпоху революции". Т. II, стр. 286.

этом можно было бы и не говорить, если бы интриган, удовлетворившись презрением, которым его облили, оставался бы в стыдливом молчании. Однако, утверждают, что этот человек явился в клуб Кордельеров, в это священное место, о котором молодые патриоты не говорят иначе, как с уважением, смешанным с некоторым ужасом, и там этот человек осмелился повторить оскорбления, претендующие на патриотизм, оскорбления, которые он уже изрыгал против конституции». Далее Робеспьер предупреждал против интриганов, прикрывающихся маской патриотизма и стремящихся к тому, чтобы низвергнуть революцию в пропасть. Затем, вспомнив о том, что Ру священник, он делает против него демогогический выпад: «Думаете ли вы,—вопрошает он,—что этот священник, изобличающий заодно с австрийцами лучших патриотов, может иметь достаточно чистое желание и лойяльное намерение?»

На поддержку Робеспьеру выступил представитель левого центра Коллод'Эрбуа и обвинил Ру в том, что тот стремится вызвать беспорядок и восстановить анархию. Дантонист Лежандр обвинил гебертиста Русильона в том, что тот, являясь председателем клуба Кордельеров, дал Ру братский поцелуй. Русильон оправдывался, говоря: «Я был принужден поцеловать Ру, но никогда мне не казался поцелуй столь горьким» (V. 277—280).

Как мы видим, на этом заседании против «бешеных» создается единый якобинский фронт. «Для руководителей Горы ничего не могло быть более не кстати, чем это осуждение клубом Кордельеров, пользовавшимся таким высоким уважением в беднейших кругах населения, одобренной монтаньярами конституции... Такая агитация, полагали руководители Горы, в лучшем случае не допустима...» (Кунов, 495). По этим соображениям на следующем заседании Якобинского клуба была выбрана делегация для отправки в клуб Кордельеров на предмет воздействования на него. А в заседании 1-го июля Коллод'Эрбуа уже делает отчет о результатах этой экспедиции: «Никогда,—говорит он,—братья (кордельеры) не высказывали столько дружелюбия и никогда прием, оказанный нам, не был столь лестным. На этот раз в клубе не было зачинщиков, одобрявших все наиболее злобные нападки на Конвент, не было тех... которые старались лишить Гору общественного доверия...».

Правда, по уверению самого Ру, в этот день в клуб Кордельеров явилось много подставных лиц, чем и объяснялся

столь неблагоприятный для него, Ру, оборот, который приняло это заседание. Докладывая дальше о событиях, происшедших в клубе Кордельеров, Колло говорил: «Вы бы увидали там Гебера, потрясающего факелом истины над головой лицемера-священника и расплавившего покрывающую его маску, как грязную тину... Я всегда буду вспоминать эти филиппики, произнесенные Гебером: Парижане, вы жалуетесь, вы оплакиваете ваше положение, вы ропщете против ваших представителей, так подумайте же о ваших братьях в департаментах, ежедневно пробуждаемых грохотом пушек, осыпаемых пулями и не имеющих на день и двух унций хлеба... Вот как наставляют народ, не запутывая его напрасными страхами, способными ослабить его мужество и заставить его потерять все плоды своих трудов. Когда корабль достигнет пристани, пусть тогда направят внимание народа на нескольких разбойников, называемых скупщиками, которых мы уничтожим, когда настанет момент... Люди, разоблачавшие нас, были там и они были отвратительны, как преступление, они были сражены, как трусы, потерпевшие неудачу в нанесении задуманного ими удара и думали только в бегстве»... Однако, в дальнейшем из доклада Колло выясняется, что не все обстояло так благополучно, как он рассказывает. Оказывается, что «некоторые личности хотели взять на себя защиту фанатика-священника, мы заметили там Леклерка, которому вы сделали столько поблажек; этот молодой человек предался подлым инсинуациям и он был удален...»

Переходя к петиции Ру, поданной в Конвент, Колло о ней говорит, что она «явилась пунктом объединения для всех аристократов»... «Общество Кордельеров,—говорил он,—воздало должное и священнику Ру и Леклерку. Оно сочло необходимым изгнать и Варлэ, однако о нем полагали, что он только введен в заблуждение, но имеет доброе сердце и оказал революции услуги»... По словам Колло, на Ру обрушились с обвинениями даже женщины, а между тем именно среди них, у него было много сторонниц. Одна гражданка «доказала, что Ру ничего не сделал для революции, она нарисовала картину, как люди, подобные ему, проникли в секции, меняли, как она выразилась, свой колпак, смотря по обстоятельствам». По, передаваемым Колло, словам этой женщины, люди, подобные Ру, до казни Людовика, говорили только о его голове, когда же Людовика казнили, то «у Ру на устах постоянно были слова о скупщиках». «Я не знаю,—закончил свой доклад Колло.—что он скажет нам через три недели, но, по моему мнению, его карьера кончена!»

После Колло выступил Русильон и сообщил о том, что кордельеры объявили составленную Ру петицию продиктованной фанатизмом и злонамерением, (V, 281, 84).

Колло ошибся: карьера Ру еще не была окончена. Правда, Коммуна отстранила его от редактирования своей официальной газеты и выразила ему порицание; правда, на него ополчился сам Марат, но в своей секции Ру продолжал пользоваться неизменным влиянием. После же смерти Марата Ру и Леклерк стали издавать газету «Публицист французской республики, издаваемый тенью Марата».

В начале августа Робеспьеру опять приходится выступать в клубе против Ру и Леклерка. Робеспьер защищает от их нападок Дантона, осыпая последнего похвалами. Что же касается оскорбителей Дантона, Ру и Леклерка, то по отношению к ним Робеспьер не находит достаточно сильных выражений: по его мнению, они являются наемниками враждебных держав. Намекая на издаваемый ими журнал, он говорит о них: «Двое людей, оплачиваемых врагами народа, наследовали, или полагают, что наследовали писателю-патриоту... Но ожесточенность, с которой они изливают свои клеветы и некоторые сопоставления, которые можно сделать, доказывают их злоумышления. Этих людей следует вам назвать. Один из них—священник, человек, известный двумя ужасными поступками: во-первых, он хотел истребить всех купцов и лавочников, так как они, по его мнению, продают все слишком дорого, во-вторых, он хотел, чтобы народ отвернулся от конституции, потому что она несовершенна. Другой субъект—молодой человек, являющийся доказательством того, что развращенность может войти и в юные сердца, он имеет привлекательные внешние качества и очаровательные таланты—это Леклерк, сын бывшего знатного...». Леклерк, по мнению Робеспьера, прибыл в Париж для того, чтобы «интриговать и клеветать на Конвент», а в настоящее время «находится в сообщничестве с Ру». Эти два человека, обвиненные еще Маратом, для завоевания доверия народа, применяют следующие способы: «Они никогда не упускают случая разоблачит, уже достаточно разоблаченного, врага народа фразами, весьма патриотическими, сказанными энергично и сильно, они заставляют народ поверить тому, что они, его новые друзья, более

рьяны, чем другие; они расточают величайшие похвалы умершему Марату для того, чтобы унизить патриотов живых. Что значит для них похвалить покойника, когда можно клеветать на остающихся в живых» (V, 330).

Сила, с которой говорил Робеспьер, размеры его речи, демагогические и клеветнические приемы, которые он пускал в ход против Ру и Леклерка, показывают, что здесь дело шло о борьбе с серьезными противниками. Деятельность Ру сильно тревожила близкие к Робеспьеру круги. Страх и ненависть к этому трибуну бедноты были настолько велики, что против него не задумались пустить в ход ложное и совершенно нелепое обвинение в растрате сумм, принадлежащих клубу Кордельеров. Из этого испытания Ру, бессеребренник и нищий, вышел с торжеством. Это дало ему новую уверенность в своих силах и он попытался произвести в своей секции нечто вроде государственного переворота, что послужило поводом для новых нападок на него.

Уже 21-го августа (переворот в секции Гравилье был произведен 19-го) Гебер выступил в клубе против Ру: «Этот бесчестный священник, — говорил он, — пользующийся в своей секции огромным влиянием, заставил ее вынести решение о представлении Конвенту адреса с тем, чтобы добиться отстранения секционных властей, и с тем, чтобы обвинить самого мэра в спекуляции».

Выступивший после Гебера, Портальс заметил, что враги революции «нападают на революцию со всех пунктов, ею самою созданных, из народных обществ, из секций, из трибуналов» (V, 367, 368).

На одном из первых сентябрьских заседаний клуба Дефье сообщил о постановлении Революционного Комитета секции Гравилье, извещающего, что Ру, обвиненный в контр-революционных деяниях, был допрошен и препровожден в тюрьму. После этого клубом немедленно была выделена комиссия для расследования совершенных Ру преступлений (V, 392).

Еще раз с вопросом о «бешеных» мы сталкиваемся в протоколах заседания клуба от 16-го сентября. Один из секретарей клуба сообщил, что «Общество революционных женщин» приняло сторону Ру и Леклерка. Якобинец Таперо сообщил, что председательница этого общества, гражданка Лакомб, выступив на одном собрании, требовала «конституции, конституции полностью и только конституции». Это сообщение дает

новые указания относительно тактики «бешеных»: с тех пор, как применение конституции было отсрочено, «бешеные», видимо, изменили к ней свое отношение и стали настаивать на ее проведении в жизнь. Что враги якобинцев выдвигали этот лозунг, видно из речей Филиппо и Шабо, произнесенных ими в заседании клуба 4-го августа. Филиппо тогда сказал, что «аристократы Лиона» желают «принятия конституции», а Шабо заявил, что «контр-революционеры могут желать в тех обстоятельствах, в каких находится Франция, установления конституции» (V, 327, 328).

Один член общества, выступив после Таперо, заявил, что гражданка Лакомб—весьма опасная контр-революционерка, так как, обладая значительным талантом красноречия, она нападает на установленные власти, осыпает насмешками Конвент и якобинцев. Другой член общества с возмущением начал читать один из номеров газеты Леклерка, но в этот момент было сообщено, что сама гражданка Лакомб находится на трибуне. Однако, возмущение всех членов общества, по словам протокола, было так велико, что ей не дали говорить, и заседание пришлось прервать. По возобновлении его было постановлено препроводить гражданку Лакомб в Комитет Общественной Безопасности, а «Обществу революционных женщин» предложить очиститься от подозрительных элементов, проникающих на руководящие посты (V, 406, 408). Может быть, в связи именно с этими событиями в октябре месяце был издан декрет, один из пунктов которого запрещал женщинам организацию каких-либо обществ (Декрет 9-го брюмера, V, 490).

В сущности, это последнее, попадающееся в протоколах упоминание о «бешеных». Они были сражены и уничтожены. Якобинцы избавились от опасных врагов, но зато лишились поддержки беднейших слоев парижского населения, разоренных и обедневших ремесленников и рабочих, занятых в домашней промышленности, интересы которых «бешеные» защищали.

Мы видели, как ожесточенно и злобно, как беспощадно выступали якобинцы, без различия фракций, против «бешеных». По отношению к этим последним якобинцы проявляли боязнь и ненависть мелких собственников к людям, лишенным собственности и способным, вследствие этого, на всякие эксцессы. В этой борьбе наше сочувствие может быть на сто-

роне «бешеных», некоторые заявления которых, как, например: «Свобода пустой призрак, если один класс может другой морить с голоду, равенство пустой призрак, если богач пользуется правом жизни и смерти над себе подобным», близки и понятны нам. Но историческая правда в этой борьбе была на стороне противников «бешеных». Последние являлись защитниками класса, обреченного на исчезновение, и поэтому могущего предъявлять, в сущности, только реакционные в экономическом отношении, требования. Вот почему во всем облике Жака Ру есть какие-то глубоко архаические черты, роднящие его частью с древнехристианскими сектантами, частью со средневековыми реформаторами. Когда, будучи арестованным, он попытался покончить с собой, и ему был задан вопрос, как он смог решиться на этот, отвергаемый всеми законами акт, он ответил, что «презирает здешнюю жизнь и предполагает, что в другой жизни друга свободы ожидает лучшая участь» (Жорес, 1699).

Поэтому, никак нельзя в «бешеных» и в частности в Ру видеть выразителей пролетарской идеологии. Нет, устами их говорили пролетаризированная мелкая буржуазия и рабочие, занятые в домашней промышленности. Недаром одним из требований программы «бешеных», поскольку можно говорить о такой программе, было помощь обнищавшим ремесленникам.

Правда, населявшие секцию Гравилье ленточники (оплот Жака Ру) уже страдали от введения в их производство машин, ленточных станков [1]). Однако, появление таких станков еще не знаменует возникновение подлинного пролетариата, напротив, небольшие машины вполне возможны к употреблению и в домашней промышленности и их применение здесь влечет за собой усиление эксплоатации кустаря [2]) и безработицу.

Что действительно роднит движение современного пролетариата с движением «бешеных», это то, что в нем принимали в большом числе участие и женщины и что сами «бешеные» относились к этому участию иначе, чем очень враждебные ему

[1]) Тарле „Рабочий класс во время революции", т. II, стр. 165, 251.

[2]) На примере английских чулочников, страдавших от особой формы эксплоатации, в результате применения в трикотажной промышленности машин—сдачи вязальных станков в аренду—это можно видеть очень ясно. Чулочники, как известно, составляли ядро разрушителей машин—людитов.

шометтисты. Но ведь домашняя промышленность знает эксплоатацию женского труда, особенно в отрасли производства предметов роскоши, стоит только указать на кружевниц, вышивальщиц и т. д.

II.

Борьба робеспьеровцев и дантонистов против левых групп.

Мы видели, как дружно боролись все фракции якобинцев против «бешеных». После одержанной победы над «бешеными» началась борьба между отдельными фракциями якобинцев, поскольку теперь им не угрожала общая опасность. Левые группы якобинцев, на которых ожесточенно нападали группы умеренные, обычно называют гебертистами, на самом деле эти последние представляли собою только одну группу якобинцев левой. Более влиятельной и более интересной группой являлись шометтисты, кроме того к левым же можно причислить и последователей Клоотца.

Если робеспьеровцы опирались на Комитет Общественного Спасения, если группа левого центра имела свою опору в Комитете Безопасности, то левая группа якобинцев поддерживалась Коммуной и военным министерством. В Коммуне большинство принадлежало к сторонникам Шометта, защищавшим интересы малоимущих слоев парижской мелкой буржуазии: ремесленников с малым числом подмастерьев, мелких торговцев нашего палаточного типа.

Положение этих слоев населения, в связи с хозяйственной разрухой, последствием революции, было очень тяжелым, поэтому Шометт и его группа, не в пример Геберу, уделяли большое внимание вопросам экономическим и социальным. Порою в речах Шометта слышатся нотки, созвучные с мотивами агитации Ру, и если забыть, что за Шометтом стоят хотя и мелкие, но все же собственники, а за Ру люди, этой собственности лишенные, то никак нельзя понять враждебности шометтистов к «бешеным».

В одном из своих выступлений Шометт говорил: «Революцию сделал бедный класс в несравненно большей мере, чем богатый, но в то время, как вокруг бедняка все изменилось, он сам находится в прежнем положении, он ничего не приобрел

от революции, кроме права жаловаться на свою нищету... Революция, давшая свободу богатому, принесла ему выгоду, правда, она и бедным принесла свободу и равенство. Но, чтобы жить свободно, надо иметь возможность существовать, а если нет разумного соответствия между ценой, получаемой рабочим за труд и ценой необходимых продуктов, он не может существовать». В общем, по мнению Шометта, необходимо добиться того, чтобы трудящемуся жилось лучше, чем раньше, и только тогда он сделается сторонником революции: «Единственный способ для этого, поставить трудящегося в такое положение, чтобы у него была надежда сделаться самому в один прекрасный день мелким собственником» (Кунов. 493).

Этих мелких собственников и берет под свою защиту Шометт и опять его речи очень напоминают речи Ру. Жалуясь на то, что закон о твердых ценах не выполняется купцами, он заявляет: «Я не говорю о мелочных торговцах, я нападаю исключительно на торговцев крупных, банкиров, пайщиков, этих пиявок народа, всегда основывающих свое счастье на его несчастьи» (Жорес. 1700).

Группа Шометта усиленно занималась разработкой конкретных мероприятий, могущих облегчить тяжелое положение бедняков и малоимущих. Луи Блан, не понимая этого, находит, что Шометт «заходил слишком далеко, когда... выражал желание, чтобы все сады были засажены картофелем...». Персонифицируя деятельность шометтистов в самом Шометте, Луи Блан именно ему приписывает введение выпечки «хлеба равенства». (Л. Б. IX. 388). Шометтисты добились сформирования «Революционной армии», предназначенной для борьбы с продовольственной разрухой и контр-революцией [1]).

Шометтисты желали, чтобы от налогового бремени освобождались низшие ступени дохода и чтобы богатые облагались беспощадно; они стремились к тому, чтобы городские

[1]) Как представляли себе левые деятельность этой армии, показывает выступление в Якобинском Клубе Брише (14-го октября 1793 года).

На этом заседании Буассель говорил о недобросовестности фермеров, сбывающих проросшее зерно, что является одной из причин продовольственного кризиса. Выступивший после этого Брише сказал, что с организацией продовольственной армии все такого сорта злоупотребления исчезнут. Отряд этой армии, явившись в какую-либо деревню, спросит, богат ли фермер? Если ответ будет утвердительный, фермера можно смело казнить, ибо его богатство означает то, что он спекулянт (V, 457).

доходы использовались для покупки дешевого хлеба, устройства больниц и других учреждений социальной помощи, для организации общественных работ.

Иногда у шометтистов проскальзывает мысль о необходимости национализировать фабрики. «Республика имеет нечто более ценное (чем золото и ассигнации)—это рабочие руки... необходимые для того, чтобы приводить в движение фабрики и мануфактуры. Прекрасно, если эти личности (владельцы фабрик) оставят свои фабрики, республика завладеет ими и реквизирует сырье»...

Шометтисты подготовляли петицию в Конвент, при чем в ней они просили его обратить внимание на сырье и фабрики, и жалуясь на владельцев этих фабрик, предлагали взять их в распоряжение республики, не имеющей недостатка в рабочих руках (Жорес. 1701).

Эти мероприятия, конечно, нельзя назвать социалистическими, они продиктованы тяжелым положением республики, желанием запутать ее врагов и помочь безработным. Подобные же проекты выдвигались представителями и других якобинских групп: так, дантонист Бодо угрожал фабрикантам: «Пусть они знают, что если понадобится, нация сама завладеет фабриками, приняв меры по снабжению продовольствием производительного класса, населяющего мастерские» (Жорес. 1705).

Если бы программа шометтистов относительно обложения имущих и расходования городских средств на удовлетворение нужд малоимущих граждан была бы проведена в жизнь, то эти мероприятия легли бы тяжелым бременем на зажиточные слои мелкой буржуазии, интересы которой защищали фракции Дантона и Робеспьера. После установления якобинской диктатуры именно эти группы являлись наиболее зажиточными слоями парижского населения: крупной буржуазии в Париже было всегда мало, а финансовые воротилы и дворяне или исчезли, или были разорены. Этим объясняется столь ожесточенная вражда умеренных групп якобинцев к проповедуемым левыми мероприятиям, называемым умеренными «мерами ультрареволюционными».

Кроме того шометтистов с дантонистами сталкивало отношение первых к вопросам нравственности. В качестве мелких собственников, маленьких хозяйчиков, добрых мелких буржуа, шометтисты были абсолютно нетерпимы ко всему, что по их мнению оскорбляло общественную и семейную нравственность.

«Городской прокурор (Шометт) горячо отдался чистке Парижа, уничтожению кабачков... игорных домов, домов терпимости, борьбе с распущенностью проституток» (Кунов, 514).

«Он преследовал,—говорит о нем Луи Блан,—до последних ее притонов проституцию, которую называл общественной чумой... Он принял чрезвычайно строгие меры против продавцов неприличных книг и изображений. Он предложил заменить морг учреждением, в котором жертвы преступления или судьбы были бы избавлены от скандального выставления на показ...» (Л. Б. IX, 387).

Шометт с негодованием обрушился на некоторых черезчур рьяных патриоток, желавших носить фригийскую шапку и мужской костюм. «С каких это пор,—говорил он,—стало позволено отрекаться от своего пола, с каких пор стало пристойно матерям оставлять честную заботу о своем хозяйстве и колыбель своих младенцев, а самим шляться по общественным местам. Разве природа вверила охрану домашнего очага мужчине, разве она дала нам грудь для вскармливания наших детей...» (Л. Б. IX, 387).

Уже в этих взглядах на нравственность должна была замечаться разница между Шометтом и Гебером. Последний в качестве представителя интеллигентного пролетариата и люмпен-пролетариата, т.-е. низов богемы, столь многочисленной в Париже (Люстало насчитывал лиц этого рода в Париже до сорока тысяч человек, Кунов. 42), был весьма равнодушен к вопросам нравственности и к проповеди республиканской добродетели. Что же касается вопросов экономических и социальных, Гебер ими занимался очень мало и большей частью при разрешении их плелся в хвосте Шометта. «Но, по крайней мере,—говорит о нем Жорес,—взамен революционной проницательности, взамен высших принципов администрации и военной тактики (отсутствующих у него), имел ли гебертизм план социальных преобразований... имел ли он какую-нибудь мысль, или формулу о том, как поддержать бедняков, воспитать пролетариев, как сопротивляться олигархическому игу собственников? Я ее ищу, но нахожу только бессвязный лепет и отрицание...» (Жорес, 1696).

Во время борьбы Коммуны с «бешеными» Гебер, вместе с Шометтом, защищает мелких собственников. В своей газете он пишет: «Эти скупщики, где они? В Париже? Нет, проклятие, они в больших торговых городах, именно там, чорт их дери, нужно искать их, а не в Париже, где существуют только мелочные торговцы...» (Жорес, 1612).

Сила Гебера заключалась, как известно, в уменье излагать языком населения предместий все наиболее ходовые мысли своего времени и разъяснять текущие события. Все его требования сводились к беспощадным террористическим мероприятиям и к борьбе с религией и ее служителями. Именно делом его группы было введение культа Разума, закрытие церквей и вся антирелигиозная политика Коммуны. Впрочем, эта политика встречала полное сочувствие и поддержку со стороны вождей и шометтистского большинства Коммуны...

Исходя из наличия у гебертистов и шометтистов атеистических взглядов, обыкновенно к ним причисляют, но причисляют совершенно неправильно, и Клоотца. Этот «оратор рода человеческого», «личный враг бога», немецкий барон и крупный банкир, как мы видим, и по своему социальному положению представлял собою нечто совершенно отличное от кругов населения, представляемых шометтистами и гэбертистами. Клоотц внес в революцию благородный и несколько эстетический либерализм крупных бар XVIII века, но либерализм, доведенный до анархизма. Его социальные взгляды тесно связаны с его общефилософскими представлениями.

«Все, что есть в природе вечно и неистребимо, как она сама. Великое «Все» совершенно, несмотря на видимые или относительные недостатки его изменений... Мы никогда не умрем, мы будем вечно перемещаться в бесконечном воспроизведении существ, пригреваемых природой в своем лоне... Другого «Вечного», кроме мира, нет; прибавлять непостижимое «Теос» к непостижимому «Космос»—только удваивать затруднение, не разрешая его... Говорят, «всякое произведение указывает на существование работника», но я отрицаю, что вселенная — произведение, и утверждаю, что она существо «Вечное». (Л. Б., IX, 390).

Такова основа материалистического понимания мира Клоотцем.

«Владыкою земли является человеческий род, — учил Клоотц,—но не теперешний человеческий род, а возрожденный и освободившийся от всех уз... Это освобождение должно быть всеобщим, ибо отдельный индивидуум не может быть вполне свободным, когда он—один; малое число индивидуумов не могут долго оставаться свободными... Мы не свободны,

ны, если пограничные рубежи останавливают нас в 20 — 10 верстах от нашего дома, если наше спокойствие—под угрозой вторжения, если наш отдых нарушен, нашему доходу причинен убыток военными силами, если наша торговля прервана неприятелями и наша промышленность стеснена в узком кругу той или иной страны»... «Человеческий род—бог». Но среди рода человеческого есть избранный народ, на который пал жребий повести человечество к возрождению, этот народ—французы. «Я имею в виду возрожденный человеческий род, когда говорю о народе-боге, колыбелью и сборным пунктом которого является Франция». (Жорес, 1514). «Французский язык должен быть языком всемирным, что касается меня, я льщу себе тем, что никогда не знал хорошо своего родного языка... Точка опоры, которую тщетно искал Архимед, чтобы сдвинуть землю и которую духовенство... нашло на небе, вы, братья мои, найдете во Франции для того, чтобы опрокинуть троны» (Л. Б., IX, 391).

По мнению Клоотца, даже внешность французов свидетельствует об их избранности. «Прочтите, что говорит Стерн о физической и нравственной природе парижан и взгляните на наше поколение, никогда еще Париж не был населен таким большим числом красивых мужчин и женщин. Право, кажется, что философия придает красоту...» (Л. Б. IX, 391).

Распространить на весь мир «права человека», уничтожить рубежи между отдельными государствами, создать всемирную республику, изгнав властителей и уничтожив сословные перегородки,—вот задача, выпавшая на долю избранного французского народа. Именно, Франция должна просветить всю Европу, освободив ее от тьмы предрассудков и заблуждений. «Сделаем для Европы,—писал Клоотц,—то, что мы сделали для Франции, просветим людей, освободим их от их заблуждений, и естественная ненависть между соседями превратится в любовь к общему закону, который никогда не преклонится перед яростью страстей, чисто местных» (Жорес, 1516). Данные самой природы должны помочь Франции в выполнении выпавшей на ее долю задачи. «Природа дала этой стране—вино, той—зерно, одна страна обладает верхним течением реки, другая—ее устьем... И как потоки и моря сообщаются между собою естественным способом, так наша задача улучшить это сообщение устройством дорог и каналов...».

Богатый банкир и крупный собственник Клоотц являлся врагом раздельческих тенденций мелких буржуа, он оспаривал «аграрный закон». По его мнению, будущее принадлежит лишь крупным капиталам, ибо только они могут переходить рубежи и передвижением своим от одной нации к другой упрочивать экономические связи будущего единого человечества. (Жорес, 1524).

Клоотц—враг не только мелкобуржуазного раздела имущества, но и их коммунистической общности: «Собственность вечна, как само общество; если человек будет трудиться только благодаря инстинкту, не будучи в своем труде заинтересован, мы будем иметь общность имуществ, но такую, какую ее имеют животные. Пока человек работает, размышляя, никогда общность имуществ не будет введена среди нас». Та общность имуществ, на которую ссылаются в древности, существовала только в государствах рабских, теократических или монашеских. (Жорес, 1525).

Исцеления всех социальных зол общества Клоотц ожидает только от уничтожения государства и связанного с этим прекращения войн и уничтожения милитаризма.

«Мы имеем множество бедняков, потому что у нас слишком много границ и солдат. Фунт мяса или хлеба, потребленный в лагере, предполагает истребление десяти фунтов. Вечный мир поддержит постоянное соответствие между потреблением и потребителем, между работой и рабочим». (Жорес, 1526).

Не совсем понятно как, но международный мир должен повлечь за собой, по мнению Клоотца, уничтожение правительственного аппарата и, в первую очередь, исчезновение его хозяйственной функции: «Национальные имущества будут проданы и каждый будет управлять сам своим собственным имуществом, и не будет другого, имеющего меньше занятий чиновника, чем министр внутренних дел». «Мы сможем упразднить все комитеты и всех министров, и всеобщий характер нашего дела освободит нас от необходимости иметь правительство». (Жорес, 1526—27).

Быть может, самым оригинальным является то, что этот барчук-анархист был уверен в понятности и близости своих проповедей массам. «Санкюлотия меня поймет вполне, богачи меня не поймут»,—говорил он. Впрочем, иметь многих сторонников он не надеялся. «Достаточно иметь,—говорил он,—двенадцать апостолов для того, чтобы пойти далеко в этом мире».

Клоотц при всем том был искренним демократом, и его демократизм был тесно связан с его общефилософскими взглядами: «Нам нужно только слово «Космос» для того, чтобы стереть в порошок аристократию. Ничтожнейший крестьянин опровергает тысячи аристократических томов табакеркой в своем кармане и солонкой на своем столе». (Л. Б., IX, 390). «Форум имеет больше цены, чем конвент... Управляемые всегда являются в большей степени философами, чем управители... Истина сходит не с высоты небес, а с высоты трибун (для народа)». (Жорес, 1528).

Таково разнообразие группировок, объединяемых названием гэбертистов и называемых нами левыми якобинцами. Посмотрим же, как протекала в Якобинском клубе борьба между ними и якобинцами умеренными.

Летом и осенью 1793 года наличие общего врага—«бешеных» сдерживало проявление фракционной борьбы между якобинцами. Так обстояло дело в Париже, но в далекой, охваченной пламенем гражданской войны Вандее, несмотря на эту войну, борьба между различными группами якобинцев происходила. Борьба здесь протекала между двумя крайними фракциями якобинства—дантонистами, с одной стороны, и левыми—с другой.

Левые хотели здесь проводить в военном деле свои демократические принципы: «Массовое ополчение, пламенный призыв добровольцев под знамена, замена приемов методической войны силою одушевления, с отданием предпочтения в деле пользования солдатами энергии патриота над опытностью военачальника, вдохновению над стратегией,—словом, духу гражданскому над военным». (Л. Б., IX, 274). В этом сказывались вера левых в революционность и силу масс и их недоверие к спецам-аристократам, желание вести революционную войну революционными методами и исключительно при помощи революционных сил.

В Вандее у левых имелся свой генерал — санкюлот Россиноль, а центром их была Сомюрская Центральная Комиссия, члены которой, левые: Бурбот, Шудье, Ронсэн поддерживали Россиноля. Напротив, Нантская Центральная Комиссия являлась оплотом дантонистов, доверяющих спецам и их поддерживающих, в числе последних был генерал-аристократ Канкло. Из дантонистов здесь действовали: Филиппо, Гуппилло и Бурдон из Уазы.

Ожесточенность борьбы между фракциями дошла до того, что Россиноль был арестован по обвинению в краже, и Бурдону, по своем возвращении в Париж, пришлось в Якобинском клубе давать отчет о вандейских событиях. Прения по этому вопросу имели место 11-го сентября. Бурдон, собственно, уклонился от объяснений, ссылаясь на то, что объяснения эти даны им Комитету Общественного Спасения, но он же постарался уменьшить значение одержанных его врагом, Россиноле, успехов. Поэтому он чрезвычайно пренебрежительно отозвался о вандейцах: «Армия,—говорил он,—из-за которой поднято столько шума, является лишь собранием свиней и людей, лишенных человеческого образа... Победы, на которые претендует Россиноль, не так славны, как это воображают».

Дантон сразу понял всю нетактичность такого выступления своего единомышленника и заявил, что «аристократы, о которых говорил Бурдон, конечно, не свиньи, а люди, умеющие хорошо сражаться». В общем, Дантон пытался затушевать наличие острой партийной борьбы, и все неуспехи республиканцев относил за счет неправильной тактики и большого числа представителей народа при армии. «Я предлагаю,—сказал он,—Обществу высказать свое желание по поводу отзыва многочисленных комиссаров, находящихся в данное время в Вандее: двух или трех из них достаточно для обслуживания армий»...

Робеспьер определенно колебался: с одной стороны, он учитывал высоту революционного настроения Общества и его сочувствие, в эту пору, левым (выступления Бурдона прерывались шумом и криком), а с другой стороны, ему необходимо было выручить дантонистов, попавших в беду. Поэтому, начав говорить, Робеспьер, прежде всего, воздал должное патриотизму Бурдона, но в тоже время признал совершение им ошибок. Россиноля же он назвал жертвой злого умысла, но тут же кольнул и одного из дантонистов Гуппилло, сказав, что в затягивании Вандейской войны и в непринятии решительных мер (закон первого августа) виновны люди, имеющие в Вандее собственность, а таковым как раз и являлся Гуппилло.

В конце заседания, когда одним патриотом было выдвинуто против Бурдона обвинение в проявленном им когда-то желании изгнать Марата из Общества, Робеспьер прямо потребовал, чтобы рассмотрение этого вопроса было отложено.

Откровеннее всех в этих обстоятельствах держался Гебер: он открыто заявил, что Бурдон для него всегда являлся клеветником, а теперь он его называет кроме того и трусом, ибо Бурдон «предпочел честному оправданию покинуть трибуну и что-то бормотать про себя». Вслед за этим разразилась бурная сцена, продолжавшаяся, по словам протокола, «некоторое продолжительное время» (V, 398—402).

Вскоре после вспышки фракционной борьбы, вызванной вандейскими событиями, Робеспьеру пришлось выступить в клубе, в связи с событиями в северной армии, с защитой системы диктатуры. В Конвенте несколько представителей напали на Комитет Общественного Спасения, обвиняя его в сокрытии неудач, понесенных на севере. По этому поводу выступивший в клубе умеренный якобинец Рессон заявил, что к интригам и заговорам, ведущимся против Комитета, причастны и кордельеры, что сам Гебер требует установления исполнительной власти конституционной и что автору соответствующей петиции в Конвент, Венсану, придется в этом деле оправдываться. Тогда на трибуну взошел Робеспьер и определенно заявил, что существует «секта людей, желающих довершить начатое бриссотинцами и правыми дело», что «они пользуются для осуществления своей цели членами Горы», «но народ не сделается их жертвой», «поведение Комитета, говорил Робеспьер, не нравится интриганам, тем хуже для них, оно нравится народу и этого достаточно... система организации конституционного министерства приведет только к роспуску самого Конвента; дать в руки министров всю власть, отведенную им по конституции, среди смятений и бурь, которыми мы окружены—значит позволить торжествовать интриганам за счет патриотов и уничтожать отечество под предлогом упрочения его спокойствия. Сам Питт для того, чтобы лучше нанести удар, должен был бы позаимствовать этот предлог... помните, якобинцы, что вы совершили революцию единственно для того, чтобы сделать ваших братьев свободными. Вы поддержите Гору, вы поддержите Комитет, который проявляет себя вполне достойным свободы, и таким образом совместно с вами он одержит победу над всеми нападениями со стороны врагов народа... благодаря вас. Комитет заставил свободу восторжествовать и будет торжествовать вместе с нею». (V, 420—422).

Оказывается, что левые якобинцы, как и «бешеные», в известный момент выдвинули в качестве боевого лозунга проведение в жизнь конституции и якобинцам умеренным пришлось взять на себя отстаивание системы диктатуры.

Однако, главнейшим вопросом, вокруг которого вращалась борьба в якобинском клубе в конце 1793 года, был вопрос религиозный. Но прежде чем на этой почве разыгралось генеральное сражение, произошло несколько передовых стычек, к каковым, несомненно, можно отнести инцидент Шабо—Клоотц. Последний написал «Послание к батавским патриотам», в котором излагал известные нам взгляды; он просил Якобинский Клуб напечатать это послание за счет Клуба. Кем-то однако было сделано предложение напечатать произведение Клоотца не на средства Общества, а на средства, собранные по подписке. Но и против этого предложения восстал Шабо. Он признал, что послание продиктовано пылким человеколюбием и патриотизмом чистейшей воды, но что всего послания в целом одобрить никак нельзя; так, например, по его мнению, прежде чем расширять границу республики, необходимо упрочить ее (V, 446).

Успехи на анти-религиозном фронте, одержанные в октябре и в начале ноября, сильно ободрили левых и они под предводительством Гебера перешли в наступление. В заседании 9 ноября Гебер напал на умеренного Фрерона, который, по его мнению, не является бестрепетным защитником прав народа, власть его опьяняет, и он злоупотребляет ею. Фрерон, по мнению Гебера,—«только аристократ и щеголь».

Следующей жертвой Гебера был редактор «Газеты Горы», Лаво. Его Гебер обвинял в том, что корреспонденции из Швейцарии, напечатанные в руководимом Лаво журнале, могут посеять неприязнь между швейцарами и французами. Действительно, нейтралитет Швейцарии для Франции, воюющей чуть-ли не со всей Европой, был чрезвычайно важен, но истинная причина нападения Гебера на Лаво заключалась не в этом. Дело заключалось в том, что, по словам самого же Гебера, Лаво «открывал в своем журнале диспуты о неизвестном и абстрактном существе—боге». Словом, Лаво являлся противником насаждаемого гебертистами атеизма (V, 500—501).

Атаки, направленные против отдельных личностей, должны были перейти в обще-генеральное сражение по всему анти-религиозному фронту, но тут в политической жизни произошел инцидент, отвлекший общее внимание от вопросов религиозных.

Два умеренных депутата, Шабо и Тюрио, испуганные арестом депутата Осселена, попытались провести в Конвенте

декрет о том, чтобы ни один член Конвента не был арестован, не будучи предварительно выслушан самим Конвентом. Такого сорта предложение не могло не обеспокоить левых, ведущих атаку на отдельных членов Конвента. На другой же день в клубе выступил Дюфурни и заявил, что для патриотов «нет ничего более приятного, чем суровое выполнение революционных мер... уже давно террор поставлен в порядок дня... преследуют всех, кто злоумышляет против республики... Конвент не должен медлить, если от него зависит спасение народа. Некоторые члены собрания делают предложения, способные погубить все плоды нашей работы. Я утверждаю, что террор не должен прекратиться, пока мы не достигнем мира. Желать умерить быстрое и спасительное движение, значит желать движения назад. Если Конвент смягчится, он будет наводнен петициями родственников и сторонников тех, кого содержат в арестных домах, и тогда те, кто способствовал аресту этих людей, будут сами подвергнуты наказанию или аресту... я приглашаю всех патриотов постоянно защищать революционные принципы и мешать Конвенту совершать слабости... я прошу всех монтаньяров Конвента, являющихся членами Общества, сделать великое усилие и отринуть все проекты, направленные к умеренности».

В этом своем выступлении Дюфурни был поддержан Монто. «Конвент убежден, сказал Монто, что мы находимся в периоде революции, которую надо поддерживать. Отступить на один шаг, значит все погубить. Если вы остановитесь на мгновение, вы погибли. Средство, предложенное Тюрио и Шабо, контрреволюционно...».

Выступавший после этого Гебер нанес последний удар умеренным. Вначале он процитировал слова Верньо: «В революции нельзя останавливаться, один попятный шаг погубит партию, которая ослабеет», затем он предложил воспользоваться этим спасительным, хотя и данным жирондистом советом: «Должны ли мы губить жизнь? Для того, чтобы спасти республику, нужно применять суровые меры, нужно, чтобы виновные погибли или погибли бы и те из них, которые являются членами Конвента, ибо они еще более виновны, чем другие. Я заявляю, что смотрю, как на контр-революционеров, на тех, кто хочет двинуть революцию назад» (V, 506—508).

После этих выступлений левые предложили подать Конвенту петицию, которая бы требовала: 1) установить равенство, предавая трибуналу вместе с главными виновниками всех соучастников, и особо сурово трактовать генералов и народных представителей, 2) поддерживать во всей их твердости все революционные меры и Комитетам, на которых возложено приведение этих мер, в особенности же Комитету Общественной безопасности, придать всю полноту власти и доверия, необходимых для подавления всяких попыток к восстанию со стороны правой...

Выступив по поводу этой петиции, Дюфурни сказал, что «главной ее целью является оживить общественное настроение и сохранить за Комитетом Безопасности все то доверие, которым он в виду выпавшей на его долю грандиозной задачи нуждается...».

В этих дискуссиях по поводу террористических мероприятий слышатся предвестия будущих грозных схваток по вопросу о терроре. Еще недавно, выступая как противники системы диктатуры, в данный момент гебертисты выступили с требованием применения самых анти-конституционных мер. Но если мы вспомним, что Комитет Общественной Безопасности являлся оплотом представителей левого центра, близких к гебертистам, то мы поймем, почему они предлагали именно этот Комитет облечь диктаторскими полномочиями и общим доверием. Поддерживая в лице левого центра врагов умеренных, гебертисты, однако, еще не решались атаковать вождя их, Робеспьера. На том же заседании, на котором обсуждался вопрос о петиции Конвенту, выступил Гебер и предложил якобинцам, намекая на Тюрио, отличать свинец от благородного золота: «Эти люди, сказал он, называются друзьями Робеспьера, но сам Робеспьер является другом только истины. Вот уже несколько дней интриганы вертятся около него и восстанавливают меня против него. Я недавно разоблачил Дюкенуа, меня ввела в заблуждение. Робеспьер разъяснил это мое заблуждение, и интриганы ухватились за этот предлог для того, чтобы убедить меня в том, что Робеспьер будто-бы указал на меня, как на соучастника оплачиваемых Питтом агентов. Но я этому не верю, Робеспьер не позволит себе таких странных утверждений»...

В результате всех этих прений и новых выступлений Гебера Тюрио был исключен из членов Общества.

Но левые одной жертвой не удовлетворились: на следующем же заседании (16 ноября) Дюфурни атаковал Шабо. Последнему было поставлено в вину то, что «он хотел восстановить

правую под тем предлогом, что нужна оппозиция». «Обратим внимание на то, сказал Дюфурни, что Франция имеет не такое правительство, как Англия. Там интересы народа требуют существования оппозиционной партии, потому что там имеются министерские интересы; у нас, наоборот, единство республики требует совершенного отсутствия оппозиции. Обсуждение должно иметь место, но лишь в качестве средства упрочить общественное благо. Существует ли оппозиционная партия, существует ли правая у якобинцев или в каком-нибудь другом народном обществе? Конечно, нет, зачем же ей существовать в Конвенте».

Кроме того против Шабо было выдвинуто обвинение и личного характера: он женился на иностранке, «австриячке», как раз тогда, когда ненависть к австрийцам была всеобщей. «Хотя частная жизнь какой-либо личности, сказал Дюфурни, не имеет ничего общего с жизнью политической, однако бывают случаи, когда нравственность представителя народа должна приниматься во внимание». В общем Дюфурни требовал назначения комиссии для расследования поведения Шабо (V, 517—520).

Во время этих прений, как и во время разбирательства вандейской склоки, сочувствие якобинцев было на стороне левых. Об этом свидетельствуют крики и ропот негодования, прерывающие выступления Шабо и Тюрио, и выражения одобрения, прерывающие и заключающие речи Дюфурни. Главным же показателем уклона настроения, господствовавшего в то время в Обществе, являлось избрание на президентский пост самого Клоотца.

Робеспьеровцы поняли, что для защиты своих интересов им необходимо немедленно вмешаться в дело, но напасть на террористические принципы левых—значило в это время потерять популярность, быть же в этой области решительнее левых для робеспьеровцев было невозможно. Оставалась религиозная политика гебертистов и Коммуны.

Этого сорта деятельность левых давно уже беспокоила круги, близкие к Робеспьеру. Для них религия являлась одним из устоев общества, ибо она облегчает эксплоатацию, гарантируя покорность эксплоатируемых. Ведь бог—хороший надсмотрщик за подмастерьями и приказчиками в отсутствии самого хозяина, а для зажиточных хозяйчиков, для средней руки торговцев, типа близкого к Робеспьеру «столяра» Дюпле,—это так важно. Тот же бог—хороший утешитель обездоленных, могущих

без надежды на этого утешителя совершить совсем нежелательные эксцессы. Именно эту мысль довольно ясно выразил Робеспьер, выступая в конце 1792 года в защиту бюджета вероисповеданий. «Человек, сказал он, претерпевающий превратности судьбы, ищет случайных утешений; при виде богача, удовлетворяющего все свои даже самые мелкие прихоти, потворствующего всем своим желаниям, тогда как он сам должен ограничивать все свои самые насущные потребности до пределов необходимого, бедняк решает, что в другой жизни его ждет столько радостей, сколько лишений на его долю выпало в этой...» (Корес. Конвент, в. I, 185). В написанной по этому же вопросу статье Робеспьер развивал эту мысль так: «Им (бедным людям) придется просить религиозного подаяния, как они просят хлеба и работы; или, не имея возможности оплачивать труд священника, они вынуждены будут отказаться от его услуг, и это худшая из возможностей, так как именно тогда они почувствуют всю тяжесть нужды, отнимающей у них все блага жизни вплоть до надежды». (Там же, 187).

Робеспьер видимо допускал, что на религию можно смотреть как на заблуждение, но поскольку бог—нравственный регулятор, он вещь весьма полезная: «Если бы народ стал поступать иначе, он нанес бы великий вред своей нравственности, ибо всякий, кто ради соблазна отказывается даже от заблуждения, признаваемого им за истину, тем самым уже порочен... Открытое нападение на религию народа равносильно нападению на его нравственность...» (там же).

Когда «личный враг бога» сделался председателем Якобинского Общества, когда левые близкого и понятного массам бога попытались заменить хотя и воплощенным в образ красивой артистки, но все же отвлеченным, холодным «разумом», Робеспьер должен был выступить против этого.

Решившись положить конец успехам левых, Робеспьер выступил против них первоначально не в Якобинском клубе, сочувствие которого им, пока что, было очевидно, а в Конвенте. В докладе, сделанном здесь, Робеспьер попытался перенести всю тяжесть общественного внимания на вопросы политики внешней, он обрисовал величие революционной Франции и ее значение в международном масштабе, но из его слов выходило, что для поддержания этого значения необходимо воздержаться от компрометирования революции анархическими выходками. Правда, Робеспьер обращался с предупреждением и к умерен-

ным, но со всею силою он обрушился главным образом на левых: «будьте революционерами и политиками, поступайте грозно с злонамеренными и оказывайте помощь несчастным, избегайте как жестокого модерантизма, так и систематических преувеличений лжепатриотов. Народ ненавидит все излишества, он не хочет быть ни обманываемым, ни покровительствуемым, он хочет, чтобы его защищали, уважая» (Л. В. IX, 405—408).

Двадцатого ноября в самом Конвенте произошли антирелигиозные демонстрации, а на другой день, когда в клубе Гебер, Моморо и Дюфурни выступил по поводу множества циркулирующих слухов, позволявших им предположить наличие контр-революционного заговора, который, по их мнению, возможно было подавить лишь суровейшими мерами против аристократов и в особенности священников,—с возражениями выступил Робеспьер.

«Правда-ли, спросил он, что главнейшею причиною наших бед является фанатизм? Фанатизм... но ведь он издыхает, я мог бы даже сказать, что он мертв. Направляя в течение уже достаточно долгого времени все свое внимание исключительно на него, не отвращаем-ли мы свое внимание от опасностей настоящих. Вы говорите, что боитесь священников, священники еще больше боятся успехов просвещения...» Затем, явно намекая на епископа Гобеля, недавно отрекшегося от своего сана. Робеспьер заявил: «Вы не одинаково боитесь всех священников... Вы не боитесь епископов, еще столь недавно так привязанных к своим бенефициям, приносящим им 70.000 франков дохода, которыми они пожертвовали, как только доходы эти сократились до 6.000... опасайтесь не их прежней одежды, а их новой кожи...» «Нет, продолжал Робеспьер, не фанатизм является теперь главным предметом нашего беспокойства... фанатизм—животное жестокое и хитрое, оно бежит перед разумом. но начните преследовать его криком—и оно возвратится обратно... А какой другой результат может породить этот внезапный и исключительный жар, этот преувеличенный и пустой пыл, с которым ведется борьба вот уже долгое время».

Далее Робеспьер взял под свою защиту свободу культа. заявив, что и целью Конвента является поддерживать эту свободу: «Нападают на священников, совершающих мессы, они будут совершать их еще дольше, если им будут препятствовать». «Некоторые,—намекал оратор на Клоотца,—идут

еще дальше, они хотят, под предлогом разрушения предрассудков, создать некий вид религии из самого атеизма... Общественный деятель будет сто раз безумцем, если одобрит эту систему. Конвент ее отринул. Конвент—не составитель книжек, не автор метафизических систем, он—корпорация политическая и демократическая, которой поручено заставить уважать не только права, но и нравы французского народа. Скажут, что я узкий ум, человек, полный предразсудков, кто знает, может быть, и фанатик, но я уже сказал, что я выступаю не как личность, не как философ, а как представитель народа. Атеизм аристократичен, идея высшего существа, пекущегося об угнетенной невинности и карающего торжествующее преступление, идея демократическая (бурные аплодисменты). Народ, несчастные мне аплодируют; если я найду себе критиков, то только среди богатых и виновных в чем-либо. Я со школьной скамьи плохой католик, но я никогда не был холодным другом и ненадежным защитником человечества. Это только заставляет меня быть прочнее привязанным к идеям, мною только что изложенным. Если бы бога не было, его нужно было бы выдумать».

Ободренный сочувственным приемом, оказанным ему якобинцами, Робеспьер нападал все ожесточеннее и ожесточеннее на своих противников: «Мы должны бояться другого фанатизма, фанатизма людей безнравственных, поддерживаемых иностранными правительствами, поддерживаемых для того, чтобы пробудить настоящий фанатизм и придать нашей революции ту окраску безнравственности, которая характерна для наших жестоких и свирепых врагов». Иностранные государства, полагал Робеспьер, обладают двумя родами оружия: одно—то, которым они сражаются на фронтах, «другое—более опасное, армия шпионов и оплачиваемых негодяев, проникающих всюду, вплоть до народных обществ».

«Начиная с 31-го мая, со дня, когда возродился Конвент, они удвоили свои усилия для того, чтобы клеветать на истинных защитников республики, чтобы соблазнять их и чтобы опозорить и распустить Конвент. Вскоре эта гнусная мистификация будет разоблачена, пока же я ограничусь только несколькими штрихами, уже набросанными мною в только что произнесенной мною речи».

Однако, выступить с реальными обвинениями Робеспьер решился только против второстепенных персонажей левой—

Пролы, Перейры и Дефье, относительно которых он потребовал, чтобы Общество очистило себя от «этой преступной орды». Если верить протоколу, то предложения Робеспьера были приняты с энтузиазмом (V, 526, 531).

Несмотря на сильный нажим робеспьеровцев, левые не собирались сдавать свои позиции. 23-го ноября Шомет выступил в Коммуне с речью «о публичных женщинах, сделавшихся богомолками, и стал уверять, что священники способны на все—на отравление патриотов, на поджог коммунальных зданий и национального казначейства». Затем им было проведено предложение о закрытии церквей всех вероисповеданий и недопущении к общественным обязанностям священников (Л. Б., IX, 414).

В это время у Робеспьера появился могучий союзник — возвратившийся из своего деревенского уединения Дантон. «Мы не для того,—сказал он, выступив в Конвенте,—хотели уничтожить суеверие, чтобы установить царство атеизма».

Вскоре Робеспьер снова обрушился на Пролы и Дефье, заявив, что пока он ограничится лишь тем, что «помешает всем контр-революционным поступкам людей, не имеющих других заслуг, кроме хвастанья своим антирелигиозным пылом». «Мы сорвем,—сказал он,—маску патриотизма с их гнусных физиономий, мы покажем народу, что такое нравственность этих людей, желающих искоренить всякую религиозную идею».

В качестве ответной диверсии, Люфурни пытался атаковать Барерра, как члена Комитета Спасения, но Робеспьеру удалось быстро прекратить эту неприятную дискуссию. Присутствующие на этом заседании Гебер и Шомет предпочли воздержаться от каких бы то ни было выступлений (V, 535—38).

Успех, сопровождавший выступления Робеспьера в Якобинском Клубе, показал левым, что вспышка ненависти к духовенству была лишь временным настроением парижской мелкой буржуазии, что она обязана своим возникновением, вероятно, вандейским событиям, но что она не доказывала наличия у этой буржуазии прочного антирелигиозного убеждения. Левые сочли необходимым ударить отбой и начать отступление по всему фронту.

Шомет заявил на заседании Коммуны, что, будто бы, «внимательное наблюдение привело его к заключению, что воля народа не за атеизм» (Кунов, 520), а Гебер, во время

прохождения им происходившей в эту пору чистки членов Общества, сказал: «Меня обвиняют в атеизме, я формально отвожу это обвинение, я заявляю, что проповедывал чтение евангелия для жителей деревни. Эта книга морали кажется мне замечательной, и я полагаю, что надлежит следовать всем ее заветам для того, чтобы быть совершенным якобинцем; на Христа я смотрю, как на основателя народных обществ» (V, 552).

Соответственно с этим отступлением, усиливался наступательный нажим со стороны умеренных. В начале декабря, на одном заседании по поводу вермишельного предложения, сделанного неким, даже не названным в протоколах Общества гражданином, предложения, касающегося необходимости обеспечить через Конвент народные общества помещениями для собраний, выступил сам Дантон. Его речь дышала «модерантизмом». «Я оспариваю,—сказал он.—сделанное предложение. Граждане сходятся на собрания на основании прав, данных им природой, и они не должны прибегать ни к каким властям для устроения этих собраний. Конституция временно как бы спит, до тех пор, пока народ занят нанесением ударов своим врагам и устрашением их революционными мероприятиями. Такова моя мысль, на которую, я не сомневаюсь, клеветать не будут, но я прошу не верить тем, кто хочет вести народ за пределы революции и кто предлагает ультра-революционные меры».

Непосредственно после Дантона выступил Купэ и потребовал, чтобы Общество не слушало предложений, направленных к уменьшению суровости революционного курса; относительно же помещений он полагал, что «народ—суверен и владелец всех благ, которыми, как говорят, владеет нация, поэтому он имеет право обращаться к установленным властям с тем, чтобы обеспечить себе возможность собираться».

Когда на трибуне снова появился Дантон, он был встречен ропотом негодования, это, однако, не помешало ему развить настоящую теорию независимости народных обществ: «Купэ,—говорил он,—сделал попытку извратить мое мнение, я никогда не хотел предложить прервать нерв революции, хотя я и сказал, что конституция пока должна как бы уснуть... Принципы, которые я высказал, были направлены к независимости народных обществ от всех властей, народные общества

не должны ниоткуда иметь содействия для получения помещений»...

Так как ропот против Дантона не прекращался, то он потребовал создания комиссии для расследования своего поведения. Робеспьер поспешил на помощь попавшему в беду союзнику: «Дантон,—воскликнул он,—разве ты не знаешь, что чем больше проявляет человек мужества и патриотизма, тем больше враги жаждут его гибели! Кто является клеветниками? Люди, кажущиеся лишенными пороков, но никогда не проявлявшие добродетели... Если бы на защитников отечества не клеветали, это бы доказывало, что у нас больше нет ни священников, ни знатных, с которыми сделовало бы бороться». В заключение своей речи Робеспьер потребовал, чтобы все присутствовавшие высказались о Дантоне, и заседание закончилось братским поцелуем, полученным от председателя Дантоном при бурных аплодисментах всех присутствовавших. (V, 541, 545).

Упрочив оказанной Дантону поддержкой свою связь с правыми, Робеспьер решился на новый выпад против левых, но так как Гебер и Шомет временно отступили с поля битвы, да, кроме того, первый вполне благополучно прошел чистку и был даже приветствуем аплодисментами, он решился напасть на Клоотца. Объект был выбран удачно: как уже говорилось, Клоотц и по своему социальному происхождению и по проповедуемым доктринам был совершенно чужд мелко-буржуазным якобинцам. Временная вспышка антирелигиозной ненависти вознесла его на пост председателя клуба. Робеспьер очень ловко, хотя и демагогически, использовав против Клоотца и его иностранное происхождение, и его богатство. Впрочем, относительно иностранцев, проникавших в общество, Робеспьер говорил и раньше. Еще 6-го декабря он сказал по этому поводу: «Иностранец, прикрывающийся красной шапкой и вошедший в вашу среду для того, чтобы пронзить ваши сердца, разве он менее виновен, чем австрийский принцепник, вонзающий свой штык в грудь защитника свободы?» (V, 550).

И вот, когда проходящий чистку Клоотц на вопрос о месте его рождения ответил со своей обычной претенциозностью: «Я происхожу из Пруссии, будущего департамента Франции», Робеспьер жесточайшим образом обрушился на него: «Можем ли мы смотреть, как на патриота, на немецкого барона,—спрашивал он,—можем ли мы смотреть, как на санкюлота на человека, имеющего 100.000 ренты? Можем ли мы считать республиканцем человека, живущего среди банкиров и контр-революционных врагов Франции? Нет, граждане! Будем на страже по отношению к иностранцам, желающим показаться патриотами большими, чем сами французы».

«Я обвиняю Клоотца,—продолжал Робеспьер,—в том, что он увеличивает число приверженцев федерализма. Его необыкновенные взгляды, упорство, с которым он говорит о всемирной республике, вдохновляющее завоевательный азарт, могут произвести то же впечатление, что и мятежные писания Бриссо и Ланжюинэ. Как Клоотц может заботиться о единстве республики и об интересах Франции, когда он, презирая звание французского гражданина, желает быть гражданином мира?» И затем, совершая абсолютно недопустимое передергивание, Робеспьер сказал: «Если он—хороший француз, хотел ли бы он, чтобы мы отважились на войну со всем миром, хотел ли бы он, чтобы мы сделались французским департаментом Мономотопа, хотел ли бы он, чтобы мы объявили войну всей земле и всем стихиям? Эти идеи, претендующие на то, чтобы быть философскими, могли ли они притти в голову человеку разумному или просто порядочному?»

Перейдя к антирелигиозной политике, вдохновителем которой, по мнению Робеспьера, был Клоотц, он напал одновременно и на бывшего епископа Гобеля: «Мы знаем твои визиты, Клоотц, мы знаем твои ночные собрания, мы знаем, как ты под покровом ночи, вместе с Гобелем, подготовлял философские маскарады, ты предвидел, какие ужасные последствия могут иметь эти ужасные поступки... Граждане, посмотрите ли вы, как на патриота, на иностранца, желающего быть бо́льшим демократом, чем французы, на человека, которого видят то среди Болота, то выше самой Горы? Клоотц никогда не был на Горе, он был то выше ее, то ниже ее. Наши враги, поднявшиеся выше Горы, атакуют нас с тылу, для того, чтобы нанести нам смертельный удар».

Робеспьер сетовал на то, что к Клоотцу не были применены ни законы против иностранцев, ни против знатных; мало того, во время издания этих законов, Клоотц оказался президентом Общества. Вообще, иностранные державы, полагал Робеспьер, имеют среди якобинцев «своих шпионов, министров, казначеев и полицию, и бестрепетные патриоты, друзья свободы, постоянно подвержены тысячам опасностей». «Париж ки-

шит интриганами,—закончил Робеспьер,—они сидят среди нас, вместе с агентами Фридриха. Клоотц—пруссак, я изобразил вам его политическую жизнь—произносите ваш приговор».

Приговор был произнесен: Клоотц был единодушно исключен из числа членов Общества (V, 554, 557).

III.

Борьба робеспьеровцев и дантонистов против левых групп (продолжение).

Со средины декабря фракционная борьба среди якобинцев принимает новое направление. Потерпев поражение по вопросу о религиозной политике, левые направили свои удары на отношения умеренных к террору. Объектом нападения левых, в данном случае, были, главным образом, дантонисты, выступившие противниками террора. Конечно, не нужно представлять их действительными, принципиальными врагами террористической политики. Всем известная легенда о покрасневшей, якобы, от крови Сене, представлявшейся глазам кающегося Дантона,—только легенда. Ведь Дантон был организатором Революционного Трибунала, ведь он голосовал за закон против подозрительных 3-го декабря. Ведь женственно-нежный Камилл Демулен не задумался обречь на смерть жирондистов своими лживыми и голословными памфлетами. Ведь он не задумался сказать Прюдому в день казни гебертистов: «Я вышел из мэрии, желая разузнать, приняты ли необходимые меры к тому, чтобы гебертисты были непременно казнены. Вся сволочь на стороне этих негодяев, но я готовлю им плохую штуку, которая восстановит народ против них: я подал мысль носить по улицам на пике изображение трубки Дюшена».

Нет, неприемлемым для дантонистов террор сделался лишь тогда, когда он стал орудием углубления и расширения революции, глубже и шире, чем это им было нужно. Они, высоко квалифицированные, талантливые интеллигенты, получили от революции уже все то, что она могла им дать. Поэтому, Демулен и полагал, что для революции нет уже никаких препятствий, что все ее враги либо побеждены, либо обращены в новую веру» (Л. Б., X, 195).

Революция дала им полную возможность проявить свои способности, добиться видных общественных должностей и, наконец, она же дала им, некогда не знавшим, где приклонить голову, сынам богемы—значительные состояния. Ведь не напрасно дантонисту Д'Эгалантину задали вопрос, во время прохождения им чистки, о размерах его состояния, и он ответил, что «этим состоянием он обязан исключительно своему таланту» (V, 559).

Слишком ярко выявленные уравнительные тенденции шометтистов пугали дантонистов. Им, уже в силу характера их деятельности настроенным индивидуалистически, не могли нравиться такие заявления левых, как заявления, сделанные Дюфурни в клубе 21-го января: «Вы видите в заголовках всех государственных документов слова: «свобода, равенство», и вы будете иметь право из этого заключить, что равенство вытекает из свободы, в то время, как, наоборот, свобода вытекает из равенства. Я предложил бы, чтобы якобинцы освятили своим присоединением единодушный крик всей Франции: «Да здравствует равенство, да здравствует единая и неделимая республика!» Я бы также предложил, чтобы в заголовке всех актов ставили слова: «равенство, свобода», взамен—«свобода, равенство»... (V, 617).

Дальнейшее развитие уравнительной деятельности как раз могло угрожать «нажитым, благодаря талантам, благосостояниям». Ведь именно по предложению Дантона Конвент назначил смертную казнь за посягательство на собственность.

В общем, о социально-экономических взглядах дантониста можно сказать немного; повидимому, они не очень интересовались этими вопросами, поскольку дело не шло о посягательствах на их имущество. Но один из них, правда, нечестный, Шабо высказал такие взгляды: «Мы желаем, чтобы все граждане, которые называются санкюлотами, наслаждались счастьем и благосостоянием, мы желаем, чтобы этот полезный класс получал помощь от богатых в меру возможности. Мы не хотим нарушать права собственности. Но каково наиболее священное из прав?—Право на существование. Мы хотим, чтобы уважали это право, давши хлеб всем несчастным»...

В этой части речи заметно влияние Ру, под которого, в момент произнесения этой речи, Шабо, в виду популярности идей «бешеных» в массах в это время, подлаживался. Во второй части своей речи Шабо заявлял: «Мы хотим, чтобы все люди, имеющие меньше 100.000 ливров собственности, были заинтересованы в поддержании нашего дела. Мы не будем

обращать внимания на жалобы тех, кто имеет *более 100.000 ренты*, общее счастье вознаградит нас за эти жалобы. Мы скажем этим людям: согласитесь с тем, что мы составляем большинство, и если вы не будете толкать колеса Революции вместе с нами, мы вас изгоним из пределов республики, мы возьмем вашу собственность и разделим ее между санкюлотами»...

Чувствуя, что в этих разглагольствованиях он зашел слишком далеко, Шабо спохватывается: «Я здесь не проповедую аграрного закона. Если богатые не захотят разделить с нами благ, данных нашей революции, если они перестают быть членами нашей семьи, они не могут быть более собственниками. Конфисковал же Конвент собственность эмигрантов, не пожелавших разделить с нами опасности революции. Аристократы, восставшие против голоса патриотизма, должны быть приравнены к эмигрантам» (V, 227).

Воистину, все относительно: если для «бешеных» аристократами являлись все, «хорошо ужинавшие каждый день», если шометтисты полагали, что от обложения в пользу Общества должны быть освобождены люди, получавшие 400 франков в год, то для Шабо этот минимум, если правильно понимать его, увеличивался до 100.000 ливров. Минимум, как видно, весьма солидный и, пожалуй, состояния, «созданные благодаря талантам», никогда не выходили за пределы этого минимума. Фабр Д'Эглантин, об инциденте с которым мы уже говорили, заявил, «что поставленная ему в вину роскошь ограничивается лишь вещами, для него приятными» (V, 559).

Ясно, что для такого сорта людей требования не только «бешеных», но и шометтистов были и чужды, и опасны, поскольку дальнейшее углубление революции могло привести к осуществлению желания левых, постольку дантонисты теперь делались противниками революции и того средства, которым левые думали углублять и укреплять революцию,—террора.

Пятого декабря вышел в свет первый номер «Старого Кордельера». Уже самым названием редактор журнала хотел показать, что это—не Кордельер, поддерживавший «бешеных», не Кордельер—опора гебертизма, а именно старый Кордельер, первых времен революции. В этом номере Демулен говорил о свободе печати, во втором, прежрывшись, по своему обыкновению, маской античности, нападал на левых, желающих итти дальше истинных якобинцев: «Если якобинец Гракх предлагал разделить две или три деревни, то бывший фельянтинец Друз предлагал разделить двенадцать деревень; если Гракх назначал цену за хлеб в 12 су, Друз назначал максимальную цену в 8 су». По мнению Демулена, итти на крайние революционные меры, значит обратить страну в то, что древние географы обозначали словами: «Там нет уже ни городов, ни жилищ, там только пустыни, дикари, льды или вулканы» (Л. Б., IX, 182—83).

Но если якобинцы изгнали из своей среды Клоотца, то это не значило, что они, по крайней мере, в это время, отнесутся сочувственно к столь явному модерантизму, хотя бы и проявленному популярным Демуленом. Когда наступил момент ему подвергнуться чистке, на него посыпался ряд обвинений, и, прежде всего, в дружбе со многими контр-революционерами и заступничестве за аристократов. Демулен отвечал, что он всегда почитал республику, но постоянно обманывался в людях, в таких, как Мирабо, Ламет и т. д., но всегда же сам первый и доносил на своих бывших друзей.

На его защиту пришлось выступать самому Робеспьеру, который набросал портрет Демулена—интеллигента, отважного и слабого, доверчивого и разочаровывавшегося, но неизменно сочувствующего революции.

«Вместе с Демуленом,—сказал Робеспьер,—нужно рассматривать и его слабости, и его добродетели. Иногда слабый и доверчивый, часто храбрый и всегда республиканец, он является перед нашим взором последовательно другом Мирабо, Ламета, Дилтона, но его же мы видим разбивающим эти идолы, которым он только что поклонялся... Словом, он любит свободу чувством, инстинктом». В заключение Робеспьер приглашал своего друга не быть впредь таким непостоянным и попытаться не обманываться в людях. Бурные аплодисменты присутствующих возвестили оставление Демулена членом Общества (V, 559—560).

В то время, как Робеспьер защищал Демулена, группа дантонистов повела подкоп под Комитет Общественного Спасения, срок, полномочий которого истекал, и это был подкоп уже против самих робеспьеровцев. И сам Камилл в номере третьем «Кордельера» разразился градом намеков, полуприкрытых сравнений, описывая жестокость цезарей так, что под нею можно было подразумевать жестокость революционного правительства.

Фабр Д'Эглантин напал на Ронсена и его армию и

добился ареста Венсана. С этими же событиями, несомненно, было связано, как кажется, совершенно случайное появление у решетки Конвента демонстрации просительниц за арестованных.

Отголоском всех этих событий в Клубе явилось выступление 21-го декабря Никола, члена Комитета Безопасности Сенского департамента, ярого сторонника Робеспьера. Никола формально обвинил Демулена в издании контр-революционных писаний, ходатайствовании за арестованных и в том, что он поносит революционные мероприятия, якобы совершаемые контр-революционерами в красных колпаках. Никола предложил исключить Камилла Демулена, и это предложение было препровождено в Комитет по чистке. После этого один из членов Общества потребовал изгнания Фабра Д'Эглантина, а Гебер, припомнив вандейские дела, напал на Бурдона, на Камилла Демулена и опять-таки на Фабр Д'Эглантина. Камилла Демулена Гебер обвинял в издании журнала, в котором патриоты выставлялись в карикатурном виде, обвинял его в том, что он военного министра Бушота (левого) назвал Георгом, а Венсана—Питтом. «Бушота,—восклицал Гебер,—которому мы обязаны своими генералами-санкюлотами, избавившими нас от Вандеи, сравнивают в глупости с королем Георгом».

Фабра Д'Эглантина Гебер назвал хитрой змеей, изгибающейся на тысячи фасонов. По словам Гебера, существует какой-то «заговор, направленный к тому, чтобы заключить в тюрьму патриотов, изготовить фальшивые, относящиеся к ним, документы, подготовить ложных против них свидетелей, и когда в этом хаосе Конвент окажется не в состоянии разобраться, фельянисты, аристократы и умеренные заставят издать закон о всеобщей амнистии».

К Дантону и Робеспьеру Гебер обращался со следующими словами: «Два человека владеют всем моим уважением и доверием—Робеспьер и Дантон—два столпа революции, и я приглашаю их больше не допускать проводить себя людям, укрывающимся под сенью их патриотизма». В результате этих выступлений было постановлено затребовать от всех обвиненных объяснений, а к арестованным Венсану и Ронсену послать депутацию с выражением доверия (V, 569—73).

На ближайшем заседании (23 XII) на Камилла опять напали. На этот раз атаку против него повел только что возвратившийся из Лиона Колло. Он для достижения большего эффекта начал с того, что прочел сообщение Фуше о самоубийстве Гайяра, а затем стал призывать к энергичным мерам, необходимым для предупреждения новых несчастий. Что же касается Камилла, то о нем он сказал: «И вы полагаете, что автор этих писаний составил их по простоте душевной, вы полагаете, что люди, приводящие вам рассказы из античной истории, одновременно предлагающие вашему вниманию картины нашего времени,—патриоты? Нет! Человек, вынужденный обращаться к столь отдаленным временам, не может находиться на уровне современной революции. Хотят умерить движение революции... Разве можно управлять бурей? Нельзя и не должно останавливать ее порыва. Граждане, патриотизм должен быть всегда на одной и той же высоте; если он опустится хотя бы на одно мгновение, он—уже не патриотизм. Отринем дальше всякую мысль об умеренности, останемся якобинцами, останемся монтаньярами и спасем свободу». После этой речи произошла схватка между Левессером и Филиппо и, по словам протокола, «заседание сделалось очень бурным»... Затем выступивший Дантон, попытавшись внести успокоение, сказал, что «всеми этими раздорами воспользуются враги революции, а для того, чтобы они смогли извлечь из этих раздоров наименьшую пользу, необходимо сохранять полное хладнокровие».

Робеспьер также взывал к спокойствию и требовал, чтобы Филиппо был выслушан. «Разве вы не знаете,—говорил он,—что вас окружили иностранные правительства, что они поместили вас между двумя рифами — модерантизмом, навсегда побежденным, и немецким вероломством людей, желающих всемирной республики?» (V, 573—575).

Словом, Робеспьер всеми силами пытался спасти своих друзей справа, обратив внимание якобинцев на опасность слева, если не в лице гебертистов, реномэ которых стояло еще высоко, то в лице, в сущности, уже уничтоженного Клоотца. Дантон же словами: «Все наши препирательства не убьют ни одного пруссака!» вновь напомнил о гибельности раздоров.

Камилл не принимал протянутой ему руки помощи: он или переоценивал свои силы, или полагал, что Робеспьер готов пожертвовать и собой, и интересами своей группы для спасения его, Камилла. Гебер, говоривший о заговоре, целью ко-

торого была общая амнистия, был по-своему прав: Камилл в номере четвертом «Кордельера» требовал создания Комитета Милосердия. «Вы хотите,—писал он,—чтобы я признал свободу и упал к ее ногам, так откройте тюремные двери гражданам, называемым подозрительными, ибо в декларации прав не говорится ни о каких домах для подозрительных, а только об арестных домах»... «Свобода, это счастье, это разум, это равенство, справедливость, это ваша высокая конституция».

Итак, теперь дантонист Демулен взывает и к конституции, и к правам человека, хотя еще недавно сам Дантон говорил, что конституция должна спать, пока народ борется с контрреволюцией.

По мнению же робеспьеровцев, правительство еще должно было оставаться правительством революционной диктатуры. Неумеренное поправение дантонистов откалывало от Робеспьера даже таких его горячих сторонников, как Никола или Левессер, ожесточая их против дантонистов. И вот, выступив в Конвенте с докладом о революционном правительстве, Робеспьер попытался прекратить этот уклон дантонистов вправо; одновременно он хотел отмежеваться от левых и предупредить против полевения своих собственных сторонников, именно к ним были обращены его слова: «Революционное правительство не имеет ничего общего ни с анархией, ни с беспорядком, напротив, цель его—их подавление» (Л. Б., X, 205). (Заседание 25 декабря).

В Якобинском же клубе Робеспьер, выступивший по вопросу о народных обществах, говорил: «Посещает ли их ежедневно народ или нет, их наполняет множество интриганов, и несколько появляющихся там патриотов оказываются мало просвещенными для того, чтобы бороться против этих интриганов. Народа там нет, так как когда праздные и злонамеренные решают вопросы в этих обществах, народ находится в мастерских». Левый Моморо прекрасно понимал, куда метит Робеспьер, и заявил, что ставить препятствия организации обществ—значит наносить удары принципу революции и священным правам народа.

Попробовав свою силу на оплоте левых народных обществ, Робеспьер перешел к нападению на них самих. Он обвинил левых в организации демонстраций с подачею Конвенту петиций об освобождении Ронсена, он опять говорил, что эти

действия продиктованы Питтом, ибо они—проявление неуважения к народному представительству. Но Робеспьер чувствовал, что практика революционных переворотов уже сильно подорвала веру в неприкосновенность представительных учреждений; если было можно окружить Конвент пушками, требуя изгнания жирондистов, почему же теперь нельзя было обращаться с петициями к нему, требуя освобождения арестованных гебертистов. Поэтому Робеспьер и сказал, что «если во время кризисов народ и бывает вынужден вооружиться против некоторых представителей-изменников, само народное представительство священно». Однако, левым удалось взять свой реванш, в виде вынесения Обществом постановления о рассмотрении двух последних номеров «Старого Кордельера» (V, 578—584).

День суда над «Кордельером» настал 5-го января. Докладчик специальной комиссии, расследовавшей поведение дантонистов, Колло Д'Эрбуа отнесся весьма сурово к Филиппо и снисходительно к Камиллу. Первого он предлагал исключить из Общества, о втором просил Общество лишь высказаться, приняв во внимание все заслуги этого «старого патриота». Кроме того, Колло потребовал, чтобы общество цензуровало номера «Старого Кордельера» и чтобы Комитетом Общественного Спасения был составлен доклад об освобождении арестованных патриотов. По окончании этой дипломатической речи Гебер с криком: «Справедливость, справедливость!» бросился к трибуне. «Я скорее погибну,—воскликнул он,—чем уйду отсюда ранее оказания мне справедливости. Я ежедневно был обвиняем и называем нахальным грабителем и расхитителем общественного достояния».

В ответ Демулен прочел выписку из документов казначейства, говорящую об огромных суммах, полученных Гебером с военного министерства за рассылку своего журнала по армиям. Робеспьер Младший, выразив свое удивление по поводу личного характера раздающихся нападок, не упустил, однако, случая кольнуть Гебера, намекнув на обвинение его в совершенной в прошлом краже контрамарок. Гебер, возведши глаза к небу, простонал: «Сегодня хотят меня убить!» На трибунах послышался сильный ропот. Дантон опять попытался умерить страсти, говоря: «Подчиним нашу частную ненависть общему интересу» (V, 590—595). Прения были перенесены на следующее заседание.

Теперь выступил сам Робеспьер. Мягко, под видом отеческих упреков, вновь протягивал он Демулену руку помощи. «Демулен,—говорил он,—не заслужил той строгости применения, которой по отношению к нему требуют, я даже думаю, что враждебно делу свободы—требовать его наказания, как большого виновника». Обращаясь к писаниям Демулена, Робеспьер пытался отвратить внимание от автора и направить его на самое произведение и предложил сжечь инкриминируемый Демулену номер. Но Камилл, опять не поняв и не учтя создавшегося положения, воскликнул: «Сжечь не значит ответить». Возмущенный таким непониманием и упорством, Робеспьер в свою очередь закричал: «Я не предлагаю больше сжигать журнала, но я предлагаю, чтобы Камилл за него ответил. Человек, так упорно цепляющийся за свои писания—больше, чем просто заблудшийся! Если бы он писал по простоте своего сердца, он не должен был бы осмелиться поддерживать свои писания, заклейменные патриотами и взыскуемые всеми контр-революционерами Франции... Я прошу, чтобы журнал Камилла был прочтен, и если найдутся личности, желающие защищать изложенные в нем принципы, они будут выслушаны, но найдутся и патриоты, которые им ответят»... Камилл понял совершонную им ошибку, но было поздно, напрасно он пытался играть словами: «Как ты говоришь, что одни аристократы читают мой журнал, его читает Гора, Конвент, значит, Гора—аристократы... Не читал ли ты и сам моих номеров?».

Робеспьер отвечал, что Камилл показывал ему не все номера. Дантон напрасно пытался поправить положение: «Камилл не должен,—говорил он,—пугаться немного строгих уроков, только-что данных ему Робеспьером... Осуждая Демулена, остерегайтесь нанести удар свободе прессы» (V, 596—600).

На следующем заседании зачитывались номера «Старого Кордельера». После резких слов Гебера: «Отрава—всегда отрава, против нее нужно противоядие», выступил Робеспьер и первоначально выразил свое удивление необыкновенной двойственности в писаниях Камилла. «Здесь превозносится мужество патриотизма, там вскармливается надежда аристократов». Затем Робеспьер сказал, что для него очень мало значит, изгонят или не изгонят Демулена, ибо этот последний—только личность; большее значение имеет то, чтобы истина была признана и свобода существовала. И без того слишком много

занимаются личными вопросами. «Когда на нас устремлены взоры всех, следует думать только об общем интересе».

После этого Робеспьер снова перешел к вопросу об иностранных интригах и о вдохновляемых иностранцами двух враждебных революции партиях. «Те, кто имеет характер пылкий и склонный к преувеличению, требует мер ультра революционных; кто имеет характер более мягкий, более умеренный, предлагает меры не революционные. Они для вида борются друг с другом, но в сущности не играет роли, какая партия победит, так как и та и другая система должны привести республику к гибели. Обе партии добиваются одного результата — роспуска Национального Конвента». «Обе партии имеют известное число вожаков, под знаменами которых выстраиваются граждане честные... Один из них, иностранный вожак, вошел в сношение с патриотами, он говорил им: «Вы видите, арестовывают патриотов» (при чем сам был причастен к их аресту), «вы видите, что Конвент заходит слишком далеко, что, вместо того, чтобы употреблять народную энергию против тиранов, ее употребляют против священников и ханжей», но этот же самый иностранец был одним из тех, кто обратил против ханжей молнию, уготованную для тиранов. «Вы видите,—говорил этот иностранец, или бунтовщик,—что исполнительная комиссия—очаг контр-революции, что секретарь Бушотта (Венсан)—глава контр-революционной партии, вы видите, что очаг контр-революционной партии — военное министерство»... Когда Робеспьер сказал, что новая партия употребляет ту же тактику, что и жирондисты, т.-е. пытается разъединить патриотов, Фабр Д'Эглантин, не выдержав, наконец, всех этих обвинений и намеков, обращенных против него, кинулся к ораторской трибуне...

«Моя тема еще не кончена; если даже Фабр Д'Эглантин уже приготовил свою, я прошу его подождать!» — холодно остановил его Робеспьер и продолжал говорить о двух комплотах, имеющих целью: один—устрашить Конвент, другой—усыпить народ.

«Эти заговорщики, объединенные постыдным соглашением, кажутся сражающимися друг с другом, но они соперничают в защите тирана. Это—единственный источник наших бед в прошлом, и это же явится единственным источником наших несчастий в будущем, если народ не объединится вокруг Конвента и не заставит молчать интриганов всех сортов»...

Никогда еще столь решительно Робеспьер не обрушивался на правых; к ним же обращал он и свои зловещие угрозы: «Я заявляю истинным монтаньярам—победа в наших руках: остается раздавить всего несколько змей». «Они будут раздавлены!»—послышались крики со скамей и трибун...

В заключение Робеспьер потребовал изгнания Фабра Д'Эглантина. После речи, произнесенной Робеспьером, никто не стал слушать оправдания обвиняемого (V, 600—604). На следующем заседании были исключены из членов Общества Демулен и Бурдон из Уазы. Однако, страсти и на этом заседании разгорелись настолько, что Робеспьер, в целях отвлечения общего внимания, предложил перейти к обсуждению вопроса о преступлениях английского правительства и о недостатках английской конституции. Но взбаломученное море всколыхнувшихся партийных страстей было не так легко успокоить. Многие требовали продолжения борьбы, в особенности рьяно напирал Дюфурни. Возражая этим непримиримым, Робеспьер еще раз попробовал выгородить Демулена, сделав вид, что вопрос об исключении последнего еще не решен, но Дюфурни не преминул сурово указать, что Демулен уже изгнан окончательно (V, 604—608).

Как мы видим, в этот период борьбы Робеспьер пытался всеми силами объединиться с дантонистами для совместной борьбы против левых, но упорная правизна дантонистов отбрасывала от Робеспьера даже его собственных сторонников. В конце-концов, защита дантонистов для робеспьеровцев делалась невозможной. Что же касается Дантона, то он, кажется, один из всей группы понимал необходимость союза с Робеспьером и держался очень осторожно.

IV.

Попытка переворота со стороны левых.

Изгнание из Общества Демулена явилось, в сущности, победой левых, сильно их ободрившей. Для робеспьеровцев должно было явиться своего рода предупреждением, во-первых, депутации клуба Кордельеров, пожелавшего поставить в известность своих друзей-якобинцев относительно принятых решений, касающихся дантонистов. Депутация эта сообщила якобинцам принятую кордельерами резолюцию, в которой Фабр Д'Эглантин называется клеветником, оскорбившим в лице защитников революции патриотизм, Бурдон—его соучастником, Фабр Д'Эглантин—главным руководителем всей интриги, а Демулен—личностью, потерявшей доверие кордельеров. Последние пункты резолюции гласили: «Комитет Общественного Спасения, как и Комитет Безопасности, пользуется полным доверием кордельеров. Конвент является связующим звеном, объединяющим всех республиканцев, и кордельеры всегда будут стараться заставлять уважать его авторитет» (V, 610). Как ни походили эти слова кордельеров на мысли самого Робеспьера, едва ли в устах кордельеров они радовали его.

Вторым предупреждением было то, что в годовщину казни короля Дюфурни выступил в клубе с уже известной нам декларацией о равенстве, из которого проистекает свобода (V, 617).

События так-называемого финансового заговора, дискредитировавшие некоторых умеренных, еще больше ободрили левых. Вследствие всего этого робеспьеровцам нужно было показать себя столь же революционными, как и левые, поэтому устами Кутона и было предложено редактировать к годовщине казни короля обвинительный акт против всех королей и властителей. Но одновременно с этими торжественными доказательствами революционности, в Якобинском клубе вновь была поднята травля против народных обществ. Кутон высказывал мысль, что необходимо исследовать поведение, которого держались эти общества в трудные для революции моменты, умеренный Симонд разразился против народных обществ целой речью: «Лойализм, федерализм и кое-что худшее гнездится во всех этих обществах»... По словам оратора, после смерти короля, из его трупа вышла масса ядовитых насекомых, достаточно умных для того, чтобы не пытаться поднять восстание, но знающих, что «между монархией и чистой демократией есть множество возможностей терзать политический организм и отравлять его существование тонким ядом, причиняющим постоянные конвульсии и подготовляющим его гибель». Новые народные общества имеют в своей среде гангренозных членов, «которые собирали подписи под петициями против Марата и Горы». «Теперь же, продолжал Симонд, когда ветер подул в другую сторону, они, пристав к нашему берегу, пытаются превзойти нас в патриотизме. По их мнению, патриоты 1789 года... только загнанный и измученный вьючный скот, годный только

на то, чтобы быть перебитым, ибо он не может следовать по пути революции за новыми людьми (новорожденными). Я боюсь этих новых рулевых и опасаюсь, как бы они не овладели кораблем республики, только-что выходящим из гавани, не овладели бы им для того, чтобы направить его в открытое море, заставить сражаться с бурями и утопить...».

Кутон указывал на необходимость принять суровые меры против секционных обществ, Генц уверял, что Питт, при помощи своих агентов развратил народные общества. И, наконец, Жанбон-сен-Андре заговорил о преступниках, вошедших в ряды патриотов. «Но патриоты,—сказал он,—не потеряют плодов пятилетней борьбы. Наши злейшие враги не вне нас, мы их видим, они всегда среди нас, и они хотят итти дальше нас в революционных мерах. Если я встречаю человека, поднявшегося на ходули преувеличенного патриотизма, я ему говорю: «Ты больше патриот, чем я, прекрасно, ты—аристократ» (V, 627).

Итак, вопросом о народных обществах робеспьеровцы воспользовались для контр-атаки против осмелевших левых, новые схватки произошли вскоре по вопросу об арестованных Венсане и Ронсене. Левые полагали, что так как обвинитель этих арестованных, Фабр, сам находится в тюрьме по обвинению в причастности к финансовому заговору, то они должны быть освобождены. Однако, предложение о ходатайствовании относительно освобождения арестованных внес не член левой, а Леонар Бурдон, левым сочувствующий. Робеспьер считал невозможным производить какое бы то ни было давление на «национальный авторитет». В конце января левые сами обратились с петицией к Конвенту, и Вулан, единомышленник Бурдона, член Комитета Безопасности, сделал благоприятный для арестованных доклад. Дантонисты ополчились против доклада Вулана, но сам их лидер Дантон, опять-таки оказавшийся осторожнее своей группы, потребовал освобождения арестованных (Л. Б. 253).

Другие дантонисты совсем не были склонны к такому миролюбию. 27 января между Лежандром и Гебером произошла бурная сцена, и Лежандр сказал о Гебере следующее: «Если бы мой собственный враг отрубил мне руку и был другом народа, я мог бы его обнять, но когда мой враг—враг свободы народа, я его буду преследовать до самой смерти»... Когда Моморо предложил врагам поцеловаться, Лежандр воскликнул: «Разумный человек не может советовать обняться Бруту и Цезарю...» (V, 628).

События назревали. 5-го февраля Робеспьер выступил в Конвенте и опять говорил о двух враждебных революции партиях: «Внутренние враги французского народа делятся на две партии, из которых одна клонит к слабости, другая к излишествам, одна хочет обратить свободу в бакханку, другая—в проститутку!...». Лжереволюционер, по словам Робеспьера, чаще бывает по эту, чем по ту сторону революции, это обыкновенно—«человек, противящийся энергичным мерам, но доводящий их до излишка, когда не может им препятствовать, он очень привязан к внешним формам патриотизма, подобно ханжам, врагом которых он себя выставляет...» (Л. Б. Х. 254).

Левый Бриссе в заседании Клуба 7-го февраля потребовал, чтобы судили немедленно оставшихся бриссотинцев и изгнали «жаб из болота». (V, 644). Аналогичное предложение уже было сделано ранее Форисе, говорившим о необходимости судить нечистые остатки «государственных людей» и очистить Конвент изгнанием из его недр остатков Болота, осмелившихся подняться на «Гору». Тогда предложение Форисе было поддержано Луи, сказавшим, что «вот уже два месяца ведется против патриотов ожесточенная война, при чем их называют ультра-патриотами»... (V, 639—640). Робеспьер теперь обрушился на Бриссе: «Нынче,—говорил он,—декламировать против Болота и против новой фракции—роль очень благородная, и если таким образом говоришь перед людьми, находящимися не в курсе событий, легче всего заставить себе аплодировать... Никто не знает, какое множество интриганов и преступников хотели бы скомпрометировать Конвент, его опорочить и распустить. Это бесчестные люди, получающие огромные суммы за маленькие речи, знающие, что единственным источником их существования является—прикрывать свои отвратительные проекты вуалью патриотизма. Поражать одновременно и Болото и «новую фракцию»—это значит дать опору Болоту... Но, если некогда и существовало Болото, введенное в заблуждение вождями бесстыдной партии, большею частью погибшими на эшафоте... С тех пор Конвент спас отечество, и те, кто составляли Болото, объединились с Горой для принятия мер решительных и суровых... Я признаю вместе с Бриссе, что существует новая партия и что она распадается на две части, из которых одна состоит из агентов иностранных держав, работающих для тиранов... другая из бунтовщиков, проникших даже в самый Кон-

вент...». В конце речи Робеспьер потребовал исключения Бриссе из членов Общества.

Попытавшемуся за него заступиться Сентесу, сказавшему, что с некоторых пор в Обществе господствует деспотизм мнений,—Робеспьер ответил суровой отповедью: «Я заметил,—сказал он,—что враги свободы всегда говорят о деспотизме мнений, потому что предпочитают деспотизм силы» (V, 643—46).

Нет ничего удивительного, что принятие освобожденного Венсана в число членов Общества встретило большие затруднения. В клубе Кордельеров по этому поводу разразилась целая буря. Моморо, как будто перефразируя уже цитированную нами фразу Симонда, говорил об износившихся в революции людях, о переломанных в революции ногах... Венсан обещал сорвать маски с интриганов, «чем все будут удивлены...» Гебер сулился низвергнуть изменников, которых всегда низвергал народ. Затем он намекал на Робеспьера и упоминал о людях, жадных и ненасытных к власти, придумавших и беспрестанно повторявших в своих пространных речах слово ультра революционер... Один кордельер воскликнул: «Венсан не Якобинец, но все равно порядочный человек:» «Венсан—хороший кордельер, а это имеет такую же, если не большую цену—подхватил другой»... (Л. Б., X, 258).

Все это были прямые вызовы против якобинцев и прямой призыв к вооруженному восстанию. Левые, видя упорство робеспьеровцев и ускользающее от них влияние на Общество, решились на это восстание. По правде говоря, момент для этого был выбран удачно: парижское население было измучено тяжелой зимой, продовольствия нехватало, в народе царило недовольство по поводу непринятия мер к обеспечению парижского населения хлебом. Ходили слухи о дальнейшем ухудшении положения, поговаривали о новых бриссотинцах, которых надлежало истребить...

Если верить Билло-Варену, делавшему доклад в клубе немедленно после неудачного переворота, то левые предполагали назначить диктатора, «регента республики», как его называет Билло. «Были приняты, говорил Билло, меры для того, чтобы умертвить часть арестованных... Съестные припасы должны были быть зарытыми или уничтоженными для того, чтобы, лишив их народ, вызвать у него вспышку отчаяния... С солдат революционной армии должна была быть взята подписка о том, что они выступят против свободы. Подставные патрули должны

были перерезать гарнизон кордегардии, находящийся при Аббатстве, для того, чтобы освободить арестованных, которые должны были, рассеявшись по Парижу, истребить патриотов. Собирались направиться к казначейству и монетному двору, овладеть казной республики и разделить ее между злоумышленниками, явившимися причиной восстания».

Конечно, к выгоде правительства всегда изобразить подавленное восстание адским замыслом, грозящим, в случае удачи, всякими ужасами. К выгоде правительства-победителя изображать заговор мощным и пустившим глубокие корни. Может быть, именно поэтому, докладчик и говорил о нем, как об имевшем повсюду разветвления и организованном по соглашению с иностранными и иммигрировавшими контр-революционерами. Из одной соседней страны было, будто бы, получено сведение о некоем проживавшем там контр-революционере, сказавшем незадолго перед заговором, что во Франции через шесть дней разразится заговор, который погубит свободу. Заговор этот будто бы распространялся и на армию, при чем ее старались побудить оставить знамена (V, 684).

Перед лицом надвигающихся событий, в виду болезни Кутона и Робеспьера, с соответствующей моменту декларацией в Конвенте выступил Сен-Жюст. Этой декларацией Сен-Жюст должен был, с одной стороны, доказать, что революционеры 1789 года—«не загнанный скот» и не «люди с переломанными ногами», а с другой стороны, нужно было найти смычку с дантонистами, так как союз с ними, в виду явно приближающегося выступления левых, был совершенно необходим для робеспьеровцев. Большая часть речи Сен-Жюста была посвящена поискам этой смычки. Он всеми силами пытался оправдать террор ссылкой на террористическую политику других правительств, а в заключение предложил предоставить Комитету Безопасности право освобождать задержанных патриотов. Для того же, чтобы доказать неусыпную революционность правительства, Сен-Жюст предложил конфисковать имущества врагов революции. «Имущество заговорщиков,—говорил он,— достояние обездоленных: человек, оказавшийся врагом своей страны, не может быть в ней собственником...» (Л. Б. X., 258—60).

Но если перед угрозой переворота робеспьеровцы ориентировались вправо, левый центр, в лице Колло Д'Эрбуа, ориентировался на кодельеров. В день выступления Сен-Жюста в Конвенте, Колло Д'Эрбуа выступил в Клубе по вопросу о докладе.

только-что сделанном Сен-Жюстом. Однако, центр тяжести при изложении этого доклада Колло перенес на суровые проэктируемые Сен-Жюстом мероприятия: «Вот какой ответ дает Конвент тем, кто хотел заставить поверить, что он впадает в модерантизм, что Гора на пути к понижению. Нет, Гора не понижается ни на одну линию»—сказал Колло (V, 664—5).

Когда на этом заседании было объявлено о прибытии депутации кордельеров, Колло процитировал слова, произнесенные Сен-Жюстом: «Кто те, которые хотят разбить эшафот?—Это те, кто боится взойти на него». «Не останавливайтесь в революции, тот, кто совершает свой путь на половину, роет себе могилу. Республика это не только собрание представителей, это—весь народ и все добродетели...».

Депутация кордельеров заявила под гром аплодисментов, что, несмотря на уверения врагов, оба общества—кордельеры и якобинцы—едины, и что депутация должна связать крепче узы республиканского братства патриотов (V, 666).

Присылка этой депутации была для кордельеров лишь тактическим приемом, направленным к тому, чтобы произвести раскол среди якобинцев. Уже на другой день в Клубе Кордельеров вновь произошло чрезвычайно бурное заседание. Филиппо, Бурдон, Фабр и Демулен были объявлены недостойными «заседать на Горе—Тарпейской скале, с которой они должны быть сброшены».

Четвертого марта внесенная в Клубе Кордельеров декларация прав человека была задернута черным покрывалом, которое не должно было быть снято до того момента, «пока народ не вернет этих прав путем низвержения предательской партии». Венсан потребовал беспощадного террора. Карье, нантский комиссар, сказал, что по своем возвращении из командировки он «был испуган новыми физиономиями, увиденными им на Горе, и теми словами, которые шептали друг другу на ухо чудовища...» «Они хотели, говорил он, взломать эшафот, ибо сами достойны гильотины... Восстание, святое восстание—вот что надо противопоставить злодеям». Эти слова были покрыты аплодисментами и Гебэр заговорил о «честолюбцах, которых более всего следует опасаться и которые выставляют вперед других, а сами держаться в тени, желая царствовать...». «Кордельеры не потерпят этого» — закончил он... Нет, нет — кричали кругом... Гебэр продолжал: «Я назову вам этих людей, зажимавших рот патриотам в народных обществах. Вот уже

два месяца, как я сдерживаюсь, но больше сердце мое выдержать не может. Я знаю, что они замыслили, но я найду защитников...». «Не бойся ничего, дядя Дюшен, говори, мы тебя поддержим, мы сами станем Дюшенами»,—кричали кругом. «Мы тебя поддержим»,—кричал Моморо. Тогда Гебер заговорил о Робеспьере, не называя его и аттестуя, как человека, впавшего в заблужденье,, защищавшего Демулена. Закончил он призывом: «восстание, восстание!». (Л. Б., X, 262—264).

Мы уже знаем, что гебертисты мало интересовались положением масс парижского населения, им были чужды экономические нужды этих масс, и вот, в решительную минуту они, видимо, составлявшие ядро группы, решившейся на восстание, не сумели выдвинуть каких-либо лозунгов, близких и понятных широким слоям парижского населения. Да и, кроме того, в глазах парижской бедноты они были людьми, ошельмовавшими и погубившими в свое время столь популярного Ру и других «бешеных»... Поднявши восстание, гебертисты, должно быть оказались в положении штаба без армии. Можно считать преувеличением слова Билло о том, что многие секции, подражая кордельерам, задернули черным декларации прав... Коммуна тоже не поддержала их полностью, Шометт колебался, Паш, которого восставшие, как кажется, прочили в диктаторы, со страшным именем «Великого Судьи», тоже не присоединился к ним... Попытка переворота не удалась.

Шестого марта в Якобинском клубе выступил Колло и весьма симптоматично начал восхвалять Комитет Общественного Спасения. Он говорил о необходимости облечь Комитет полным доверием, сообщал о том, что Комитет, переобремененный трудами по упрочению общественного блага, был внезапно встревожен известием о новом брожении. Говоря о завешании кордельерами декларации, Колло восклицал: «Как, по той причине, что двух человек арестовали, они претендуют на апелляцию ко всей республике!».

Присутствовавший на этом заседании Моморо попытался защищаться и указывал на то, что декларация была задернута уже два месяца тому назад, и требовал прекратить нападки на кордельеров. В ответ Колло сказал, что, по его мнению, вина здесь принадлежит не кордельерам, а народным обществам, кишащим иностранцами и требующим очищения Конвента. С этими народными обществами кордельеры, по словам Колло, вошли в соглашение против своей воли, и помимо своего же желания

они стали требовать очищения Конвента, несомненно, замечательного средства для того, чтобы его вовсе уничтожить. Карье, несмотря на сделанные им призывы к восстанию, уверял, что «о восстании совершенно не говорилось, исключая того случая, если обстоятельства к этому вынудили бы...». Однако, ему возразили, что отчет о заседании кордельеров уже появился в печати и что отчет этот противоречит его словам (V, 671—674).

Судя по речи Колло, по выступлению Карье,—восстание в это время уже казалось безнадежным. В целях уничтожения всякого вредного влияния на кордельеров было решено послать к ним депутацию, которую, как и в момент борьбы с «бешеными», возглавлял Колло д'Эрбуа. Эта депутация делала доклад о выполнении возложенной на нее миссии на следующем заседании Общества. По словам Колло, люди говорящие о существовании двух различных обществ, якобинцев и кордельеров, ошибаются,—есть одно общество, ибо принципы у тех и у других одинаковые. Вся вина в происшедших разногласиях лежит на отдельных личностях, незаметных до тех пор, покуда они находятся под покровительством народных обществ». Однако, и по словам Колло, было весьма трудно заставить кодельеров снять черное покрывало с декларации прав. Но все-таки кордельеры прониклись доводами якобинцев и теперь покрывало принесено в Якобинский клуб в виде трофея (V, 675—76).

С побежденными расправились сурово. Тринадцатого марта Сен-Жюст заявил в Конвенте, что для захвата виновных уже приняты меры и виновные окружены. Он был прав, в этот же день они были арестованы (J. B., X, 267).

Реакция началась. Когда одиннадцатого марта делегация кордельеров прибыла к якобинцам, Дюфурни, перешедший в лагерь победителей, заявил, что кордельеры должны определенно высказаться о своем отношении к секционным обществам (V, 679—80).

На следующий день, на чрезвычайном заседании Общества, Билло Варен сделал уже известный нам доклад о заговоре. На этом же заседании Тальен предложил заняться всем гражданам сыском с целью выяснения соучастников заговорщиков. Гебертисты были им обвинены во всяческих преступлениях, вплоть до затягивания, в своих личных интересах, Вандейской войны. Луа разоблачал уже арестованного Моморо, а когда Леонард Бурдон внес предложение о том, чтобы все

чиновники подверглись пересмотру со стороны народных обществ, Робеспьер заявил, что это не дало народных обществ (V, 694—695).

Восемнадцатого марта депутация кордельеров вновь появилась в Якобинском клубе. На этот раз кордельеры принесли повинную, и оратор депутации сказал, что «Общество Кордельеров совсем не заслуживает распущения, о котором теперь говорят, что кордельеры приглашают «старых кордельеров» постоянно присутствовать на своих заседаниях». Якобинцы приняли очень холодно эти изъявления покорности.

Лежандр сказал, что «старые кордельеры» может и вернутся, но вернутся по окончании борьбы на фронтах, покрытые ранами чести, и не раньше того, чем среди кордельеров перестанут появляться люди, ежедневно клеветавшие на незапятнанных патриотов и желавшие ославить этих патриотов «умеренными» только потому, что они не были сумасшедшими, подобно им самим... Робеспьер, в заключение длинной речи, предложил якобинцам прекратить всякие сношения с кордельерами до тех пор, пока последние не возродятся. Дюфурни сказал, что пока среди кордельеров сохранились остатки заговорщиков, между ними и якобинцами не может быть никакого общения. «Якобинцы и кордельеры обменялись двумя поцелуями, но на третьем—нас закололи бы кинжалом. Сохраним же третий поцелуй, сохраним же наше сердце и наши чувства для истинных кордельеров» (V, 699—704).

V.

Дантонисты и робеспьеровцы.

В надвигающейся реакции главную роль должны были играть дантонисты. Теперь они очень воспрянули духом, что доказывают уже приведенные нами выступления Тальена и Лежандра. Бурдон из Уазы напал на Коммуну и добился в Конвенте постановления о ее чистке, а также и очищения всех городских властей. Был атакован и военный министр, и оплот скомпрометированного сочувствием восставшим левого центра—Комитет Безопасности. Тот же Бурдон добился ареста одного из самых энергичных агентов этого Комитета.

Начались аресты всех повинных в сочувствии к левым. Арестовали, воспользовавшись пустяковым предлогом, Кло-

отца. Уничтожили должность прокурора Коммуны, заменив ее назначаемым «национальным агентом». Паша сместили, заменив его робеспьеровцем Флерио-Леоко (Л. Б. X, 272—278).

Камилл Демулен окончательно распоясался, и в номере седьмом «Старого Кордельера», не стесняясь, нападал на революционные органы. Комитет Безопасности был им назван Германдадой, его члены—«страшной братией»... Революционные комитеты Камилл сравнивал с Коммодом, Гелиогабалом и Калигулой. Сам, некогда нападавший на Клоотца, Робеспьер был им обвинен в интернационализме.

В обстоятельствах только что подавленного выступления левых, дантонисты делались оплотом и пунктом объединения всех сил реакции. Номера «Старого Кордельера» брались на расхват, и цена их была повышена до 20 су. Уже по одному этому можно судить, кто являлся читателями этого журнала. Сам Камилл признавал, что вследствие непомерной цены номера пятого, его не мог прочесть ни один санкюлот.

Врагам революции каждое появление нового номера «Старого Кордельера» казалось предвестием конца революции. Даже Фрерон понимал, что Демулен теперь являлся слугой реакции. «Скажи ему (Демулену),—писал он его жене,—чтобы он подтянул поводья своему воображению насчет Комитета Милосердия, он был бы торжеством для контр-революционеров» (Л. Б., X, 282).

Еще лучше это понимали представители левого центра. Билло Варен не сомневался в том, что «если не принять необходимых мер, то Дантон сделается центром объединения всех контр-революционеров» (Л. Б. X, 295).

Реакция закрепляла свои позиции и захватывала новые: Тальена избрали председателем Конвента, Лежандра—председателем клуба Якобинцев.

Что должны были предпринять в этих обстоятельствах робеспьеровцы? Или вступить в борьбу с дантонистами, или позволить реакции поглотить себя. И вот, из недавних союзников дантонистов они становятся их противниками и невольно сближаются с левым центром.

На самом деле, перед робеспьеровцами теперь стоит опасность, отступая шаг за шагом, потерять мало-по-малу все завоевания революции, благодетельные для кругов, интересы которых они защищали, для мелких собственников, владельцев некрупных магазинов и небольших мастерских. Разгул дантонистской реакции грозил смыть с лица земли то царство кулацкого, зажиточного достатка и суровой мелкобуржуазной добродетели, которое робеспьеровцы думали учредить.

Если Робеспьер полагал, «что право собственности должно быть ограничено обязанностью уважать права других» (Жорес, 1564) то дантонисты были совершенно несклонны даже таким образом ограничивать возможность для себя наслаждаться благами, «полученными благодаря своим талантам». То же самое, конечно, следует сказать и о различных элементах, примкнувших к дантонистам и не желавших делиться лакомыми кусками, захваченными во время революции.

Дантонисты не желали ничего слышать ни о каких ограничениях, ни социальных, ни моральных. «Существенной пружиной демократического управления является добродетель,—говорил Робеспьер». (Л. Б., X, 290). «Республика—не сенат, она-добродетель,—заявлял Сен-Жюст». «Мы предлагаем вам,—говорил он же,—счастье Спарты и Афин в их лучшие времена, счастье добродетели, довольства и посредственного существования. Мы предлагаем вам ненависть к тирании, негу хижины, на возделываемом вашими руками плодородном поле. Ошиблись люди, надеявшиеся получить от революции привиллегию быть такими же испорченными, как и богачи при монархии...» (Л. Б., X, 289).

Могли ли, поднявшиеся до верхов общества, представители богемы удовольствоваться посредственным существованием? Могли ли они подтягивать, распеваемым робеспьеровцами, гимнам в честь добродетели?..

«Делу нашему предает слабость то, что строгость наших принципов очень многих озлобляет»,—сказал Дантон Робеспьеру.

«Как,—восклицал Демулен,—Палэ-Рояля больше нет, Мео больше нет, ведь это предсказанная пророком Даниилом мерзость запустения...». «В Афинах,—писал он же,—оракул провозгласил Солона первым из семи мудрецов, хотя тот, ничем не стесняясь, признавался в своей склонности к вину, женщинам, музыке» (Л. Б., X, 288).

Камилл Демулен очень враждебно относился ко всем мероприятиям, направленным к насаждению нравственности. «Я думаю,—писал он,—что закрытие домов разврата, одновременно с монастырями, являются делом ловкой политики ино-

земной партии, сделавшей это под прикрытием горячего рвения перерождения нравов...» (Л. Б., X, 289).

Следовательно, перерождение нравов, насаждение добродетели—один из краеугольных камней будущего общества, по представлениям шометтистов и робеспьеровцев, вызывало у дантонистов только насмешки и вражду.

Тень черного крыла реакции падает на заседания Якобинского клуба, начиная с описанного нами момента посещения его депутацией от кордельеров.

В заседании 19-го марта Колло Д'Эрбуа, выступив по поводу проекта адреса, предназначенного для рассылки по всем обществам, тщетно пытался поставить пределы дальнейшему росту реакции. Колло понимал, что реакция эта угрожает многим завоеваниям революции, он ясно видел, что победой над левыми хотят воспользоваться в своих интересах дантонисты и другие, примыкающие к ним умеренные.

«Партия, которую мы только что поразили,—говорил он,—не единственная существующая, есть партии, противоположные ей, желающие воспользоваться ее падением для того, чтобы подняться самим. Вы не должны этого терпеть, от падения этой партии должно выиграть только общее дело... Умеренные полагают, что мы уступим им победу, и это было бы похоже на то, что мы работали для доставления торжества людям, клеветавшим на Комитет Общественного Спасения. Нападать на революционную партию, на Парижский муниципалитет—не значит сражаться с заговорщиками. Зачем одной гневной чертой зачеркивать все, что сделала хорошего Коммуна? Такие поступки, не разрушая заговора, благоприятствуют возникновению новых заговоров» (VI, 3—4).

На следующем заседании клуба сам Робеспьер признал, что республика постоянно находится «между мюскаденами-аристократами и партией, представление о которой дают Гебер и его сообщники». Но Робеспьер указывал на то, «что не следует охлаждать негодования против умеренных и отвращать внимание народа от этой партии, долгое время существующей под покровительством иноземных держав». «Недостаточно удушить одну партию,—восклицал Робеспьер,—нужно уничтожить их все, и на те, которые существуют теперь, нужно нападать с таким же пылом, какой мы проявляли в борьбе с другими партиями». Робеспьер полагал, что иностранным державам совершенно безразлично, какая из крайних партий победит. «Если это будет Гэбер—Конвент будет ниспровергнут, патриоты истреблены, Франция впадет в хаос, и тирания получит свое удовлетворение. Если это будут умеренные — Конвент потеряет свою энергию, преступления, аристократия останутся безнаказанными, и тирания восторжествует...» (VI, 6—8).

Как уже говорилось, все органы, зараженные, по мнению победивших групп, гебертизмом, подвергались нападению. В заседании 23-го марта Бриар снова напал на секционные народные общества, бывшие с момента борьбы с жирондистами, оплотом революции. Несмотря на это, Бриар не постеснялся выставить против них самые тяжелые обвинения. По его мнению, именно на них опирались левые в предъявлении своего требования о немедленном проведении конституции в жизнь. «Что касается меня,—говорил он,—то я смотрю, как на бич для республики, на существование этих обществ...» (VI, 14).

Реакция поднимала свою руку не только на органы революции, но и на ее героев и мучеников. Двадцать девятого марта в заседании клуба Лакомб сообщил, что полиция дала распоряжение удалить из некоторых публичных мест бюсты мучеников свободы, секции Тюльери запрещено иметь бюст Шалье, контр-революционеры говорят повсюду, что скоро уберут бюст Марата, заменив его бюстом Шарлотты Кордэ. Председательствующий Лежандр пытался затушевать важность этих симптоматических явлений. «Почему,—говорил он,—этому придают столь важное значение?» Однако, Колло лучше оценивал значение этих фактов. «Как,—восклицал он,—воображают, что у нас так быстро изгладится из памяти чувство, столь глубоко запавшее в наши сердца... Умеренные хотят уничтожить революцию, и если они добьются того, что разобьют бюсты Марата и Шалье, то на их место поставят бюсты другие, может быть, бюсты королей. (Движение негодования). Откройте глаза на опасности, которые вас окружают, вы увидите, что необходимо принять меры, весьма различные с теми, которые находят подходящими умеренные... Патриоты сорвали маски (с бесчестных людей), они сорвут все маски, какие только возможно сорвать, и будут всегда так же грозны, как раньше... Мы, остановившие восстание при его первых шагах, пойдем на перерез тем, кто замышляет новые заговоры, мы атакуем умеренных, полагающих, что ради них мы сражались с заговорщиками» (VI, 29—32).

И эти угрозы, в момент их произнесения, не были напрасны. Совместные усилия робеспьеровцев и левого центра привели к тому, что в ночь с 30-го на 31-е марта сам Дантон и наиболее видные его сторонники были арестованы. Докладывая об этом на другой день Якобинскому Клубу, Кутон сказал: «Наконец-то политический горизонт разъяснился, небо расчистилось, и друзья республики вздохнули свободно. Мы доказали народу, Конвенту, комитетам и истинным якобинцам, что скорее погибнем, нежели потерпим, чтобы народ был управляем тиранией и преступлением. Уже несколько дней, как мы говорили вам о необходимости атаковать еще одну партию, но, возможно, что эта партия не будет последней. Конвент сдержал свое слово, арестованные сегодня вожди партии были людьми, казавшимися когда-то заслуживающими доверие народа... Люди эти присвоили себе славное имя «старых кордельеров», но на самом деле были только старыми заговорщиками». Затем Кутон остановился на поведении Лежандра, единственного, попытавшегося защищать в Конвенте арестованных и потребовавшего, чтобы их выслушали у решотки Конвента. «Целью заговорщиков,—говорил Кутон по этому поводу,—было заставить себя выслушать в Конвенте для того, чтобы клеветать против незапятнанных патриотов и начать скандальную борьбу, которая могла бы привести их к уничтожению Конвента и к чему-нибудь большему...» (VI, 33—35).

Заседания клуба, непосредственно следующие за арестом дантонистов, представляют неприглядную картину. Все старались отречься от погибших, очернить их или обвинить других в сочувствии к ним. Уже на заседании, на котором заслушивался доклад Кутона, Лежандр отрекся от только что арестованных своих друзей. На заседании 5-го апреля Вадье разоблачил Дюфурни, это разоблачение было поддержано несколькими гражданами с трибун и самим, произнесшую длинную речь, Робеспьером. В результате этот бывший единомышленник Шометта был препровожден в Комитет Безопасности, по обвинению в сочувствии дантонистам. На том же заседании некий Артур выступил с перечислением преступлений, якобы, содеянных, начиная с 1790 года уже казненным Дантоном. Испуганный инцидентом с Дюфурни, Лежандр 10-го апреля вторично отрекается от Дантона. «Я,—говорил он,—был перед раскрытием заговора близким другом Дантона..., но теперь я убежден в его преступности и уверен в

том, что он хотел ввергнуть народ в глубокое заблуждение». (VI, 63).

VI.

После гибели дантонистов.

Казалось теперь, когда все враги робеспьеровцев были повержены, их положение должно было быть необыкновенно прочным, но на самом деле, они и сами чувствовали, что им предстоят новые и новые сражения. Даже в своем докладе Кутон указывал на то, что «сраженная партия—не последняя», но что в будущем «все преступники будут истреблены» (VI, 35).

Кто же были эти новые враги робеспьеровцев, на которых намекал Кутон? Прежде всего, их союзники—левый центр, относившийся к ним с большим недоверием и враждебностью, а затем остатки всех ранее разгромленных групп.

Здесь будет уместно сказать несколько слов относительно группы, названной в настоящей работе «левым центром». К этой группе, как видно из предыдущего, причисляются: Колло Д'Эрбуа, Билло-Варен, Амар, Вадье, Вулан, Жавог, Леонард Бурдон. Относительно их воззрений можно кое-что сказать лишь на основании цитируемой Жоресом брошюры, принадлежащей перу Билло-Варена. В ней он выставляет требования об ограничении права наследования, об организации грандиозных общественных работ в целях предоставления занятия безработным. Эти требования весьма близки к программе левых, им представители левого центра очень и очень сочувствовали [1]), однако, до конца за ними не шли и не разделили их участи после неудачного восстания. Чем объясняется, что они держались именно так? Может быть, разгадка этого коренится в том, что они в своей деятельности были связаны, хотя и с революционными, но «бюрократическими» учреждениями—комитетами; левые же, работая в Коммуне, ближе соприкасались с самой гущей мелкобуржуазной массы Парижа.

Одно несомненно, что радикальность взглядов левого центра не была ни случайностью, ни подыгрыванием под на-

---

[1]) Мишлэ находит возможным назвать Л. Бурдона „ревностным акколитом" (последователем) Шометта.

строение того или иного момента. Так, Вадье еще в Учредительном Собрании требовал низложения Людовика XVI после его бегства в Варенн. Билло Варен остался до конца дней непреклонным сторонником демократии. Будучи при реакции в 1795 году отправлен в ссылку, он отказался из нее возвратиться, на что имел право в силу данной, после 18 брюмера, Наполеоном амнистии. «Я знаю,—ответил он посланному к нему лицу,—что римские консулы получали многие права от народа, но право помилования, узурпированное консулами французскими, исходит не из этого источника—я отказываюсь воспользоваться дарованной мне амнистией». Наконец, Амар и Жавог были очень близки к заговору Бабефа.

После победы, одержанной над дантонистами, классовая диктатура мелкой буржуазии превращалась в диктатуру небольшой группы этой буржуазии—ее среднезажиточных слоев Утвержденная на столь узком базисе, эта диктатура находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Смысл всех дальнейших событий заключался в том, что робеспьеровцы пытались всеми силами это равновесие сохранить. Но кто мог теперь их поддерживать? Беднейшие слои столичного населения отвернулись от них еще после разгрома «бешеных», малоимущие слои мелкой буржуазии, интеллигентный пролетариат, не могли питать к ним никаких теплых чувств после казни Шометта и Гебера. И, наконец, слои, поддерживающие дантонистов, теперь были тоже от них отторгнуты.

Хуже всего было то, что на сцену выступал новый, вернее, старый враг, временно уничтоженный, но уничтоженный только политически, а не экономически. Это была крупная буржуазия. Никакие прогрессивные налоги, никакие максимумы не могли помешать ее росту. Притом, это была крупная буржуазия, воспитанная в атмосфере подпольной спекуляции, злоупотреблений при восчных поставках и служебной недобросовестности, следовательно, это была буржуазия, более жадная, более хищная, более живучая и более привыкшая к риску.

Ее представители имелись в Конвенте в лице многих болотовцев и даже на самой Горе в лице различных Тальенов, Фуше, Фреронов... Эта буржуазия ждала только момента, чтобы вновь выступить на сцену, и этот момент должен был наступить тогда, когда взаимная борьба ослабила бы окончательно некогда столь грозных якобинцев. Этот момент приближался.

Именно желанием нанести удар этим элементам объясняется внесение в Конвент проекта декрета, требующего освещения моральной и политической жизни отдельных народных представителей. Именно желанием отмежеваться от этих групп, объясняются слова Кутона о том, что «робеспьеровцы остались санкюлотами и останутся ими до конца, ибо невозможно, чтобы депутаты, увеличивающие свои состояния, не были заговорщиками». «Мы не боимся,—говорил он,—чтобы подвергли рассмотрению наши имущества... Представители народа, по окончании своих трудов, попросят только одного—возможности вернуться в свои хижины и умереть на глазах природы и на руках у своих близких.

В общем, заседания Клуба долгое время после гибели дантонистов остаются бесцветными с точки зрения проявления фракционной борьбы. Борьба уходит вглубь, принимает формы интриги и мало проявляется на заседаниях Клуба. Заседания заполняются бесконечными декламациями Колло Д'Эрбуа, Кутона и, изредка, Робеспьера. Делаются сообщения об одержанных на внешних фронтах победах, провинциальные общества спешат заявить о своей лояльности путем торжественных поздравлений с освобождением от новой опасности. Если при изучении этой эпохи ограничиться только протоколами, то о тогдашнем положении Франции, о тогдашних общественных настроениях можно составить самое неправильное представление.

Между тем, положение одержавшей победу группы, как уже говорилось, было весьма непрочным. Продержаться против многочисленных и все растущих врагов, было возможно некоторое время, только путем беспощадного террора. Действительно, издается ряд террористических декретов, выполняется ряд террористических мероприятий. Из этих мероприятий, направленных на борьбу с враждебными элементами, следует отметить меры против секционных обществ. На эти последние опять посыпались нападки. В заседании 12-го мая, Колло выступил против них с целым обвинительным актом; он говорил, что общества эти полны дезертиров, что их 48 знамен беспокоят истинных друзей свободы, так как вокруг этих знамен собираются только сомнительные люди и выродки патриотизма... Лежандр предложил не допускать впредь никаких де-

путаций от секционных обществ, и это предложение было принято единогласно (VI, 121—25).

На следующем заседании Лежандр счел нужным все-таки выступить с разъяснением, что секционные общества не должно смешивать с обществами народными. Однако, Кутон не был столь щепетилен и заявил, что ограничиваться одними секционными обществами не следует, так как и среди народных обществ есть такие, которые «существуют только на общественное несчастье». «Если вы удовольствуетесь,—говорил он,—уничтожением секционных обществ, интриганы и злоумышленники, покинув их, соединятся в различных народных обществах, и ваше первое решение будет сведено к нулю» (VI, 127).

Но, помимо различных мер пресечения, нужны были и какие-то другие мероприятия, могущие привязать к оставшимся у власти группам широкие слои населения. Именно на поиски таких мероприятий указывает постановка в Клубе на заседании 20-го апреля вопроса о порядке распродажи национальных имуществ. Дюкенуа находил, что при распродаже их в департаментах совершаются недопустимые злоупотребления, продажа производится лишь по большой цене и только богатым людям. «Я прошу,—закончил Дюкенуа,—чтобы мои товарищи присоединились ко мне для того, чтобы добиться от Конвента декрета о распродаже имущества эмигрантов малыми участками, так, чтобы каждый гражданин мог получить один—два арпана». Колло Д'Эрбуа согласился с Дюкенуа, но признал, что мнение многих администраторов таково, будто бы для республики выгодно продавать земли эмигрантов крупными долями. Но Комитет Общественного Спасения, по словам Колло, ответил этим администраторам, что выгоды республики заключаются в увеличении числа мелких собственников. «В настоящий момент,—сказал Колло,—комитет занимается разработкой закона, который даст защитникам родины право приобретать за счет государственных фондов национальные имущества... Этот же комитет представит вскоре проект закона о выдаче пенсий... Дать нашим защитникам пенсию или собственность—одно и то же».

Изоре остановился на некоторых других недостатках закона о распродаже имуществ. «Законы приказывают вносить первый взнос немедленно, вследствие этого граждане малосостоятельные не в состоянии приобрести клочка земли... Я полагаю, было бы необходимым рассрочить первый платеж на год или два». В ответ на это и Кутон и Колло сообщили, что подобные законы существуют, но не выполняются (VI, 86—89).

Но могли ли эти законы выполняться? Применять их, значило лишить республику чуть ли ни единственного источника денежных поступлений... Что же касается каких-либо других социально-экономических мероприятий, то в этом отношении, за исключением мелких мер, вроде назначения пенсий, робеспьеровцы должны были быть бесплодными, как смаковница. В самом деле, что они могли еще сделать? Вернуться к проектам Шометта или «бешеных», но это значило—нарушать собственные интересы. И здесь их союзники, теперь становящиеся врагами—левый центр, были гораздо решительнее их. Билло Варэн, например, считал, что «люди, имеющие что-либо, не могут зажимать рук, оставив без всяких средств к существованию тех, кто не имеет ничего, кроме таланта и рук». «Когда говорят нищему, ступай работать, и он отвечает: дайте мне работы—какой это горький упрек для наших социальных установлений...» Для доставления безработным занятий Билло проектировал устройство грандиозных общественных работ, а для смягчения имущественного неравенства—ограничение права наследования, таким образом, чтобы каждый наследник получал не больше 20—25 тыс. франков, остальная же часть наследства поступала бы в «национальный фонд наследования для бедных». (Жорес, 1503—1508).

Но у робеспьеровцев в запасе было еще одно средство, способное, по их мнению, укрепить шаткую диктатуру. Этим средством было признание Высшего Существа и всенародное введение его культа. На самом деле, какой иной смысл, могло иметь столь настойчивое обращение к вопросам религии и нравственности в такое тяжелое в политическом смысле для господствующих групп, время. Просто, взамен улучшений социальных и экономических, массам преподносили нравственного регулятора—Высшее Существо.

Еще за несколько дней до знаменитого доклада Робеспьера о Высшем Существе, Колло, обычно, как будто совершенно равнодушный к такого рода темам, на этот раз, восхваляя геройство французских солдат, говорил о «разуме—эманации Высшего Существа, которому мы возносим наши мысли

среди успехов и среди бедствий» (заседание 28-го апреля, VI, 104).

Бывший атеист Лекинио на заседании клуба, происходившем в день произнесения Робеспьером своего доклада, заявил, что сегодня в Конвенте был заслушан наиболее прекрасный доклад, из когда-либо произнесенных с конвентской трибуны. Доклад этот, по словам Лекинио, был одинаково возвышен как по своим идеям политическим и моральным, так равно и во всех деталях (VI, 114).

Член комиссии Народного Просвещения, Жульен, в своем выступлении в заседании 15-го мая напал на людей, осмеливающихся возвести в догмат безнравственность и желающих сделать атеизм системой. «Именно против этих гнусных людей,—говорил он,—якобинцы направили и впредь будут направлять свои усилия... Необходимо объявить изменниками отечества тех, кто желает отнять у человека наиболее могущественные семена, из которых возрастает добродетель, героизм и патриотизм...» В этой же речи можно указать места, в которых оратор буквально сжигал все, чему прежде поклонялась революция: по его словам выходило, что геройскими своими поступками революционные войска обязаны не революционному энтузиазму, а мысли о бессмертии души и о божестве.

На том же заседании Кутон высказал мнение, что атеизм—верное средство, на которое расчитывает контр-революционеры заговорщики, в доказательство оратор ссылался на Дантона, не пожелавшего признать того факта, что конституция создана перед лицом божества. Теперь и Дантон, некогда столь враждебной атеистическим гебертистам, был недостаточно правоверен (VI, 131—37).

Становится признаком хорошего политического тона и проявлением лойяльности к правительству говорить о божестве и добродетели.

На этом же самом заседании 15-го мая был заслушан и принят адрес для подачи Конвенту. Этот адрес, обличавший людей, отрицавших божество с целью отрицания добродетели, утверждавших, что последняя только фантом, Высшее Существо—пустая ложь, будущая жизнь—химера, а смерть—бездонная пропасть, адрес этот заканчивался тем высказанным соображением, что «только заговорщики могут искать убежище себе в полном уничтожении своего существа, добродетель же сознает свое бессмертие и в нем нуждается» (VI, 135—137).

Двадцать второго мая в обществе появилась депутация детей из секции Вильгельма Телля. Один ребенок произнес речь на тему о добродетели, президенствующий Вадье в ответной речи указал, что «возвышенная идея божества и добродетели должна войти основой в воспитание молодых республиканцев» (VI, 145).

В общем, эти демонстрации проявлений добродетельности и религиозности чередуются с изъявлениями покорности со стороны бюрократизированных секций, то и дело сообщающих о распущении своих обществ (VI, 143, 144, 145).

Новым предлогом для упоминаний о Высшем существе явилось покушение Амираля; говоривший по этому поводу Лежандр, с истинной старательностью ренегата, пытавшийся итти в ногу со всеми, не преминул этим предлогом воспользоваться. «Рука преступления,—говорил он,—была занесена для того, чтобы поразить добродетель. Но бог природы не потерпел этого и не допустил увенчания преступления» (VI, 150).

Одно провинциальное общество, поспешившее как можно скорее своим поздравлением с избавлением от грозившей Колло и Робеспьеру опасности засвидетельствовать Обществу свою лойяльность, писало; «Бог свободы оградил от руки убийцы Робеспьера и Колло» (VI, 157).

Однако, при создавшемся, уже охарактеризованном нами положении, это обращение к божеству и добродетели могло быть лишь соломинкой, за которую хватались утопающие, стоящие у власти робеспьеровцы. Враги их умели и это оружие обратить против них самих, что доказывают дело Катерины Тео и доклад по этому поводу Вадье.

На этом фоне проявлений лойяльности и покорности резко выделяется инцидент, произошедший при посещении Общества делегацией от патриотов Невера, явившихся для того, чтобы оправдаться в возводимых на них обвинениях. Неверцам ставилось в вину оказываемое на них долгое время влияние Шометта. Президенствующий Фуше, сам некогда близкий к левым, открыто заявил, что неверскому обществу ставится в вину «сильное влияние нечистого дыхания Шометта, влияние, оказанное во время его пребывания в Невере». Робеспьер обвинял неверцев в том, что они не боролись с Шометтом при его жизни, а теперь, когда он погиб на эшафоте,

они его втаптывают в грязь. Так же точно многие поступают по отношению к Дантону, соучастниками которого эти многие прежде были. «Есть другие личности, говорил Робеспьер, проявляющие громадный пыл, защищая Комитет и в то же время оттачивающие против этого Комитета кинжал... Существуют две партии, с одной стороны, порядочность и патриотизм, с другой—дух контр-революции, мошенничества и подлости, стремящийся разрушить государство и погубить род человеческий. Патриоты, будьте на страже более, чем когда-либо: люди развращенные идут на все для того, чтобы задушить защитников отечества и уничтожить Конвент...» (VI, 171—174, заседание 23-го прериаля, 11-го июня).

Эта речь Робеспьера, произнесенная по совершенно случайному поводу, доказывает, что истинное политическое положение было весьма далеко от той гармонии, которую все так настойчиво хотели показать. Слова Робеспьера о людях нечестных, подлых, мошенниках, произнесенные на этот раз с особым ударением, доказывали, что он хорошо понимал, откуда идет опасность, равно как и много ранее выступавший Кутон, слова которого о народных представителях, увеличивающих свое состояние, мы уже приводили.

Лучшим же доказательством шаткости положения правительствующей группы и огромности опасностей, ей угрожающих, служит издание такого беспощадного закона, как закон двадцать второго прериаля. Действительно, если с окружающими опасностями приходилось бороться столь суровыми законами, значит они действительно были грозны [1]).

Докладчик нового законопроекта Кутон говорил в Конвенте: «Преступления заговорщиков угрожают непосредственно существованию общества или его свободе, что одно и то же... Здесь жизнь злодеев кладется на весы наравне с существованием народа и всякое промедление преступно, всякая снисходительная формальность является изменой и составляет общественную опасность... Дело идет не столько о наказании, сколько об истреблении...» (Л. Б. X, 405).

[1]) Приблизительно к этому же времени относится письмо национального агента" (назначенный в Коммуну взамен Шометта чиновник) Пайяна, адрессованное Робеспьеру. В нем он просит последнего выступить энергичнее против Комитета Безопасности и против некоторых членов Конвента с Бурдоном во главе Кареев, „Роль парижских секций в перевороте 9 термидора", стр. 19).

И предложенный закон, действительно, удивительно упрощал процедуру истребления врагов, уничтожая всякие «снисходительные формальности». Но члены организовавшейся против робеспьеровцев оппозиции увидали себя угрожаемыми изданием нового закона. В лице правой части противоробеспьеровской коалиции они внесли предложение об отсрочке. Левая часть молчала, выступление Робеспьера решило дело, закон был принят.

Однако, на другой день, правая оправилась и устами Бурдона из Уазы старалась подчеркнуть, что закон не имеет в виду уничтожение привилегии членов Конвента быть арестованными лишь в силу постановления самого Конвента. Бурная сцена произошла и в Комитете Спасения. Робеспьера обвиняли в том, что он желает гильотинировать весь национальный Конвент, Билло Варен, будто бы, его назвал контр-революционером... Все указывало на полное распадение союза левого центра и робеспьеровцев.

Они еще раз собрались с силами и на другой день, 24-го прериаля, так запугали правую, что вынудили у Бурдона слова: «Я уважаю Кутона, уважаю Комитет, уважаю непоколебимую Гору, спасшую свободу...» А затем довели его даже до обморока (Л. Б. X, 410—414).

В тот же день в Якобинском клубе Кутон говорил: «Республика все свое доверие возложила на Конвент, и никогда этот последний не заслуживал ее доверия более, чем теперь. В его среде существует всего несколько дурных личностей, стремящихся вызвать раскол между представителями народа... Настал момент, когда изменники и преступники будут разоблачены и наказаны, к счастью, их число не велико, вероятно, их не более четырех—шести человек...» Закончил свою речь Кутон следующим обращением: «Я прошу, чтобы члены Общества, граждане трибун и все патриоты тщательнее, чем когда-либо, наблюдали за преступниками, желающими погубить общественное дело...» (VI, 178—179).

Несколько дней спустя Робеспьер, появившись в Обществе, произнес новую предостерегающую речь: «Пришел момент обратить ваше внимание на опасность, угрожающую отечеству; тщетно будут армии одерживать победы над внешними врагами, если мы не вырвем у их агентов все средства губить свободу даже в ее наиболее надежных убежищах»; затем Робеспьер перешел к прокламации герцога Иоркского, в которой

говорилось о «солдатах Робеспьера». Этот прием, по мнению Робеспьера, был направлен к тому, чтобы разделить патриотов, изобразив его тираном, претендентом на царство... А в это время уже действительно велись разговоры по поводу тирании Робеспьера, и вот на одном из ближайших заседаний, происходившем 27-го июня, Робеспьеру вновь приходится выступать с оправданиями и возражениями против обвинений в тирании.

«Теперь, как и всегда,—говорил он,—патриотов стараются выставить в свете несправедливости и бесчеловечности. Говорят, как о покушениях на человеческий род, о строгостях, предпринятых против заговорщиков. В то время, как небольшое число людей с неослабным рвением занимается делом, возложенным на них всем народом, масса негодяев и агентов иностранных государств в тиши ткет замыслы клеветы и преследования порядочных людей... Эта партия выросла из обломков всех других... Теперь она употребляет те же средства, которые некогда употребляли Бриссо, Гебер, Дантон, Шабо и масса других преступников... Они стремятся изобразить деяния Конвента, как дела нескольких личностей. Осмелились распространить в Конвенте слух, что трибунал создан только для уничтожения самого Конвента... Из Лондона меня в глазах французской армии изображают диктатором, те же клеветы повторяются в Париже... Здесь говорят, что это я создал Революционный Трибунал, что он создан для истребления патриотов и членов Конвента... В Лондоне говорят, что во Франции выдумали провокационные покушения для того, чтобы иметь возможность окружить меня стражей... Когда события развернутся я объяснюсь более пространно, сегодня об этом я сказал уже достаточно для тех, кто понимает... Не во власти тиранов и их слуг уменьшить мое мужество. Если будут стараться разоблачать меня в одной части, возложенных на меня обязанностей, у меня останется еще звание народного представителя, и я все-таки буду вести не на живот, а на смерть войну против тиранов и заговорщиков» (VI, 192—197).

Как уже говорилось, классовая диктатура мелкой буржуазии выродилась в олигархию одной ее группы. Что же могли теперь робеспьеровцы противопоставить, кроме приведенных декламаций их вождя, обвинениям в тирании. Ссылку на то, что террористическую политику направляют не они, а левый центр, господствующий в Комитете Безопасности, удаление Робеспьера от «части возложенных на него обязанностей»,

т.-е. отстранения его от работы в Комитете Спасения или, наконец, заявление, в роде следующего: «Постоянная борьба с заговорщиками, в то же время постоянная борьба с террористами—угнетателями невинных» (Л. Б. X, 123).

Но кто обратил бы внимание на все это, после издания робеспьеровцами закона 22-го прериаля и публичной защиты этого закона как Кутоном, так и Робеспьером.

Между тем, этот последний, желая видимо держать курс на мягкость, выступил в Якобинском клубе против некоторых комитетов, подвергавших аресту пьяных. «Мы хорошо отличаем,—сказал он,—ложных патриотов, преследующих народ и в то же время снисходительных к аристократам...» (VI, 210—211).

Этим Робеспьер хотел противопоставить себя левому центру, один из представителей которого, Колло, как-то заявил: «В революции всегда трудно решить, что справедливо и что несправедливо...» (Л. Б. XI, 125).

После этих мелких нападок на бесполезную жестокость, явившихся лишь контр-атакой против обвинений в тирании, Робеспьер приступил к выполнению крупной операции того же рода. Он начал в Якобинском Клубе кампанию против Фуше. Фуше, близкий к уничтоженным левым и несмотря на это уцелевший, был одним из крупных персонажей противоробеспьеровской коалиции,—это и было главной причиной, начатой Робеспьером против него войны. В заседании 11-го июля Робеспьер по поводу одного письма из Лиона разразился целой речью. Большая часть ее была посвящена восхвалению Шалье, но закончил эту речь Робеспьер фразой, направленной прямо против Фуше: «Пусть справедливость и добродетель торжествует, пусть Конвент повергнет под свою пяту всех мелких интриганов». После этой речи было постановлено призвать Фуше для того, чтобы он оправдался в возводимых на него обвинениях, в совершенных в Лионе жестокостях (VI, 218).

На следующем заседании в Клубе было получено от Фуше письмо с просьбой отсрочить день суда над ним. Фуше старался затянуть время, учитывая непрочность диктатуры робеспьеровцев и ожидая близкой их гибели. Но Робеспьер, не стесняясь его отсутствием, произнес грозную обвинительную речь: «Я призывал Фуше на суд... пусть он ответит и скажет, кто из нас, он или мы поддерживали более достойно права народного представителя и с большим мужеством поражали мол-

нией все противные партии. Разве это он разоблачал Геберов и Шометтов тогда, когда они замышляли проекты убийства и желали унизить Конвент. Нет, именно мы с этой самой трибуны заставили гебертистов открыться, когда они захотели представиться бо́льшими, чем мы, патриотами...» Здесь Робеспьер заявил, что Фуше—лжец, подлый, и достойный презрения человек, что его поступки свидетельствуют о его преступности, и его поведение подобно поведению Бриссо и других клеветавших на общество, исторгнувшее их из своей среды. После этой речи и после того, как некий лионец сообщил о нескольких очень тяжелых проступках Фуше, последний был исключен из числа членов Общества (VI, 22).

Атмосфера накалялась и казалась насыщенной грозой. Успех, одержанный робеспьеровцами в Якобинском клубе, мог бы, пожалуй, их ободрить, но уже через пять дней после только что описанных событий, якобинцы избрали своим президентом Элли Лакоста, злейшего врага Робеспьера.

Мог ли в этих обстоятельствах Робеспьер, как вождь целой группы, проявить слабость или робость. Конечно, нет. На том же заседании, на котором был избран Лакост, Робеспьер сказал: «Вы видите между какими рифами заставляет нас двигаться их (врагов республики) вероломство, но мы избегнем кораблекрушения. Конвент в массе своей чист, он выше боязни, как и выше преступления, и не имеет ничего общего с горстью заговорщиков. Что касается меня, то, что́ бы не произошло, я заявляю контр-революционерам, ищущим своего спасения лишь в гибели отечества: я на зло всем направленным против меня интригам буду продолжать срывать маски с изменников и защищать угнетенных» (VI, 232).

Этими фразами Робеспьер, помимо того, что старался влить бодрость в своих сторонников, хотел расколоть Конвент, отторгнув от своих противников массу его членов. К этому же стремился и Кутон, когда в заседании клуба 21-го июля говорил о Конвенте: «Он чист и недопустит, чтобы его подчинили себе пять или шесть преступников...» «Они,—продолжал он,—уверяют, что Робеспьер износился (usé), а я парализован. Но они узнают, что мое сердце не парализовано...» (VI, 236).

Удастся ли расколоть Конвент? Удастся ли овладеть его массой—Болотом? К этому стремились обе враждебных стороны: и робеспьеровцы и коалиция. Но на чью сторону могло встать Болото? Это было ясно из ответа, данного одним из его

членов Билло-Варену; последний спросил у этого болотовца: «можно ли ручаться за Болото»? «Да,—ответил тот,—если вы будете сильнее» (Л. Б. XI, 146).

Вследствие уже указанных причин коалиция была сильнее робеспьеровцев, поэтому поддержка Болота была ей обеспечена.

Роковой момент решительной схватки приближался. Когда Сен-Жюсту, спешно вызванному Робеспьером с фронта, в Комитете предложили сделать доклад о положении республики, он ответил, что не может вступить в союз со злом... «На моих глазах,—говорил он,—все изменяется, но я изучу все происходящее и возненавижу все непохожее на чистую любовь к народу и свободе» (Л. Б. XI, 147).

На другой день оба Комитета, объединившись, вызвали Робеспьера для объяснения по целому ряду поставленных ему в вину поступков. Элли Лакост бросил робеспьеровцам обвинение в желании составить триумвират...

Жребий был брошен...

Враги робеспьеровцев постарались сделать так, чтобы в предстоящей борьбе материальное преимущество было на их стороне. Полагали, что стоящие в Париже артиллеристы сочувствуют робеспьеровцам, поэтому Комитет и, прежде всего, заведующий военными делами Карно, приняв меры к их удалению из Парижа и к отправке орудий в Саблонский лагерь Военной Школы.

Робеспьеровцы хорошо поняли этот маневр. 6-го термидора Кутон в заседании клуба по этому поводу сказал: «Вот уже долгое время из Парижа выводят гарнизон и вывозят амуницию... Но для чего трем тысячам молодых людей отправляют громадное количество орудий крупного калибра. Зачем отправляют, вот уже целую неделю, канониров... и каждый день предполагают новые и новые отправки»... Кутон предложил отправить депутацию в Комитет Общественного Спасения для того, чтобы обратить его внимание на это обстоятельство. «Пусть якобинцы,—закончил Кутон,—не забывают, что они часовые свободы. Будем бодрствовать, граждане, будем бодрствовать, ибо наши враги не спят никогда. Спасем добродетель, которую желают погубить, если мы хотим спасти отечество...»

Предложение Кутона о посылке делегации было принято. Однако, делегация была направлена ни в Комитет, а в Конвент, и поданной ею адрес ни слова не говорил об артиллеристах, а

был наполнен изложением общих принципов. Во всем адресе сквозило влияние Робеспьера, его мыслей и взглядов.

Первая часть адреса была посвящена разоблачению иностранных агентов. Они обвинялись в том, что противопоставили снисходительность беспристрастной справедливости, а также и в том, что этой снисходительности предали жестокий оттенок, стремясь к тому, чтобы безнаказанные заговорщики уничтожали патриотов и свободу... Заканчивался адрес следующим кратким изложением Робеспьеристской программы: «Представители народа, вы должны поставить в порядок дня именно справедливость, но не снисходительность. Вы знаете, что снисходительность увеличивает смелость заговорщиков, вы знаете, что правый человек, даже совершив ошибку, требует справедливости. Справедливость заставляет трепетать предателей, негодяев, интриганов, она утешает и успокаивает людей честных. Вы поддержите это единение, делающее вас сильными и приводящими в отчаяние ваших врагов. Есть лишь одна линия раздела, она проходит между преступлением и добродетелью... Вы сохраните во всей его чистоте тот возвышенный культ, служителем которого является всякий гражданин и который совершается одною лишь добродетелью...» (VI, 242—244).

Этот адрес должен был быть лебединой песнью робеспьеровцев. Коалиция поняла, что новый уклон якобинцев в робеспьеризм явится отсрочкой для выполнения ее планов. А страшное слово «справедливость», противопоставленная снисходительности, не оставляло сомнения в том, что для многих членов коалиции эта отсрочка будет роковой. Необходимо было действовать... Париж с напряжением ожидал приближающейся развязки.

Восьмого термидора трибуны Конвента ломились от посторонней публики. Робеспьер выступил со своей знаменитой речью, якобы названной им самим своим «завещанием». В заключительных ее словах Робеспьер требовал установления диктатуры Конвента, но Конвента очищенного, после того «как все партии будут раздавлены тяжестью национальной власти». Кроме того, надлежало очистить и Комитет Безопасности, подчинить его Комитету Спасения, очистить и этот Комитет, и «установить единство правительства под верховной властью Конвента» (VI, 281).

«Очистить»... на опыте Коммуны и других городских властей, все хорошо знали, что обозначает это слово. Заключением же своей речи вождь робеспьеровцев, попросту, требовал передачи в их руки диктатуры, под видом установления диктатуры Конвента. Это было с его стороны ходом «ва-банк».

Оппозиция была ошеломлена и колебалась. Ее единство было разрушено нарочитым упоминанием Робеспьера лишь о Комитетах. Ведь Комитет Безопасности был оплотом левых, так чего же беспокоиться умеренным. Если исчезнут левые, одним врагом будет меньше в будущем.

Несмотря на отчаянное мужество Билло-Варена, кричавшего: «нужно сорвать личину, кто бы под ней не скрывался, если верно, что мы не пользуемся свободой убеждений, то я предпочитаю, чтобы мой труп послужил троном честолюбца, чем быть соучастником этих преступлений», победа и на этот раз, правда, победа нерешительная, осталась за Робеспьером. Конвент постановил разослать его речь по всем коммунам республики, однако, постановление было вынесено после долгих и страстных прений.

Передавали фразу, якобы, сказанную Робеспьером вечером того дня: «Я не жду ничего от Горы, она хочет уничтожить меня, как тирана, но масса членов собрания меня выслушает»... (VI, 287).

Вечером Робеспьер в поисках подкрепления своих действий отправился в Якобинский клуб, туда же направились и его противники: Билло-Варен и Колло Д'Эрбуа.

От заседаний клуба 9 и 8-го термидора протоколов не сохранилось. Имеется рассказ о событиях этих двух вечеров в докладе Билло Варена, сделанном им в целях самозащиты в эпоху термидорианской реакции.

Согласно этому рассказу, в клубе до начала заседания, под влиянием известий о происшедшем в Конвенте, царило страшное волнение, масса членов раскололась на два лагеря: робеспьеровцев и их противников. С самого первого момента заседания поднялась форменная буря по вопросу, кому предоставить слово, так как последнего добивались сразу несколько человек, в том числе Робеспьер и его враги. Противники Робеспьера кричали, что он не имеет никаких привиллегий сравнительно с другими членами собрания, однако, большинство было на стороне Робеспьера и последний получил слово... «По волнению этого собрания,—сказал он,—легко заметить, что ему не безызвестно произошедшее сегодня в Конвенте... легко также видеть, что бунтовщики бояться быть разоблаченными в присутствии народа...» После этого всту-

пления Робеспьер зачитал сделанный утром в Конвенте доклад.

Бурные аплодисменты сторонников и выражения негодования противников покрыли заключительные слова доклада. Дюма, один из самых ярых робеспьеровцев, заявил, что наличие заговора вне сомнения и, что само правительство контрреволюционно, затем обратившись к противникам и, прежде всего, к Билло, сказал: «Удивительно, что люди, хранившие уже много месяцев молчание, теперь просят слово для возражения блистающим как молния истинам, произнесенным Робеспьером. В этих людях легко узнать наследников Гебера и Дантона, и я им предсказываю, что они унаследуют и их участь».

Появившийся на трибуне Колло был встречен свистом, напрасно оратор пытался напоминать о своих заслугах перед революцией и о совершенном на него покушении. Билло Варен тщетно взывал к «истинным якобинцам»: «Я не вижу больше их в этом Обществе, в котором оскорбляют представителя народа в тот момент, когда он напоминает об избегнутой им гибели. Если дела обстоят так, то остается только закутать голову тогой и ждать»... Страшные крики заглушили оратора и не дали ему возможности продолжать его речь. Появившийся еще раз на трибуне Колло опять-таки напрасно пытался получить слово, когда и Билло попытался сделать то же самое, крики: «На гильотину, на гильотину», заглушили его...

Кутона, однако, выслушали с полным спокойствием, он говорил: «Это величайший заговор, из всех до сих пор бывших. Я требую, чтобы по поводу его была открыта дискуссия. Тогда мы увидим появление на трибуне заговорщиков, они перед лицом народа побледнеют, смешаются и погибнуть»... Предложение Кутона покрывается бурными аплодисментами. Энтузиазм охватывает присутствующих, шляпы летят в воздух, крики: «Заговорщики на гильотину»,—потрясают стены здания... Тщетно горсть противников Робеспьера пытается протестовать против «духа фанатизма и притеснения», овладевшего Обществом, их поражение полно и бесповоротно...

Помимо рассказа Билло Варена о событиях 8-го термидора существуют и другие версии, видимо, более поздние и в качестве таковых более подробные. Согласно этим позднейшим преданиям, Робеспьер чтение своего доклада завершил словами: «Эта речь—мое завещание... Союз зла силен настолько, что я не могу надеяться спастись... Я умру без сожалений и

оставлю вам о себе память, которую вы должны защищать... Отделите злых от слабых, освободите Конвент от преступников его угнетающих, окажите ему услугу, которую он от вас ожидает, как и в дни 31-го мая и 2-го июня. Идите, спасите еще раз свободу, если несмотря на все эти усилия придется погибнуть, прекрасно, вы увидите меня «пьющим цикуту с полным спокойствием»... «Я выпью ее вместе с тобою»,—крикнул, якобы, Давид (VI, 282—289).

Учитывая настроение, царящее в этот вечер в клубе, можно сомневаться относительно произнесения Робеспьером этой фразы.

Что же касается настроения членов клуба, то о нем все версии говорят как о сочувственном робеспьеровцам. Чем объяснялось это? Противники Робеспьера приписывали это явление присутствию среди членов Общества массы подставных лиц, об этом же говорил и адрес самих якобинцев, поданный Конвенту 11-го термидора. Не подлежит сомнению, что в столь решительный момент Робеспьеровцы мобилизовали все свои силы, но почему же этого не сделали и их противники? Может быть, масса якобинцев инстинктивно понимала, что несмотря на то, что противниками вождя робеспьеровцев являлись левые, в лице Колло и Билло, победа их будет означать победу реакции.

События бурного дня 9-го термидора хорошо известны. Что же касается происшествий, имевших место в Якобинском клубе вечером этого дня, то эти события восстановить весьма трудно. Повидимому, на собрании, за исключением единиц, присутствовали сторонники Робеспьера. Восставшая Коммуна обратилась к Обществу за поддержкой, прося мобилизовать не только членов Общества, но и присутствующих на трибунах, и в то же время заклиная не покидать всем полностью помещение Клуба. Согласно этой просьбы была установлена связь с Коммуной, десять членов Общества вместе с депутацией Коммуны, отправились туда «для того, чтобы объединиться с ней на предмет охраны общественного блага».

Депутат Бриваль, имевший мужество заявить, что днем он голосовал «против тирана» (Робеспьера) был изгнан из клуба... (VI, 289—295).

Вот, в сущности, и все, что известно о заседании клуба в роковую ночь с 9-го на 10-ое термидора.

Судьба робеспьеровцев, как известно, решалась в Коммуне, а не в Клубе, и не энтузиазмом его членов. Центром дви-

жения была Коммуна и окажи массы поддержку этому, столь часто уже бывавшему центром восстаний, органу, события, может быть, повернулись бы иначе. Но на этот раз массы были или равнодушны, или враждебны к пытавшейся поднять восстание группе [1]). Да и могли ли массы, для которых в свое время эта группа ничего не сделала, вождей которой, да и не только вождей, но и рядовых их представителей она казнила, могли ли они подняться в защиту этой группы? Да и кто бы поднял эти массы? Бюрократизированные секции, другие «очищенные» городские органы, чиновники, назначенцы, заседавшие в них [2]).

Нет, всей предыдущей политикой робеспьеровцы оттолкнули от себя широкие слои парижского, некогда революционного населения. Теперь пришел момент расплачиваться за ведение этой политики, политики небольшой группы мелкой буржуазии. Характерно, что секция Гравилье [3]), прежний оплот «бешеных», оказалась в рядах противников восставшей Коммуны.

И, конечно, не нерешительностью Робеспьера, как часто утверждают, объяснялось поражение восставших, наоборот, может быть, и эта нерешительность являлась следствием понимания Робеспьером истинного положения дел и, прежде всего, пониманием того, что восстание, будучи объявленным, обречено на неудачу...

Уже 11-го термидора депутация закрытого на три дня Якобинского Клуба посетила Конвент. «Вы видите перед собою,—говорил оратор депутации,—истинных якобинцев, заслуживающих уважения французской нации и ненависти тиранов. Вы видите людей, взявшихся за оружие для того, чтобы поразить магистратов предателей, узурпаторов национального авторитета. Истинные якобинцы не собирались в момент смуты на частные заседания. Нет, они находились всюду, где были нужны сила и наблюдательность для того, чтобы сражаться с заговорщиком. Чудовищные сходбища заговорщиков, осквернявшие нашу землю состояли из личностей, не имевших членских билетов, преданных своему тирану.

[1]) См. Кареев, „Роль Парижских секций в перевороте 9 термидора".

[2]) См. Mellie, „Les sections de Paris pendant la revolution", стр. 153—155.

[3]) Общее собрание секции Гравилье высказалось за Конвент и против коммуны, Кареев, „Роль Парижских секций 9-го термидора", стр. 45.

Мы же шли вместе со своими секциями для того, чтобы повергнуть этого нового тирана» (VI, 301).

Говоря это, думали ли «истинные якобинцы», что всего через три с половиной месяца, тот же самый Конвент, который теперь постановливал распечатание произнесенной их депутацией речи,—издаст декрет о закрытии клуба?

Думали ли они, что их Клубу предстояли новые тяжкие сражения с реакционными опасностями и что под ударами этих опасностей их Клубу суждено будет погибнуть?..

В настоящей работе была сделана попытка изобразить явления фракционной борьбы в Якобинском клубе в виде определенного процесса, процесса, сопряженного для каждой фракции с поражениями и победами, с отступлениями и наступлениями, атаками и контр-атаками. В процессе этой борьбы каждая фракция выдвигала то тот, то иной боевой лозунг, вокруг которого некоторое время и велась борьба. Так, на наших глазах «бешеные» из врагов конституции обратились в сторонников ее немедленного проведения в жизнь. Дантонисты из сторонников террора, превратились в его противников, левые бывали то защитниками Конвента и Комитетов, то их врагами. То же самое и в вопросе о диктатуре: то Дантон заявляет, что конституция «как бы спит», то Демулен взывает к конституционным гарантиям...

Но в этой же работе была сделана попытка показать, что причины фракционности коренились в социально-экономической разнице интересов отдельных групп мелкой буржуазии, т.-е., иными словами, что за переменностью лозунгов, о которой только что говорилось, скрывались некие постоянные величины — вполне реальные интересы общественных групп.

С. Моносов.

Закон 9 ноября и политика насаждения хуторов [1]).

I.

Значение переворота, явившегося непосредственным последствием революции 1905 г., заключалось прежде всего в устранении всех крепостнических пережитков и в замене сохранившихся еще в деревне полукрепостнических отношений отношениями, более соответствовавшими условиям капиталистического развития. Отсталая крепостническая деревня с каждым годом все более становилась инородным телом в стране, быстро двигавшейся по пути капиталистического развития, и вследствие этого не только представляла препятствие для дальнейшего экономического прогресса, но и действовала самым гибельным образом на всю народно-хозяйственную жизнь.

Влияние крепостнических пережитков сказывалось прежде всего в двух отношениях: во-первых, препятствуя поднятию благосостояния крестьянства, задерживая таким образом естественный и неизбежный процесс расслоения деревни и способствуя дальнейшей пауперизации сельского населения, крепостничество тем самым делало невозможным образование в стране более широкого внутреннего рынка для сбыта изделий растущей промышленности; во-вторых же, удерживая сельское хозяйство на низкой ступени развития и заставляя его, так сказать, равняться по линии наименее обеспеченных и наиболее экономически отсталых слоев крестьянства, архаические порядки, господствовавшие в деревне, обусловливали резкое противоречие между относительно высоким развитием промышленности в стране и отсталостью ее сельского хозяйства. Промышленное развитие, совершавшееся в значительной мере за счет казенных заказов, не могло, поэтому, пустить прочных корней в стране. Переворот, освобождавший деревню от сковывавших ее уз, должен был самым существенным образом отразиться на всей экономической жизни страны. Последствий его мы должны прежде всего искать в тех же двух направлениях, в которых, как только что указано, с наибольшей силой сказывалось и задерживающее влияние крепостнических пережитков, именно, с одной стороны, в том значении, какое должно было иметь установление новых общественных отношений в деревне для экономического положения сельского населения, и, с другой стороны, в тех новых условиях, какие вместе с этим создавались для дальнейшего развития сельского хозяйства.

[1]) См. «Падение крепостничества в деревне», Красная Летопись, 1905, № 5 и «Революция 1905 г. и расслоение сельского населения», Вестник Социалистической Академии, 1923 г., кн. 5.

С падением или, во всяком случае, значительным сокращением отработочной системы и разложением общинного строя впервые открывались широкие возможности для расслоения деревни и выделения из общей массы сельского населения наиболее обеспеченных и полупролетарских элементов. Оставим пока в стороне ту часть сельского населения, которая воспользовалась предоставленной свободой для того только, чтобы окончательно порвать с деревней и уйти из нее, и посмотрим прежде всего, как отразились происшедшие в деревенской жизни перемены на условиях существования оставшегося в ней населения. Наибольшее значение в жизни этого последнего имело разложение общинного порядка землевладения и переход к личной собственности на землю. Именно в личной собственности на землю, как известно, видели авторы указа 9 ноября панацею от всех зол деревенской жизни. Личное владение землей должно было явиться основой для создания класса богатого и крепкого крестьянства, на который прежде всего и рассчитывало правительство Столыпина, провозглашая главной задачей своей земельной политики «ставку на сильных». «Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению»,—говорил Столыпин в своей первой декларации перед 3-й Думой,—«законодательные учреждения заложат то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание... Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою,—а признание неприкосновенности частной собственности и, как по-

следствие отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшения землепользования—вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы» [1]).

В своей речи перед 3-й Думой председатель совета министров не считал нужным стесняться и откровенно подчеркивал политические цели, преследуемые указом 9 ноября и другими издававшимися в порядке статьи 87 землеустроительными мерами правительства. Но политическая сторона вопроса в данном случае непосредственно переплеталась с экономической, так как мелкие земельные собственники только тогда могли бы явиться опорой правительству, когда благосостояние их было бы обеспечено, и в своем выступлении перед второй Думой во время прений по аграрному вопросу, в заседании 10 мая того же года, Столыпин, соответственно обстоятельствам момента, подчеркивал именно эту хозяйственную, экономическую сторону реформы. В этой речи социалистическому уравнению «человека ленивого и трудолюбивого, человека тупоумного и трудоспособного» противопоставлялся человек даровитый, сильный, способный, опирающийся на право собственности и на результаты своих трудов. «Цель у правительства вполне определенна: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как, где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, т.-е. соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собою плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность» [2]). «Крепкая индивидуальная собственность» выдвигалась при этом в противоположность общинной, как главный «стимул к труду», как «та пружина, которая заставляет людей трудиться». Еще резче та же мысль выражена в речи главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Васильчикова перед 2-й же Думой в заседании 19 марта. Ссылаясь на «определенное» намерение правительства «распространить блага, проистекающие от начал собственности, и на ту громадную территорию крестьянского землевладения, которая до сих пор этих благ была лишена», и перефразируя известные слова Артура Юнга, он обосновал правительственную политику тем положением, что «начало собственности оплодотворяет труд земледельца и что только в сочетании с этим началом труд земледельца получает ту чудодейственную силу, которая способна превратить сыпучие пески в золото и голую скалу—в цветущий сад» [1]).

[1]) Стенографический отчет Гос. Думы 3-го созыва, сессия I, часть I-я, стр. 310. Заседание 10 ноября 1907 года.

[2]) Стенографический отчет Государственной Думы 2-го созыва, т. II, стр. 437, 441, 442.

В исполнение этого «определенного» намерения правительства превратить с помощью утверждения начала личной собственности всю страну в цветущий сад, издан был указ 9 ноября о выходе из общины и началось усиленное и повсеместное пропагандирование и насаждение хуторских и отрубных хозяйств. Тысячи землеустроителей распространились по обширным пределам земли русской, десятки казенных перьев расписывали на все лады прелести хуторского хозяйства и преуспеяние крестьянских хозяйств, выделившихся на хутора. Отчет о поездке председателя совета министров превратился в сплошной панегирик хуторам и хуторскому хозяйству. Радужные взгляды правительства на последствия происходившей в послереволюционные годы перемены в деревне разделяли и представители русского либерализма. Особенно характерной в этом отношении представляется статья князя Е. Трубецкого «Новая земская Россия» [2]). И здесь, с одной стороны, обращалось внимание на «два новых факта» в жизни деревни—подъем благосостояния и поразительно быстрый рост новой общественности, причем рост благосостояния выражался будто бы не только в хозяйственном прогрессе, но и в изменении самого внешнего облика крестьянина; с другой же стороны, отмечалась политическая сторона этих «новых фактов»: «в деревне нарождается могущественная мелкая буржуазия»,—писал князь Трубецкой,—«по всему своему существу и складу одинаково чуждая как идеалам объединенного дворянства, так и социалистическим мечтаньям». Массовый переход крестьянства к единоличному хуторскому хозяйству и общий подъем вместе с этим благосостояния сельского населения и прогресс сельского хозяйства в свою очередь обеспечивают в будущем от

[1]) Стенографический отчет Гос. Думы 2-го созыва ч. I, стр. 755.

[2]) «Русская Мысль», Декабрь, 1913 г.

повторения ужасов Пугачевщины. Такая заманчивая картина рисовалась на основании официальных данных и описаний. Однако, подчеркивая и преувеличивая одну сторону процесса, официальные данные оставляли совершенно неосвещенной другую, оборотную сторону, именно то обстоятельство, что рост благосостояния одной и притом незначительной части сельского населения сопровождался пролетаризацией и—что еще хуже — пауперизацией другой, несравненно более значительной части крестьянства.

Переход к единоличной собственности и хозяйству и нарождение вместе с этим нового класса сельской буржуазии в России, несомненно, пошли быстрыми шагами в послереволюционные годы, но процесс этот совершался далеко не так безболезненно и не так беспрепятственно, как старались изобразить его казенные публицисты. Словом, и в данном случае, если от официальных данных и показаний обратиться к фактам живой действительности, картина сразу резко меняется, радужные краски тускнеют и исчезают, и, вместо цветущего сада, в какой, если верить этим данным, Россия уже готова была превратиться, перед нашими взорами снова предстают голые скалы действительности с заметными, правда, на ней культурными побегами и ростками новой жизни, но в то же время и со всеми отрицательными сторонами и явлениями, обычно сопровождающими процесс нарождения буржуазного строя и буржуазных порядков.

Итак, обратимся к фактам живой действительности. Прежде всего, означал ли самый факт выделения значительного числа крестьян из общины, на который так охотно ссылались во всех своих выступлениях представители правительства, начиная с самого инициатора реформы 9 ноября, в доказательство успеха правительственной политики, — означал ли этот факт действительное устремление крестьянства в сторону перехода к единоличной собственности и хуторскому хозяйству? Мы видели, что до 30% всех вышедших из общины выделили свои участки только для того, чтобы в конце-концов продать их. Очень часты также, как свидетельствуют о том данные анкеты Вольно-Экономического Общества, случаи выдела малосемейных, наделы которых не соответствовали наличному числу душ семьи и которые стремились, поэтому, закрепить за собою участки до предстоящего передела. Таковых, по всей вероятности, судя по отзывам корреспондентов, было большинство. Даже и среди деревенских богачей лишь часть выделялась с тем, чтобы «на отделенной вечной земле жить маленьким помещиками» [1]), многие предпочитали оставаться в общине для лучшей эксплоатации в свою пользу сообщественников [2]).

Видя в единоличной форме землевладения исключительную панацею от всех зол деревенской жизни, правительство Столыпина намеренно или ненамеренно упускало из виду все другие больные стороны земельного вопроса в России и, прежде всего, наиболее жгучий вопрос о малоземелье и земельной тесноте. Правда, в период первого междудумья правительство предприняло ряд мер по расширению деятельности крестьянского банка [3]), и в своей речи по земельному вопросу во второй Думе председатель совета министров между прочим указывал на необходимость помочь крестьянскому малоземелью за счет «существующего земельного запаса» [4]). Но все эти меры и речи вызывались исключительно условиями момента и, прежде всего, грозным призраком возможного повторения аграрного движения. Уже в конце того же 1907 г., когда наступило «успокоение» и была собрана угодная правительству 3-я Дума, в декларации главы правительства ни слова не говорилось более о помощи крестьянскому малоземелью и, напротив, зазвучали совершенно обратные ноты. «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою,— а признание неприкосновенной частной собственности... вот задачи, которые правительство считало и считает вопросами бытия русской державы», заявлял П. А. Столыпин в своем первом выступлении перед лицом 3-й Думы [5]). Соответственно, коренным образом изменилась и деятельность крестьянского банка. Вместо предположенной помощи малоземельным крестьянам, банк занялся исключительно насаждением единоличного землевладения и хуторских хозяйств, и мы видели, что результаты его деятельности менее всего могут быть рассматриваемы, как действительная помощь крестьянскому малоземелью.

---

[1]) Чернышев, «Община после 9 ноября 1906 г.», II. 1907 г., I, стр. 48, там-же, стр. 133, 169.

[2]) Чернышев, I, стр. 167, II, стр. 140.

[3]) См. «Общественное движение в России в начале XX века», т. IV. СПБ. 1911 г., стр. 68—69.

[4]) Стенографический отчет Гос. Думы 2-го созыва, т. II, стр. 442—443.

[5]) Стенографический отчет Гос. Думы 3-го созыва, сессия I, часть I, стр. 309.

Вопрос о малоземелье подменен был вопросом о форме землевладения, вместе с чем началось усиленное насаждение хуторских хозяйств среди пауперов. Естественно, что результат такой политики, не разрешавшей, но подменявшей вопрос, поставленный жизнью, обманул ожидания, и, вызвав усиленную мобилизацию надельной земли, указ 9 ноября в то же время достиг в деле насаждения хуторского хозяйства, относительно, незначительных успехов. Главным препятствием как к широкому распространению, так и к успешному развитию единоличного хуторского хозяйства явилось, прежде всего, именно крестьянское малоземелье, на которое правительство Столыпина, по мере успокоения деревни, все более закрывало глаза. При экстенсивном характере и отсталости сельского хозяйства в России для успешного проведения в жизнь хуторского землевладения требовались значительные размеры земельных участков. Минимальный необходимый для этого размер хозяйства, естественно, колебался и был различен в отдельных губерниях, но повсюду он оказывался значительно выше среднего размера надельных участков общинной земли. Так, исследования, предпринятые некоторыми земствами, и данные анкеты Вольно-Экономического Общества определяли минимальный размер хуторского хозяйства, на котором можно только сносно просуществовать, для Орловской губернии в 15 десятин (при среднем наделе в 1905 году в 7 десятин) [1]), для Тульской губернии соответствующая цифра равнялась 15 — 50 дес. (при наделе 6,3 дес.) [2]), для Рязанской губернии 10—50 дес. (при среднем наделе 6,6 десятин) [3]), для Воронежской губ. 15 — 30 десятин (при наделе 6 десятин) [4]), для Тамбовской губернии 8—50 десятин (при среднем наделе в 7 десятин) [5]), для Нижегородской губернии 13 десятин (при среднем наделе 7,4 десятины) [6]), для Казанской губернии 16 дес. [7]), а по данным земского корреспондента 30 десятин [8]) (при среднем наделе 8,6 дес.); для Самарской губ. земельные исследования опреде-

[1]) Чернышев, I. стр. 131.
[2]) Чернышев, стр. 110.
[3]) Чернышев, I, стр. 84.
[4]) Чернышев, I, стр. 24.
[5]) Чернышев, I, стр. 54.
[6]) Чернышев, I, стр. 67.
[7]) Чернышев, II, стр. 12.
[8]) Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии, 1911 г., стр. 84.

лили необходимый минимум для более или менее сносного хуторского хозяйства в 25—30 десятин [1]), при существующем в губернии среднем размере надельных участков в 19,8 десятин. На основании земских исследований, предпринятых в Верхнеднепровском уезде, Екатеринославской губернии, такой минимум представляет хозяйство в 20 десятин (при среднем наделе 9,3 десятины) [2]). Тархов, исследовавший хуторские хозяйства в Черниговской губернии, признает за хуторское хозяйство, впрочем весьма далекое, по его описанию, от идеала, хозяйство в 10—15 десятин (при среднем наделе 6,3 десятины) [3]). Таким образом, почти повсеместно требовавшиеся для более или менее «сносного» ведения хуторского хозяйства минимальные размеры участков — вдвое менее средних погубернских норм надельного владения, а что приведенные минимальные размеры хуторского хозяйства для отдельных губерний отнюдь не страдают в сторону преувеличения, об этом свидетельствует хотя бы пример банковских хуторян, участки которых в большинстве случаев приближались к указанным нормам и которые тем не менее в конце-концов разорялись и зачастую вынуждены были совсем бросать свои хозяйства.

И все же тяга в сторону единоличного хозяйства с сведением полос к одному месту среди крестьян южных и черноземных губерний в первые же годы действия указа 9-го ноября обнаружилась довольно сильная. «Движение к уничтожению надельной чересполосицы настолько широко охватило крестьянские массы богатых южных губерний, что землеустроители сплошь да рядом уже не в состоянии удовлетворять всех требований о разверстке земель целых селений и обществ на отруба. Поэтому часто приходится переносить на следующий сезон полевых работ дела, не терпящие отлагательства. Однако, нередко села, получая отказ в немедленной помощи, не желают откладывать разверстание на следующий год, а нанимают частных землемеров, которые оказываются обыкновенно неопытными, даже недобросовестными» [4]). Таковы сведения

[1]) «Подворное и хуторское хозяйство Самарской губернии». Самара, 1909, т. I, стр. 77.
[2]) «Отчет по исследованию хуторского хозяйства в Верхнеднепровском уезде», 1908 г.
[3]) «Земский сборник Черниговской губернии 1909 года», XII, стр. 82—83.
[4]) Ордынский, «Очерк современного положения землеустройства в Европейской России», Сельское хозяйство и лесоводство, 1910 г. Май—Июнь, стр. 116.

официального исследователя; но точно также и ответы крестьян-корреспондентов на анкеты Вольно-Экономического общества указывали, что крестьяне сами в большинстве отлично сознают выгоды единоличного владения и хозяйства. Приблизительно половина ответов высказывалась за подворное владение, причем и те из корреспондентов, которые предпочитали общинное владение, не отрицали преимуществ подворного хозяйства, выдвигая лишь в качестве главного довода против него малоземелье и в особенности отсутствие выпаса для скота. Так, в Воронежской губернии некоторые корреспонденты убеждены были в том, что если бы у крестьян было больше земли, то охотников вести хуторское хозяйство было бы значительно больше. «Если бы было больше земли, то, разумеется, отруба и хутора были бы хорошей вещью, так как можно было бы удобрить землю как угодно и вести рациональное хозяйство»[1]). Точно также и в Тамбовской губернии «отрубное хозяйство теоретически признается более выгодным, чем хозяйство в общине, но для этого надо достаточное количество земли, а при малоземелье вести отрубное хозяйство невозможно»[2]). «Хорошая сторона отрубов и хуторов та, что земля в куче, а насчет скотины тогда хоть совсем не води»,— пишет крестьянин-корреспондент из Рязанской губернии[3]). Другой соглашается, что «хозяйство на отрубах и хуторах хотя и может считаться выгодным, но только у нас земли очень мало»[4]). «Более всего крестьяне заинтересованы отрубными участками. Сколько раз приходилось слушать: ежели были бы средства, то купил бы себе участка два десятин по 10 и с радостью ушел бы из поганой общины» (Рязанская губерния, Раненбургский уезд»[5]). Такие же отзывы идут и из других губерний: лучшие крестьяне, стесненные общиной, мечтают об отрубах, но мечта неосуществима, так как редко у какого двора земли достаточно для хуторского хозяйства» (Тульская губерния)[6]). «На хутора не выделяются, хотя у некоторых и есть такое желание... По хуторскому жить далеко лучше, но нужно сказать правду, имея землю от 1 до 3 десятин, выселяться на

[1]) Чернышев, т. I, стр. 23.
[2]) Там же, т. I, стр. 51.
[3]) Там же, стр. 19.
[4]) Чернышев, т. I, стр. 81.
[5]) Чернышев, т. I, стр. 110.
[6]) Чернышев, т. I, стр. 110.

хутора не стоит» (Орловская губерния, Ливенский уезд)[1]). «Лучше всего жить на хуторе, чем в общине, все благомыслящие крестьяне это сознают, но лишь имея земли 15 десятин, не менее 10 десятин» (Орловская губерния, Кромский уезд)[2]). «Выгодности хуторов и отрубов никто из крестьян не отрицает, находя полезным, но затрудняется малоземельем» (Кромский уезд)[3]). Если на хуторах вести по старому хозяйство, то никакой выгоды не будет, а только разориться, а если завестись по новому, то стоит по нашему очень дорого» (Казанская губерния)[4]). «Хорошо на хуторе у кого семья большая, да земли десятин 30»[5]). «Общинное владение полезно для скота, а подворное для порядка» (Пензенская губерния)[6]). «Невыгодно подворье тому, кто владеет наделом на душу, а у него народилось еще пять» (Пензенская губерния)[7]). «Сами крестьяне познали выгодность укрепить в личную собственность свои наделы, так как они хозяева—свободно поступают, пашут или сдают в аренду»,— пишет корреспондент из Симбирской губернии[8]). Но и здесь главным препятствием к выходу на хутора является малоземелье. «Не знаем как лучше», недоумевает, например, малоземельный крестьянин Корсунского уезда той же губернии[9]): «перейти или же оставаться всем в общине? Как ни думай, а с обеих сторон плохо, на одной десятине и в общине плохо и на отрубе».

Неудивительно, поэтому, что благами хуторского хозяйства в первую голову спешили воспользоваться более состоятельные и зажиточные крестьяне, как сообщало большинство корреспондентов Вольно-Экономического Общества. «Отрубные участки завели домохозяева богатые и опытные»,—пишет, например, корреспондент из Воронежской губернии.—«Они всеми способами старались в продолжение многих лет купить или обменять. Таким образом, теперь не мало образовалось отрубов, количеством 20, 50, 100 и 200 десятин»[10]). В Тамбовской

[1]) Чернышев, т. I, стр. 131.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 131.
[4]) Чернышев, т. II, стр. 14.
[5]) Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии. Казань, 1911 г., стр. 84.
[6]) Чернышев, II, стр. 38.
[7]) Чернышев, II, стр. 37.
[8]) Чернышев, II, стр. 83.
[9]) Чернышев, II, стр. 89.
[10]) Чернышев, I. Стр. 25.

губернии «за выход из общины стоят большею частью, бобыли и бездомники, не пользующиеся землей как средством к жизни, а затем уже богатые многосемейные, мечтающие на отделенной вечной земле жить маленькими помещиками»[1]. «Выселяются больше плутоватые, гонимые совестью, которые выходят на свою землю, которую еще подкупают»,—пишет другой корреспондент[2]. В Орловской губернии прежде всего возбуждают ходатайство об отводе земли к одному участку лица, имеющие от 35 до 80 десятин[3]. В Рязанской «сводят земли в отруба и хутора, главным образом, богатые крестьяне»[4]. О том же пишут из Казанской[5], Пензенской[6], Нижегородской губерний[7]. Однако, если процент выселяющихся на хутора крестьян относительно и выше среди богатых и зажиточных крестьян, все же по абсолютным цифрам преобладающими являются хуторяне, обладающие средним наделом, «кто более толковые, несмотря на бедность и богатство»[8]. Так, по данным землеустроительного ведомства, средний размер участков, выделенных к одному месту (к 1 января 1913 г.), составлял в отношении выделившихся отдельных домохозяев 10,6 десятин, в случае разверстания на хутора и отруба целых селений—10 десятин, по отдельным губерниям—5—15 десятин. К таким же приблизительно результатам приходит и анкета Вольно-Экономического Общества, согласно которой как по центрально-черноземным губерниям[9], так и по средне-волжским[10], наибольшее число выделов на отруба приходится на общины с средним наделом на двор в 10—50 десятин. Таких хуторян влекло на собственные участки частью желание испытать счастье на собственном хозяйстве, но, главным образом, заманчивые обещания землеустроителей и желание получить субсидию, как, например, тех несчастных киевских хохлов, которые увлеченные целым рядом обещаний переселились в Пензенскую губернию на хутора с тем, чтобы здесь окончательно разориться[1]. Особенно заманчивые перспективы рисовались перед крестьянами при покупке банковских хуторов, так как покупка обычно совершалась в рассрочку, да при этом почти всегда выдавалось и желанное «способие».

1) Чернышев, I. Стр. 48.
2) Там же.
3) Чернышев, I. Стр. 131.
4) Чернышев, I. Стр. 169.
5) Чернышев, II. Стр. 16.
6) Чернышев, II. Стр. 38, 43.
7) Чернышев, II. Стр. 66, 68—69.
8) Чернышев, II. Стр. 65.
9) Чернышев, I. Стр. 154.
10) Чернышев, II. Стр. 124.

Несколько живых картин, нарисованных с натуры членом первой Думы Аникиным, депутатом Саратовской губернии, покажут нам, с каким увлечением шли крестьяне на банковскую приманку, надеясь поправить свои хозяйства, и что их ожидало в действительности. «Заходит ко мне повидаться старый приятель, средне-хозяйственный мужичок из N-ского уезда. Сам весь сияет, радостный: успел побывать у губернатора, у ликвидатора и в банке.—Ну, кум, скажи, слава богу.—Что так?—На хутора подаемся!—Мужичок принялся рассказывать с жаром, захлебываясь от успеха:—Голицынский участок знавал?.. Вот что по нашей речке этаким манером протянулся?.. Ну, вот, весь изрезали на участки, только значит речку с лугом оставили, к ней не подпущают... Так вот я тебе скажу: первеющая земля. Перво-на-перво, прорезали улицу, кругом участки: пятнадцать десятин, двадцать, тридцать, самое большее, смотри, сорок пять... Как четыре двора—колодец, как лощинка—пруд!—Так ты, значит, на сорок пять садишься?—Я-то? Нет, на двадцать шесть. И то, вишь ты, как дело-то вышло: этот, как его?—дай бог память.—Ликвидатор?—Он самый... Он и говорит: «Тебе, грит, по твоей, стало быть, маломочности большого участка дать никак невозможно: бери пятнадцать десятин». Я туды-сюды—«бери пятнадцать»—да и шабаш!.. Умный человек научил. «Ты, грит, разделись с сыном-то и подай: себе тринадцать, ему тринадцать... У их меньше-то и не нарезано, получишь двадцать шесть». Да я на таком участке что разделаю!.. и, и—господи... Приезжай вот ужо на лето арбузы есть!—Мужичок долго фантазировал на тему: «даст господь». Все его помыслы были направлены в одну сторону и обыкновенная мужичья сноровка: «сосчитать, расчитать, прикинуть, семь раз отмерить..»,—все это как-то сразу куда-то исчезло. «Власть земли» затмила человеческий разум. Он забыл совсем, что надо заплатить за 26 десятин ни больше, ни меньше, как около шести тысяч рублей («Ну, это еще как

1) «Речь», 1910 г., 10 ноября: Чернышев, I, стр. 84; II, стр. 43; «Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии», стр. 82; Алексеев, «Очерки новой аграрной политики», Современный Мир. 1911, Сентябрь, стр. 211.

господь, ведь на пятьдесят девять годов»). Забыл, что надо сделать большие единовременные затраты: на задаток банку, на постройку, на приспособление поля для усадьбы и т. д. и т. д. Стоило только прикинуть, сколько необходимо затратить на все это, прежде чем придет участок в состояние платежеспособности,—все мечты рухнули бы прахом (по самому скромному расчету надо было не менее 500 рублей, а их у мужика не было). Единственно, что я смог внушить своему куму, так это съездить и посмотреть, как живут мужики, «укупившие» банковские земли раньше. На эту мысль натолкнула меня только что прочитанная в местной газете заметка. В заметке сообщалось, что за последнее время местным отделением крестьянского банка отобрано от крестьянских обществ и товариществ губернии 187 тысяч десятин купленных при помощи банка земель. Земли отобраны за невзнос платежей; при этом многие владели ею уже по нескольку лет. Не знаю, послушался ли кум моего совета и в каком градусе его мечтания сейчас, но через недельку после него «навестил» меня другой приятель из другой местности. Во время беседы зашла речь о хуторах: У вас там хутора были, они как, целы? — Это графские-то?—не понял меня мужик,—культурны уголки?.. Куда там, один мусор остался.—Не культурны уголки,—засмеялся я обогащению народной речи думскими терминами,—а на купленной мужики заводили хутора: Ненароковский, Борисовский, Мордовский...—Вона-а! Хватился! Там давно одна крапива растет. Смели все дочиста!.. За неплатеж!..—Хутора?—Хутора.—Таковы результаты первых опытов хуторского хозяйства. При этом надо заметить, что Воронцовское имение было продано крестьянам по оценке, едва ли меньшей против теперешних цен. Сейчас средняя оценка по губернии 120 рублей, а тогда была 50—60 рублей» [1]).

Крестьяне, как показывает приведенная цитата, таким образом, вовсе не предубежденно относились к хуторскому хозяйству; напротив, особенно на банковские хутора они шли очень охотно, соблазняясь перспективой завести свое настоящее хозяйство. Но сам же банк своей политикой наносил удар пропагандируемому им хуторскому делу. Его «помощь» вскоре же всей тяжестью давала себя чувствовать соблазненным им «хуторянам», и чем больше надежд и ожиданий связывали

[1]) Аникин. «Чего просит деревня?». Вестник Европы, 1909 г., Февраль, стр. 734—6.

эти последние с переселением на хутора, тем большее разочарование ожидало новоиспеченных хуторян в виду неумолимого взыскания платежей со стороны банка. Положение их оказывалось обычно несравненно более тяжелым, даже по сравнению с положением хуторян, выделившихся из общины на собственные надельные участки, и мы видели, что банковские хутора являлись пробным камнем для хозяйственности покупавшего их крестьянина. Выдержавшие в конце-концов оправлялись и становились справными хозяевами, напротив, значительная часть разорялась и, как выражались крестьяне, «сгонялась» банком. О печальной участи, постигавшей большинство банковских хуторян, мы, впрочем, уже говорили в предыдущем очерке, где речь шла о земельной политике крестьянского банка, и потому на этом вопросе более останавливаться не будем.

Подводя итоги изложенному, мы, таким образом, можем сделать тот вывод, что тяга среднего крестьянина в сторону единоличного владения так же, как и единоличного хуторского хозяйства, существовала довольно сильная, что общинные порядки даже и в центрально-черноземной, не говоря уже о западной и юго-западной областях, представляли в значительной мере отживший институт, и что, держа курс на создание единоличной крестьянской земельной собственности, правительство в общем стало на верный путь.

Если мы возьмем итог всей землеустроительной политики за 7 лет с 1907 по 1914 г., включая сюда как случаи выделов отдельных домохозяев, так и разверстание целых селений и частей селений на хутора и отруба и, наконец, выдачи удостоверительных актов целым селеньям и отдельным домохозяевам, то получим внушительную цифру: свыше 3 миллионов дворов перешло от общины к единоличному владению землей.

Если из этого числа продали свои участки свыше 700 тысяч домохозяев, зато многие продавали свои надельные участки не с тем, чтобы ликвидировать свое хозяйство, но для того, чтобы приобрести землю из имений крестьянского банка или переселиться на банковские хутора. Общее число крестьянских дворов, владеющих землею на правах частных собственников, возросло, таким образом, с 2,8 миллионов до 5,5 милл., т.-е. почти удвоилось; в то же время число общинных дворов с 9,2 милл. сократилось до 6 миллионов. Процент подворных владений с 23,1% в 1905 г. поднялся до 45%, приблизившись, таким образом, почти к половине общего числа

дворов. В приведенном расчете нами не принят во внимание результат закона 14 июня 1910 г., уничтожавшего общинное землевладение во всех давно непеределявшихся общинах, в виду того, что этот результат имел место скорее на бумаге, нежели в действительности. Мартынов присчитывал и этих общинников, законодательным актом переведенных в разряд подворников, и, полагая их число равным одной трети всех общинников, еще к 1 января 1912 г. насчитывал 8,7 миллионов частных собственников-крестьян на 5 миллионов общинных дворов. Процент общинных дворов по такому расчету за 5 лет действия указа 9 ноября должен был упасть, таким образом, с 76 до 37%[1]).

Относительно менее значительный, но все же крупный успех имело распространение отрубного и хуторского хозяйства. Число перешедших к отрубному и хуторскому хозяйству крестьян за десятилетний период насаждения хуторов достигло 1300 тыс. (1.301.255 хуторских и отрубных хозяйств с площадью 12.777.108 десятин)[2]), с хуторскими же и отрубными хозяйствами на банковских землях до 1.600.000 (1.596. 625 участков, площадью в 15.896.095 дес.), что составляло приблизительно 10.5% всех хозяйств.

II.

В какие-нибудь 7—8 лет русская деревня пережила таким образом заметный сдвиг, и этот сдвиг, само собой разумеется, не мог не отразиться в ту или другую сторону на экономическом положении крестьянства, и естественно, что прежде всего новые условия жизни должны были сказаться на хозяйстве части сельского населения, порвавшей с общиной и перешедшей к единоличному хозяйству на хутора и отруба. Официозные и близкие к ним публицисты, как мы видели, всеми силами старались расписывать прелести хуторского хозяйства и доказывали необычайный расцвет хуторов в течение каких-нибудь 2—3 лет, протекших со времени издания указа 9 ноября.

Вот, например, по данным Юрьевского в брошюре[3]) «Что достигнуто землеустройством», первым последствием перехода

[1]) А. Мартынов. «Аграрные перспективы». Наша Заря, 1912, № 7—8, стр. 18.

[2]) См. Першина. Сборник «О земле», вып. I, стр. 60; его же, «Участковое землепользование в России», приложения 1-ое и 2-ое.

[3]) СПБ, 1912, оттиск из «частного» изд. «Россия».

к хуторскому хозяйству явилось увеличение площади культурной земли на 20—25%[1]), повышение урожайности на 50%[2]), удоя молока на 25—50%, ценность скота повысилась на 25—30%[3]). Даже в нравственном отношении крестьяне изменились к лучшему: перестали пьянствовать и чаще стали посещать церковь божию. Данные почерпнуты, главным образом, из беседы с одним из «столпов землеустройства»[4]). К официальным песнопевцам хуторов примыкает и князь Е. Трубецкой в цитированной уже нами статье[5]). По его наблюдениям, рост благосостояния сказался в улучшении техники крестьянского сельского хозяйства, в употреблении более совершенных земледельческих орудий, в переходе к высшему типу земледельческой культуры (многополье с травосеянием), в быстром росте цен на рабочие руки, в изменении внешнего лика крестьян (вытеснение народного костюма полуевропейским).

Однако, расписывая светлые, в значительной мере, быть может, воображаемые стороны новых условий деревенской жизни, официальные и неофициальные сторонники хуторского хозяйства совсем упускали из виду обратную его сторону, между тем как сообщения наблюдателей с мест, так и результаты ближайших официальных и земских обследований хуторского хозяйства дают совсем иную и, во всяком случае, не такую оптимистическую картину. Мы уже констатировали выше необходимость известного минимального размера для того, чтобы хуторское хозяйство обеспечивало благосостояние или хотя бы сносное существование крестьянина. Ближайшее наблюдение над хозяйственной жизнью хуторов, образовавшихся как до, так и на основании указа 9 ноября, поскольку в этом последнем случае последствия перехода к хуторскому хозяйству успели уже так или иначе обнаружиться, вполне подтверждает такое заключение. Как и следовало ожидать, картина получается самая пестрая. Если малоземельный ху-

[1]) Стр. 11.

[2]) Стр. 18.

[3]) Стр. 90.

[4]) Такой же панегирик землеустроительной политике правительства представляют и брошюра Сыромятникова и Б. Юрьевского, «Землеустроительный смотр». СПБ, 1912 г., книжка Бельского о хуторах, статья Масальского «Явления прогресса в современном крестьянском хозяйстве», Сельское хозяйство и лесоводство, 1910 г., февраль.

[5]) «Новая Земская Россия». «Русская Мысль», 1913 г. Декабрь.

торянин бедствует и терпит всякие лишения [1]), если среднесостоятельный крестьянин, особенно соблазненный банковскими хуторами, также зачастую не выдерживал и разорялся, то, напротив, более зажиточные, состоятельные элементы деревни, перейдя на хутора и освободившись вместе с этим от всякого давления со стороны общины, получали возможность улучшить как свое хозяйство, так и общее экономическое положение.

Корреспонденты Вольно-Экономического Общества почти из всех губерний согласно констатировали наличность как довольных своим положением, так и «раскаивающихся» хуторян [2]). К первым принадлежали прежде всего зажиточные и состоятельные крестьяне, «толковые и дельные» хозяева, как определяют их некоторые корреспонденты. «Отрубные участки», пишет, например, корреспондент из Воронежской губернии: «завели домохозяева богатые и опытные... Теперь не мало образовалось отрубов в количестве 20, 50, 100 и 200 десятин. Севооборот каждый ведет свой. Часть бросает под «толоку», здесь-то и пасет свой скот... Урожай хлебов бывает лучший от слобожан... Вследствие близости поля, обработка его бывает своевременной, поле лучше разрабатывается» [3]). Корреспондент из Орловской губернии точно также сообщает, что за выход из общины на отруба и хутора стоят «особенно богатые», «лица, имеющие от 35 до 80 десятин». Неудивительно, что при таких условиях «в хозяйстве хуторян произошли достаточные улучшения: скот получшал, урожай повысился, хуторяне очень довольны своим положением, и о старой жизни вспоминают только старики», что хуторяне «живут хорошо, богатыми хозяевами» [4]). «Отрубники своим положением довольны и очень рады, что избавились от общины, в которой они мучились десятки лет», сообщает крестьянин из Нижегородской губернии: «В общине, несмотря на указания агрономов, ничего нельзя предпринять к улучшению. Отрубники, все, народ толковый и дельный, старались улучшить землепользование на отрубах» [5]).

[1]) Кроме цитированных уже выше примеров см. статью Алексеева «Очерки новой агрономической политики», Современный Мир, 1911 г. Сентябрь, где собрано много данных, рисующих положение таких хуторян-бедняков.

[2]) Чернышев, I, стр. 27, 54, 55, 138, II, стр. 42, 90.

[3]) Чернышев, I, стр. 25.

[4]) Чернышев, I, стр. 131—3.

[5]) Чернышев, стр. 66.

«В нашей местности», пишет другой корреспондент из той же губернии: «так заставляют выходить на хуторские и отрубные хозяйства, чтобы уничтожить старые обычаи, севообороты, пасти скот находят выгодным... скот содержат много лучше. В общине пасся скот в паровом поле без корма до 6 недель, глотая одну пыль; прогоны в жаркое время до 4-х верст, а теперь все под руками на глазах. Если бы кто сказал вернуться в общину, то бы опротивело, как выпить горькой воды после сладкого. Урожай на отрубах и хуторах повышается, особенно на лугах травы без время не избиваются скотом»... Однако, «хуторское хозяйство выгодно вести чтобы земли было не менее 13 десятин с необходимыми удобствами, обзаведение хутором со всем необходимым около 1200 рублей» [1]).

Резко различает два типа хуторских хозяйств — маломочных и зажиточных хозяев — и известный наблюдатель крестьянской жизни послереволюционного времени, И. Коновалов, специально исследовавший хуторскую жизнь в Саратовской и Орловской губерниях. Относительно первой он констатировал, что после того как «начали разбирать отруба, вскоре стало ясно, что бедноте этого дела не осилить... Так что, в силу естественного положения вещей, отруба оставались за тем, кто побогаче» [2]). Еще определеннее выступает это различие в Орловской губернии. «Говоря о хуторах Саратовской губернии, я отмечал уже два резко отличных друг от друга типа хуторов: это хутора крестьян зажиточных и хутора бедняков. Особенно резко отличаются эти типы в Орловской губернии. Уже по одному внешнему виду можно определить, к какому разряду относится тот или иной хутор: хутора бедняков представляют из себя крошечные, наполовину врытые в землю избушки без всяких надворных построек, одиноко разбросанных на значительном одна от другой расстоянии; хутора богатых крестьян резко выделяются размером и отделкой дома, прочными надворными постройками и изобилием разбросанного вокруг корма и соломы» [3]). При этом благосостояние хуторян последнего типа вовсе не обусловливается их переходом на хутора: «богатые хуторяне были богатыми крестьянами задолго до законов о землеустройстве... Хутора для них явились лишь льготными формами аренды: помимо

[1]) Чернышев, II, стр. 67.

[2]) «На хуторах», Русское Богатство, 1910 г., январь, стр. 36.

[3]) «Русское Богатство», 1910 г., февраль, стр. 5.

хуторов многие из них имеют и другие средства к жизни. Денежные запасы дают им возможность без всякого ущерба для хозяйства производить различные платежи». Однако, если зажиточные крестьяне и не обязаны своим благосостоянием переселению на хутора, все же новые условия прежде всего именно им пошли на пользу: «Хутора явились для них счастливой неожиданностью: правдой и неправдой они старались захватить по 2 и по 3 хутора. Все положительные стороны землеустройства приносят выгоду только богатым хуторянам, и им ли после этого не хвалить благодетельный закон!.. Бедняка гонит на хутора нищета и полная безвыходность; этих же—жажда захватить как можно больше земли, желание увеличить зажиточность и улучшить и без того хорошее положение... Вот хутор переселившегося богатого крестьянина. С первого взгляда видно, что хозяйство у него «полная чаша», большой шестистенный дом, крытый железом, громадный двор, обнесенный высоким плетнем, изобилует надворными постройками, 3—4 лошади, столько же коров, десятка два овец. Топят и здесь соломой, но навоз свозится на поле и идет на удобрение. Здесь есть и плужки, и борона с железными зубьями... За водой ездит работник, ездит далеко, но отрывать от работы последних лошадей не приходится» [1]).

Аналогичный факт деления хуторов на два противоположных типа отмечают и исследователи хуторской жизни в Черниговской губернии. Из 165 хуторов этой губернии, исследованных и описанных земскими агрономами осенью 1908 года, лишь 32 можно признать «более или менее отвечающими точному смыслу этого названия и приближающимися по размерам к крестьянскому хозяйству». Остальные же 73 в большинстве или «довольно крупные хозяйства, ведущиеся наемным трудом, или же хозяйства очень маломерные, 1—3 десятины» [2]).

По предложению главного управления землеустройства и земледелия от 9 июля 1908 г., некоторыми земствами произведены были специальные обследования условий жизни на хуторах: при этом обследование касалось одинаково хуторов, как возникших в силу указа 9 ноября, так и до него. Исследование дало либо неопределенные, либо пестрые результаты, но все же в общем констатировало ту же тенденцию хуторской жизни—

[1]) Там же, стр. 17.

[2]) «Земский сборник Черниговской губернии», 1909 г., стр. 82—83.

способствовать расслоению сельского населения. Так, в Псковской губернии, где случаи выселения на хутора наблюдались еще начиная с 80-х и частью даже с 70-х годов и где шли на хутора по преимуществу наиболее «крепкие» из крестьян, исследователи затруднялись определить, «как повлияло расселение по хуторам на экономическое состояние вышедших из общины крестьян» [1]). Но в то же время они констатировали тот факт, что из 142 обследованных в Псковском и Островском уездах крестьянских дворов, выделившихся в течение времени с 1885 по 1906 г., 9 хозяев живет на стороне, а 29 продало свои наделы. Таким образом, 38 дворов, т.-е. почти 28% всех выделившихся, должны были ликвидировать самостоятельные хозяйства. Более определенные и интересные результаты дало исследование хуторского хозяйства в Самарской губернии [2]), где опыты насаждения хуторов производились неоднократно, начиная с 40-х годов прошлого столетия. Исследование привело к вполне определенному выводу, что «одна форма единоличного владения землей оказалась бессильной создать хозяйства типа рационального экономически в условиях данной местности» [3]): «в тех случаях, когда в условия хозяйства с единоличной формой владения попадал, так сказать, рядовой наш крестьянин, его хозяйство отливалось в формы, ничем не отличавшиеся от хозяйского уклада общинников» [4]). Исследование показало необходимость для процветания хуторского хозяйства, с одной стороны, крупных размеров землевладения [5]), с другой—крупных затрат капитала, как это показывает, пример хозяйства меннонитов [6]). По мере увеличения размеров землевладения мы встречаемся с хозяйствами уже с более оборудованными постройками, мертвым живым инвентарем [7]). Если распределить все обследованные единоличные хозяйства по земельной обеспеченности на три группы: 1) 1—30 десятин; 2) 30—50 дес., 3) свыше 50 дес., то получается следующее раз-

[1]) «Хуторское расслоение на надельной земле Псковского, Островского и Холмского уездов Псковской губ.». Псков, 1909, стр. 38.

[2]) «Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии», 3 тома, Самара, 1909.

[3]) Т. I, стр. 222.

[4]) Т. I, стр. 225.

[5]) Т. I, стр. 61.

[6]) Т. I, стр. 225.

[7]) Т. I, стр. 61.

личие между ними по признаку урожайности: средний урожай с десятины в хозяйствах

	1 группы.	2 группы.	3 группы.
Рожь	36,6 пуд.	50,5 пуд.	46,7 пуд.
Пшеница	31,0 „	42,3 „	48,8 „
Овес	27,4 „	37,4 „	52,0 „

Из 305 единоличных хозяйств, обследованных по специальной программе, лишь 46, т.-е. 15%, признаны способными служить проводниками более высокой сельскохозяйственной культуры среди населения, остальные 259 по условиям хозяйства не выделяются из общинных. В среднем на каждое из этих 46 хозяйств (в том числе менонитских) приходится 93,5 десятин, по 15 штук рабочего скота и по 5 коров. Рядом с процветанием такого сравнительно незначительного процента хуторских хозяйств, обследователи в то же время констатируют широкое распространение продажи участков [1]). Обследование хуторов в Казанской губернии, коснувшееся почти исключительно хуторов, образовавшихся по закону 9 ноября, показало относительно большей части из них регресс, выразившийся прежде всего в уменьшении количества скота: «Многие хуторяне сводят численность своего скота до минимума. У кого было 3 коровы и 2 лошади, оставили по одной, да и с теми маются... Хорошо на хуторе, у кого семья большая да земли десятин 30» [2]). Наиболее точные и потому интересные результаты дало обследование по Верхнеднепровскому уезду, Екатеринославской губернии, которые могут быть выражены в следующей таблице [3]):

ХОЗЯЙСТВА.	Десятин землеп. на хозяйство.	Десятин пашни на раб. единицу.	Капитал, в том числе построй. живв и мертвый инвентарь на 1 д. пашни.	Валов. доход в руб. на 1 д. паш.	Чистая прибыль в руб.	Процент наемного труда.
Общинные до 20 дес. . . .	13,75	3,85	82,4	42,3	96,7	—
Хуторские до 20 „ . . .	13,2	4,54	76,1	38,9	57,6	6,6
„ от 20 до 40 дес.	25,0	6,0	67,8	48,82	261,8	20,0
„ свыше 40 дес. . .	56,3	7,87	68,4	51,5	664,5	44,08
У колонистов	45.0	8,9	117,9	75,48	1248,0	38,0

[1]) Т. I, стр. 216.

[2]) «Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии», Казань, 1911 г.

[3]) «Отчет по обследованию хуторских хозяйств в Верхнеднепровском уезде», 1908 г.

Таблица говорит сама за себя. Хуторское хозяйство до 20 десятин, даже при большем количестве пахотной земли, представляется менее выгодным, нежели хозяйство с тем же размером землепользования у крестьян, оставшихся в общине. С ростом размеров хуторского участка растет и его доходность при относительном равенстве затрачиваемого капитала. Если при этом относительная затрата капитала на 1 десятину пашни возрастает, то одновременно пропорционально повышается и чистая прибыль, как это видно в особенности на примере хозяйства колонистов. Обследование хуторов в Черниговской губернии дало в общем отрицательные результаты: полевое хозяйство хуторян не отличается от обычного крестьянского трехполья, поля почти не удобряются, за лугами никакого ухода не применяется, отчего урожайность их невысокая, что в свою очередь ведет к малому количеству навоза. «О животноводстве точно также надо сказать, что оно стоит на низком уровне, как в отношении количества, так и качества» [1]). Однако, надо иметь в виду, что из 105 описанных в Черниговской губернии хуторов, как мы видели, при подведении итогов приняты были во внимание всего лишь 32, более богатые, а бедные хутора совсем оставлены в стороне. Средний размер принятых во внимание хуторов (12,35 десятины при 3 головах крупного и 9 мелкого скота), в общем, почти вдвое превышает средний уровень крестьянского достатка в губернии. Интересно отметить, что даже такой определенный сторонник хуторского хозяйства, как Кофод, обследовавший хуторские хозяйства в западных губерниях, где они успели пустить более глубокие корни еще до указа 9 ноября, следовательно, помимо и независимо от какого-либо административного давления, описывая в общем последствия «расселения» на хутора в благоприятном свете, все же вынужден в то же время констатировать тот факт, что переход на хуторское хозяйство малоземельных и бедных крестьян способствует в конечном итоге лишь их дальнейшей пауперизации и пролетаризации, причем в качестве причин, разорительно действующих на мелкие хуторские хозяйства, он указывал на те же самые обстоятельства, как и земские обследователи и крестьяне-корреспонденты Вольно-Экономического Общества, именно на малоземелье и на невозможность содержания скота за отсутствием достаточных выпасов. «Их (малоземельных) положение действительно в большинстве слу-

[1]) «Земский Сборник Черниговской губ.», 1909 г., стр. 83—85.

чаев ухудшается от расселения, но не вследствие уничтожения чересполосицы, которая и ранее редко касалась их, а потому, что оно, т.-е. расселение, упразднило общий выпас, в котором они участвовали, и потому, что даваемая им за это компенсация землею,—если она дается вообще,—редко соответствует действительному значению для них дорогого летнего корма скоту. Косвенно упразднение общего выпаса еще и тем влияет неблагоприятно на хозяйство малоземельных, что следствием его часто является продажа последней коровенки, а нет скота,—нет и удобрения, а раз нет удобрения, то земля неминуемо истощается» [1]).

Осенью 1913 года самим землеустроительным ведомством предпринято было исследование хуторского и отрубного хозяйства в отдельных уездах, избранных в различных районах Европейской России. Результаты обследования опубликованы в 1915 году [2]). Интересно, что и официальное обследование, производившееся на этот раз более или менее объективно, приходит в общем к малоутешительным выводам. Официальные данные дают различные картины хуторского хозяйства на Севере и Юге. В то время, как на Севере хуторские хозяйства успели приспособиться к новым условиям и обнаружить даже некоторые признаки прогресса, выразившегося в переходе от трехполья к многополью, также в росте количества молочного и рабочего скота и в сокращении процента безлошадных и бескоровных хозяйств, южные хутора, напротив, находятся еще в переходном, по официальному признанию, состоянии и «болеют». Здесь, напротив, менее заметен прогресс в системе полеводства и, в противоположность с Севером, в общем наблюдается уменьшение количества скота. К сожалению, на основании опубликованных данных не представляется возможным судить о том, как чувствуют себя в новых условиях владельцы хуторов различной степени достатка и зажиточности и насколько изменяется их доходность в зависимости от размеров землевладения. Но, быть может, самый факт лучшего приспособления к новым условиям хуторского хозяйства на Севере и боления их в южных уездах находится в зависимости от большей обеспеченности крестьян на севере и от малоземелья

[1]) А. Кофод, «Опыты самостоятельного перехода крестьян к хозяйству на отрубных участках надельной земли». Известия Русского Геогр. Общества, т. II, стр. 220—221, (отд. оттиск, стр. 54—55).

[2]) «Сводные данные о землеустроительном хозяйстве в 12 уездах».

и бедности крестьянства на юге. Сверх того, на севере выходы на хутора представляли в послереволюционные годы единичные явления, причем здесь, очевидно, переходили к хуторскому хозяйству лишь более зажиточные и состоятельные домохозяева, имевшие возможность взвесить предварительно для себя все выгоды и невыгоды такого перехода. Напротив, в южных губерниях переселения на хутора и отруба носили в те же годы более массовый и вынужденный характер, а, следовательно, зажиточные хозяева составляли относительно незначительный процент в общей массе вновь испеченных хуторян. Неблагоприятные в общем результаты насаждения хуторского хозяйства вынуждены были признать в конце-концов и сами энергичные проводники столыпинской землеустроительной политики. Так, в докладе о результатах землеустройства по киевскому генерал-губернаторству за 1910 г. указывается на малоземелье крестьян, как на главное «препятствие к широкому развитию» хуторского хозяйства [1]). Летом того же года сам господин начальник края Трепов предпринял поездку по хуторам и, в результате «господин начальник края и господин губернатор и сопровождавшие их лица из объезда вынесли впечатление, что успех хуторского расселения может тогда считаться обеспеченным, если одновременно и параллельно с другими работами будут производиться в широком масштабе агрономические мероприятия и знания, иначе хутора обречены на жалкое существование» [2]). Правда, здесь еще не говорится ни о малоземелье, ни о нищенских достатках крестьянства, но все же констатировано «жалкое существование» хуторян при настоящем положении дел. Спустя три года сельскохозяйственный съезд в Киеве 1913 года занял в отношении землеустройства отрицательную позицию, хотя на съезде и преобладали южные агрономы, отнюдь не являвшиеся принципиальными противниками «единоличного» хуторского хозяйства [3]).

Для оценки экономического значения совершившегося в деревне в послереволюционные годы переворота ценные и показательные данные дала анкета Вольно-Экономического Общества, охватившая и земледельческий и средневолжский районы (губернии: Воронежскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Казанскую, Нижегородскую, Пензенскую, Сим-

[1]) «Киевская Мысль», 1910 г., № 153.

[2]) «Современный Мир», 1911 г., сентябрь, стр. 207.

[3]) «Ежегодник Речи», 1914 г., стр. 99.

бирскую и Саратовскую). Полученные на основании этой анкеты данные дают возможность сопоставить хозяйство хуторян и отрубников с хозяйством крестьян, выделенных чересполосно, и, наконец, крестьян, оставшихся в общине. Приведем результаты этой анкеты, как констатирует их И. Чернышев, полностью: «Выходы из общины ко времени производства анкеты не изменили заметно характера хозяйства ни у оставшихся в общине, ни у вышедших из нее[1]). Однако, во всех хозяйствах заметны тенденции к улучшению: применение сельскохозяйственных машин увеличивается как у оставшихся в общине, так и у вышедших из общины, причем увеличение сельскохозяйственных машин в дворах, оставшихся в общине, имело место в 46,4% ответов и почти то же самое—46,8%—у дворов, укрепившихся чересполосно; увеличение сельскохозяйственных машин у отрубных и хуторян имело место в 50% ответов. Урожайность повысилась в хозяйстве дворов, оставшихся в общине,—15% ответов, у чересполосно укрепившихся—18,5% и у отрубных и хуторян—42,3%; о падении урожайности имелись также показания, но их было значительно меньше. О том, что урожайность уменьшается у оставшихся в общине, говорилось в 9% показаний, у укрепившихся чересполосно—в 5% показаний, у отрубных и хуторян—в 0,4% показаний. Точно также об увеличении количества скота у отрубных и хуторян говорилось в 28% показаний и об уменьшении—в 28% показаний; у оставшихся в общине об увеличении говорится в 18,8% показаний и об уменьшении—в 14%. Относительно улучшения содержания скота у оставшихся в общине говорилось в 13,8% показаний и об ухудшении также 13,8% показаний. Об улучшении содержании скота у укрепившихся чересполосно говорилось в 9,4% показаний, а об ухудшении—в 17% показаний; у хуторян об улучшении содержания скота говорилось в 52,3% показаний, и в то же время в 23% показаний—об ухудшении содержания скота. Очевидно в первое время ведение хозяйства на новых началах скотоводство было больным вопросом, выходящих из общины»[2]).

Итак, хозяйство хуторян, судя по результатам анкеты, находилось в более удовлетворительном состоянии, по сравнению с укрепившимися чересполосно и с оставшимися в общине; случаи сокращения, равно как и увеличения числа голов скота в хозяйстве хуторян наблюдались несколько чаще по сравнению с хозяйствами общинников. В большинстве ответов констатируется улучшение как условий содержания скота, так и урожайности в хозяйстве хуторян. В наихудшем положении, главным образом, в отношении содержания скота оказались, как и следовало ожидать, чересполосники. В общем, в экономическом положении хуторян наблюдался, таким образом, известный прогресс. Если мы вспомним, что в сообщениях корреспондентов в большинстве случаев хозяйственные улучшения констатированы у более зажиточных, «справных», «толковых и дельных» хуторян, ухудшения—у бедняков, зачастую живущих «на птичьих правах», то картина получится еще более полная.

[1]) Анкета производилась в 1911 г.

[2]) Чернышев, т. I. стр. XXIV—XXV.

Подводя итоги, мы приходим, таким образом к заключению, что переход на хуторское хозяйство, принявший относительно довольно широкие размеры в южных и центральных черноземных губерниях, приводил в конце-концов к тем же результатам, как и другие стороны совершавшегося в эти годы в жизни деревни процесса. Обманув ожидания авторов указа 9 ноября и, в общем не внеся заметных перемен к лучшему в положение крестьян, перешедших на хутора и отруба, по сравнению с общинниками, хуторское хозяйство оказалось в то же время пробным камнем для их хозяйственной состоятельности и тем самым способствовало своего рода отбору в среде крестьянства. Предоставленные самим себе и поставленные в худшие условия, особенно в отношении содержания скота, рядовые «единоличные» хозяева-хуторяне в случае малейшего недостатка средств оказывались несостоятельными и разорялись, опускаясь в низший слой сельских пауперов или будучи вынуждены окончательно ликвидировать свое хозяйство. Последнему обстоятельству в значительной мере, как мы видели, содействовала и банковская политика насаждения хуторских хозяйств. Напротив, более состоятельные и справные хозяева, и ранее составлявшие верхи деревни, теперь же освобожденные от опеки общины и обзаведшись земельной частью за счет бывших помещичьих экономий, частью за счет сообщественников, получили возможность еще более улучшить свое экономическое положение и повести хозяйство на широкую ногу. На одном полюсе деревенской жизни скопляются пауперы и пролетарии, на другом—зажиточные, справные хозяева, образующие ядро вновь возникающего класса сельской буржуазии. Это новое явление одинаково констатируется всеми наблюда-

телями деревенской жизни послереволюционного времени; что касается чересполосников, то в хозяйстве и положении последних наблюдается скорее регресс, нежели прогресс. И это неудивительно, если мы вспомним те цели, которые заставляли крестьян выделяться чересполосно. Зажиточные и состоятельные элементы деревни предпочитали, как мы видели, или выделиться к одному месту с тем, чтобы зажить «маленькими помещиками», или остаться в общине для лучшей эксплоатации сообщественников. Чересполосно выделялись крестьяне не с определенными хозяйственными целями, а прежде всего с целью либо продажи надела, либо закрепления за собою излишней по сравнению с наличным числом душ земли. Таким образом, оставаясь в прежних хозяйственных условиях и продолжая испытывать все неудобства, связанные с чересполосным владением землею, они в большинстве случаев не могли да и не имели в виду вносить значительные улучшения в свое хозяйство. Хозяйства их «ухудшаются», как пишет один корреспондент, «потому что укреплено не отрубами, а потому нельзя принимать хозяйственного севооборота и травосеяния» [1]). Земельные участки их точно также не расширялись, но лишь закреплялись за ними. Но не получая никаких выгод по сравнению с прежним своим положением, укрепленцы-чересполосники в то же время лишались и тех преимуществ, какие давались им общиной, и прежде всего общего выпаса скота. В преобладающем числе корреспонденты Вольно-Экономического Общества отмечают как ухудшение условий содержания скота, так и сокращение числа голов в чересполосном хозяйстве.

III.

Новые условия, создавшиеся в деревне, не замедлили отразиться, и притом самым существенным образом, и на положении наиболее пассивной, оставшейся в общине, части крестьянства. На положении крестьян-общинников одинаково тяжело отразилось как падение отработочной системы, так и выделы из общины, так как в том и другом случае сокращалась и без того недостаточная площадь общинного землепользования. В другом месте [2]) мы отмечали уже, что, несмотря на все свои отрицательные стороны, отработочная система и аренда имели

[1]) Чернышев, т. I, стр. 52—3, II, стр. 70.
[2]) См. «Красная Летопись», 1922 г., № 5.

то значение в жизни малоземельного крестьянства, что все же, как ни как, позволяли ему задержаться около земли хотя и ценой постоянных голодовок и недоедания. Падение отработочной системы ставило, поэтому, таких малоземельных крестьян-арендаторов в безвыходное положение, и на примере одной Саратовской латифундии, купленной банком, мы имели возможность наблюдать, какими последствиями ликвидация помещичьих имений угрожала населению окрестных деревень, вынужденных в большинстве продать свои нищенские наделы и окончательно ликвидировать хозяйство. Приведем еще один аналогичный пример из жизни той же Саратовской губернии. «Подлежало продаже имение Огаревка. Пахотной земли в этом имении 2000 десятин и несколько сот десятин леса. Владельцы имения предложили его Крестьянскому банку, но не сошлись в цене: банк оценил землю в 120 рублей десятину, а владельцы требовали 140 рублей. Тогда владельцы обратились непосредственно к крестьянам тех деревень, которые раньше снимали эту землю под свои посевы, именно: Чернавки, Тугузки, Сорокина, Даниловки и других. Землю крестьяне снимали на наличные, платя обычную в этих местах цену 25—30 рублей или обрабатывая исполу по довольно оригинальной расценке: $^2/_5$ крестьянину, а $^3/_5$—помещику, причем весь труд по пашне и уборке ложился на крестьянина. На этих же условиях убирали и луга. В особенно трагическом положении находятся Тугузка и Сорокино, крестьяне которых пользуются главным образом Огаревской землей; ничтожные наделы не в состоянии прокормить крестьян, а кроме Огаревского имения земли снимать негде. Тугузка, правда, стиснута помещичьими имениями с трех сторон: с одной — Аплечеевским, с другой—Даниловским, с третьей—Огаревским, но Даниловские земли тоже предназначены к продаже. Аплечеев же страшно теснит... Следовательно, огаревскую землю нужно приобрести во что бы то ни стало, иначе оставалось переходить в крепостную зависимость к взбалмошному барину Аплечееву. «Земля эта нам вот как необходима, что только ну!.. Без нее нам капут... Прямо надо говорить, что если земля эта уйдет из наших рук,—ложись и помирай! Одно слово!» Однако, земля таки ушла из рук общинников. Пока они судили да рядили, местные богачи из крестьян успели перекупить землю. Результаты для общинников получились самые печальные: крестьяне Огаревки, Сорокина, Даниловки и Тугузки «упустили землю из-под носа», и «не успели рта разинуть», как увидели, что она принадле-

жит «новым помещикам». Тугузцы остались в полном и бесконтрольном распоряжении «генерала» Аплечеева. Некоторые из них уже и теперь или ликвидируют свои хозяйства, или идут в кабалу ко вновь образовавшимся собственникам» [1]). «Несколько лет ожесточенной борьбы повели к тому, что положение только ухудшалось. Борьба заставила старых владельцев бежать из деревни, ликвидируя насиженные гнезда. Но в силу каких-то странных причин земля выскользнула снова из рук бедноты и попала в цепкие кулацкие лапы» [2]). «Прежде риндовались до забастовки, а после забастовки... взнуздали господа хужей аренды в десять раз», так резюмировал создавшееся положение крестьянин-корреспондент из другой губернии (Михайловский уезд, Рязанской губернии) [3]).

Не менее, если еще не более, чувствительный удар общине наносил и выдел земли отдельных домохозяев. Выделялись либо наиболее обеспеченные землей хозяева, либо хозяева, обладавшие по прежним разделам бо́льшим количеством земли, чем полагалось им на наличное число душ, либо, наконец, бобыли, старики, лица, порвавшие с деревней и жившие в городе, сдавая свои участки, по большей части, обществу за ничтожную плату, иногда просто за уплату податей. От общины таким образом отходила значительная часть земли и именно той земли, которая при ближайшем переделе пошла бы в раздел и которая находилась в арендном пользовании общины и прежде всего наименее обеспеченных землею хозяев. Для последних вместе с этим на будущее время исчезала надежда на расширение своих наделов. И действительно, переделы в результате частых выделов сталовились излишними и зачастую даже невозможными. В корреспонденциях с мест из различных губерний отмечается, что выделы препятствуют производству новых переделов. Иногда сами остававшиеся в общине крестьяне в результате многократных случаев выделов решали произвести окончательный раздел на участки с тем, чтобы «остаться на вечно на том, что достанется» [4]).

Естественно, что община почти всегда, как о том свидетельствуют многочисленные корреспонденции, относилась к

[1]) Коновалов. «В деревне». Современный Мир. 1909, февраль, стр. 26, 31.

[2]) Там же, стр. 33.

[3]) Чернышев, I, стр. 83.

[4]) Чернышев. I, стр. 53, 83, 176; II т., стр. 142.

таким выделам отрицательно и даже враждебно: «остающиеся в общине не могут смотреть спокойно, как тащат их землю: значит, будь несчастным» [1]). «У нас укреплялась земля на умершие души», пишут крестьяне-корреспонденты: «Это нам очень обидно, умерший и получил, живому человеку нет» [2]). «Нужна земля тому, который живой, а не мертвый... а землю взять негде для молодого люда» [3]). Не менее, нежели «мертвых душ», опасались крестьяне ушедших в город и на сторону и теперь требовавших свою землю с тем, чтобы продать ее: «бывшие в отлучке, приехавши, требуют себе землю. На таковое требование говорят: приезжай и паши, отказу тебе не будет. Недоводные подают в суд, суд присуждает... После чего приехавший ищет покупателя и продает землю, как свою собственность, богатому мужику; этого общество боится, как бы земля не перешла в руки кулаков» [4]). К таким «бродяжничающим» общества относились с особой враждебностью, видя в них «корень зла» и «бич обществ» [5]). Как показывают данные анкеты Вольно-Экономического Общества, «добровольное согласие» общества, нередко получаемое с помощью «утощенья», испрашивается не более, как в 25% случаев, в остальных 75% случаев выделы совершаются без согласия общества должностными лицами, часто насильственным путем [6]). О том же свидетельствует и анкета казанского земства; в большинстве ответов, полученных земским статистическим бюро, на вопрос об отношении общинников к выделяющимся собственникам, это отношение характеризуется как определенно враждебное [7]). Враждебное отношение к выделам нередко принимало особенно обостренные и даже дикие формы: поджоги, убийства, кровавые побоища на этой почве представляли нередкое явление. Сообщался даже случай сожжения живьем выделившегося из общины крестьянина его односельчанами, облившими его керосином и затем зажегшим этот живой факел» [8]).

[1]) Чернышев, т. II, стр. 141.

[2]) Тамбовская губерния. Чернышев, т. I, стр. 47.

[3]) Рязанская губерния, там же, т. I, стр. 78.

[4]) Пензенская губерния, там же, т. II, стр. 36.

[5]) Чернышев, т. II, стр. 36 и 138.

[6]) Там же, т. I, стр. 165, II т., стр. 137.

[7]) «Укрепление наделов в личную собственность в Самарской губернии».

[8]) Алексеев, «Очерки новой агрономической политики», Современный Мир, 1909 г., сентябрь, стр. 236—239.

Достаточно видеть в каком положении оказались крестьяне-общинники в результате падения отработков, с одной стороны, и землеустроительной политики, с другой, чтобы понять это озлобление. Вместо ожидавшегося расширения земельных наделов—их сокращение и потеря надежды расширить надел даже и при возможном будущем переделе; вместо помощи крестьянскому малоземелью — лишение последних средств существования и полная безвыходность. Вот как рисует, например, Коновалов злоключения населения деревни Е—нь (в Саратовской губернии): «Надельных земель у крестьян деревни Е—нь почти совсем не было, но возможность арендовать землю у соседнего землевладельца, хотя и на самых тяжелых условиях, позволяла им кое-как существовать. Когда же после кратковременного расцвета иллюзий на счет землицы крестьяне лишились и этих источников существования, под влиянием же деятельности «землеустроителей» и ничтожные сами по себе надельные земли их посократились, население деревни Е—ни очутилось совсем в безвыходном положении. Распустили Думу. Весть эта как громом поразила крестьян. На некоторое время на всех напал столбняк; затем снова «метнулись» к помещикам и снова ничего не добились... Когда е—цы увидели, что помощи «таперича не будет, и что помрут они в самом скором времени», решили «попытать счастье» «за Волгой» и тронулись почти всей деревней». Это было время переселений. Многие отправились с семьями, захватив лошадь и телегу. Многие решили «остаться где-нибудь навсегда, если подвернется случай». Точно неизвестны все приключения е—цев во время этой поездки. Впоследствии они рассказывали, что «за Волгу столько привалило народищу, что шапка валится», нанимали же лишь третью-четвертую часть, цены упали до крайности. После довольно продолжительной канители и целого ряда забастовок большую часть е—цев «вернули по этапу», а остальные, полуголодные и оборванные, вернулись месяцем позже—гибнет деревня! Последние часы, видно, пришли. Злое время наступило; господи, твоя воля!—Я не буду подробнее описывать дальнейшие мытарства крестьян Е—ни. Их каждому легко себе представить. Кто бежал в город, кто шел в кабалу за кусок хлеба, кто шел по-миру, кто не дорожил жизнью; тюрьма не пугала, люди шли «напролом». Кое-кто «крепился», «подтягивая животы»! Писали, ходатайствовали, но полное разорение шло быстро и приближалось к концу. За исключением десятка зажиточных мужиков, нагревших руки при общем разорении и голоде, все видели, что «висят на волоске», и что «куда-нибудь нужно податься» [1]). И вот в результате «пустая деревня, забитые окна... Хотелось бы скорее отсюда, и отдохнуть на чем-либо менее тоскливом и тяжелом» [2]).

Оставался единственный «законный» путь помочь делу и расширить общинное землевладение покупкой, однако с подъемом цен, вздутых банком, с ростом разногласий и обострением взаимных отношений внутри самой общины все более закрывался и этот последний выход. Намерение прикупить землю обществом отмечалось в 47 ответах Вольно-Экономического Общества [3]), но в то же время в большинстве случаев констатировалась невозможность осуществления этого намерения. Иногда просто «прикупить стало негде, потому что помещики продавать остановились» [4]). В других случаях оказывалось, что у самой общины «прикупить силов нет» [5]), «прикупить не видят возможности, часто ждут от царя наделения землей» [6]). Часто покупка тормозилась взаимным недоверием: «по переделу земли решительно ничего не принимают, потому что закружились между себя судами из-за земли, а что касается прикупить обществом или взять в аренду, то об этом и думать нечего, потому что крестьяне в объединении не сговорятся и один другому не верит в будущности» [7]). «Общинники никогда прикупать не будут, потому что в общине вечные раздоры» [8]).

На приведенном выше примере продажи имения Огаревка мы видели, как именно вследствие несогласий внутри общины крестьяне упустили случай купить соседнее имение. Часто ответы корреспондентов свидетельствуют о полнейшей апатии и пессимизме: «оставшийся в общине ничего не думает, ожидает, что будет свыше» [9]), «оставшиеся в общине как были нищими, так и будут» [10]). Но иногда общественные покупки земли все же

---

[1]) Коновалов. «Землеустроители». Современный Мир», 1909 г., октябрь, стр. 8—9.

[2]) Там же, стр. 29.

[3]) 28 в центр. земледельческом районе и 19 средневолжском. Чернышев, т. I, стр. 176, т. II, стр. 142.

[4]) Рязанская губерния, Чернышев, т. I, стр. 83.

[5]) Тамбовская губерния, Чернышев, т. I, стр. 53.

[6]) Пензенская губерния, Чернышев, т. II, стр. 142.

[7]) Пензенская губ., Чернышев, т. II, стр. 41.

[8]) Там же, т. II, стр. 41.

[9]) Симбирской губ., Чернышев, т. II, стр. 90.

[10]) Пензенская губ., Чернышев, т. II, стр. 42.

предпринимались и в таком случае обычно с помощью банка: «крестьяне волей-неволей покупают землю по помещичьей оценке[1]), получая из банка ссуду и доплачивая верхи». Однако «помощь» банка и в данном случае приводила к тем же конечным результатам, как и в случаях покупок земли отдельными хуторянами, тем более, что, согласно общему направлению земельной политики правительства, такая помощь сельскому обществу оказывалась с меньшей готовностью и охотой со стороны банка. Земля, купленная из имений банка или при его посредничестве, сплошь и рядом отбиралась у сельских общин и товариществ за неплатеж с такой же неумолимостью и беспощадностью, как и у отдельных хозяев, а при отсутствии средств у менее состоятельных элементов общества и при наличии внутренних трений и разногласий такие неплатежи представляли не менее, если не более, частые явления, чем при единоличных покупках. Вот, например, история одной такой покупки, передаваемая членом 1-й Думы Аникиным со слов его «приятеля» крестьянина, участвовавшего в этой покупке: крестьяне нескольких соседних сел «укупили» известную Тепловскую латифундию графа Воронцова-Дашкова. Из 15 сел, купивших графское имение, свою землю удержала только одна деревушка, да и у той вот-вот отберут. Некоторые села успели уже заплатить порядочную сумму, не менее половины всей стоимости. Вся земля теперь находится в распоряжении банка и арендована теми же крестьянами. «Стращают, что нонешний год сам банк будет засевать! — закончил мужик: — и семян, слышь, накупили».—«А как же вы-то?»—«Мы как хошь... Объявка вышла, чтобы давать землю только тому, кто привезет три рубля задатку и десят процентов старых долгов за прошлогоднюю, значит, аренду... Допрежь задатку брали по 1 рублю. Что-то будет?...»[2]) А вот другой характерный пример банковской «помощи» крестьянам, о котором сообщает один из корреспондентов Вольно-Экономического Общества (из Сенгилеевского уезда, Симбирской губернии): «в 1909 г. отнята земля у Н-товарищества (131 домохозяин) вместе с озимым посевом 400 десятин, а всей земли 1700 десятин взято крестьянским банком за долг в 9000 рублей». 1700 десятин, в том числе 400 десятин посева, за 9000 рублей![3]).

[1]) Обычно повышенной даже по сравнению с банковскими ценами.
[2]) Аникин. «Чего просит деревня». В. Е. 1909 г., февраль, стр. 738.
[3]) Чернышев, т. II, стр. 91.

Неудивительно, что сельские общины, поскольку они и рассчитывали ранее на покупку при содействии банка, в конце концов увидали себя вынужденными отказаться от подобной «помощи». В то время, как число единоличных сделок при помощи банка и размеры отдельных образовавшихся участков обнаруживали, как мы видели, неуклонную тенденцию к возрастанию, покупка сельскими обществами из имений банка и при его посредничестве быстро сокращалась как в отношении числа заявлений и совершенных сделок, так и в отношении к среднему количеству приобретаемых десятин земли на каждую сделку:

Годы.	Число заявлений сел. обществ на покупку земли у частных владельц.	0/0 к общему числу заявлений о покупке у частных владельцев.	Площадь земли в десят. по заявлениям сельских обществ.	0/0 к общ. числу десятин.	Число выданных ссуд.	0/0 к общему числу ссуд.	Площадь земли, приобретенной сельскими обществами от банка и частных владельцев.	0/0 к общей площади.	Среднее количество дес. земли на каждую покупку.
1906	1646	17,4	626,452	39,4	395	12,7	176284	33,8	446,3
1907	1105	11,9	407,619	31,3	793	14,7	351432	37,7	443,2
1908	738	3,8	271,909	18,7	708	3,6	226257	22,2	319,6
1909	332	1,1	87,247	7,9	525	1,0	106167	8,7	202,2
1910	236	0,7	60,977	6,5	531	0,9	137148	8,8	258,3
1911	225	0,9	41,730	5,8	293	0,3	61230	4,4	208,9
1912	162	0,7	33,416	5,4	301	0,7	36169	3,9	120,1

Итак, за 5 лет общинное землевладение при помощи банка расширилось всего на миллион десятин, в то время как за то же время сокращение общинных земель путем выделов из них достигло 14 миллионов десятин. Покупка таким образом не только не способствовала сокращению крестьянского малоземелья, но далеко не компенсировала убыли наличной земли. При этом должно еще принять во внимание высокий процент отбираемой обратно за неплатеж земли, и, с другой стороны, быстрое падение размера ежегодно приобретаемой площади, которая с 350 тысяч десятин в 1907 году сокращается к 1912 г. до совершенно ничтожной цифры 36,169 десятин. Покупки через банк, таким образом, все более вызывали разочарование в среде крестьянского общества и все более становились для них невозможными. Вместе с этим перед массой крестьян-паупероз закрывался последний выход.

«Крестьяне часто собираются, много говорят о создавшемся положении вещей и предлагают всевозможные планы... Дело ясное: создались такие условия, что жить совсем нельзя, предстоит голодная смерть... Значит, нужно что-нибудь делать, но что делать? Люди цепляются за каждый предлагаемый план, в каждой мелочи ищут опоры» [1]). Ищут, но, как мы видели, не находят. Тяжелым положением общины, прежде всего, воспользовались богатые и зажиточные элементы деревни, «кулаки» и «хозяйственные мужики»; в руках этих последних по преимуществу и оказалась теперь вся та земля, которую крестьяне «риндовали до забастовки», равно как и надельная земля, которая, начиная с 9 ноября 1906 года, быстро уплывала из рук общинников. Обладание всей этой массой, в которой так нуждалась община, давало им новую возможность эксплоатации крестьянской бедноты, и мы видели выше, что, например, в Покровской Слободе Самарской губернии первым следствием сосредоточения земли в руках местных богачей явилась самая бесцеремонная эксплоатация с их стороны покровского общества работой и арендами [2]). Этой возможностью эксплоатировать сообщественников и объясняли корреспонденты Экономического Общества тот факт, что богатые крестьяне-«мироеды» далеко не все спешат выйти из общины и перейти к хуторскому хозяйству. «Много в общине и Колупаевых и Разуваевых. Эти господа то подешевле снимут у общества в аренду покос, капустник и лес, то, как сильные, отвлекают иногда начало покоса, дележа леса, сообразуясь с своими выгодами», жалуется крестьянин-корреспондент из Нижегородской губернии [3]). «Богатые благоденствуют, а бедные терпят недостаток в земле и через то удручены своим бедственным положением; именно потому, что землю нанять стало негде при многочисленности рабочих рук. Хотя зажиточные крестьяне купили себе земли у помещиков, но живут в селе, не переселяются на хутора, чем причиняют притеснения безземельному бедному люду», пишет и сторонний наблюдатель, учитель-диакон [4]). Третий корреспондент еще более мрачно смотрит на будущее: «От себя напишем по своей малограмотности, что хорошего ничего не ожидаем и едва ли можно ожидать, потому что весь бедный люд все время работал на кулаков-богатых мужиков, а теперь

[1]) Коновалов, «Современный Мир», 1909 г., февраль, стр. 33.
[2]) Речь, 1911 г.
[3]) Чернышев, т. II, стр. 63.
[4]) Чернышев, т. I, стр. 30.

и среднего сословия мужики будут подпадать порабощению при уменьшении земли, которая уходит в богатые руки из общества, которое крепло с 1861 года. Только изредка попадали сельские начальники хорошие, а опека над начальством смотрела сквозь пальцы, а теперь после указа началось терзание общества с болевшим, но не разорвавшимся сердцем, а теперь разрывают его. Общее положение, изданное в 1861 году, было по душе в нашей местности большинству народа... Земля постепенно только уменьшалась в обществе... Сердце радовалось разделу новому, а теперь из общества стали рвать приближавшиеся к смерти и бездомники и бродяги: сознали свою силу, что могут во всякое время требовать собственность и продавать кулакам» [1]). Так к классу нарождающейся сельской буржуазии, к этим «новым помещикам», как называли их на местах, все более переходила решающая роль в жизни деревенской. «В настоящее время вокруг этих людей как-то сконцентрировалась вся деревенская жизнь. Хорошие и, большею частью, дурные стороны деревенского быта связаны с ними, и история какого-либо из них является как бы историей всей деревни или села за последние годы» [2]).

Итак, какие бы мы ни взяли стороны деревенской жизни послереволюционного времени, повсюду мы встречаемся с одним и тем же процессом расслоения деревни, растущего значения зажиточной сельской буржуазии при одновременной пауперизации и пролетаризации массы населения. Начавшись, так сказать, на периферии деревенской жизни с выхода из общины элементов, давно уже порвавших с деревней, процесс этот быстро распространился, охватил в короткое время все сельское население, включая и наиболее пассивную его часть, до самого последнего времени оставшуюся верной общинным порядкам. Нарождение новой буржуазии в России, таким образом, сразу же приняло форму болезненного кризиса, который тяжело отражался на положении массы сельского населения и, вопреки официальному оптимизму, на первый план выступали скорее отрицательные, нежели положительные его стороны.

Процесс перерождения деревни охватывал различные районы далеко не с одинаковой силой. С наибольшей интенсивностью проявлялся он, естественно, в тех местностях, где более

[1]) Чернышев, т. II, стр. 38.
[2]) Коновалов. «Новый помещик». Русское Богатство, 1909 г., сентябрь, стр. 54.

сильны были еще пережитки крепостничества, именно, в центральных черноземных и малороссийских губерниях. Здесь же он принимал и наиболее болезненные формы. Напротив, в западных и юго-западных губерниях, где разложение общины началось еще задолго до указа 9 ноября, переход от общинного к хуторскому хозяйству, хотя и представлял не менее широко распространенное явление, но уже не сопровождался теми тяжелыми последствиями, как в центральных губерниях, и в то же время положительные стороны единоличного хозяйства успели обнаружиться более рельефно и определенно [1]). Наконец, в промышленном районе, где жизнь деревни уже ранее успела приспособиться к новым условиям капиталистического производства, где, напротив, крепостничество находилось в упадке уже ко времени паденья крепостного права и освобождения крестьян и где, наконец, и малоземелье не проявилось с такой силой и не имело того значения в жизни крестьянства, как в губерниях черноземной полосы, раскрепощение деревни и устранение искусственных стеснений, налагавшихся общинным строем, прошло совсем почти безболезненно и незаметно, при чем и здесь, как и в западных губерниях, ранее сказалось и благотворное влияние новых условий. Как мы видели, официальные исследователи хуторского хозяйства констатировали лучшую приспособляемость северных хозяйств к новым условиям и заметный прогресс, обнаружившийся в них еще к 1913 году при одновременном упадке и «болении» хуторских хозяйств центра и юга.

Резюмируя содержание настоящего очерка, мы можем признать, что развитие хуторского и отрубного хозяйств подвигалось вперед далеко не так успешно, как рост единоличной собственности на землю. Главным препятствием на пути развития хуторского хозяйства являлось крестьянское малоземелье и отсутствие средств у крестьян, т.-е., другими словами, то самое крестьянское оскудение, вопрос о котором не мог быть разрешен бюрократическим и не был разрешен и революционным путем. Поскольку хуторские хозяйства оказывались успешны-

[1]) Ср. цитированную выше статью Кофода об отрубном хозяйстве в западных губерниях, писанную еще до революции. Эти же губернии имелись в виду и в упомянутой выше полуофициальной брошюре Юрьевского. О хозяйственном прогрессе в западных губерниях (Виленской, Смоленской и др.), сообщали и другие корреспонденты с мест, ср. «Ежегодник Речи 1914 г.», стр. 98—99.

ми, это были хозяйства состоятельных и зажиточных крестьян, окрутление и увеличение которых, как мы видели, совершалось, прежде всего, за счет общинных и частью тех помещичьих земель, которые арендовались ранее крестьянами-общинниками, т.-е. за счет дальнейшего разорения этих последних. Вполне понятно поэтому то враждебное чувство крестьян общинников к выделившимся из общины хуторянам, которое нашло себе выход во время аграрного движения летом 1917 года.

А. Тюменев.

II.

Стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

Экономические кризисы при нэп'е.

(Доклад товарища Преображенского, прочитанный 1 ноября 1923 года).

Базаров.

Открываю заседание Социалистической Академии. Слово имеет тов. Преображенский.

Преображенский.

Товарищи, экономический кризис, который происходит у нас в нашем хозяйстве, начиная приблизительно с августа месяца, привлекает к себе самое пристальное внимание как со стороны наших хозяйственников, непосредственно затронутых в своей деловой работе этим кризисом, так и всех экономистов, которые хотят теоретически осмыслить то, что происходит.

Но нужно сказать, что еще очень недавно мы не ставили вопросов об экономических кризисах при нэп'е на детальное обсуждение в литературе и на собраниях. Казалось, что при такой системе хозяйства, когда основные командующие, как мы называем, высоты находятся в руках государства, когда государство имеет монополию на крупную промышленность, транспорт, внешнюю торговлю, когда в его руках находится вся банковая система и большая часть оптовой торговли—при такой системе хозяйственные кризисы вряд ли могут иметь серьезное значение. Так думали многие, но далеко не все. И те, которые так не думали, не ошиблись. Наоборот, кризис является первым предостережением тем оптимистам, которые предполагали, что в условиях нэп'а кризисов быть не может или они

будут настолько смягчены и скоропреходящи, что о них не придется говорить. Характерный пример для иллюстрации того, как на этот счет смотрели даже очень знающие экономисты. На днях вышла книжка тов. Милютина, называющаяся „Новый период мировой экономики". Эта книга очень содержательна, я ее рекомендую вашему вниманию, но вообще я не нашел в этой книжке ни слова по тому вопросу, который нас в настоящий момент волнует. А между тем система зародышевого социализма в крестьянской стране, при диктатуре пролетариата, неизбежно должна порождать внутренние диспропорции в хозяйстве и, следовательно, вопрос о том, как ослабить эти диспропорции, как ликвидировать соответствующей экономической политикой вредные последствия этой диспропорции, — этот вопрос должен был бы занимать одно из центральных мест в экономическом исследовании, посвященном анализу экономических форм переходного периода и в частности нашей экономики, как единственной пока реальной иллюстрации для таких форм. У тов. Милютина в его книжке мы этого не находим. Я привожу этот пример в доказательство того, как еще очень недавно, до урожа этого кризиса, мы к вопросу о возможности таких кризисов относились довольно оптимистически. Но с тем большим вниманием нам приходится теперь, хотя и с опозданием, направить свое внимание на эту сторону и проанализировать все особенности нашей экономики под углом зрения реализации продукции государственной промышленности, под углом зрения обмена веществ между городом и деревней.

Прежде чем я перейду к рассмотрению того, каков удельный вес отдельных составных частей нашего хозяйственного целого, на основании данных о продукции за 1922/23 гг., я хочу сказать несколько слов о нашей экономической структуре. Форму хозяйства, которая у нас установилась, принято, по инициативе Владимира Ильича, называть государственным капитализмом. Правда, в своей последней статье о кооперации, помещенной в „Правде", он нам объяснил, что он это слово употреблял в довольно условном смысле, имея в виду, главным образом, чисто практические цели и рассчитывая на крупные концессии со стороны иностранного капитала, и как будто дает понять, что он употребил этот термин скорее из тактических соображений по отношению к мировому капиталу, чем в интересах строго

научного определения нашей системы хозяйства. Во всяком случае это определение недостаточно правильно с точки зрения научно-теоретической и не вносит должной ясности и в область практики. Тем лучше, следовательно, что Владимир Ильич, если не прямо отказался в своей последней статье от этого термина, то по крайней мере подчеркнул крайне условный его смысл. Нашу систему хозяйства правильнее будет назвать смешанной товарно-социалистической формой хозяйства. Мы имеем, с одной стороны, государственную промышленность и транспорт в руках государства, при чем этот кусок социализма вынужден экономически существовать в обстановке товарного хозяйства и товарными методами прокладывать свой путь вперед, а на другом полюсе—окружение мелкобуржуазного хозяйства, которое по размерам своей продукции играет превалирующую роль во всем нашем хозяйстве. Те формы, которые можно назвать государственно-капиталистическими, играют довольно незначительную роль. Сюда надо отнести смешанные общества, т.-е. частичное сращивание, если можно так выразиться, нашего социалистического капитала с капиталом иностранным, или, отчасти, с частным капиталом внутренним. Сюда условно могут быть отнесены кооперативные предприятия, если мы всю кооперацию нашу в ее теперешнем виде будем рассматривать как известную форму сращивания кооперативного капитала с государственным, для чего известные практические и теоретические основания есть. Затем к государственному капитализму можно наконец отнести небольшое количество концессионных предприятий. Число их увеличивается, но в нашей экономике удельный вес их пока ничтожен. Затем следует частный торговый капитал. Как вы увидите из анализа тех цифр, которые я приведу, он играет огромную роль во всей нашей экономике в сфере распределения. Но этот капитал является не государственным, а антигосударственным. Дальше идет мелкобуржуазное производство города и деревни—основная форма нашей экономики. Я не говорю о патриархальных формах хозяйства, которые у нас большой роли не играют. Вот пестрая картина тех хозяйственных форм, которые переплетены между собой, при чем формами переплета между ними является торговля, с одной стороны, и банковский кредит, с другой стороны. В общем и целом все эти формы находятся в непрерывной связи друг с другом и мы имеем

право уже говорить о едином хозяйственном организме, если абстрагируемся от того хозяйственного отрыва деревни от города и от начинающегося бойкота города деревней, который последнее время усилился, но который имеет несомненно временный характер. Вот та сложная система хозяйства, которую мы имеем, и которую, как я говорил, правильнее будет назвать смешанной товарно социалистической формой хозяйства, и в которой главную руководящую роль, роль паровоза, тащащего за собой товарные вагоны, играет и еще больше будет играть наша государственная промышленность, наш транспорт, а также и наша банковская система.

Чрезвычайная сложность вопроса, который стоит перед нами, когда мы проблему реализации должны ставить в обстановке товарного хозяйства, заключается в том, что, во-первых, нам чрезвычайно трудно учесть все элементы пропорциональности в каждый данный момент, в каждый данный год. С другой стороны, существуют трудности и иного свойства. Мы не имеем статистики, целиком приспособленной к маневрированию государственного хозяйства в этом чрезвычайно сложном конгломерате отдельных хозяйственных систем. Затем, если бы мы имели даже такую статистику в отношении государственной части хозяйства, то мы не могли бы никогда точно учесть, с одной стороны, емкость рынка нашего мелкобуржуазного окружения, а, с другой стороны, при колеблющихся ценах на продукты крестьянского хозяйства, влияние внешнего рынка на всю нашу систему хозяйства. Но как бы то ни было, как бы трудна задача этого анализа ни была, мы ничего не можем понять в теперешнем кризисе, ни с точки зрения его причин, ни с точки зрения того, как он сейчас протекает, ни с точки зрения ближайших перспектив, если эту проблему реализации мы не поставим, если не выясним, каковы основные элементы пропорциональности при теперешней системе хозяйства и когда обмен веществ между городом и деревней может протекать нормально, без опасности в дальнейшем обрыва связи между городом и деревней.

Чтобы ясно стало, с какими цифрами мы должны здесь оперировать, я приведу вам все необходимые материалы и вычисления, которые относятся к этому вопросу. Прежде всего, относительно удельного веса отдельных составных частей в нашей экономике. Начну с продукции промышлен-

ности. По вычислениям наших экономистов и статистиков, вычислениям, которые могут быть оспариваемы, но которые являются в конце концов последним словом нашей статистики, чистая (т.-е. без сырья и топлива) продукция нашей промышленности до войны в 1913 г. равнялась 2.300 милл. золотых рублей. Теперь *валовая* продукция нашей промышленности в довоенных ценах равняется 1.650 милл. золотых рублей за 1922—1923 гг. Валовая же продукция нашей промышленности в современных ценах, то-есть во вздутых ценах, по среднему индексу промышленных изделий за 1922—1923 год до первого октября,—стоимость ее равна 2.315 миллионам золотых рублей. Стоимость чистой продукции нашей промышленности, — а чистую мы получаем таким путем, что берем 38% от валовой на основании установленных данных для таких вычислений,—чистая продукция нашей современной промышленности равна 877 мил. зол. рублей. Я должен сказать, что эти цифры получены следующим образом. После того, как подсчеты в ЦСУ не удовлетворили экономических работников Госплана, он предпринял собственные вычисления, при чем эти вычисления делали тов. Громан и тов. Струмилин. Данные тов. Громана больше тех, которые я здесь привожу, а эти данные получены нами в комиссии, которая была специально назначена Госпланом для учета продукции и состояла из Струмилина, Громана и меня. Эти данные являются данными комиссии. Способ подсчета, который мы применяли, был следующий. На основании данных статистики труда мы взяли количество рабочих, работающих в государственных предприятиях. Затем, на основании статистики ВСНХ мы взяли сумму годовой продукции каждого отдельного рабочего, выведенную в ВСНХ на основании учета стоимости продукции 1 миллиона рабочих. Затем мы помножили количество занятых рабочих, установленное статистикой труда, на количество выработки отдельного рабочего и получили ту сумму, которую мы считаем наиболее правильной. Были другие проверочные работы для выяснения этой продукции; полученные цифры были либо немного меньше, либо немного больше наших. Таким образом, эту цифру 877 мил. по теперешним ценам за прошлый год чистой продукции государственной промышленности мы считаем довольно вероятной и во всяком случае если неточной, то в сторону уменьшения.

Теперь посмотрим, сколько давал до войны и дает теперь

наш транспорт железнодорожный и водный. 607 мил. давал железнодорожный и около 91 мил. водный, кроме морского, который здесь не включен. Мы его не включили и в теперешние подсчеты, потому что он представляет ничтожную величину. Таким образом, транспорт давал 698 мил. Теперь, если брать 40% довоенных, что приблизительно соответствует грузообороту, то тогда стоимость нашего транспорта будет приблизительно 280 или, с округлением, около 300 мил. зол. руб. в год. Таким образом, если сложим эти цифры стоимости продукции госпромышленности и транспорта, то получим 1.117 мил. зол. руб. Вот ценностный бюджет нашего государственного хозяйства.

Теперь посмотрим, какова продукция ремесла, кустарной промышленности, арендованной частной и кооперативной. Довоенная чистая продукция равнялась по подсчетам одних статистиков 700 мил. зол. руб. Тов. Громан считает правильной именно эту цифру. По данным же Прокоповича эта цифра равняется 900 мил. Таким образом, довоенная цифра от 700 до 900 мил. Это стоимость чистой продукции кустарной и ремесленной промышленности. Какова стоимость продукции этих отраслей теперь? Мы произвели следующий подсчет. Мы имеем данные последней городской промышленной переписи ЦСУ на декабрь месяц. На основании этих данных за декабрь месяц, помножая эти данные на 11 и причисляя на основании довоенных соотношений продукцию промышленности кустарной и ремесленной, существующей в деревне, мы получаем цифру валовой продукции кустарной промышленности 452 мил. зол. руб. по теперешним ценам промышленных изделий. Мы пытались получить эту цифру другим путем и получили 405 мил. зол. руб. Этот второй путь менее верен, потому что мы помножали количество кустарей и занятых у них по найму рабочих на стоимость средней выработки отдельного работника. В результате мы получили эту цифру 405 мил. зол. руб., которая ниже действительной, потому что количество кустарей и занятых в кустарных заведениях рабочих мы брали по переписи 1920 года. С тех пор, т.-е. после 1920 г., количество кустарей и рабочих у них, а также число частных и арендованных мелких заводов и кооперативных предприятий увеличилось. Этим нужно объяснить тот факт, что первая цифра получилась больше второй, полученной другим путем.

Затем мы пришли к заключению, что будет правильнее увеличить эту сумму на 20%, принимая во внимание недоучет как количества заведений, так и их продукции. Это прибавление в 20% мы считаем минимальным. В итоге мы получаем сумму всей валовой продукции в 564 мил. зол. руб., а чистую, т.-е. без сырья заказчиков, мы будем иметь с округлением в 400 мил. зол. руб. Таким образом, у нас противостоят две величины: с одной стороны, государственная промышленность и транспорт,—1 миллиард 177 миллионов, и на другом полюсе противостоит кустарная промышленность со своими 400 миллионами золотых рублей чистой продукции.

Теперь перехожу к сельскому хозяйству. Продукция сельского хозяйства, чистая, до войны исчислялась по данным Прокоповича и тех предварительных работ, которыми он пользовался для своего подсчета, в 5.630 мил. зол. руб. Наша продукция чистая за 1922—1923 гг., если считать в довоенных ценах по вычислению Громана, равна 4.200 миллионам, а чистая продукция с. х. по современным ценам на сельскохозяйственные продукты равна 3.100 миллионам. Вот те величины, с которыми приходится оперировать нам для дальнейшего анализа. Но эти суммы продукции на одном полюсе, следовательно, сельское хозяйство 3.100 миллионов по современным ценам, на другом полюсе кустарная промышленность и продукция нашей госпромышленности в 1.277 миллионов зол. руб., и с транспортом 1.577 мил. руб.

Эта цифра не может быть нами правильно оценена и использована для ответа на вопрос, который перед нами стоит, если мы не проведем анализа в другом направлении. Нам нужно определить, в каком же размере продукция сельскохозяйственная является продукцией товарной, в каком размере крестьянство потребляет в натуральной форме продукты своего производства, и какую часть их оно вывозит на рынок. Относительно этого у нас есть самые различные по результатам подсчеты. Я вас познакомлю с теми данными, которые имеются. Прежде всего, относительно того, как обстояло здесь дело до войны. До войны, как я уже сказал, сельскохозяйственная товарная продукция была равна 5.630 мил. зол. руб. В натуральной форме потреблялось 3.797 мил. Таким образом, товарная часть сельскохозяйственной продукции, т.-е. та, которая появлялась на рынке, была равна 1.833 мил. зол. руб. и, следовательно, процент товарности

равен 32,6 (данные Прокоповича), т.-е. $^1/_3$ продукции всего сельского хозяйства до войны поступала на рынок. Как же обстоит дело теперь? Этот вопрос имеет колоссальное значение для ответа на целую кучу других вопросов и для всей той проблемы, которую я поставил. Поэтому я остановлюсь на трех методах подсчета, которые дают различные результаты. Первый метод. Если мы из чистой продукции сельского хозяйства по довоенным ценам,— а таковая равна 4.200 мил.,— вычтем то, что потреблялось полностью до войны, т.-е. если мы будем исходить из предположения, что теперь наше крестьянство сохранило полностью нормы потребления, которые были до войны, мы получим сумму с остатка в 402 миллиона зол. рублей. Если мы отсюда вычтем продналог, который крестьянство уплатило, и этот продналог расценим по 70 копеек за ржаную единицу, то мы должны будем вычесть из 403 мил. 263 миллиона зол. руб. Итого та часть продукции крестьянства, которая могла бы быть выброшена на рынок, равна всего-на-всего 140 мил. зол. руб.

Стоимость продналога высчитана таким образом. Самые последние данные от Наркомпрода о сумме полученного по продналогу за 1922—1923 гг. дают 377 мил. 400 тыс. ржаных единиц. Я делаю помножение на 70,—приблизительно эта цифра соответствует довоенной,—и получаю 263 мил. Так как весь расчет ведется в довоенных ценах, то получаются сравнимые величины. Таким образом, при таком методе подсчета, при котором мы явно преувеличиваем размеры крестьянского потребления, мы получаем остаток в 147 мил.,—сумма, которая в качестве рыночной базы для нашей промышленности представляет совершенно ничтожную величину. Другие методы, более точные и близкие к истине, такие. Мы берем довоенный процент товарности 32,6%, но делаем поправку из пропорции: товарность до войны должна быть во столько раз больше теперешней товарности, во сколько продукция довоенная была больше теперешней продукции. Из пропорции мы получаем % товарности 24,3% для всего сельского хозяйства. И тогда мы получаем, что на всю сумму теперешней крестьянской продукции по довоенным ценам может вступить в товарооборот 1.200 мил. Вычтя продналог и переведя довоенные цены на теперешние, получим сумму в 522 мил. зол. руб. Вот та сумма, на которую крестьянство может продать и на которую пропорционально может купить.

Если брать % товарности на чистую продукцию по теперешним ценам, что методологически, конечно, правильнее, потому что крестьянское потребление вряд ли сильно меняется от движения цен, то тогда мы будем иметь следующую сумму: 755 свободных излишков минус продналог 263—в результате получится 492 миллиона рублей. Таким образом, два последние вычисления дают почти одинаковую сумму.

Теперь я скажу, как обстоит дело с другими вычислениями, приближающимися к этим вычислениям. Данные тт. Струмилина и Громана дают около 700 мил. [1]), данные ЦСУ—306 мил. Таким образом, моя сумма является средней между этими цифрами. Я считаю довольно вероятной сумму среднюю между 500 и 700, которую приблизительно можно принять за сумму товарности крестьянского хозяйства. Таким образом, в результате нашего подсчета получается пара основных величин. На одном полюсе мы имеем 1.277 мил. продукции государственной промышленности плюс кустарная промышленность и ремесленная частная и кооперативная. На сельскохозяйственном же полюсе мы видим 500—700 милл. Вот основные данные для учета как пропорциональности, так и диспропорции в нашем хозяйстве.

Продолжаю анализ дальше. Поставим себе вопрос, в какой же пропорции находилась до войны стоимость выбрасываемых сельским хозяйством на рынок продуктов к довоенной стоимости продукции промышленности крупной и мелкой, тоже выбрасывавшейся на рынок? Взаимоотношения были следующие. Как я сказал, сельское хозяйство до войны выбрасывало на рынок продуктов на сумму 1832 мил. зол. руб. Процент товарности промышленности примем за 100%. Тогда мы получим, что на крупную промышленность приходится 2.300 миллионов и на мелкую 900 миллионов. Лесоводство и рыболовство с учетом уже другого процента товарности давали 220 миллионов; строительная промышленность—408 миллионов. Я беру цифровой материал Проконовича, но суммирую иначе, чем он, потому что он к

[1]) Научную ценность вычислений тов. Струмилина, сделанных на основании бюджетных исследований в городах, я считаю научно более обоснованной. Но мне кажутся ошибочными приемы расположения бюджетных средних на все, особенно мещанское население мелких городов России. Благодаря этому преувеличивается покупательная способность города на продукты земледелия.

сумме продукции строительной промышленности присоединяет сумму квартирных плат от домов, что методологически ошибочно. В доходе *данного* года нельзя считать часть продукции прошлого года, как делает он. В результате мы получаем товарность промышленности в размере 3.828 мил.; товарность земледелия до войны 1832 мил., а процентное отношение сельскохозяйственной товарности к товарности промышленной равнялось 48%.

Каковы же соотношения теперь?

Здесь мы приближаемся к самому серьезному моменту во всем исследовании. Здесь могут быть два метода вычисления. Так как по лесоводству и рыболовству мы не имеем данных за 1922—23 гг., то, во-первых, мы можем приблизительно в два раза уменьшить довоенную цифру пропорционально уменьшению всей продукции мелкой промышленности и ремесла и затем прибавить эту цифру к стоимости продукции нашей крупной и мелкой индустрии, либо мы можем исключить рыболовство и лесоводство из подсчетов и до войны и после войны. Я употреблял и тот и другой метод. И вот результат, который получился из этих подсчетов. Если мы примем, что строительная промышленность, рыболовство и лесоводство дают у нас 50% довоенных, тогда теперешнее соотношение будет соотношением 500 мил. сельскохозяйственной продукции к 1.591 мил. городской, а в процентах 31,5% против 48% до войны. При втором вычислении довоенного положения мы получим 57%, для теперешнего только 38%. Это, товарищи, сухие цифры, и не сразу можно уловить, в чем тут дело. Но эти цифры характеризуют самое зерно вопроса, который перед нами стоит. Довоенное наше хозяйство достигло чистостихийным путем тех пропорций между товарностью с. х. и промышленности, которые характеризуются приведенными цифрами. Здесь равновесие достигалось на протяжении десятков лет и все отношения более или менее укачались и вошли в норму. И первый вопрос, который мы должны поставить для понимания теперешней ситуации, заключается в том, в какой степени мы приблизились к этим довоенным соотношениям. Мы не поклонники старого, вообще говоря, но когда дело идет о том, чтобы в крупнейшем экономическом организме уловить пропорциональность, от которой мы далеко не могли уйти даже при коренном изменении политического режима, так как мы имеем и технику такую

же, как и до войны, и все основные элементы в хозяйстве вообще, тогда наи довоенные цифры и пропорции должны говорить чрезвычайно много. И вот, если бы довоенная пропорциональность была соблюдена, эти цифры были бы 48% при одной системе подсчета и 57% при другой. Теперь же мы имеем в первом случае 31,5, а во втором—38,3, то-есть диспропорциональность между промышленностью и сельским хозяйством равняется при первом способе подсчета 16,5%, при втором—18,9%. Это такие величины, которые сразу открывают нам основные источники теперешнего кризиса, потому что если бы даже здесь было не 16%, не 18, а если бы даже здесь было на 5% диспропорции, то и это уже было бы элементом значительного кризиса во всей хозяйственной системе. Это каждый экономист понимает. Ведь 5% по отношению к миллиардным цифрам представляет очень большую величину. Я считаю, что важнейшей причиной теперешнего кризиса, который в дальнейшем был углублен ошибочной политикой в области кредита и цен (об этом будет говориться во второй части моего доклада), является эта диспропорциональность в производственной основе системы, которая бьет в глаза по сравнению с довоенными отношениями. Что означает эта диспропорциональность с точки зрения всей проблемы реализации? Она означает следующее. На одном полюсе мы имеем 1277 мил. продуктов городской промышленности. На другом им противостоят 500 мил. продуктов сельского хозяйства, которые могут вступить в обмен на рынке. Пропорциональность здесь будет соблюдена только в том случае, если потребности городского населения в продуктах сельского хозяйства и промышленности в крестьянском сырье будут соответствовать стоимости излишков земледелия, выбрасываемых на рынок. Следовательно, кризис может проистекать как от недостаточности спроса на продукты сельского хозяйства, имеющиеся в излишке, так и от недостаточного спроса промышленности на крестьянское сырье.

Итак, первый элемент пропорциональности — пропорциональность по продуктам питания. Здесь я должен заметить, что, хотя я оперировал чисто ценностными отношениями, но теперь я подхожу к такому моменту, когда натуральная форма обмениваемых ценностей приобретает огромное значение.

Если мы предположим, что крестьянство, покупающее

на рынке, имеет безграничную покупательную способность, для него существует безграничная возможность перехода от элементарных потребностей к более высоким. Наоборот, город, покупающий у деревни или, вернее, деревня, продающая в город, находятся в другом положении. Существует определенная физиологическая граница для городского потребления, сверх которой большого количества хлеба, фуража, мяса и т. д. город потреблять не может. Если бы покупательная способность города на сельскохозяйственные продукты и увеличилась втрое, то это потребление хлеба втрое увеличиться не может. Деревня находится в менее благоприятных условиях, чем город, если она имеет перепроизводство продукции, продуктов питания, по отношению к внутреннему рынку. Наоборот, крестьянство может безгранично переходить от одного уровня потребностей в городских продуктах к следующему, если его покупательная способность позволяет ему сделать этот переход. Итак, на 500 миллионов золотом крестьянство продало бы городу свою продукцию, если бы на соответствующем полюсе в городе ему противостоял спрос на его продукты, пропорционально этой сумме. Если город не в состоянии поглотить эту сумму,—а статистика говорит, что он не в состоянии,—то крестьянство имеет здесь перепроизводство, главным образом, в области зерновых культур.

Вот первое препятствие для обмена веществ. Теперь дальше, если крестьянство не в состоянии реализовать полностью все свои излишки, то, с другой стороны, как обстоит дело с реализацией промышленностью на 1.277 миллионов того, что было изготовленно в 1922—23 году? Здесь я должен сказать, что тот анализ, который я здесь предпринял относительно покупательной способности города на продукты промышленности, не доведен до конца. Я здесь встретился с величайшими трудностями для сколько-нибудь точного подсчета. Затруднение заключается в том, что наша статистика не вполне приспособлена к тому, чтобы ее данные можно было использовать в государстве, которое пытается налаживать социалистическое хозяйство. Мы должны вычислить емкость рынка на продукты потребления как сельскохозяйственные, так и городские. Еще мы можем кое-что высчитать и сейчас. Мы знаем число рабочих и служащих, которые находятся на государственном снабжении или работают в государственных предприятиях, трестах и т. д.

плюс армию. Мы имеем здесь приблизительно около 4 миллионов человек. Бюджеты их средние мы знаем, потому что заработная плата у нас более или менее известна. Следовательно, мы можем знать годовую сумму всех заработных плат по всем линиям работы рабочих, служащих, армии и т. д. По приблизительному подсчету мы имеем здесь приблизительно 600 миллионов зол. р. в год. Затем мы знаем из бюджетных обследований, какой процент заработной платы идет на продукты питания и какой процент идет на прочее (на продукты питания около 48 %). Причем здесь нужно вычесть стоимость тех продуктов питания, которые представляют собой товары городского производства, как сахар и друг. Во всяком случае, здесь можно получить приблизительно точные цифры. Далее, мы можем на основании бюджетных обследований произвести вычисление в отношении тех 400 миллионов зол. руб., которые представляют доход ремесленников, кустарей и частной промышленности, и установить, на какую сумму потребляют ремесленники и кустари, с одной стороны, продукцию сельского хозяйства и, с другой стороны, продукцию промышленности городской. Гораздо труднее выяснить емкость рынка нэповского, мещанского населения города, которое производительным трудом не занимается или занимается так, что никакая статистика его продукции подсчитать не может. Далее, надо выяснить, сколько ценностей идет в качестве средств производства для самой промышленности, т.-е. сколько покупают наши государственные предприятия друг у друга машин, топлива и т. д. Сюда войдет как то, что идет на амортизацию инвентаря, так и то, что капитализируется, т.-е. служит целям расширенного воспроизводства, прежде всего увеличению основного капитала, так-называемого у Маркса первого подразделения. Повторяю, я пробовал сделать вычисления этого рода, но не довел их до конца. Поскольку же некоторые основные данные есть, цифры обмена веществ в моем расчете не балансируются. Я откладываю опубликование данных этой работы до ее окончания. Здесь я только хочу показать, как методологически правильно нужно подходить к этому вопросу. Я ни минуты не сомневаюсь, что анализ установит следующий факт. Во-первых, то, что город наш не в состоянии закупить всех излишков крестьянского хозяйства, а крестьянство, имея на руках эти излишки, не в состоянии рассосать излишки городской продукции, которые могут быть реализованы лишь на крестьянском рынке. Отсюда ясно, какое огромное значение приобретает для нас экспорт продуктов сельского хозяйства, который может ликвидировать затор, образовавшийся во всей нашей экономике. Правда, теоретически можно себе представить и такое положение, что промышленность, если она в достаточной степени обеспечивается запасами сырья, может дальше развивать продукцию на основе дальнейшего роста заработной платы. Таким образом, мы частично осуществляем в рамках товарных отношений социалистическое распределение в городе и возмещаем добавочный крестьянский рынок платежеспособным спросом наших рабочих. Этот вариант надо отдельно исследовать, потому что здесь мы стоим перед величайшей важности проблемой переходных форм хозяйства, когда рыночное распределение, рыночная реализация дополняется социалистическим распределением внутри рабочего класса, хотя и в капиталистической форме увеличения заработной платы. В другой раз я вернусь еще к этой теме и постараюсь более подробно рассмотреть этот вопрос.

В общем же, чтобы нам произвести необходимый анализ всех условий обмена веществ в нашей товарно-социалистической системе хозяйства, нужны будут не две схемы, которыми оперировал Маркс, а три. Придется ввести 3-ю схему, которая будет характеризовать обмен веществ и числовые закономерности и пропорции этого обмена между государственной промышленностью и между крестьянским хозяйством. Я сомневаюсь, что мы получим когда-либо вполне точные данные, но я уверен в том, что если бы ряд экономистов сели за эту проблему, они могли бы, даже при недостатках теперешней статистики, установить приблизительные основные величины и тем подошли бы практически к важнейшему и интереснейшему вопросу—о возможности действительного учета, а следовательно, в дальнейшем и регулирования на деле всего хозяйства в целом в период нэпа.

Перехожу теперь к вопросу о торговом аппарате нашего хозяйства, к вопросу о том, насколько он велик и, во-вторых, во сколько он обходится нашему хозяйству, т.-е. какова стоимость нэпа с этой стороны.

Прежде всего, о стоимости торгового аппарата. Как здесь обстоит дело? Вот вам справка о довоенных соотношениях. Довоенный оборот новых ценностей, создан-

ных в течение данного года и поступающих в оборот новых, за вычетом того, что шло в натуральное потребление, равнялся без транспорта 5.650 миллионов зол. руб. По данным министерства финансов о размерах годового оборота для 1912 года имеется сумма оборота торговли в размере 7.920 милл. То, что эти цифры одна от другой отличаются, это понятно, потому что в годовой торговый оборот входят не только созданные в данном году новые ценности, но и старые, и кроме того оборачиваются некоторые часто два-три раза. Но для наших вычислений принципиальную важность имеют те ценности, которые вошли в товарооборот из производства, которые представляют из себя то новое, что создано трудом на протяжении года в одной стране. Сколько раз они потом перебрасываются,—это тоже имеет интерес, но уже с другой точки зрения, прежде всего с точки зрения непроизводительных трат общества на тот тип аппарата распределения, каким вообще является торговля. Это уже другой вопрос. Торговый доход до войны, то-есть, иными словами, весь доход торговли, включая как издержки на заработную плату приказчикам и т. д., так и то, что капитализировалось в торговле,—а вы знаете, что в довоенное время у нас огромная сумма капитализировалась именно этим путем,—по данным, которые приводит Прокопович, равнялся 980 милл. зол. руб. В процентном отношении ко всей чистой продукции, поступившей в товарооборот, это дает 17,3%. Таким образом, до войны страна тратила за удовольствие иметь у себя Колупаевых, Разуваевых и весь торговый аппарат 17,3% со всей той части новых ценностей, которая поступала в каналы торгового обращения. Как же у нас обстоит дело теперь в этой области? Это чрезвычайно важный и, как вы увидите дальше, трагический вопрос для нашего народного хозяйства. Здесь я должен буду показать, каким образом я получаю совершенно на первый взгляд сумасшедшую цифру, которую я назову. Я начну с зачитывания тех таблиц, которые собирались и составлялись для того, чтобы подсчитать накидки розничной торговли к оптовой цене трестов. Вот надбавка на оптовую цену ситца по Москве в розничной торговле в государственной промышленности. (Таблица № 1).

Эти цифры представляют из себя нечто очень приличное и благопристойное, а дальше у нас есть данные

Таблица № 1

Стат.-Экон. Секр. КВТ.

СИТЕЦ.

Надбавка на оптовую цену (в госуд., кооп. и частной торговле и средняя надбавка).

	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.
Госторг.	—	31	24	25	39	43	32	42	—
Кооперат.	—	25	27	29	31	31	24	27	
Вольн. р.	—	39	28	36	44	40	44	42	
Средняя	—	33	24	29	40	37	34	36	—

относительно цифр по всем товарам в Москве же. Вот эти цифры. (Таблица № 2.)

Но у меня есть целый ряд материалов и целый ряд диаграмм относительно того же положения дела у нас в провинции и по отношению не только к ситцу, но и по отношению к другим продуктам массового потребления, как соль, керосин, сахар, а также цифры для отдельных товаров в отдельных районах страны. Тут уже картины совсем другие. Вот две таблицы, которые представляют из себя нечто совершенно удивительное. Это отношение между ценами на ситец и рафинад, утвержденными нашим Комвнуторгом, т. е. ценами оптовыми, ценами прейскурантными и ценами губерний Владимирской, Курской, Кубано Черноморской области, Саратовской губернии.

Цена в Кубано-Черноморской области в два слишком раза больше этой цены, т.-е. увеличена на 100 слишком % против того, что утверждает Комвнуторг. Теперь дальше. Это было в начале 23-го года, в апреле месяце, цена Комвнуторга приблизительно такая же, но тут имеется Курская губерния, не так далеко от Москвы, и здесь цена увеличена % на 120 по сравнению с этой ценой. Такие же картины имеются и дальше по отношению к другим областям. Теперь дальше возьмем соль. Здесь по России в среднем розничные цены выше оптовых на 60 слишком процентов. На сахар оптовые цены по СССР были выше утвержденных Комвн-

Таблица № 2.

Статистико-Экономический Секретариат Комвнуторга.

Превышения средних розничных московских цен над оптовыми в %.

№№ по порядку.	Наименование товаров.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.
1.	Рожь в зерне	9	4	8	4	7	11	32	11
2.	Мука ржаная	17	14	11	13	7	16	21	25
3.	„ пшеничная	18	45	34	21	62	51	32	41
4.	Овес	37	27	30	41	19	21	41	16
5.	Пшено	31	26	19	49	50	15	39	43
6.	Крупа гречневая	30	15	18	36	31	34	43	29
7.	Рис	45	31	54	25	27	38	16	38
8.	Масло сливочное	19	13	16	11	18	13	26	16
9.	„ топленое	15	22	17	13	8	13	11	11
10.	„ подсолнечное	32	24	32	33	34	24	19	15
11.	Говядина	12	17	15	10	18	31	12	67
	Средняя по сел. хоз.	**24**	**22**	**23**	**23**	**26**	**24**	**27**	**28**
12.	Селедка	66	70	75	104	104	89	71	46
13.	Сахар-рафинад	7	7	13	11	12	18	20	26
14.	Сахар-песок	7	23	16	18	16	21	20	18
15.	Конф. сахарные	70	39	31	24	21	25	17	13
16.	Чай китайск.	14	17	16	17	25	17	17	17
17.	Соль столовая	68	76	39	62	61	61	58	41
	Средняя по пром. продов.	**39**	**39**	**32**	**39**	**40**	**39**	**34**	**25**
18.	Спички	42	49	24	14	18	46	28	27
19.	Керосин	44	73	41	35	27	32	21	19
20.	Мыло простое	126	41	33	14	26	45	17	3
21.	Гвозди	105	58	27	11	30	26	25	27
22.	Ситец	45	33	24	29	40	37	34	36
23	Нитки	93	50	30	48	36	26	26	17
24.	Мешок льняной	66	58	18	3	15	15	15	—
25.	Дрова (смесь)	13	—	11	5	21	36	9	9
	Средняя по промыш. непр. д.	**67**	**45**	**26**	**19**	**27**	**33**	**22**	**20**
	Средняя по всем товарам.	**41**	**35**	**26**	**27**	**29**	**32**	**27**	**25**

Средняя за все месяцы по всем товарам 30,25%.

торгом на 50%, а розничные выше утвержденных Комвнуторгом (за июль, июнь, август) более чем на 110%. Основная цена в Баку на керосин (с акцизом) в два раза меньше розничной всероссийской цены, т.-е. разница дает

увеличение более чем на 100% и в сравнении с франко-Самара на 80%. Установлено масса случаев, когда в провинции в розницу цены поднимались выше 200% в сравнении с оптовыми ценами фабрик. Приводить дальнейшие данные было бы утомительно, но и сказанного достаточно для иллюстрации того, что значит жить в период первоначального социалистического и второначального нэповского накопления. Если мы примем цифру накидки на первоначальную цену, на отпускную цену фабрик, в 60%, то это не будет преувеличением. По крайней мере, для истекшего года, с его дикими соотношениями между оптовой и розничной ценой, это будет преуменьшенный процент. Если мы имеем всех промышленных продуктов, которые выбрасываются на рынок, на 1277 и сельскохозяйственных на 500, либо, по данным Громана и Струмилина, 700, то это будет 1777 м. или 1977 м. Пусть из этой массы через посредство торгового аппарата идет 1500 милл., остальное путем продажи производителей потребителям (крестьянская торговля на базаре, заказы ремесленникам и т. д.). Возьмем 60% от этой суммы и будем иметь 900 милл. Вычтем отсюда расходы торговли на транспорт в сумме половины стоимости продукции всего транспорта (цифра явно преувеличенная), вычтем 100 милл. налогов государству, вычтем 50 милл. потерь на курсе совзнаков, т.-е. эмиссионного налога. Мы получаем тогда доход нашего торгового аппарата частного, госторговли и кооперации в 600 милл. руб. за истекший год. Эта сумма, которая выше доходов всей кустарной и ремесленной промышленности, и приближается к сумме продукции всей государственной промышленности. Это чудовищные цифры, которые можно варьировать в очень небольших размерах. Из этой суммы одна часть идет на расходы аппарата, на заработную плату и т. д., другая составляет фонд нэповского накопления. Каково соотношение между той и другой частью, сказать трудно. Я думаю, что как бы мы ни преувеличивали количество лиц, занятых в торговле, во всяком случае цифра накопления, которая здесь вырисовывается, представляется достаточно грозной. Каков же людской состав, занятый в торговле? К сожалению, здесь данные нашей статистики совершенно неудовлетворительны и ни в коем случае не могут служить каким бы то ни было руководством. По данным, которые имеются в Ц. С. У., по последней переписи насчитывается у нас

150000 торговых учреждений. Это цифра чрезвычайно скромная. Если мы будем исходить из того предположения, что в среднем каждая лавка занимает 3 человека приблизительно, то получим полумиллионную армию, которая живет исключительно торговлей. Но эта цифра преуменьшена, потому что до войны выбиралось торговых свидетельств около миллиона штук. Таким образом, мы имели до войны не миллионную армию, а миллион только одних торговых заведений. Разумеется, огромное большинство мелких торговых заведений занимали по одному, по два человека. Но во всяком случае мы имеем колоссальную торговую армию до войны. На базисе 1500 милл. распределяемых реальных ценностей висит у нас 600 милл. дохода торговли! Отношения, напоминающие Персию, Турцию и Китай! И поскольку дело идет о наиболее целесообразной экономической политике, то первый удар, первый нажим наш в деле борьбы с ножницами и дороговизной должен быть направлен на это место, на сокращение той дыры, через которую утекает из народного хозяйства такая масса ценностей.

Во второй части моего доклада я остановлюсь на том, как теперешний кризис, имевший в основании эти производственные диспропорциональности, развивался в области торговли, как он был усилен в результате ошибок в области кредитной политики и трестовской политики цен.

Базаров.—Позвольте объявить перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Преображенский.

Товарищи, вот здесь на доске вырисованы ножницы. Это есть баланс той самой диспропорциональности, о которой я говорил несколько в других цифрах и несколько с другого конца. Это есть фотография нашей конъюнктуры, о которой я говорил, когда анализировал производственные отношения Союза. Вы видите, что до известного момента, до осени прошлого года, соотношение между продуктами сельскохозяйственными и промышленности было обратное тому, что мы имеем теперь. Мы имеем осенью пересечение линии, мимолетное равновесие с точки зрения довоенного ценностного равновесия. Затем мы имеем такую картину (в товарных рублях и банкнотном исчислении): продукты промышленности лезут вверх, при чем здесь мы имеем некоторое понижение летом, а затем резкий скачок вверх.

Приведем цифры, характеризующие расхождение с-х. цен и цен на промышленные товары в сравнении с довоенными пропорциями.

Даты наблюдения.	Расхождение ножниц в процентах: 1) розничных цен.	2) оптовых.
1 августа 1922 года	99	74
1 сентября „ „	119	94
1 октября „ „	138	111
1 ноября „ „	165	127
1 декабря „ „	158	134
1 января 1923 года	170	152
1 февраля „ „	171	169
1 марта „ „	187	176
1 апреля „ „	186	199
1 мая „ „	199	227
1 июня „ „	214	232
1 июля „ „	220	206
1 августа „ „	238	242
1 сентября 1923 года . . .	287	312
1 октября „ „ . . .	315	320
8 октября „ „ . . .	303	320
11 октября „ „ . . .	303	301
15 октября „ „ . . .	250	—
21 октября „ „ . . .	—	295
22 октября „ „ . . .	236	—

Скажу несколько слов о том снижении и загибании ножниц, которое наметилось на протяжении 2—3 недель. Прежде всего из того, что я говорил относительно диспропорциональности между сельским хозяйством и промышленностью, которая в ценностном отношении делается тем более сильной, чем выше растут продукты промышленности в цене и чем больше понижается стоимость изделий продуктов сельского хозяйства,—это несоответствие должно было выясниться с наибольшей ясностью тогда, когда сельскохозяйственные продукты в максимальной степени выбрасываются на рынок, не встречая достаточного внутреннего спроса. Этого нужно было ожидать как раз осенью, когда крестьянство, для того, чтобы уплатить в денежной форме продналог, должно было выбросить в кратчайший срок значительную часть своих излишков. А если выброшенная продукция не будет вся скуплена, то произойдет падение цен на сельскохозяйственные продукты, расхождение ножниц вниз и снижение, а не увеличение покупательной способности деревни на городские товары. Следовательно, отсюда, на основании самой элементарной логики экономи-

ческой политики и знания фактов, можно было сделать лишь такой вывод. Если крестьяне не получат путем продажи денег и для уплаты налога и для усиленных, в сравнении с обычными средними, закупок городской продукции, то при низких хлебных ценах произойдет не расширение емкости крестьянского рынка в начале осени, на что ориентировались тресты и торговые органы, а, наоборот, *уменьшение этого уровня ниже даже обычного* потому, что надо платить денежный налог именно в этот сезон. При таких условиях политика повышения цен на городские товары есть самая экономически (и коммерчески следовательно) безграмотная политика, которая не ослабляет, а усиливает кризис.

Какие были причины, почему у нас получилось восхождение промышленной кривой вверх, поскольку оно происходило *не по причинам падения кривой с.-х. цен вниз*, а следовательно зависело от политики государства? Прежде всего наши промышленники рассуждали таким образом. Вот придет осень, осенью начинается оживление торговли после летнего затишья, осенью нужно в максимальной степени выбросить товары на рынок, потому что тогда крестьянство будет покупать. Раз так, то этот товар надо заготовлять, продукцию увеличивать, с одной стороны, а с другой стороны, как раз удобный момент поднять оптовые цены. Если когда снять сливки с „конъюнктуры", так только теперь. Торговые органы рассуждали: предстоит торговля с крестьянами, нам нужно запастись товарами, нам нужно заготовить максимум товаров для осенней реализации. Будем закупать, закупим даже по повышенной цене, все равно расторгуемся. Так рассуждали и наши производственники и наши государственные торговцы.

Чтобы промышленность могла развернуться как следует, для этого нужно усилить кредитование ее. А потому наши кредитные политики рассуждали в унисон с производственниками и торговцами: надо дать максимальный кредит для промышленности летом. В результате все кредитные рессурсы нашего Госбанка были распределены следующим образом. На 1-ое августа, то-есть к началу кризиса, торговля получила 9% из всей суммы, которая была из банкнотной эмиссии употреблена для кредитования, транспорт—0,5%, сельское хозяйство—8% и промышленность получила 70,4%. Иными словами, огромная часть кредитных рессурсов Госбанка была отдана промышленности. Это вызвало усиление производства, с одной стороны, и ажиотаж и вздутие кредита в области товарного обмена—с другой. Таким образом, со стороны кредита имелись все необходимые предпосылки для развертывания промышленности: всего на кредитование промышленности было вложено (с прежними) 140 миллионов червон. рублей. Итак, промышленность, получивши кредиты, разворачивает производство. Торговцы закупают эти продукты в надежде на то, что, когда мужик начнет покупать, все это они в максимальной степени реализуют. Торговля в кредит увеличилась почти в два раза больше, чем это было весной. Это значило часто, что один перепродавал другим, другие—третьим и т. д. в надежде на ту реализацию, которая произойдет осенью. Забыли всего только одну мелочь, одно звено в цепи обмена веществ. Забыли о том, что если крестьянин не продает, то и ничего не сможет купить. Забыли, что это звено есть исходный базис всего развертывания промышленности и оборотного кредита. Если здесь будет осечка, все оживление, как не фундированное на потребительском спросе, приведет к острейшему кризису. Этот кризис был бы даже, хотя и в меньшей степени, еслиб цены не вздувались. Он должен был еще больше расти при вздутии цен. Между тем, основное звено обмена не дало бы такой осечки, если бы подумали о том, как во-время скупить все то, что крестьянин вывезет на рынок. Нужно было так рассчитать кредитование хлебных заготовок, чтобы в этом пункте не получилось Ахиллесовой пяты для всей проблемы реализации. А здесь-то как раз и был сделан просчет в сроках, что усилило кризис, который стихийно и без того назревал и мог бы быть ослаблен правильной кредитной политикой. Но об этом ниже.

Все спрашивают, чем же об'яснить вздутие цен именно осенью и в таких огромных размерах? Ведь усиления потребительского спроса не было? Городской спрос прежде всего пропорционален заработной плате, он являлся устойчивой величиной, поскольку заработная плата заметно не повышалась эти месяцы. В том-то и дело, что увеличение это было не результатом роста спроса, который был обогнан ростом производства, обогнан чисто стихийно, как это бывает при всех почти кризисах, а оно было результатом спекулятивного спроса самого торгового аппарата, который надеялся расторговаться и просчитался. Всякие иные об'яснения, как мы

установили в Госплане, не выдерживают критики. Например, жаловались на то, что очень заели налоги и акцизы. Но я привожу справку, которая полностью отводит это заявление. Во-первых, наша промышленность за весь год по всем акцизам, налогам и пр., по сравнению с чистой продукцией, выплатила 14,6%, считая все акцизы и налоги по индексу Госплана на 1-ое число, и несколько меньше 12%, считая по среднему месячному индексу. Но это за весь год. Суть же дела в том, было ли увеличение налогов и акцизов как раз за исследуемый квартал, т.-е. за июль, август и сентябрь? По сведениям Центроналога, данные здесь таковы. Было ничтожное увеличение приблизительно на 6—7%, и то не по акцизам, а по другим видам налогов. По акцизам было даже небольшое уменьшение за один квартал. Таким образом, из этого источника об'яснять увеличение цен абсолютно не приходится. Ценообразующим фактором *в смысле увеличения цен* ни акцизы, ни налоги не были.

Обратимся к другим жалобам, а именно, что транспорт вздувает тарифы. В Госплане было обследование, которое установило, что здесь изменения существенного также не произошло. Следовательно, на транспорт тоже сваливать не приходится. Теперь, говорят, себестоимость вообще возросла, потому что возросли цены на сырье. И здесь исследование Госплана не подтвердило жалоб, потому что хотя некоторые виды сырья вздорожали, но важнейшее сырье легкой промышленности—хлопок—было закуплено раньше, не в исследуемый период. Остается, в конце-концов, одно основное объяснение, а именно, что промышленность пыталась нажать на рынок в смысле поднятия цен, чтобы в максимальной степени взять реванш за тот период, когда она растрачивала основной капитал государства, „разбазаривала" продукцию по низким ценам при высоких ценах на хлеб. И действительно, по подсчетам Госплана, промышленность накопила за год оборотного капитала на 300 миллионов руб. Она попыталась усилить накопление осенью, но в этот раз нарвалась на кризис. Ту же политику накопления проводил и торговый аппарат, он также повышал цены и также нарвался. Цены поднимались и они поднимались выше тех цен, которые установлены Комвнуторгом. Для этой операции придумали даже специальное название. На Нижегородской ярмарке даже Центросоюз ухитрился закупить у текстильного синдиката мануфактуру выше цен, утвержденных Комвнуторгом. В результате получилось всеобщее вздутие и доведение этих цифр до абсурда. Скоро же оказалось, что весь ажиотаж не фундирован на потребительском спросе, расширения потребительского спроса не было. Наоборот, заработная плата, которая на протяжении этого года постепенно повышалась и, таким образом, подталкивала ростом своего спроса промышленность на расширение, остановилась на одном уровне. Деревня устремилась на уплату налога деньгами и ей было не до закупок, потому что цены на хлеб падали и покупать при таких условиях было прямо глупо, раз можно обождать роста хлебных цен. В результате разразился кризис, все признаки его налицо, от закупорки товарооборота до протеста векселей. Наиболее ярким проявлением кризиса является банкротство. Преждевременно говорить о банкротствах, но многие солидные организации довольно близко подошли к этому пределу и их спасает лишь поддержка государства. Одним из самых ярких кон'юнктурных показателей является сумма биржевого оборота. На Московской бирже и на провинциальных биржах мы имели, начиная с октября прошлого года, постепенное увеличение оборотов в миллионах руб. Обороты по Москве: октябрь—20, ноябрь—28, декабрь—45, затем февраль—80, март—98, апрель—некоторое падение—65, май—73, июнь—123, июль—126, а затем начинается кризис: август—99, сентябрь—89. Таким образом, после резкого скачкообразного роста падение почти на 40%. Это в области товарного оборота.

Теперь дальше. Этот кризис усугубляется тем, что Госбанк, после того, как он распределил главную массу кредита на промышленность, закрыл кредиты, рассчитывая путем возврата ссуд от промышленности получить определенную часть капитала на хлебные заготовки. Но осуществить это оказалось не так просто, потому что нашей промышленности приходится платить в условиях, когда товары не реализуются, и когда приходится ходатайствовать об отсрочках. В результате закрытие кредитов явилось такой же ошибкой, как усиленное кредитование в то время, когда надо было достаточную часть средств выделить своевременно на хлебные заготовки, чтоб не бросать крестьянство в лапы частных скупщиков. Ошибка в сроках и размерах кредитования хлебных заготовок оставила крестьян без денег тогда, когда на крестьянском спросе зиждились все расчеты при

реализации промышленных товаров. Закрытие же кредитов, как бы полезно оно ни было в смысле принуждения трестов к понижению цен, даже здоровые предприятия поставило перед опасностью банкротства и невозможностью выплачивать заработную плату. А это не только политически опасно и уже имело свои следствия, но и тормозит реализацию продукции из самого фонда заработной платы и в смысле покупок одних госпредприятий у других (топливо, орудия производства).

Теперь, товарищи, на базе всех этих рассмотренных нами цифр и взаимоотношений для нас, конечно, совершенно ясно, какая должна была бы быть правильная политика как в области кредитной, так и в области цен.

Перехожу теперь к вопросу о хлебных ценах. По этому вопросу мы спорили довольно долго, и история этого вопроса такова. Напомню один момент, который чрезвычайно полезно будет восстановить теперь в памяти. На заседании Госплана был поднят этот вопрос весной. За политику увеличения хлебных цен высказался один профессор Кондратьев. Аргументация его была отнюдь не безукоризненна, и мы вправе были заподозрить его в народнической постановке самого существа вопроса. Однако, было неправильно тогда ограничиться трафаретным противопоставлением народнической точке зрения марксистской и только. Из всех марксистов один я высказался по ряду мотивов за полную перемену политики в этом вопросе. Здесь присутствующий тов. Ларин был как раз самым резким из всех высказывавшихся против политики увеличения хлебных цен. Он уверял нас, что все обстоит благополучно: чем хлебные цены ниже, тем обстоит дело лучше для промышленности, рабочего класса и даже самого крестьянства.

Дволайцкий.

Ларин известный крестьяноед.

Преображенский.

Я тогда в Госплане высказался за то, что о голом увеличении хлебных цен за счет внутреннего рынка говорить неправильно, а нужно говорить об экспорте, который приведет к этому увеличению автоматически, расширяя в то же время базу всего нашего хозяйства на меновой основе. Тогда эта проблема как следует не была понята. И хотя товарищи и не выражали несогласия с моими построениями, но не было принято никакого решения, которое было бы

пропорционально той аргументации, которую я развивал. Прошло известное время и вопрос выяснился вполне. Если мы хотим ликвидировать диспропорциональность в нашем хозяйстве, мы должны вопрос о хлебных ценах поставить ребром. Совершенно неправильным и ложным является тот взгляд, что, чем дешевле мы закупаем хлеб у мужика, тем лучше для промышленности. Этот взгляд опровергается всей той ситуацией, в которой мы находимся. Это—грубо-упрощенная точка зрения, это—вульгарный марксизм, потому что он не учитывает ситуации всего хозяйства в целом.

Теперь дальше, как эти ножницы можно было бы вообще сжать? Тут два пути. Один из них—это путь сокращения себестоимости промышленных изделий на фабрике. По этому пути в области себестоимости выпускаемых изделий фабрик и заводов большого сжатия до изменения технических условий производства, концентрации и т. д. произвести нельзя. Здесь нажим уже произведен и вряд-ли здесь чего-нибудь можно достигнуть в таком размере, чтобы это действительно сильно повлияло на продажные цены. Что касается промежуточного распределительного аппарата и сокращения расходов на него, теперешние размеры которых я вам приводил, то здесь сжатие возможно в очень большой степени. И, наконец, есть еще другой пункт, где это сжатие возможно с другого конца—это увеличение цен на сельскохозяйственные продукты, благодаря экспорту. Если крестьянство, которое имеет в настоящий момент излишки более 200 мил. пудов (кроме того, что оно продает внутри страны), в состоянии будет этот излишек продать, а тем более, если продаст по ценам выше теперешних,—это будет означать увеличение покупательной способности деревни на продукты промышленности, а вместе с тем сжатие ножниц снизу.

Теперь возникает вопрос: может быть, это нам невыгодно с другой стороны, как государству? Наоборот, при высоких хлебных ценах государство, имея в руках часть продналога в натуральном виде, выигрывает, благодаря росту цен на хлеб. Когда же цены падают, то понижается стоимость натуральной части налога, и мы теряем. Вот цифровая иллюстрация за прошлый период. В 1922 году за первый квартал распределено по бюджету 50 миллионов ржаных единиц, а стоимость их была 108 мил. руб., т.-е. ржаная единица стоила почти 2 рубля зол. Во втором квар-

тале распределено 56, стоимость уже 97, цены понижаются; за 3-й квартал распределено 61 мил., стоимость их 63 мил., ржаная единица стоит почти рубль; за 4-й квартал распределено 121 мил., а стоят они 97 миллионов. За первый квартал 1923 года распределено 121 мил., а стоимость их равна 85 мил. И дальше понижение идет по кварталам. Таким образом, вы видите, что государство, имея в руках продналог, при изменении рыночных цен на хлеб в сторону понижения—теряет. Правда, при повышении цен оно также теряет, когда дело идет об экспорте и о экспортных доходах, потому что покупная цена хлеба увеличивается. Однако, государство не может гнаться за прибылью за счет невероятно низких хлебных цен, потому что оно не только больше потеряет тогда вследствие обесценения продналога, но и потому, что вести конечную политику за счет ухудшения во всем процессе обмена веществ в народном хозяйстве для него недопустимо и невыгодно с общее-экономической точки зрения. Я не говорю уже о том, что низкие цены развращают хлебо-заготовительные аппараты, не толкая к быстрейшему снижению накладных расходов. Тов. Фрумкин мог бы сказать, как обстоит дело в этом отношении в тех пределах, какие доступны в публичном обсуждении. Во всяком случае здесь возможно очень большое сжатие. Мы, покупая хлеб по 35 копеек, продаем его по 1 р. 7 к.—1 р. 10 к. Здесь разница очень большая, прибыли же мы получаем мало, а иногда имеем убыток. Вы можете видеть, что территория для сжатия ножниц в этом пункте вполне достаточна.

Теперь посмотрим, что означает увеличение хлебных цен у нас с точки зрения перераспределения национального дохода и перераспределения его покупательной способности? Мы имеем по промышленности крупной и мелкой новых ценностей за год, выносимых на рынок,—1.277 миллионов, товарная часть крестьянского дохода—500—700 мил. Представьте себе, что здесь дело идет о 500 миллионах ржаных единиц. Пусть происходит увеличение цен на 50%, крестьянство теперь не только увеличивает свой доход на 250 м. р., но и увеличивается его покупательная способность на городские продукты до 750 м. р. Это означает, что здесь начинает устанавливаться совершенно другая пропорциональность, т.-е. такая, при которой может быть достигнуто равновесие на крестьянском коромысле, если его раньше не было. Чем это грозит для города? Увеличение цены на хлеб означает увеличение той части, которую рабочий должен употреблять на покупку продуктов сельского хозяйства. С этим у нас есть экономические возможности бороться, поскольку у нас заработная плата выплачивается по индексам, а с другой стороны, мы имеем в натуре определенную часть налога. Поскольку же мы имеем ремесленников и кустарей, которые покупают хлеб, постольку будет иметь место передвижка дохода от этих слоев к производящей части крестьянства. Точно также и остальное городское население часть своих доходов при увеличении хлебных цен отдаст деревне. А это будет не плохо, а только выгодно с точки зрения стимула к расширению посевной площади. Но увеличение теперешних, т.-е. невероятно низких хлебных цен, выгодное с точки зрения более целесообразного распределения национального дохода, не увеличит возможности реализации продуктов промышленности, если дело все ограничится перекладыванием покупательной способности внутри страны из кармана одного класса в карман другого, и если одновременно не будет расширяться быстро экспорт. На сколько больше купят крестьяне, на столько меньше купят жители города; может измениться лишь характер спроса на те или иные товары, но не возможность спроса в смысле ценностной суммы, потому что она является величиной в каждый данный момент довольно постоянной. Следовательно, для народного хозяйства важно не голое увеличение цен на хлеб, а увеличение на основе экспорта. Увеличение цен на хлеб может иметь и другое положительное следствие. Крестьянство тогда сократит нецелесообразное потребление той части излишков, которая пропадает теперь, прежде всего, вследствие обесценения хлеба. Наиболее вредным видом этого потребления является теперь, например, самогонка. Таким образом, расширение отверстий, через которые наш хлеб будет отливать за границу, усиление заготовок будет означать увеличение элементов равновесия, уменьшение диспропорциональности.

И если с этой точки зрения мы оглянемся назад на весь период, когда назревал теперешний кризис, то нам сделается ясным, какова была бы правильная политика в области кредита. Она должна была бы состоять в том, чтобы на заготовки хлеба бросить нужные средства и *бросить своевременно*. Крестьянство расплатилось бы с государ-

ством по продналогу, не сбивая цен на свой хлеб, не платя налогов скупщикам, и может быть, имело бы еще средства на покупку городских товаров. Тогда и государство не потеряло бы так много по единому налогу на низких эквивалентах. Поэтому основная ошибка, поскольку дело идет о кредитной политике, по моему, была допущена в системе распределения кредитов. Это распределение кредитов не ослабило надвигающегося кризиса, а, наоборот, сделало его еще более тяжелым, поскольку все средства были загнаны в промышленность и их нельзя было высвободить, когда нужно было развивать хлебные заготовки, а с другой стороны, сама промышленность под кредитным дождем расширила производство за пределы реального платежеспособного потребительского спроса.

Теперь о политике самих трестов. Тресты действовали, как цыплята, которые разбрелись от своей матки, и не видели над собой руки, которая ими должна руководить. Они действовали по методам обыкновенной буржуазной конкуренции, они прощупывали рынок наугад, с той лишь разницей, что в капиталистических странах существует организованный рынок, а у нас он еще как следует не сложился и не устоялся. В результате у нас не оказалось ни стихийного регулятора капиталистического хозяйства, ни организованного руководства государства. И это при монополии государства на всю крупную промышленность, при которой настоящей конкуренции быть не могло! Политика трестов, которые вслепую стали увеличивать цены до отказа, была сугубо вредна, опасна и, в конце концов, убыточна для государства и самих трестов. Она усилила кризис, назревавший на глубокой производственной основе, который при самой элементарной попытке планового регулирования, при самом поверхностном анализе конъюнктуры, можно было бы предвидеть и отчасти смягчить. После того, как кризис разразился, наши хозяйственные органы приступили к понижению цен, одни—добровольно, другие—под давлением Наркомфина и своих высших центров. Однако, сжатие цен с этого конца может итти недалеко. Ситец, который у нас, в Москве, по отношению к продуктам сельского хозяйства стоит в 3—4 раза дороже, если даже он будет на 30% продаваться дешевле, вряд ли пойдет в деревню, когда в Полтавской губернии хлеб стоит 12 коп. А большое снижение цен для нашей промышленности прямо

разорительно. Наоборот, увеличение вдвое цен на хлеб означает быстрое снижение ножниц. Поэтому в данную минуту центр тяжести должен лежать, главным образом, в поднятии цен на сельскохозяйственные продукты на основе максимального развития хлебных закупок и экспорта. К сожалению, до сих пор в этом направлении еще сделано очень недостаточно. Все заготовки нашего хлеба для экспорта равняются около 80 миллионов пудов. Эти суммы представляют собой $^1/_3$ свободного излишка крестьянского хозяйства. Эти заготовки пока еще существенным образом не отразились на хлебных ценах, хотя в дальнейшем конъюнктура здесь, конечно, изменится.

В заключение сделаю выводы, которые вытекают из всего сказанного и напрашиваются сами собой. Прежде всего, все элементы нашего хозяйства мы должны учитывать в их динамике, по крайней мере настолько, чтобы предвидеть основные конъюнктурные изменения, и прежде всего такие, которые носят у нас, как страны земледельческой, сезонный характер. Далее, нам нужна здесь твердая плановая политика в области регулирования хозяйств, прежде всего, конечно, государственного хозяйства. Затем, нам нужен единый центр такого учета конъюнктуры регулирования, вместо теперешнего пятицентрия. В самом деле, производственные программы утверждаются у нас в Госплане. Ссуды промышленности назначает Наркомфин. Кредитует промышленность Госбанк. ВСНХ должен управлять и регулировать деятельность трестов. Госторговлей никто как следует не управляет. Цены, этот важнейший рычаг регулирования, который нельзя отделять от всех остальных элементов хозяйства и хозяйственного плана, призван регулировать Комвнуторг. А далее, еще есть СТО. Если мы лучше с организуемся для общего регулирования хозяйственной жизни, что уже вполне назрело, то хотя и не сможем освободиться совсем от хозяйственных кризисов при нэп'е, тем не менее сможем их предвидеть, а следовательно, ослабить их вредные последствия для народного хозяйства.

В этом докладе я пытался проанализировать причины и следствия первого крупного кризиса при нэп'е. Этот кризис, т.-е. кризис на основе диспропорциональности между промышленностью и земледелием,—самый основной тип из всех тех кризисов, которые нам суждено будет пе-

реживать. Но, чтобы остаться верным теме моего доклада, я должен был бы проанализировать возможные случаи кризисов на основе и других диспропорций, например, внутри самого государственного круга и т. д. К этому я еще вернусь другой раз.

Базаров.

Прошу задавать вопросы.

Дволайцкий.

Я вам предлагаю следующий вопрос. Во-первых, если вы полагаете, что, конечно, вообще говоря, правильно, что необходимо сжатие ножниц путем повышения хлебных цен, то тут не возникает ли такого рода маленького недоразумения: одновременно ведь предполагается возможность хлебного экспорта, между тем при значительном подъеме цен экспорт делается невозможным. Как вы представляете себе этот вопрос?

Вопрос второй. Чем же в конце-концов объясняется поворот вот этой кривой в области промышленных цен, начиная с этого месяца? Для меня это в вашем докладе осталось неясным. Ведь его нельзя объяснить кризисом, ибо если бы с этого месяца начался кризис, то эта линия, как это всегда бывает во время всяких кризисов, пошла бы вниз. Очевидно, поворот является результатом какого-то организованного воздействия промышленных групп. Неправильной политикой Госбанка и усиленным финансированием этот подъем объяснить нельзя. Все аргументы, которые были вообще приведены, вы отвергаете: и повышение налогов, и акцизы и пр. Чем же объясняется, в конце концов, поворот этой кривой?

Слово предоставляется тов. *Ларину*.

Ларин.

Доклад тов. *Преображенского* очень интересен и заслуживает благодарности, во-первых, за то, что он привлекает общественное внимание к основным вопросам момента, он будит мысль, он правильно подходит, ставит вопрос о диспропорциональности, он ищет решения на той дороге, на которой нужно его искать, как показывают выводы его доклада о необходимости планового хозяйства, и т. д. Но то, что заключается у него между началом и между концом — обоснование, история, объяснение этого кризиса — не всегда отвечает тем требованиям, которые нужно предъявлять к строгому экономическому мышлению. Дело в том, что экономическое мышление — вещь чрезвычайно опасная. Стоит упустить широкий кругозор, который должен быть непременно у экономиста, стоит подойти к вопросу поверхностно, как неизбежно человек приходит к неверным взглядам. Я покажу вам сейчас на трех примерах, как такой подход искажает перспективы и придает самому марксизму товарища *Преображенского* — тому марксизму, который он здесь противопоставил марксизму традиционному, шаблонному — оттенок народнических уклонов, довольно определенный. В первой части своего доклада он говорил о диспропорциональности между товарной частью продукции сельскохозяйственной и товарной частью продукции несельскохозяйственной (промышленности, транспорта и т. д.). Он привел, что в настоящее время отношение первой величины ко второй, примерно, 31%, в то время как до войны оно составляло приблизительно 48%. Здесь на тов. *Преображенском* сказалось старое изречение, что бытие определяет сознание. Каков характерный момент экономики Советской России в последние шесть лет в ее отношении к факту бытия других государств? Это ее изолированность от внешнего мира. Вот эта изолированность и наложила печать на сознание многих товарищей, что они и Россию в довоенной обстановке тоже мыслят уже изолированно, оторванно от всей связи мирового хозяйства, в которой она находилась. Они повторяют этим традиционный народнический (корнями соприкасающийся со славянофильством) прием, рассматривая Россию, как самобытную, национальную, изолированную величину со своими особенными законами, „святую Русь“. Если же вы вернетесь к тому, что в действительности было до войны, то окажется не так. Тов. *Преображенский* вам объяснял, что вся товарная продукция сельского хозяйства составляла примерно 1.800 мил. руб., и это он противопоставил всем товарам не сельского хозяйства, товарам русского производства, которые дают, если не ошибаюсь, по его подсчету, около 3.800 мил. рублей. Между прочим, в действительности, из этих товаров русского сельского хозяйства до войны, примерно, на половину всей их суммы вывозилось за границу, примерно на 800 мил. или 900 мил. руб. в среднем. Ежегодно вывозилось свыше 600 мил. пудов одного хлеба, сверх того много масла, продукты птицеводства, жмыхи, кожи и т. д. Обратно из-за границы на вырученные суммы от этого вывоза привозили, во-первых, предметы, шедшие

непосредственно для употребления в русское сельское хозяйство, напр., сельскохозяйственные машины, минеральное удобрение и т. п., а равно предметы роскоши для помещиков: вина, шелк и проч. Во-вторых, выручка от этого экспорта товаров сельского хозяйства, в виде косвенных и прямых налогов с крестьян, в значительной части шла в казну царского правительства, которое на вырученные деньги привозило из-за границы принадлежности для ж.-д. транспорта, для армии, привозило броненосцы, очень дорого стоящие, и т. п., на сотни миллионов ежегодно. И в результате можно считать, по грубым приблизительным подсчетам, что, если примерно на 900 мил. руб. вывозилось в год за границу русских сельскохозяйственных продуктов, то около 500 мил. руб. компенсировалось, возвращалось назад в Россию вместо того заграничных промышленных изделий, шедших в сельское хозяйство, или за счет налогов, покупавшихся правительством для армии, транспорта и проч. И только остаток около 400 мил. руб. поступал обратно в сельское хозяйство производителям в виде таких денежных сумм, которые они могли обратить на приобретение различного рода продуктов в самой России. Это значит, что из тех 1.800 миллионов рублей, которые составляли совокупность товарной части русской сельскохозяйственной продукции до войны, примерно, около 500 миллионов рублей *противопоставлялись не товарной части русской промышленности, а товарам промышленности заграничной*, ибо Россия была частью мирового общего хозяйства. И хотя тов. *Преображенский* в докладе эту связь с мировым хозяйством разорвал, но на практике до войны она разорвана не была, и обмен России с заграницей происходил в больших размерах. Между тем попробуйте расчитать, что это выйдет. Если из 1 800 миллионов сбросить 500 мил., то для использования в России останется на 1.300 мил. руб. сельхозяйственных товаров, противопоставлявшихся товарам промышленным русского производства на 3.800 мил. руб. Получим отношение вместо 48% только около 34%. Получится удивительное явление, что русское сельское хозяйство выступает теперь на рынке почти с тем же процентом товарности по отношению к противопоставляемой ему русской промышленной продукции, какого, примерно, достигала эта товарность и до войны. Я не проверял цифр тов. *Преображенскою*, не знаю, насколько точно он высчитал этот процент, но я склонен думать, что это неточно для довоенных отношений. Ибо на деле соотношение теперь несомненно не таково, как было до войны. А если принять цифры тов. *Преображенского* и вспомнить о забытой им связи с заграницей, то получился бы парадоксальный вывод, что до войны русское сельское хозяйство по отношению к промышленности, поскольку они сталкивались на внутреннем русском рынке, составляло, примерно, те же 32%, что и теперь.

Посмотрим теперь на сбыт русской промышленной продукции в настоящее время. Здесь мы находим ту же ошибку, которую часто делали народники в годы борьбы против них старых марксистов, о которой упомянул тов. *Преображенский*, и которую по той же нежелательной традиции повторяет тов. *Преображенский*. Что это была за ошибка? Народники, когда спорили с нами, имели одно непохвальное обыкновение урезывать роль государства, как фактора существования промышленности, как нечто „искусственное“; они хотели бы со счетов настоящих потребителей сбросить государство, бывшее однако весьма реальным, крупным потребителем. Вы, может быть, помните статьи „Русского Богатства“ о централизации экономики хитрой политикой Витте, который пытался „искусственно“ вмешиваться в экономическую жизнь. И вот тов. *Преображенский*, когда приступает к анализу потребления продуктов русской промышленности, повторяет буквально ошибку народников: он сбрасывает со счетов государственное потребление и приходит к блестящему выводу, что наша промышленность производит столько вещей, что нельзя понять, куда они деваются. Производство неизбежно превышает сбыт, получается диспропорциональность. Он говорит, что промышленность производит на 1.200 миллионов рублей в год, между тем рабочие, буржуазия и крестьянство вместе потребляют такую сумму, что останется остаток, страшная непропорциональность. Если вы этого не сказали словами, то сказали цифрами, указав размеры потребления и производства и выведя диспропорциональность. Это произошло потому, что вы упустили из виду, что есть на свете наше государство, какое оно ни бедное, нищее и маленькое, но его государственный бюджет, установленный при вашем же участии, берет для армии, транспорта и для внутреннего потребления самой же промышленности (машин, гвоздей и прочих вещей), примерно, на 500 миллионов рублей.

Преображенский:

Я говорил о потребительском спросе и его диспропорциях.

Ларин:

Ваша очередь будет потом, и вы будете стараться вернуться от народнического марксизма к старому, шаблонному, революционному марксизму, который помнит о заграннце, международных связях, о роли государства в потреблении, и который доказывает вам, что если об этом помнить, то нынешняя русская промышленная продукция целиком делится между потреблением государства, рабочих, буржуазии и крестьянства, хотя мы и очень много и правильно говорим о кризисе. У нас есть кризис, но если вы посмотрите на абсолютные размеры запасов изделий нашей промышленности, которые задерживались в продаже и начинают, кстати сказать, уже понемногу рассасываться, то вы увидите, что эти запасы поразительно ничтожны по отношению к годовой продукции, если вы сравните с теми запасами, которые оказываются во всяких Европах, когда там бывают промышленные кризисы (по отношению к тамошней годовой продукции). Наш рынок почти полностью поглощает фактическое наше производство, и запасы, лежащие в этом производстве, не только не достигают нормальной величины годового размера производства, но, по большей части товаров, не достигают и производства 3—4 месяцев. Это вторая ошибка тов. *Преображенского*—забвение роли государства.

Теперь третья. Он перешел в своем докладе к специальному анализу наших взаимоотношений с крестьянским рынком на почве хлебных цен и на почве рассмотрения сельскохозяйственной продукции, как целого. Какую здесь ошибку сделал тов. *Преображенский?* А именно ту, которую традиционно делали народники. Когда они анализировали экономически крестьянство, они всегда рассматривали его, как одну сплошную массу, правда, не реакционную, а прогрессивную, но все-таки не разделенную на классы. Наше марксистское отличие от них состояло в том, что мы имеем одну дурную привычку, за которую нас народники не любили,—помнить, что крестьянство разделено на разные классовые слои с самыми различными, противоположными интересами, и что ничего нельзя понять ни в экономике, ни в динамике хлебных цен и сельскохозяйственной продукции вообще, если при рассмотрении этого вопроса отвлечься от основного факта классового строения крестьянства. Я не имею ни времени, ни возможности подробнее рассказать сейчас об этом, но пусть попробует тов. *Преображенский* опровергнуть эту мысль, не менее несомненную, чем необходимость помнить о международных связях. Пока я ограничусь этими тремя примерами и перейду дальше.

Мы имеем кризис. Какой кризис? Я не был при начале доклада, опоздал на 15 минут, возможно, что тов. *Преображенский* указал характерные особенности этого кризиса. Но, поскольку я слышал, когда он доказывал по этой табличке, то я понял, как будто главное дело в том, что у нас в трестах сидят неразумные люди, которые не понимают конъюнктуры и гонят цену вверх при всяких условиях,—и тут получается впечатление, что правительственные учреждения просто недостаточно хорошо подобрали руководителей трестов и других промышленных учреждений, и в этом вся беда. Я смею уверить, что причины и основной характер этого кризиса гораздо серьезнее того, удачен или неудачен тов. Богданов в роли руководителя ВСНХ. Основная причина, которая должна быть ясна тов. *Преображенскому* (ибо он говорит о необходимости планового хозяйства),—основная причина заключается в той анархии хозяйственной жизни, которая у нас создалась вместе с НЭП'ом, которая у нас господствует два года, и которая неизбежно, как во всякой стране, где хозяйство ведется на основе буржуазных принципов свободы хозяйства (отсутствия централизованного принудительного руководства), на основе свободной конкуренции,—приводит к хозяйственному кризису. В Европе тоже сначала подъем хозяйства в условиях его „свободы", потом кризис. У нас, в России, этот период подъема был гораздо короче, чем он бывает в других буржуазных странах в таких условиях, потому что наша страна более нищая, меньше у нее было разгона для того, чтобы итти вверх. И основное различие этого кризиса от прежних заключается в том, что то были кризисы на основе недостаточности, дефицита топливного или продовольственного и т. д., а теперь мы имеем кризис в обстановке другой,—у нас росло сельское хозяйство, поднималась промышленность, увеличивалось производство, накапливался капитал, укреплялись государственные финансы, уменьшалась относительно эмиссия, и в результате этой линии вверх, этого движения вверх, благодаря тому, что оно было бессистемным, что тут господ-

ствовала анархия,—необходимым результатом явился кризис. Выход естественно лежит в необходимости усиления такого вмешательства государственного центра, который поддерживал бы внутренние связи хозяйственной жизни целесообразной экономической политикой. Но таковое хозяйство не является какой-то магией, фетишем, всегда на себя похожим. Плановое хозяйство у нас было в период военного коммунизма. Чем же будет отличаться то плановое хозяйство, которое теперь должно притти на смену нынешней форме НЭП'а? Чем оно будет отличаться от того планового хозяйства, которое было раньше, во время войны?

Мы, разумеется, неизбежно идем к усилению государственного вмешательства. Этот процесс может происходить медленно, но все больше и больше в эту сторону наклоняется линия нашего государственного корабля. Основное отличие заключается в том, что плановое хозяйство при военном коммунизме должно было иметь место при отсутствии у нас Донбасса с углем, Баку с нефтью, при отсутствии районов с хлебом, то-есть при отсутствии таких явлений хозяйственной жизни, которые и создают в своей совокупности процесс хозяйства. Мы должны были планово вести хозяйственную жизнь при почти полном отсутствии ее явлений, и потому неизбежно плановое хозяйство тогда обращалось просто в распределение того, что уже было налицо, в проживание того наследства, которое мы от буржуазии получили. Вот основная причина, почему плановое хозяйство при военном коммунизме приобрело характер административных мероприятий не экономического регулирования, а административного распределения и т. д.

Теперешний кризис происходит совершенно в других условиях. Он происходит в условиях подымающегося хозяйства. Этот кризис двинет вперед уровень нашего производства, правда, таким же способом, как делает буржуазное общество, той же дорогой ценой, а именно, ценой растраты производительных сил, ценой увеличения тяжелого положения трудящегося слоя населения, но этой ценой мы во всяком товарном обществе покупаем свое движение вперед. Мы знаем, что общество бывает двух типов. Бывает общество социалистическое, управляемое из централизованного хозяйственного центра. В таком обществе, когда оно осуществится, самый прогресс техники и производства будет совершаться не путем кризиса, не путем растраты производительных сил,

а будет совершаться путем приспособления всех стран целого друг к другу. А бывает общество товарное, которое мы видели до сих пор в Европе, и которое видим у нас в России, общество, работающее на принципах товарного хозяйства в виде отдельных ячеек этого хозяйства, принадлежащего государству, во главе которого стоит пролетариат, как у нас, или буржуазия, как в Европе. Вот в таком товарном обществе экономический прогресс идет стихийно и осуществляется путем кризиса, который дает относительную встряску обществу, вынуждает его и к техническому прогрессу, к усовершенствованию производства, и к удешевлению его. У нас можете наблюдать теперь то же, как под влиянием кризиса усиливается процесс концентрации, выкидываются те предприятия, которые похуже, остаются более совершенные, обеспечивается производство более дешевых продуктов, так что осуществляется организационный прогресс в народном хозяйстве. Так вот, то обстоятельство, что у нас теперь вообще имеет место хозяйственный прогресс, что даже сам нынешний кризис является этапом на пути прогрессирующего хозяйственного развития общества, на пути восстановления хозяйства, развивающего и сельское хозяйство, и промышленность,—это и накладывает печать на плановое хозяйство предстоящего периода. Мы будем иметь плановое хозяйство в обстановке настоящей возможности *воспроизводства* хозяйственной жизни. Что это значит экономически? Это значит, что центр тяжести планового хозяйства будет заключаться не в том, как это было при военном коммунизме, что отсюда из Москвы будем давать распоряжение закрыть в Тамбове завод растительного масла, или отдадим приказание в Астрахани на заводе № 13 солить рыбу, а на заводе № 14 нет. Организация планового хозяйства будет заключаться преимущественно не в этом, а будет заключаться прежде всего в совокупности определенных мер экономической политики, в наличности ее, в том, что в государстве должна быть сознательная, разумная экономическая политика, охватывающая и сельское хозяйство, и торговлю, и финансы, и производство. Это значит, напр., что в сельском хозяйстве совокупность мероприятий государственных должна быть направлена на ослабление зернового характера товарности русского земледелия, ибо зерновой характер сбыта на рынке—это проявление отсталости, крайней отсталости, которая давит на всю русскую экономику.

Я не могу говорить здесь сейчас подробно, в чем должна заключаться совокупность всех мероприятий, я только подчеркну, что этот кризис отличается от прошлых, которые мы переживали, тем, что он в себе носит, если хотите, элементы творчества, он не служит таким явлением, которое способно нас обезнадежить, свергнуть нас вниз, а служит толчком, чтобы общественный класс, стоящий у власти, научился на собственном опыте, как нам не нужно выпускать из своих рук организованного руководства совокупностью явлений хозяйственной жизни, которое он два года назад почти выпустил, поставив ставку на свободную игру экономических сил,—с одной стороны, отчаявшись в итогах планового хозяйства при военном коммунизме, а с другой стороны, по политическим соображениям, в виду внутренней ситуации России, и с третьей стороны и главным образом, в виду задержки международного революционного движения. Ибо те не понимают ничего в нашем нэп'е, кто не понимает прежде всего того, что наш русский нэп явился ответом на замедление развития рабочей революции в Европе.

Тов. *Преображенский* говорит с места—ничего подобного. Я лишний раз констатирую, что тов. *Преображенский*, действительно, выставляет тут марксизм новой системы, отличный, между прочим, и от того марксизма, который мы не раз слышали от Ленина, тоже марксизма шаблонного, который тысячи раз говорил, что нэп является отражением замедления революции в Европе. Я повторяю, тот ничего не понимает в русском нэп'е, кто не понимает, что поражение революционного рабочего движения в Европе неизбежно должно было отразиться и на внутреннем положении России в смысле ее экономического уклада. Наоборот, то международное положение, которое создается теперь, оно неизбежно толкает нас уже по соображениям не только экономическим на усиление непосредственного государственного начала в управлении нашим народным хозяйством, к сжатию в один кулак всех линий экономической политики. Вот эти два мотива, о которых отчасти не упоминал тов. *Преображенский*,—влияние международной революции и внутреннего кризиса,—делают совершенно правильным его конечный вывод о необходимости усиления планового хозяйства. Таким образом, вывод тов. *Преображенского* практически совершенно правильный. Предисловие тов. *Преображенского* тоже правильно. Заслуга его несомненна. Такие вопросы необходимо ставить перед общественным мнением. Что касается середины его доклада, то здесь есть ряд очень правильных и верных соображений, на которых я не остановился потому, что они правильны. И было бы очень странно, если бы в докладе тов. *Преображенского* мы не нашли верных и правильных соображений. Я считал необходимым показать перед вами небольшие народнические уклоны, те небольшие народнические недомолвки, которые были в докладе тов. *Преображенского*, из чего, однако, не следует, что теперешнее состояние хлебных цен именно есть такой уровень, который должен быть всегда. Задача нынешнего момента в области политики цен заключается в ряде мер, для того, чтобы соотношение хлебных и промышленных цен подвести приблизительно к тому февральскому и мартовскому времени, когда происходил наш спор в Госплане, о котором упоминал тов. *Преображенский*, и когда, действительно, все марксисты, в том числе тов. *Преображенский*, сходились на том, что положение в общем нормально в смысле соотношения цен, и если тов. *Преображенский* возьмет отчет этого заседания, напечатанный в „Правде" тогда же,—он, к своему изумлению, найдет там, в заседании Госплана, что тов. *Преображенский* Ларин, Кржижановский, Струмилин и др. вместе выступали там по этому поводу против народников-профессоров—Кондратьева и др.

Базаров.

Слово имеет тов. *Фрумкин*.

Фрумкин.

В виду позднего времени я постараюсь говорить меньше, чем говорил тов. Ларин, я постараюсь дать только несколько справок по отдельным вопросам, тем более, что тов. Преображенский в своей речи записал меня специально по хлебному вопросу.

Я думаю, что тов. *Преображенский* ошибается, утверждая, что в рабоче-крестьянском правительстве когда бы то ни было возникал вопрос о необходимости давления в сторону понижения цен на хлеб. Не знаю, быть может, подобные вопросы обсуждались в Госплане, но могу заверить, что в решающих правительственных кругах он никогда не ставился. Я с хлебом вожусь с декабря месяца прошлого года, как только были поставлены на реальную почву первые попытки экспорта хлеба. С того времени нами неоднократно

обсуждался вопрос не о понижении, а о повышении цен на хлеб. Единственный случай был в конце июня этого года, когда в Москве цены на муку дошли до 1 руб. 20 коп., как раз в тот момент, когда эмиссия сокращалась, а заработная плата сжималась. Необходимо было принять меры, чтобы в главнейших рабочих центрах были понижены цены на хлеб. Были приняты меры к усиленному подвозу хлеба в Москву, Питер, Иваново-Вознесенск, чем удалось понизить в указанных местах цены. Но эти мероприятия не имели никакого значения для хлебного рынка в широком смысле этого слова, ибо в это же время на Юго-Востоке и в других местах цены были устойчивые—не понижались и не повышались.

Повторяю, не было такого момента, когда бы правительство поставило себе задачей снижать цены на хлеб. Наоборот, принимались и принимаются меры обратного свойства—к повышению цен. Я приехал в Москву в сентябре, и первый вопрос, с которым я столкнулся, был вопрос о необходимости воздействовать на хлебный рынок в сторону повышения. Нужно сказать, что, несмотря на все усилия, которые прилагались к разрешению этой задачи, результаты были весьма незначительны, а во многих местах совершенно нулевые.

В целом ряде мест принимаются меры к повышению цен, правда, своеобразного характера. Так, например, в Курске секретарь губкома нередко вызывает коммунистов, работающих в хлебных организациях, и заявляет им: „Если вы будете платить за хлеб меньше такой-то цены, то мы вас исключим из партии". Это делается не в одной Курской губ. Украинское экономическое совещание установило минимальные цены, по которым следует покупать хлеб, и затем поручило ГПУ следить за тем, чтобы никто ниже этих цен хлеба не покупал. Конечно, все эти меры недействительны. Но они указывают на тенденцию и на определенное направление работы правительственных органов, ставящих совершенно определенную задачу—поднять цену на хлеб.

Тов. Преображенский делает следующую основную ошибку. Он слабо учитывает значение рынка. В изложении тов. Преображенского получается, что у нас вообще рынка нет. Мы можем говорить о большем или меньшем значении рынка, но следует совершенно определенно установить, что рынок нас регулирует и притом весьма жестоко. Между

прочим, рынок также диктует нам и цены на хлеб. Никто не станет утверждать, что существующие ныне цены на хлеб нормальны. Неверно то, что в настоящее время нельзя платить дороже тех цен, которые существуют на рынке. Заграничные цены минус морской фрахт в наших портах на рожь 95 коп.; если мы сбросим накладные расходы в 40—50 к., то все же можно платить в районах заготовок до 50 коп., а между тем цены стоят значительно ниже.

В пояснении кризиса т.т. Преображенским и Лариным упускается весьма существенное явление настоящего года. Т.т. Ларин и Преображенский говорили о подъеме сельского хозяйства. Дело обстоит далеко не так. Посевная площадь в настоящем году действительно значительно увеличилась, примерно на 16—18%, но результаты урожая в этом году меньше, чем в прошлом, приблизительно на 3—4%. Если и подвергнуть некоторому сомнению эти цифры, то все же можно положительно утверждать, что валовой урожай настоящего года во всяком случае не выше прошлого.

Между тем, темп нашей промышленности был за прошлый год совершенно другой. Приблизительное повышение выразилось в размере 50%. По данным ВСНХ, проверенным целым рядом экономистов, наша промышленность дала в этом году 40% довоенного производства.

Ларин.

Вы сравниваете 22—23 г., а если возьмете 23—24 г.—картина будет другая.

Фрумкин.

Когда мы берем начало кризиса, совпавшее с началом сельскохозяйственного года, то нельзя брать план тов. Ларина на 23—24 г., а те реальные заказы, которые были до этого года. О планах будущего мы говорить не можем. Этот момент, т.-е. более слабый урожай настоящего года, не был учтен ни тов. Преображенским, ни тов. Лариным Во-вторых, запоздал урожай. Запоздалость урожая была началом кризиса. Уборка хлеба закончилась на месяц позже обыкновенного. Когда действовала Нижегородская ярмарка с оборотом в 325 милл. руб., правда, наполовину дутых, урожай еще не был снят. Первый хлеб в пределах РСФСР, в центральных губерниях, поступил на месяц позже обыкновенного. Между тем, целый ряд организаций уже рассчитывали на поступление средств от реализации товаров в сентябре месяце. Это и было началом кризиса.

Нельзя упускать также и то, о чем говорил тов. Преображенский, что все деньги были ухлопаны на промышленность с расчетом на то, что к сентябрю эти суммы освободятся, и их можно будет бросить на покупку хлеба. Хлеб запоздал, денег извлечь нельзя было, и уже благодаря этому получилась заминка. Относительно благополучия надо откровенно сказать, что мы в этом году имеем сельское хозяйство не в лучшем положении, чем в прошлом. Рост же нашей промышленности, давший 50% больше производства, чем в прошлом году создал известную диспропорцию.

Дальше, прав т. Ларин, упрекая т. Преображенского в том, что он не учитывал значение иностранного рынка для довоенного хозяйства России и для нас в настоящий момент. Мы вывезли в довоенное время на $1^1/_2$ миллиарда руб., из них падало на промышленные фабрикаты только 8%, а остальные на сельское хозяйство. Продуктов сельского хозяйства в узком смысле вывозилось на сумму 1.100 миллионов руб. Один только хлеб давал 677—680 милл. руб. в год. В 1913 году вывоз хлеба доходил до 700 милл. руб. Если нам удастся развить наше сельское хозяйство, развить наш экспорт, не только включиться, но и занять определенное место на мировом рынке, то это будет огромным успехом, который излечит нас от многих бед, переживаемых в настоящее время. Основная задержка в развитии нашего хлебного экспорта в настоящее время—это несоответствие культур. Пшеничная Украина превратилась в ржаную Украину и имеет теперь очень мало пшеницы, которой только с небольшим излишком хватает для прокормления местного населения. Такая же картина наблюдается и в районе Южного Поволжья, которое давало большее количество пшеницы для вывоза. До войны мы вывозили пшеницы и ячменя в размере 60% всего хлебного экспорта, а в настоящее время мы можем дать не больше 60—70 милл. пудов, т.-е. меньше $^1/_3$ предполагаемого хлебного экспорта. Пшеница вытеснена рожью, рожь же не находит большого спроса за границей, потребление ее в целом ряде западных стран весьма ограниченное. Мы сможем развить постепенно наш экспорт с переходом опять со ржи на пшеницу и ячмень.

Тов. Ларин совершенно прав, что во всяком кризисе имеются творческие элементы, но прежде всего нужно установить и не скрывать от себя, что мы переживаем

достаточно сильный кризис, и что в этом кризисе найдут для себя творческие силы представители частного капитала, которые уже наживаются за счет наших госорганов. Кризис является определенным показателем наличности у нас рынка, который слабо учитывается тов. Преображенским. Мы не должны скрывать от себя, что перед нами совершенно реальная опасность слишком высокого и слишком большого давления рынка. Необходимо усилить наше регулирование хозяйства. Как регулировать—это важнейший вопрос. Во-первых, необходимо отбросить старую систему отношений между Госбанком, Наркомфином и Госпланом, которые совершенно оторваны друг от друга. Необходимо ввести регулирование в самое производство путем тесной связи не только ВСНХ с Госпланом, но и с НКФ, чтобы отразить удары совершенно неожиданных явлений.

Я хотел бы еще остановиться на одном небольшом вопросе. Тов. Преображенский в своем докладе ни разу не остановился на вопросе, как бороться с повышением цен. Он много говорил о накладных расходах. Но ведь накладные расходы имеют под собою определенную почву. Когда он приводил большие цифры, которые тратятся на содержание торгового аппарата, и называл их страшными, я должен сказать, что они с внешней стороны вовсе не так страшны. Если верен подсчет тов. Преображенского, что всем торговым аппаратом получено валовой прибыли 600 милл. руб. зол., а по подсчету того же тов. Преображенского в торговле у нас занято 500 человек, то получается годовой доход одного человека в 1200 руб., т.-е. 100 руб. в месяц. Но и в довоенное время любой торговец при более низком прожиточном минимуме зарабатывал не меньше 100 руб. в месяц. Следует дальше еще учесть, что имеется еще ряд торговых госорганов, которые накопили в течение прошлого года значительный капитал. В общем цифра даже в 600 милл. не так страшна. Но она страшна в другом отношении, она слишком велика для тех оборотов, которые мы делаем, слишком много людей у нас занято торговлей и которые также не работают полной нагрузкой. Основной вопрос—удешевление цен и урегулирование их—упирается в производство и торговлю с полной нагрузкой предприятий.

Тов. Ларин сугубо не прав, когда он предлагает в качестве выхода из кризиса приток иностранных товаров.

Если осуществить предложение тов. Ларина, то мы только углубим кризис. Тов. Ларин предлагает привезти 5 милл. пар обуви в дополнение к тем 5-ти милл., которые производятся у нас, затем смешать обе эти партии и установить среднюю цену. Таким образом, по мнению тов. Ларина, мы удешевим продукт, а наша промышленность при этом не пострадает. Я оставляю в стороне вопрос о том, насколько удастся сбыть наши фабрикаты при наличии заграничных, можно с уверенностью сказать, что потребитель прежде всего возьмет заграничный товар. Но если даже отбросить это соображение, то ни в коем случае нельзя упустить из виду, что действительно бороться с другими ценами можно *только постоянным увеличением производства*. Это действительно единственная возможность удешевления цен. Если применить тот способ, который предлагает тов. Ларин, то заграничная обувь не понизит цены, а вытеснит наш товар. Я думаю, что перед нами должен стоять только один вопрос—вопрос об увеличении наших производительных сил, а затем все остальное приложится.

Базаров. Слово имеет тов. Преображенский.

Преображенский.

Товарищи, я постараюсь быть кратким, потому что мне отвечать придется очень мало. Возражений, собственно, я не встретил. Начну с тов. Ларина. Он меня упрекнул в том, что я забыл о связи нашего довоенного хозяйства с мировым рынком. Это единственное место из его выступления, единственное замечание, которое я признаю правильным. Но я не делал этого анализа сознательно, потому что мне пришлось бы очень далеко углубиться для определения процента товарности в отношении к промышленности. Мы до войны вывозили, примерно, на 1.500 милл. руб., ввозили на меньшую сумму, потому что мы должны были иметь актив торгового баланса для уплаты процента по внешним займам. Но мы были страной, которая не только ввозила продукты иностранной промышленности, которые присоединялись к продуктам внутреннего индустриального производства и фигурировали на ряду с нашими продуктами, что ослабляет возражение тов. Ларина,—но мы были страной импорта иностранного капитала. Этот новый капитал притекал к нам в форме основного капитала, он выбрасывался в дальнейшем на рынок, как составная часть продуктов внутреннего производства. В результате всего этого сокращалась доля продукции, которая шла на основной капитал, и увеличивалась доля продуктов широкого потребления. Подобная экономика приводила к очень сложным взаимоотношениям и пропорциям в распределении производительных сил, трудно уловимых в таких грубых процентных отношениях, которые я здесь набросал. Поэтому я принимаю предложение тов. Ларина—продолжить анализ дальше и сделаю это в другом месте. Однако я сомневаюсь, чтобы в результате этот анализ, когда мы сбалансируем все необходимые величины, что-нибудь существенно изменил в моих выводах.

Дальше тов. Ларин говорил, что я забыл про спрос самого государства. Я говорил о товарной продукции промышленности—в 1277 и с транспортом 1577 милл., о сумме в 500 милл. для сельского хозяйства. Но я не думал утверждать, что для баланса надо к 500 прибавить 700 или 1077 м. Я упоминал в докладе, что я не касаюсь вопроса о размерах капитализации и спроса самой промышленности. Я анализировал только потребительскую часть того, что выбрасывается, потому что именно диспропорции в этой области являются причиной нашего настоящего кризиса. Далее тов. Ларин говорит, что я забыл про расслоение крестьянства. Если я об этом не говорил, это не значит, что я это забыл. Однако могу сказать, что когда дело идет об увеличении цен на хлеб, то беднота, которая покупает хлеб, страдает, но вместе с тем выигрывают среди самого крестьянства от низких цен на хлеб и те группы, которые живут в губерниях с развитыми техническими культурами. На Северо-Западе крестьяне наживают большие деньги на льне, потому что цена льна довоенная, а хлеб они покупают за бесценок. Это раз. Крестьянство районов технических культур наживается за счет районов зерновых культур, и с этой точки зрения, если бы мы подвели баланс, то неизвестно еще, какой бы получился итог. Я нисколько не забыл о расслоении крестьянства, но здесь мы говорим о величинах в целом, а если говорить о величинах в целом, то мои выводы являются бесспорными. Тов. Ларин хотя и опоздал на 15 минут, но он ничего не потерял, потому что я за эти 15 минут ничего не говорил на счет глупости наших трестовиков. Я предыдущим анализом показал, что кризис развивался стихийно на основе диспропорциональности в хозяйстве. Определенные моменты могли его или углубить

или ослабить. Если бы у нас на основе общего плана хозяйства была правильная кредитная политика и правильная политика цен, то тогда кризис протекал бы менее болезненно. Сам же кризис надвинулся стихийно. Я думаю, что мой анализ и мои выводы экономически более обоснованы, чем выводы тов. Ларина, который все зло видит только в одном: в бесплановом хозяйстве. Это слишком поверхностно... У нас-де не было планового хозяйства и в результате получаются ножницы. Это неверный подход к вопросу. У нас ножницы получились на основе стихийно сложившихся отношений в хозяйстве, которые плановое хозяйство может лишь частично изменить. И кризис оно может ослабить и будет ослаблять кризисы чем дальше, тем больше, но не может их ликвидировать совсем. Тов. Ларин допустил фактическую ошибку, когда сказал, что два года расширяется сельскохозяйственная площадь. Она расширяется первый год, а предыдущий мы имели сокращение, правда, благодаря недосеву в голодных районах. Тов. Ларин приводил слова тов. Ленина о том, что главной причиной, почему мы перешли на нэп, было отсутствие революции на Западе. Главная, основная причина, или одна из причин—это две больших разницы, как говорят в Одессе. Никто из нас не будет отрицать, что как бы революция на Западе ни развернулась, к форме хозяйства, бывшей при военном коммунизме, мы не вернемся. Этого не будет. Никто не будет утверждать, что революция на Западе могла бы оправдать теперь, в 1923 году, те методы разверстки, которые мы применяли в 1918 г. Раз мы вынуждены жить при наличии мелкого хозяйства десятки лет, то те методы, которые упраздняют всякую возможность развития мелкобуржуазного хозяйства, со свойственными ему стимулами, эти методы непригодны и должны быть заменены другими. С этой точки зрения никакая революция в мире к разверстке нас не вернет, никакие успехи германской революции к разверстке нас не вернут. Для нас вполне доступны гораздо более сложные методы овладевания крестьянским хозяйством. Они осуществимы, я их касался в книжке „От нэп'а к социализму". Эти методы, в числе которых огромную роль должен играть долгосрочный кредит деревне, могут нам дать экономически все то, чего мы хотим для осуществления социалистического регулирования в области всего хозяйства. Но это не регулирование периода военного коммунизма. Тов. Ларин говорит, что если мы

объединимся с будущей Советской Германией в один союз, то это обеспечит нам возможность очень быстро перегруппировать производительные силы на новом базисе, а это неизбежно заставило бы нас углубить и усилить плановое начало в нашем хозяйстве. С этим я согласен. Но я считаю неправильной сделанную перед этим постановку вопроса. Ведь если она верна, то надо признать и обратный вывод. В случае поражения германской революции надо усилить нэповский элемент в нашем хозяйстве. Выходит, что элементы свободной конкуренции и т. д. должны тогда усилиться за счет планового государственного хозяйства. Я с этим не согласен. Я думаю, что мы идем к плановому хозяйству, независимо от успехов германской революции. Объединение в экономический союз с нею может лишь ускорить этот процесс.

Теперь несколько ответных упреков тов. Ларину, поскольку он обвинил меня в народничестве. Я должен повторить категорически, что я не за народничество, а против вульгарного марксизма и считаю, что нужно поднять голос за правильную постановку вопроса о ценах. Товарищу Ларину надо напомнить о том, что он в тот период, когда ножницы раздвигались, и когда нужно было заблаговременно ставить вопрос о повороте политики в области цен, о развитии экспорта и т. п.,—в этот период он говорил о том, что все обстоит благополучно, и считает теперь это своей заслугой. Я же в этот период говорил, что, наоборот, все обстоит неблагополучно, и нужно держать курс на повышение хлебных цен на основе экспорта. Он считал тогда мою постановку вопроса, правильность которой теперь полностью подтвердилась, народнической и несерьезной. Вместо того, чтобы продумать вопрос, он (и некоторые другие товарищи) от него просто отмахнулись воспоминанием о наших старых трафаретах в борьбе с народниками в совершенно иной обстановке. Никакого отношения к народничеству моя позиция не имеет; наоборот, к вульгарному марксизму позиция тов. Ларина имеет определенное отношение.

Я должен еще указать на то, что он не сбалансировал свои нападки в начале и в заключении своей речи. Сначала он сказал, что я народник, а потом, в конце речи, он милостиво прибавил, что в середине моей речи были лишь уклоны к народничеству. Затем последний вопрос. Я с тов. Фрумкиным не вполне согласен относительно того, что причину кри-

зиса надо видеть также и в том, что продукция сельского хозяйства у нас в этом году несколько ниже, чем в прошлом году. Если бы тов. Фрумкин лучше продумал эту мысль, он мог бы увидеть, к чему это привело бы. Если при продукции в 2800 милл. пуд. мы имеем излишек, не рассасываемый на внутреннем рынке, в 200—250 миллионов, которые лежат зря и давят на рынок, то кривая хлебных цен не поднимется вверх, если мы вместо теперешнего излишка будем иметь 300 или 400 миллионов пудов, которые будут давить на рынок. Другое дело недобор или перебор при налаженном экспорте, который рассасывает *все* излишки. Тогда увеличенне сбора есть тем самым увеличение покупательной способности деревни на всю сумму увеличения (caeteris paribus).

Мы вступаем в период, когда вопрос экспорта хлеба делается центральной проблемой для развития нашего хозяйства. Мы уперлись в проблему внешнего рынка. В частности, вопрос о том, чтобы Польша разрешила свободный транзит нашего хлеба на льготных условиях, чтобы мы не имели барьера здесь, имеет сугубо важное значение для нашей экономики. Это вопрос загнивания на месте или быстрого прогресса для нашего сельского хозяйства на данной стадии его развития, а также и для всего хозяйства вообще. Я не согласен с тем, что если бы у нас был хороший урожай, то кризис был бы меньше. Кризис был бы глубже, наплыв продуктов из деревни в город был бы сильнее, недовольство крестьян было бы сильнее и диспропорциональность во всем хозяйстве была бы еще более резкой, чем сейчас.

Базаров.

Заседание объявляется закрытым.

Новые данные о литературном наследстве К. Маркса и Ф. Энгельса.

(Сообщение тов. Рязанова, сделанное в Соц. Академии 20/XI—23 г.)

Сиворцов.

Товарищи, разрешите открыть заседание. Слово для доклада о некоторых новейших находках и, повидимому, чрезвычайно любопытных, по части наследства Маркса и Энгельса,—предоставляется тов. Рязанову.

Рязанов.

Прежде чем говорить о новом, что для нас открывается в литературном наследстве Маркса и Энгельса, я скажу несколько слов о том, в каком положении и состоянии это литературное наследство находилось до последнего времени. Литературное наследство Маркса и Энгельса открывается смертью Энгельса. Самое нецелесообразное распоряжение, которое только мог сделать Энгельс в этом деле—он успел сделать. Если бы он не оставил никакого распоряжения, всего вероятнее, что наследство было бы спасено. Из всех его посмертных пожеланий с большим трудом было исполнено только одно: вместо того, чтобы его похоронить, его все-таки сожгли и выбросили прах где-то в Северном море. Это единственная просьба, которая после долгой полемики была исполнена. При других условиях год или два таскали бы на могилу свежие цветы, потом забыли бы и все было бы кончено. Но так как для него ничего не нужно было сделать, то оставались некоторые обязанности по отношению к наследству. Но именно им очень плохо распорядились. Огромная библиотека Маркса и Энгельса почти вся погибла. Она была завещана немецкой социал-демократии, как немецкой же социал-демократии завещана была значительная часть его состояния и все то наследство, которое осталось после Энгельса в качестве рукописей. Так как законода-

тельство немецкое не разрешало Энгельсу завещать все непосредственно немецкой партии, он вынужден был назначить двух доверенных лиц—Бернштейна и Бебеля, которые поэтому с 1896 года считали себя собственниками этого наследства, личными собственниками, имеющими право распоряжаться этой собственностью. Но и тут случилось маленькое несчастие: они не дали себе труда убедиться, отдано ли это наследство им целиком, или кто-то успел из этого наследства кое-что скрыть. В действительности же случилось нечто совершенно неожиданное для Энгельса: часть его литературного наследства довольно большая, каким-то случайным путем, вместе с библиотекой Маркса и Энгельса, попала в Берлин. Я очень хорошо помню, что еще в 1900 году я нашел эту библиотеку, валявшуюся в неразобранном виде в нескольких комнатах, в Берлине, Показывая мне оставшуюся военную библиотеку Энгельса, покойный Пфанкух очень скептически и даже с пренебрежением, которое имеется у практиков по отношению к теоретикам, отозвался об этих книгах, как лишнем балласте. Действительно, от военной библиотеки теперь ничего не осталось, кроме случайных книг. Огромную массу остальных книг, так как не знали, что с ними делать, передали в одну рабочую библиотеку, не дав себе труда посмотреть, не носят ли книги следов духовной работы Энгельса и Маркса. Таким образом, не один десяток тысяч книг, принадлежавших им, впредь до более удобных времен, исчезли из поля зрения ученых исследователей вместе со всеми пометками Маркса и Энгельса. Часть рукописей и тетрадей, которые считали возможным передать в Берлин, отправили, но Бернштейн следил за тем, чтобы рукописи и, по возможности, письма не ушли из Лондона.

Я коснусь после той части литературного наследства Маркса и Энгельса, которая попала в Берлин. Огромная часть, оставшаяся неизвестной, осталась в Лондоне, но каким-то образом, когда я попал в 1911 г. к Лафаргам, я нашел у них совершенно неожиданно очень большую часть бумаг Энгельса и Маркса. Каким образом они попали туда—трудно объяснить. Вероятно, часть была туда послана после смерти Элеоноры Маркс. Таким образом, архив Маркса и Энгельса разбился на три части: одна часть попала в Дравейль, другая часть осталась в Лондоне у Бернштейна, третья была сдана в архив партии. Та часть, которая была

в архиве, скоро стала доступной тем, кто желал познакомиться с нею.

Первым человеком, который по обязанности должен был познакомиться с литературным наследством Маркса и Энгельса, был Меринг, который в 1898 году получил поручение от партии издать литературное наследство Маркса и Энгельса. Все мы до известной степени воспитались, все мы учились на 3 томах литературного наследства Маркса и Энгельса, изданных Рерингом. Я всегда смотрел на эти три тома, как на работу, которая исчерпала все, что можно было дать в этом направлении, автор которой, во всяком случае, все то, что он мог иметь в виду,—рассмотрел. Получил Меринг это поручение от Ц. К. немецкой партии, в котором был и Бебель. А Бебель в таких случаях был удивительно любезным, и охотно шел навстречу всяким научным работникам... Он позже оказался очень любезным по отношению к совершенно неизвестному ему молодому товарищу, каким я был тогда, т.-е. по отношению ко мне. По отношению к Рерингу, должен сказать, он был не менее любезен. А между тем, в силу каких-то причин, литературное наследство, которое Меринг подготовил в 1898—1902 г.г., обнаруживает значительные прорехи. Один вопрос возникал у всех читателей этих трех томов.

Все мы читали предисловие к „Критике политической экономии“ Маркса, все мы читали о двух толстых—в восьмерку—томах, в которых Маркс и Энгельс подвергли критике немецкую идеологию, то-есть всю после-Гегелевскую философию и „истиный социализм“ во всех его проявлениях. Каждому из нас навязывался вопрос, где эти два больших тома? Ответ мы искали у Меринга. В литературном наследстве вы найдете маленькую главку, посвященную этой „немецкой идеологии“, но из нее вы совершенно неожиданно узнаете, что в „литературном наследстве“ должны быть опубликованы только напечатанные вещи Маркса и Энгельса, а не оставшиеся в рукописи, и что поэтому он рукопись не печатает. Меринг забыл, что он в первом томе напечатал докторскую диссертацию Маркса. А затем следует странное заявление, что „Немецкая идеология“, вообще, не представляет интереса, тем более, что Маркс и Энгельс, в сущности, ее писали для самоуяснения. И в то же время в том же втором томе вы находите маленький параграф „Лейпцигский Собор“. Оказывается, что в распоряжении

Меринга была маленькая рукопись „Лейпцигский Собор", посвященная Бруно Бауэру и Максу Штирнеру. Что именно она представляет, Меринг не знает, хотя он эту рукопись имел в своих руках. Я объясню вам этот секрет. Он для меня стал ясным только теперь, после новой поездки в Берлин. Дело в том, что Меринг очень даже пытался получить „Немецкую идеологию". Он понимал прекрасно, что если он даже решил не напечатать ее, то нет никакой возможности без нее выяснить весь тот переходный период между „Святым семейством", где Маркс подвергал критике Бруно Бауэра, и „Нищетой философии". Только открыв эти два тома, можно заполнить пропасть, которая существует между двумя фазами литературной деятельности Маркса и Энгельса. Меринг пытался получить эту рукопись, просил Бернштейна, обращался даже к помощи Лауры Лафарг; эти хлопоты относятся к тому времени, когда Бернштейн уже стал теоретиком ревизионизма, когда Лаура Лафарг его считала ренегатом. И Бернштейн уклонился, но не совсем. Чтобы отделаться от Меринга, он дал ему маленькую рукопись о Бруно Бауэре. Это и есть рукопись о „Лейпцигском Соборе". Меринг на основании этой части пришел к заключению, что „Немецкая идеология", действительно, многого дать не может. В конце-концов, он должен был бы просто заявить: мне не дают возможности издать литературное наследство Маркса и Энгельса как следует, и читатели должны с этим считаться. Но Меринг, оказывается, тоже обманул Бернштейна. Когда я теперь возился с Бернштейном, собирая различные остатки „Немецкой идеологии", я не мог получить одной рукописи, второй части о Бруно Бауэре. В ответ на мои настойчивые вопросы Бернштейн заявил мне, что, кажется, дал ее в 1900 году Рерингу, но не получил обратно. Я справился у Эдуарда Фукса, теперешнего душеприказчика Меринга. Никаких следов. В конце-концов, этой недостающей частью оказалась рукопись „Лейпцигский Собор". Каюсь. До войны я специально не интересовался этой рукописью, но указал на нее Густаву Майеру, предлагая ему напечатать ее. Я занимался тогда более поздним периодом в жизни Маркса и Энгельса. Теперь, получив в руки рукопись, я ее внимательно рассмотрел. Оказалось, что на последней странице рукой Энгельса написано: II. Бруно Бауэр, 1845—46. Это была часть „Немецкой идеологии", которую Бернштейн в 1900 году дал Рерингу, и которую Меринг решил отдать в архив.

В предисловии к Людвигу Фейербаху Энгельс пишет, что, собираясь дать очерк о Фейербахе, он решил заглянуть в эту старую рукопись и констатирует:—отдел о Фейербахе не окончен. Рукопись показала ему, как недостаточны были тогда их экономические познания. Вы знаете, как у нас все анти-марксисты использовали эти заявления Энгельса. Но он не говорит, что именно в этой рукописи имеется. В 1918 году Меринг выпустил биографию Маркса. Вы там тоже находите главку о „Немецкой идеологии". Она идет в смысле отрицания значения немецкой идеологии еще дальше, чем его замечания в „Литературном наследстве". Это чуть ли не отрицание значения этой вещи даже для биографии Маркса и Энгельса, даже для характеристики духовного развития Маркса и Энгельса. Это было в 1918 году. В следующем году Майер выпустил биографию Энгельса. Нужно сказать, что у Майера имеются заслуги по части открытия некоторых фактов в биографии Энгельса до 42 года. Но Густав Майер—буржуазный писатель; он недавно стал социал-демократом, вернее, немецким национальным социал-демократом; это человек, который органически не в состоянии понимать марксизм, как философское и революционное учение. Он еще может понять Энгельса, как хорошего патриотического немца. Но в его книге мы находим интереснейшую главку. Это, приблизительно, от 240 страницы до 261. Нужно сказать, что эти страницы самое интересное место, самый интересный отдел в этой книге. Они представляют нечто совершенно новое. Я случайно имел в руках экземпляр этой книги, принадлежащий Каутскому, и по его заметкам я видел, что и для него эти вещи были совершенно новы. Я полюбопытствовал, каким образом Густав Майер получил эти сведения о „Немецкой идеологии". В примечаниях он сообщает, что Бернштейн был настолько любезен, что предоставил ему некоторые из имеющихся у него манускриптов Энгельса. Густав Майер—журналист, старый газетный корреспондент, и до сих пор сохранил привычки журналиста и газетного корреспондента. Первая обязанность журналиста—скрыть от всех товарищей источник, где он получает сведения. Даже тогда, когда он пишет научное произведение, он не указывает подробно, какими рукописями он пользуется. Вы напрасно ищете в примечаниях

точные указания: „пользовался такими-то, такими-то и такими-то частями „Немецкой идеологии", „рукописью № 1". А такие-то цитаты взяты из рукописи такой-то, библиотеки такой-то, страница такая-то. Об этом ни слова, а между тем, все-таки видно, что он имел несколько рукописей.

В этом зале присутствуют товарищи, которые, вероятно, тоже обратили внимание на эти поразительные страницы в книге Майера. Меня это открытие заставило отложить издание соответствующего тома сочинений Маркса, пока мне не удастся, наконец, узнать, куда делась „Немецкая идеология",—действительно ли она совершенно исчезла. Результат предпринятой мною с этой целью поездки в Берлин заключается в том, что мне, наконец, с большими затруднениями, удалось извлечь на свет божий всю „Немецкую идеологию". Тут вот у меня имеется фотография этой рукописи. Лет через шестьдесят после пролетарской революции я надеюсь рассказать вам, сколько я употребил усилий для того, чтобы в течение 4 недель вытаскивать у Бернштейна одну рукопись за другой. Я опирался на все печатные источники, мне известные. Во-первых, я хотел иметь „Святого Макса". Я помнил, что часть этой „Немецкой идеологии" напечатана, и я думал, что легче всего я получу от него то, что было напечатано. Добившись этого, я Бернштейну заявляю, что в такой-то книжке он сказал, что есть еще одна часть и он ее опубликует. Он этого не помнил. Тогда я ему показал соответствующее место, и после нескольких дней спора я все-таки получил вторую часть этой рукописи.

Оказалось, что „Святой Макс" в его напечатанной части составляет не больше $^2/_5$ настоящего манускрипта. Более внимательное изучение рукописи привело сейчас же к неожиданным результатам. Оказалось, что она пострадала от „грызущей критики мышей" меньше, чем это думал Бернштейн, когда печатал „Святого Макса". Мыши съели гораздо меньше, чем проглядел Бернштейн. Так, по поводу главы о „гуманном либерализме" в „Святом Максе" Бернштейн пишет: „Так как сохранились только три странички—все остальное, листы 41—42, съели мыши—то я предпочитаю не печатать совсем эту главу". Но, перелистав внимательно рукопись, я нашел все, якобы съеденное мышами, целиком, без каких бы то ни было следов повреждения. Но это только одна часть „Немецкой идеологии", хотя и самая

значительная. По моим приблизительным расчетам, эта часть, посвященная Штирнеру, занимает не меньше страниц, чем „*Единственный и его собственность*".

Мимоходом укажу, что, когда Маркс работал над „Святым Семейством", для него самым популярным выразителем наиболее радикальной части философской мысли был Бруно Бауер. Но еще в то время, когда книга „Святое Семейство" печаталась, вышла книга Штирнера. Она единым ударом сразу отмела в сторону Бруно Бауера и комп. Штирнер стал в течение 1845 года властителем дум, причем он оказался для немецкой интеллигенции несравненно радикальнее Бруно Бауэра. Маркс и Энгельс обрушились на Штирнера, чтобы именно на Штирнере показать всю неосновательность крайнего либерального буржуазного мировоззрения. Этим объясняется то непропорционально большое место, которое они отвели в своей работе Максу Штирнеру. Но в „Немецкой идеологии" Маркс и Энгельс сосчитались не только с Штирнером. Она посвящена также Бруно Бауэру и Фейербаху. Первому—именно потому, что Энгельс и Маркс расправились с ним уже в „Святом Семействе"—отводится сравнительно немного места, хотя гораздо больше, чем это кажется Бернштейну, который очень плохо разобрался в рукописи, и часть манускрипта, посвященного Бауэру, присоединил к главам, в которых Маркс и Энгельс занимаются критикой Фейербаха. Последние главы и представляют собой тот отдел рукописи, о котором Энгельс пишет в предисловии к своему „Людвигу Фейербаху", что он не кончен. Над этим манускриптом придется еще поработать. Именно из этого отдела Майер взял упомянутые мною поразительные страницы. К сожалению, он не сумел их изложить, как следует.

Оказывается, что в этой незаконченной части Маркс и Энгельс, которые, по отношению к Штирнеру, по отношению к Бруно Бауэру, ведут себя, как сердитые учителя, жестоко секущие своих учеников, обращаются с Фейербахом, как с противником, к которому они относятся с глубоким уважением, личности которого они не затрагивают. По отношению к нему они считают необходимым в самом начале противопоставить идеалистической точке зрения свою материалистическую точку зрения. Дается критика Фейербаховского понятия „человека". Я очень жалею, что не успел для этого вечера,—мне помешала болезнь,—пере-

вести из этой рукописи значительный отрывок. Это место приводится в изложении у Майера. Наша исходная точка, наше исходное положение—это не есть нечто отвлеченное, а действительные индивидуумы и их акции, их действия, условия, которые они нашли готовыми, и условия, как они изменяются деятельностью людей. Всякий, кто хочет исследовать человеческую историю, должен поставить себе задачу сначала исследовать этот человеческий организм, исследовать самого человека, потом ту среду, в которой он действует, исследовать окружающие его геологические, географические, климатические и прочие условия. Все это великолепно, конкретно, ярко изложено именно в главе о Фейербахе. Я постараюсь, чтобы она появилась как можно скорее, еще до того, как она появится отдельной книгой.

Достаточно этого указания, чтобы увидеть, какое колоссальное значение имеет рукопись „Немецкой идеологии" для решения целого ряда вопросов. На один такой вопрос я уже указал. Для нас период от „реального гуманизма" до революционного коммунизма оставался без связывающих звеньев, оставались невыясненными две стадии в развитии Маркса и Энгельса. Но не только в личном развитии Маркса и Энгельса, а и в развитии всей немецкой идеологии оставался совершенно непонятным, неисследованным весь этот переход от Гегеля через Фейербаха к Марксу и Энгельсу. Оставалось непонятным и то обстоятельство, что Маркс и Энгельс как-то забросили философию с тех пор. В этой рукописи мы встречаем указания, что у Маркса и Энгельса уже тогда сложился взгляд на философию, известный нам по той формулировке, которую дал позже Энгельс. От философии остается диалектика и формальная логика, все остальное переходит в область соответствующих наук. Но в рукописи имеется еще большой раздел, посвященный немецким „истинным социалистам". До сих пор мы имели в своем распоряжении только краткую весьма резкую характеристику, данную в „Коммунистическом Манифесте". Теперь мы имеем детальную критику всех писаний „истинных социалистов".

Вы видите теперь, какое огромное значение имеет эта рукопись и для биографии Маркса и Энгельса, для истории немецкой идеологии, для истории немецкой общественной, политической, экономической мысли XIX столетия, для истории мысли XIX века, вообще. Для всех нас и, в особенности, для

молодых товарищей, становящихся марксистами, очень важно проследить по рукописи Маркса и Энгельса тот крайне тяжелый, перерытый для нас уже не необходимыми извилинами и тропинками, путь, по которому Маркс и Энгельс через Гегеля, через Фейербаха, через английскую политическую экономию, через разворачивающуюся классовую борьбу пролетариата, пришли к диалектическому материализму.

Но не только рукопись „Немецкой идеологии" имеется теперь в наших руках. Мне удалось найти—не у Бернштейна, а в архиве немецких социал-демократов—еще и другие рукописи Маркса, относящиеся к периоду до 1848 г. Хотя я до войны работал довольно регулярно в этом архиве, и первый привел в порядок накопившиеся там бумаги Маркса, я не имел возможности изучить их, так как был занят работой по истории Интернационала, да к тому же исходил из предположения, что Меринг использовал все, что относилось к периоду до 1848 г. Кроме того, я думал, что вместе с библиотекой были отосланы только записные тетради Маркса. Я их тогда просматривал, кое-что для себя отметил, но у меня осталось впечатление, что это—записные тетради Маркса. Я знал, что в этих записных тетрадях заключаются его замечания, но искал только то, что мне нужно было для моей работы. Теперь я просмотрел тетради особенно внимательно и наткнулся на один большой манускрипт. Он начинается с 5-й страницы. Сначала казалось, что это—только выписки. Маркс питирует параграф из какой-то книги и делает к нему замечания. У меня явилось предположение, не есть ли это подготовительная работа в области критики философии права Гегеля. Оказалось, что это предположение верно. Рукопись содержит,—я ее скоро опубликую,—параграф за параграфом критику философии права Гегеля, от 261—262 приблизительно до 311. Эта рукопись составляет около ста страниц.

Среди тех же тетрадей я случайно наткнулся еще на одну. То обстоятельство, что мне пришлось в течение последних 2 лет много заниматься Коммунистическим Манифестом, приковало теперь мое внимание к одному из этих манускриптов. Исследовав его, я увидел дату—„ноябрь 47 года". Вчитавшись, я увидел, что это есть для себя набросанный конспект главы из „Коммунистического Манифеста", указание главных §§, где подвергается критике

вся социалистическая литература. Я обрадовался, думая, что, может быть, в этой тетради я найду черновик тех страниц, которые мы имеем в „Коммунистическом Манифесте". Но моя надежда не оправдалась. Оказалось, что это есть только маленький вариант одного места из „Коммунистического Манифеста", но зато в этой тетради я нашел нечто в роде конспекта новых лекций о наемном труде и капитале. Эта работа еще требует расшифровки. На ряду с этим я в тех же тетрадях нашел фрагмент, который связан с занятиями Маркса по греческой философии, и еще один экономический манускрипт, построенный по типу марксовских писаний. Как вы видите, число новых манускриптов, за исключением „Немецкой идеологии", из периода до 47 г. невелико. Наибольшее значение имеет тот манускрипт, где мы имеем краткую критику философии права Гегеля, и рукопись о заработной плате.

Теперь мы перейдем к периоду после революции. Маркс целиком уходит в изучение политической экономии. Из предисловия Энгельса ко 2-му тому Капитала нам известно в общих чертах состояние экономических рукописей, которые оставил Маркс, и над которыми работали Энгельс и после Каутский. Энгельс пишет, что после Маркса осталось 23 больших тетради, имеющих 1472 страницы. Эти тетради написаны были от августа 1861 до июня 1863 г. И тут он прибавляет: Первые 5 тетрадей (220 страниц) и тетради 19—23 (1159—1472 стр.) представляют первую редакцию первого тома Капитала. Он их решил пока не использовать. На страницах от 973 до 1158 в тетрадях 16, 17, 18 рассматриваются следующие вопросы: „капитал, прибыль, норма прибыли, торговый капитал, денежный капитал", —это все вопросы, которые излагаются в третьем томе. Страницы 223—972 тетрадей 6—15 представляют собой историю теорий прибавочной стоимости, как раз то, что Маркс хотел исследовать в 4 томе Капитала. Уже в 80 г., когда он приступил к обработке литературного наследства Маркса, Энгельс говорил об этом 4 томе. Он вел после об этом переговоры с Каутским. Семьсот пятьдесят страниц рукописи Маркса дали всем вам известные четыре тома—„Теорий прибавочной стоимости", причем оставалось ненапечатанным на $^1/_5$ больше. Таким образом, в одних этих 23 тетрадях, где мы имеем редакцию первого тома Капитала и первую отчасти редакцию 3-го тома Капитала,

мы имеем неопубликованными приблизительно 6 томов размера „Теорий прибавочной стоимости".

В том же предисловии ко второму тому Капитала Энгельс сообщает, что он нашел одну рукопись, писанную Марксом в 1864—5 году, которая, по его предположению, составляет 3 том Капитала. После этого он переходит к перечислению того материала, которым он пользовался при составлении 2-го тома Капитала. У Энгельса было в распоряжении 8 манускриптов Маркса. Должен сказать, что восьмой манускрипт Маркса—один из интереснейших, как это видно из второго тома „Капитала"—исчез, и, несмотря на все мои старания, я его найти не мог. Из манускриптов, которые представляют различные редакции 2-го тома Капитала, Энгельс использовал только два целиком. Правда, эти два манускрипта так велики, что они по объему составляют больше половины 2-го тома Капитала. Совершенно не использован первый в 150 страниц и 3-й манускрипт; мало использован 4-й манускрипт. Таким образом, и в этой группе манускриптов, которые относятся к 3-му тому, кроме всего 3-го тома, я нашел ряд манускриптов, представляющих новую редакцию некоторых глав 1-го тома Капитала.

Мы подходим теперь к интересному вопросу.

Каждому русскому марксисту, который имел дело со 2-м томом „Капитала", всегда приходило в голову, а нельзя ли было бы получить 2-й том „Капитала", как его оставил Маркс в необработанном виде, и рядом, как комментарий,— обработку Энгельса. У многих из нас возникала мысль, что Энгельс был, может быть, несколько субъективным. Так вот более детальное знакомство с составом этих рукописей меня в этой мысли укрепило. И еще больше по отношению к 3-ему тому „Капитала". Когда Энгельс издавал второй том „Капитала", он предполагал 3-й том издать через несколько месяцев. Ему казалось, что он нашел вполне готовую рукопись. В действительности же издание 3-го тома „Капитал" у него отняло 9 лет. В рукописи было так много пробелов, что некоторые части Энгельс должен был самостоятельно разработать. Одну часть он разрабатывал несколько лет и в конце-концов бросил, потому что увидел, что ничего не выйдет. Можно с уверенностью сказать, что третий том „Капитала" представляет скорее вариацию на тему, очерченную и разработанную Марксом, но все же вариацию Энгельса.

Но Энгельс просмотрел еще несколько рукописей. Забыл ли он о них, трудно сказать, но среди тетрадей Маркса я нашел теперь еще 8 тетрадей, в которых содержатся экономические работы. В одной из этих тетрадей я наткнулся на интересную заметку Маркса, где он дает перечень содержания всех этих тетрадей. Рукопись написана в середине 50-х годов. Она представляет, действительно, первую редакцию труда Маркса, для которого он тогда еще не придумал заглавия и который явился первой редакцией „Критики политической экономии".

Что в этих тетрадях заключается, вы можете видеть из следующего указания. В одной из них Каутский нашел введение в „Критику политической экономии". Таким образом, у нас при издании экономического наследства Маркса вырисовывается следующая задача. Сначала следует напечатать первую редакцию „Критики политической экономии", которая относится к середине 50-х годов. Вторая крупная работа—это опубликование всех 23 тетрадей Маркса, как они сохранились. Затем идет—первый том „Капитала" со всеми вариантами, со всеми редакциями, второй том „Капитала", как его оставил Маркс и как его переработал Энгельс, 3-й том „Капитала", как его оставил Маркс и как его переработал Энгельс, 4-й том исчезает. К моему великому сожалению и великому удовольствию Ивана Ивановича, который собирался его переводить. При таком плане он выпадает совершенно.

Я уже говорил, что и в тетрадях, которые, повидимому, заключают в себе только выписки, находятся самостоятельные замечания Маркса. Какие там попадаются вещи, знатоки второго тома „Капитала" могут судить по тому, что ст. ст. 89—92 этого тома взяты Энгельсом не из манускрипта, а из одной такой тетради.

Большая работа, которую пришлось проделать, фотографируя рукописи, находившиеся у Бернштейна, и главные экономические рукописи Маркса, не дала мне теперь возможности сфотографировать и все записные тетради Маркса. Но эту работу необходимо будет сделать. Уже просто потому, что эти тетради представляют большой интерес для истории духовного развития Маркса, представляют интерес для характеристики его методов работы и изучения.

Я перехожу теперь к 3-й группе рукописей. В начале 1870 года Энгельс переселился в Лондон. Из переписки его

с Марксом мы видим, что у Энгельса сохранились старые интересы к химии красящих веществ—это, вероятно, объясняется текстильным происхождением,—к химии, физике и вообще естествознанию, которыми он занимался еще в реальном училище. В Манчестере он, при помощи своего друга Карла Шорлемера, известного химика, продолжал изучать на ряду с другими науками и естествознание. Переехав в Лондон, он еще более интенсивно занялся естественными науками. Некоторые из вас, вероятно, помнят его письмо в мае 1873 г., в котором он сообщает Марксу, уехавшему в Манчестер, результаты, к которым он пришел, и просит своего друга сообщить ему мнение манчестерских приятелей. Мы видим таким образом, что Энгельс, уже за несколько лет до своей полемики с Дюрингом, основательно работал в области естествознания. В предисловии к Анти-Дюрингу он выражает надежду, что ему удастся продолжать свои занятия. В письме его к Марксу в ноябре 1882 г. мы находим любопытное указание. В связи с одним новым открытием в области электричества, которое, по его мнению, подтверждает его теорию, он пишет Марксу, что хочет скорее закончить свою работу о диалектике в природе. Что сталось с той работой, и в какой степени она являлась законченной—не было известно.

Об этой работе мне никогда не говорили ни Каутский, ни Меринг, о ней не упоминается ни в одной статье об Энгельсе, о ней молчит даже Бернштейн в примечаниях к переписке. Представьте себе теперь мое удивление, когда Бернштейн совершенно случайно, в процессе выкладывания хранившихся у него манускриптов,—в процессе, который длился около месяца,—принес мне большую рукопись Энгельса о диалектике в природе. Из заглавия, имеющегося на обложке, видно было, что рукопись состоит из 6 частей, в которых разрабатываются законы движения материи, электричество и магнетизм и т. д. К сожалению, 4 часть—„Естествознание в мире привидений"—исчезло. Мои настойчивые просьбы отыскать ее долго не помогали. Я уже готовился уехать в Россию без этой части, но, почти накануне отъезда, она, наконец, нашлась. Но не только эта рукопись. К этой группе относятся еще несколько манускриптов, носящих следующие названия: „Природа и естествознание", „Математика и естествознание", „Диалектика и естествознание". Видно, что Энгельс не сразу прекратил свои работы в этой

области, он не ожидал, что обработка рукописи Маркса займет у него столько времени. Только в середине 80-х годов он теряет надежду, что ему удастся закончить свою работу, и он пишет в предисловии к новому изданию Анти-Дюринга—в конце 1885 года—где он упоминает о своих работах в области естествознания, результаты которых он собирался опубликовать вместе с математическими работами Маркса, что, быть может, дальнейшие успехи естествознания сделают его работу отчасти или совершенно ненужной. А издание дальнейших томов „Капитала" Энгельс считал для себя наиболее важной задачей.

Я пока еще ничего не могу сообщить о содержании этих рукописей. Они требуют расшифровки. Должен, однако, сказать, что рукописи Энгельса читаются, в особенности, если сравнить их с крайне неразборчивыми рукописями Маркса, довольно легко. Авось, нам помогут наши немногочисленные физики и химики, знакомые с диалектическим методом, если, конечно, они окажутся в области разработки рукописей столь же неустрашимыми и настойчивыми, как и в области разработки химических и физических явлений. А я знаю, что даже очень храбрые люди боятся рукописей, как суеверные люди привидений.

Не подлежит сомнению, что Энгельс окажется прав, что прогресс естествознания за последние сорок лет сделает излишними его выводы, сохранит за ними только историческое значение. Но надо сказать, что это было преступлением, буквально несмываемым, по отношению к памяти Энгельса, что эти его манускрипты не были опубликованы сейчас же после его смерти. В общем, они вряд-ли больше по своему объему, чем половина или три пятых Анти-Дюринга.

Прибавлю, что среди манускриптов Энгельса имеется еще крупная работа по средневековой истории германцев, которой, как это видно из его писем к Марксу, он занимался в начале 80-х годов в связи с историей немецкой марки. Упомяну еще, что среди ряда мелких манускриптов самого разнообразного характера имеется еще большая работа об Ирландии, писанная, вероятно, в конце 60-х годов.

Перейду теперь, если вы мне позволите, без перерыва, ко второй крупной части литературного наследства Маркса и Энгельса, к их переписке. И в той форме, в которой вы ее все знаете, она, и по признанию Шмоллера, Онкена и

других представителей буржуазной науки, является важнейшим источником для изучения политической, социальной и интеллектуальной истории XIX века. Можно было ожидать, что эти 4 тома будут изданы мало-мальски научно, не оскорбляя памяти Маркса и Энгельса. В действительности же это издание, за которое несут ответственность главным образом Бернштейн и Меринг, ниже всякой критики. У меня в руках первый том переписки Маркса и Энгельса. Все эти бесчисленные вклейки, которые вы видите, представляют собою неоговоренные издателями пропуски из писем, которые удалось сверить с оригиналами, но это только большие пропуски. Нет положительно ни одного письма, в котором святотатственные руки не производили бы изменений. Резкие выражения или изменены более мягкими или просто выброшены. Если Маркс называет кого-нибудь ослом, наши гувернантки заменяют это выражение более мягким словом—дурак! Чопорные издатели боятся всякого крепкого слова. А между тем письма Маркса и Энгельса являются письмами институток в сравнении с письмами Белинского, воспитавшегося в традициях русского матриархата. И когда Меринг заявляет нам, в предисловии к биографии Маркса, что у него при издании переписки не было никаких разногласий с Бернштейном, что у него не было ни желания, ни повода мешать ему в этой работе, то остается только развести руками. Трудно себе представить нечто более филистерское и мещанское, чем эта чистка писем Маркса и Энгельса. Но за то не пропущен ни один шиллинг, ни один пенс, посланный Энгельсом из Манчестера, не пропущено ни одно место в письмах Маркса, которое бросает на него тень в глазах филистеров. Если издатели спасают авторитет старого Либкнехта или Лассаля, смягчая эпитеты по их адресу, то они беспощадны по отношению к личной жизни Маркса. Правда, результат получился не тот, которого ожидали издатели.

Можно сказать, что я принимал участие в этом преступлении. Мое имя упоминается самым лестным для меня образом в предисловии издателей к переписке. Но вся моя помощь оказывалась не на основании оригиналов. Мне давали только корректуры и я имел возможность констатировать только, что́ именно издатели выбрасывали из первой и второй корректуры. В одном случае я поступил, как российский варвар. Я напечатал отрывки из письма Маркса по первой корректуре. Поднялся большой скандал, потому что

я заставил переменить набор первого тома: нельзя было вырезать уже то, что я напечатал. После я опубликовал некоторые письма Энгельса и Маркса прямо с оригиналов на русском языке. Еще до войны я у Бебеля добился для моей работы об Интернационале оригиналов писем Маркса и Энгельса соответствующих годов. Я сказал Бебелю, что без них я не буду работать над этим трудом, что я считаю ниже своего достоинства использовать такое оскопленное издание. По настоянию Бебеля, Бернштейн дал мне эти письма. Перед тем как отдать эти письма Бернштейну, я, не говоря дурного слова, все письма сфотографировал. Нужно было проделать ту же операцию и со всеми остальными. Теперь я могу сказать, что это сделано: мы имеем полную фотографию всех писем Маркса к Энгельсу и Энгельса к Марксу, которые имеются у Бернштейна, причем у нас имеются письма, которых у Бернштейна нет.

Письма Маркса к Энгельсу составляют самую крупную часть, не менее трех четвертей того литературного наследства, которое заключается в его письмах. Каждый из вас помнит наиболее интересных адресатов Маркса—Кугельмана, Зорге, Вейдемейера, Николая—она. За исключением писем к Зорге мы имеем почти все в фотографиях. Мы имеем также письма Маркса к старшей дочери и к Арнольду Руге. Все, что было можно сделать в этом направлении, уже сделано, и я могу сказать, что в наших руках не менее 90% писем Маркса. Остается еще собрать оригиналы или фотографии писем к различным лицам, обращавшимся к Марксу с различными запросами.

Хуже обстояло дело с письмами Энгельса. Когда Маркс умер в 1883 г., круг его корреспондентов был сравнительно невелик. Значительно шире этот круг у Энгельса. От 1883 до 1895 гг. он разрастался, по мере развития международного рабочего движения. Тут важно определить тех корреспондентов, на которых, после Маркса и родных Энгельса, падает наибольшее количество писем. Наиболее вероятным предположением являлось предположение, что больше всего писем Энгельс написал, если не считать Бебеля и Виктора Адлера, Каутскому и Бернштейну. Было весьма важно сделать попытку получить эти письма. Задача была трудная, но она решена целиком. Мы имеем теперь фотографии всех писем Энгельса к Каутскому, который мне поставил только одно условие: я могу опубликовать их не раньше лета 1924 г.

Удалось получить и письма Энгельса к Бернштейну. Какой это важный материал для биографии Энгельса, для истории 80 годов, это вы увидите через несколько недель, ибо Бернштейн мне предоставил право публиковать эти письма через месяц на русском языке без пропусков. Больше того, Бернштейн обещал мне написать введение о своих отношениях к Энгельсу и обещал расшифровать все инициалы и все места, которые окажутся неясными или непонятными. Остается только в течение ближайших лет—в Болгарии, Румынии, Армении, Италии, Португалии, Швейцарии—отыскать те письма, которые Энгельс писал своим многочисленным корреспондентам. Эта работа отчасти облегчается тем, что Энгельс почти все такие письма посылал после того, как предварительно составлял их конспекты. Много таких черновиков мне удалось найти. Черновики весьма интересные. Удалось найти черновик огромного письма Энгельса к Засулич, черновик письма к Лориа и ряд других, которые дают возможность проследить его адресатов.

Но корреспонденция Маркса и Энгельса дает и другие интересные вещи. Они писали не мало, но и получали тоже много. И вот рассмотрение этого наследства дает важнейшие указания. Я привез фотографии всех писем Лабриола к Энгельсу, это приблизительно около 160 страниц. Имеются письма различных русских революционеров к Энгельсу; имеются интереснейшие письма к Марксу, которые указывают на совершенно неизвестные факты. Я скоро опубликую письма Лориа к Марксу и т. д. Они весьма характерны для представителей буржуазной науки, которые осыпали Маркса самой низкой лестью в письмах. Среди этих писем имеются известные уже письма Чарльза Дарвина и неизвестные Ланкастера, Джона Морлея. Всем будет интересно узнать, что Карл Пирсон, один из крупнейших английских ученых, имя которого хорошо известно всем, занимающимся евгеникой и биометрикой, будучи студентом Кэмбриджского университета, обращался к Марксу с предложением перевести „Капитал“ на английский язык; он ссылался на то, что среди его товарищей в университете имеется группа интересующихся „Капиталом“, которая читает его больше на французском языке. Себя он считал пригодным для перевода, потому что он изучает историю немецкой мысли, был года два в Гейдельбергском университете и признает все основные принципы социализма. В его первых работах вы най-

дете следы такого знакомства с целым рядом вопросов, которого нет у обычных английских ученых и которое теперь объясняется известным идеологическим влиянием.

Перехожу теперь к последней группе. Я скажу несколько слов о тетрадках. Я оставил их не сфотографированными, ибо не хватило времени. У меня имеется перечень этих тетрадей и перечень книг, которые читал Маркс. Они дают интересный материал для определения того, чем интересовался Маркс в некоторые периоды своей жизни. Имеется ряд тетрадей для 40 и 41 г.г., затем для 43—45 г.г. и имеются три тетради для 50—60 годов, а также для семидесятых г.г. Среди них особый интерес представляют три толстые тетради—история кризиса пятьдесят седьмого года, затем тетради, представляющие буквально четырехтомное сочинение, дающее хронологический обзор всемирной истории до середины семнадцатого столетия. Имеются также тетради с математическими упражнениями Маркса. Я должен прибавить, что уже 9 лет тому назад я нашел математические работы Маркса, которые были переданы мною Фрицу Адлеру для печати. Теперь я получил от Бернштейна еще одну математическую рукопись.

Эта часть письменного наследства Маркса и Энгельса еще не использована. Она особенно интересна для биографов Маркса. Она показывает, как работал Маркс, как он занимался, как необыкновенно добросовестно он относился ко всякому новому вопросу, который он изучал. Эту методичность и систематичность в работе он сохранил до конца жизни. Если к 81—82 году он потерял способность к интенсивному самостоятельному духовному творчеству, то способности к изучению он никогда не терял. Иногда после пересмотра этих тетрадей является вопрос, для чего он терял столько времени на такое систематическое, основательное конспектирование, ибо давать себе труд, как он это делал еще в 1881 году, одну крупную работу по геологии главу за главой конспектировать на 63 году жизни,—это был педантизм непростительный. Другой пример: Моргана он получил в семьдесят восьмом году. На 98 страницах мелким почерком (вы должны знать, что одна страница беглого почерка у него всегда дает минимум 2,2 с лишним страницы печатные) сделан подробнейший конспект Моргана. Таким образом работал уже старик Маркс. В виду особенного значения этих конспектов я, в виде исключения, сфотографировал конспект Моргана и двух книг—Леббока и Мэна. По этим тетрадям видно, что Маркс во второй половине семидесятых годов много занимался по истории феодализма и землевладения.

Вот в общем картина того нового, что имеется в литературном наследстве Маркса и Энгельса. Вопрос, который надо поставить практически в стенах этого учреждения, это именно вопрос о том, каким образом у нас можно будет, не откладывая опять на 30—40 лет, пустить в обращение ту колоссальную груду мыслей, фактов, соображений, которые имеются в этих неопубликованных рукописях.

В первую очередь надо будет поставить вопрос об опубликовании всего этого на русском языке. Я должен прибавить, к сожалению, что по договору, заключенному с Бернштейном, я имею право опубликовать эти рукописи только на русском языке. Что касается их опубликования в оригинале,—об этом придется вести после отдельные переговоры. Они отложены до следующего года, но право издания на русском языке мы имеем.

И вот я позволю себе свое несколько затянувшееся сообщение, а не доклад, сообщение о новых данных, о новых раскопках,—закончить пожеланием: пусть, наконец, найдутся молодые, энергичные, настойчивые, прилежные работники, которые помогут нам, комсомольцам 6-го призыва, закончить эту работу. (Бурные аплодисменты).

Скворцов.

Товарищи, несомненно, к товарищу Рязанову обратятся с вопросами. Но я полагаю, что раньше мы устроим перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Скворцов (председательствующий).

Товарищи, кто желает задать вопросы тов. *Рязанову*?

Преображенский.

Я хотел спросить Давида Борисовича, оказывал ли кто-нибудь ему содействие при этой работе и кто оказывал ему противодействие, и второй вопрос, во что все это в финансовом отношении обошлось.

Горев.

Я хотел спросить, каково было техническое воспроизведение всех этих рукописей, и в каком окончательном виде они имеются, имеются ли они в негативах, или в таком виде, что их можно читать.

реображенский.

Пусть Давид Борисович скажет, как он практически представляет себе содействие со стороны молодежи и прочей публики во всей этой работе. Я хотел установить, каково было отношение к работам тов. Рязанова германских с.-д. в связи с тем, что отношения коммунистов и соц.-демократов германских не совсем гладки.

Базаров.

Когда вы рассказывали о том, как Меринг пытался добиться рукописи о немецкой идеологии, то у меня создалось впечатление, что как будто бы Бернштейн не хотел ее дать по каким-то особым причинам. В чем тут дело?

Преображенский.

Давид Борисович, интересно, в переписке Маркса и Энгельса много ли было выпущено цензорами мест, которые характеризуют с невыгодной стороны позицию Бебеля, Либкнехта и других немецких социал-демократов в партийных и вообще в политических делах? Насколько они расходятся с Марксом и Энгельсом по целому ряду тактических вопросов?

Пашуканис.

Я хотел знать, собираются ли немецкие социал-демократы издавать неизданные рукописи, которые открыл теперь тов. Рязанов; если не собираются, то почему?

Панкратова.

Я поняла, что тов. Рязанов не считает своей работы законченной и предполагает через год вернуться в Германию, чтобы получить еще материалы. Нельзя ли это ускорить?

Стехоцкий.

Когда вы предполагаете издать то, что вы получили, и найдено ли что-нибудь о русских революционерах, между прочим, об отношениях Маркса к Бакунину?

Скворцов.

Вопросов настолько много, что я полагаю уже можно ответить.

Рязанов.

Тут товарищ—в лицо я его помню, фамилии не помню—спрашивает, каким образом тов. Рязанов мог получить у социал-демократов эти материалы при известных всем их враждебных отношениях к коммунистам. С этим вопросом совпадает и вопрос тов. Преображенского, кто оказывал

содействие или противодействие. Я должен сказать и констатировать: со стороны немецкого форштанда вначале было одно маленькое затруднение. Переговоры с немецким форштандом я вел через Адольфа Брауна и Рудольфа Гильфердинга. Эти два имени многим товарищам уже указывают, что оба из них знали, кто такой тов. Рязанов, что он имеет скверный недостаток состоять коммунистом, но делом издания сочинений Маркса и Энгельса интересуется и интересуется, как у нас привыкли выражаться, искренно. Условия мне были поставлены только по части опубликования на немецком языке. Но право и возможность сфотографировать были мне предоставлены без всяких условий, кроме тех которые обычно ставятся во всех архивах.

Но совершенно неожиданно я наткнулся на ряд затруднений со стороны русских социал-демократов, со стороны меньшевиков. Они оказались владельцами двух писем Маркса, одного к Засулич, другого—к старшей дочери его. Некоторые товарищи знают, что я уже давно открыл черновик письма Маркса к Засулич, я нашел его в 1910 году среди бумаг, хранившихся у Лафаргов. Это письмо расшифровано, при расшифровке мне помогал тов. Бухарин. Уже из Вены, как только я нашел это письмо, я обращался к Засулич и Плеханову. Я помнил, что у группы „Освобождение труда“ была какая-то переписка с Марксом по поводу русской общины. Плеханов ответил, что Маркс какое-то письмо послал, он его не помнит. Засулич тоже забыла, Аксельрод тоже забыл. Совершенно случайно я узнал от одного меньшевика, что в бумагах Аксельрода нашелся ответ Маркса Вере Засулич. Это приблизительно одна маленькая страничка, а черновик, который у меня имеется, содержит 12 страниц. Я просил, чтобы мне показали письмо, и оказалось, что это не то письмо, которое у меня было. Меньшевики, у которых было это письмо, в конце концов согласились, чтобы я это письмо сфотографировал. Фотография этого письма у меня есть, но меня связали словом: я могу напечатать его только после того, как его предварительно напечатает одно берлинское издательство. Значительно хуже обстоит дело с письмом Маркса к его дочери. Многие из вас знают, вероятно, что письма Маркса были опубликованы Смирновым еще в 1897 г., в „Новом Слове“. Они были напечатаны с большими пропусками. Тов. Смирнов рассказывал мне в старые времена, что одно письмо Маркса

он не решился напечатать целиком. Это было в разгаре наших споров с народниками. В этом письме Маркс отозвался не очень почтительно о Каутском. Это письмо я читал. Прошло много лет, Смирнов все письма вернул Жану Лонге, сыну старшей дочери Маркса, но в виду того, что Лонге стоял тогда на стороне оппортунистов, а Смирнов принадлежал к ортодоксальному течению, и он опасался, чтобы Лонге не использовал этого письма против Каутского, то Смирнов решил этого письма из политических соображений не возвращать. Беззаботный Жан Лонге эти письма получил, не потрудился проверить, все ли они тут, и не знал да и до сих пор не знает, что одного письма у него нет. Я справлялся у Смирнова, куда девалось это письмо. Оказалось, что он дал его на хранение Мартову, но последний не вернул письма. Теперь оно нашлось в бумагах Мартова. Я обратился к наследникам с просьбой предоставить мне письмо, чтобы сфотографировать его. Но счастливые обладатели письма Маркса, им не принадлежащего, отказались мне даже показать его. Они соглашались дать мне только копию его, без абзаца о Каутском: „фотографию мы не можем вам дать ни в каком случае, чтобы не компрометировать Каутского". Это тупое мещанство и абсолютное непонимание, какое значение для марксоведения имеет полное собрание всех писем Маркса, были мне до того противны, что я отказался от предлагаемой мне „очищенной" копии, требуя фотографии. Несмотря на то, что жена Каутского, которой я рассказал, в чем дело, выразила сейчас же согласие, я не получил фотографии письма. Придется ждать, пока Лонге получит принадлежащее ему письмо Маркса и даст его мне, как он предоставил в мое распоряжение остальные письма.

Не надо только думать, что в этом письме содержится нечто страшное. В нем нет ничего, кроме одного резкого выражения по адресу Каутского, по своей резкости, однако, уступающего резким отзывам Маркса, который в письмах своих к Энгельсу, а также к старшей дочери, никогда не стеснялся. Достаточно только указать на те условия, при которых Маркс впервые познакомился с Каутским, чтобы понять этот резкий отзыв, уступивший скоро место другому отношению.

Дело в том, что Каутский приехал в Лондон в 1881 г., когда Маркс переживал очень тяжелые дни. Филистер в семейной жизни, как думают некоторые наши товарищи, жалеющие о том, что Маркс был плохо знаком с „новой моралью", он был очень привязан к своей жене, которая тогда доживала последние дни, и весьма неохотно и раздражительно принимал новых визитеров. А посетивший его в это время молодой человек был ему особенно подозрителен: Каутский незадолго до этого опубликовал книгу, в которой весьма неудачно синтезировал Маркса с Мальтусом. Кроме того, он был связан с Бернштейном, сильно скомпрометировавшим себя в глазах Маркса и Энгельса своим тесным союзом с Гехбергом, который финансировал тогда социал-демократическую литературу и, будучи очень хорошим человеком, был очень плохим революционером. Уже после, от Энгельса, который имел возможность ближе познакомиться с Каутским, он узнал, что имеет дело с одним из наиболее выдающихся молодых писателей, уже в 1882 году подготовлявшим издание марксистского журнала. Я имею теперь два письма Маркса к Каутскому, которые показывают, что его первый отзыв был результатом мимолетного настроения. Вероятно, Каутский явился к Марксу в особенно тяжелую минуту, вероятно, с рекомендательным письмом Энгельса. И вот в такую сердитую минуту Маркс написал своей старшей дочери, что Каутский, вероятно, понравился Энгельсу потому, что пьет не хуже самого Энгельса. Кого компрометирует этот отзыв—если он только компрометирует—Энгельса или Каутского?

Горев. Не меньше Энгельса.

Рязанов. Каутский, как мне сообщила его жена, только посмеялся, узнав об этом отзыве, но меньшевики, считающие себя марксистами, остались верными стражами мещанской морали и хотят сохранить репутацию Каутского и Энгельса „незапятнанной".

Меня спрашивают, во сколько обошлись тысячи снимков, привезенных мною из Германии. Могу сказать, что недорого, и уже во всяком случае дешевле, чем Госиздату некоторые выпускаемые им с ненужной роскошью издания. Считая семь тысяч снимков, каждый из них в среднем обошелся в 35 коп. и все вместе в 2500 рублей. На нас работали три фотографии. Сначала я производил снимки только в фотографии центрального органа немецких социал-демократов и в фотографии прусской национальной библиотеки. Но я очень скоро убедился, что если работать таким тем-

пом, к которому привыкли эти фотографии, то потребуется много месяцев и даже лет. На помощь пришла мне фотография нашего советского посольства. Всякое крупное учреждение имеет теперь новый усовершенствованный фотографический аппарат, дающий только негативы, без помощи дорогих пластинок. Такой аппарат имеется и при прусской национальной библиотеке, которая таким образом воспроизводит для желающих различные рукописи. Никакая переписка не может сравниться по своей точности с фотографией, которая ошибается только в тех случаях, где ошибается сам оригинал.

Так вот мне удалось наладить в нашей фотографии работу таким образом, что, при помощи одного очень энергичного молодого товарища, мы делали сотни снимков в день. Быстрота иногда покупалась за счет качества. Наши фотографы сдавали нам снимки, перепутывая их самым безбожным образом и создавая нам колоссальную работу по части приведения их в надлежащий порядок. Но, несмотря на эти минусы, дело сделано. Оказалось, что даже худшие снимки можно легко расшифровать. В крайнем случае придется производить обратные снимки.

Следующий пример покажет вам все преимущества фотографирования перед списыванием. Я уже говорил вам, что одну очень важную часть манускрипта Энгельса, вместе с письмами к нему Энгельса и тремя маленькими рукописями, я получил от Бернштейна накануне отъезда, в воскресенье днем. Мой фотограф мог начать работу только в понедельник утром в 10 часов, а во вторник мы должны были уехать. Так вот в течение нескольких часов было произведено около 400 снимков. К вечеру все это было проявлено и высушено. Мы начали проверку и сортировку. В половине двенадцатого я констатировал, что мой фотограф впопыхах пропустил четыре письма Энгельса. Он их сейчас же вновь снял. В половине первого ночью я отвез все оригиналы Бернштейну, который глазам своим не верил, получив так скоро назад свои оригиналы. Нужен был бы, конечно, огромный штат переписчиков, чтобы произвести всю эту работу в 15 часов.

Меня спрашивают: в каких формах может выразиться практическое содействие молодежи в деле издания рукописей? Для этого требуется, во-первых—желание работать, во вторых—желание работать, в третьих—желание работать.

Я напомню тов. Преображенскому, что, еще в конце прошлого года, слушатели Института Красной Профессуры выступили в „Правде“ с большим манифестом и довольно грозным. Доколе, вопрошали они, будут Рязанов, Степанов и другие старые марксисты злоупотреблять нашим терпением, когда, наконец, они дадут нам сочинения Маркса и Энгельса? При этом они обещали старикам всяческое содействие. Я призвал на помощь всю свою мягкость и ответил молодым товарищам, что мы с величайшей готовностью и радостью примем эту помощь. Кроме своего адреса я дал также адрес тов. Степанова, который отличается еще большей мягкостью, чем я. И что же? Не только ко мне никто не обратился с предложением своих услуг, но даже к Степанову. Вот почему я считаю предварительным условием содействия только желание работать. Второе условие: сначала спрашивать не *за сколько* работать, а *сколько* есть работы и *сколько* можно ее получить.

Меня спрашивают о военных статьях Энгельса. Могу сообщить, что к статьям, собранным мною, теперь прибавились несколько рукописей. Кроме того я нашел у Бернштейна среди сохранившихся газетных вырезок статьи Энгельса о Прусско-Австрийской войне 1866 г. Надеюсь, что можно будет в ближайшем времени издать том военных статей Энгельса.

На вопрос Евгения Алексеевича о переписке Маркса и Энгельса могу ответить, что вычеркнуты или заменены другими, более мягкими выражениями отзывы о ряде лиц, в том числе о Либкнехте, Лассале. Это было бы бедой не столь большой руки. К сожалению, выброшены целые страницы, исключены по всяким, большей частью, филистерским соображениям интереснейшие эпизоды. Многое было исключено по настоянию Меринга, многое—по настоянию Бернштейна, хотя последний теперь утверждает, что в неменьшей степени виноват и Дид, бывший одним из негласных редакторов. Участие Бебеля в издании писем было почти номинальным.

Собираются ли немцы издать эти рукописи? Это спрашивает тов. Панкратова, которая жалеет, что я сюда приехал и хочет меня сейчас же отправить в Берлин. Я надеюсь, что в два года нам удастся пустить в оборот, по крайней мере на русском языке, все, за исключением экономических работ Маркса.

Что касается писем русских революционеров, то я уже сказал, что я привез фотографии всех писем Плеханова к Энгельсу. Я напечатаю их в журнале „Под знаменем марксизма“. Кроме того имеется целый ряд писем Лаврова к Энгельсу, Лопатина к Энгельсу, письма Засулич, письма неизвестных русских, несколько черновиков писем Энгельса к неизвестным русским.

Об отношениях Маркса к Бакунину ничего нового нет. Все, что было, мною уже опубликовано.

Сиворцов.

Товарищи, я полагаю, что мы сегодня снова убедились в том, насколько счастливы мы, что во главе Института Маркса и Энгельса оказался такой несравненный знаток Маркса и Энгельса, как Давид Борисович.

(Аплодисменты).

Заседание объявляю закрытым.

III.
БИБЛИОГРАФИЯ.

Сочинения Маркса и Энгельса.

Т. I. Маркс, К. Статьи и письма 1837—1844 гг., под ред. и с прим. Д. Рязанова. 1923 г. XXIV + 563 стр.

Т. II. Энгельс, Ф. Статьи и корреспонденции 1839—1844 гг., под ред. и с прим. Д. Рязанова. 1923 г. 623 стр. Институт Маркса — Энгельса. Государственное Издательство. М.—ПБ.

1.

Наконец-то мы начинаем получать научно-комментированного и научно-проверенного Маркса и Энгельса. Правда, Д. Б. Рязанов, предпринимая настоящее издание сочинений наших учителей, рассчитанное на 30 с лишним томов, считает его неполным; полное он только подготовляет, в него должны будут войти все, написанное ими. Но уже два вышедшие тома убеждают нас в том, что и то, что мы сейчас имеем перед собою, далеко выходит из рамок простого собрания сочинений. Уже сейчас мы имеем многое, появляющееся впервые, и не только на русском языке. Самый же текст проверен по первоизданиям; реальный комментарий дает т. Рязанов с большими историческими экскурсами; все вместе взятое дает нам уже такого Маркса и Энгельса, над которыми можно серьезно научно работать. К тому же материал об Энгельсе, что мы постараемся указать ниже, дан совершенно исключительный. Несколько слов о самом издании. Во-первых, страдает техническая корректура, особенно в I томе, во-вторых, тома изданы на разной бумаге и печатаны в разных типографиях, а главное же—выпущены без папок или переплетов.

2.

> Критика спекулятивной теории права протекает не в себе само в задачах, для разрешения которых имеется только одно средство — практика.
>
> Маркс. К критике гегелевской философии права, т. I, 373.

Товарищ Д. Б. Рязанов в своем предисловии к первому тому справедливо указывает, что по существу новые публикуемые им материалы мало что изменяют в уже установившемся взгляде на идейную эволюцию Маркса. В своей книге „Маркс и Энгельс“, М. 1923 г. („Московский Рабочий“), он уже указал на то, какое громадное значение имела политическая практика на оформление их политического и общественного самосознания. И действитель-

но, просматривая под этим углом зрения весь материал, вошедший в I том, чувствуешь, что только эта практика и произвела следующую метаморфозу: пылкий юноша, стремившийся уже на студенческой скамье одолеть философию и пытавшийся создать всеобъемлющую систему философии права, затем увлекшийся гегелевской философией, превратился в вождя мирового пролетариата. Даже Рейнская провинция, в сравнении с Англией и особенно Францией, была глухой провинцией, а отсталость прусских политических порядков заставляла Маркса размениваться на мелочи. Правда, эти-то мелочи, эта практика политической жизни немецкой буржуазии и привели его к разочарованию в политической роли немецкой буржуазии. Очень, поэтому, интересно знакомиться с постепенным изменением его терминологии, с постепенным высвобождением из плена идеалистической философии Гегеля и присутствовать при процессе перестановки ее с головы на ноги. В своих возражениях на цензурную инструкцию, и разбирая дебаты о свободе печати в рейнском ландтаге, он всецело стоит еще на идеалистической точке зрения какого-то идеального государства, при чем „мы должны пользоваться при оценке вещей мерилом сущности внутренней идеи" (119). Несколько позже, в полемике с „Кельнской Газетой", Маркс замечает: „разве не существует всеобщей человеческой природы, как существует всеобщая природа звезд и растений" (163). Оказывается, даже больше: „Но, конечно, философия, является сперва в качестве чистого умозрения, лишь, впоследствии, приобретая почву под ногами" (168). Эта тема—систематически проследить, как именно освобождался Маркс из-под власти идеализма, или преодолевал его, представляет очень интересную задачу, причем этот процесс следует проследить по всем работам этого тома. Но практика уже в самых ранних его статьях заставляет его переходить на прозу и говорить совершенно материалистические вещи. Разбирая в „Рейнской Газете" прения ландтага по поводу закона против кражи дров, Маркс бросает мимоходом с возмущением следующие слова: „Ландтаг принижает до уровня материальных средств частного интереса исполнительную власть" (232), при чем вся-то статья построена еще на том, что „им бы следовало пожертвовать представительством частных интересов представительству провинции" (236). Этот процесс давался нелегко и уже только в Париже в своей „Критике философии права Гегеля" Маркс начинает говорить привычным нам языком. Повторяем: изучить этот процесс, пройти за Марксом и за Энгельсом этот процесс преодоления ими идеализма и либерализма, представляет громадный научный и практический интерес. Это тем более поучительно, что у марксиста Маркса найдутся совершенно обратные формулировки тем, с какими он начал свою работу. Приведем маленький пример: все мы хорошо помним, что говорит Маркс о пчеле и архитекторе в первом томе „Капитала". Послушаем, что говорил об архитекторе и бобре Маркс в 1842 г. Сперва идет рассуждение о сущности свободы: „Я не только свободен в действиях, а в том, что я совершил их свободно. В противном случае архитектор отличался бы от бобра только тем, что бобр есть архитектор, покрытый шкурой, а архитектор есть бобр без шкуры" (135). Любопытно, что Маркс в ст. „Коммунизм и Аугсбургская Газета" не признает теоретической ценности за современным коммунизмом, но в то же время указывает, что „на практические попытки, даже при массовом характере можно ответить пушками, если они станут опасны". Важнее теоретическая борьба с коммунизмом Леру, Консидерана и, „в особенности, с остроумной книгой Прудона". И позже в программной статье „Немецко-Французских Летописей", в сентябре 1843 г., Маркс еще писал: „К догматическим абстракциям относится, в особенности, коммунизм. Да и социалистический принцип (коммунизм только его одностороннее осуществление) в целом представляет опять-таки только одну сторону, касающуюся реального бытия истинно-человечного" (362). В споре с Руге несколько раньше Маркс уже отмечает, что „система промышленности и торговли, система владений и эксплоатации человека ведет еще гораздо скорее, чем размножение населения, к разрыву внутри теперешнего общества" (351), т.-е. к революции.

Но особенно интересны для нас, проделавших, будто бы, вопреки Марксу, социальную революцию, рассуждения самого Маркса на тему, почему в Германии 40 гг. XIX в. невозможна буржуазная революция и, наоборот, возможна социальная. Этого вопроса он касается в „Критике гегелевской философии права" и в „Критических замечаниях" к ст. „Король прусский и социальная реформа". „Не радикальная революция—утопический сон для Германии, не общечеловеческая эмансипация, а скорее частичная, исключительно политическая революция, оставляющая целыми устои здания" (377). Далее идет известное место, что революцию может сделать только тот класс, который в данный момент может представлять все общество со всеми его несчастиями. В Германии этого уже быть не может, потому что буржуазии уже противостоит пролетариат. Маркс очень высоко оценивает силезское восстание ткачей 1844 г. и Вейтлинга, как теоретика немецкого коммунизма. „Необходимо признать, что Германия в такой же мере обладает классическим призванием к социальной революции, в какой она неспособна к революции политической. В бессилии немецкой буржуазии отражается политическое бессилие Германии, а в способностях немецкого пролетариата—независимо даже от немецкой теории—социальная способность Германии" (434).

Том I снабжен изображением Маркса в виде Прометея, прикованного к типографскому станку закрытой „Рейнской Газеты", и рядом снимков с первых изданий работ его и рукописей. В том I вошел тот материал, который составляет содержание I и отчасти II томов Литературного наследства, изд. Мерингом. Только т. Рязанов восстановил те места, которые выкинул Меринг, равным образом восстановил курсив Маркса, также выкинутый Мерингом. Кроме того, включены статьи из „Рейнской Газеты", ненапечатанные Мерингом и статья из „Немецких Летописей" об одном доносчике на Бруно Бауэра.

3.

> Что нам больше всего нужно—это не голые результаты, а наоборот, изучение: результаты ничто без развития к ним приводящего—это мы знаем уже со времен Гегеля—и результаты более чем бесполезны, если они установлены для себя, если они опять не становятся предпосылками дальнейшего развития.
> Энгельс. Положение Англии, т. 2, 360.

Если Маркс стал писать сравнительно поздно—24 лет, то Энгельс пристрастился к перу с 17 лет, тотчас же по окончании школы. Вообще после работ Рязанова и Майера мы должны составить себе совершенно новую картину духовного развития Энгельса. Сын Барменского фабриканта, он был воспитанником наиболее ханжеского протестантизма, идеалы которого видны из следующего приводимого Энгельсом стихотворения (41).

Пилигримм:

Бедная овечка христова стада,
Его красы на тебе не видно,
О, тихая овца.

Овечка:

Сначала низко, потом высоко
Овечка в раю стоит,—
Путник умолкни и стань барашком.
Тихо согбенные в узкие врата пройдут,
Молчи, молись и стань барашком.

Этот девиз „стань барашком" и явился, надо полагать, тем первым толчком, который побудил 17-летнего Энгельса примкнуть к Молодой Германии, как только он переехал на службу прикащиком в Бремен. По крайней мере, в органе младогерманцев „Телеграф", под ред. Гуцкова, и началась с 1837 г. литературная работа Энгельса [1]). Случайно вышло так, что будущий автор „Положения раб. класса в Англии" начал свою литературную деятельность описанием своих палестин и, в частности, тяжелого положения вуппертальских рабочих, которые находили исход из своей тяжелой доли либо в беспробудном пьянстве, либо в мистицизме. Первые литературные работы его носят описательный характер и, по преимуществу, посвящены вопросам литературным. Но уже и в них проскальзывает начинающееся увлечение Гегелем, философию которого он сравнивает с морским свежим ветром, и публицистикой Берне. Тема Гегель и Берне и позже долго занимает Энгельса, и еще в 1841 г. он говорит: „задача

[1]) На титульном листе почему-то стоит 1839, хотя в примечаниях на стр. 551 т. Рязанов указывает, что „Письма из Вупператаля" были напечатаны в „Телеграфе" в марте, апреле и ноябре 1837 г.

нашего времени заключается в том, чтобы завершить тенденции Гегеля и Берне" (98). Но увлечение Гегелем не совместимо с Молодой Германией, относящейся отрицательно к его философии, и Энгельс расстается с ними и на прощание дает жесточайшую характеристику этого будто бы политического направления. Этих восторженных поклонников Шеллинга с его откровением Энгельс клеймит нецельными, межеумочными людьми, спутниками в тумане, совершенно бессодержательными амфибиями и двурушниками. Мы нарочно привели эпитеты из нескольких статей, чтобы показать силу полемического темперамента Энгельса.

Этот темперамент бойца особенно ярко проявился в его выступлениях против Шеллинга, который на старости лет явился в Берлин уничтожать вредный дух философии Гегеля, источник неверия и безбожия. Наиболее остро и резко среди левых гегельянцев отнесся к выступлению Шеллинга именно Энгельс. Он выступает против Шеллинга со статьей в Гуцковском, „Телеграфе" и с двумя анонимными памфлетами. Один носит серьезный философский характер — это знаменитая брошюра „Шеллинг, и откровение", прежде приписывавшаяся Бакунину. В ней Энгельс, слушавший в качестве вольнослушателя лекции Шеллинга, вскрывает „гностически-восточное бредовое мышление или философию возможности" (144), которую проповедывал этот ученый, в своих трех потенциях обобравший Гегеля, но совершенно его не понявший и закончивший прямым поповством. Последняя сторона „научной" деятельности Шиллинга и дала Энгельсу повод выступить со вторым памфлетом: „Шеллинг—философ во Христе или преображение мирской мудрости в мудрость божественную. Для верующих христиан, которым неизвестна философская терминология" [1]). Здесь Энгельсу пригодились детские занятия у протестанских пиетистов, и это издевательство над здравым человеческим разумом так великолепно выдержано в стиле русских троицких листков времен блаженной памяти самодержавия и православия, что клерикальные газеты дались в обман и стали рекомендовать совершенно серьезно этот пасквиль. Смысл его тот, что в лето 1842 свершилось божье чудо, и божественное откровение проявилось в бывшем нечестивце Шеллинге. Еще в основном памфлете Энгельс особенно негодует на Шеллинга за то, что тот открыто отрекся от чистого разума. „В первый раз за последние 500 лет выступает богатырь науки, который объявляет последнюю служанкой веры" (159). Сам Энгельс нелегко освободился от религиозного обмана, путь к Гегелю у него лежал через Штраусову „Жизнь Иисуса", при чем из писем к его школьному барменскому товарищу, Греберу, видно, как он боролся с пробуждающимся неверием. Но когда он явился отбывать воинскую повинность в Берлин, он уже был вполне сложившимся гегельянцем, той ее части, которая по его же словам „оставалась верна

[1]) Д. Б. Рязанову принадлежит заслуга не только установления авторства Энгельса в первой брошюре, но и открытие второй, до того никому неизвестной. История этих открытий рассказана в предисловии редактора.

принципам Гегеля, но отвергла его выводы" (130). И в дальнейших его писаниях, как и у Маркса, мы видим насыщенность гегелизмом, при чем верность терминологии Гегеля у Энгельса остается, пожалуй, дольше, хотя он и раньше Маркса пришел к социализму. В памфлете против Шеллинга, указывая, что тому осталась чужда диалектика, он дает такое ее определение: „Ту могучую диалектику, ту внутреннюю движущую силу, которая, точно чувствуя моральную ответственность за несовершенство и односторонность отдельных предикатов идеи, неустанно толкает их к новому развитию и возрождению до тех пор, пока они, в качестве абсолютной идеи не воскреснут в последний раз из гроба отрицания в нетленной, незапятнанной красоте" (143—144). Еще в 1841 г. в статье об Арндте, разбирая вопрос о смене идеологических настроений в Германии, Энгельс пытается применить триаду к их развитию. („Германофильство было необходимою степенью развития нашего народного духа и с последующей за нею ступенью образовала тот антитезис, на котором зиждется современное миросозерцание"—95). В ст. „Германия и Швейцария", написанной в 1843 г. специально для оуэновской газеты „Новый Моральный Мир", на стр. 299—300, Энгельс дает интересную историю младогегельянства. При чем заканчивает, что „однако, коммунизм был столь же необходимым последствием младогегельянской философии, что никакая оппозиция не могла его задержать, и основатели его с удовлетворением отмечали, как республиканцы один за другим входили в его ряды" (300—301). При чем этот философский характер коммунизма кажется Энгельсу столь обязательным, что он даже с пафосом восклицает. „Ни в одной стране нет такой надежды, как в Германии (не забудем, что это писано для англичан *Ст. Кр.*), создать коммунистическую партию среди образованных классов" (301), и дальше: „Для англичан, вероятно, будет удивительно, что партия, стремящаяся к отмене частной собственности составляется преимущественно из людей, которые сами являются собственниками; и, именно, в Германии дело обстоит именно так. Мы можем привлекать своих членов только из среды таких классов, которые получают хорошее образование, т.-е. из университетов и коммерческих кругов, и нигде мы при этом не наталкивались на ощутительные затруднения" (302). Как видим, в эти годы шла мучительная выработка материалистического миросозерцания, и как далеко этим строкам Энгельса до тех слов о роли пролетариата, которые в это же время в Париже писал Маркс в своей „Критике гегелевской философии права". Именно поэтому эти тома и представляют особый интерес для изучения, потому что мы видим, как постепенно шаг за шагом складывался марксизм. При этом надо все время помнить, какое значение для этого имела окружавшая Маркса и Энгельса действительность. И Англия с ее чартизмом, т.-е. выступлением рабочих, силезские волнения ткачей —все это оформлялось в теорию. И постепенно тот же Энгельс „привлекавший т о л ь к о (это словечко великолепно. *Ст.Кр.*) интеллигентов и коммерсантов" перешел к рабочим.

И статьи его в „Немецко-Французской летописи" об Англии и ее промышленном пролетариате начинают носить совершенно иной, новый характер. И его характеристика государственного строя Англии и ее „демократии", хотя она написана в начале 40 г., совершенно не устарела и написана с полным применением историко-материалистического метода. В 1844 г. он пишет, что „Англия в социальном отношении опередила далеко все остальные страны (374), а двумя годами раньше, в 1842 г. он утверждал, как и редактор „Рейнской Газеты" Маркс: „Вещь в Германии сама собой понятная, но которую невозможно втемяшить законопослушному британцу, что так называемые материальные интересы никогда не могут играть в истории роль самостоятельных руководящих целей, но что они всегда, сознательно или бессознательно, служат принципу, направляющему нити исторического прогресса" (256). При такой постановке вопроса мы поймем, „что по природе своей Англия—бедная страна—и, кроме своего географического положения, своих железных рудников и угольных копей, не отличается ни плодородием, ни какими-либо другими естественными богатствами" (257). Пройдет всего каких-нибудь два года, и Энгельс пишет: „Уничтожение феодального рабства сделало „чистоган" единственной связью между людьми" (383) и вслед затем он рисует картину развития производительных сил в связи с промышленной английской революцией. В этой картине быстрой смены построений, вернее сказать, быстрого развития основных идей марксизма, так и сказывается тот могучий дух диалектики, о чем в памфлете против Шеллинга писал Энгельс и что мы привели выше.

Уточняется пролетарская теория общественного развития, и в „Очерках критики политической экономии" Энгельс уже утверждает, что „труд есть главный фактор в производстве, источник богатства" (327). „Если цивилизация есть дело практики, есть социальное качество, то англичане безусловно самый цивилизованный народ в мире" (386). И это говорится как раз о тех самых практиках, которым никак невозможно было втемяшить, что материальные интересы не могут играть в истории роли самостоятельных руководящих целей. Даже больше: уже с середины XVIII ст. „социальное движение поглотило все силы нации и оттеснило, даже убило все политические интересы: ибо отныне всякая внутренняя политика стала только скрытым социализмом, формой, которую принимают социальные вопросы, чтобы выявить себя в общем национальном масштабе" (386). Мы помним, что Англия намного обогнала континентальные страны, поэтому и общественные отношения носят несколько иной характер. „Социальный мотив на континенте совсем еще скрыт под политическим, совершенно от него не отделился, тогда как в Англии политический момент был постепенно пересилен социальным и ему подчинен. Всякая английская политика в основе своей имеет социальный характер и лишь потому, что Англия еще не переросла государства, что для нее политика—средство необходи-

мости, лишь потому социальные вопросы выявляются, как политические" (381).

Эта точка врения дает возможность Энгельсу совершенно правильно оценить ирландское движение, которое поражает тем, что вожаки вовсе не желают использовать революционное настроение масс, которые они легко могли бы двинуть в революционные бои, и „в Ирландии не было бы больше ни одного английского солдата, ни одного протестантского бездельничающего попа в чисто католических округах, ни одного древне-норманского барона в своем замке. Именно здесь зарыта собака. Будь народ освобожден на один момент, скоро Даниель О'Коннель и его аристократы кошелька оказались точно также посаженными на мель, как он хочет посадить на мельториев. Поэтому-то Даниель так тесно примыкает к католическому духовенству, поэтому он предостерегает своих ирландцев от опасного социализма, поэтому он отклоняет предложенную чартистами поддержку, хотя для виду там и сям говорит о демократии... Вот почему он может способствовать лишь политическому воспитанию ирландского народа, которое в конце-концов опаснее всего для него самого" (282-283). И ежели мы вспомним судьбу „ирландских националистов" с их вождем Редмондом на наших глазах, то мы увидим, как правильно поставил Энгельс вопрос о всенародном национальном освобождении еще в 40 гг. прошлого века.

Очень интересны его оценки различных утопических социалистов в статье для органа оуэнистов „Новый Моральный Мир" в ноябре 1844 г.—„Прогресс движения за социальную реформу на континенте". Статья полна юношеского оптимизма и естественных преувеличений. Но любопытнее всего в ней крайне нелестная характеристика Сен-Симона и сен-симонизма: совершенно не отмечены те черты социологии сен-симонизма, в чем мы видим нашего предшественника. Отмечено только сектанство и мистицизм. Когда читаешь это, то кажется странным наше утверждение о значении сен-симонизма, которое позже сам же Энгельс признал в „Развитии социализма". Не является ли это лишним доказательством того, что и Энгельс и Маркс по разному и самостоятельно пришли к одинаковой концепции. Ведь вошедшие в настоящие два тома работы написаны в тот период, когда близости между ними еще не было. Гораздо благосклоннее Энгельс относится к Фурье. Но зато он очень высоко ставит Вейтлинга и видит его превосходство над Кабе, именно, в мысли об отмене всякой основывающейся на насилии и на большинстве власти, и в замене ее простым управлением, организующем различные отрасли промышленности и распределяющем продукты. (Опять же странно, что здесь Энгельс не видит близости к идеям Сен-Симона, на что есть указания в „Развитии". *Ст. Кр.*), и ему нравится предложение Вейтлинга касательно назначения всех чиновников этого управления в каждой профессии не большинством коммуны, а только теми членами ее, которые знакомы с будущей специальной работой чиновников (будущий синдикализм. *Ст. Кр.*).

Очень интересной явится теперь вполне возможная работа по сравнению взглядов Маркса-Энгельса до их совместной работы и выяснению источников марксистских взглядов того и другого. Но самым завлекательной мы считаем работу по воссозданию диалектического процесса самосознания, который и привел их обоих, но по относительно разным путям, к одной и той же научной теории. Недаром же Маркс с самого начала своих научных поисков пришел к философии самосознания. Изучение этого процесса много поможет уточнению представления о филиации идей и о выработке тем или иным ученым своей системы и о влиянии общественной среды, общественной жизни с ее постоянной классовой борьбой, которая является основным фактором в деле выработки общественной системы.

В настоящем томе работы Энгельса занимают 546 стр. Из них прежде на русском языке имелись лишь „Очерки критики политической экономии" и „Положение Англии", статья первая, занимающие в изд. „Мир" 50 стр. Значит, около 500 стр. впервые попадают в руки русского читателя, причем вообще впервые перепечатываются обе брошюры о Шеллинге, статьи из „New Moral World" и статья из „Рейнской Газеты". В статьях об Англии, перепечатанных Майером из „Vorwärts", восстановлены все сделанные им сокращения. Из этого ясно, какого нового Энгельса мы имеем в настоящем томе.

До нового издания мы почти не знали молодого Энгельса. Теперь для нас ясен путь, приведший пиетиста Энгельса под красное знамя атеизма. Для Маркса мы получаем более точное представление о том времени, когда он пытался быть буржуазным радикалом. За это мы должны быть крайне благодарны т. Д. Б. Рязанову и пожелать скорейшего наступления того момента, когда у рядовых марксистов будут все тридцать томов собрания сочинений. А тем временем, надеемся, будут выходить и материалы к истории текста, а тем самым и идей, наших учителей.

Ст. Кривцов.

К вопросу о развале капитализма.

В. П. Милютин. Новый период мировой экономии. Курс лекций по экономике переходного периода. Госиздат.

Тов. Милютин даст в этой книге ценный вклад в литературу по самому кардинальному, самому животрепещущему вопросу нашего времени. Из теоретических марксистских работ по экономике переходного периода у нас имеются только работы тов. Бухарина („Экономика переходного периода“) и тов. Варги („Проблемы экономической политики“ и „Период упадка капитализма“). В книге В. П. Милютина центр внимания переносится на конкретные задачи, встающие перед пролетарской диктатурой.

В первой главе *о развале капитализма* автор говорит о том, что нынешний кризис мирового хозяйства — не один из этапов в развитии капитализма, а последний этап его существования. „Развал капитализма не есть следствие мировой войны и, как таковое, лишь временное, преходящее явление, напротив, сама эта война была лишь одним из звеньев развала капитализма; и даже, больше того, как это ни звучит парадоксально, война послужила временным клапаном, временной оттяжкой экономического кризиса, назревшего перед 1914 г.; она послужила своеобразным рынком и дала толчок к временному развитию промышленности, но этот расцвет был куплен дорогой ценой страшного истощения основного капитала“. Автором цитируются 10 пунктов из последней работы тов. Варги: „Период упадка капитализма“, из которых самые главные: во-первых, географические границы капиталистического способа производства суживаются (на ряду с капиталистическими странами уже существуют и растут численно страны, в которых пролетариат установил свою диктатуру); во-вторых, в отдельных капиталистических странах обнаруживается тенденция к возврату к довоенным капиталистическим формам хозяйства (смысл этого пункта в данной связи не ясен; не следует ли читать: к возврату к докапиталистическим формам? — *Ф. К.*); в-третьих, международное разделение труда сокращается, внешняя торговля падает“.

Тов. Милютин подчеркивает, что „во всех европейских странах ввоз значительно превышает вывоз“, при чем цифры (взятые из книги Варги) доведены до 1921 г. Мы не считаем

целесообразным выдвигать этот аргумент в первую голову; во-первых, потому, что эти цифры могут измениться — и действительно изменяются к лучшему (с точки зрения капитализма) даже в приведенной таблице, а тем паче после 1921 г. — и читатель, ориентированный на этот аргумент, мог бы сделать из этого изменения цифр совершенно неправильный вывод о прочности капиталистического строя; во-вторых, потому, что если во всех европейских странах ввоз превышает вывоз, то откуда-нибудь должен этот ввоз браться; там он является вывозом, и если странами с преобладанием ввоза являются теперь внеевропейские, если „Европа из года в год вытеснялась с мирового рынка Америкой“, то это плачевное положение Европы в то же время доказывает не сокращение международного разделения труда, а, напротив, расширение его, на сцену капиталистического мирового хозяйства во все бо́льшей степени выступают и такие страны, как Аргентина, Бразилия и т. д.; в-третьих, необходимо дифференцировать, классифицировать ввоз, различать между ввозом фабрикатов и ввозом сырья; усиленный ввоз сырья после войны может быть не отрицательным признаком, а, напротив, может истолковываться, как симптом восстановления хозяйства; наконец, в-четвертых, еще до войны ввоз преобладал над вывозом именно в самых богатых странах Европы (Англия), при чем этот пассивный торговый баланс уравновешивался т.-н. невидимым вывозом (фрахты, доходы судоходства) и активным платежным балансом [1]). Мы считаем нужным привести эти оговорки, потому что даже в таблице тов. Варги бросается в глаза „улучшение“ цифр: так, например, в Италии ввоз превышает вывоз в 1918 г. в пять раз, а в 1921 г. — только в два с четвертью раза, во Франции в 1918 г. — в три с половиной раза, а в 1921 г. — всего на одну десятую и т. д.

Что касается девяти месяцев 1923 г., то внешняя торговля Франции дает следующие цифры:

	В метрич. тоннах.		В тысячах франков.	
	1923 г.	Разница против 1922 г.	1923 г.	Разница против 1922 г.
ВВОЗ.				
Продовольствие . . .	4.055.460	+ 490.712	5.228.014	+ 1.160.293
Сырье.	35.239.281	+ 2.777.828	14.166.189	+ 4.703.066
Фабрикаты	1.126.649	— 126.762	3.157.497	+ 201.108
	40.421.390	+ 3.149.778	22.551.700	+ 6.064.467
ВЫВОЗ.				
Продовольствие . . .	951.369	+ 310.534	2.238.515	+ 976.374
Сырье (руда).	14.499.029	+ 1.214.967	6.552.928	+ 2.518.076
Фабрикаты.	2.174.558	+ 379.606	11.623.602	+ 2.555.459
Почт. посылки. . . .	22.262	+ 3.688	1.147.666	+ 208.143
	17.647.218	+ 1.908.757	21.562.711	+ 6.258.052

[1]) В Австралии за отчетный год, кончающийся 30.6.23, ввоз автомобилей поднялся с 2,9 до 6,1 мил. ф. ст. Это увеличение ввоза тоже характерно, как благоприятный симптом (происшедшего обогащения страны).

По стоимости ввоз и вывоз почти уравновешиваются; при этом считается благоприятным признаком именно также увеличение ввоза *сырья* (на 4,7 мил. фр.), а не только увеличение вывоза фабрикатов (на 2,5 миллиарда фр.). Впрочем, поскольку в первое время оккупации Рура Франции пришлось одной Англии уплатить за уголь 2.676 миллионов фр., цифры этих 9 месяцев являются осложненными в неблагоприятную сторону; тем более, следует признать этот баланс далеко не плохим. Если же учесть „невидимый вывоз", расходы иностранцев-туристов во Франции, которые оценивают (несколько оптимистически) в 2 миллиарда фр., то вообще получается активный баланс, плюс в 1 миллиард фр. Отчасти надо принять во внимание влияние французского валютного демпинга. Вывоз Франции (по сравнению с соответственным периодом 1922 г.) во все страны с более или менее здоровой валютой возрос в громадных размерах; вывоз в Норвегию, Швецию, Чехословакию, Швейцарию, Испанию, Бразилию и Аргентину возрос вдвое, в Англию—на 60%. Но увеличение на 20%—по весу экспорта фабрикатов показывает, это эти успехи имеют действительно реальное значение.

Напротив, внешняя торговля Соед. Штатов (по официальным данным за первые 6 месяцев 1923 г.) отличается пассивностью баланса. В таблице тов. Варги, приводимой у В. П. Милютина, С. Штаты—единственная страна с активным торговым балансом. Теперь положение совсем иное.

В миллионах долларов.

	1922 г.	1923 г.	Изменение баланса.
Вывоз С. Штатов	1.821	1.947	+126
Ввоз С. Штатов	1.419	2.088	—669

Активный торговый баланс первого полугодия 1922 г. (402 миллиона дол.) превратился, таким образом, в первое полугодие 1923 г. в пассивный (141 миллионов дол.). Но характернее всего, что, по мнению департамента торговли С. Штатов, эти цифры свидетельствуют не только об уменьшении покупательной силы Европы, но также об усилении (!) деятельности американской индустрии, ибо последняя сумела за это полугодие притянуть в С. Штаты громадные массы сырья и полуфабрикатов, как-то: кожи, шкур, шерсти и т. д. С Европой торговый баланс С. Штатов остается активным, а с другими частями света он пассивен (478 мил. дол.), вследствие подвоза сырья из Ю. Америки и Азии. Темп роста вывоза Франции и Бельгии в С. Штаты значительно превышает ввоз из Штатов; вывоз С. Штатов в Англию упал в сравнении с 1922 г. на 8%, а ввоз из Англии возрос на 52%; даже из Германии ввоз возрос на 47%, а вывоз туда пал на 14%.

Итак, цифры внешней торговли истекшего и нынешнего года (1922—1923) дают для всех стран диаметрально противоположную картину, чем цифры 1918—1921 гг., приводимые тт. Варгой и В. П. Милютиным. Вот почему, повторяем, цифры

ввоза и вывоза мы считаем недостаточным и ненадежным аргументом в пользу правильного тезиса тов. Милютина о том, что современный капитализм переживает не временный кризис, а последний этап своего существования. Цифры Варги, если хотите, скорее можно истолковывать именно в том смысле, что сокращение внешней торговли было лишь результатом войны и с течением времени исправляется; как мы видели выше, тов. Милютин вполне последовательно восстает против такого толкования вопроса о послевоенном капитализме. Эти цифры из книги тов. Варги „устарели" и дают неполную картину[1]): согласно им, Соед. Штаты—единственная большая страна, выигрывающая при послевоенном состоянии мирового рынка, а больше всего страдает Европа. На самом же деле мировой кризис весьма чувствительно испытывается теперь также в Австралии, Ю. Африке, Южной Америке, в Соед. Штатах и Канаде, а именно, их аграрным населением; цены на зерновые хлеба терпят здесь сильное понижение, экспортные обороты незначительны; то же самое следует сказать и относительно шерсти и страусовых перьев; главная потребительница — Европа — окончательно прекратила всякий спрос на них.

В этой связи укажем на аргументацию М. Нахимсона (Мировое хозяйство до и после войны. На немец. яз., том. I), который подчеркивает, что в мировой торговле сколько-нибудь значительную роль играли и до войны только 3—4 государства: внешняя торговля Англии составляла лишь $^1/_4$—$^1/_5$ туземного производства, экспорт Германии только—17—22 %, а в С. Штатах внутренний рынок определенно доминировал. Не обязательно соглашаться с взглядом Нахимсона, что о мировом хозяйстве можно говорить лишь в том случае, если внешняя торговля охватывает, по крайней мере, 30—50 % производства страны; но мы думаем, что цифры внешней торговли, во всяком случае, не являются всегда показательным аргументом.

Тов. Милютин указывает на то, что „всякие рессурсы на расширение рынка теперь исчерпаны", что уже к началу XX столетия весь земной шар, по существу, был поделен и новых колоний не находилось, а теперь вопрос мог быть поставлен только о новом перераспределении колоний. При всей важности колоний для современного империализма, нельзя однако не согласиться с Нахимсоном, что внешняя торговля с колониями играла и продолжает играть самую незначительную роль; тов. М. Павлович с своей стороны подчеркивает, что империалистические захваты производятся главным образом для того, чтоб объект их не достался сопернику[2]), а не столько из-за его необходимости для захватчика. Итак, и с этой стороны цифры не показательны, хотя в общем свистопляска современного империа-

[1]) Объясняется это тем, что эта глава книги тов. Милютина является перепечаткой написанного им несколько лет тому назад.

[2]) Это открыто проповедывают цитируемые т. Павловичем империалистические политики и писатели как Франции, так и Германии. См. его „Империализм".

лизма, конечно,—самое яркое и основательное доказательство развала капитализма.

Еще менее надежны аргументы о государственном бюджете. В 1918 г. в Англии и даже в Соед. Штатах государственные расходы в 2—3 раза превышали доходы. Однако, даже в таблице, приводимой т. Милютиным, цифры бюджета значительно улучшаются от 1918 до 1920 г., а ныне, как известно, государственные бюджеты обеих этих стран сведены не только без дефицита, но даже с излишками [1]). Повторяем, читатель, ориентированный в первую очередь на цифры государственных бюджетов, может притти, под влиянием новейших цифр, к совершенно обратному выводу, нежели тезис автора, сам по себе правильный. Между прочим, любопытно следующее: за нынешний год Англия, консолидировавши свой военный долг Америке, взвалила на себя огромное бремя; однако, именно от этого обстоятельства часть английских экономистов и политиков ожидали, вместе с поднятием курса стерлинга, улучшения общего экономического положения Англии.

То, что „современный капитализм ищет выхода в государственном капитализме", тоже опережено событиями последних лет. Если во время войны имелись признаки этого, то теперь, напротив, буржуазия требует денационализации даже таких отраслей народного хозяйства, как железные дороги (Стиннес), речь идет даже о денационализации почт и телеграфа (Муссолини) и т. д. Мотивируется это бесхозяйственностью, дефицитностью казенного управления. О денационализации транспорта идет речь также в Чехо-Словакии; сообщалось даже вообще о плане аренды железных дорог всей Средней Европы американским синдикатом. Эта противоположная тенденция более показательна для развала капитализма. Характерно, что всесильный секретарь „Комитета Горнозаводчиков" во Франции, пресловутый Роберт Пино, в целом ряде заявлений требовал, чтобы капиталисты взяли в свои руки правительственный аппарат: „в виду обнаружившегося в процессе восстановления мирового хозяйства бессилия государства, место последнего отныне должны занять крупные тресты и международное соглашение предпринимателей". (Цит. по А. Керу).

Кроме главы о развале капитализма, в книге В. П. Милютина имеются следующие главы: Введение, Национализация средств производства, Организация управления, Организация труда, Техника, Проблема распределения и потребления, Финансовая проблема, Единый хозяйственный план. Достоинство первой главы—в смелой и яркой постановке проблемы во всей ее широте; если цифры 1921 г. теперь „устарели", то они полезны тем, что вызывают новые вопросы. В этом смысле первая глава носит более характер исторический и теоретический, в следующих главах собран крайне ценный конкретный материал из опыта пролетарской диктатуры в Советской России.

Национализация средств производства рассматривается, с одной стороны, как необходимая экономическая предпосылка

[1]) В Соединенных Штатах последний бюджет сведен с излишком в 300 миллионов долл.

диктатуры пролетариата, с другой стороны,—как орудие гражданской войны. Как такое орудие, она носила в первые месяцы, до половины 1918 г. исключительно карательный характер (автор приводит ряд весьма ярких фактов саботажа фабрикантов и т. д.). „Процесс национализации шел снизу, и советские верхи не поспевали за ним, чтобы взять его целиком в свои руки, несмотря на то, что было издано не мало приказов, запрещающих местным организациям производить самим национализацию". „Конечно, при этом получалось не мало *битой посуды*, но это не вина, а беда была наша" (неналаженность аппарата). Автор ребром ставит вопрос: национализация необходима для организации народного хозяйства на плановых началах. Заметим, что теория меньшевиков, напротив, ожидает сначала—от капитализма!—организации народного хозяйства на плановых началах, а уж потом национализация должна притти как-то „сама собой" [1]). Тов. Милютин разбивает также маниловщину Каутского о национализации с выкупом.—В результате нашего опыта автор признает, что „осуществление плана национализации сталкивалось со множеством обстоятельств, которые предвидеть было невозможно", „размеры национализации точно определены быть не могут", „они зависят не только от непосредственной экономической целесообразности,... но и от остроты и глубины гражданской войны". Тов. Варга считает венгерский опыт, более радикальной с самого начала национализации, целесообразнее, чем русский; В. П. Милютин находит, что Варга поспешил с обобщениями, и что советской Венгрии, при более длительном существовании, тоже пришлось бы столкнуться с необходимостью нэпа.

Говоря об организации управления, автор подчеркивает, что „капиталистическая машина разбивается не только в области политической, но и в экономической: в капиталистическом обществе тресты и синдикаты существуют не по принципу экономической целесообразности, а в силу борьбы и конкурренции". Главную роль по организации производства должны взять на себя профсоюзы. Автор приводит три этапа: в первый год после октября профсоюзы посылают в органы хозяйственного управления своих представителей; потом органы эти назначаются совместно центральными государственными органами и центральными органами профсоюзов; наконец, теперь мы имеем участие профсоюзов, главным образом; в плановой организации хозяйственного управления. В настоящее время только главнейшие предприятия в Республике представляют собой централизованные

[1]) В „Neue Zeit" после войны Отто Нейрат и др. доказывали, даже, что пролетариату экспроприация капиталистов дает очень мало и далеко не так необходима, как организация планового хозяйства. Они определенно считали второе возможным без первого. Приведем здесь еще следующий парадокс, сообщаемый в книге Спектатора, о социализации в Германии: был в числе прочих один план социализации рудников с выкупом, причем эта операция даже была в интересах владельцев (!), так как, таким образом, увековечивались в виде ренты вздутые цены временной конъюнктуры на уголь.

объединения, главная же масса предприятий передана областным и местным органам хозяйственного управления.

„Оперировать с огромными трудовыми массами труднее, чем с армиями". „Противоречие между развитием производительных сил и капиталистическими формами нигде не получает такого яркого выражения, как на рынке труда". Автор доказывает, что трудовая повинность вполне совместима с премиальной системой и соревнованием; принудительность труда существовала во всей прошлой истории человечества; производительность труда выше в переходную эпоху, чем при капитализме, при котором заинтересованности рабочего нет (т. Варга, напротив, считает упадок производительности труда вытекающим из условий революционной эпохи). Тов. Милютин приводит весьма ценную статистику трудовых мобилизаций за 1921 г. „Что нам говорит в этом отношении опыт России за последние годы? Он показывает смешанные формы организации труда, что совершенно неизбежно в переходное время". Анализ доведен до времени нэпа.

В главе о проблеме распределения и потребления автор, после краткой теоретической полемики с П. Масловым, дает очерк нашей „железной продовольственной диктатуры", когда на госснабжении было свыше 40 миллионов едоков, говорит о заготовках до и после введения разверстки и, отмечая тот факт, что в 1921 г. с.-х. продукция упала почти вдвое против довоенной, признает, что „нельзя произвести экономического переворота, не терпя временно урона в материальных средствах". Отчасти здесь имеется противоречие с предыдущим, автор становится на точку зрения т. Варги; эти „издержки революции" автор объясняет конкретно наличием у нас многомиллионной отсталой крестьянской массы. На вопрос: возможно ли было заменить торговлю другими формами организации обмена—автор отвечает: „теоретически, несомненно, да". На практике пришлось вернуться к торговле; однако, при советской власти она носит иной характер, чем при капитализме; здесь изложение автора охватывает также эпоху нэпа.

Уже такие экономисты, как Кейнс и Рудольф Гольдшейд, указывали на тенденцию перехода к „натуральному хозяйству" в результате мировой войны; „но военный период,—говорит наш автор,—показал лишь те условия, при которых вся денежная система от основания до верху пришла в расстройство; причины изживания вообще денежной системы лежат глубже, в неизбежности перехода всего мирового хозяйства с частнохозяйственных на основы планового, общественного хозяйства". В дальнейшем т. Милютин высказывается даже, что „империалистическую войну вызвало нарушение денежной системы". Однако, в результате опыта Советской России тов. Милютин признает: „Мы теперь знаем, что деньги не так-то легко умирают". Изложив „умирание денег" при военном коммунизме и переход к нэпу, тов. Милютин замечает, что все-таки „от денежного фетишизма не осталось и следа". Он полемизирует далее с Каутским и Отто Бауэром, которые считают возможным ограничиться одним огосударствлением банков, т.-е. их управления, не требуя конфискации вкладов. „Нужна,—пишет он,—величайшая наивность или непонимание условий переворота, чтобы думать, что капиталистический класс оставит в руках своих классовых врагов материальные средства". Под национализацией финансового аппарата автор понимает в первую очередь национализацию вкладов капиталистов. А как обстоят дела при нэпе? „При нэпе этот аппарат начинает играть роль и собирателя материальных средств в стране, и кредитора для промышленности и торговли, и выполнять функции распределения национальных доходов".

Последняя глава книги посвящена вопросу о едином хозяйственном плане. Автор подчеркивает утопичность мысли, что можно *выдумать* такой план, а выдумавши, немедленно воплотить его в жизнь; некоторые товарищи полагали так, но жизнь с тех пор успела убедить их в противном. В настоящем смысле этого слова организация будет иметь место лишь в развитом социалистическом хозяйстве; тем не менее уже на первых ступенях своего развития она принципиально отличается от частно-капиталистического хозяйства. Автор не ограничивается этим утверждением и дает весьма ценную сводку конкретной политики советской власти по этому вопросу, различая четыре периода: подготовительный (по 1919 г.), период наибольшей централизации (по 1920 г.), период критики (по 1921 г.), начинающийся с X партийного съезда, и период нэпа. Автор останавливается на функциях Госплана и СТО в области планового хозяйства.

В переходную эпоху, в условиях диктатуры пролетариата,—резюмирует автор,—классовая борьба отнюдь не исчезает. Но она лишается прежнего стихийного характера, пролетарская власть становится на путь сознательно организуемых процессов общественной жизни, при чем рабочий класс сплошь и рядом поступается своими узкими классовыми интересами, принося их в жертву общим интересам.

Н. Н. Осинский. Мировой „кризис" сельского хозяйства. Изд. „Новая Деревня", Москва, 1923 г.

Книга тов. Н. Н. Осинского представляет собою серьезное и обширное исследование источников, главным образом, статистического материала международного сельскохозяйственного института в Риме. Цифры доведены до 1921 г. Автор не ограничился кропотливым собиранием и сопоставлением цифрового материала (в особенности трудно было установить надежные данные для послевоенной России); он дает также анализ цифр, при чем весь свой огромный материал одухотворяет единой мыслью—доказывает, что помимо кризиса 1920—21 г., кризиса в узком смысле слова, мировое сельское хозяйство, как и все мировое хозяйство вообще, переживает более глубокий, органический

кризис, развал всего капитализма; цифры наглядно показывают, что мы имеем налицо не только кризис, непосредственно порожденный войной,—последняя лишь выявила процесс деградации хозяйства, происходящий в лоне современного капитализма. В отличие от оптимистической точки зрения проф. Кондратьева, который полагает, что „капиталистические кризисы затрагивают сельское хозяйство, как правило, не сильно", тов. Осинский подчеркивает, что, тогда как кризис мировой промышленности означает больше остановку аппарата, чем разрушение его, в кризисе сельского хозяйства дело обстоит гораздо хуже: если еще возможно, пожалуй, восстановить посевную площадь (хотя несколько медленнее, чем выпуск товара на фабрике), то гораздо труднее восстановить урожайность почвы, среднее качество семян, прежнюю производительность молочного скота, а также правильную культуру.

Автор приходит к следующему выводу: создавшееся в 1921—22 г. положение характеризуется не просто формулой: „относительное перепроизводство в С. Штатах, абсолютное недопроизводство в Европе" (Варга), а формулой более сложной и противоречивой: „относительное перепроизводство в С.-Штатах, при явной перенагрузке производящего аппарата и непомерном повышении себестоимости производства, и абсолютное недопроизводство в Европе, при еще более сильном упадке индустрии и спросе широких масс, которое нередко превращает с.-х. недопроизводство в относительное перепроизводство".

Вот несколько характернейших фактов. После войны посевная площадь по всей Европе (даже без России) *ниже, нежели во время войны*. Даже в Германии „при всем колоссальном сжатии потребления, посевная площадь зерновых не может подняться выше предельной цифры упадка во время войны в 1918 г.". В Италии посевная площадь вообще сократилась не во время войны, а только после нее. Мировой сбор хлебов и после войны составляет лишь 91% довоенного, а принимая во внимание прирост населения, т.-е. на душу, даже только 87%. После войны урожайность (по 5 важнейшим хлебам) пала в Европе (без России) до 85,8% довоенного уровня, при чем в Германии и шести придунайских странах она в 1919—21 г. *ниже, чем во время войны* (77,4% вместо 79,9% и 77,7% вместо 81,6% довоенного уровня). Замечательно, что и в Канаде урожайность пала (во время войны до 87,8%, а в 1919—21 г.—до 70%); об'ясняется это введением в обработку новых, худших земель в дальних штатах, с нарушением нормального севооборота [1]) в связи с спекуляцией на пшеницу и овес. Реально развивающими производительные силы, автор, на основании цифр, считает только Испанию и Румынию, последнюю, в связи с аграрной реформой; „Румыния должна быть учитываема, как опасная конкурентка России". За два последних года, не учтенных в книге, возросла, между прочим, также с.-х. продукция Польши.

[1]) Видеть ли в этом косвенное доказательство вышеотмеченного тезиса автора о правильной культуре?

Отчасти цифры, приводимые в книге тов. Осинского, „устарели" в том смысле, что за 1922—23 г. посевная площадь и урожайность увеличиваются, и даже очень значительно. Но цифры книги не устарели в том смысле, что, несмотря на это улучшение, остается в силе та непропорциональность между городом и деревней и между Европой и Америкой, которая составляет существенный элемент „конституционного кризиса" в мировом сельском хозяйстве. Так, например, в Германии—данные эти берем из официального органа Wirtschaft und Statistik от 26/IX—1923 г.—посевная площадь под всеми культурами поднялась от 1922 по 1923 г. на 0,5%, а под важнейшими хлебами—даже на 5,8%, при чем вся площадь всего на 3,9% отстает от цифры 1913 г. (сведенной на территорию нынешней Германии). Урожайность (сбор с гектара) оценивается следующим образом:

	1923 г.	1922 г.	1913 г.
Озимая пшеница . . .	19,2	13,7	24,1
Яровая „ . . .	18,4	14,5	24,0
Озимая рожь	16,5	12,9	19,4
Яровая „	12,4	9,6	13,5
Яровой ячмень	18,1	13,8	22,0
О в е с	17,9	12,9	22,0

Сбор хлебов (в Германии) в этом году все-таки отстает от 1913 г. почти на одну треть. Но повышение посевной площади и урожайности противоречит вышецитированным словам т. Осинского о Германии и, на первый взгляд, повидимому, также тезису о развале капитализма; однако, на самом деле, он скорее лишь подтверждает формулу автора о том, что с.-х. недопроизводство становится—в Германии наших дней с ее обнищавшим городом—относительным перепроизводством, голодание германского пролетариата доказывает это. Достоинство метода автора именно заключается в том, что он не ограничивается абсолютными цифрами, а сопоставляет отношение города и деревни, а также отношения в международном делении с.-х. снабжения. Как недостаток, отметим, что у автора нигде не фигурирует картофель, играющий столь важную роль в продовольствовании широких масс на Западе и в особенности в Германии. Тов. Осинский проводит лишь параллель между продовольственными и кормовыми хлебами, но у него не фигурируют также стручковые растения, лен и т. п., а между тем влияние войны и так наз. „принудительного хозяйства" сказывалось конкретно именно на соотношении между различными культурами; в Германии в 1923 г., первом после полной отмены принудительного зернового хозяйства, увеличилась площадь под хлебами и сильно уменьшилась площадь под техническими и проч. культурами, первая составляет уже 29,8% (в 1913 г. 33,8%). Приведем еще несколько новейших цифр (по данным римского института) за последний год в дополнение к цифрам т. Осинского. Предварительные подсчеты урожая пшеницы в северном полушарии дают увеличение на 9,5%, сравнительно с предшествовавшим годом, в южном полушарии урожай весьма удовлетворительный.

в Аргентине посевная площадь увеличилась на 7%; урожай ржи (без России) исчислен на 14% больше прошлогоднего, ячменя—на 13,8%, овса—на 14,8%. Наконец, по данным французского министерства земледелия (L'Economiste от 1 IX—1923 г.), урожайность в этом году превысила даже довоенную: 14,30 квинталов с гектара против 12,52 в 1922 г., 16,35 в 1921 г. и 13,28 в 1913 г. Если в с.-х. статистике определенно не рекомендуется исходить из цифр одного года, а французское министерство даже, expressis verbis, ссылается на „благоприятные метеорологические условия этого года", то, с другой стороны, нынешний год не является исключительно благоприятным по климатическим условиям для всего полушария. Во всяком случае, мы считаем полезным указать на эти последние цифры вот для чего: взгляд тов. Осинского относительно развала мирового сел. хозяйства вполне правилен, но он, как это и делает автор, должен быть основан не только на голых цифрах посева и урожайности. Поэтому цифры последних двух лет не могут изменить его, не должны считаться признаком „восстановления" мирового хозяйства.

Возвращаемся к изложению автора.

Он приводит крайне яркие и интересные данные о снабжении хлебами (по группам: союзно нейтральные государства, затем Австрия, Германия и Бельгия). Оказывается, что снабжение *после войны* (1919—1921) *было значительно хуже, чем во время войны* [1]), 72% вместо 77% довоенного, а во второй группе государств—даже 44% вместо 59%. Внутреннее производство хлебов во второй группе было во время войны 68% довоенного, а после войны—только 45%. Но еще характернее, *что увеличение заокеанского экспорта хлеба пошло после войны не в Европу*, а в Японию и другие страны; без России Европа не в состоянии восстановить прежнего уровня потребления и покупать дорогой американский хлеб. В этом факте развал сказывается основательнее, чем в цифрах посева и урожая. „Это есть проявление послевоенного кризиса мирового хозяйства и кризиса капитализма в целом; проявление одного из основных слагаемых этого кризиса—нарушение обмена города и деревни в общемировом и внутринациональных масштабах". Не имеется ли здесь, спросим мы, некоторое противоречие с тезисом автора, что восстановить посевную площадь и т. д. труднее, чем восстановить выпуск товара на фабрике? А именно—противоречие, поскольку здесь глубина кризиса сельского хозяйства ставится, напротив, в зависимости от недостаточной покупательной силы города?

В связи с этой ситуацией автор делает конкретный вывод относительно возобновления нашего хлебного экспорта: в нынешней обстановке это означало бы только значительное обесценивание хлеба и частичное вытеснение заокеанского хлеба, но отнюдь не правильное восстановление массового сбыта, который восстановится в первую очередь лишь тогда, когда вновь начнут покупать страны центральной Европы (стр. 24). Несколько далее (стр. 44) автор, впрочем, высказывается так: 1) выступление России на мировом рынке вполне возможно, ибо отсутствие ее ясно сказывается в об'ективных цифрах; 2) однако такое выступление может быть успешным только при осторожном и правильном маневрировании, при назначении невысоких цен; 3) пшеница должна выпускаться нами небольшими партиями, хорошего качества и дешевле американской; 4) больше успеха надо ожидать для нашего ячменя и 5) в особенности для сбыта овса в страны союзников.

Эти два последних вывода основаны на анализе продовольственного и кормового снабжения в отдельности. Восточная Европа поставляла до войны 58% кормовых хлебов; С. Америка вывозила их втрое меньше, чем пшеницы, предпочитая использовать их у себя дома для интенсификации своего скотоводства—она вообще производит мало ячменя. После войны (1919—1922 г.) вывезено на мировой рынок только 57%, а в союзные и нейтральные страны—только 70% довоенной нормы кормовых хлебов; с ними дело обстоит гораздо хуже, чем с продовольственными хлебами, брешь Восточной Европы зияет здесь в полном размере. В особенности же зависели от ввоза русского ячменя Австрия и Германия: наполовину, тогда как союзные страны—на треть. В результате в Европе имеется острый ячменный кризис. Важен и интересен также в частности анализ роли овса (конского корма) и ячменя (потребления животноводства) в отдельности, и роли их в обеих группах государств. Мы не можем останавливаться здесь на этом. Отметим лишь следующий результат, к которому приходит автор: получается причудливое соотношение цен между странами и хлебами—тогда как цены продовольственных хлебов выше в Америке (с ее интенсивным земледелием, да еще перенагруженным), чем в Европе, и не по карману последней, цены кормовых хлебов в С. Америке ниже, чем в Европе, при чем эта разница больше, чем фрахт в Европу; тем не менее, однако, ячмень и овес не текут из Сев. Америки в Европу, приходится покупать в Аргентине. Это тоже важный симптом развала, отсутствия смычки между европейской деревней (нуждающейся в ячмене) и сев.-американской деревней.

В книге тов. Осинского собран также богатый материал о животноводстве и его продуктах (мясо, масло, сыр, шерсть, шкуры), затем, из специальных культур—о хлопке и сахаре. Судьба каждого отдельного продукта,—говорит автор,—в сфере обращения весьма отлична от судьбы каждого другого; в то же время судьба экспорта, импорта, снабжения одного и того же продукта тоже представляют картину большого разнообразия. Но эта совершенно исключительная пестрота отношений, означая ни что иное, как огромное количество всевозможных диспропорций во всех звеньях

[1]) Впрочем, это отмечает автор, питание во время войны было отчасти выше довоенного, а именно, что касается пайков армии и конского потребления. Но гражданское потребление, конечно, страдало даже в Англии, а в С.-Штатах—потребление говядины пало до 66%. Необходимо подчеркнуть следующее: послевоенные цифры даются автором в среднем за 1919—1921 г.; на это трехлетие приходится „узкий" кризис, но за это же трехлетие имел место кратковременный послевоенный подъем.

обращения, в то же время дает нам такое же количество элементов кризиса.

Отметим из этого материала следующее. Мировая торговля маслом пала еще больше (69% довоенной), чем торговля хлебом (74%), а именно потому, что 22% шло из России (Сибири) и вообще 80% из Европы. Франция, Италия, Швеция, Норвегия из стран, вывозящих масло, стали ввозящими; вывоз Дании, страны руководящей по маслу, тоже пал. Руководящая по сыру страна Европы, Голландия, в течение 1918 и 1919 гг. вывозила лишь $^1/_4$—$^1/_5$ своей довоенной нормы, интенсивное голландское хозяйство пережило не меньший, а пожалуй, больший кризис, чем датское, вследствие нехватки кормов для скота. Чрезвычайно любопытна борьба за шерсть; история шерстяной торговли и шерстяных цен во время войны,—замечает автор,—есть бесспорно одна из наиболее ярких страниц в истории империалистической политики. Борьба за шерсть во время войны не менее интенсивна в лагере союзников, чем после войны борьба за нефть. В самом деле, Англия за время войны раздавила шерстяную промышленность Франции, последней осталась только треть ее прежнего ввоза. Англия взяла с 1916 года монопольно в свои руки всю шерстяную продукцию своих колоний. Франции остались только объедки, а С. Штатам пришлось перенести центр тяжести своего снабжения на Ю. Америку. В результате Англия и после войны обеспечила первое место своей шерстяной промышленности; в 1919 г. к ней ушло 47% мирового импорта шерсти, даже в год начала кризиса 1920—1921 гг. она имела 37%, тогда как до войны только 22%. Англия держала цены на шерсть в Австралии и Н. Зеландии на уровне втрое более низком, чем они были в метрополии; делалось это реквизиционным путем под предлогом роста фрахтов, но Англия сама регулировала фрахты и признала подъем их в 4—5 раз законным и минимальным; это обесценение Англией австралийской шерсти было определенной политикой в пользу английских судовладельцев и против океанских овцеводов. Между прочим, этот английский империализм, обирающий Австралию, в особенности, интересен теперь, когда речь лицемерно идет о вящшей спайке Англии с ее доминионами и колониями. В другом месте автор подчеркивает, что монополия Англии на шерсть кончилась с войны, но мы должны отметить, что в 1922 г. цифра импорта шерсти в Англию на 45% превысила довоенную. Зато С. Штаты удерживают свое близкое к монополии положение относительно хлопка. В последнее время борьба Англии и С. Штатов за хлопок комбинируется с их борьбой за каучук, на который Англия имеет фактическую монополию: Штаты поднимают цены на хлопок, Англия отвечает на это вздуванием цен на каучук в ее колониях. Пишущий эти строки отмечал в свое время в нашей ежедневной печати тот замечательный факт, что, консолидировав свой долг Америке, Англия в то же время втихомолку непомерно подняла цены на каучук, при чем в Америке с пеной у рта вычисляли, что это последнее с избытком уравновешивает убытки Англии от платежа ее долга

Америке! К сожалению, тов. Осинский в своей книге совершенно не касается каучука и „каучукового империализма“. Из его материала о хлопке отметим следующее: гибель хлопка от насекомых - вредителей составляла в 1909—1913 гг. 7,7% урожая, в 1914—1918 гг.—11,6%, а в 1919—1920 гг.—21,3%. Конечно, не случайно,—замечает тов. Осинский,—деятельность вредителей в такой степени усилилась именно после начала войны; это надо отнести за счет отлива рабочих рук в города и на фронт, за счет уменьшения удобрения и понизившейся тщательности обработки. Если даже принять во внимание, что скачкообразное увеличение потерь от вредителей отчасти объясняется занесением „розового хлопкового червя“ из Египта в Америку, объяснение тов. Осинского остается в силе и, быть может, является одним из самых ярких и роковых симтомов развала мирового сельского хозяйства. Больной организм мирового хозяйства теряет свою способность сопротивляться инфекции. Война резко выявила это, но и после нее действуют те же внутренние, разлагающие причины.

Ф. Капелюш.

обращения, в то же время дает нам такое же количество элементов кризиса.

Отметим из этого материала следующее. Мировая торговля маслом пала еще больше (69% довоенной), чем торговля хлебом (74%), а именно потому, что 22% шло из России (Сибири) и вообще 80% из Европы. Франция, Италия, Швеция, Норвегия из стран, вывозящих масло, стали ввозящими; вывоз Дании, страны руководящей по маслу, тоже пал. Руководящая по сыру страна Европы, Голландия, в течение 1918 и 1919 гг. вывозила лишь $^1/_4$—$^1/_5$ своей довоенной нормы, интенсивное голландское хозяйство пережило не меньший, а пожалуй, больший кризис, чем датское, вследствие нехватки кормов для скота. Чрезвычайно любопытна борьба за шерсть; история шерстяной торговли и шерстяных цен во время войны,—замечает автор,—есть бесспорно одна из наиболее ярких страниц в истории империалистической политики. Борьба за шерсть во время войны не менее интенсивна в лагере союзников, чем после войны борьба за нефть. В самом деле, Англия за время войны раздавила шерстяную промышленность Франции, последней осталась только треть ее прежнего ввоза. Англия взяла с 1916 года монопольно в свои руки всю шерстяную продукцию своих колоний. Франции остались только объедки, а С. Штатам пришлось перенести центр тяжести своего снабжения на Ю. Америку. В результате Англия и после войны обеспечила первое место своей шерстяной промышленности; в 1919 г. к ней ушло 47% мирового импорта шерсти, даже в год начала кризиса 1920—1921 гг. она имела 37%, тогда как до войны только 22%. Англия держала цены на шерсть в Австралии и Н. Зеландии на уровне втрое более низком, чем они были в метрополии; делалось это реквизиционным путем под предлогом роста фрахтов, но Англия сама регулировала фрахты и признала подъем их в 4—5 раз законным и минимальным; это обесценение Англией австралийской шерсти было определенной политикой в пользу английских судовладельцев и против океанских овцеводов. Между прочим, этот английский империализм, обирающий Австралию, в особенности, интересен теперь, когда речь лицемерно идет о вящшей спайке Англии с ее доминионами и колониями. В другом месте автор подчеркивает, что монополия Англии на шерсть кончилась с войны, но мы должны отметить, что в 1922 г. цифра импорта шерсти в Англию на 45% превысила довоенную. Зато С. Штаты удерживают свое близкое к монополии положение относительно хлопка. В последнее время борьба Англии и С. Штатов за хлопок комбинируется с их борьбой за каучук, на который Англия имеет фактическую монополию: Штаты поднимают цены на хлопок, Англия отвечает на это вздуванием цен на каучук в ее колониях. Пишущий эти строки отмечал в свое время в нашей ежедневной печати тот замечательный факт, что, консолидировав свой долг Америке, Англия в то же время втихомолку непомерно подняла цены на каучук, при чем в Америке с пеной у рта вычисляли, что это последнее с избытком уравновешивает убытки Англии от платежа ее долга

Америке! К сожалению, тов. Осинский в своей книге совершенно не касается каучука и „каучукового империализма“. Из его материала о хлопке отметим следующее: гибель хлопка от насекомых - вредителей составляла в 1909—1913 гг. 7,7% урожая, в 1914—1918 гг.—11,6%, а в 1919—1920 гг.—21,3%. Конечно, не случайно,—замечает тов. Осинский,—деятельность вредителей в такой степени усилилась именно после начала войны; это надо отнести за счет отлива рабочих рук в города и на фронт, за счет уменьшения удобрения и понизившейся тщательности обработки. Если даже принять во внимание, что скачкообразное увеличение потерь от вредителей отчасти объясняется занесением „розового хлопкового червя“ из Египта в Америку, объяснение тов. Осинского остается в силе и, быть может, является одним из самых ярких и роковых симтомов развала мирового сельского хозяйства. Больной организм мирового хозяйства теряет свою способность сопротивляться инфекции. Война резко выявила это, но и после нее действуют те же внутренние, разлагающие причины.

Ф. Капелюш.

Кунов, как интерпретатор Марксовой теории общества и государства*).

Солидное двухтомное произведение Г. Кунова, посвященное марксистской социологии, является по сути дела не чем иным, как новой попыткой преодоления революционного марксизма. Правда, на этот раз критика выступает под флагом систематического изложения взглядов самого Маркса. Так, из предисловия мы узнаем, что Кунов ставил своей исключительной задачей собрать разбросанные в различных произведениях Маркса замечания социологического характера, поставить их в логическую связь, свести к основным идеям и дать таким образом систематическое изложение Марксовой исторической и социологической теории. В соответствии с этой задачей, Кунов, опять таки по собственному его заявлению, не считал себя в праве даже восполнять пробелы, т.-е. рассматривать вопросы, не затронутые ни Марксом, ни Энгельсом, ибо это значило бы „превратить работу из систематического изложения социологической теории Маркса в собственную социологию на марксистской основе". Наконец, Кунов не ставил своей задачей и критику отдельных сторон учения Маркса. Он, по его словам, ограничился только тем, что отметил „важнейшие положения Маркса и Энгельса, опровергнутые новейшими данными или находящиеся в противоречии с другими высказываниями тех же авторов".

Таким образом, ни ревизия, ни критика, ни даже восполнение пробелов не входили в намерения автора. И если на канве взглядов Маркса Кунов тем не менее сумел развить всю философию и социологию социал-предательства, то это, несомненно, свидетельствует о большом литературном искусстве нашего автора.

Не мешает при этом отметить, что Г. Кунов отнюдь не принадлежит к тем ревизионистам, которые просто на просто подменяют марксизм какой-нибудь разновидностью идеалистической философии. В частности, он довольно решительно выступает против попыток сочетать марксизм и неокантианство. Более того он берет на себя роль блюстителя чистоты гегелевских традиций в марксизме. Но именно под видом восстановления этих самых гегелевских традиций Кунов и открывает свой поход против марксизма, как теории революционного действия. Лозунг назад к Гегелю Кунов использует только для того, чтобы лишить марксизм его революционного классового содержания, чтобы повернуть его вспять к тем взглядам Гегеля, которые составляли не революционную, а реакционную сторону учения последнего, чтобы на место революционера Маркса поставить Гегеля, как казенного философа прусской государственности.

Примечание. Редакция считает критику книги Кунова недостаточно полной.

*) Г. Кунов. Марксова теория истории, общества и государства. Основы марксистской социологии, т. I. и II.

G. Cunow. Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts-und Staatstheorie. Grundzüge der Marxschen Soziologie. B. I und II. Berlin, 1923.

Между прочим, книга Кунова дает лишнее доказательство прозорливости Ленина, поставившего во весь рост проблему государства и революции пролетариата и показавшего опасность искажения марксизма именно в этом вопросе. Все те оппортунистские пошлости на тему об отмирании государства, против которых вел борьбу Ленин, нашли себе в книге Кунова законченное и систематическое выражение. Если сравнить некоторые главы у Кунова с соответствующими местами книжки Ленина, то получается впечатление работы „на заданную тему". Впрочем, прежде чем перейти к этому, несомненно центральному месту книги Кунова, скажем несколько слов об ее общем содержании. Первый том, который уже нашел себе в нашей печати вполне заслуженную оценку (см. статью И. Степанова „Мимо и дальше от Маркса", „Красная Новь" № 3), заключает в 9-ти первых главах довольно обстоятельную историю политических и социологических воззрений, начиная от древних греков и до Гегеля. Последние три главы посвящены систематическому изложению (и искажению) учения Маркса об обществе и государстве.

Второй том содержит более детальный разбор отдельных проблем исторического материализма. Перечень глав может дать некоторое представление о трактуемых темах: нация, общество и государство, Марксова теория классовой борьбы, до-государственные формы общественной жизни, развитие семьи, хозяйство как жизненная функция общества, Марксова теория истории, ее критики, ее интерпретаторы, марксизм и этика, Марксова теория развития. Наибольший интерес и наибольшую ценность представляют те главы, где Кунов применяет свою обширную этнографическую и историческую эрудицию. Таковыми являются главы, посвященные истории семьи и до-государственных форм общественной жизни, отчасти глава о развитии этики. Правда, здесь мы находим по большей части повторение выводов, к которым Кунов пришел в своих прежних работах (Die Verwandschaftsorganisationen der Australneger, 1894. Zur Urgeschichte der Ehe und Familie 1912 Ursprung der Religion und der Gottesglauben и т. д.), давших в свое время много нового и ценного и представлявших значительный шаг вперед по тому пути, начало которому положило исследование Моргана. В некоторых вопросах Кунов, как известно, подвергает критике взгляды Моргана и, следовательно, Энгельса, противопоставляя им данные новейших исследований быта примитивных народов, главным образом, австралийских негров. Он считает, что Морган, пытаясь установить формы первобытной

семьи дедуктивным путем, на основании собранных им обозначений родства у различных народов, впал в целый ряд ошибок, вполне, впрочем, понятных при том недостаточном базисе непосредственного наблюдения, на который он в свое время мог опираться.

Новейшие исследования дают, по мнению Кунова, возможность более правильного истолкования этих обозначений родства и раскрывают нам картину развития первобытной семьи и родовой, или тотемистической группы, более согласующуюся как с фактами, так и с общими предпосылками материалистического понимания истории.

Эта часть работы Кунова, как ни оценивать отдельные выдвинутые им положения, представляет ценный вклад в марксистскую историю первобытной культуры и заслуживает серьезного изучения. То же самое следует сказать про главы, посвященные исследованию переходных форм между кровно-родственным союзом и территориальной общиной, маркой. Здесь Кунов отчасти дополняет новыми данными известные исследования Маурера, М. Ковалевского и др., отчасти дает им новое освещение.

В изложении основных понятий Марксовой теории исторического материализма Кунов выдвигает на первый план специфическую, по его мнению, для Маркса концепцию общества, как такой коллективности, в которую люди связываются своими производственными отношениями, в отличие от всякой иной формы социального объединения, т.-е. в первую очередь государства, а затем и других более непосредственных органических коллективов, предшествующих государству, как-то: родовой и племенной союзы, первобытная земельная община и т. д. Опираясь на терминологию, предложенную социологом Тённиессом, Г. Кунов настаивает на строгом разграничении общества—Gesellschaft и общины или союза—Gemeinschaft и обвиняет в искажении и вульгаризации Марксовой теории всех тех марксистов, в том числе и Каутского, которые недостаточно строго придерживаются этого разграничения понятий.

Между тем, строго говоря, у самого Маркса мы не находим этого разграничения в том виде, как его проводит Кунов. Маркс, правда, различает общество, как гражданское общество, под которым он понимает „мир потребностей, труда, частных интересов, частного права“ и политическое, т.-е. современное буржуазное государство. Но в той же самой статье „К еврейскому вопросу“, которую цитирует Кунов, Маркс совершенно отчетливо указывает, что это противопоставление возникает именно с развитием чисто буржуазных отношений, буржуазной демократии, разрушившей все пережитки феодализма. Наоборот, феодализм характеризуется по Марксу именно тем, что там „гражданское общество имело непосредственный политический характер, т.-е. элементы гражданской жизни, напр., собственность и семья, форма и способ труда были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме феодальных прав, сословий и корпораций“. Таким образом, противопоставление общества государству имеет

у Маркса диалектический характер. Это не две застывшие категории, но движущееся и развивающееся противоречие, в котором один момент является предпосылкой и основанием другого. От этой диалектики у Кунова не остается и следа. Противоположность между обществом и государством он рассматривает не в его развитии, но статически, как нечто постоянно пребывающее.

Маркс отнюдь не случайно берет отношение буржуазного общества и буржуазного государства. Он делает это потому, что исходит не из двух заранее данных абстрактных понятий, но из конкретного процесса исторического развития, в котором эти абстракции становятся действительностью. Этим исторический и диалектический метод Маркса отличается от всякой абстрактной социологии, которая оперирует заранее данными готовыми понятиями и схемами. Эту сторону дела Кунов, увлекшийся несомненно гораздо более идеями Тённиеса, чем Маркса, совершенно упустил из виду.

Вопрос о взаимоотношении экономики и права Кунов решает в соответствии с проводимым им различием между обществом и общиной (или государством). Поэтому нормам государственного порядка он противопоставляет нормы, складывающиеся в обществе вследствие процессов хозяйственной жизни. Кунов на примере австралийских негров рисует процесс образования таких более или менее устойчивых правил, касающихся дележа добычи, походного порядка при передвижениях орды и т. п., правил, которые в дальнейшем ставятся под защиту данной орды или развившегося из нее родового союза и становятся принудительными правилами поведения. Этот же процесс продолжается и на более высоких ступенях развития. Кунов подчеркивает, что далеко не все сложившиеся в обществе правила воспринимаются государством и подкрепляются принуждением, но лишь известная часть их. Здесь он отмечает роль классовых интересов, которые побуждают господствующие классы придавать государственным законам определенную юридическую форму и тормозить общественное развитие, удерживая в силе законы, противоречащие хозяйственному развитию. Все это, включая и критику Штаммлера, отнюдь не представляет из себя чего-нибудь особенно глубокого и оригинального. Характерным для Кунова является усиленное подчеркивание бессилия государственной регламентации, если для нее не созданы соответствующие социально-экономические предпосылки. Здесь уже звучит лейт-мотив, который проходит через всю книгу и определяет собой ее политическое назначение, и этот лейт-мотив — борьба против пролетарской революции.

Но, оставив пока в стороне эту политическую заднюю мысль, обратимся к принципиальной постановке вопроса о социальном регулировании. Здесь мы наталкиваемся у Кунова на одну весьма существенную неясность. Он просто-напросто смешивает социальное регулирование при помощи правил поведения с социальной закономерностью. Так, говоря о том, что государство обеспечивает принуждением только часть социальных правил,

Кунов продолжает: „Социальные законы образования цен, прибавочной стоимости, земельной ренты, движение заработной платы и т. д. не записаны в государственные кодексы и однако проявляют себя в социальной жизни часто еще с бо́льшей силой и беспощадностью, чем многие государственные законы. Точно также не записаны там социальные законы, которые хотя и не вытекают непосредственно из хозяйственного процесса, но обусловлены совокупностью форм экономической жизни, совокупностью общественных взаимоотношений, — а именно, законы повышения и падения преступности, увеличения или уменьшения деторождений, браков, заболеваний и т. д. Далее, не записаны по большей части конвенциональные законы морали, приличия, вежливости и т. д.“ (т. I, стр. 272). Трудно представить себе бо́льшую путаницу. Законы морали и конвенциональные правила свалены здесь в одну кучу со статистическими и экономическими закономерностями, как будто это нечто совершенно однородное. По Кунову получается, будто государственная власть может по своему выбору обеспечить принуждением выполнение какого-нибудь торгового обычая или, скажем, закона стоимости. Он как будто совершенно не замечает скрывающейся здесь логической несообразности. Ведь если конвенциональное правило становится государственным законом — оно ничего не теряет в своей принципиальной сущности; происходит лишь замена неофициального принуждения — официальным. Экономический же закон стоимости, если предположить, что он мог бы осуществляться как норма, исходящая от государственной власти, перестал бы быть экономическим законом, т.-е. изменил бы свою принципиальную сущность. Любопытнее всего, что Кунов, повидимому, вовсе не замечает скрывающейся за этим серьезной проблемы, которую нео-кантианцы пытаются решать в духе непримиримого дуализма причинной необходимости и телеологии, или сущего и должного, но которая на деле может быть решена только методами материалистической диалектики. Кунов проводит грань между регулирующими моментами, как они складываются в обществе, и принудительной нормировкой государства, но мы видели уже, что не здесь лежит корень вопроса. Проблема возникает гораздо раньше, в той сфере, которую Кунов именует общественным порядком. Для нео-кантианцев она заключается в формальном, логическом противопоставлении закономерности существования и закономерности долженствования; для марксиста она может состоять лишь в установлении диалектической связи между обществом, как стихийной закономерностью, и обществом, как совокупностью урегулированных отношений.

Между тем Кунов просто-напросто смешивает стихийную закономерность, которой человек подвержен как биологический вид, закономерность овеществленных общественных отношений, регулирование в смысле технически целесообразном и регулирование в смысле юридически-моральном, равно как не видит того, что последняя форма регулирования теснейшим образом связана с фактом овеществления общественных отношений, развивалась вместе с

формой товара и сбросит свою загадочную оболочку в тот самый момент, когда отношения людей перестанут выражаться в вещах и через вещи.

Мы уже отметили, что Кунов выступает в качестве интересного исследователя, опирающегося на изрядное количество фактического материала и применяющего к этому материалу строго марксистский метод только там, где речь идет о давно прошедших временах: о формах первобытной семьи, об общественном строе каких-нибудь инков или ацтеков, о развитии феодализма в Японии и т. д. Но стоит тому же Кунову перейти к современной нам эпохе, как у него моментально исчезает всякая охота разбираться в исторической действительности и приводить какие-нибудь конкретные факты в доказательство своих положений. Он предпочитает их просто-напросто декретировать. Великолепный образчик этого декретирования мы находим на стр. 325 второго тома. Кунов полемизирует там с проф. Дельбрюком, который усмотрел крушение теории Маркса в том, что пролетарская революция вспыхнула впервые не в высоко развитой капиталистической стране, как Англия, а в отсталой России. Не давая себе совершенно труда разобраться, какие причины обусловили именно такой ход исторических событий, Кунов „опровергает“ Дельбрюка самым простым образом; а именно он заявляет, что слова Маркса о последнем решающем столкновении пролетариата с буржуазией „вовсе не относятся к революции, вспыхнувшей в России, Болгарии, Китае или Индии вследствие войны, голода, национальных распрей, а также и к германской Ноябрьской революции“. Относительно последней Кунов несколькими строками выше поясняет, что эта революция де „возникла не из противоречий между производительными силами и производственными отношениями и вытекающего отсюда глубокого правового конфликта, поднявшего на ноги народные массы, как это имело место в английской революции 17-го, или французской революции 18-го века, но явилась возмущением народных масс против тягот войны, становившихся все более невыносимыми, и против государственного режима, который эти тяготы продолжал возлагать на население“. Относительно каких-то там русской, болгарской и пр. революций Кунов, очевидно, считает ненужным даже и такие „пояснения“. Маркс, мол, не имел этого в виду,—и баста! Исторического и классового анализа революционных событий мы не находим у Кунова ни следа. Вопроса о роли империалистической войны, как фактора, развязывающего пролетарскую революцию, для него не существует. Он вынес из опыта мировой бойни уроки иного рода. Но о них ниже. Голод, национальное угнетение, как элементы революционной ситуации, также отбрасываются им в сторону с великолепным презрением. И все это без малейшей попытки действительного анализа фактов.

Эпоха империалистического развития последних десятилетий как бы не существует для Кунова. Он взвешивает исторические возможности в каком-то безвоздушном пространстве. Что можно сказать о таком, например, рассуждении: „Согласно взглядам

Маркса изменение в способе производства может привести к политической революции и к восстанию народных масс, в особенности, если правительство будет делать попытки силой сохранить пережившие себя законы, соответствующие старым экономическим отношениям; однако это вовсе не обязательно. Переворот в политических и социальных условиях жизни, равно как и в идеологии, вызванный изменением экономической структуры, может произойти постепенно *без восстаний и уличных боев* (курсив автора), например, парламентским путем" (т. II, стр. 315). И здесь же цитата из речи Маркса в Амстердаме в 1872 году, в которой он заявил, что считает возможным мирный переход к социализму в Америке и Англии. При этом Кунов не считает нужным ни единым словом упомянуть о том, почему Маркс *в то время* считал возможным мирный переход к социализму в этих именно странах, и сохранилась ли эта перспектива в результате социально-экономического и политического развития последовавших десятилетий. Кунов изображает дело так, будто он борется против каких-то неизвестных исказителей марксизма, которые проповедуют революцию как самоцель. В действительности же он неустанно борется против вполне конкретной пролетарской революции, на пороге которой стоит капиталистическая Европа и в первую очередь Германия.

Сейчас, когда классовые противоречия и классовая борьба приняли самые обнаженные формы, когда вся буржуазная Европа выступает под знаменем фашизма, Кунов поучает нас, что „сама по себе классовая борьба вовсе не означает применения грубой силы, но может с тем же успехом вестись и другим оружием, напр., парламентскими дебатами и голосованиями" (т. II, стр. 61). Кунов недоумевает, почему буржуазные партии требуют от социалдемократии, чтобы она отказалась от теории классовой борьбы. Действительно, буржуазия могла бы спокойно предоставить социалдемократии культивировать *такую* „теорию", тем более, что этой теории полностью соответствует практика непрерывного классового предательства.

Учение о государстве, как выше было упомянуто, составляет, с точки зрения политической, несомненный гвоздь книги Кунова. Здесь изложение взглядов Маркса уже совершенно открыто переходит в их искажение. Кунов начинает издалека. Прежде всего он подвергает критике теорию классового происхождения государства. По его мнению, для возникновения государственной власти недостаточно разложения родовой организации, благодаря развитию классовых противоречий. Необходим еще момент завоевания и покорения одного племени другим. В доказательство Кунов приводит пример меланезийцев, которые при весьма развитом классовом делении не перешли к образованию государства и сохранили родовую организацию. Что же касается образования афинского государства, которое, по мнению Энгельса, возникло без всякого завоевания, то Кунов и с этим не согласен, но, не имея других достаточно убедительных аргументов, апеллирует в конечном счете к „этнографической точке

зрения", стоя на которой, нельзя якобы допустить, что три племени, которые, по преданию, объединил Тезей, добровольно отказались от своей независимости и подчинились Афинам.

Если принять во внимание, что Кунов вовсе не отрицает значения классового расслоения и классового господства и, в частности, в противовес Гумпловичу прямо подчеркивает, что столкновения племен, сами по себе, независимо от уровня хозяйственного развития сталкивающихся, ни к какому образованию государства не приводят, то становится непонятным, зачем вообще нужен был этот спор, ради которого Кунову пришлось тревожить Фукидида и мирных жителей Меланезии. Ведь дело по существу сводится к тому, что между родовой организацией и государственной могут существовать переходные формы, и что военные столкновения часто являются тем, выражаясь языком химии, катализатором, который ускоряет подготовленный хозяйственным развитием процесс превращения родовой организации в государственную. Но разгадку мы находим дальше. Выступать с возражениями и как будто бы ослаблять теорию классового происхождения государства Кунову нужно было для того, чтобы впоследствии исправить „одностороннюю" точку зрения Маркса, который видел в государстве только орудие классового господства и не замечал, что оно является в то же самое время „жизненной формой, системой объединения, упорядочения и урегулирования народных жизненных инстинктов" (!?) (т. I, стр 310). Кунов весьма сокрушается о том, что Маркс, отбросив свой первоначальный гегельянский взгляд на государство, как организм свободы, остался при этом первом отрицании и не сделал того шага, который полагается по гегелевской триаде, не перешел к отрицанию отрицания. Этот недостаток Кунов склонен объяснять „либерально-манчестерскими" и чуть что не анархическими предрассудками по отношению к государству, которыми якобы был заражен Маркс.

Кунов вообще недоумевает, с какой стати нападать на буржуазное государство, видеть в нем причину всех зол и призывать к его разрушению, когда ведь сам Маркс доказал, что государство не является первичным образованием, но порождается общественными, т.-е. производственными отношениями. Ведь государство, рассуждает Кунов, „есть только органический инструмент общества, с помощью которого оно поддерживает возникшее в его недрах деление на классы. Поэтому взваливать на государство вину за классовое господство, значит делать следствие ответственным за причину" (т. I, стр. 311). Из этого Кунов делает тот замечательный вывод, что свержение политического господства буржуазии вообще станет возможным лишь тогда, когда общество путем постепенного и длительного процесса утратит свой классовый характер. Кунов пытается уверить читателя, будто эта оппортунистическая галиматья представляет собой взгляды самого Маркса, которых он придерживался в 40-ых годах. Кунов излагает эти взгляды довольно подробно, хотя и своими собственными словами. Маркс, оказывается, думал, что „сначала капиталистическое общество будет разложено путем образования „ассоциаций" или

кооперативных объединений, и таким образом потеряет свой классовый характер. Только после того, как государство, как организация господства, потеряет основу в обществе, государственная власть будет устранена путем политической революции, и государство превратится в обширный механизм хозяйственного управления. Превращение капиталистического общества в так называемое социетарное общество должно, следовательно, предшествовать политической революции, которая мыслилась только как политическое завершение уже совершившегося социального развития" (т. I, стр. 320). Эту теорию вростания в социализм Маркс, по мнению Кунова, изложил—пусть не думают, что здесь шутка—на последней странице ..„Нищеты философии", ибо именно оттуда берет Кунов свою единственную цитату. Превратить Маркса в реформиста и притом на основании того самого произведения, в котором Маркс, по справедливым словам Ленина, сделал „гордое и открытое заявление о неизбежности насильственной революции"—это ли не рекорд ловкости рук! Но что же гласит эта знаменитая цитата? „Рабочий класс, пишет Маркс, поставит в ходе развития на месте старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой, собственно, политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов в гражданском обществе". Сделав эту цитату, Кунов, повидимому, сам почувствовал, что она вовсе не содержит в себе тех мыслей, которые он хотел приписать Марксу, и потому он цитирует... то же самое место, но уже по французски. Французский текст, правда, отличается тем, что там сказано: „поставит в ходе *своего* развития", а слово „исключает" стоит в будущем времени, но смысл остается, конечно, тем же самым, а именно, Маркс и по-немецки и по-французски говорит об отмирании государства *после* пролетарской революции, а Кунов изо всех сил стремится подсунуть ему идею о мирном самоупразднении буржуазной государственной власти. Достаточно прочесть из „Нищеты философии" хотя только ту фразу, которая идет непосредственно за словами процитированными у Кунова, чтобы обнаружить полную смехотворность попытки Кунова противопоставить „Нищету философии" „Коммунистическому Манифесту", в котором Маркс под влиянием надвигающейся революции изменил якобы своим трезвым социологическим взглядам. Тем не менее Кунов остается верным себе. Приведя знаменитое место из „Коммунистического Манифеста", где Маркс говорит об „использовании пролетариатом завоеванного им политического господства", о „деспотических вторжениях в право собственности и в буржуазные условия производства", Кунов патетически восклицает: „это с социологической точки зрения почти полная противоположность выше приводимому месту из „Нищеты философии". Там сначала путем социальной эволюции уничтожается деление общества на классы и лишь затем,—так как одновременно старая государственная власть утрачивает свой базис,—происходит политическое

завоевание последней. В „Коммунистическом Манифесте", наоборот, сначала происходит завоевание государственной власти, а затем путем применения этой власти—переворот в капиталистических отношениях производства" (т. I, стр. 321). К сожалению, Кунов не поясняет, каким это образом на протяжении нескольких месяцев Маркс успел так радикально изменить свои взгляды.

Не более удачной является полемика Кунова против книги Ленина о государстве. Он обрушивается на Ленина, обвиняя его в неправильной интерпретации Маркса. Между прочим он приводит известные слова Маркса о государственной машине из сочинения „18-е Брюмера Луи Бонапарта", слова, которые цитирует также и Ленин, и заявляет (т. I, стр. 355): „это замечание Маркса относится исключительно к тогдашним событиям и не содержит в себе утверждения, будто все революции в будущем должны совершаться подобным образом, а между тем Ленин понимает его как подтверждение того, будто, по взглядам Маркса, всякая пролетарская революция должна прежде всего разбить государство с его парламентской системой и исполнительной властью".

Ничего подобного, поучает нас Кунов, Маркс, говоря о концентрации всех сил разрушения против исполнительной власти, имел в виду только свержение Наполеона и ошибся, так как Наполеона тогда свергнуть не удалось; „для Ленинской же интерпретации эта фраза не дает ни малейшего повода". Кунов забывает только об одном, что несколькими страницами выше он процитировал известное письмо Маркса к Кугельману от 12. IV 1871, где уже сам Маркс дает истолкование тем выводам, к которым он пришел в своем „18 Брюмера", при чем это истолкование целиком согласуется с „ленинской интерпретацией".

Нет, по вопросу о государстве и социалистической революции Кунову положительно не везет. На этот счет у Маркса имеются слишком определенные заявления, от которых не отделаешься никакими комментариями, и потому в конце концов Кунову не остается ничего другого, как меланхолически заявить о „временной победе старого революционизма над социологической теорией".

Зато с тем большим подъемом духа описывает Кунов, как германская социалдемократия постепенно покидала свою позицию принципиальной враждебности буржуазному государству и шла в услужение последнему. Картина падения и вырождения социалдемократической партии получается весьма яркая, нужды нет, что самому автору этот процесс представляется как постепенное просветление социалдемократических мозгов от засевших там анти-государственных предрассудков. Весьма благодетельную роль в этом отношении сыграла, по мнению Кунова, война. Оказывается, что она „породила в германской и австрийской социалдемократии такие взгляды на значение государства для дальнейшего подъема рабочего класса и общего культурного развития, которые еще десятилетие тому назад натолкнулись бы на сильнейшее сопротивление" (I стр. 341). В комментариях это вряд ли нуждается.

Нельзя, наконец, обойти молчанием главу, посвященную национальному вопросу. Как и следовало ожидать, и по этой части главным учителем Кунова и его друзей была все та же империалистическая война. Из нее они усвоили как основной урок, что международная солидарность пролетариата, как бы о ней хорошо ни говорила социалдемократия в пору своей революционности, не может уничтожить национальных противоречий. Доказательство на лицо: „при объявлении войны в августе 1914 года потерпели крушение не национальное сознание, но рабочий интернационал и международная солидарность". Но кроме этого весьма наглядного доказательства, Кунов пробует аргументировать и от Маркса. Маркс-де не призывал к „уничтожению" наций или национальных различий, что доказывается письмом к Энгельсу от 20 июня 1866 г., где Маркс высмеивает Лафарга, представлявшего такую „крайнюю" точку зрения. Совершенно верно, но ведь одно дело осторожная и вдумчивая политика пролетарских партий в национальном вопросе, одно дело отказ от утопической задачи немедленного уничтожения национальных особенностей и другое дело поддержка своей буржуазии в империалистической войне. Смешивать эти вещи можно только с явной целью затемнить существо вопроса.

Впрочем, Кунов тут же с полной откровенностью разоблачает себя, как самого подлинного социал-империалиста. Надо, оказывается, различать национальный вопрос и вопрос национальностей (Nationalfrage und Nationalitätenfrage). Первый заключается „в стремлении больших наций образовывать так-называемые национальные государства и присоединять к себе части нации, оставшиеся вне его границ; второй состоит в притязаниях маленьких наций на государственную самостоятельность" (Т. II стр. 38). Так вот этим последним стремлениям Кунов отказывает во всяком праве на существование. „Стремление национального государства к соединению с теми частями данной национальности, которые остались за его пределами, по крайней мере хоть основано на социальном процессе развития и соответствует его историческому ходу... напротив того, государственная самостоятельность маленьких, культурно отсталых наций (Nationchen) противоречит не только исторически сложившемуся положению вещей, но и общему направлению социального развития"... (Т. II стр. 37).

Одним словом, пролетариату рекомендуется приветствовать поглощение маленьких народов империалистическими колоссами, ибо это лежит на пути исторического прогресса и в конечном счете ведет к социализму. Впрочем, Кунов не требует от рабочих бескорыстного сочувствия национальной политике. Наоборот, он весьма недвусмысленно указывает, что „отношение рабочего класса к национальной буржуазии и к рабочему классу других стран до известной степени зависит от того, в какой мере он (т.-е. рабочий класс) принимает участие в тех выгодах, которые извлекает для себя нация в целом" (т. II стр. 26).

На этом можно и закончить. Г. Кунов написал, как сказано, весьма обстоятельный труд. Настолько обстоятельный, что, если бы кроме него не имелось никаких документов по истории декаданса и вырождения германской социалдемократии, мы по его двум томам, как геолог по одной кости, могли бы восстановить всю картину отступничества этой партии от интересов того класса, который она представляла, от той цели, которую она себе ставила, и от того учения, которое легло в основу ее программы.

Е. Пашуканис.

Марксизм и философия.

(Karl Korsch. Marxismus und Philosophie. Leipzig Verlag C. S. Hirschfeld 1923).

На тесном пространстве 70 страниц новая работа т. Корша дает чрезвычайно богатый материал по истории и интерпретации исторического материализма, заслуживающий самого серьезного внимания со стороны каждого марксиста. Если бы мы пожелали вкратце охарактеризовать особенность этой работы, которая составляет первый отдел задуманной книги: „Историко-логические исследования из области материялистической диалектики", то мы могли бы сказать, что она является первой сознательной попыткой применить историко-материалистический метод к истории самого исторического материализма. Но в то же время книга содержит и ряд весьма оригинальных и плодотворных применений этого метода к истории буржуазной философии девятнадцатого века.

Желая выяснить отношение между марксизмом и философией, автор разбирает взгляды на этот предмет, принятые в буржуазном и в марксистском лагере, и прежде всего приходит к неожиданному результату, что эти взгляды совпадают: как буржуазная философия, так и руководящие теоретики социал-демократии понимают отношение между марксизмом и философией чисто отрицательно. Отказ Франца Меринга от „всяких философских хитросплетений" является характерным примером такого подхода к делу. В свою очередь и буржуазная история философии обнаружила полнейшую неспособность понять „самостоятельную сущность марксистской философии и ее значение в общем развитии философских идей XIX века".

Корш ставит вопрос о причинах этого бессилия буржуазной истории философии. Объяснять его *сознательной* классовой позицией буржуазных философов было бы грубым и совершенно немарксистским приемом, и такое объяснение автор справедливо отвергает. Отсутствие всякого понимания у буржуазных историков философии является в действительности результатом сложного ряда „опосредствований", которые тщательно вскрываются автором.

В официальной истории философии между временем, последовавшим за смертью Гегеля, и неокантианством 60-х и 70-х годов, этим так-называемым „возрождением философии", зияет глубокий провал. Ходячая характеристика этого промежуточного

периода, как „разложения гегельянской школы", совершенно недостаточна и к тому же чисто отрицательна. В этой концепции немецких историков философии проявляется, по Коршу, тройкая ограниченность. Во-первых, ограниченность „чисто философская": философы не замечают, как идейное содержание философии продолжает жить в положительных науках, что особенно верно именно по отношению к Гегелю. Впрочем, эта ограниченность еще могла быть преодолена в рамках буржуазной исторической науки Дильтеем и его школой [1]). Далее идет ограниченность *местная*: добрые немецкие профессора упустили из виду, что и вне Германии существовали философы, в том числе и гегельянцы. И, наконец, в-третьих, тут обнаружилась ограниченность, которая означает уже *принципиальную* границу всей буржуазной философии и истории. Если развитие *от Канта до Гегеля* не может быть понято, как чисто идеологическое движение, то в еще гораздо большей степени это относится к развитию *после* Гегеля.

Гегель сам настойчиво указывал на то, что все движение немецкого идеализма представляет собою выражение революции „в форме мысли" (разительные сопоставления мест из Гегеля и Маркса в книге Корша, стр. 14, показывают, как конкретно должна быть понята исходная связь Маркса с Гегелем). Гегель ясно понимал связь между философией и действительностью; но когда, с середины XIX века, немецкая буржуазия перестала быть революционным классом, она поневоле утратила способность и теоретически понимать связь между идеальными и реальными факторами истории.

Таким образом, действительное развитие должно было стать для нее книгой за семью печатями. На самом деле это развитие было не „разложением" или „упадком" философии, а переходом философии, как идеологического выражения революционного движения буржуазии, в научный социализм, как выражение революционного движения пролетариата. Марксизм относится к системам немецкой идеалистической философии совершенно так же, как пролетариат к революционной буржуазии.

Разобрав буржуазную историю философии, автор обращается к рассмотрению взглядов на отношение между марксизмом и философией, принятых среди самих марксистов. И тут его анализ, выходя из рамок чисто философских проблем в область историко-материалистического исследования марксистского движения в целом и в связи с развитием общества, приводит его к различению трех периодов. Первый период начинается примерно с „Введения в критику гегелевой философии права" и заканчивается револю-

---

[1]) Ср. мой отзыв о „Собрании сочинений" Дильтея в настоящем „Вестнике", 1923, кн. 5. Впрочем, если Корш полагает, что и вторая граница была преодолена Дильтеем и его школой, то в этом мы с ним не можем согласиться. Что знает, напр., немецкая история философии и духовных движений о гегельянстве в России? Толстая книга Масарика „Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie" представляет собою не научное историческое изложение, а только более или менее надежное собрание материалов. Ср. статью Троцкого в „Kampf", Вена, 1912 г.

цией 1848 г. в области реальной истории, и „Коммунистическим Манифестом“ в области идеологии. Второй период тянется от поражения восставшего парижского пролетариата в июньских боях 1848 г. приблизительно до конца столетия. Третий период охватывает нашу революционную современность.

Ценность произведенного автором исследования не в этой схематической периодизации, а в тех конкретных анализах, которые дают историко-материалистическое объяснение отдельным стадиям в развитии самого марксизма. Особенно следует приветствовать то, что Корш рассматривает под этим углом зрения развитие самих основоположников движения, Маркса и Энгельса. Так как никакая теория не может существовать вне реального общественно-исторического движения, то и теория социальной революции, данная Марксом—Энгельсом в эпоху 1865 г.—1894 гг. (первый том „Капитала“), неизбежно является, по сравнению с их теорией первого периода, „во многих отношениях измененной и усложненной формой единой по существу теории“. „Она остается единой всеобъемлющей теорией социальной революции, но различные стороны этого единого целого—экономика, политика и идеология, научная теория и общественная практика--получают бо́льшую самостоятельность и выявляются отчетливее, чем в первый период“ —в период „теории социальной революции, понимаемой и утверждаемой, как живое целое, теории, не знающей различения на отдельные научные области“.

Разложение этой единой теории целого произошло в эпоху Второго Интернационала. Для теоретиков этого периода научный социализм распадается на сумму отдельных, „беспредпосылочных“ научных знаний, не имеющих непосредственного отношения к практике. Классическим примером такого подхода может служить предисловие Гильфердинга к „Финансовому капиталу“, где марксизм, как наука, и социалистическая политика являются двумя независимыми рядами, из которых каждый может существовать сам по себе.

Наконец, третий период есть период назревающей революции, когда дальнейшее развитие теории получает форму восстановления чистого учения Маркса. В центре этого движения стоит *Ленин*. Как вклад в это дело восстановления истинного марксизма рассматривает Корш и свою собственную работу, посвященную выяснению отношений между философией и социальной революцией и как по содержанию, так и по форме ориентирующуюся на „Государстве и революции“ Ленина.

Основное положение автора гласит, что в противоположность вульгарным марксистам Маркс и Энгельс теоретически понимают и практически разрабатывают философию (и всякую другую идеологию) не как пустое умственное измышление, а как некую *действительность*. Как действительность, которая должна быть преодолена, но которая от этого не перестает быть действительностью. В первый период своего развития диалектический материализм Маркса и Энгельса был еще сам философией. Впоследствии философия, как составная часть общественной

действительности, утратила для Маркса и Энгельса свое прежнее значение, но философская идеология, как и всякая другая, всегда оставалась для них *материальным* фактором целостного общественно-исторического процесса. Свой взгляд Корш обосновывает множеством мало известных цитат, которые часто сопровождаются поучительной исторической интерпретацией марксистской терминологии. Не менее интересны его соображения о взгляде „ортодоксальных марксистов“ Второго Интернационала на идеологию, как на простой призрак, как на обманчивый плод воображения,—взгляд, который прослеживается им до его отдаленнейших оппортунистических выводов в области политики.

Положительному очерку реального значения диалектически-материалистического принципа для понимания духовных фактов также предпослана основательная, реальная и филологическая, интерпретация марксистской терминологии. Корш не отрицает некоторой *неопределенности* в употребляемой Марксом и Энгельсом терминологии, особенно в области философии, но он объясняет эту неопределенность тем, что в своих позднейших сочинениях Маркс и Энгельс направляют свои полемические замечания по адресу различных противников.

В узких рамках рецензии невозможно подробно изложить все выводы кропотливо-тщательных анализов автора, и тем более невозможно определить свое собственное отношение к ним. Здесь мы можем только указать на общий вывод: основная позиция Маркса и Энгельса заключается в утверждении, что сознание и действительность совпадают, что „и материальные производственные отношения капиталистической эпохи становятся тем, что они есть, только в соединении с теми формами сознания, в которых они отражаются как в донаучном, так и в (буржуазно) научном сознании этой эпохи и без которых они не могли бы существовать в действительности“ (стр. 62). Ведь в противном случае критика политической экономии никогда не могла бы стать одним из важнейших факторов социальной революции! По отношению к философии это неразрывное единство сознания и действительности означает, что философия, как и всякая другая форма сознания буржуазного общества, не может быть преодолена работой одной только мысли. Буржуазные формы сознания могут быть преодолены только „при одновременном практически-предметном преобразовании тех материальных производственных отношений, которые отразились в этих формах“ (стр. 66). Философия также не есть пустое умственное измышление, которое уничтожится само собой на завтра после упразднения буржуазных производственных отношений; нет, искусство, религия и философия образуют духовную структуру буржуазного общества, в точности соответствующую его экономической структуре. Необходимость особого духовного действия для ее преодоления не устраняется наличием экономического и политического действий, но входит в эти последние существенной составной частью. В частности это относится и к философскому действию. Против буржуазного философского сознания борьба должна вестись и в

области философии, средствами революционной материялистической диалектики, и борьба эта является существенным моментом в общем процессе практического преобразования старого общества.

В заключение автор высказывает свое принципиальное согласие с появившимся во время его работы над своей книжкой сборником статей Георга Лукача („Geschichte und Klassenbewusstsein“) [1]). Взгляды рецензента на затронутые Коршем вопросы настолько совпадают, за вычетом некоторых несущественных расхождений в толковании Маркса и Энгельса, со взглядами Корша, что он также хотел бы высказать в заключение свое полное принципиальние согласие с рецензируемым автором. Будем надеяться, что тов. Корш, который в настоящее время, верный выставленной им для всех философов программе, борется не только теоретически, но и практически в рядах революционного пролетариата за преобразование буржуазного общества—он был одним из коммунистических членов социалистического правительства Тюрингии—будем надеяться, что в недалеком будущем он успеет закончить обещанную им работу более крупных размеров о материялистической диалектике.

Адальберт Фогарази.

---

[1]) Центральная статья этой книги, „Die Verdinglichung und das Bewusstsein des Proletariats“, напечатана в русском переводе в настоящем журнале, кн. 4—6.

IV.

ХРОНИКА.

ПРОТОКОЛ

общего собрания членов Социалистической Академии.

11-го октября 1923 года.

Присутствовали: члены Соц. Академии: В. Волгин, Ст. Кривцов, Е. Преображенский, П. Дауге, О. Ерманский, Б. Горев, Ф. Ротштейн, В. Милютин, М. Бронский, Н. Лукин, П. Лебедев-Полянский, П. Стучка, В. Базаров, Ю. Мархлевский, А. Бубнов;

Научные работники Соц. Академии: Гурвич, Л. С.; Пашуканис, Е.. Б.; Бешкин; Иванов, Иосиф; представитель Госиздата Вольфсон, М. Б.; управляющий делами Самсонов, М. Б.

При секретаре: Меницком, И. А.

Порядок дня.

I. Доклад президиума.

а) Доклад М. Н. Покровского о работе президиума.

б) Доклад Е. А. Преображенского о курсах марксизма и „Вестнике Соц. Академии“.

в) Доклад Ф. А. Ротштейна об издании „Социалистической Энциклопедии“.

II. Выборы новых членов.

III. Перевыборы президиума.

Покровский, М. Н. (Председательствующий). Товарищи, начнем с моего доклада о работах президиума.

Прежде всего внешние данные. Мы не собирались с 23 февраля нынешнего 1923 года, то-есть больше полугода. За протекший кусок времени президиум имел 14 заседаний, на которых присутствовали члены таким образом: Покровский на 13, Преображенский на 12, Ротштейн на 11, Милютин на 3, Лозовский

на 3, Бухарин на одном заседании, Кон ни на одном, Смирнов ни на одном, Скворцов ни на одном. Таким образом, фактически президиум за этот промежуток времени состоял из 3-х первых названных товарищей: Покровского, Преображенского и Ротштейна, при гастрольном участии двух тов. Милютина и Лозовского, которые присутствовали на 3-х заседаниях. Отсутствие Милютина достаточно оправдывается тем, что он перестал быть москвичом; он находился в это время или в Петрограде, или за границей. Что же касается тов. Лозовского, то он тоже имеет известное международное амплуа, которое также делает его не совсем москвичом. Что же касается некоторых коренных москвичей, как И. И. Скворцова, Ф. Я. Кона и В. Н. Смирнова, то вопрос о них предлагается на воззрение собрания. В течение этого времени за эти 14 заседаний президиум рассмотрел 24 общих вопроса по научной деятельности; в число этих вопросов вошли вопросы о работах секций, об объединении научно-исследовательской работы Наркоматов, об институте научной методологии, заключение экспертной комиссии и т. под.; кроме этих общих вопросов по научной деятельности, три раза обсуждался вопрос об издании „Социалистической Энциклопедии“ (ранее этот вопрос обсуждался еще на 3-х заседаниях), шесть раз редакционно-издательские вопросы и два раза вопрос об издании „Собрания сочинений русских публицистов“ (ранее этот вопрос обсуждался еще на двух заседаниях). Библиотечные вопросы обсуждались пять раз и административно-хозяйственные и финансовые вопросы четыре раза.

В секциях производились следующие работы: в секции литературы и искусства под руководством тов. Фриче были прочитаны доклады—самого тов. Фриче „Расцвет или смерть искусства“, тов. Сидорова—„Будущее искусство“, тов. Переверзева—„Трагедия художественного творчества у Гончарова“ и тов. Чемоданова „Музыка при свете исторического материализма“. В настоящее время секция разбита на две группы: западную, под руководством тов. Фриче, и русскую, под руководством тов. Переверзева. Секция подготовляет сборник по искусству. Это одна из наиболее работоспособных секций, которая имела за последнее время 4 заседания с рефератами.

Секция советского строительства имела два доклада: тов. Сапронова „Очередные организационные задачи советского строительства“, имевший большой, между прочим, литературный успех и доставивший нам определенный доход. Мы издали этот доклад, и брошюра хорошо разошлась. Затем, доклад тов. Магеровского „Союз советских республик“. Издана работа тов. Гурвича „История советской конституции“. Намечен целый ряд докладов.

По секции права, под руководством тов. Стучки, прочитаны доклады: самого тов. Стучки—„Классовое право и классовая юстиция“ и тов. Гурвича—„Право и нравственность“. Издана в переработанном и дополненном виде работа тов. Стучки „Революционная роль права и государства“ и работа тов. Адоратского „О государстве“. Назначены доклады тт. Стучки, Адоратского, Пашуканиса и Гурвича.

Секция экономики, в виду отсутствия руководителей, быстро распалась. Так гласит ее краткая печальная история.

Что касается секции внешних сношений, то этой секцией проведено несколько заседаний и бесед, а в настоящее время кабинет очень энергично работает над изданием ряда переводных книг под общей редакцией тов. Ротштейна.

Секция по рабочему движению провела несколько заседаний, были розданы темы, но, в виду занятости тов. Лозовского, в конце концов, эта секция тоже не работает.

Секция по истории общественной мысли и революционного движения сконцентрировала все свое внимание, главным образом, на библиографических работах. Была попытка связать эту секцию с работой семинария Института Красной Профессуры, но эта попытка оказалась невыполнимой, ибо этот семинарий опирается не столько на библиотеку Социалистической Академии, сколько на Румянцевскую, на университетскую [1]) и на архив,—за последнее время старшие семинарии опираются, главным образом, на архив, так что этот семинарий не может быть привит к нашему кабинету. В области библиографии напечатаны следующее работы: тов. Мороховца—„Указатель литературы по крестьянскому движению в России“ и тов. Дрея„—Указатель литературы по истории партии народной воли“, затем 4 выпуска библиографии периодических изданий. Кроме работ секционных, состоялись следующие доклады: В. П. Милютина—„Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства“, тов. Преображенского—„Гениальность и талант с социалистической точки зрения“, Покровского—„9-е января 1905 года“, Рейснера—„Теория исторического материализма и современная психология“, тов. Ерманского—„Что такое научная организация труда“, Шмидта—„Математические законы эмиссии“, Преображенского—„Маркс, как политический деятель“, Аксельрод—„Маркс, как философ“, Покровского—„Маркс, как историк“, и затем было заседание, специально посвященное памяти тов. Воровского.

Вот в чем выразилась деятельность Академии за истекший период времени. Деятельность эта, конечно, весьма далека от тех ожиданий, которые существовали в Академии с самого начала ее существования. Между тем на Академию в настоящее время возлагается определенная партийная функция, которая закреплена постановлением съезда. Это постановление гласит: „В теснейшей связи с необходимостью организованного противодействия влиянию в первую очередь на учащуюся молодежь со стороны буржуазной и ревизионистски настроенной профессуры, следует в большей степени, чем в настоящее время, выдвинуть задачу оживления работы *научной коммунистической мысли*, сделав центром этой работы Социалистическую Академию и расширив объем ее деятельности за пределы обществознания. Соцакадемия должна теснейшим образом связаться в своей работе *с научно-исследовательской деятельностью* различных учреждений и органов (Вуз'ы,

[1]) Работники кабинета это обстоятельство оспаривают.

на 3, Бухарин на одном заседании, Кон ни на одном, Смирнов ни на одном, Скворцов ни на одном. Таким образом, фактически президиум за этот промежуток времени состоял из 3-х первых названных товарищей: Покровского, Преображенского и Ротштейна, при гастрольном участии двух тов. Милютина и Лозовского, которые присутствовали на 3-х заседаниях. Отсутствие Милютина достаточно оправдывается тем, что он перестал быть москвичом: он находился в это время или в Петрограде, или за границей. Что же касается тов. Лозовского, то он тоже имеет известное международное амплуа, которое также делает его не совсем москвичом. Что же касается некоторых коренных москвичей, как И. И. Скворцова, Ф. Я. Кона и В. Н. Смирнова, то вопрос о них предлагается на воззрение собрания. В течение этого времени за эти 14 заседаний президиум рассмотрел 24 общих вопроса по научной деятельности; в число этих вопросов вошли вопросы о работах секций, об объединении научно-исследовательской работы Наркоматов, об институте научной методологии, заключение экспертной комиссии и т. под.; кроме этих общих вопросов по научной деятельности, три раза обсуждался вопрос об издании „Социалистической Энциклопедии“ (ранее этот вопрос обсуждался еще на 3-х заседаниях), шесть раз редакционно-издательские вопросы и два раза вопрос об издании „Собрания сочинений русских публицистов“ (ранее этот вопрос обсуждался еще на двух заседаниях). Библиотечные вопросы обсуждались пять раз и административно-хозяйственные и финансовые вопросы четыре раза.

В секциях производились следующие работы: в секции литературы и искусства под руководством тов. Фриче были прочитаны доклады—самого тов. Фриче „Расцвет или смерть искусства“, тов. Сидорова—„Будущее искусство“, тов. Переверзева—„Трагедия художественного творчества у Гончарова“ и тов. Чемоданова „Музыка при свете исторического материализма“. В настоящее время секция разбита на две группы: западную, под руководством тов. Фриче, и русскую, под руководством тов. Переверзева. Секция подготовляет сборник по искусству. Это одна из наиболее работоспособных секций, которая имела за последнее время 4 заседания с рефератами.

Секция советского строительства имела два доклада: тов. Сапронова „Очередные организационные задачи советского строительства“, имевший большой, между прочим, литературный успех и доставивший нам определенный доход. Мы издали этот доклад, и брошюра хорошо разошлась. Затем, доклад тов. Магеровского „Союз советских республик“. Издана работа тов. Гурвича „История советской конституции“. Намечен целый ряд докладов.

По секции права, под руководством тов. Стучки, прочитаны доклады: самого тов. Стучки—„Классовое право и классовая юстиция“ и тов. Гурвича—„Право и нравственность“. Издана в переработанном и дополненном виде работа тов. Стучки „Революционная роль права и государства“ и работа тов. Адоратского „О государстве“. Назначены доклады тт. Стучки, Адоратского, Пашуканиса и Гурвича.

Секция экономики, в виду отсутствия руководителей, быстро распалась. Так гласит ее краткая печальная история.

Что касается секции внешних сношений, то этой секцией проведено несколько заседаний и бесед, а в настоящее время кабинет очень энергично работает над изданием ряда переводных книг под общей редакцией тов. Ротштейна.

Секция по рабочему движению провела несколько заседаний, были розданы темы, но, в виду занятости тов. Лозовского, в конце концов, эта секция тоже не работает.

Секция по истории общественной мысли и революционного движения сконцентрировала все свое внимание, главным образом, на библиографических работах. Была попытка связать эту секцию с работой семинария Института Красной Профессуры, но эта попытка оказалась невыполнимой, ибо этот семинарий опирается не столько на библиотеку Социалистической Академии, сколько на Румянцевскую, на университетскую [1]) и на архив,—за последнее время старшие семинарии опираются, главным образом, на архив, так что этот семинарий не может быть привит к нашему кабинету. В области библиографии напечатаны следующее работы: тов. Мороховца—„Указатель литературы по крестьянскому движению в России“ и тов. Дрея„—Указатель литературы по истории партии народной воли“, затем 4 выпуска библиографии периодических изданий. Кроме работ секционных, состоялись следующие доклады: В. П. Милютина—„Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства“, тов. Преображенского—„Гениальность и талант с социалистической точки зрения“, Покровского—„9-е января 1905 года“, Рейснера—„Теория исторического материализма и современная психология“, тов. Ерманского—„Что такое научная организация труда“, Шмидта—„Математические законы эмиссии“, Преображенского—„Маркс, как политический деятель“, Аксельрод—„Маркс, как философ“, Покровского—„Маркс, как историк“, и затем было заседание, специально посвященное памяти тов. Воровского.

Вот в чем выразилась деятельность Академии за истекший период времени. Деятельность эта, конечно, весьма далека от тех ожиданий, которые существовали в Академии с самого начала ее существования. Между тем на Академию в настоящее время возлагается определенная партийная функция, которая закреплена постановлением съезда. Это постановление гласит: „В теснейшей связи с необходимостью организованного противодействия влиянию в первую очередь на учащуюся молодежь со стороны буржуазной и ревизионистски настроенной профессуры, следует в большей степени, чем в настоящее время, выдвинуть задачу оживления работы *научной коммунистической мысли*, сделав центром этой работы Социалистическую Академию и расширив объем ее деятельности за пределы обществознания. Соцакадемия должна теснейшим образом связаться в своей работе *с научно-исследовательской деятельностью* различных учреждений и органов (Вуз'ы,

[1]) Работники кабинета это обстоятельство оспаривают.

коммуниверситеты, Наркоматы и т. п.), постепенно превращаясь в научно-методологический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу" [1]). Это постановление не врывается в нашу работу совершенно неожиданно и со стороны. Наш журнал, которого в настоящее время у нас уже имеется 5 выпусков, он как раз, можно сказать стихийно,—я очень извиняюсь за синдикалистский уклон моей мысли, но что же делать,—стихийно принял физиономию именно методологического органа, органа, где разбираются различные методологические вопросы. По-моему, это есть та настоящая полочка, которую себе Академия нашла. И то, что на нас возлагается в настоящее время эта задача в качестве партийной функции, мне думается, что это нам только на руку; мы будем иметь возможность при утилизации, по крайней мере, партийных сил в этом направлении оперировать и средствами партийной дисциплины. Я, как многие старые партийные интеллигенты, к внешней дисциплине относился ворчливо и недовольно, но должен сказать, что за последнее время я начинаю замечать, что без нее некоторые вещи неосуществимы, так что в данном случае эта внешняя дисциплина будет нам на пользу.

Нам, по-моему, предстоит сегодня в порядке дискуссии по этому докладу обменяться мнениями—в чем, собственно, должна заключаться эта методологическая работа. Для меня совершенно ясны два аспекта: один аспект—это то, что указано в постановлении съезда партии,—*борьба с влиянием буржуазной профессуры*. Я не знаю, всем ли присутствующим я скажу избитую истину, если скажу, что сейчас преподавание математики в высших школах поставлено так, что оно прямехонько подводит под идеалистическое понимание. Математики обращают самое серьезное внимание на то, что так жить дальше нельзя, и в области математики, очень далекой от задач Социалистической Академии, как научного института обществоведения, в этой области придется что-то предпринять, чтобы выпрямить линию, выпрямить, как выразился один из математиков, „пуанкаризм", который в нашей математике является левым крылом. Это—одна сторона. То же самое и в физике. Тут теория Эйнштейна. Сама по себе теория нейтральна, но использовывается в наших университетах самым нежелательным образом. В конце концов доходит до того, что, если существует теория относительности, значит, можно переписываться со своей прабабушкой. В связи с этими задачами в области методологии стоит и присоединение к Социалистической Академии института методологии, или, вернее, 2-х учреждений—постоянной комиссии по методологии и института научной методологии. Этот институт, не приходится этого скрывать, до сих пор под своим возглавием объединял буржуазную профессуру. Думается, что его придется радикальным образом перестроить и использовать как постоянный рабочий аппарат Социалистической Академии. Это значит, одна сторона дела,—борьба

[1]) См. резолюц. XII съезда РКП. Разд. II по вопросам пропаганды, печати и агитации. § 23.

с влиянием буржуазной профессуры не только в области общественных наук, к чему мы до сих пор привыкли, но и в области наук точных и естественных. Фронт в настоящее время очень расширяется. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что в нашей собственной среде, марксистов и в рядах коммунистической партии по части основных методологических вопросов раскол существует совершенно достаточный для того, чтобы следовало обратить на это внимание. Это попадается на каждом шагу. Из этого вытекает и другая сторона дела—необходимость нам столковаться в нашем собрании относительно основных вопросов марксистской методологии. Может быть, в порядке дискуссии будут указаны другие стороны, но во всяком случае методологическая проблема совершенно назрела, и, по-моему, это есть та основная задача, которой мы должны заняться. Постановление съезда ничего нам не навязывает. Я только резюмировал то, что у нас стихийно уже народилось само собой. Это, наконец, даст то внешнее равновесие Академии, которого до сих пор не хватало. Не приходится скрывать от себя, что работа Академии носит внешне формальный характер. Есть кабинеты в разных направлениях. Одни из них работают, работа в них ведется, если попал энергичный заведующий, в других нет. Такой цели жизни у Академии до сих по не было. Теперь, по-моему, эта цель жизни намечается. Но вот новое обстоятельство: заниматься этой теоретической работой или опять приниматься за канву? Но это зависит не от нас, и надо помнить слова покойного Я. М. Свердлова, что „каждый из нас должен так строить свое дело, как будто бы оно назначено было существовать вечно". Так давайте строить так, как будто наш методологический центр должен существовать вечно в самых нормальных условиях. Тогда мы сможем придать нашей Академии ту определенную цель, которой до сих пор ей не хватало. Позвольте, товарищи, на этом закончить мой доклад.

Ерманский О. А. В отчете президиума будет ли какой-нибудь отчет о деятельности Академии, хотя бы со стороны условий финансовых.

Покровский, М. Н. Ответ на этот вопрос даст управляющий делами.

Самсонов, М. Б. (Управдел). Вся смета, которая была испрашиваема на Соц. Академию за прошлый год, выражалась в 120.000 рублей золотом. Эта сумма требовалась нам, и эти средства могли бы быть использованы, употреблены для дела. Но смета была сокращена, и мы должны были получить всего 26.000 рублей золотом. Но так как нам выдавали не червонцами, а советскими знаками, то фактически мы получили не 26.000 рублей золотом, а всего лишь 19.000 рублей или, вернее, 19.632 руб. Понятно, что при этих более чем скромных ресурсах наша деятельность не могла развиваться шире того, чем она фактически развивалась. Мы не могли выполнить даже тех задач, которые нам были поставлены.

Эта сумма была употреблена на различные научные нужды, хозяйство и проч.; сюда не входят расходы, которые приходи-

лось производить на служащий персонал. Всего у нас в Соц. Академии работало 151 человек служащих и курсантов было 67 человек. На весь этот служащий персонал и курсантов мы расходовали приблизительно около 120.000 рублей золотом в год, так что личный состав поглощал сумму в 10 раз больше того, что поглощала наша научная и хозяйственная деятельность.

Покровский, М. Н. (Председательствующий). Слово имеет т. Преображенский для доклада о курсах марксизма и „Вестнике Соц. Академии".

Преображенский Е. А. Что касается „Вестника Социалистической Академии", то, прежде всего, данные налицо. Пять книг „Вестника" нам удалось выпустить, при чем за этот отчетный период нам удалось выпустить 3 книги, из которых 3-я общественным мнением наших читателей считается чрезвычайно содержательной, точно так же, как и 4-я книга. Что касается 5-й книги, то она выпущена нами несколько в ускоренном темпе, потому что авторы, давшие свои статьи, настаивали на этом скорейшем выпуске.

По вопросу о дальнейшем существовании журнала нужно сказать следующее. Понемногу наш журнал приобрел, с одной стороны, читателей, которые ищут здесь как раз того, чего не хватает во всех остальных наших журналах; с другой стороны, он приобрел некоторый постоянный круг сотрудников, но все-таки недостаточно большой для того, чтобы наш журнал мог выходить более или менее аккуратно—один раз в два месяца, как мы это предполагали. Четвертая книга, как вы знаете, вышла с обозначением „Апрель—июль", что обозначает, что мы выпустили двойной номер. В дальнейшем мы в состоянии будем выпускать раз в два месяца журнал только в том случае, если члены Академии проявят большой интерес к журналу. Что касается содержания, Михаил Николаевич уже отметил, что мы понемногу становимся стихийно, да не только стихийно, отчасти по тому плану, который наметила редакция по вашей инициативе,—мы становимся органом методологическим по преимуществу. Экономика у нас более или менее представлена, есть статьи по философии, но, в виду того, что мы переживаем кризис на философов, философских статей у нас мало. Что касается статей, на которые чрезвычайно большой спрос и которые весьма злободневны, статей, которые бы освещали вопросы, где общественная жизнь соприкасается с естествознанием, то на эту тему, мы, к сожалению, ничем похвастаться не можем. Объясняется это прежде всего тем, что у нас нет такого кабинета, нет такой секции (при Академии ее не было до самого последнего времени), которая занималась бы научной разработкой всех тех проблем, где обществоведение соприкасается с естественными науками. Мы не занимались до сих пор общей разработкой вопросов естествознания, в частности физикой, с точки зрения приложения диалектического метода. Но в самое последнее время, в связи с тем, что к нам от Наркомпроса перешли два методологических института, из которых мы думаем сделать одну секцию или один

кабинет, который мог бы заниматься именно этими вопросами, о которых я говорил,—мы надеемся, что в результате работы этих двух новых институтов или нового кабинета мы в состоянии будем восполнить в нашем журнале тот пробел, который до сих пор ничем еще не восполнен, так как ни одна статья не удовлетворяет этим запросам. Что касается отдела библиографии, то тут общественное мнение наших читателей единогласно склоняется к тому, что этот отдел представлен у нас богаче, чем в каком-нибудь другом журнале. Правда, здесь нас обвиняют в том, что мы выступаем в качестве конкурентов журн. „Печать и Революция", но в конце концов у нас произошла некоторая размежевка с этим журналом: „Печать и Революция" больше посвящает внимание истории, литературе, критике, искусству и т. д., мы, наоборот, больше специализировались на философии, экономике, социологии и некоторым другим вопросам. Теперь должен сказать о том, что некоторые из марксистов выражали недовольство тем, что мы недостаточно правильно размежевались с журналом „Под знаменем марксизма", с одной стороны, и, с другой стороны, что мы отбиваем хлеб у журнала „Красная Новь", который претендует отчасти на освещение вопросов экономики, социологии и марксизма, т.-е. таких вопросов, которые освещаем в настоящую минуту мы. Я думаю, что эта жалоба не совсем основательна. „Красная Новь" напоминает толстые журналы нашего старого типа. Вопросы, которые она трактует или слишком злободневны, или трактовка их больше носит публицистический, чем научный характер. И поскольку так было, так и будет в этом отношении, то конкурренции этому журналу мы не составим. Что же касается журнала „Под знаменем марксизма", то я неоднократно касался вопроса в соответствующих инстанциях о том, чтобы журнал „Под знаменем марксизма" сделать больше журналом марксистской публицистики и полемики, тогда как мы были бы, главным образом, журналом исследовательским. Но „Под знаменем марксизма" по этому вопросу итти нам навстречу не желает и претендует на то, чтобы вопросы философии специально были предоставлены именно этому журналу. Я думаю, что в дальнейшем такое ненормальное положение устранится само собой, и все новые авторы перекочуют к нам, и журнал „Под знаменем марксизма" сделается тем, чем он должен быть, т.-е. журналом, главным образом, боевым, полемическим против наших идеологических противников.

Теперь я хотел бы сказать относительно наших взаимоотношений с Госиздатом. Книжка журнала № 4 печаталась два месяца. Авторы страшно были недовольны, потому что каждому хочется скорее увидеть в печати свои статьи, хотя, правда, их статьи не такого характера, чтобы они теряли свой интерес через два месяца. Тем не менее, такой продолжительный срок печатания делает наш журнал более академическим, чем он должен быть. Мы говорили с Госиздатом о ненормальности этого положения, просили принять меры к тому, чтобы ускорить это издание, но ничего не вышло. В результате, мы поставили вопрос

о разрыве нашего договора с Госиздатом, при чем стороной, которая нарушила этот договор, был Госиздат, который фактически не справился с выполнением этого договора, не в состоянии был в срок выпускать наш журнал. И вот мы задумали при помощи нашего собственного издательства выпустить книгу 5. Это нам удалось в более короткий срок, чем это было в Госиздате. Мы думаем и на будущее время поступать таким образом.

Отмечу еще одно, что наши авторы жаловались на то, что мы их плохо оплачиваем. Госиздат не соглашался давать больше 25 руб. зол. с листа, предлагая получать 5% с общей суммы стоимости распроданного издания. Мы предъявили соответствующий счет, но нам отказались соответствующую сумму выплатить и тогда нам пришлось поступить иначе. Мы решили увеличить вдвое гонорар—до 50 руб., с тем, чтобы покрыть это из тех доходов, которые мы получим от продажи журнала. Вот, приблизительно, то, что я могу сказать о нашем журнале.

Что касается курсов марксизма, которые у нас существуют, то у нас имелось 67 слушателей. Затем около 20 человек кончили курс, некоторые не совсем кончили, но были у нас взяты по партийной мобилизации. Таким образом 20 человек вышли. Они проучились около $1\frac{1}{2}$ лет и довольно успешно справились с программой курсов. В настоящее время у нас осталось 47 человек. Новый набор будет 15-го января. Что касается успешности занятий, то должен сказать, что единогласное мнение преподавателей т.т. Двойлайцкого, Брянского, Кричмана и других, что у нас дело идет сравнительно хорошо и даже более чем удовлетворительно. Занимаются у нас курсанты чрезвычайно усердно и по тем докладам, которые они читают, видно, что предмет они разрабатывают очень основательно. В общем марксистский уровень 67 товарищей нам удалось значительно повысить. Я думаю, что наши курсы представляют из себя очень ценное учреждение, которое повышает квалификацию коммунистов. Но в виду того, что желающих поступить на наши курсы много, а мы можем принять не очень большое количество товарищей, с одной стороны, а с другой—в виду того, что предыдущие курсанты, которые сидят у нас по $1\frac{1}{2}$ года, отнимают у других возможность заниматься, мы по соглашению с Ц. К. решили сократить курс до одного года и новый будущий набор будет у нас заниматься только год. К этому должна быть приспособлена программа, которую мы вырабатываем в настоящий момент и будущий весь наш состав будет заниматься в стенах Академии ровно год, с тем, чтобы к определенному сроку этот новый набор на всю сумму был выпущен. Кроме работ непосредственно по учебе, наши курсанты занимаются самостоятельно. Некоторые из них безусловно в дальнейшем будут в Институте Красной Профессуры и будут самостоятельно работать научным образом.

Главным образом, задача наших курсов состоит в том, чтобы практическим работникам советским и партийным дать известную теоретическую подготовку. Большинство из них вернутся на практическую работу, как вернулись те, которые были у нас взяты. С этой задачей курсы справлялись до сих пор и справятся и в будущем, если тот кадр преподавателей, который был за ними закреплен, останется на будущее время.

Покровский М. Н. (Председательствующий). Кому угодно предложить вопросы?

Дауге. Меня интересует вопрос о курсах. Курсы устроены при Соц. Академии, они должны готовить практических работников. И, вот, я хотел бы спросить, на какую практическую работу предполагается их отправить.

Преображенский Е. А. Сначала по мысли *Рязанова*, когда он обратился на партийном съезде с предложением устроить курсы, эти курсы представляли из себя небольшую группу, человек в 30—40, которые по окончании могли расчитывать остаться при Академии, то есть из них предполагали получить научных сотрудников, самостоятельно ведущих работу. Но ничего из этого не вышло. И, вот, после этой неудачной попытки было решено эти курсы при Академии изменить в самой основе. Было решено превратить эти курсы в курсы, которые дают известную теоретическую подготовку практическим работникам, главным образом из провинции, работающим по всем отраслям советской и партийной работы. Теперь, спрашивается: не передать ли эти функции какому-нибудь другому существующему учебному заведению. Так многие и ставят вопрос, но, по-моему, это неправильно и вот почему. Потому что, во-первых, те работники, которые с большим трудом отрываются от местной работы, которые нужны на местах и которые приезжают к нам, потому что они чувствуют себя мало-грамотными теоретически как марксисты, эти работники не могут больше чем на год отрываться от мест. Итти в Свердловский университет они не могут, аналогично их не отпускают и в Институт Красной Профессуры, потому что там готовятся профессора в 3-годичный и 4-годичный срок, потому что их нельзя оторвать от мест на такой продолжительный срок. И нужен такой институт, такое учебное заведение, такие курсы, которые бы в течение короткого срока, то-есть в течение года давали бы возможность человеку заниматься, не превращая его в профессора, не отрывая от практической работы. И эти курсы, поскольку они эту задачу выполнили, никакое другое учебное заведение заменить не может.

Покровский М. Н. (Председательствующий). Слово имеет т. Ротштейн.

Ротштейн, Ф. А. На прошлом собрании наших членов Академии постановлено было поручить тройке выработать план энциклопедии, создать необходимый аппарат для исполнения работ и начать производство самой работы. В эту тройку вошли тов. Вольфсон, я и тов. Базаров. Эта тройка заседала и выработала план, который был напечатан в одной из книжек нашего журнала. Мы разбили энциклопедию на 4 крупных отдела: первый отдел—История революционного движения от народных движений с социалистическим оттенком в докапиталистический период и кончая социалистическим революционным движением в России.

Туда должны были войти и рабочая кооперация и профессиональное движение и т. д.; 2-й отдел включал философию, социологию и политическую экономию; 3-й отдел должен был быть — история социалистических учений и 4-й — отражение социалистического рабочего движения в искусстве. Мы разработали эту программу довольно детально и наметили редакторов этих отделов, а также и тех сотрудников, которых можно было бы пригласить для работы в данных отделах под руководством редакторов. Была составлена редакция; был назначен заведующий редакционной частью в моем лице, затем технический редактор, который в то же время работал в Госиздате — тов. Вольфсон и ученый секретарь редакции в лице тов. Кривцова. За работу взялись довольно усердно. Первое, что нужно было сделать, это составить списки слов по отделам, которые должны были составлять темы для социалистических статей. Насколько мне помнится, уже составлено довольно полные словники по праву и даже по философии. Эти словники были переданы соответствующим редакторам.

Вот эта работа была проделана до мая. В мае я был переброшен на другую работу, из которой я до сих пор не могу выйти, и вся работа остановилась.

Может быть, тов. Вольфсон или тов. Кривцов дополнят мой небольшой доклад конкретными данными.

Вольфсон, М. Б. От имени Госиздата и от своего собственного, как человека, поработавшего на этом поприще, я заявляю, что нам отказаться от Социалистической Энциклопедии было бы слишком тяжело, тяжело морально. Поэтому мы ходатайствуем перед Соц. Академией о продолжении дела и сосредоточении его в руках Госиздата. Я ближе, пожалуй, всех стоял к этому делу и мои наблюдения таковы, что все технически доведено до желанного конца. Сейчас я вижу, что главная опасность, которая нам угрожает, заключается в том, что товарищи, как академики, так и стоящие вне Академии, пожалуй, не будут работать. У меня закрадывается сомнение, что они, пожалуй, не будут работать так регулярно, как этого требует такое издание. Ведь это будет 4-томное издание квалифицированного труда, в котором будут участвовать по крайней мере человек 100. Так мы думали с Федором Ароновичем. Это такое издание, что задержка одним товарищем какой-нибудь статьи в 20—15 строк приостанавливает всю работу. Поэтому я сказал бы, что Социалистическая Академия должна перед собой поставить вопрос,—сможет ли она подыскать определенный коллектив товарищей хотя бы в 10 человек, я не хочу сказать принудить, но сможет ли она подыскать товарищей, чтобы они действительно работали, чтобы они сделали это если не первым делом, то вторым, а не 27-м. Если Социалистическая Академия сможет подыскать такой коллектив, тогда успех этому делу обеспечен.

Милютин, В. П. Я хочу остановить внимание на одном вопросе. Социалистическая Академия должна, мне представляется, произвести мобилизацию марсистов-теоретиков. Эта работа производится по разным отделам. Издание „Вестника Социалистической

Академии“ объединяет все учреждения, о которых говорил Михаил Николаевич. У меня возникла мысль притянуть к работе Академии и теоретиков-марксистов, живущих за границей. Мне представляется, нельзя ли переговорить по этому поводу, напр., с Голландией и с Германией. Эта работа мне представляется крайне серьезной. Еще я вел переговоры относительно издания „Вестника Соц. Академии“ на немецком языке, потому что заграничные силы ставят первым долгом вопрос относительно языка, говорят, что для одной России издавать—это мало, и необходимо, чтобы вся эта работа получала распространение в Германии и вообще в странах с немецким языком. Но, поскольку я вел такого рода переговоры, мне все-таки заявили, что в общих условиях такая теоретическая книга, как „Вестник“, не всей германской публике будет понятна, так что сейчас возможно говорить только об отдельных переводах некоторых наиболее интересных для Германии статей и о выпуске их в отдельный сборник и потом и в дальнейшем выбирать из „Вестника“ наиболее интересные статьи. Относительно этого я думаю в Президиуме поставить отдельно вопрос. Таким образом, мне представляется целесообразным, если Соц. Академия и наше заседание поручат президиуму сейчас войти в более тесный контакт официально от имени Академии с заграничными теоретиками и марксистами именно в Голландии и в Германии. Во Франции, откровенно говоря, я никого не знаю, в Италии существование марксистских ученых под сомнением, также и в Англии я ни одного марксиста не знаю, так что те страны, на которых можно было бы остановиться,—это Голландия, Германия, Австрия и возможно, что одна какая-нибудь балканская страна. Там имеются работы по специальным вопросам, и всех этих ученых можно было бы сплотить вокруг „Вестника Соц. Академии“ и вокруг самой Академии, это был бы первый шаг к объединению марксистов-теоретиков уже в более широком масштабе. Второй шаг—это поставить себе известную проблему, именно созыв специального совещания, потому что мало только привлечь их к работе, их надо объединить на известном собрании, совещании. Это—вторая наша задача. Третья задача,—ее мне приходилось ставить в других учреждениях,—это вопрос о том, чтобы наши курсы точно также расширились. Было бы очень хорошо, если бы открыли международную группу, где бы возможно было преподавание вести не только для работников России, но и для работников других стран. Это—третья задача, которую бы я поставил перед Соц. Академией. В этом направлении, мне кажется, стоит итти потому, что ограничиться только русским масштабом мне представляется мало, и я думаю, что Социалистическая Академия могла бы себе позволить роскошь проделать всю эту работу.

Меницкий, И. А. Если сравнить итоги работы Академии за истекший год с предыдущим годом, то, конечно, известный сдвиг в работах Академии имеется. Но этим удовлетвориться нельзя. Если мы ставим вопрос о некотором расширении работ наших секций и вообще всей Академии, строя эту работу на работе членов Ака-

демии, то эта задача почти невыполнима, так как члены Академии, работая в целом ряде других учреждений, Академии не могут уделить достаточно времени. Следовательно, вполне ясно встает вопрос о привлечении новых, молодых сил. Что было проделано в этом направлении? В этом направлении Академией было проделано очень мало. Конечно, проделать эту работу не легко, но, все-таки, в этом отношении нужно было бы сделать несколько больше, чем было проделано до сих пор. Здесь было сказано Евг. Алекс., что в итоге нашей курсовой работы за истекший год можно было бы оставить при Академии часть курсантов. Но кроме этого у нас есть масса учреждений, главным образом, провинциальных, которые могли бы нам дать своих молодых работников для того, чтобы они работали в наших секциях. Из опыта этого года мы видим, что в зависимости от того, насколько мы успели привлечь к нашим работам новых молодых научных работников, настолько подвинулась и работа в наших секциях. Поэтому Академии и в дальнейшем надлежит уделить возможно более внимания вопросу выделения наиболее выдающихся молодых работников и принятия мер для того, чтобы их устроить в Соц. Академии, так как только в этих условиях можно ожидать чего-то большего от Соц. Академии. И я думаю, что и те планы, которые мы себе поставили относительно Социалистической Энциклопедии, могут быть выполнены лишь при условии привлечения этих молодых сил. Я даже мыслю, что нужно поставить дело так, чтобы молодые работники проделывали всю черную работу по написанию большинства статей, а ответственные товарищи, как редактора, проредактируют статьи со стороны как содержания, так и формы, а возможно, и воспользуются ими, как черновыми набросками для написания статей. Словом, вся предварительная работа должна быть проделана молодыми работниками, а не членами Академии, людьми чрезмерно занятыми, а потому совсем ненадежными для такого издания. Если же мы будем иначе ставить вопрос, то тогда мы не найдем для этой работы необходимого количества членов Академии, и от издания Социалистической Энциклопедии придется отказаться.

Еще несколько слов относительно попытки объединения всех марксистских научных сил вокруг Соц. Академии. Вопрос этот был поднят еще в прошлом году, была даже создана специальная комиссия, которая пыталась взять на учет всех научных работников-марксистов, но это оказалось делом не так уж простым, и ей это не удалось сделать. В настоящее время мы пытаемся это сделать через Учраспред. Ц. К. Кроме того, мы устанавливаем связь с провинциальными научными объединениями марксистов, которые последнее время в этом отношении с нами согласны и сами обращаются в президиум Соц. Академии, прося с его стороны известного руководства и некоторой помощи, както права заниматься в библиотеке Соц. Академии и т. д. Эту работу нужно продолжить, уделив ей достаточно внимания.

Стучка, П. И. Товарищ Милютин все-таки вернулся к началу нашей истории, предлагая интернационал, но надо иметь

в виду, приглашая марксистов из заграницы, что говорим мы с ними на разных языках. Если вы хотите начать наполнять наши книжки их статьями, то я вам скажу, что у нас есть много собственных сил, они только разбросаны, и я думаю, что здесь надо ввести некоторый порядок для их объединения. Привлечение из заграницы ученых у нас не пройдет. Теперь эти ученые нам не так нужны. Они говорят на другом языке и мы друг друга не понимаем; они должны проделать много того, что мы уже проделали. Но тут у меня появляется другой вопрос в ответ на доклад тов. Преображенского. Есть еще одна существенная задача, кроме собирания марксистской мысли в одном месте. Многие наши товарищи говорили мне, что если мы дальше будем работать в таких условиях, то мы одичаем и сделаемся дикарями, и, главным образом, не сможем разговаривать с молодежью, которая считает, что она умна, а старики—дураки. Мысль этих товарищей была такова: образуйте курсы, которые бы продолжались не больше года, но которые бы дали возможность старому товарищу, отпущенному с работы в партийном порядке, получить известные знания и освежили бы его. Было бы хорошо, если бы Академия взяла на себя некоторую заботу о создании таких курсов вместе с партийными учреждениями, и, с другой стороны, пришла бы на помощь, чтобы действительно освободить этих товарищей от той работы, на которой они работают. Эта работа должна быть нашей задачей, и если бы ее мы разрешили, то Соц. Акад. стала бы еще более популярной, чем она есть до сих пор.

Бубнов, А. С. Я хочу указать на одну из задач Академии, которая не выполняется не только в незначительной степени, но и на все сто процентов. По моей практике мне кажется, что эта задача является одной из существенных и наиболее злободневной. Академия, по-моему, сейчас имеет около себя громадную аудиторию, которая нуждается в ее работе, это именно те большие кадры нашей учащейся молодежи, которые сейчас так живо откликаются на все злободневные вопросы. И тут у нас наблюдается совершенно ненормальное явление, что Академия в критической работе молодежи никакой помощи не оказывает. Я в этом отношении укажу на следующий факт. Теперь молодежь интересуется целым рядом весьма углубленных теоретических проблем. На этой почве имеется безконечное количество всяческих уклонов, уклончиков, и между прочим тот факт, что книжка Енчмена получила такое распространение—это не пустой факт. Как нам на эту книжку надо реагировать? Нам надо мобилизовать несколько товарищей специалистов и дать им задачу в десятидневный срок разгромить эту книжку. Вот это должно было бы быть делом Академии. Академия не должна находиться на точке зрения данной теоретической ереси и должна всеми мерами стараться ее искоренить. Академия должна была сразу дать тому, кто хотел с этой книжкой бороться, материалы, людей и поставить несколько внеочередных докладов. Но этого сделано не было. Я считаю, что это—один из недостатков работ

Академии. Затем, я должен сказать, что здесь имеется целый ряд невязок по этой линии работы. Молодежь у нас чрезвычайно восприимчива ко всякому роду новых слов, программ и т. д., а у нас по целому ряду таких вопросов не ведется дискуссий.

Я бы очень хотел, чтобы к тем успехам, которые Академия сделала, была присоединена и та работа, которая бы учитывала те довольно широкие интересы теоретического порядка, которые имеются у нас в Институте Красной Профессуры и на курсах марксизма, а также и в Свердловском университете и т. д., и составила бы по этому вопросу соответствующий материал и т. д.

Второе замечание касается вопроса тоже по этой линии. Дело в том, что у нас на прошлом годичном заседании Соц. Академии целым рядом товарищей было внесено пожелание о том, чтобы Социалистическая Академия постепенно стала центром научной мысли. Я должен сказать, что некоторые шаги в этом отношении сделаны несомненно, была организована тесная связь между теми центрами, центриками и отделами, в которых эта научная мысль двигается. Я этого не вижу пока, но думаю, что за это время, за протекшее время от того заседания до нынешнего сделано очень много. У нас такая работа ведется в университете и в целом ряде провинциальных университетов занимаются этой работой. Если бы Социалистической Академии удалось каким-нибудь путем здесь, в Москве, превратиться в центр научной мысли, это было бы очень полезно. И в этой области у нас среди молодежи имеется сейчас масса всяких и полезных и вредных разговоров. Если какой-нибудь человек начнет говорить относительно пропасти, возникшей между теорией и практикой и т. д., его начинают обвинять в богдановщине и енчменизме. И надо заметить, что если бы Социалистическая Академия взяла на себя не только разработку этого вопроса, но и постановку целого ряда дискуссий (между прочим эту работу пытался провести и очень неудачно дискуссионный клуб при М. К.), это было бы очень хорошо, ибо в таком центре, как Социалистическая Академия, это можно было бы сделать более удачно.

Мархлевский, Ю. О. То, что говорил тов. Милютин о привлечении иностранных марксистов, я приветствую. Я думаю, что многих уже нет, многие ушли и т. д., но, насколько я знаю, все-таки известное количество молодых марксистов есть, и войти с ними в сношения и привлечь их было бы очень полезно. Теперь относительно курсов. Как можно было ставить мысль, что они не нужны?

Надо заботиться о том, чтобы давать возможность товарищам углубить свои знания, разработать разные вопросы теоретически в течение года. Это необходимая задача, и я думаю, что курсов ни в коем случае нельзя закрывать, а их надо углубить, нужно возможно больше сил туда бросить. То, что говорил тов. Бубнов, не совсем правильно, но, все-таки, почему Академия отчуждается от жизни, от текущих дел? Теперь поднимаются большие дебаты относительно метода преподавания, доходят до геркулесовых столбов. Академии нужно взяться за это дело,

выяснить, что нового можно внести в наш метод преподавания, восполнить его и т. д. Теперь относительно словаря. Я думаю, что сейчас, в такое время, в каком мы находимся, у нас нет сил, чтобы издать такой словарь. Я сейчас нахожу, что у нас, членов Академии, нет никакой возможности и времени взяться за это дело, так что я думаю, что от издания этого словаря надо временно отказаться.

Горев, Б. И. Я приветствую предложение товарища Стучки и т. Бубнова. Оба они напирали на улучшение педагогической деятельности Соц. Академии. Тов. Стучка предлагал, чтобы курсы обслуживали более регулярно провинциальных работников, т. Бубнов предлагает, чтобы соц. Академия более организованно воздействовала на умы молодежи. И то и другое есть педагогическая задача. Что касается первого вопроса, то я бы представлял себе дело так: нужно создать такую систематическую организацию с периодическими командировками товарищей (я залетаю несколько далеко), чтобы раз в несколько лет люди побывали здесь, как это сделано на В. А. К., где раз в 6 лет все высшие командные силы, командиры, посещают Военно-Академические Курсы и освежают свои знания. Здесь тоже нужно освежиться и подбор курсантов должен быть соответствующе более систематический. Это—с одной стороны; а с другой стороны, должен измениться характер курсов, он не должен носить такого углубленного, черезчур теоретического характера. Мы должны наших курсантов знакомить с новейшими теоретическими веяниями, фактами, освежать их знания и т. д. Нужна другая постановка работы. Что касается того, что говорил тов. Бубнов, то это я приветствую, но я предлагаю еще следующее. Необходимо заняться углубленной проработкой внутренних споров и разговоров нашей молодой аудитории. Для этого нужно выяснить, какие есть новые вопросы, которые нужно пересмотреть и разрешить; если это нужно сделать путем серьезного пересмотра, то это необходимо сделать; если нет, тогда надо твердо защищать авторитет и традиции Соц. Академии. Соц. Академия отличается от других Академий тем, что она является революционной, но у нее есть все-таки некоторые традиции, марксистский консерватизм. Поэтому необходимо установить те или иные нормы традиций, которые с теоретической стороны должны быть поддержаны. Этого материала достаточно накопилось, но еще никогда не было достаточно углубленной его разработки. Надо по отношению к этим вопросам выяснить, что является спорным, дискуссионным и что устанавливается, и это твердо установленное давать учащейся молодежи, которая в этих вопросах не находит соответствующего руководства. Что касается чисто педагогического материала, того, что нужно пересмотреть метод преподавания, это уже дело не Социалистической Академии, а других педагогических учреждений, которые этим занимаются.

Бубнов, А. С. Я знаю курсы марксизма при Социалистической Академии. Я должен сказать, что, несмотря на целый ряд погрешностей этих курсов, их все-таки надо сохранить.

Теперь относительно проработки, обсуждения вопросов педагогических и узко дидактических я считал бы, что это, действительно, сделать трудно. Но я считаю, что, если бы вы могли связаться с институтом, организованным при Академии Социального Воспитания, вы могли бы эту работу провести более плодотворно. Я должен сказать определенно, что по сути дела с кем мне ни приходилось говорить из широкой публики, то при ближайших разговорах выясняется, что они абсолютно не знают, что по этим вопросам существует в Америке очень обширная литература. Поэтому мы просим Социалистическую Академию, чтобы она попыталась сделать что-нибудь в этом отношении, чтобы можно было взять это дело отгуда и затем уже здесь лучше проработать. Это как будто бы не совсем присущая Академии задача, но если бы это попытаться сделать в связи с А. С. В., то это было бы безусловно полезным делом.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Я очень рад, что тов. Бубнов, по крайней мере в части того, что он сказал, в сущности повторил тот вступительный доклад, которого он не слыхал. Мы с ним сошлись даже на отдельных примерах.

Совершенно правильно замечание, что нужно сначала попытаться такие конфликты разрешать внутри нас, а потом при дополнительных замечаниях и указаниях членов Академии и наших теоретиков, прежде чем эта новая мысль излагается печатно, высказывать ее на докладе в Академии. По существу больше возражений нет, я не слышал ни одного возражения против того, что Социалистическая Академия должна сделаться методологическим центром. Поэтому мне кажется совершенно ясно, что остается зафиксировать, *что общее собрание признает, что в будущей работе Академии первенствующая роль должна принадлежать разработке марксистской методологии.*

Но тут встает некоторый преходящий вопрос, вопрос, поднятый Владимиром Павловичем, о привлечении к этому делу знатных иностранцев. Это меня пугает. Тов. Стучка прав, что иностранцы говорят все таки на другом языке, и это может затруднить нашу задачу.

Перехожу к последнему вопросу, к вопросу о методике. Я должен сказать, что у нас не только очень хорошо, к сожалению, знают американскую литературу, но знают только американскую буржуазную педагогическую литературу, совершенно не марксистскую. Американские методы заключаются в том, чтобы приучить каждого ставить вопросы и разрешать их самостоятельно. Но я представляю себе, что станет с нашей партийной дисциплиной, когда каждый комсомолец будет ставить и разрешать эти вопросы. Поэтому совершенно права наша молодежь, которая американской литературы не читала и которая говорит, что мы живем дисциплиной, а тут предлагается каждому иметь свою собственную работу, по-своему стремиться к достижениям, которые можно получить. Это идет вразрез с нашей практикой. Поэтому надо десять раз подумать, прежде чем американские методы принять. Методологические вопросы гораздо сложнее,

чем представляется на первый взгляд. И я приветствую постановку вопроса о том, что нам надо быть осторожными. Методология тесно с нами связана и я думаю, что не будет лишним войти по этому вопросу в сношения с целым рядом методологических учреждений, хотя бы с педагогической секцией Г. У. С.'а и т. д. Это чисто методологическая сторона. Но, повторяю, что этот вопрос весьма желательно было бы обсудить с методологической точки зрения, насколько желательны те или иные приемы преподавания. Что касается более частных вопросов, которые поднимались, относительно Социалистической Энциклопедии, то в деталях я об этом ничего сказать не могу. Если у т. т. есть какие нибудь предложения, то я предложил бы их зафиксировать письменно. Что же касается предварительного обсуждения методических вопросов, то я очень боюсь, что это нас втянет в сложную в конце концов полемику. Поэтому я предложил бы эти вопросы ставить несколько осторожнее и подвергнуть их переработке внутри методистов, а потом уже эти вопросы ставить здесь. Мне кажется, что я коснулся главнейших вопросов. По отношению курсов я скажу, что мое мнение таково, что они должны существовать. Позвольте мне считать свое слово законченным и просить дальше делать практические предложения.

Бубнов, А. С. У меня есть практическое предложение. (Читает).

1) Одной из очередных задач Социалистической Академии необходимо поставить теоретическую проработку тех научных проблем, которые выдвигаются в среде учащейся молодежи наших Вузов, Комвузов и Рабфаков.

2) Принять все меры к тому, чтобы наладить систематическую связь Социалистической Академии с различными учреждениями и органами, ведущими ту или иную научно-исследовательскую работу.

Покровский, М. Н. Разрешите сформулировать так: „одной из очередных задач Академии необходимо поставить теоретическую разработку тех научных проблем, которые выдвигаются в среде учащейся молодежи".

Бубнов, А. С. Я бы считал, что Социалистическая Академия могла бы распространить свое влияние на область естествознания с марксистской точки зрения.

Покровский, М. Н. Ко второй формулировке я всецело присоединяюсь. Тогда можно так: „методологических проблем, в особенности тех, которые сосредоточивают на себе внимание нашей учащейся молодежи наших Вузов, Комвузов и Рабфаков". Может быть, еще сильнее сказать: „*Наиболее настоятельной задачей Академии является проработка методологических проблем, в особенности тех, которые сосредоточивают на себе внимание учащейся молодежи наших Вузов, Комвузов и Рабфаков*". Это принято. Теперь второе: „*Энергично принять все меры к тому, чтобы наладить систематическую связь Социалистической Академии с различными учреждениями и органами, ведущими ту или иную научно-исследовательскую работу*" и сюда еще нужно прибавить: „не ограничиваясь

обществоведением", а также еще прибавить: „и с провинциальными учреждениями", так как, когда говорят о связи с учреждениями, то обыкновенно понимаются учреждения в Москве и Петрограде.

Милютин, В. П. Я хотел бы изменить только формулировку резолюции, именно, там, где говорится: „что Академия должна приступить к налаживанию своей связи" и т. д. Я здесь хочу дать маленькую справку. У нас аналогичная резолюция была принята в прошлом году. Эту резолюцию я сам вносил и ее поддержал тов. Бубнов.

Покровский, М. Н. Тут сказано: „Энергично принять все меры к тому и т. д.". Мы и должны поручить будущему президиуму немедленно же выяснить прежде всего наличный состав, именно, какие учреждения, где и как они находятся. У нас существуют кафедры марксизма в Казани, в Екатеринбурге и в этом направлении работа ведется во многих университетах. Со всеми ими необходимо связаться, так как там есть люди, которых можно использовать и которые просятся быть использованными. В Казанском Университете кафедра марксизма хотела быть использованной Этот товарищ сюда приезжал и предлагал свои услуги по целому ряду вопросов. Тут можно очень широко развить это дело, и я бы ничего не имел если бы настоящее собрание поручило эту работу выполнить президиуму именно в такой форме: *„Выяснить наличный состав учреждений, ведущих научно-исследовательскую работу в марксистском направлении"*.

Ерманский, О. А. Вопрос о том, можно ли осуществить Энциклопедию или нет остался невыясненным и нерешенным. Говорили, правда, о желательности, но этого мало, потому что тут ставится вопрос,—осуществима ли она.

Покровский, М. Н. Что касается Энциклопедии, то я считаю, что просто мы не в состоянии сейчас этот вопрос об Энциклопедии обсудить детально. Но я не согласен, что на ней следует поставить крест. Я должен откровенно сказать, что на нас, стариков, расчитывать нельзя Если мы сумеем редактировать отделы, то это уже будет хорошо. Но ведь растет молодое поколение, которое с каждым годом,—а, ведь Энциклопедия расчитана, приблизительно на 3, на 4 года,—оказывается все более и более способной принять участие в этой очень серьезной работе. При чем молодое поколение не только из Института Красной Профессуры, но даже и Свердловцы такие мелкие статьи, относительно которых высказали опасение, что они могут задержать всю работу, безусловно могут дать.

Я не знаю такой Энциклопедии, которая бы создавалась в 3 месяца. В данном случае это будет совершенно новая Социалистическая Энциклопедия, которой до сих пор у нас не было. Образцов у нас совершенно нет, да и вообще нет образцов, потому что существующий словарь очень не удовлетворителен. Безусловно Социалистическая Энциклопедия потребует не менее 3 лет работы, а в течение 3 лет будет прибавляться публика, которая будет несомненно работать. Я думаю, что и из нас никто не откажется от направления работы этой молодежи, которую

предоставить самой себе нельзя. Я считаю, что эта работа не сверх наших сил, известное количество времени уделить можно этой редакторской работе, может быть, даже кто нибудь напишет статьи руководящие. Почему Волгин, который 5–6 лет читает историю социализма, не может дать по этому поводу статьи в Энциклопедию? Извинений в данном случае, я думаю, нет решительно никаких.

Бубнов, А. С. Я думаю, что нужно поручить президиуму Социалистической Академии в ближайшее время наладить редакцию и набросать план.

Милютин, В. П. Я предлагаю следующее: „поручить президиуму привлечь к систематической работе по Социалистической Энциклопедии не только марксистов русских, но и заграничных".

Горев, Б. И. Насколько мне известно, словарь Граната, издающий теперь отдел Социализма, тоже предполагает сотрудничество заграничных социалистов. Почему бы этого не сделать Социалистической Энциклопедии. Поэтому я поддерживаю это предложение.

Покровский, М. Н. Об этом, конечно, споров не может быть. Возражений нет против этого. Позвольте считать эту резолюцию принятой. Теперь остаются выборы. Прежде всего относительно выборов новых членов Академии. В данном случае, президиум предлагает следующих новых членов: А. К. Тимирязева, которого вряд-ли нужно рекомендовать. Он стоит в центре естественников и привлекает к себе общее внимание. Затем тов. Адоратский, который многим известен и который в настоящее время достаточно зарекомендовал себя различными и, главным образом, педагогическими работами, чтобы принадлежать к нашей среде. Затем тов. Мартынов, который, по моему, по случайным причинам не был до сих пор членом Академии, и затем М. Ф. Владамирский, который был выдвинут в связи с предполагаемой работой по кабинету советского строительства. Владамирский является у нас лучшим знатоком истории местного управления в РСФСР. Одно только затруднение,—что он сейчас работает на Украине, так что он несколько оторван от нас, но это ничего, раз мы собираемся приглашать иностранцев, то украинских товарищей тем более можно. Вот 4 кандидатуры, которые позвольте предложить Соц Академии. Разрешите приступить прямо к голосованию. До сих пор у нас всегда было закрытое голосование.

Горев, Б. И. Пока это будет технически производиться, мы будем обсуждать дальше.

Покровский, М. Н. Теперь относительно президиума. Мне очень трудно какие-либо предложения делать, кроме указания на то, что президиум совершенно необходимо переизбрать, он отбыл свое время и желательно его освежить. Есть ли какие-нибудь практические предложения по этому поводу?

Волгин, В. П. Я считаю, что нет никаких оснований менять состав президиума Я предлагаю продлить полномочия президиума, а доклад президиума одобрить. Президиум в том же составе может продолжать работу.

Покровский, М. Н. Так как внесено такое предложение, то позвольте мне сделать оговорку. Дело в том, что хотят переизбрать или не хотят—это дело собрания, но мы со своей стороны находим необходимым усилить фактический состав президиума. Из докладов, которые делались, вы видели, что фактически президиум состоял до сих пор из 3 тов., с двумя, которые были довольно редко, тогда как у нас президиум состоит из 10 человек. Пять членов никакого участия в занятиях президиума не принимали. Я не ставлю вопрос о том, чтобы их кем-нибудь заменить, потому что, в конце концов, они, может быть, найдут интерес заниматься в Соц. Академии и начать ходить в президиум. Но все-таки работать впятером максимум, а фактически втроем очень трудно, потому что когда один из этих трех уходит в отпуск, то получается заседание из двух человек. Я думаю, что такого рода заседание не достаточно авторитетно. В виду этого наш президиум находит нужным, если не переизбрать, то во всяком случае его состав пополнить. Наш президиум со своей стороны имел бы в виду предложить кандидатуры т. т. Волгина и Лукина. Таково предложение уходящего президиума. Затем, здесь внесено предложение продлить полномочия президиума, я думаю, что удобнее было бы его переизбрать.

Бубнов, А. С. Разрешите к порядку выборов президиума. Я предложил бы сейчас данный состав президиума дополнить двумя членами.

Покровский, М. Н. Разрешите огласить результаты выборов новых членов Соц. Академии: т-щи Тимирязев, Адоратский, Мартынов и Владимирский получили абсолютное большинство. Теперь дальше. Прежде всего предложение Бубнова: дополнить состав президиума 2 членами. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Принимается. Теперь, товарищи, относительно дальнейшего. Я от имени старого президиума прошу голосовать закрытым способом, иначе мы слагаем с себя полномочия и больше оставаться не согласны.

Волгин, В. П. Я прошу снять мою кандидатуру, потому что я сейчас слишком перегружен работой. Я боюсь, что в следующем собрании я буду фигурировать на самом последнем месте, где числятся ни разу не посещавшие собраний.

(Подсчет голосов).

Покровский, М. Н. Избранными оказались: Покровский, Бухарин, Лозовский, Смирнов, Скворцов, Преображенский, Ротштейн, Милютин, Кон, Рязанов, Волгин и Лукин.

РЕЗОЛЮЦИЯ

общего собрания членов Социалистической Академии от 11-го октября 1923 года.

1. Наиболее настоятельной задачей Социалистической Академии является проработка методологических проблем, в особенности тех, которые сосредоточивают на себе внимание учащейся молодежи наших Вузов, Комвузов и Рабфаков.

2. Выяснить наличный состав учреждений как Москвы, так и провинции, ведущих научно-исследовательскую работу в марксистском направлении.

3. Принять самые энергичные меры к тому, чтобы Социалистическая Академия наладила с этими учреждениями систематическую связь.

4. Поручить президиуму наладить состав редакции „Соц. Энцик." и привлечь к систематической работе по энциклопедии не только марксистов русских, но и заграничных.

Работа библиотеки Соц. Академии за январь—октябрь 1923 г.

(*Из доклада президиуму*).

Для правильного представления о нынешней работе б-ки необходимо учесть характер ее работы в прошлом. Для первого периода существования б-ки характерно *массовое накопление литературы*, созданное, путем реквизиций и обширных заграничных закупок, имеющегося на лицо книжного фонда б ки. Приобретение литературы носило в значительной степени стихийный характер, и результатом массового своза книг явилась почти энциклопедическая по содержанию библиотека, загруженная громадным количеством ненужной литературы и мультиплетов, с одной стороны, и с массой неполных, разрозненных комплектов и зияющими пробелами—с другой.

Надлежащий учет поступающей литературы, понятно, был неосуществим, и в результате значительная часть книжного богатства оказалась не заинвентаризированной и не сосчитанной; невозможно было также книги, вливавшиеся массами, надлежащим образом обработать для выдачи. Поступавшие книги сразу расходились по кабинетам. Так как сферы кабинетов перекрещивались, а каждый кабинет, при отсутствии каталога, желал иметь все в натуре, то в результате обширные отделы литературы оказались дублированными и расщепленными между двумя и даже тремя кабинетами. В пределах кабинетов литература расставлялась по системам, выработанным кабинетами в соответствии со своими задачами, при чем при персональных переменах руководителей кабинетов, различное понимание ими задач кабинетов меняло и содержание кабинета, и систему расстановки. Содержание кабинетов не было переведено на карточки каталога, и многое в работе б ки зиждется до сих пор на памяти сотрудников старожилов. В результате такого способа распределения книг получилась б-ка, состоящая из кабинетов неопределенно-широкого состава, перекрещивающихся между собой, лишенная единой устойчивой классификации, с содержанием, неучтенным посредством каталога.

Главная масса поступавшей литературы разбиралась кабинетами, но все же оставалось громадное количество литературы,

ими забракованной, или оказавшейся в количестве, превышавшем их потребности. Эта часть книг поступала частью в так называемую фундаментальную б-ку, не составляющую существенной части библиотеки, и потому содержавшуюся до сего времени в полухаотическом состоянии, частью в так называемый подвал, где годами пребывали в состоянии полнейшего хаоса целые комнаты забракованных, неразобранных книг и газет. При раскопках этих книжных завалов было найдено большое количество ценных книг.

Таково было состояние б-ки до недавнего времени, таковым оно в значительной степени продолжает оставаться и сейчас. Из сказанного ясно, каковы были задачи, стоявшие перед библиотекой в течение отчетного периода и продолжающие стоять в настоящее время.

Библиотека приступила, во: 1) к приведению в порядок неразобранных и полуразобранных „нижних" частей библиотеки; 2) инвентаризации и техническому оборудованию б-ки—(предварительная опись на формулярах, регистрация периодических изданий); 3) разгрузке от ненужной литературы и заполнению зияющих пробелов, пополнению разрозненных изданий,—элементарной форме комплектования. Рядом с этим идет подготовка к составлению библиографического каталога и систематической классификации книг.

Чтобы правильно оценить результаты всей этой работы по упорядочению библиотеки, необходимо учесть протекающую параллельно с ней постоянную текущую работу, которая концентрируется вокруг обслуживания читателей, с одной стороны, и приема и обработки поступающей в б-ку литературы—с другой.

Работа с читателями измеряется числом выданных книг. Из ежемесячных отчетов б ки видно, что месячная выдача книг колеблется от 3.000 до 8.000, достигая за истекшие $^3/_4$ года общей суммы в 49.000. На каждый день в среднем падает 334—в месяц с максимальной выдачей. и 208—в наименее интенсивный по выдаче месяц. Однако работа для читателя не ограничивается собственно выдачей книг,—дается значительное число разного рода справок, производится выписка книг из других б-к, функционирует постоянная выставка новой литературы и т. д. Необходимо принять во внимание, что кабинетная система организации б ки крайне усложняет работу с читателями, вместо одного читального зала эту работу ведет 10 читальных зал, т. к. каждый кабинет является в сущности отдельной читальней.

Вторая сфера текущей работы связана с поступающей в б-ку литературой. Общее количество поступивших с 1-го января по 1-е октября книг равно 42.000 книжных единиц, что составляет около 5 000 единиц в месяц. Далее, б-ка получает 2 000 журналов на 16 языках. Наконец, ежедневно поступает 100 номеров газет. Вся эта поступающая литература разбирается, проверяется по документам, регистрируется, получает инвентарный №, штемпелюется, снабжается 2-мя формулярами и т. д.

Таковы основные элементы постоянной текущей работы в б-ке, поглощающие, при большом числе читателей и поступающей

литературы, громадное количество работы. Только теми силами, которые остаются свободными от этой текущей работы, приходится располагать для работы по упорядочению б-ки.

Каких же результатов удалось добиться к настоящему времени?

1. В подвале прежде всего было выделено громадное количество совершенно ненужной для б-ки литературы, вывезенной в Книжный Фонд Наркомпроса. Большинство оставшегося составляли журналы, к настоящему времени на $^3/_4$ приведенные в порядок. Из всей массы газет были выделены русские газеты текущего года, которые сейчас и регистрируются. Зарегистрировано до сих пор 314 названий, при чем написано 1.228 карточек. 75% русских газет текущего года можно считать приведенными в порядок; остается, кроме того, масса газет 1917—22 гг., дореволюционные газеты и вся иностранная пресса. В фундаментальной б-ке идет разбор наименее благоустроенных отделов обществове дения, библиографии и истории.

2. Инвентаризация и техническое оборудование.

Занесено в инвентарь с 1/I по 1/X книг, ранее бывших в б-ке, т.-е. не считая текущих поступлений 58.000 единиц. В этой отрасли месячная выработка в сентябре увеличилась по сравнению с январем в 6 раз: 18.000—в сентябре, 3.000—в январе. Инвентаризацию б-ки можно считать выполненной на 80%. Такой же процент книг имеет теперь формуляры. С начала года всего написано формуляров 99.000. Каталогизация сводится исключительно к описанию текущих поступлений кабинетов, имеющих предварительные каталоги. Общее число написанных за истекшие 9 месяцев 1923 года карточек составляет 51.000 штук. Однако, в последнее время центр тяжести технической работы перенесен на регистрацию всех имеющихся в б-ке журналов; постановка этой задачи в первую очередь объясняется крайним беспорядком, царящим сейчас в этой области, делающим невозможным контроль за текущими поступлениями повременной печати. Параллельно с регистрацией основных комплектов, выделяется и регистрируется также дублетный (запасной) журнальный фонд, а также выделяются и учитываются лишние экземпляры, составляющие обменный фонд журналов. Зарегистрировано 550 названий и написано 3.300 карточек. 25% всей работы можно считать выполненной.

3. Третья отрасль работы по организации б-ки—выделение из б-ки ненужной литературы и пополнение разрозненных комплектов. О выделении ненужной литературы из подвала и образовании обменного фонда журналов уже было сказано. Кроме того, происходит постоянное выделение ненужной литературы из фундамен. б-ки, поступающей в обменный фонд. Образование обменного фонда при скудности средств, отпускаемых сейчас на приобретение книг, приобретает чрезвычайно важное значение, как источник пополнения б-ки. Наличность обменного фонда дала уже возможность вступить в сношения с рядом заграничных учреждений и организаций на предмет взаимного обмена. На

основе обмена удалось получить уже значительное количество книг от:

Bureau International du Travail.
Fabian Society.
International Federation of Trade Unions.
National guids League.
Labour Party.
London School of Economics.
Allgemein. Deutscher Gewerkschaftsbund.
National Child Labor Committee.
New-York Public Library.
Союза Студентов-граждан РСФСР в Чехо-Словакии.

Работа по пополнению разрозненных комплектов русских периодических изданий производится в 2-х направлениях: 1) пополняются журналы—органы центральных учреждений советского периода (Москва, Петроград, Харьков), в первую очередь Комиссариатов; 2) провинциальные журналы того же периода (с 1917 г.). Постановка этих задач в первую очередь вызвана опасением упустить момент для комплектования многочисленных ведомственных изданий и провинциальной периодики, скоро делающихся недоступными для получения. Комплектование производится путем непосредственного обращения в издающие учреждения. К настоящему времени проведена работа по 13 Комиссариатам, при чем выяснены все издававшиеся ими периодические издания, количество вышедших №№ каждого издания, взаимная связь и преемственность изданий. Вся эта работа производится путем просмотра самих изданий, путем использования разного рода указателей и отчетного ведомственного материала, а также справок и обследований в самих учреждениях. Попутно производится регистрация библиографического материала, заключающегося в просматриваемых изданиях, а также всех указателей к изучаемым изданиям. Насколько громоздка эта работа, можно заключить из того, что для 13 комиссариатов пришлось пропустить около $9^1/_2$ тысяч экземпляров журналов и газет и написать 1.300 карточек. Работу с изданиями центральных учреждений можно считать выполненной на 25%.

Работа с провинциальными журналами ведется, приблизительно, по тому же плану. Просмотрены журналы 23-х губерний и областей в количестве 333 названий. Зарегистрировано 300 отсутствующих в б-ке названий журналов. Посланы запросы в 97 провинциальных учреждений, при чем во всех случаях, когда это возможно, затребованы определенные недостающие в библиотеке названия и номера; кроме того, учреждения запрошены о других издававшихся ими повременных изданиях на тот случай, если их названия остались совершенно незарегистрированными. Получены ответы из 31 учреждения, при чем прислано 180 нужных б-ке №№ журналов и много крайне ценных библиографических сведений из первоисточника. Провинциальные издания ком-

плектуются в одном экземпляре. Работа с провинц. журналами выполнена также не менее, чем на 25%.

4. Рядом с этой кропотливой работой идет пополнение б-ки более крупными партиями книг. Из крупных приобретений последних месяцев необходимо отметить значительное количество книг, вывезенных из Книжн. фонда НКПроса при его ликвидации, большое количество книг по экономике, социализму и истории Франции и Германии, отобранных из числа дублетов института Маркса и Энгельса, и—в последнее время—большое количество книг, отобранных на складе бывшем Карбасникова. Через Акц. О-во „Аркос“ и „Продеско“ сделаны крупные заказы на английские и американские издания.

С 1-го августа организован особый отдел комплектования. Работа отдела выразилась в следующем:

1. Была заведена картотека для учета книг:
   а) требуемых кабинетами и читателями,
   б) подлежащих заказу,
   в) фактически заказанных и
   г) полученных по заказу.

2. На основании декрета 11-го августа об обязательной присылке всех ведомственных изданий в 3-х экземплярах всем соответст. ведомствам РСФСР были разосланы циркуляры с напоминанием об этом декрете. Для учета и контроля этих поступлений начата составлением особая картотека, подлежащих ведомств и учреждений с регулярной отметкой получений и недочетов. На основании этого декрета получена уже литература из 215 учреждений.

3. В виду замеченных в б-ке больших пробелов среди изданий, поступающих в обязательном порядке из Российской и Украинской Книжных Палат в Отдел, производится проверка и учет этих пробелов. Пробелы столь велики, что работа эта должна затянуться на продолжительное время. В настоящее время Отдел для выполнения этой работы более тесным образом установил связь с обеими Палатами.

4. Для пополнения кабинета III-го Интернационала, особенно скудно снабженного, было составлено и разослано при активном содействии Коминтерна циркулярное обращение Президиума на 4-х языках ко всем национальным компартиям мира с просьбой о бесплатной присылке своих изданий в Академию.

5. Длительную работу вел Отдел в течение $1^1/_2$ месяцев по отборке для Академии книг с выставки „Немецкая Книга“ в количестве около 800 томов. Благодаря энергичным и своевременным настояниям Отдела, Отделу удалось закрепить за Академией первенство на выставке перед 64 претендентами.

Переписка с иностранными и русскими учреждениями до того возросла, что б-ке понадобилось завести свое делопроизводство. В течение месяца регистрируются свыше полутораста исход. писем. Разработан и усовершенствован также учет работы и ведение статистики в б-ке.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРА О „ПЕТРАШЕВЦАХ“.

Предлагаемый материал представляет собою попытку собрать печатный материал о „петрашевцах“. В указателе имеются новые статьи, не помеченные в указателе Шилова и Куклина; кроме того, нами не могли быть найдены статьи Петрашевского в „Иркутск. Губ. Ведомостях“, редактированных Спешневым. По словам Семевского, в № 9 от 1857 года помещена статья Петрашевского: „Несколько мыслей о Сибири“ за подписью Брд, и за 1858 г. в №№ 38—39 „По поводу речи А. В. Белоголовова“. Эти статьи и газеты не имеются ни в Румянцевской библиотеке, ни в Социалистической Академии. Вряд ли указатель включает весь печатный материал о „петрашевцах“, ибо отсутствие указателей в старых журналах весьма затрудняет нахождение статей по необходимому вопросу.

Большая часть указанного материала имеется в Социалистической Академии — в кабинете общественного движения. Эта работа, как и указатель М. И. Дрея, „Народной Воли“, „Земли и Воли“, должны войти в предполагаемый сборник библиографии русского революционного движения за 50 лет XIX века.

50-ые годы	данный указатель.
60-ые годы	готовит т. Козьмин.
70 и 80-ые	М. И. Дрэй.
90-ые годы	обещал взять на себя тов. Лядов.

Условное обозначение журналов, упоминаемых в указателе:

Г. М.	Голос Минувшего.
Б.	Былое.
И. В.	Исторический Вестник.
Р. С.	Русская Старина.

Г. Бешкин.

ОБЩИЕ РАБОТЫ О ПЕТРАШЕВЦАХ.

1. **Семевский, В. И.** Из истории общественных идей в России в конце 1840 годов. Петроград, типография «Задруга». (Впервые вышла в 1905 г. в Ростове-на-Дону. Издание Парамонова). 84 стр.

2. **Его же.** М. В. Буташевич-Петрашевский (биография и произведения). Из книги «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы». 1922 г., стр. 23—57, или «Г. М.»—1913 год, кн. I.

3. **Его же.** Введение (к книге «М. В. Буташевич-Петрашевский», под ред. Водовозова); статья представляет собою изложение сен-симонизма и фурьеризма в царствование Николая I. Стр. 1—19.

4. **Куклин, Г.** Материалы к изучению истории революционного движения в России. Т. I. (1800 — 1854). Отд. 4. Петрашевцы. Женева, изд. Г. В. Куклина. 1905 г.

5. **Бешкин, Г.** Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев. Госиздат. 1923 г., 74 стр.

6. **Демор, В. П.** М. В. Петрашевский. Биографический очерк. Госиздат. 1920 г., 32 стр.

7. **Реформатская.** Люди, слова и дела. М., 1906 г.

8. **Богданович, Т. А.** Первый революционный кружок Николаевской эпохи. Петрашевцы. Изд. «Новая Россия». СПБ., 1917 г.

9. **Пажитнов, К. А.** Фурьеризм в России в конце 40 годов XIX века. («Петрашевцы»). Петроград. Изд. Карбасникова. 1917 г., 24 стр.

10. **Его же.** Первые русские социалисты. (Французский утопический социализм в России 30 и 40 годов XIX столетия). Петроград. Изд. Н. Н. Карбасникова. 1917 г., 25 стр.

11. **Фромметт, Б.** Социалистические и кооперативные идеалы петрашевцев в сороковые годы. Издательское т-во Кооперативных союзов «Кооперация». Петроград. 1918 г., 63 стр.

12. **Соколовский, М.** Дело Петрашевского, как эпизод в истории общественного движения в России. «Р. Старина». 1905 год. Том. 124. Стр. 351—365.

13. **Кашин, Н.** Высылка из Москвы в 1848—53 г. (материалы для характеристики общественного настроения). «Г. М.». 1914, 8, стр. 189—195.

14. **Арсеньев, К.** Политический процесс («характеристика петрашевцев» на стр. 307). «Вестник Европы». 1871 г. Том. VI.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРАШЕВЦЕВ.

15. «Русск. Инвалид» 1849 г. 22 декабря, № 276. (О политической организации «петрашевцев», краткие справки о приговоренных военным судом с «заключением генерал-аудиториата» и «высочайшей конфирмацией»). Сборник: политические процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы. Издание В. М. Саблина. 1907 г., стр. 1—8.

16. **Глинский.** Борьба за конституцию. (Общая статья о петрашевцах). И. В., 1906 г., 9—10. Стр. 927.

17. Записка И. П. Липранди. (История слежки за «петрашевцами»). Там же. Стр. 10—12. (см. № 15).

18. Отрывок из мнения действительного статского советника Липранди (характеристика политической организации «петрашевцев» и политических идеалов). Там же. Стр. 12—25.

19. «Список лицам, посещавшим с 11-го марта 1849 г. собрания Петрашевского по пятницам (совершенно секретно)». (Краткое содержание речей, произносившихся на «пятницах»). Там же. Стр. 25—34.

20. «Обязательная подписка, найденная 19-го мая в бумагах Спешнева, его рукой написанная (совершенно секретно)». Там же. Стр. 34.

21. «Выдержка на удачу из дневника Монбелли (совершенно секретно)». (Критика военного и политического деспотизма Николая I. Выдержка кончается резкой критикой общества, разделенного на «богатых и привилегированных» и остальную массу народа). Там же. Стр. 35-37.

22. Письмо Плещеева к Дурову. Москва, 20 марта, 1849 г. (О настроении в московских кругах, там же сочувственный отзыв о Грановском и Кудрявцеве. Характеристика московских славянофилов). Там же. Стр. 37—39.

23. «Выписка из писем Кайданова из Ростова к брату в С.-Петербург (совершенно секретно)». (I, II и III письмо: об увлечении утопическим социализмом, в особенности фурьеризмом, и о пропаганде Кайданова в Ростове). Там же, стр. 40.

24. «Письмо Кайданова из Ростова к брату от 15 декабря 1848 года». (Расхождение Кайданова с Петрашевским по вопросу о возвышении ценности населенных имений; противоположная точка зрения Кайданова). Там же. Стр. 41.

25. Найденные в бумагах студента Филиппова десять заповедей. (Толкование Филипповым «десяти заповедей». Там же. Стр. 41—44.

26. Выписка из тетради Ламанского 1841 г. (панегирик Римской Республике). Там же. Стр. 44.

27. Выписка из учебной тетради Ламанского 1842 г., январь. («Резкая характеристика Александра Невского и его отношений к татарам»). Там же. Стр. 45.

28. Выписка из дневника штабс-капитана Кузьмина. Тамбов, 8 июня 1848 года (аграрный и крестьянский вопросы, критика крепостных отношений и т. д.). Там же. Стр. 45-47.

29. Выписки. Из письма Петрова к Михайлову из С.-Петербурга 1 декабря 1848 года (о петербургских интересах). Там же. Стр. 47.

30. Выписки из дневника Серебрякова. («Раскаяние в атеизме, которым заразился в доме Петрашевского»). Там же. Стр. 47—48.

31. Из записки штабс-капитана Кузьмина. «О дворянских выборах в Тамбове». (О борьбе «правительственных партий» с местными дворянскими). Там же. Стр. 48.

32. Письмо Петрашевского, найденное 25-го мая в бумагах штабс-капитана Кузьмина. (Письмо содержит сообщение о настроении крестьян вблизи Галиции и изложено мнение П. об «эмансипации крестьян». Далее изложены проекты мин. внутрен. дел о муниципальном устройстве и необходимости кампании в пользу демократических выборов на местах). Там же. Стр. 49.

33. **Семевский, В. И.** М. В. Буташевич-Петрашевский. (Окончание следствия. Военный суд. Исполнение приговора). «Г. М.» 1915, 12. Стр. 77—116.

34. «Высочайше конфирмованный 19 декабря 1849 года доклад генерал-аудиториата о тит. советнике Буташевиче-Петрашевском и других лицах», «Высочайшая резолюция». (Результаты следствия). Там же. Стр. 53—79. (См. № 15).

35. Показание Ф. М. Достоевского. (Материалы об отношении Достоевского к петрашевцам и характеристика Петрашевского). Там же. Стр. 84—95.

36. Записка о действиях секретной следственной комиссии. (Записка заключает показания «петрашевцев»). Там же. Стр. 121—139, или «Р. Старина»—1905, т. 121. Стр. 309.

37. **Григорьев, Н. П.** «Солдатская беседа». (Читалась на «пятницах» Петрашевского). Там же. Стр. 143—148, или «Былое», 1906, 2.

38. «Переписка Николая Павловича с шефом жандармов А. Ф. Орловым». Там же. Стр. 151—153, или «Былое» 1906, 2.

39. Приведение в исполнение приговора над М. В. Петрашевским и другими осужденными, по донесениям агентов III отделения. Там же. Стр. 153—154, или «Былое». 1907, 1.

40. Московские толки о «петрашевцах». (Из дневника Погодина; письма Хомякова к Попову и к гр. А. Д. Блудовой). Там же. Стр. 154.

41. Письмо Ф. М. Достоевского Ф.И. Тотлебену. (Письмо содержит просьбу о помиловании Д. и переводе на статскую службу с правом заниматься литературным трудом, тут же резолюция Тотлебена). Там же. Стр. 157—160, или «Былое», 1907, 1.

42. **Семевский, В. И.** «Пятницы» М. Буташевича-Петрашевского в 1845—8 годах. (Материалы для характеристики различных направлений петрашевцев). Из книги «М. В. Буташевич-Петрашевский», 1922 г., глава IV. Стр. 100—131, или «Г. М.» 1913, 4.

43. **Его же.** Беседы с Антонелли и последние «пятницы» Петрашевского. (Материал для политической характеристики «петрашевцев»). Из книги «М. В. Буташевич-Петрашевский».

1922 г., под ред. Водовозова, глава V, стр. 132—165, или «Г. М.» 1913, 6.

44. **Его же.** М. В. Буташевич-Петрашевский. (Арест Петрашевского и начало следствия). «Г. М.» 1913, 11. Стр. 66—94.

45. **Оболенский, Д. Д.** Наброски из прошлого. (Материалы по истории Шапошникова, владельца табачной лавки, находившегося в связи с Петрашевским). «И. Вестн.», 1893, 12, т. 54. Стр. 658—661.

46. **Безродный, А. В.** К биографии М. В. Буташевича-Петрашевского. (По поводу инцидента между офицером Кондратьевым и приставом Зануцци). «И. Вестн.» 1901, 1. Стр. 225—229.

47. **Семевский, В. И.** Кружок Кашкина. Д. Д. Ахшарумов и А. И. Европеус (Нагорный). «Г. М.» 1916, 3. Стр. 48—69.

48. **Его же.** Собрания у Кашкина и Отта. Обед 7-го апреля 1849 г. в память Фурье. «Г. М.» 1916, 4. Стр. 174—192.

49. **Каллаш, В.** Гоголь о «петрашевцах». «Г. М.» 1913, 9. Стр. 234—235.

50. **Его же.** Аполлон Григорьев о Петрашевском. «Г. М.» 1914, 2. Стр. 199—201.

51. **Семевский, В. И.** Пропаганда «петрашевцев» в учебных заведениях. «Г. М.» 1917, 2. Стр. 138—169.

52. **Его же.** Донесения Л. Ф. Дубельта кн. А. И. Чернышеву. (Материалы об аресте и наблюдении за лицами, находящимися под подозрением в связи с делом «петрашевцев»). «Г. М.» 1914, 4. Стр. 223—224.

53. Конфиденциальная записка, составленная генерал-адъютантом графом Ридигером в августе 1855 года. (Материалы для политической характеристики «петрашевцев»). «Р. Старина», 1905 г., т. 122. Стр. 621, 626, 628.

54. **Оксман, Ю.** Меры Николаевской цензуры против фурьеризма и коммунизма. (Некоторые документы из цензурных дел архива министерства народного просвещения). «Г. М.» 1917, 5—6. Стр. 69—72.

55. **Шилов, А.** Революция 1848 года и ожидание ее в России. (Материал для характеристики общественного настроения эпохи «петрашевцев»). «Г. М.» 1918, 4—6. Стр. 231—247.

56. **Семевский, В. И.** Следствие и суд по делу «петрашевцев». (По неизданным материалам). «Р. Записки», 1916, 9. Стр. 40—68. (Продолжение, см. в № 10, стр. 29—64, и № 11, стр. 18—51).

57. **Ястржембский.** Мемуар «петрашевца». (Допросы Ястржембского в комиссии Дубельта, Гагарина, Ростовцева). «Мин. Годы», 1908, 1.

58. **Вуич, Ив.** (Начальник штаба гвардейского пехотного корпуса С. П. Сумарокова). Последний производил приговор над «петрашевцами». (Некоторые детали производства приговора над «петрашевцами»). Газета «Порядок», 1881 г., № 48.

59. Из архива кн. Л. А. Ухтомского. (Инцидент между мин. внутренних дел и граф. Орловым по поводу слежки за Петрашевским). «Р. Старина». 1911 г., т. 146. Стр. 107.

60. Из воспоминаний Е. И. Ламанского, сообщил А. фон-Тааль. (Материалы об аресте и следствии «петрашевцев»). «Р. Старина», 1915, 1—3. Стр. 77—82.

61. Из записок барона Корфа. (Некоторые детали дела Петрашевского). «Р. Старина», 1900 г., т. 102. Стр. 278—280.

62. **Скабичевский, А.** Очерки по истории русской цензуры, глава 56. (О «петрашевцах»). «От. Записки», 1883, 6. Стр. 45.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС.

63. **Семевский, В.** «Петрашевцы» и крестьянский вопрос. «Великая реформа». том III, 1911 года. Стр. 205—220.

64. **Его же.** Из истории крестьянского вопроса. (Крепостное право в произведениях М. Е. Салтыкова). Сб. правоведения и общественных знаний, т. I. Стр. 125—209. (Труды юридического общества Московского университета).

65. Записка М. В. Буташевича-Петрашевского о способах увеличения ценности дворянских или населенных имений. (Роздана в марте 48 года на съезде дворянства в Петрограде). Там же, см. № 15. Стр. 99—100. или «Былое», 1906, 4.

66. **Голубцов, В. В.** Речь Николая I к депутатам С.-Петербургского дворянства 21-го марта 1848 года. (В начале месяца была опубликована записка к дворянству Петрашевского). «Русская Старина», 1883, т. XXXIX. Стр. 598—596.

67. **Семевский, В. И.** Очерки по истории крестьянского вопроса в первой половине XIX века. (Крестьянский вопрос в кружке «петрашевцев»). «Русская Старина», 1887 г., т. 56. Стр. 407—424.

68. Кроме того, см. № 24 и 28.

ИСТОРИЯ СЛОВАРЯ КИРИЛЛОВА.

(Имеются 2 издания в Соц. Академии).

69. **Шляпкин, И. А.** Письма М. В. Буташевича-Петрашевского Н. С. Кириллову. (Петрашевский предлагает в письме к Н. С. Кириллову, в случае преследования словаря, сослаться на него, Петрашевского, как автора. «Г. М.», 1914, 8. Стр. 187—188.

70. **Зотов, Р.** (Старый библиогр.). Наши энциклопедические словари. (К истории словаря Кириллова). «И. Вестник», 1888 г., т. XXXII. Стр. 445.

71. **Семевский, В. И.** Карманный словарь иностранных слов. (Разбор основных статей словаря). Из книги «М. В. Буташевич-Петрашевский», под редакцией Водовозова, 1922 год: Стр. 58—83, или «Г. М.», 1913, 2.

72. Цензура в царствование Николая I. (История карманного словаря иностранных слов Кириллова). «Рус. Старина», 1903 г., том 115. Стр. 420—422.

73. **Лернер, Н.** Отголоски дела петрашевцев. (К истории словаря иностранных слов Кириллова). «Рус. Старина», 1907 год, том 130, стр. 363—366.

ПЕТРАШЕВЦЫ В МЕМУАРАХ И СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ.

74. **Семевский, В. И.** Главные черты характера Петрашевского. Из книги «М. В. Буташевич-Петрашевский», 1922 г. (под редакцией Водовозова), глава III, стр. 84—100, или «Г. М.», 1913, 3.

75. **Его же.** Библиотеки «петрашевцев». Что читали они. Отзыв Петрашевского о Фурье и фурьеризме. Его попытка устроить совместное жительство своих крестьян. Участие Петрашевского в обеде 7-го апреля 1849 г. Сочувствие республиканскому строю. Его мнение об освобождении крестьян и судебной реформе. Там же. Стр. 166—186. Глава VI, или «Г. М.», 1913, 8.

76. **Его же.** Черносвитов, Спешнев. Беседа их с Петрашевским о народном восстании. Момбелли и обсуждение его предположения о «братстве взаимной помощи». Там же. Стр. 187—217. Глава VII.

77. **Его же.** «Петрашевцы». Г. П. Данилевский, Б. И. Утин. «Г. М.», 1916, 12. Стр. 97—118.

78. **Его же.** «Петрашевцы»: Студенты Толстов и Г. П. Данилевский, мещанин П. Г. Шапошников, литератор Катенев и Б. И. Утин. «Г. М.», 1911, 12. Стр. 5—28.

79. **Его же.** «Петрашевцы»: С. Н. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев. (Материалы для характеристики Спешнева, Филиппова, также см. в этих статьях). «Г. М.», 1915, 11. Стр. 5—44. Продолжение см. в № 12. Стр. 36—75.

80. **Его же.** «Петрашевцы». Кружок Н. С. Кашкина. (Н. С. Кашкин, А. В. Ханыков, К. М. и И. М. Дебу). «Г. М.», 1916, 2. Стр. 40-61.

81. **Хитрово, Н. П.** Воспоминания об одном из «петрашевцев». (И. А. Момбелли). «Русс. Мысль», 1909, 7. Стр. 87—108.

82. **Плещеев, А. Н.** Стихотворения. Биографическая статья и ред. П. Быкова. СПБ., 1905 год.

83. **Юлин, Б.** К биографии Плещеева. «Ист. Вестник», 1905, 10. Стр. 151—169.

84. **Ломке, М.** К биографии Салтыкова. «Русск. Мысль», 1906, 1.

85. **Ветринский** Достоевский в воспоминаниях современников и письмах. Изд. Сытина. М. 1912 г.

86. **Храневич, В.** Достоевский в воспоминаниях ссыльного поляка (Токаржевского). «Р. Старина», 1910, 3. Стр. 605.

87. **Комарович, В.** Достоевский и шестидесятники. «Совр. Мир». 1917, 6.

88. **Миллер, Ор.** Материалы для жизнеописания Достоевского. Том I.

(о Петрашевском и «петрашевцах», их деятельности и роли Достоевского). См. стр. 75—135. С.-Петербург, 1883.

89. **Ахшарумов, Д. Д.** Из моих воспоминаний (1849—1851). Со вступительной статьей В. И. Семевского. (Автор, один из «петрашевцев», дает ценный материал о кружках и «пятницах» Петрашевского). Изд. «Общ. Пользы», 1905 г.

90. **Майков, В. Н.** Критические опыты (с приложением биографии). Автор—один из составителей и участников словаря Кириллова, Петрашевского — Г. Штрандман. (Майков умер в 1847 году). Издание журнала «Пант. Литературы». С.-Петербург, 1889 год.

91. Речи на обеде в честь Фурье Ханыкова и Ахшарумова. (Последняя речь в особенности выпукло показывает идейное родство с Фурье). «Петрашевцы». Изд. Саблина. Стр. 102—104. (См. № 15).

92. **Толль, Ф.** Из записок моего сосланного приятеля. (Материалы по ссылке «петрашевцев»). «Современник», 1863 г., т. 95. Стр. 355.

93. **Альминский (Пальм).** Алексей Слободин. (Литературное изображение некоторых «петрашевцев»—автор привлекался по делу петрашевцев). «Вестн. Европы», 1872 г. Том V и VI.

94. **Штрандман, Р.** Внутреннее обозрение. (Написано, по мнению В. Семевского, Р. Штрандманом. Содержит полемику с Шевыревым). «Отеч. Записки», 1848, 3.

95. **Салтыков, М. Е.** Запутанное дело. (Беллетристическ. изложение движения «петрашевцев»). (Эта повесть послужила поводом для высылки Салтыкова в Вятку). «Отечественные Записки», 1848 г., том 57.

96. Записки старой смолянки В. П. Б—вой (Быковой), часть I и II. О «петрашевцах», см. записку от 25 июня во II части («петрашевцы» в ссылке), см. стр. 27—34; 47—52. Материал для характеристики деятельности Петрашевского в Сибири. С.-Петербург, 1898 г.

97. **Флеровский, Н.** Воспоминания. (Три политические системы—Николай I, Александр II и Александр III)—1897 г. О Петрашевском. Стр. 5—20.

98. **Достоевский, Ф.** Зимние заметки о летних впечатлениях. (Воспоминания о пребывании в Париже). «Время», 1863 г., № 3. Стр. 324.

99. **Герцен, А.** Петрашевский. (Материалы для характеристики). Полное собрание сочинений, под ред. Лемке. Том V. Стр. 502—519.

100. **Венгеров. С.** «Петрашевцы». Энциклопедия «Брокгауз», т. 45.

101. **Головачева-Панаева.** Воспоминания. (Материалы для характеристики деятельности Петрашевского). «Ист. Вестн.», 1889 г., кн. 5. Стр. 276.

102. **Зотов, В.** Петербург в сороковых годах. (Материалы о деятельности «петрашевцев»). «Ист. Вестник», 1890, 6, т. 40. Стр. 535.

103. **Шумахер.** Поздние воспоминания. (Материалы для политической истории «петрашевцев»). «В. Европы», 1899 г., № 3. Стр. 123—125.

104. **Шелгунова, Л. П.** Из далекого прошлого. (Переписка Н. В. Шелгунова с женой). (Материалы для характеристики Петрашевского). С.-Петербург. Стр. 116—117.

105. **Пыпин, А. Н.** Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов—исторические очерки, (о «петрашевцах», см. на стр. 496—500). Книгоиздательство «Колос», С.-Петербург, 1906 г.

106. Записки Алексея Михайловича Унковского. (Материалы об отношении Унковского к Петрашевскому). «Р. Мысль», 1906, 6. Стр. 186.

107. **Ветринский, Ч.** Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов (некролог). «Вестник Европы», 1910, 5. Стр. 321—330.

108. **Сосновский, М.** Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов (некролог). «Русское Богатство», 1910, 2. Стр. 121—130.

109. **Семевский, В. И.** «Петрашевцы». А. П. Беклемишев и К. И. Тимковский. «Вестн. Европы», 1916, 11. Стр. 57—103.

110. **Милюков, А. П.** Федор Михайлович Достоевский. (Воспоминания о нем А. П. Милюкова. Материалы для характеристики Достоевского в кружке «петрашевцев»). «Русск. Старина», 1881 г., т. XXX. Стр. 691—708, и т. XXXI (продолжение). Стр. 33—52.

111. **Семевский, В.** М. Е. Салтыков—петрашевец. «Р. Зап.», 1917, 1. Стр. 21—50.

112. **Потанин.** Встреча с С. Ф. Дуровым. (Материалы для характеристики). Сб. «На славном посту» памяти Михайловского. Стр. 255—265.

113. **Берви, В. В.** Воспоминания. (Эпоха Николая I). «Ист. Вестн.», 1915. 3. Стр. 136—138.

114. **Бакунин.** Письма к Герцену и Огареву (с примечаниями Драгоманова). СПБ., 1907 г. Изд. Врублевского (материалы для характеристики Петрашевского). Стр. 152—176.

115. Из записок генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Кузьмина (участника «пятниц» Петрашевского). «Русская Старина». 1895 г., т. 83. Стр. 154—173 и т. 84, стр. 71—86.

116. **Панкратов, А.** Последний «петрашевец» (Н. С. Кашкин). «И. Вестн.», 1914, 8. Стр. 556—566.

117. **Семевская, А. В. (урожд. Буташевич-Петрашевская).** Заметка о М. В. Буташевич-Петрашевском (по поводу «Воспоминаний» К. Веселовского. «Русск. Стар.», 1900, 9). (Материалы для характеристики). «Р. Старина», 1906 г., т. 105. Стр. 493—494.

118. **Веселовский, К.** Воспоминания о некоторых лицейских товарищах. Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский. (Материалы для биографии). «Р. Старина», 1900 г., т. 103, стр. 449—456.

119. **А. В. С. (Александра Васильевна Семевская, урожд. Буташевич-Петрашевская).** Поправка к воспоминаниям Огаревой-Тучковой о времени ареста М. В. Петрашевского (арестован в ночь с 22—23 апреля 1849 г.). «Р. Старина», 1890 г., т. 68. Стр. 748.

120. **Огарева-Тучкова, Н. А.** Записки (о кружке и аресте «петрашевцев»). «Русск. Старина», 1890 г., т. 68. Стр. 58—64.

121. **Яхонтов, А. Н.** Воспоминания царскосельского лицеиста в 1832—1838 гг. (материалы для биографии Петрашевского). «Русская Старина», 1888 г., т. 60. Стр. 107.

122. Мемуары **П. П. Семенова-Тянь-Шаньского.** (Материалы для характеристики кружка Петрашевского). Том I. Детство и юность. (1827—1855). Изд. семьи. Петербург. 1917 г., стр. 194—214.

ПЕТРАШЕВЦЫ В ССЫЛКЕ.

123. См. № 98.

124. **Семевский, В. И.** М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. (Жизнь Петрашевского в селе Шушенском, Минусинского округа, и в Красноярске). «Г. М.», 1915, 5, стр. 43—84.

125. **Буташевич - Петрашевский.** (Хронологическая поправка о смерти и картина жизни Петрашевского в ссылке). М. Маркс. «Р. Старина», 1889 г., кн. 62. Стр. 475—476.

126. Письмо Петрашевского с пути на каторгу к матери и просьба к Е. А. фон-Бееp переслать письмо. «Былое», 1906 2. Стр. 249.

127. **Емельянов, В.** Ссылка Салтыкова в Вятку и его освобождение. «Русск. Старина», 1909.10

128. **Озеров, Н.** М. Е. Салтыков в Вятке. Вятка. 1903 г.

129. **Алексеев, В.** Салтыков в Вятке. «Ист. Вестник». 1907,11.

130. **Достоевский.** О своем аресте. «Русская Старина». 1881, 1.

131. **Скандин.** Достоевский в Семипалатинске. «Ист. Вестник». 1903, 1. Стр. 201—225.

132. **Черевин.** Достоевский в омском остроге. «Р. Старина». 1889,2.

133. **Врательь, А. Е.** Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—1856. СПБ., 1912 г.

134. **Браиловский, С.** Достоевский в омской каторге и поляки. Из воспоминаний Токаржевского: «Семь лет на каторге». «Ист. Вестн.», 1908 г., № 4.

135. Из дневника М. П. Михайлова. (Встреча Михайлова с Петрашевским и Львовым в Сибири). «Р. Старина». 1906 г., том 128. Стр. 176 — 181; 187—190.

136. Письмо из Сибири Ф. М. Достоевского к брату М. М. Достоевскому. (Материалы для характеристики). «Р. Старина». 1885 г., т. 47. Стр. 510—520.

137. Автобиография С. С. Шашкова. (Воспоминания об иркутской дуэли и роли Петрашевского, впоследствии высланного из Иркутска в Минусинск). «Вост. Обозрение». 1882 г., № 32. Стр. 11.

138. **Герцен, А. И.** Его друзья и знакомые. (О деятельности Петрашевского в Иркутске, роли его в истории дуэли Беклемишева и Неклюдова). «Всемирный Вестник». 1904, кн. 7, стр. 43—78, и кн. 8, стр. 1—27.

139. Прошение М. В. Петрашевского министру внутренних дел (по поводу высылки Петрашевского из Иркутска в Минусинск графом Муравьевым-Амурским). (См. № 15). Стр. 107—118 или «Колокол» 1861 г. № 92—93.

140. **Семевский, В. И.** М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. (Петрашевский на каторге). «Г. М.», 1915,1. Стр. 66—87.

141. **Его же.** М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. (Жизнь Петрашевского в Иркутске). «Г. М.». 1915. 3. Стр. 48—57.

142. **Аверьев.** М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. «Р. Старина», 1902 г., т. 109. Стр. 177—186.

143. **Д. С.** Сибирские воспоминания (о последних годах жизни Петрашевского в Минусинском округе, Шушенской волости. Инцидент между Пе-

трашевским и местным старостой). «Восточное Обозрение», 1887 г., № 26.

144. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Сибири. (О деятельности Петрашевского в Сибири см. стр. 75—78). Издание В. П. Сукачева.

145. **Струве, Б. В** Воспоминания о Сибири 1848—1854 гг. (О петрашевцах в Сибири. Стр. 109-111). С.-Петербург, 1899 г., или «Р. Вестник», 1888, 4—6.

146. **Львов, Ф.** Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного. (См. заключение, в котором автор-петрашевец предлагает реорганизацию тюремного дела в духе утопического социализма). «Современник», 1862 г., т. 91, стр. 654—662.

147. **Юдин.** А. Н. Плещеев в ссылке. «Ист. Вестник», 1897, 5. Стр. 402—422.

148. **М. Д.** Плещеев, А. Н., в форте Перовском (по неизданным письмам). «Б.», 1908, 10.

149. Юстиция и Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский. (Прошение Петрашевского о пересмотре его дела). «Колокол», 1859 г., № 49.

150. Тиранство сибирского Муравьева (по поводу высылки Петрашевского из Иркутска в Красноярск). «Колокол», № 82, за 1860 г. Стр. 688.

151. В 60-х годах в издававшейся в Сибири газете «Амур» принимали участие некоторые «петрашевцы», чем и объясняется, быть может, ее либеральное и радикальное направление. Интересный материал находим в местном обозрении за 1860 г., от 8-го марта, № 10, где развиваются идеи Кэтлэ и, отчасти, Фурье, в особенности в статье: «Нечто об иркутских врачах», также обозрение в № 6, от 9 февраля; № 7 от 16 февраля; № 8. В этих статьях защищается преимущество свободных промышленных отношений перед другими формами труда, например, принудительного—автор этих статей, вероятно, был Петрашевский, судя как по статьям, например, резко защищалась свобода печати, так и потому, что в № 9 находим следующее примечание: «в этом номере местного обозрения нет, по причинам, независящим от редакции». В это время Петрашевский был лишен возможности участвовать в газете, вследствие высылки в другие округа Сибири.

Затем весьма интересны статьи Ф. Л. (Львова) в № 16 от 9 апреля (60-й год), местное обозрение. Автор высказывается за наделение землею поселенцев и отдачу в полную собственность, но высказывается против бесплатной передачи земли.

В № 2, от 12 января, статья «по поводу учреждения в Иркутске женской гимназии» Ф. Львова (продолжение в №№ 4 и 5). Развиваются фурьеристские и либеральные взгляды на женщину и ее воспитание.

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

(Продолжение *).

Крестьянское движение 1901—1910 г.г.

В настоящий отдел указателя не вошли газетные телеграммы, содержащие сведения о фактах крестьянского движения в начале XX в.: составитель не имел возможности пересмотреть все столичные и особенно провинциальные газеты за эти годы. Некоторым возмещением этого пробела может служить сводка газетных телеграмм в хронике еженедельника „Право", а также в сборниках В. П. Обнинского: „Полгода русской революции" и „Летопись русской революции".

1. **Аграрное движение.** «Рев. Рос.». 1903. № 38, стр. 18. (Ольгопольский уезд, Подольской губ., 1903).

2. **Аграрное движение** в России в 1905—1906 гг. Часть I. Труды В. Э. О. 1908, № 3. (Районы: северный, промышленный, центрально-земледельческий, средне-волжский, нижне-волжский, приуральский, приозерный и западный).

3. **То же.** Часть II. Труды В. Э. О. 1908. № 4—5. (Районы: юго-западный, малороссийский, новороссийский и Кубанская область).

4. **Аграрное движение на юге.** «Рев. Рос.». 1902, № 6, стр. 14—16. (Воронежская, Полтавская, Харьковская губ. 1902 г.).

5. **Аграрные беспорядки.** «Право», 1905, № 48—49, стр. 3928—3933. (Дело о разгроме экономии кн. Юсуповой, Бирюченского уезда, Воронежской губ., 1905 г.; о волнении крестьян в 1902—1903 гг.).

6. **Аграрные беспорядки.** «Право». 1906, № 9, стр. 815—820. (Дело о разгроме экономии Терещенко в Глуховском уезде, Черниговской губ. в 1905 г.).

7. **Аграрные беспорядки.** «Право». 1906, № 21, стр. 1942—1943. (Дело о крестьянском движении в Цивильском уезде, Казанской губ., 1905 г.).

8. **Аграрные беспорядки.** «Право». 1906, № 23, стр. 2066—2069. (Дело о крестьянском движении в Бугурусланском уезде, Самарской губ., 1905 г.).

9. **Аграрные беспорядки.** «Право». 1906, № 23, стр. 2069—2075. (Дело о крестьянском движении в Харьковском уезде, 1905 г.).

10. **Аграрные беспорядки.** Провокаторы. (Тамбовская губ.). «Освобожд.». 1904, № 22 (46), стр. 394 — 395. (1903—1904).

11. **Аграрные отношения.** «Освобожд.», 1903, № 4 (28), стр. 62. (Настроение крестьян и пришлых рабочих на Кубани, 1903).

12. **Аграрный вопрос.** «Рус. Вед.», 1906, № 25, стр. 4. (О крестьянских настроениях, 1906).

13. **Аграрный вопрос.** «Рус. Вед.», 1906, № 45, стр. 3. (Об аграрном движении в Суджанском уезде, Курской губ. и в Черниговской губ., 1906).

14. **Аграрный процесс.** «Право». 1906, № 46, стр. 3605—3608. (Волчанский уезд, Харьковской губ., 1905).

*) См. „Вести. Соц. Ак.", кн. 3, 4, 5.

15. **Аграрный процесс.** «Право». 1906. № 50, стр. 3983—3986. (Дело о разгроме экономии кн. Репнина в Пирятинском уезде, Полтавской губ., 1905 г.).

16. **Аграрный процесс.** «Право». 1907. № 36, стр. 2358—2361. (Крестьянское движение в Новооскольском уезде, Курской губ., 1905).

17. **Аграрный террор.** «Рев. Рос.», 1908. № 26, стр. 17—18. (Дело о крестьянском движении в Петровском уезде, Саратовской губ., в 1902 г.).

18. **Александров.** Оршанский погром. «Ист. Вестн.», 1911, № 9, стр. 988—1001. (Участие крестьян в еврейском погроме, 1905 г.).

19. **Альбовский.** Шесть месяцев в Курляндии. «Рус. Стар.», 1912, № 10, стр. 43—49; № 11, стр. 406—415; № 12, стр. 597—603; 1913, № 6, стр. 596—606; № 7, стр. 48—54; № 8, стр. 292—296; № 10, стр. 85 — 93; № 11, стр. 355—371; № 12, стр. 644—650; 1914, № 1, стр. 173—203. (Крестьянское восстание и карательные экспедиции, 1905 г.).

20. **А. П.** Всероссийский крестьянский съезд и молодое народничество. (По поводу делегатского съезда Всероссийского Крестьянского Союза в ноябре 1905 г.).

21. **Архангельский.** Аграрное движение в Нижегородской губернии. 1861—1906. «Материалы по истории революционного движения», под ред. Илларионова, т. IV, стр. 191—218. (1905—1906 гг.).

22. **А. У.** По поводу известий о крестьянских беспорядках. «Освобожд.», 1902, № 6, стр. 90 — 91. (Полтавская губ., 1902).

23. **А. Ю.** Крестьянские беспорядки в Черниговской губ. в 1905 году. «Ист. Вестн.», 1913, № 6, стр. 853—871.

24. **Баженов.** Как у нас произошло аграрное движение. Записки крестьянина. «Рус. Бог.», 1909, № 4, стр. 97 — 120; № 5, стр. 92 — 111. (1905 г., Саратовская губ.).

25. **Басов.** Ставропольская деревня и ее угнетатели. «Освобожд.», 1902, № 12, стр. 193—196. (О настроении крестьян Ставропольск. губ., 1902).

26. **Безземельный.** Губернатор и население. «Освобожд.», 1903, № 3 (27), стр. 42—43. (О поездке саратовского губернатора по губернии и о настроении крестьян, 1903).

27. **Беспорядки** на Кавказе. «Право», 1905, № 12, стр. 932 — 934. (Крестьянское движение, 1905).

28. **Беспорядки** среди пришлых сельскохозяйственных рабочих в Кубанской области. «Освобожд.», 1902, № 4, стр. 64. (1902).

29. **Блеклов.** Крестьянский союз. «Право». 1905, № 38, стр. 3142—3153. (По поводу учредительного съезда Крестьянского Союза, 1905).

30. **Богучарский.** Хроника русской жизни. «Образов.», 1905. № 11—12, отд. II, стр. 41—46. (Крестьянское движение, 1905).

31. **Бонч-Бруевич.** Значение сектантства для России. «Жизнь», 1902, № 1, стр. 293 — 334. (Социально-политические элементы в баптизме и новоштундизме в конце XIX и начале XX в.).

32. **Борьба** с нелегальной литературой и ее распространением среди крестьян. «Освобожд.», 1902. № 10, стр. 163—164. (Циркуляр директора департ. полиции губернаторам и начальникам жандармских управлений, 27 июня 1902 г.).

33. **W.** Внутреннее обозрение. «Жизнь». 1902, № 2, стр. 367—383. (Настроение в крестьянской среде в последние годы XIX и первые годы XX в. Крестьянское движение в Харьковской и Полтавской Губ., в 1902 г..)

34. **W.** Внутреннее обозрение. «Жизнь». 1902, № 6, стр. 228—231. (По поводу суда над участниками крестьянского движения в Полтавской и Харьковской губ. 1902 г.).

35. **W.** Крестьянские беспорядки. «Освобождение», 1902, № 2, стр. 23—25. (Крестьянское движение в Полтавской губ. в 1902 г.).

36. **Вахонькинское** народное собрание. «Право». 1905, № 43, стр. 3543—3545. (Череповецкий уезд, Новгородской губ., 1905 г.).

37. **В. Б. Б. (Бонч-Бруевич).** Среди сектантов. «Жизнь», 1902, № 2, стр. 280—307. (Социально-политические элементы в сектанском движении и борьба с ними правительства; 80-е, 90-е, начало 900-х годов).

38. **W.W.** Брожение среди крестьян. (Письмо из Саратовской губ.). «Освобожд.» 1902. № 7, стр. 109—110. (1902).

39. **В. В.** Крестьянские волнения 1905—1906 г.г. «Современ.» 1911, № 5, стр. 229—250.

40. **В. В.** Крестьянское движение в 1905—1906 г.г. «Вестн. Евр.». 1909, № 5, стр. 310—337.

41. **В. В.** Причины крестьянских движений 1905—1906 г.г. «Вестн. Евр.». 1911, № 1, стр. 220—245. (По поводу анкеты Вол. Экон. Общества).

42. **Верноподданнейшая петиция крестьян.** «Право» 1905, № 14, стр. 1100—1101. (Александровский уезд Екатеринославской губ., 1905).

43. **Весенний листок Всероссийского Крестьянского Союза.** 1906. (Призыв к объединению и борьбе).

44. **Веселовский.** Аграрные волнения в 1907 г. «Образование», 1907. № 8, стр. 1—24. (Обзор).

45. **Веселовский.** Движение в деревне. «Вестн. Жизни», 1906, № 6, стр. 41—42. (Обзор).

46. **Веселовский.** Итоги и перспективы крестьянского движения. «Образование». 1906. № 7, отд. II, стр. 1—18. (1905—1906).

47. **Веселовский.** Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России. (1902—1906).

48. **Внутреннее обозрение.** «Рус. Мысль». 1905. № 4, стр. 226—231; № 5, стр. 227—235. (О крестьянском движении 1905 г.).

49. **Воззвание к крестьянам.** «Право» 1905, № 43, стр. 3542—3543. (От ярославской группы Всероссийского Крестьянского Союза, с призывом к объединению, 1905 г.).

50. **Воззвание к крестьянам** херсонского генерал-губернатора Давыдова. «Право». 1906. № 3, стр. 214. (По поводу крестьянских волнений).

51. **Воззвание партии крестьян,** объединенных на почве манифеста 17 октября. (Эпоха революции 1905 г.).

52. **Воззвание херсонского военного генерал-губернатора.** «Право» 1906, № 9, стр. 796. (По поводу крестьянского движения).

53. **Войтинский.** Годы побед и поражений. Книга I. 1905 г. Берлин, 1923, стр. 277—350. (Крестьянские настроения в Новгородской губ. в ноябре 1905 г.).

54. **Волин.** Сила в объединении. (Популярный очерк возникновения Всероссийского Крестьянского Союза).

55. **Вооруженное восстание.** «Право», 1906. № 51, стр. 4071—4081. (Дело о крестьянском движении в Вятской губ., 1905 г.).

56. **Вооруженное сопротивление властям.** «Право». 1909, № 19, стр. 1380—1393. (Ядринский уезд Казанской губ., 1901 г.).

57. **Воробьев.** Земельный вопрос в заявлениях крестьян и других слоев населения. «Агр. Вопр.». Сборник под ред. Долгорукова и Петрункевича, т. II, стр. 353—416. (Сводка мнений, заявленных в течение 1905 г. в различных резолюциях, приговорах, петициях и пр., преимущественно крестьянских).

58. **В погоне за пропагандой.** «Рев. Рос.» 1902. № 13, стр. 11. (Циркуляры черниговского губернатора земским начальникам о борьбе с революционной пропагандой среди крестьян: 1902).

59. **Всеподданнейший адрес крестьян.** «Право» 1905, № 22, стр. 1815. (Медвеженский уезд Ставропольской губ., 1905).

60. **Всеподданнейший адрес крестьян славяно-сербского общества.** «Право». 1905. № 19, стр. 1592—1593. (Тираспольский уезд, Херсонск. губ., 1905).

61. **В совет министров.** «Право», 1905. № 39, стр. 3256—3257. (Петиция крестьян, совместно с землевладельцем Гресером: Сулогодский уезд, Владимирской губ., 1905).

62. **Высочайшие повеления.** По проекту правил возникновения стачек среди сельских рабочих. «Право». 1906. № 18, стр. 1660—1662. (15 апреля 1906 г.).

63. **Ганайзер.** По Тамбовской Манчжурии. (Из путевых записок). «Совр. Зап.». 1906, № 1, стр. 149—176. (Расправа с крестьянским движением 1905 г.).

64. **Г. Г. Н.** Нежинская революция и контр-революция (18—24 октября 1905 г.). «Ист. Вестн., 1906. № 4, стр. 160—185. (Участие в событиях крестьян).

65. **Гилин.** Народ и Дума. Сборн. «Вопросы момента», 1906, стр. 77—91. (Об отношении крестьянства к первой Государственной Думе).

66. **Голоса из деревни.** (Отзывы крестьян о революционных изданиях). «Рев. Рос.», 1902, № 8, стр. 22—23. (1902).

67. **Горн.** Крестьянское движение до 1905 г. «Общ. движение в России

в начале XX в.», под ред. Мартова, Маслова и Потресова. Т. I, стр. 244—258. (1901—1904 г.г.).

68. **Горн.** Крестьянское движение за полтора века. Стр. 75—111. (1901—1904).

69. **Горн, Меч, Череванин.** Борьба общественных сил в русской революции. Вып. III. Крестьянство и революция. (1905—1906).

70. **Городнянский экономический совет.** «Право». 1905, № 33, стр. 2717—2718. (С участием представителей от крестьян. Черниговская губ., 1905).

71. **Громан.** Всероссийский Крестьянский Союз. «Матер. к крест. вопросу». «Новый Мир», 1905, стр. 1—32.

72. **Дело об аграрных беспорядках.** «Право», 1906, № 10, стр. 941—944. (Дмитровский уезд, Курской губернии, 1905).

73. **Дело об аграрных беспорядках.** «Право», 1906, № 16, стр. 1481—1483. (Лебединский уезд, Харьковской губ., 1905).

74. **Дело о Всероссийском Крестьянском Союзе.** «Право», 1907, № 48, стр. 3104—3118; № 50, стр. 3248—3259; № 52, стр. 3375—3380. (Петербургская губ., 1905).

75. **Доклад общества крестьян и казаков с. Брович,** Новорожской вол., Новозыбковского уезда, в Черниговскую губ. земск. управу. «Право», 1905, № 32, стр. 2593—2594.

76. **Долгоруков.** Аграрная волна. «Право», 1906, № 1, стр. 24—36; № 2, стр. 90—99. (Крестьянское движение в Суджанском уезде, Курской губ. в 1905 г.).

77. **Донская казачья организация.** Казачьи нужды. (Проект казачьей программы). «Социалдем.», 1906, № 6, стр. 5.

78. **Драницын.** Нижегородская губ. в 1905 г. в губернаторском освещении во «всеподданнейшем» его годовом отчете. «Матер. по истор. револ. движен.», под ред. Илларионова. Т. 4, стр. 79—82. (Сведения о крестьянском движении).

79. **Друг.** Отголоски крестьянских беспорядков. «Освобожд.», 1902, № 12, стр. 199. (Расправа с крестьянами за попытку прекращения работ у помещика; Ковенская губ., 1902 г.).

80. **Елпатьевский.** Прошлое и настоящее. «Совр. Зап.», 1906, № 1, стр. 96—102. (О крестьянском движении 1905 г.).

81. **Еще одно заявление по делу о харьковских крестьянских беспорядках.** «Освобожд.», 1902, № 10, стр. 164. (Заявление защитников).

82. **Еще поджог.** «Освобожд.», 1903, № 13, стр. 215. (Поджог крестьянами сахарного завода в Киевской губ. 1902).

83. **Еще циркуляр против пропаганды среди крестьян.** «Освобожд., 1902, № 6, стр. 96—97. (1902 г.).

84. **Жеденов.** Гавриил Наколаевич Луженовский. Стр. 64—73. (Аграрное движение в Тамбовской губ. 1905 г.).

85. **Забастовка в имении.** «Право», 1905, № 37, стр. 3093—3095. (Киевский уезд).

86. **Забастовка крестьян-рабочих.** «Право», 1906, № 50, стр. 3987. (Кунянский уезд, Харьковской губернии, 1906).

87. **За кулисами правительственного механизма.** «Рев. Рос.», 1902, № 8, стр. 23—24. (1) Приказ по войскам в связи с крестьянским движением в Полтавской и Харьковской губ. в 1902 г.; 2) Циркуляр Полтавской Консистории духовенству о проповеди повиновения властям; 3) Циркуляр Гл. Упр. по делам печати о запрещении перепечатывать статью о крестьянском движении в Харьковской и Полтавской губ., помещенную в № 19 «Хозяина»; 4) Циркуляр Саратовского губернатора земским начальникам о борьбе с развивающимся крестьянским движением. 1902).

88. **За кулисами правительственного механизма.** «Рев. Рос.», 1902, № 14, стр. 8—9. (1) Циркуляр черниговского губернатора земским начальникам о борьбе с революционной пропагандой среди крестьян; 2) Циркуляр Синода архиереям о принятии духовенством мер к предупреждению крестьянских волнений; 3) Циркуляр губернатора земским начальникам по поводу борьбы с подпольной литературой и вредными слухами. 1902).

89. **Замечательный процесс на аграрной подкладке.** «Освобожд.», 1903, № 4, (28), стр. 57—58. (Дело о крестьянском движении в Петровском уезде, Саратовской губ., 1902 г.).

90. **Записка начальника нижегородского охранного отделения** (за 1905 г.), «Матер. по ист. револ. движ., под ред. Илларионова, т. 4, стр. 87—88. (О Крестьянском Союзе в Нижегородской губ.).

91. **Записка польских крестьян.** «Право», 1905, № 18, стр. 1504—1505, (Келецкая губ., 1905).

92. **Заявление гурийцев.** «Право», 1905, № 11, стр. 826—827. (Заявление крестьян с. Хидистави Султан-Крым-Гирею, 1905).

93. **Заявление крестьян Прямухинской волости тверскому губернатору.** «Право», 1905, № 40, стр. 3357. (1905).

94. **Заявление крестьян Тамбовской губ.** «Право», 1905, № 17, стр. 1410—1411, (1905).

95. **Заявление черниговских крестьян.** «Право», 1905, № 27, стр. 2243—2245. (1905).

96. **Земельные волнения.** Сборн. «Для всего крестьянства», изд. «Молодое Крестьянство», вып. I, стр. 74—80. (Сводка корреспонденций из Орловской, Подольской, Курской, Тамбовской, Саратовской, Киевской, Тверской, Новгородской, Костромской и Воронежской губ.).

97. **Землевладелец.** Успокоены ли мы? «Рев. Рос.», 1902, № 8, стр. 25. (По поводу крестьянского движения в Полтавской и Харьковской губ. в 1902 г.).

98. **Иванов.** Деревня во время Думы. Сборник «Для всего крестьянства», изд. «Молодое Крестьянство», вып. I, стр. 69—73. (Смоленская губ.).

99. **Иванов.** Деревня после разгона Думы. Сборн. «Страдная пора», изд. «Молодое Крестьянство», стр. 74—76. (Смоленская губ.).

100. **Иванов.** Крестьянское движение во Владимирской губ. в 1905—1906 г.г. «Труды Влад. губ. Научн. общ. по изучению местн. края». Вып. IV.

101. **Избиение** учащихся в Костроме. «Право», 1905, № 48—49, прилож., стр. 179. (Участие крестьян в избиении, октябрь 1905).

102. **Из г. Балки.** Листки «Жизни», изд. с.-д. организ. «Жизнь», 1902, № 11, стр. 31—32. (О суде над участниками харьковских волнений, 1902).

103. **Из жизни страны.** Крестьянское движение. «Наша Мысль». 1906, № 5, стр. 13. (1905).

104. **Из деревни.** «Искра», 1901, № 7, стр. 4. (О крестьянских настроениях; крестьянское движение в Ошмянском уезде, Виленской губ.).

105. **Из деревни.** «Искра», 1902, № 22, стр. 4—5. (Крестьянское движение в Новгородской, Курской, Пензенской, Полтавской, Орловской губ.).

106. **Из деревни.** «Искра», 1902, № 23, стр. 3—5. (Крестьянское движение в Воронежской, Саратовской, Харьковской, Киевской, Подольской, Черниговской, Ставропольской губ. и на Кубани, 1902).

107. **Из деревни.** «Искра», 1902, № 25, стр. 5. (О настроении крестьян в Курской и Полтавской губ., 1902).

108. **Из деревни.** «Искра», 1902, № 26, стр. 6. (Крестьянское движение в Курской и Полтавской губ. и в Закавказье, 1902).

109. **Из деревни.** «Искра», 1902, № 27, стр. 7. (Крестьянское движение в Воронежской, Черниговской и Пермской губ., 1902).

110. **Из деревни.** «Искра», 1902, № 29, стр. 7. (Настроение крестьян в Тверской губ., 1902).

111. **Из деревни.** «Искра», 1903, № 31, стр. 4. (Крестьянское движение в Смоленской, Полтавской и Рязанской губ., 1902).

112. **Из деревни.** «Искра», 1903, № 32, стр. 5. (Дело о сопротивлении властям крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губ., 1902).

113. **Из деревни.** «Искра», 1903, № 42, стр. 6. (Настроение крестьян в Саратовской губ.; Крестьянское движение на Кавказе, 1902).

114. **Из деревни.** «Искра», 1903, № 43, стр. 6—7. (Крестьянское движение в Тверской и Воронежской губ. и в Закавказьи, 1903).

115. **Из деревни.** «Искра», 1903, № 44, стр. 4. (Крестьянское движение в Херсонской губ., 1903).

116. **Из деревни.** «Искра», 1903, № 46, стр. 4. (Крестьянское движение в Херсонской, Рязанской и Новгородской губ., 1903).

117. **Из деревни.** «Искра», 1903, № 51, стр. 5—6. (Крестьянское движение в Киевской губ.; настроение крестьян в Смоленской и Новгородской губ., 1903).

118. **Из деревни.** «Искра», 1903, № 52, стр. 5. (Крестьянское движение в Саратовской губ. 1902—1903 г.г.; настроения среди крестьян Пермской губ. и Кубанских казаков, 1903).

119. **Из деревни.** «Искра», 1903, № 55, стр. 8. (Крестьянские настроения в южных губерниях; пропаганда среди крестьян в Вологодской и Тверской губ., 1903).

120. **Из деревни.** «Искра», 1904, № 56, стр. 6. (Крестьянское движение в Грузии, 1903).

121. **Из деревни.** «Искра», 1904, № 57, стр. 6. (Крестьянское движение на Кавказе в 1902 г.; настроение крестьян в Тверской губ, 1903).

122. **Из деревни.** «Искра», 1904, № 59, стр. 7—8. (О пропаганде среди крестьян в Тверской губ.).

123. **Из деревни.** «Искра», 1904, № 60, стр. 6—7. (Дело о крестьянских беспорядках в имении кн. Гагарина в Рязанской губ. в 1903 г.; крестьянское движение на Кавказе, 1903).

124. **Из деревни.** «Искра», 1904, № 63, стр. 6. (Настроение среди крестьян в Харьковской и Херсонской губ., 1904).

125. **Из деревни.** «Искра», 1904, № 67, стр. 5—6. (Майский праздник среди гурийских крестьян; настроение крестьян в Тверской и Екатеринославской губ., 1904).

126. **Из деревни.** «Искра», 1904, № 71, стр. 8—9. (Крестьянское движение в Тверской губ., в Прибалтийском крае и в Гурии).

127. **Из деревни.** «Искра», 1904, № 74, стр. 7—8. (Крестьянское движение в Черниговской губ., 1904).

128. **Из деревни.** «Искра», 1904, № 79, стр. 9. (Крестьянское движение в Рязанской, Оренбургской, Киевской, Полтавской и Херсонской губ., 1903—1904).

129. **Из деревни.** «Искра», 1905, № 84, стр. 6. (Партийная работа среди крестьян Саратовской губ. 1903—1904).

130. **Из деревни.** «Искра», 1905, № 93, стр. 6. (Крестьянское движение в Саратовской и Орловской губ., 1905).

131. **Из деревни.** «Искра», 1905, № 96, стр. 4. (Крестьянское движение в Бессарабской и Орловской губ., 1905).

132. **Из деревни.** «Искра», 1905, № 100, стр. 7—8. Крестьянское движение в Закавказьи, 1905).

133. **Из деревни** «Социалдемократ», 1905, № 10, стр. 9—11. (Крестьянское движение в Херсонской губ., 1905).

134. **Из деревни.** «Социалдемократ», 1905, № 16, стр. 9—10. (Крестьянское движение в Полтавской губ., 1905).

135. **Из записки начальника нижегородского охранного отделения.** «Материалы по ист. револ. движ.», под ред. Илларионова, т. 4, стр. 95. (О крестьянском союзе в Нижегородской губ., 1906).

136. **Из крестьянского движения.** «Пролетарий», 1905, № 6, стр. 4. (Минская губ. и Закавказье; 1905).

137. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1902, № 20, стр. 2—3. (Крестьянское движение в Харьковской и Полтавской губ.).

138. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1902, № 21, стр. 3—4. (Крестьянское движение в Полтавской, Харьковской и Воронежской губ.).

139. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1902, № 24, стр. 3. (Циркуляр нижегородского губернатора земским начальникам о привлечении крестьян к борьбе с пропагандистами и агитаторами, 17 июля 1902 г.).

140. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1902, № 26, стр. 3—4. (Расправа с крестьянами в Саратовской губ.; протест защитников по делу о крестьянских волнениях в Харьковской губ., 1902).

141. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1902, № 28, стр. 3. (Протест защитников по делу о крестьянских волнениях в Харьковской губ. в 1902 г.).

142. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1903, № 31, стр. 4. (Настроение среди казаков на Кубани, 1902).

143. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1903, № 41, стр. 8. (Об аграрном движении в Саратовской губ.).

144. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1903, № 50, стр. 3—4. (Волнения крестьян в Армении по поводу передачи в ведение казны армянских церковных имуществ, 1903).

145. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1903, № 53, стр. 4—6. (Волнения крестьян в Армении по поводу отобрания церковных имуществ; настроение крестьян в Киевской, Полтавской и Черниговской губ., 1903).

146. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1903, № 54, стр. 5. (О крестьянском движении в Черниговской губ.).

147. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1904, № 61, стр. 6. (Настроения среди донского казачества).

148. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1904, № 73, стр. 5—6. (Еврейский погром в м. Смеле, Киевской губ.; крестьянское движение в Московской. губ., 1904).

149. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1905, № 82, стр. 5. (Митинг протеста против войны в Гурии, 1905).

150. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1905, № 95, стр. 3—4. (О революционном движении в Гурии).

151. **Из нашей общественной жизни.** «Искра», 1905, № 99, стр. 4. (Борьба властей с агитацией среди крестьян в Перекопском уезде, Таврической губ., 1905).

152. **Из Новгородской губ.** «Освобождение». 1902, № 3, стр. 46—47. (Настроение крестьян в 1902 г.).

153. **Из общественной жизни.** «Вперед», 1905, № 10, стр. 3. (О крестьянских настроениях; крестьянское движение в Курской и Орловской губ. 1905).

154. **Из общественной жизни.** «Вперед». 1905, № 11, стр. 3, 4—5. (Крестьянское движение в Закавказьи, в Курской, Орловской и Черниговской губ., 1905).

155. **Из общественной жизни.** «Вперед», 1905, № 12, стр. 2—3. (Крестьянское движение в Гурии, в Черниговской, Саратовской и Орловской губ., 1905).

156. **Из общественной жизни.** «Вперед», 1905, № 13, стр. 4. (Крестьянское движение в Харьковской и Черниговской губ., 1905).

157. **Из общественной жизни.** «Вперед», 1905, № 14, стр. 3—4. (Крестьянское движение в Гурии, в Орловской и Черниговской губ., 1905).

158. **Из общественной жизни.** «Вперед», 1905, № 15, стр. 5. (Крестьянское движение в Закавказьи, 1905).

159. **Из общественной жизни.** «Вперед», 1905, № 16, стр. 3—4. (Крестьянское движение в Закавказьи, в Харьковской, Екатеринославской, Курской, Воронежской, Курляндской, Витебской, Тамбовской и Орловской г., 1905).

160. **Из общественной жизни.** «Пролетарий», 1905, № 7, стр. 5. (Крестьянское движение в Черниговской и Подольской губ., 1905).

161. **Из общественной жизни.** «Пролетарий», 1905, № 9, стр. 4. (Крестьянские настроения в Тверской губ.; организация «Казачья воля» на Дону, 1905).

162. **Из общественной жизни.** «Пролетарий», 1905, № 14, стр. 4. (Избиение крестьянами интеллигентов в Суздальском уезде, Владимирской губ., 1905).

163. **Из общественной жизни.** «Пролетарий», 1905, № 15, стр. 3. (Организация дворянства в Закавказьи для борьбы с крестьянским движением, 1905).

164. **Из общественной жизни.** «Пролетарий», 1905, № 16, стр. 5—6. (Крестьянское движение на Дону и в др. местах, 1905).

165. **Из общественной жизни.** «Пролетарий», 1905, № 18, стр. 4. (Крестьянское движение в Новгородской и Псковской губ., 1905).

166. **Из общественной жизни.** «Пролетарий», 1905, № 20, стр. 5. (Крестьянское движение в Симбирской губ., 1905).

167. **Из общественной жизни.** «Пролетарий», 1905, № 23, стр. 4, 5. (Постановление крестьян Юрьевецкого уезда, Костромской губ., о бойкоте Гос. Думы; митинги в Кутаисской губ. против введения земства, 1905).

168. **Из общественной жизни.** «Пролетарий», 1905, № 25, стр. 4. (О настроении крестьян в Костромской г., 1905).

169. **Из общественной жизни.** «Рев. Рос.», 1905, № 58, стр. 17—18. (О крестьянском движении в Саратовской губ., 1904).

170. **Из общественной жизни.** «Рев. Рос.», 1905, № 68, стр. 18. (Крестьянское движение в Подольской губ.).

171. **Из обществ. хроники.** «Вестн. Евр.», 1902, № 3, стр. 425—430). (Правительственное сообщение о разгроме православной церкви сектантами в с. Павловках, Харьковской губ., в 1901 г.).

172. **Из партии.** «Искра», 1905, № 104, стр. 7—8. (Революционное движение в Гурии. 1901—1905).

173. **Из партии.** «Пролетарий», 1906, № 6, стр. 6—8. (Крестьянское движение в Лифляндской, Курляндской, Таврической, Минской губ., 1906).

174. **Из партии.** «Пролетарий», 1907, № 16, стр. 7. (Конференция с.-д. крестьянской организации Ямбургского уезда, Петербургской губ., 1907).

175. **Из партии.** «Социалдемократ», 1906, № 3, стр. 8. (Крестьянские настроения и партийная работа среди крестьян в Саратовской, Самарской,

Казанской, Нижегородской, Курляндской, Лифляндской губ., 1906).

176. **Из партии.** «Социалдемократ». (Настроения и партийная работа в деревне в Петербургской г., 1906).

177. **Из партийной деятельности.** «Рев. Рос.», 1902, № 8, стр. 25—27. (О революционной работе партии с.-р. среди крестьян в конце 90-х годов и начале 900-х).

178. **Из Полтавской губ.** «Освобожд.», 1902, № 5, стр. 78—79. (О крестьянском движении 1902 г.).

179. **Из рабочего движения.** «Пролетарий», 1905, № 5, стр. 5. (О крестьянском движении в Закавказьи, 1905).

180. **Из Ставрополя - Кавказского.** Листки «Жизни», изд. с.-д. организац. «Жизнь», 1902, № 11, стр. 29—31. (О крестьянском движении в Ставропольской губ. в 1902 г.).

181. **Именной высочайший указ** (11 мая 1902 г.), «Право», 1902, № 21, стр. 1095—1096. (По поводу крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губ.).

182. **Именной высочайший указ** Правительствующему Сенату. «Право», 1905, № 15, стр. 1186—1187. (О возмещении убытков потерпевшим при крестьянских беспорядках, от 10 апреля 1905 г.).

183. **Каландадзе и Мхеидзе.** Очерки революционного движения в Гурии. Изд. «Эпоха», 1906. (1901—1906).

184. **Калинин.** Крестьянский съезд. «Пролетарий», 1905, № 25, стр. 2—3. (Учредительный съезд Крестьянского Союза, летом 1905 г.).

185. **Калинин.** Крестьянское движение. «Пролетарий», 1905, № 11, стр. 2. (Размер и характер крестьянского движения).

186. **Калинин.** Пробуждение крестьянства. «Пролетарий», 1905, № 1, стр. 4.

187. **Канцелярская крыса.** Полтавские крестьянские беспорядки. «Освобождение», 1903, № 15, стр. 258—259, № 16, стр. 278. (1902).

188. **Карательные экспедиции.** «Рус. Вед.», 1906, № 27, стр. 3. (Курляндская и Лифляндская губ., 1906).

189. **Карелин.** Крестьянские волнения. «Современник», 1911, № 12, стр. 154—166. (По поводу анкеты Вол. Эк. Общ. об аграрном движении. 1905—1916 г.г.).

190. **К восстанию в Гурии.** «Искра», 1905, № 91, стр. 1—2. (1903—1905).

191. **Клейнборт.** Движение сельскохозяйственных рабочих. «Образов.», 1905, № 9, отд. II, стр. 16—31, (1905).

192. **Климков.** Расправы и расстрелы. (1905—1906 г.). Стр. 85—162. (Крестьянское движение и карательные экспедиции в Прибалтийском крае). Стр. 212—216. (Крестьянское движение в Польше). Стр. 223—237. (Карательные экспедиции на Кавказе).

193. **Козырев.** Пыталовская ветвь в 1905 г. (Эпизод из восстания в Прибалтийском крае). «Истор. Вестник», 1912, № 3, стр. 962—975. (Курляндская губ.).

194. **Корнилов.** Фактические данные о настроении крестьян. «Право», 1905, № 33, стр. 2689—2699. (1905 г.).

195. **Короленко.** Земли, земли! «Гол. Мин.», 1922, № 2, стр. 124—147. (О крестьянском движении в Полтавской губ., 1902—1907 г.г.).

196. **Короленко.** К Полтавской трагедии. «Сев. Зап.», 1906, № 1, стр. 156—158. (О расправе с крестьянским движением в Полтавской губ. в 1905 г.).

197. **Короленко.** Открытое письмо статскому советнику Филонову. «Право», 1906, № 3, стр. 214—220. (По поводу расправы с крестьянами в Сорочинцах и Устивице, Полтавской губ.).

198. **Котляревский.** Накануне аграрной реформы. «Право», 1905, № 18, стр. 1455—1459. (По поводу крестьянского движения 1905 г.).

199. **Крапивин.** Из Новохоперского уезда, Воронежской губ. Сборн. «Для всего крестьянства», изд. «Мол. Крестьянство», вып. I, стр. 63—65. (Крестьянское движение в 1905 г.).

200. **К рекрутской кампании.** «Социалдемократ», 1906, № 2, стр. 6—7. (Настроение крестьян в Самарской, Вятской, Саратовской, Могилевской, Витебской, Киевской губ., 1906).

201. **К рекрутской кампании.** «Социалдемократ», 1906, № 3, стр. 6. (Настроение крестьян в Минской, Херсонской, Костромской, Московской, Смоленской, Нижегородской, Тверской, Ярославской, Орловской губ. и на Северном Кавказе. 1906).

202. **Крестьяне и политическая свобода.** «Социалдемократ», 1905, № 8, стр. 9—10. (Приговор крестьян с. Ивановского, Балашовского уезда, Саратовской губ., 1905).

203. **Крестьянские беспорядки в Саратовской губ.** «Освобожд.», 1902, № 15, стр. 257—258, № 16, стр. 276—277. (Суд над участниками движения 1902 г.).

204. **Крестьянские беспорядки в Сорочинцах.** «Право», 1907, № 47, стр. 3038—3043. (Миргородский уезд, Полтавской губ., 1905 г.).

205. **Крестьянские наказы Самарской губ.** (Опыт собирания материалов русской революции). С вступительными статьями Кудрявцева и Васильева. Самара, 1906.

206. **Крестьянские приговоры.** «Право», 1905, № 48—49, стр. 3917—3918. (Московская и Тверская губ., 1905).

207. **Крестьянские суды.** «Рев. Рос.», 1902, № 13, стр. 6—8. (По поводу суда над участниками волнений в Харьковской и Полтавской губ. в 1902 г.).

208. **Крестьянский приговор** общества крестьян с. Жеребец, Александровского уезда, Херсонской губ., «Право», 1905, № 33, стр. 2721—2722. (Ре-

209. **Крестьянский приговор.** «Право», 1905, № 33, стр. 2721—2722. (Речицкий уезд, Минской губ., 1905).

210. **Крестьянский приговор.** «Право», 1905, № 33, стр. 2718—2721. (Минусинский уезд, 1905).

211. **Крестьянский приговор.** «Право», 1905, № 34, стр. 2798—2800. (Новоторжский уезд, Тверской губ., 1905).

212. **Крестьянский приговор.** «Право». 1905, № 34, стр. 2800—2801. (Суджанский уезд, Курской губ.).

213. **Крестьянский приговор.** «Право», 1905, № 47, стр. 3823. (Можайский уезд, Московской губ., 1905).

214. **Крестьянский приговор.** «Рев. Рос.», 1905, № 73, стр. 26. (Балашовский уезд, Саратовской губ., 1905).

215. **Крестьянский приговор.** «Социалдемократ», 1905, № 15, стр. 7—8. (Приговор крестьян Прямухинской волости, Новоторжского уезда, 1905. См. «Право», 1905, № 37).

216. **Крестьянский процесс.** «Право», 1906, № 43, стр. 3334—3336. (Дело о крестьянском движении в Золотоношском уезде, Полтавской губ., 1905).

217. **Крестьянский процесс.** «Рев. Рос.», 1903, № 29, стр. 8—10. (Дело о крестьянском движении в Петровском уезде, Саратовской г., в 1902 г.).

218. **Крестьянский съезд.** «Пролетарий», 1905, № 17, стр. 4. (Учредительный съезд Крестьянского Союза, летом 1905 г.).

219. **Крестьянский Союз.** «Право», 1905, № 44, стр. 3630—3639. (О делегатском съезде союза, ноябрь, 1905 г.).

220. **Крестьянское движение.** «Рев. Рос.», 1902, № 8, стр. 1—5. (Анализ крестьянского движения 1902 г.).

221. **Крестьянское движение.** «Рус. Вед.», 1906, № 27, стр. 3. (Обзор, 1906).

222. **Крестьянское движение в Курской губ.** «Рев. Рос.», 1905, № 62, стр. 13—14. (1905).

223. **Крестьянское движение 1902 года.** «Материалы по истории крестьянского движения в России», под ред. Веселовского, Пичеты и Фриче. Вып. III. (Харьковская и Полтавская губернии).

224. **Кс—ов.** Деревня после разгона Думы. «Вестн. Жизни». 1906, № 12. стр. 48—53.

225. **К суду над харьковскими крестьянами.** «Рев. Рос.», 1902, № 12, стр. 10. (Заявление защитников по делу о крестьянских волнениях 1902 года).

226. **Кутлер.** Новое исследование о крестьянском движении и его причинах. «Рус. Мысль». 1908, № 4, стр. 24—40. (По поводу книги Маслова: «Аграрный вопрос в России», т. II).

227. **К эпилогу крестьянских бунтов.** «Искра», 1902, № 27, стр. 1. (По поводу крестьянск. движения 1902 г.).

228. **L.** Брожение среди крестьян. (Письмо из Саратовской губ.). «Освобождение», 1902, № 10, стр. 162—163. (1902).

229. **Ландер.** Из истории эстонского освободительного движения. «Вестник Жизни», 1907, № 5, стр. 108 — 114; № 7, стр. 52—64. (Движение 1905 г.).

230. **Л. Б.** На родине. «Совр. Мир». 1907, № 5, стр. 53—59. (Аграрное движение в 1907 г.).

231. **Леви.** Отрывок из воспоминаний о работе в деревне в 1905 г. «Путь к Октябрю», 1923 г., вып. II, стр. 339—343. (О крестьянском движении в Верейском уезде, Московской губ.).

232. **Маевский.** Массовое движение с 1904 по 1907 гг. «Общ. движен. в в России в начале XX в.», под ред. Мартова, Маслова и Потресова, т. II, часть I, стр. 60—62, 118—126, 158—

184. (Крестьянское движение 1905—1907 гг. Есть отдельное издание).

233. **Мальмгрен.** Туккумская революция. (По рассказам очевидца). «Ист. Вестн.», 1913, № 3, стр. 935—951. (Эпизод из революции 1905 года в Курляндии).

234. **Маслов.** Аграрный вопрос в России. Т. II. (Крестьянское движение 1901—1907 гг.).

235. **Маслов.** Крестьянское движение. «Общ. движ. в России в начале XX в.», под ред. Мартова, Маслова и Потресова, т. II, ч. 2, стр. 203—282. (1905—1907).

236. **Маслов.** Крестьянское движение накануне революции. «Совр. Мир». 1907, № 10, стр. 169 — 209. (1900—1904 гг. Вошло в книгу: «Аграрный вопрос в России», т. II).

237. **Материалы к крестьянскому вопросу.** Отчет о заседаниях делегатского съезда Всероссийского Крестьянского Союза 6—10 ноября, 1905 года, изд. «Нов. Мир». 1905 г. С вступительной статьей В. Громана.

238. **Материалы по вопросам—земельному и крестьянскому.** Всероссийский съезд крестьян-старообрядцев в Москве, 22—25 февраля, 1906 г. Изд. Рябушинского. (Журналы съезда, доклады уполномоченных и пр.).

239. **Медведев.** Из Константиноградского уезда, Полтавской губ. Сборн. «Для всего крестьянства», изд. «Молодое Крестьянство». Вып. I, стр. 66—68. (Крестьянское движение в 1905 г.).

240. **Мицкевич.** (Капсукас). 1905 г. в Литве. «Прол. Рев.», 1922, № 11, стр. 63—71. (Крестьянское движение в Литве в 1905 г.).

241. **М. К.** Аграрное движение. «Спутник избирателя» на 1906 г. Стр. 125—136. (1905).

242. **М. С.** Из воспоминаний об аграрном движении 1902 года в Полтавской губ. (Рассказ потерпевшего). «Истор. Вестн.», 1908, № 4, стр. 163—188.

243. **М. Т.** Политическое обозрение. «Вопросы дня». 1906, № 3, стр. 14—16. (Крестьянское движение).

244. **Мякотин.** Роспуск Государственной Думы и его результаты. «Рус. Бог.», 1906, № 8, стр. 167—170. (Отношение крестьян к Государственной Думе и к ее роспуску).

245. **Мякотин.** Хроника внутренней жизни. «Рус. Бог.», 1902, № 8, стр. 156—160. (Циркуляр министра внутренних дел губернаторам от 22 июля 1902 г. об устранении неверных толкований крестьянами своих отношений к землевладельцам. Крестьянские волнения в Саратовской губ.).

246. **Н.** Русская жизнь. «Радуга». 1907, № 1, стр. 112—115. (Крестьянское движение в Минской, Нижегородской, Волынской, Владимирской губ., 1907 г.).

247. **Нападение из экономических побуждений.** «Право», 1904, № 18, стр. 1028—1029. (Шавельский уезд, Ковенской губ., 1902 г.).

248. **Нападение крестьян на помещика.** «Право», 1904, № 6, стр. 383—395; № 7, стр. 457—462; № 8, стр. 526—535. (Михайловский уезд, Рязанской губ., 1903).

249. **Нападение одной части населения на другую.** «Право», 1906, № 17, стр. 1574—1579; № 18, стр. 1697—1701; № 19, стр. 1773—1785; № 20, стр. 1860—1863. (Дело о еврейском погроме в м. Троянове, Житомирского уезда, 1905. Участие в погроме крестьян).

250. **Нападение одной части населения на другую.** «Право», 1906, № 51, стр. 4082—4083. (О крестьянском движении в Вельском уезде, Вологодской губ.).

251. **Не волчий зуб, так лисий хвост.** «Рев. Рос.», 1903, № 21, стр. 8. (Письмо Киевского губернатора помещице Шклярской по поводу бывших в ее имении беспорядков, в 1902 г.).

252. **Недовольный.** Из Озургетского уезда. «Искра», 1902, № 28, стр. 4. (Крестьянское движение в Гурии, 1902 г.).

253. **Недозволенное переселение и сопротивление властям.** «Право», 1902, № 28, стр. 1337—1339. (Бессарабская губ., 1901).

254. **Неповиновение властям.** «Право», 1902, № 27, стр. 1293—1299. (Воронежская губ., 1901—1902 гг.).

255. **Несамарец.** Военные настроения. «Освобожд.», 1904, № 24 (48), стр. 438. (Отношение крестьян Самарской губернии к русско-японской войне).

256. **Нечетный.** У земли. «Вестник Рус. Револ.», 1902, № 2, отд. II, стр. 37—82. (Обзор крестьянского движения за 1881—1901 гг.).

257. **Никодимов.** Стачки сельских рабочих. «Вопросы Дня». 1906, № 5, стр. 9.

258. **Никодимов и Ларионов.** Крестьянское движение и аграрный вопрос. Изд. Скирмунта. 1906.

259. **Новое свидетельство об успехах революции.** «Рев. Рос.», 1902, № 10, стр. 13—14. (Циркуляр Министра Внутренних Дел Губернаторам от 21 мая 1902 г. о принятии мер к предотвращению и пресечению крестьянских волнений).

260. **Н. Р.** Под свобод. Сборн. «Страдная пора», изд. «Молод. Крестьянство», стр. 77—78. (Крестьянство Московской губ. в 1905—1906 гг.).

261. **Обнинский.** Летопись русской революции. Т. III. Дума и революция. Вып. I. Меры против печати, тюрьма и ссылка, карательные экспедиции, смертные казни. Стр. 75—118. Хроника, стр. 97 — 105. (Карательные экспедиции; апрель—июль 1906 г.).

262. **Обнинский.** Летопись русской революции. Т. III. Дума и революция. Вып. II. Вне закона. Стр. 23—33, 35—38, 64—79, 83, 89—96, 109, 111—112. Хроника, стр. 1 — 61. (Правительственные репрессии в связи с крестьянским движением; апрель—июль, 1906 г.).

263. **Обнинский.** Полгода русской революции. (Октябрь 1905 г.—апрель 1906). Вып. I, стр. 1—24. (Митинги, демонстрации, столкновения с войсками и полицией); стр. 51—69. (Аграрное движение); стр. 69—100. (Аресты в связи с крестьянским движением); стр. 109—123. (Судебные приговоры и административные распоряжения об участниках крестьянского движения); стр. 152 — 168. (Покушения и убийства); стр. 169—172. (Карательные экспедиции в Прибалтийском крае и на Кавказе).

264. **Обозрение русской жизни.** «Освобожд.», 1902, № 4, стр. 55—58. (Мероприятия властей в Полтавской, Херсонской, Черниговской, Орловской, Ставропольской, Саратовской, Тверской губ., в связи с крестьянским движением 1902 г.).

265. **Обозрение русской жизни.** «Освобожд.», 1902, № 7, стр. 108—109. (Речь царя к волостным старшинам в Курске, по поводу крестьянских волнений; мероприятия полтавского и саратовского губернаторов в целях успокоения крестьян. 1902).

266. **Обозрение русской жизни.** «Освобожд.», 1902, № 8, стр. 124. (О враждебном отношении крестьян к духовенству; Волынская губ. (1902).

267. **Общественный приговор.** «Право», 1905, № 35, стр. 1894—1897. (Приговор крестьян дер. Ильиной, Ковровского уезда, Владимирской губерн., 1905).

268. **Объявление Екатеринославского генерал-губернатора сельскому населению.** «Право», 1906, № 4, стр. 319. (По поводу крестьянского движения).

269. **Оглоблин.** Гамазейное движение. (Из деревенских настроений). «Ист. Вест.», 1906, № 6, стр. 801—821. (Владимирская губ., 1905 г.).

270. **Оглоблин.** Клинские «мощи». (Из деревенских настроений). «Ист. Вестн.», 1907, № 2, стр. 546—558. (Владимирская губ., 1906 г.).

271. **Оглоблин.** Около мужика. (Из деревенских настроений). «Истор. Вестник», 1907, № 4, стр. 123—150. (Владимирская губ., 1906).

272. **Оглоблин.** Отголоски смуты. (1905—1906). «Ист. Вестник», 1912, № 10, стр. 249—282. (О крестьянском движении во Владимирской губ.).

273. **Оглоблин.** Первые выборы в Думу. (Из деревенских настроений). «Ист. Вестн.», 1906, № 7, стр. 88—109. (Владимирская губ., 1906).

274. **Оглоблин.** Под думским режимом. (Из провинциальных настроений). «Ист. Вести.», 1907, № 1, стр. 120—129. (Настроения среди крестьян Владимирской губ., 1906).

275. **Оглоблин.** Устиновская правда. (Из деревенских настроений). «Ист. Вестн.», 1906, № 4, стр. 110—126. (Крестьянское движение во Владимирской губ., 1905 г.).

276. **Одинокий.** Всероссийская крестьянская (земледельческая) партия. Приложение к еженедельнику «Земля и Народ», 1906. (Программа партии и ее обоснование).

277. **О крестьянском союзе.** «Крест. Дело», 1906, № 1.

278. **Ольгович.** Что сказала деревня первой Государственной Думе? (Крестьянские наказы Владимирской, Саратовской, Киевской, Воронежской, Тульской, Псковской, Костромской, Витебской, Астраханской, Петербургской, Новгородской, Вятской, Курской, Самарской и Харьковской губ.).

279. **Освобождение из тюрем крестьянами политических заключенных.** «Право», 1907, № 37, стр. 2421—2426. (Острогожский уезд, Воронежской г., 1906).

280. **От департамента полиции.** «Право», 1905, № 32, стр. 2582—2584. (О крестьянском движении в Саратовской губ., 1905 г.).

281. **От департамента полиции.** «Право», 1905, № 33, стр. 2702—2712. (О крестьянском движении в Лифляндской и Курляндской губ. в 1905 г.).

282. **П—а.** Из Прибалтийского края. «Наша Мысль», 1906, № 5, стр. 14—15. (Революционное движение после 17 октября 1905 года и белый террор).

283. **Перелешин.** Сборник сведений, полезных для крестьян. 1905, стр. 12—13. (Суд над крестьянами, разгромившими экономию Юсупова в Воронежской губ.). Стр. 17—32. (Материалы для истории Всероссийского Крестьянского Союза).

284. **Петербург,** 17 февраля. «Наша Мысль, 1906, № 5, стр. 1—2. (Аграрное движение и правительственные «меры успокоения»).

285. **Петиция в совет министров** Ивановского сельск. общества, Херсонской губ. «Право», 1905, № 22, стр. 1814—1815. (1905).

286. **Петиция в совет министров** Ивановского сельского общества, Одесского уезда. «Право», 1905, № 23, стр. 1892. (1905).

287. **Петиция в совет министров** крестьян Витебской губ. «Право», 1905, № 23, стр. 1892—1893. (1905).

288. **Петиция в совет министров** крестьян Одесского уезда. «Право», 1905, № 23, стр. 1891—1892. (1905).

289. **Петиция крестьян.** «Право», 1905, № 17, стр. 1409—1410. (Тельшевский уезд, Ковенской губ., 1905).

290. **Петиция крестьян.** «Право». 1905, № 20, стр. 1662—1664. (Витебская губ., 1905).

291. **Петиция крестьян.** «Право», 1905, № 22, стр. 1815—1817. (Прасковейский уезд, Ставропольской губ., 1905).

292. **Петиция сумских крестьян.** «Право», 1905, № 22, стр. 1810—1812. (Сумской уезд, Харьковской г., 1905).

293. **Петрищев.** Применительно к аграрным программам. «Совр. Зап.», 1906, № 1, стр. 19—56. (О крестьянском движении, 1905).

294. **Пешехонов.** Аграрная проблема в связи с крестьянским движением. М., 1906.

295. **Пешехонов.** Хроника внутренней жизни. «Рус. Бог.», 1905, № 6, стр. 210—237; № 7, стр. 140—162. (Крестьянское движение 1905 г.).

296. **Пик.** К характеристике аграрного движения в Прибалтийском крае. Сборн. «Текущий момент», 1906, стр. 1—15. (1905 г.).

297. **Письмо из Вятки.** «Искра», 1902, № 27, стр. 7. (Крестьянские настроения и борьба полиции с пропагандой среди крестьян, 1902).

298. **Письмо коровинского крестьянина.** «Право», 1906, № 4, стр. 340. (Расправа с крестьянами при помощи военной силы ,1905).

299. **Письмо сельских рабочих** Сквирского уезда, Киевской губ. Ко всем сельским работникам и работницам. «Социалдемократ», 1905, № 9, стр. 4—6.

300. **Письмо членов крестьянского союза.** «Право», 1905, № 47, стр. 3798—3799. (Открытое письмо арестованных членов Центр. Бюро содействия Всероссийского Крестьянского Союза, 1905 г.).

301. **Погром в Орше.** «Право», 1905, № 48—49, прилож., стр. 158—159. (Участие крестьян в еврейском погроме, октябрь 1905 г.).

302. **Погромы и избиения в разных местах.** «Право», 1905, № 48 — 49, прилож., стр. 188 — 203. (Октябрь 1905 г.).

303. **Полицейский провокатор среди сектантов.** «Искра», 1902 г., № 14, стр. 2. (По поводу разгрома православной церкви сектантами в с. Павловках, Харьковской губ. в 1901 г.).

304. **Полтавские крестьянские беспорядки перед судом.** «Освобожд.». 1902, № 8, стр. 120—121. (1902).

305. **По России.** «Искра». 1905, № 102, стр. 7. (Социалдемократическая работа среди кубанских казаков и сектантов в 1905 г.).

306. **По России.** «Искра», 1905, № 104, стр. 6. (Заседание сумского сельскохозяйственного общества с участием крестьян. 1905).

307. **По России.** «Искра», 1905, № 106, стр. 5—6. (Крестьянское движение в Киевской, Черниговской, Бессарабской, Ставропольской губ., 1905).

308. **По России.** «Искра», 1905, № 107, стр. 6. (Стачки батраков в м. Холмече, Минской губ., 1905).

309. **По России.** «Искра», 1905, № 109, стр. 5. (Крестьянское движение в Минской губ., 1905).

310. **По России.** «Искра», 1905, № 112, стр. 6. (Крестьянское движение в Витебской и Екатеринославской губ., 1905).

311. **По России.** «Пролетарий», 1906, № 4, стр. 7. (Настроение крестьян в Нижегородской губ., 1906).

312. **По России.** «Пролетарий», 1907, № 12, стр. 7. (Социалдемократическая работа среди крестьян в Закавказьи, 1906).

313. **По России.** «Социалдемократ». 1905, № 9, стр. 12. (Крестьянское движение в Слуцком уезде, Минской губ., 1905).

314. **По России.** «Социалдемократ», 1905, № 14, стр. 6. (Соц.-демократическая агитация среди крестьян Могилевской губ., 1905).

315. **Постановление Ильинского общества сельского хозяйства,** Судогодского уезда, Владимирской губ. «Право», 1905, № 24, стр. 1982—1983. (1905).

316. **Постановление казаков.** «Право», 1905, № 42, стр. 3485 — 3486. (Черкасский округ, области войска Донского, 1905).

317. **Постановления аграрного совещания** Кременчугской земской управы с участием крестьян. «Право», 1906, № 6, стр. 529—530.

318. **Постановление крестьян-выборщиков** от сел и деревень Льговского уезда, за 7-е декабря, прибывших в г. Льгов для выслушания распоряжений ген.-адъют. Пантелеева. «Право», 1906, № 1, стр. 41—42. (Курская губ., 1905).

319. **Правительственное сообщение.** «Право», 1902, № 19, стр. 991—994. (Крестьянское движение в Харьковской и Полтавской губ., 1902 г.).

320. **Предвестия аграрной революции.** «Рев. Рос.», 1905, № 61, стр. 1—2.

321. **Preyer.** Die Russische Agrarreform. Jena. 1914. Стр. 94—114. (Причины и характер крестьянского движения 1905—1906 гг.).

322. **Приговор Лобановского сельского схода.** «Право», 1905, № 29, стр. 2390—2391. (Судогодский уезд, Владимирской губ., 1905).

323. **Приговор казаков и иногородних** станицы Платнировской, Кубанской области. «Право», 1906, № 3, стр. 222—223. (1905).

324. **Приговор крестьян.** «Право», 1905, № 36, стр. 2961—2962. (Новоторжский уезд, Тверской губ., 1905).

325. **Приговор крестьян.** «Право», 1905, № 37, стр. 3074—3075. (Прямухинская волость, Тверской губ., 1905).

326. **Приговор крестьян.** «Пролетарий», 1905, № 24, стр. 6. (Аткарский уезд, Саратовской губ., 1905).

327. **Приговор крестьян** Балашовского уезда. «Право», 1905, № 27, стр. 2245 — 2246. (Саратовская губ., 1905).

328. **Приговор крестьян** Екатеринославской губ., Новомосковского уезда, Котовской волости. «Право», 1906, № 3, стр. 224—226. (1905).

329. **Приговор крестьян** Лохвицкого уезда. «Право», 1905, № 29, стр. 2389—2390. (Полтавская губ., 1905).

330. **Приговор крестьян** Новоторжского уезда. «Право», 1905, № 28, стр. 2331—2332. (Тверская губ., 1905).

331. **Приговор крестьян** Новоторжского уезда. «Право», 1905, № 32, стр. 2592—2593. (Тверская губ., 1905).

332. **Приговор крестьян** Пермской губ., Осинского уезда, Крыловской волости. «Право», 1906, № 3, стр. 223—224. (1905).

333. **Приговор крестьян** с. Батеряйкова, Тетюшского уезда, Казанской г. «Право», 1905, № 39, стр. 3258—3260. (1905).

334. **Приговор крестьян** с. Беляева, Одесского уезда. «Право», 1905, № 30, стр. 2465. (1905).

335. **Приговор крестьян** с. Микшево, Бежецкого уезда, Ярославской (?) губ. «Право», 1905, № 50, стр. 4054—4055. (Тверская губ., 1905).

336. **Приговор крестьян** сельца Писаревки, Воронежской губ. «Право», 1905, № 32, стр. 2595—2796. (1905).

337. **Приговор крестьян** сл. Криворожья, Донецкого округа, по поводу ареста местных членов Крестьянского Союза, бр. Мазуренко. «Право», 1906, № 3, стр. 223. (1905).

338. **Приговор крестьян** Шахчуринского общества, Чебоксарского уезда и волости, Казанской губ. «Право», 1906, № 2, стр. 123—124. (1905).

339. **Приговор литовских крестьян.** «Право», 1905, № 32, стр. 2589—2592. (Ковенская губ., 1905).

340. **Приговор сельского общества.** «Право», 1905, № 15, стр. 1195. (Балашовский уезд, Саратовской губ., 1905).

341. **Приговор сельского схода** с. Маркова, Московской губ. Изд. «Колокол». 1905.

342. **Приговор Таловского сельского схода.** «Право», 1906, № 1, стр. 40—41. (Аткарский уезд, Саратовской г., 1905).

343. **Призыв к бойкоту Государственной Думы.** «Право», 1906, № 37, стр. 2888—2889. (Золотоношский уезд, Полтавской губ., 1906).

344. **Приказ земского начальника.** «Право», 1905, № 16, стр. 1279—1281. (По поводу «неблагонамеренных людей», сеющих смуту. Карачевский уезд, Орловской губ., 1905).

345. **Пробуждение провинции.** «Рев. Рос.», 1902, № 10, стр. 16—17. (Крестьянское движение в Саратовской, Воронежской и Тамбовской губ., 1902 г.).

346. **Программа крестьянской партии.** Изд. Ц. К. Крестьянской партии. (Год не обозначен. Относится к эпохе революции 1905 г.).

347. **Программа самозащиты дворянства Горийского уезда.** «Право», 1905, № 32, стр. 2600. (Самозащита против крестьянского движения, 1905).

348. **Прокопович.** Аграрный вопрос и аграрное движение. «Образов». 1905. № 6, отд. II, стр. 54—72. (1905).

349. **Прокопович.** Аграрный кризис и мероприятия правительства. Стр. 1—148. (Аграрное движение 1905—1907 гг.).

350. **Прокопович.** Формы и результаты аграрного движения в 1906 г. «Былое», 1907, № 1, стр. 155—177.

351. **Просыпающаяся сила.** Летучий листок группы «Борьба». 1902, № 1, стр. 4—5. (Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губ., 1902 г.).

352. **Протестуйте!** Листки «Жизни», изд. с.-д. организ. «Жизнь». 1902, № 11, стр. 1—9. (О суде над участниками крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губ., в 1902 г.).

353. **Протокол северного областного съезда Всероссийского Крестьянского Союза,** 29—30 дек., 1905 г.

354. **Протоколы делегатского совещания Всероссийского Крестьянского Союза,** 6—10 ноября 1905 г. в Москве. Под ред. Ц. Бюро Содействия Всер. Крест. Союза.

355. **Прошение крестьян** 70 селений Кирюшинской волости, Балахнинского уезда. «Право», 1905, № 23, стр. 1894—1895. (Нижегородская губ., 1905).

356. **Прошение председателю Орловской губ. земск. управы** от крестьян Орловского уезда, Орловской губ. «Право», 1905, № 29, стр. 2391. (1905).

357. **Путник** (Н. Лендер). Потревоженная Россия. Картины русской революции. Стр. 185—259. (Крестьянское движение в Орловской и Черниговской губ. в 1905 г.).

358. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1903, № 26, стр. 16—17. (Крестьянское движение в Саратовской губ. и Донской области; настроение полтавского крестьянства).

359. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1903, № 28, стр. 20—21. (Крестьянское движение в Саратовской, Новгородской, Подольской и Курской губ., 1902—1903).

360. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1903, № 29, стр. 17—18. (Расправа крестьян с помещиками в Черниговской и Рязанской губ.).

361. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1903, № 30, стр. 16—18. (Крестьянское движение в Тульской, Саратовской и Киевской губерниях).

362. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1903, № 31, стр. 20. (О работе с.-р. среди крестьян Харьковской губ.; крестьянское движение в Гурии).

363. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1903, № 32, стр. 18—20. (Крестьянское движение в Полтавской, Саратовской и Тульской губ.).

364. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1903, № 34, стр. 18—20. (Крестьянское движение в Киевской, Орловской, Саратовской, Черниговской губерниях и Донской области).

365. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1903, № 35, стр. 17—19. (Крестьянское движение в Нижегородской, Могилевской, Киевской и Пензенской губ.).

366. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 39, стр. 16. (О крестьянском движении в Саратовской губ. в 1903 г.).

367. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 41, стр. 19. (О крестьянских настроениях в Богородицком уезде, Тульской губ.).

368. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 42, стр. 19—20. (О крестьянском движении в Тамбовской губ.; пропаганда в деревне).

369. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 43, стр. 22. (О борьбе с распространением нелегальной литературы в деревне, в Гродненской и Саратовской губ.).

370. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 44, стр. 20—21. (Массовые обыски среди крестьян в Саратовском уезде, 1904).

371. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 45, стр. 16—17. (О крестьянском движении в Могилевской и Тамбовской губ., 1903 г.).

372. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 46, стр. 19—21. (Настроение крестьян в Оренбургской губ.; массовые обыски среди крестьян в Волоколамском уезде, Московской губ.).

373. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 49, стр. 17—20. (О крестьянских настроениях в Херсонской, Уфимской, Тамбовской и др. губ.).

374. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 50, стр. 18—19. (Аграрные «беспорядки» в Нежинском уезде, Черниговской г.).

375. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904, № 51, стр. 20. (Крестьянские настроения в Тверской и Подольской губ.).

376. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1904 № 55, стр. 19—20, 21. (Крестьянское движение в Саратовской и Херсонск. г.).

377. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 61, стр. 15. (О крестьянском движении в Режицком уезде, Витебской губ.).

378. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 63, стр. 14—15. (Крестьянские настроения в Черниговской губ. и в Поволжьи).

379. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 67, стр. 13—19. (Крестьянское движение в Саратовской, Тамбовской, Нижегородской, Херсонской губ.).

380. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 68, стр. 23. (Первомайская демонстрация, устроенная крестьянами в Рогачевском уезде, Могилевской губ.).

381. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 69, стр. 21—22. (Крестьянское движение в Саратовской губ.).

382. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 70, стр. 20—21. (Крестьянское движение; уезд не назван).

383. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 71, стр. 21—22. (Крестьянское движение в Елисаветградском уезде, Херсонской губ.).

384. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 72, стр. 20—25. (Организация крестьянского союза партии с.-р.; крестьянское движение в Саратовской, Черниговской, Витебской, Казанской и Самарской губ.).

385. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 74, стр. 21—26. (Крестьянское движение в Полтавской, Курской, Симбирской, Херсонской, Харьковской, Подольской губ.).

386. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 75, стр. 15—19. (Крестьянское движение в Екатеринославской и Саратовской губерниях).

387. **Рабочее движение в городах и деревнях.** «Рев. Рос.», 1905, № 76, стр. 24—27. (Крестьянский союз партии с.-р.; крестьянское движение в Волынской, Киевской, Орловской, Черниговской губ.).

388. **Разгром баронских имений в Прибалтийском крае.** «Право», 1906, № 44, стр. 3446—3448. (Эстляндская губ., 1905 г.).

389. **Разгром имения Терещенко.** «Право», 1905, № 37, стр. 3086—3093. (Глуховский уезд, Черниговской губ., 1905 г.).

390. **Разгром тюрьмы в г. Судже.** «Право», 1906, № 48, стр. 3797—3801.

(С участием крестьян. Курская губ., 1906).

391. **Разгром экономии д. с. с. Ф. А. Лизогуба.** «Право», 1907, № 1, стр. 55—59. (Городнянский уезд, Черниговской губ. 1905).

392. **Разгром экономии кн. Васильчикова.** «Право», 1906, № 37, стр. 2872—2888. (Бобровский уезд, Воронежской губ., 1906).

393. **Распоряжение Лифляндского губернатора.** «Право», 1905, № 36, стр. 2958—2959. (По поводу «нарушений общественного порядка», 1905 г.).

394. **Расправа и суд над валковскими крестьянами.** (Письмо из Харькова). «Освобожд.», 1902, № 9, стр. 137. (1902).

395. **Распространение революционных идей путем циркуляров.** «Рев. Рос.», 1903, № 29, стр. 11. (Циркуляр Деп. Полиции губернаторам и начальникам жандармских учреждений о борьбе с революционной пропагандой среди крестьян, 13 июня, 1902 г.).

396. **Резолюция крестьян.** «Право», 1905, № 45—46, стр. 3735—3736. (Сердобский уезд, Саратовской г., 1905 г.).

397. **Резолюция,** представленная гр. Витте от с.-петербургского общего собрания крестьян, объединенных на почве манифеста 17 октября и крестьянского союза правового порядка. «Право», 1906, № 8, стр. 711—712. (1906).

398. **Резолюция сельских обществ Тифлисской губ.** «Право», 1905, № 23, стр. 1895. (1905).

399. **Резолюция сумских крестьян.** «Право», 1905, № 22, стр. 1822. (Сумской уезд, Харьковской губ., 1905).

400. **Резолюция экономического совета** при Коломенской уездной управе, 22 июля 1905 г. «Право», 1905, № 32, стр. 2594—2595. (С участием представителей от крестьян).

401. **Самоуправство.** «Право», 1902, № 35, стр. 1566—1567. (Дело о волнении крестьян д. Б. Коренихи, Херсонской губ., 1902 г.).

402. **Самоуправство.** «Право», 1903, № 16, стр. 1188—1189. (Ветлужский уезд, Костромской губ., 1906 г.).

403. **S. W.** О крестьянских беспорядках и о контрибуции с крестьян. «Освобожд.», 1902, № 44, стр. 62—63. (По поводу крестьянского движения в Харьковской и Полтавской губ., 1902).

404. **С—в.** Страничка из истории нашей смуты. (Малиновское дело). «Ист. Вестн.», № 5, стр. 550—557. (Эпизод из крестьянского движения в Саратовской губ., 1905 г.).

405. **Секретный документ.** «Рев. Рос.», 1902, № 11, стр. 9. (Циркуляр Дир. Деп. полиции губернаторам о борьбе с преступной пропагандой среди крестьян, июль, 1902 г.).

406. **Смоленский окружной суд.** (Поджоги). «Право», 1905, № 22, стр. 1824—1832. (Поджоги на почве аграрных отношений, Смоленская губ., 1904).

407. **«Смута».** «Освобожд.», 1903, № 3 (27), стр. 46. (О крестьянских «беспорядках» в имении Плятера, Ковенской губ., 1903).

408. **Соболев.** Из смутного времени в Прибалтийском крае. «Ист. Вестн.», 1913, № 7, стр. 198—206. (Крестьянское движение в Курляндской губ. в 1905 г.).

409. **Совещание земских гласных с крестьянами.** «Право», 1905, № 32, стр. 25—94. (Новоторжский уезд, Тверской губ., 1905).

410. **Сожжение крестьянами трех стражников.** «Право», 1906, № 52, стр. 4149—4157. (Дело о крестьянском движении в Богодуховском уезде, Харьковской губ., 1905).

411. **Сопротивление властям.** «Право», 1902, № 12, стр. 604—607. (Вологодская губ., 1901 г.).

412. **Сопротивление властям.** «Право», 1902 г., № 14, стр. 740—743. (Пермская губ., 1901 г.).

413. **Сопротивление властям.** «Право», 1902, № 15, стр. 789—792. (Петербургская губ., 1901 г.).

414. **Сопротивление властям.** «Право», 1902, № 46, стр. 2118—2123. (Дело о крестьянах м. Мотыжина, Киевской губ., 1902 г.).

415. **Сопротивление властям.** «Право», 1903, № 6, стр. 382—383. (Малмыжский уезд, Вятской губ., 1902 г.).

416. **Сопротивление властям.** «Право», 1903, № 16, стр. 1180—1188. № 17, стр. 1239—1243. (Ельнинский уезд, Смоленской губ., 1902).

417. **Сопротивление властям.** «Право», 1903, № 20, стр. 1436—1440. (Шлиссельбургский уезд, 1902 г.).

418. **Сопротивление властям.** «Право», 1903, № 21, стр. 1493—1494. (Васильсурский уезд, Нижегородской губ., 1902 г.).

419. **Сопротивление властям.** «Право», 1903, № 43, стр. 2421—2423. (Мосальский уезд, Калужской губ., 1902).

420. **Сопротивление властям.** «Право», 1903, № 44, стр. 2488 — 2492. (Ушицкий уезд, Подольской губ., 1903 г.).

421. **Сопротивление властям.** «Право», 1904, № 3, стр. 192—193. (Ольгопольский уезд, Подольской губ., 1903 г.).

422. **Сопротивление властям.** «Право», 1904, № 17, стр. 976—977. (Васильковский уезд, Киевской губ., 1903 г.).

423. **Сопротивление властям.** «Право», 1904, № 20, стр. 1122—1124. (Игуменский уезд, Минской губ., 1903 г.).

424. **Сопротивление властям.** «Право», 1904, № 23, стр. 1287—1289. (Бердянский уезд, Таврической губ., 1902 г.).

425. **Сопротивление властям.** «Право», 1905, № 35, стр. 2899—2900. (Севский уезд, Орловской губ., 1905 г.).

426. **Среди крестьян.** «Вперед», 1905, № 17, стр. 4. (Настроение крестьян в Олонецкой губ., 1905).

427. **С Северного Кавказа.** Листки «Жизни», изд. с.-д. организ. «Жизнь», 1902, № 10, стр. 19—21. (Крестьянское движение в Ставропольской губ. в 1902 г.).

428. **Старосельский.** Крестьянское движение в Кутаисской г. «Былое», 1906, № 9, стр. 229—241; № 11, стр. 262—277. (1902—1905).

429. **Стихийное брожение и революционные попытки.** «Рев. Рос.», 1902, № 10, стр. 17—18. (Настроение крестьян в Бессарабии, 1902).

430. **Строев.** Исторический момент и Крестьянский съезд. Стр. 52—88. (По поводу делегатского съезда Всероссийского крестьянского Союза в ноябре 1905 г.).

431. **Судебная хроника.** Аграрные беспорядки. «Рус. Вед.», № 57, стр. 5, (Раненбургский уезд, Рязанской губ., 1905).

432. **Судебная хроника.** Дело Мазуренко. «Рус. Вед.», 1906, № 34, стр. 5. (Организация крестьянского союза в Донской области, 1905).

433. **Сульжиков.** Смутное время в Ромнах. «Ист. Вестн.», 1914, № 2, стр. 603. (Об участии крестьян в еврейских погромах 1905 г.).

434. **С юга.** «Пролетарий», 1906, № 7, стр. 7. (Социалдемократическая работа среди крестьян Киевской, Черниговской, Подольской, Волынской и Полтавской губ., 1906).

435. **Тан.** Из крестьянских настроений. «Рус. Бог.», 1905, № 10, стр. 260—272. (Учредительный съезд Крестьянского союза. Вошло в книгу: «Красное и Черное»).

436. **Тан.** «Красное и Черное», стр. 133—316. (По губернии беспокойной. Крестьянский съезд. Мужики в Думе. 1905—1906).

437. **Тан.** «Новое Крестьянство». (Крестьянское движение в Саратовской губ. в 1905 г. Учредительный съезд Всероссийского Крестьянского союза. Вошло в книгу: «Красное и Черное»).

438. **Тейтель.** Суды по аграрным делам в годы реакции. (Из записок члена окружного суда). «Летопись революции», 1923, № 1, стр. 134—137. (К ликвидации аграрного движения 1905—1906 в Саратовской губ.).

439. **Т—ко.** В южной деревне. (Письмо из Полтавской губ.), «Наша Мысль», 1906, № 1—2, стр. 22. (О деревенских настроениях после 17 октября 1905).

440. **Тотомианц.** Формы аграрного движения. Стр. 163—181. (Движение сельскохозяйственных рабочих в 1905 г.).

441. **Тростников.** О Волоколамском уезде. «Путь к Октябрю», вып. II, стр. 354—356. (О крестьянском движении в 1905 г.).

442. **Троцкий.** 1905. Стр. 179—187. («Мужик бунтует»).

443. **Туманов.** Народное движение в Закавказьи. «Право», 1905, № 18, стр. 1469—1475. (1905).

444. **Убийство земских врачей и штундистов.** «Право», 1907, № 9, стр. 689—698. (Волчанский уезд, Харьковской губ., 1905).

445. **Уполномоченный.** В деревне. «Истина», 1907, № 3, стр. 8—10. (Настроение крестьян в связи с выборами во вторую Думу).

446. **Учредительный съезд Всероссийского Крестьянского Союза,** (протокол), изд. Гл. Ком. Всер. Крест. Союза.

447. **Фаресов.** Настроения современной деревни. «Ист. Вестн.», 1906, № 3, стр. 911—936; № 4, стр. 127—159, (Псковская губ., 1905—1906 гг.).

448. **Фаресов.** Среди моховиков. «Ист. Вестн.», 1908, № 2, стр. 544—574; № 3, стр. 941—925. (Крестьянские настроения в Псковской губ., 1905—1907 гг.).

449. **Характеристика Саратовских крестьянских беспорядков.** «Освобождение», 1902, № 4, стр. 60—64 (1902).

450. **Харьковские крестьянские беспорядки перед судом.** «Освобожд.», 1902, № 8, стр 21 (1902).

451. **Харьковские крестьянские волнения.** Листки «Жизни», изд. с.-д. организ. «Жизнь», 1902, № 11, стр. 9—28. (Обвинительные акты).

452. **Хвалынский.** Аграрные волнения и Государственная Дума. «Вестн. Жизни», 1906, № 3, стр. 19—22. (По поводу выборов от крестьян в первую Государственную Думу).

453. **Хвалынский.** Движение в деревне. «Вестник Жизни», 1906, № 4, стр. 5—9. (Обзор).

454. **Ходатайство крестьян.** «Право», 1905, № 50, стр. 4055. (Чембарский уезд, Пензенской губ., 1905).

455. **Хроника.** «Право», 1902, № 17, стр. 896. (Приезд высших членов администрации в Харьков и Полтаву, в связи с крестьянскими волнениями, 1902 г.).

456. **Хроника.** «Право», 1902, № 21, стр. 1098—1099. (Циркуляр Полтавского губернатора от 11 мая 1902 г. по поводу крестьянских волнений).

457. **Хроника.** «Право», 1902, № 27, стр. 1303—1305. (О крестьянском волнении в Черниговской губ.).

458. **Хроника.** «Право», 1902, № 29, стр. 1374—1375. (О крестьянском движении в Гродненской губ.).

459. **Хроника.** «Право», 1902, № 32, стр. 1464. (О ложных слухах среди крестьян Тамбовской губ. о деятельности крестьянского банка).

460. **Хроника.** «Право», 1902, № 37, стр. 1654. (Речь Николая II волостным старшинам и сельским старостам в Курске, 1 сентября 1902 г., по поводу крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губ.).

461. **Хроника.** «Право», 1902, № 39, стр. 1724. (Распоряжение министра внутренних дел о распространении среди крестьян речи Николая II волостным старшинам и сельским старостам в Курске 1 сентября 1902 г., по поводу Харьковских и Полтавских волнений).

462. **Хроника.** «Право», 1902, № 40, стр. 1779—1780. (Дело о самоуправстве крестьян с. Золотова, Костромской губ., 1902 г.).

463. **Хроника.** «Право», 1902, № 42, стр. 1888. (Дело о самоуправстве и насилии крестьян д. Б. Кореники, Херсонской губ., 1902).

464. **Хроника.** «Право», 1902, № 45, стр. 2058. (Сопротивление властям крестьян м. Мотыжина, Киевской губ., 1902 г.).

465. **Хроника.** «Право», 1902, № 46, стр. 2132. (Расправа крестьян с экономическим объездчиком в Волынской губ.; уничтожение экономического инвентаря на Кубани, 1902 г.).

466. **Хроника.** «Право», 1902, № 47, стр. 2301. (Сопротивление властям царан Бессарабской губ., 1901 г.).

467. **Хроника.** «Право», 1902, № 46, стр. 2131—2132. (К истории крестьянского движения в Полтавской губ. в 1902 г.).

468. **Хроника.** «Право», 1902, № 47, стр. 2300—2301. (Сопротивление властям крестьян с. В. Добрики, Саратовской губ., 1902).

469. **Хроника.** «Право». 1902, № 50, стр. 2493. (Сведения о суде над участниками крестьянских беспорядков в с. Н. Шибрае, Тамбовской губ.).

470. **Хроника.** «Право», 1905, № 8, стр. 613. (О крестьянских волнениях в Гурии и мероприятиях правительства, 1905 г.).

471. **Хроника.** «Право», 1905, № 9, стр. 691—692. (О крестьянском движении в Орловской, Курской, Черниговской и Витебской губ., 1905).

472. **Хроника.** «Право», 1905, № 10, стр. 763. (О крестьянском движении в Саратовской губ., 1905).

473. **Хроника.** «Право», 1905, № 11, стр. 856—859. (О крестьянском движении в Саратовской, Витебской, Лифляндской губ. и в Закавказьи).

474. **Хроника.** «Право», 1905, № 12, стр. 950—952. (О крестьянском движении в Тульской, Воронежской губ. и в Закавказьи, 1905 г.).

475. **Хроника.** «Право», 1905, № 13, стр. 1029—1031. (О крестьянском движении в Польше и Закавказьи, 1905).

476. **Хроника.** «Право», 1905, № 14, стр. 1145—1148. (О крестьянском движении в Бессарабской губ. и в Закавказьи).

477. **Хроника.** «Право», 1905, № 15, стр. 1235—1238. (О крестьянском движении в Витебской и Эстляндской губ. и в Закавказьи, 1905).

478. **Хроника.** «Право», 1905, № 16, стр. 1316. (О крестьянском движении в Полтавской губ. и в Закавказьи, 1905).

479. **Хроника.** «Право», 1905, № 17, стр. 1445—1446. (О крестьянском движении в Подольской, Эстляндской, Бессарабской, Херсонской, Полтавской, Нижегородской губ. и в Закавказьи, 1905. Циркуляр харьковского губернатора по поводу крестьянского движения, 1902 г.).

480. **Хроника.** «Право», 1905, № 19, стр. 1623. (О крестьянском движении в Минской, Тамбовской, Могилевской губ. и в Закавказьи, 1905 г.).

481. **Хроника.** «Право», 1905, № 20, стр. 1699—1700. (О крестьянском движении в Екатеринославской и Рязанской губ. и в Закавказьи, 1905).

482. **Хроника.** «Право», 1905, № 21, стр. 1768. (О крестьянском движении в Тульской, Могилевской, Подольской, Волынской губ. и в Закавказьи, 1905).

483. **Хроника.** «Право», 1905, № 22, стр. 1851—1853. (О крестьянском движении в Саратовской, Минской, Бессарабской и Киевской губ.).

484. **Хроника.** «Право», 1905, № 23, стр. 1923. (О крестьянском движении в Подольской губ., 1905).

485. **Хроника.** «Право», 1905, № 24, стр. 1999, 2010, 2012—2015. (О крестьянском движении в Тверской, Симбирской, Саратовской, Киевской, Херсонской, Нижегородской, Харьковской, Минской, Лифляндской губ., в Польше и в Закавказьи, 1905 г.).

486. **Хроника.** «Право», 1905, № 25, стр. 2090, 2092, 2093, 2095. (О крестьянском движении в Лифляндской, Подольской, Симбирской, Самарской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской губ. и в Закавказьи, 1905).

487. **Хроника.** «Право», 1905, № 26, стр. 2189, 2193—2195. (О крестьянском движении в Орловской, Тамбовской, Харьковской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Владимирской, Смоленской, Минской, Гродненской, Херсонской, Рязанской, Бессарабской губ., в Польше и на Кавказе, 1905).

488. **Хроника.** «Право», 1905, № 27, стр. 2281—2283. (О крестьянском движении в Лифляндской, Екатеринославской, Гродненской, Могилевской, Тверской, Подольской, Самарской г., Донской области, на Кубани и в Закавказьи).

489. **Хроника.** «Право», 1905, № 28, стр. 3555—2356. (О крестьянском движении в Саратовской, Подольской, Херсонской, Харьковской губ. и в Закавказьи, 1905).

490. **Хроника.** «Право», 1905, № 29, стр. 2415—2416. (О крестьянском движении в Саратовской, Подольской, Херсонской, Могилевской губ и в Закавказьи, 1905).

491. **Хроника.** «Право», 1905, № 30, стр. 2490—2492. (О крестьянском движении в Рязанской, Саратовской, Херсонской, Лифляндской, Курляндской губ., Донской обл. и в Закавказьи, 1905).

492. **Хроника.** «Право», 1905, № 32, стр. 2635—2636, 2639—2641. (О крестьяском движении в Лифляндской, Херсонской, Саратовской, Бессарабской, Тульской, Воронежской губ., в Донской области и в Закавказьи, 1905).

493. **Хроника.** «Право», 1905, № 33, стр. 2742—2746. (О крестьянском движении в Екатеринославской, Курляндской, Лифляндской губ., и в Закавказьи, 1905).

494. **Хроника.** «Право», 1905, № 35, стр. 2912—2913. (Столкновение между казаками и крестьянами в Душетском уезде, Тифлисской губ., 1905).

495. **Хроника.** «Право», 1905, № 38, стр. 3211—3212. (О крестьянском движении в Черноморьи и в Закавказьи, 1905 г.).

496. **Хроника.** «Право», 1905, № 43, стр. 3558—3559. (О крестьянском движении в Орловской, Московской, Саратовской, Херсонской и Костромской губ., 1905).

497. **Хроника.** «Право», 1905, № 44, стр. 3645—3646. (О крестьянском движении в Черниговской. Тамбовской, Полтавской, Саратовской, Пензенской, Симбирской, Орловской, Воронежской губ., 1905).

498. **Хроника.** «Право», 1905, № 45, стр. 3767. (О крестьянском движении в Курской и Саратовской губ., 1905).

499. **Хроника.** «Право», 1905, № 47, стр. 3844—3845. (О крестьянском движении в Курской, Ковенской, Казанской, Орловской, Тамбовской, Пермской, Полтавской, Владимирской и Лифляндской губ., 1905).

500. **Хроника.** «Право», 1905, № 48—49, стр. 3942—3945. (О крестьянском движении в Саратовской, Екатеринославской, Ковенской, Орловской, Казанской, Пензенской, Рязанской, Харьковской, Симбирской, Московской, Петербургской, Тверской, Таври-

ческой, Полтавской губ., в Донской области и в Польше, 1905).

501. **Хроника.** «Право», 1905, № 50, стр. 4063. (О крестьянском движении в Эстляндской, Херсонской, Таврической, Владимирской, Пензенской, Гродненской, Ставропольской губ. и в Польше, 1905).

502. **Хроника.** «Право», 1905, № 52, стр. 4232—4236. (О крестьянском движении в Казанской, Тульской, Ковенской, Витебской, Черниговской, Полтавской, Киевской, Екатеринославской губ., 1905 г.).

503. **Хроника.** «Право», 1906, № 1, стр. 57—60. (О крестьянском движении в Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Подольской, Полтавской, Черниговской, Казанской, Тверской, Минской, Курской губ., 1905 г.).

504. **Хроника.** «Право», 1906, № 2, стр. 147—150. (О крестьянском движении в Лифляндской, Курляндской, Киевской, Полтавской, Могилевской, Петербургской, Московской, Нижегородской, Екатеринославской, Тверской, Воронежской губ., 1906).

505. **Хроника.** «Право», 1906, № 3, стр. 261—265. (О крестьянском движении и о борьбе с ними в Бессарабской, Орловской, Могилевской, Смоленской, Киевской, Таврической, Воронежской, Московской, Саратовской, Полтавской губ. и на Кавказе, 1906).

506. **Хроника.** «Право», 1906, № 4, стр. 379—381, 384—386. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Бессарабской, Полтавской, Херсонской, Симбирской, Лифляндской, Курляндской губ. и на Кавказе, 1906).

507. **Хроника.** «Право», 1906, № 5, стр. 462, 466—467. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Тульской и Полтавской губ. и в Прибалтийском крае, 1906).

508. **Хроника.** «Право», 1906, № 6, стр. 546—548. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Костромской, Казанской, Полтавской, Курской, Лифляндской, Саратовской и Пензенской губ., 1906).

509. **Хроника.** «Право», 1906, № 7, стр. 633—637. (О крестьянском движении и о расправах с крестьянами в Херсонской, Курской, Тверской, Тамбовской губ., в Прибалтийском крае, на Кубани и в Сибири, 1906).

510. **Хроника.** «Право», 1906, № 8, стр. 746. (О столкновениях крестьян с полицией в Полтавской и Симбирской губ., 1906).

511. **Хроника.** «Право», 1906, № 9, стр. 833, 836—837. (О крестьянском движении и репрессиях властей в Новгородской, Рязанской, Курской, Киевской и Пермской губ., 1906).

512. **Хроника.** «Право», 1906, № 10, стр. 956. (Об отношении крестьян к выборам в Государственную Думу в Орловской, Ковенской, Ярославской и Московской губ.).

513. **Хроника.** «Право», 1906, № 12, стр. 1167—1168. (О крестьянском движении в Вятской, Тамбовской, Киевской, Полтавской и Новгородской г., 1906).

514. **Хроника.** «Право», 1906, № 13, стр. 1261—1262. (О крестьянском движении в Херсонской, Вятской, Саратовской и Черниговской губ., 1906).

515. **Хроника.** «Право», 1906, № 15, стр. 1407—1408. (О крестьянском движении в Нижегородской, Тульской, Орловской, Харьковской, Ярославской, Воронежской губ., в Польше и на Кавказе, 1906).

516. **Хроника.** «Право», 1906, № 16, стр. 1501—1502. (О крестьянском движении в Черниговской, Саратовской, Орловской, Киевской, Полтавской, Смоленской, Симбирской губ. и в Польше).

517. **Хроника.** «Право», 1906, № 20, стр. 1872—1873. (О крестьянском движении и борьбе с ним в Черниговской, Саратовской, Орловской, Рязанской, Казанской, Киевской, Харьковской, Минской губ., 1906).

518. **Хроника.** «Право», 1906, № 21, стр. 1948, 1956—1957. (О крестьянском движении в Тульской, Гродненской, Рязанской, Саратовской, Подольской, Полтавской, Орловской, Курской, Киевской, Воронежской губ., в Польше и на Кавказе. О командировке М. В. Д. чиновников для выяснения влияния на крестьян левых партий, 1906).

519. **Хроника.** «Право», 1906, № 22, стр. 2016, 2020—2021. (О крестьянском движении в Харьковской, Тульской, Астраханской, Нижегородской, Киевской, Тверской, Рязанской, Гродненской, Владимирской, Подольской, Курской, Казанской, Орловской, Черниговской, Новгородской, Полтавской губ., в Сибири и в Закавказьи, 1906).

520. **Хроника.** «Право», 1906, № 23, стр. 2076—2077, 2081—2084. (О крестьянском движении в Киевской, Нижегородской, Костромской, Саратовской, Харьковской, Курляндской, Воронежской, Орловской, Новгородской, Тульской, Минской, Гродненской, Тверской, Волынской, Рязанской, Екатеринославской губ., Кубанской обл. и в Закавказьи, 1906).

521. **Хроника.** «Право», 1906, № 24, стр. 2182, 2184—2187. (О крестьянском движении в Полтавской, Саратовской, Орловской, Киевской, Тамбовской, Воронежской, Тульской, Курской, Костромской, Рязанской, Нижегородской, Самарской, Владимирской, Смоленской губ. и на Кавказе, 1906).

522. **Хроника.** «Право», 1906, № 25, стр. 2255—2258. (О крестьянском движении в Харьковской, Нижегородской, Тульской, Орловской, Ярославской, Тамбовской, Симбирской, Саратовской, Киевской, Полтавской, Новгородской, Черниговской, Херсонской губ., 1906).

523. **Хроника.** «Право», 1906, № 26, стр. 2297—2299. (О крестьянском движении в Саратовской, Орловской, Тамбовской, Черниговской, Воронежской, Киевской, Тульской, Подольской, Курской, Тверской, Харьковской, Симбирской губ. и в Акмолинской обл., 1906).

524. **Хроника.** «Право», 1906, № 27, стр. 2341—2345. (О крестьянском движении в Новгородской, Саратовской, Орловской, Киевской, Казанской, Тамбовской, Подольской, Самарской, Воронежской, Смоленской, Курской, Симбирской, Гродненской и Вятской губ., 1906).

525. **Хроника.** «Право», 1906, № 28, стр. 2383—2386. (О крестьянском движении в Саратовской, Гродненской, Минской, Орловской, Тульской, Киевской, Вятской, Казанской, Воронежской, Московской, Самарской, Тамбовской, Курской, Виленской губ., 1906).

526. **Хроника.** «Право», 1906, № 29, стр. 2432—2433. (О крестьянском движении в Подольской, Московской, Тверской, Тульской, Таврической, Гродненской, Могилевской, Петербургской губ., 1906).

527 **Хроника.** «Право», 1906, № 30, стр. 2495—2496. (О крестьянском движении в Подольской, Тверской, Киевской, Казанской, Саратовской, Самарской, Рязанской, Орловской, Курляндской, Полтавской, Новгородской, Воронежской, Курской, Могилевской губ. и в Польше, 1906).

528. **Хроника.** «Право», 1906, № 31, стр. 2555. (О крестьянском движении в Тверской, Киевской, Самарской, Орловской, Рязанской губ., 1906).

529. **Хроника.** «Право», 1906, № 32, стр. 2601—2602. (О крестьянском движении в Таврической, Вятской, Гродненской, Саратовской, Костромской, Новгородской, Ковенской, Екатеринославской губ., в Донской обл. и на Кавказе, 1906).

530. **Хроника.** «Право», 1906, № 33, стр. 2655—2659. (О крестьянском движении в Таврической, Курской, Полтавской, Самарской, Орловской, Виленской, Тульской, Витебской, Екатеринославской, Казанской, Саратовской, Подольской, Московской, Владимирской, Нижегородской, Харьковской губ., в Донской обл., в Польше и на Кавказе, 1906).

531 **Хроника.** «Право», 1906, № 34, стр 2743—2745. (О крестьянском движении в Московской, Саратовской, Казанской, Киевской, Волынской, Воронежской, Екатеринославской, Тверской, Тамбовской, Гродненской, Тульской, Смоленской, Курской, Самарской, Полтавской, Минской губ., и на Кавказе, 1906).

532. **Хроника.** «Право», 1906, № 35, стр. 2782—2784. (О крестьянском движении в Казанской, Минской, Саратовской, Смоленской, Московской, Волынской, Нижегородской, Ставропольской губ., 1906).

533. **Хроника.** «Право», 1906, № 36, стр. 2830—2831. (О крестьянском движении в Курской, Саратовской, Волынской, Оренбургской, Орловской, Минской губ., 1906).

534. **Хроника.** «Право». 1906, № 37, стр. 2904—2906 (О крестьянском движении в Херсонской, Могилевской, Казанской, Киевской, Нижегородской губ., 1906).

535. **Хроника.** «Право», 1906, № 38, стр. 2965. (О крестьянском движении в Московской, Вятской, Казанской, Саратовской, Гродненской, Минской губ., 1906).

536. **Хроника.** «Право», 1906, № 39, стр. 3033—3034. (О крестьянском движении в Нижегородской, Тверской, Владимирской губ. и Донской обл., 1906).

537. **Хроника.** «Право», 1906, № 40, стр. 3106. (О крестьянском движении в Гродненской, Таврической, Волын-

ской, Орловской, Екатеринославской губ. и Донской обл., 1906).

538. **Хроника.** «Право», 1906, № 41, стр. 3190—3191. (О крестьянском движении в Симбирской, Гродненской, Самарской, Саратовской, Казанской, Полтавской, Тверской, Петербургской, губ., в Донской области и в Сибири, 1906).

539. **Хроника.** «Право», 1906, № 42, стр. 3960, 3267—3268. (О крестьянском движении в Таврической, Саратовской, Самарской, Екатеринославской, Казанской, Волынской губ., в Сибири и на Кавказе, 1906).

540. **Хроника.** «Право», 1906, № 43, стр. 3846—3847. (О крестьянском движении в Петербургской, Гродненской, Казанской и Лифляндской губ., 1906).

541. **Хроника** «Право», 1906, № 44, стр. 3455. (О столкновении крестьян с полицией в Псковской губ. и о расправе драгун с крестьянами в Седлецкой губ., 1906).

542. **Хроника.** «Право», 1906, № 45, стр. 3530. (О крестьянском движении в Саратовской, Симбирской и Псковской губ.).

643. **Хроника.** «Право», 1906, № 46. стр. 3618. (О крестьянском движении в Полтавской губ., 1906). ,

544. **Хроника.** «Право», 1906, № 47, стр. 3705—3706. (О крестьянском движении в Харьковской, Херсонской, Вологодской, Казанской, Таврической, Петербургской, Бессарабской губ.), 1906).

545. **Хроника.** «Право», 1906, № 48, стр. 3811. (О крестьянском движении в Курской, Херсонской, Костромской и Тульской губ., 1906).

546. **Хроника.** «Право», 1906, № 49, стр. 3892. (О крестьянском движении в Таврической, Симбирской и Херсонской губ., 1906).

547. **Хроника.** «Право», 1906, № 50, стр. 3996—3997. (О крестьянском движении в Херсонской, Таврической, Костромской, Самарской, Саратовской и Киевской губ. , 1906).

548. **Хроника.** «Право», 1906, № 51, стр. 4092. (О крестьянском движении в Херсонской, Симбирской и Костромской губ., 1906).

549. **Хроника.** «Право», 1907, № 1, стр. 64—65 О крестьянском движении в Тульской, Черниговской, Тамбовской, Таврической губ. , 1906).

550. **Хроника.** «Право», 1907, № 5, стр. 401; № 8, стр. 624. (О крестьянском движении в Бийском уезде на Алтае).

551. **Хроника.** «Право», 1907, № 10, стр. 774. (О крестьянском движении в Киевской, Костромской, Саратовской губ., 1907).

552. **Хроника.** «Право», 1907, № 11, стр. 862—863. (О крестьянском движении в Тульской, Казанской, Киевской, Симбирской, Воронежской, Саратовской, Полтавской губ., 1907).

553. **Хроника.** «Право», 1907, № 12. стр. 937. (О крестьянском движении в Полтавской и Тульской губ.; расправа с крестьянами в Таврической губ., 1907).

554. **Хроника.** «Право», 1907, № 14. стр. 1093—1094. (О крестьянском движении и о репрессиях за участие в нем, в Воронежской, Нижегородской и Тульской губ., 1907).

555. **Хроника.** «Право», 1907, № 15. стр. 1169. (О крестьянском движении в Таврической, Киевской и Херсонской губ., 1907).

556. **Хроника.** «Право», 1907, № 18, стр. 1327. (О крестьянском движении в Саратовской, Самарской, Тульской, Воронежской губ., 1907).

557. **Хроника.** «Право», 1907, № 16—17, стр. 1253. (О крестьянском движении в Казанской губ. 1907).

558. **Хроника.** «Право», 1907, № 19. стр. 1392—1393. (О крестьянском движении в Минской и Самарской губ., 1907).

559. **Хроника.** «Право», 1907, № 20. стр. 1467. (О крестьянском движении в Ярославской, Киевской, Екатеринославской и Гродненской губ . 1907).

560. **Хроника.** «Право», 1907, № 21. стр. 1530—1531. (О крестьянском движении в Полтавской, Черниговской, Киевской, Херсонской, Смоленской, Костромской, Подольской губ. , 1907).

561. **Хроника.** «Право», 1907, № 22, стр. 1616—1617. (О крестьянском движении в Курской, Полтавской, Казанской, Тульской, Киевской, Минской г., 1907).

562. **Хроника.** «Право», 1907, № 23. стр. 1719. О крестьянском движении в Киевской губ, 1907).

563. **Хроника.** «Право», 1907, № 24. стр. 1776. (О крестьянском движении в Черниговской и Пензенской губ., 1907).

564. **Хроника.** «Право», 1907, № 26. стр. 1870—1871. (О крестьянском движении в Московской, Петербургской,

Херсонской и Воронежской губ., 1907).

565. **Хроника.** «Право», 1907, № 27, стр. 1912. (О крестьянском движении в Волынской и Пермской губ. 1907).

566. **Хроника.** «Право», 1907, № 28, стр. 1960—1961. (О крестьянском движении в Пермской, Минской, Подольской губ. , 1907).

567. **Хроника.** «Право», 1907, № 31. стр. 2118. (О крестьянском движении в Пензенской губ., 1907).

568. **Ца—ов.** (Цаликов). Революционное движение в северной Осетии. Сборн. «Итоги и перспективы», 1906, стр. 94—114, (1905 г.).

569. **Царское попечение о крестьянах.** «Искра», 1905, № 98, стр. 1—2. (Крестьянское движение и правительство).

570. **Циркуляр министра внутренних дел всем начальникам губерний.** «Право», 1906, № 20, стр. 1823. (О борьбе с крестьянским движением, 1906 г.).

571. **Циркуляр министра внутренних дел всем губернаторам,** (22 июня 1902 г., № 10). Право, 1902, № 30, стр. 1403—1404. (По поводу ложных слухов среди крестьян о деятельности крестьянского банка).

572. **Циркуляр министра внутренних дел губернаторам** 15 февраля 1907 г., № 11, «Право», 1907, № 10, стр. 750. (О принятии мер к предотвращению крестьянских беспорядков).

573. **Циркуляр,** разосланный губернаторам управляющим министерством внутренних дел Дурново от 30 ноября 1905 г., «Право», 1906, № 6, стр. 509—510. (О борьбе с подстрекательством крестьян к грабежам и насилиям).

574. **Ч.** После крестьянских беспорядков. (Письмо из Полтавы). «Освобождение», 1902, № 9, стр. 136—137. (1902).

575. **Чего требует народ от Государственной Думы?** Наказы и обращения к депутатам трудовой группы, под ред. Бондарева, Ульянова и Корнилова. (Крестьянские наказы Саратовской, Самарской, Смоленской, Киевской, Полтавской, Орловской и Петербургской губ.).

576. **Чем помещики платятся за сечение крестьян** и за 800-тысячную контрибуцию? «Освобожд.», 1903, № 13, стр. 214—215. (О поджогах крестьянами помещичьих усадьб в Полтавской губ.).

577. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 4, стр. 15—17. (О крестьянских настроениях и крестьянском движении в Саратовской и Тамбовской губ. и на Кавказе).

578. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 5, стр. 18. (О крестьянских настроениях в Саратовской и Казанской губ.).

579. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 7, стр. 20. (Крестьянское движение в Могилевской и Саратовской губ., 1901—1902 г.).

580. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 8, стр. 15—22. (Крестьянское движение в Воронежской, Полтавской, Харьковской, Тамбовской, Волынской, Самарской, Саратовской и Петербургской губ., 1902).

581. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 9, стр. 14—15. (Крестьянское движение в Псковской, Пензенской и Пермской губ., 1902 г.).

582. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 10, стр. 20—22. (Крестьянское движение в Херсонской, Екатеринославской, Тамбовской, Полтавской, Саратовской, Ковенской губ. и Донской обл., 1902).

583. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 11, стр. 17—21. (О крестьянских настроениях; крестьянское движение в Саратовской губ. , 1902).

584. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 12, стр. 15—17. (Крестьянское движение в Новгородской, Вятской, Тамбовской, Пермской губ. и в Гурии, 1902).

585. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 13, стр. 16—20. (Крестьянское движение в Черниговской, Саратовской, Псковской, Нижегородской, Курской и Екатеринославской губ., 1902).

586. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 14, стр. 19—20. (Крестьянское движение в Черниговской и Саратовской губ., 1902).

587. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1902, № 15, стр. 15—19. (Крестьянское движение в Полтавской, Черниговской, Тульской, Гродненской и Саратовской губ., 1902).

588. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1903, № 16, стр. 17—18. (Крестьянское движение в Гурии в 1902 г. Настроения крестьян в Курской и Тамбовской губ.).

589. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1903, № 17, стр. 18—19.

(Крестьянское движение в Саратовской губ. в 1902 г.).

590. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1903, № 18, стр. 16—19. (Крестьянские настроения и крестьянское движение в Самарской, Нижегородской и др. губ.).

591. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1903, № 19, стр. 14—17. (Крестьянское движение в Саратовской, Псковской, Тамбовской и Полтавской губ., 1902—1903).

592. **Что делается в крестьянстве.** »Рев. Рос.», 1003, № 22, стр. 12—15. (Крестьянское движение в Пензенской губ.).

593. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1903, № 24, стр. 16—17. (Крестьянское движение в Тамбовской губ.).

594. **Что делается в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1903, № 25, стр. 19. (Крестьянское движение в Гурии и в Саратовской губ.).

595. **Что делается на родине?** «Вестн. Рус. Рев.», 1903, № 3, отд. II, стр. 42—51. (Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губ. в 1902 г.).

596. **Чужак.** Очерки провинциальной жизни. Деревенские картинки. «Наша Мысль», 1906, № 1—2, стр. 21—22. (О карательных экспедициях в конце 1905 г., в частности об экспедиции генерала Сахарова в Саратовскую и Пензенскую губ.).

597. **Шаховской.** Крестьянские волнения в Харьковской губ. в 1902 г. «Ист. Вестн.», 1906, № 1, стр. 124—151.

598. **Шебалов.** К истории крестьянских беспорядков 1905 г. «Арх. Ист. Тр.», 1923, № 6—7, стр. 190—193. (Сводка мнений губернаторов о причинах движения).

599. **Шемякин суд в Валках.** «Искра», 1902, № 27, стр. 6. (Дело о крестьянских волнениях в Харьковской губ. в 1902 г.).

600. **Шестаков.** («Никодим»). Бунт земли. (Крестьянская революция 1905—1906 г.).

601. **Шумилов.** Из недавнего прошлого нашей деревни. «Вестн. Евр.», 1909, № 12, стр. 623—637. (Крестьянское движение в Курмышском уезде, Симбирской губ., 1905).

602. **Энгельгардт.** Деревенские нужды. «Журнал для всех», 1905, № 12, стр. 785—790. (Крестьянское движение 1905 г.).

603. **Южаков.** Политика. «Рус. Бог.», 1905, № 3, стр. 148—161. (Крестьянское движение 1905 г., в частности в Закавказьи).

Е. МОРОХОВЕЦ.

(Продолжение следует).

ТАБЛИЦА

к указателю по истории крестьянского движения в России.

Общие очерки и сводки; материалы общего характера: 12. 20. 29. 30. 31. 32. 33. 37. 39. 40. 41. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 51. 54. 57. 62. 65. 66. 67. 68. 69. 71. 80. 83. 87. 88. 103. 104. 119. 153. 177. 182. 184. 185. 186. 189. 191. 194. 198. 218. 219. 220. 221. 224. 226. 227. 230. 232. 234. 235. 236. 237. 238. 241. 243. 244. 245. 255. 257. 258. 259. 261. 262. 263. 265. 276. 277 283. 284. 293. 294. 295. 300. 302. 320. 321. 346. 348. 349. 350. 353. 354. 384. 395. 397. 405. 430. 435. 436. 437. 440. 442. 446. 452. 453. 460. 461. 518. 569. 570. 571. 572. 573. 583. 598. 600. 602. 603.

Губернии:

1. Архангельская: 2.
2. Астраханская: 2. 278. 519.
3. Бессарабская: 3. 131. 253. 307. 429. 466. 476. 479. 483. 487. 492. 505. 506. 544.
4. Виленская: 2. 104. 240. 525. 530.
5. Витебская: 2. 109. 200. 278. 287. 290. 310. 377. 384. 471. 473. 477. 502. 530.
6. Владимирская: 2. 61. 100. 162. 246. 267. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 278. 315, 322. 487. 499. 501. 519. 521. 530. 536.
7. Вологодская: 2. 119. 250. 411. 544.
8. Волынская: 3. 246. 249. 266. 387. 434. 465. 482. 520. 531. 532. 533. 537. 539. 565. 580.
9. Воронежская: 2. 4. 5. 96. 106. 109. 114. 138. 159. 199. 254. 278. 279. 283. 336. 345. 392. 474. 492. 497. 504. 505. 515. 518. 520. 521. 523. 524. 525. 527. 531. 552. 554. 556. 564. 580.
10. Вятская: 2. 55. 200. 278. 297. 415. 513. 514. 524. 525. 529. 535. 584.
11. Гродненская: 2. 240. 369. 458. 487. 488. 501. 518. 519. 520. 524. 525. 526. 529. 531. 535. 537. 538. 540. 559. 587.
12. Донская обл.: 3. 77. 147. 161. 164. 316. 337. 358. 364. 432. 488. 491. 492. 500. 530. 536. 537. 538. 582.
13. Екатеринославская: 3. 42. 125. 159. 268. 310. 328. 386. 481. 486. 488. 493. 500. 502. 504. 520. 529. 530. 531. 537. 539. 559. 582. 585.
14. Казанская: 2. 7. 56. 175. 338. 384. 499. 500. 502. 503. 508. 517. 519. 524. 525. 527. 530. 531. 532. 534. 535. 538. 539. 540. 544. 552. 557. 561. 578.
15. Калужская: 2. 419.
16. Киевская: 3. 82. 85. 96. 106. 117. 128. 145. 148. 200. 251. 278 299. 307. 361. 364. 365. 387. 414. 422. 434. 464. 483. 485. 502. 503. 504. 505. 511. 513. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 527. 528. 531. 534. 547. 551. 552. 555. 559. 560. 561. 562. 575.

17. Ковенская: 2. 79. 240. 247. 289. 339. 407. 499. 500. 502. 503. 512. 529. 582.

18. Костромская: 2. 96. 101. 167. 168. 201. 278 402. 462. 495. 508. 520. 521. 529. 545. 547. 548. 551. 570.

19. Курляндская: 19. 126. 159. 173. 175. 183. 192. 193. 233. 281. 282. 295. 408. 491. 493. 503. 504. 505. 507. 519. 520. 527.

20. Курская: 2. 14. 16. 72. 76. 95. 105. 107. 108. 153. 154. 159. 212. 222. 278. 318. 359. 385. 390. 471. 498. 499. 503. 508. 509. 511. 518. 519. 521. 523. 524. 525. 527. 530. 531. 533. 545. 551. 585.

21. Лифляндская: 126. 173. 175. 188. 192. 281. 282. 296. 393. 473. 485. 486. 488. 491. 492. 493. 499. 503. 504. 505. 507. 508. 509. 510.

22. Минская: 2. 136. 173. 201. 209. 246. 308. 309. 313. 423. 480. 483. 485. 487. 513. 517. 520. 525. 531. 532. 533. 535. 558. 561. 566.

23. Могилевская: 2. 18. 200. 301. 314. 365. 371. 380. 480. 482. 488. 490. 504. 505. 526. 527. 534. 579.

24. Московская: 2. 148. 201. 206. 213. 231. 260 341. 372. 400. 441. 496. 500. 504. 505. 512. 525. 526. 530. 531. 532. 535. 557. 561.

25. Нижегородская: 2. 21. 78. 90. 135. 139. 175. 201. 246. 311. 355. 365. 379. 418. 479. 485. 504. 515. 519. 520. 521. 522. 530. 532. 534. 536. 554. 585. 590.

26. Новгородская: 2. 36. 53. 96. 105. 116. 117. 152. 165. 278. 359. 511. 513. 519. 520. 522. 524. 527. 529. 584.

27. Олонецкая: 2. 426.

28. Оренбургская: 2. 128. 372. 533.

29. Орловская: 2. 90. 105. 130. 131. 153. 154. 155. 157. 159. 201. 264. 344. 356. 357. 364. 387. 425. 471. 487. 496. 497. 499. 500. 505. 512. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 527. 528. 530. 533. 537. 575.

30. Пензенская: 2. 105. 365. 454. 487. 497. 500. 501. 508. 563. 567. 581. 592. 596.

31. Пермская: 2. 109. 118. 333. 412. 499. 511. 565. 566. 581. 584.

32. Подольская. 1. 3. 95. 106. 160. 170. 359. 375. 385. 420. 421. 434. 479. 482. 484. 486. 488. 489. 490. 503. 518. 519. 523. 524. 526. 527. 530. 560. 566.

33. Полтавская: 3. 4. 15. 22. 33. 34. 35. 87. 97. 105. 107. 108. 111. 128. 134. 137. 138. 145. 178. 181. 187. 195. 196. 197. 204. 207. 216. 223. 239. 242. 264. 265. 304. 317. 319. 329. 343. 351. 352. 358. 383. 385. 403. 433. 434. 439. 455. 456. 460. 461. 467. 478. 479. 497. 499. 500. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 510. 513. 516. 518. 519. 521. 522. 527. 530. 531. 538. 543. 552. 553. 560. 561. 574. 575. 576. 580. 582. 587. 591. 595.

34. Псковская: 2. 165. 278. 447. 448. 541. 542. 581. 585. 591.

35. Рязанская: 2. 111. 116. 123. 128. 248. 360. 431. 481. 487. 491. 500. 511. 517. 518. 519. 520. 521. 527. 528.

36. Самарская: 2. 8. 175. 200. 205. 255. 278. 384. 386. 388. 521. 524. 525. 527. 528. 530. 531. 533. 539. 547. 556. 558. 575. 580. 590.

37. С.-Петербургская: 2. 74. 174. 176. 278. 413. 417. 500. 504. 526. 528. 540. 544. 564. 575. 580.

38. Саратовская: 2. 17. 24. 26. 38. 87. 89. 96. 106. 113. 118. 129. 130. 140. 143. 155. 169. 175. 200. 202. 203. 214. 217. 228. 245. 264. 265. 278. 280. 326. 327. 340. 342. 345. 358. 359. 361. 363. 364. 366. 369. 370. 376 379. 381. 384. 386. 396. 404. 436. 437. 438. 449. 468. 472. 473. 483. 485. 487.

489. 490. 491. 492. 496. 497. 498. 500. 505. 508. 514. 516. 517. 518. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 527. 529. 530. 531. 532. 533. 535. 538. 539. 542. 547. 551. 552. 555. 575. 577. 578. 579. 580. 582. 583. 585. 586. 587. 589. 591. 594. 596.

39. Симбирская: 2. 166. 285. 485. 485. 487. 497. 500. 506. 510. 516. 522. 523. 524. 538 542. 546. 578 552. 601.

40. Смоленская: 2. 98. 99. 111. 117. 201. 406. 417. 487. 505. 516. 521. 524. 531. 532. 560. 575.

41. Таврическая: 3. 151. 173, 424. 500. 501. 505. 526. 530. 537. 539. 544. 546. 547. 549. 553. 555.

42. Тамбовская: 2. 10. 63. 84. 94. 96. 112. 159. 345. 368. 371. 373. 379. 459. 469. 480. 487. 497 499 509. 513. 521. 522. 523. 524. 525. 529. 531. 549. 577. 580 582. 584. 591. 593.

43. Тверская: 2. 93. 95. 110. 114. 119. 121. 122. 125. 126. 161. 201. 206. 211. 215. 264. 324. 325. 330. 331. 335. 375. 409. 485. 488. 500. 503. 504. 509. 519. 520. 523. 526. 527. 528. 531. 536. 538.

44. Тульская: 2. 278. 361. 363. 367. 474. 482. 492. 502. 507. 515. 518. 519. 520. 521. 522 523. 525. 526. 530. 531. 545. 549. 552. 553. 554. 556. 561. 587.

45. Уфимская: 2. 373.

46. Харьковская: 3. 4. 9. 14. 33. 34. 73. 81. 85. 87. 97. 102. 106. 124. 137. 138. 140. 141. 156. 159, 171. 181. 207. 223. 225. 278. 292. 303. 306. 319. 351. 352. 363. 385. 394. 399. 403. 410. 444. 450 451. 455. 460. 461. 479. 485. 486. 487. 489. 500. 515 517. 519. 520. 522. 523. 530. 544. 580. 595. 597. 599.

47. Херсонская: 3. 59. 52. 60. 115. 119. 124. 128. 133. 201. 208. 264. 285. 286. 288. 334. 373. 376. 379. 383. 385. 401. 463. 479. 485. 486. 487. 489. 490. 491. 492. 496. 501. 506. 509. 514. 522. 534. 544. 545. 546. 547. 548. 555. 560. 564. 582.

48. Черниговская: 3. 6. 13. 23. 58. 64. 70. 75 88. 95. 106. 109. 127. 145. 146. 154. 155. 156. 157. 160. 264 307. 357 360. 364. 374. 378. 381. 387. 389. 391. 434. 457. 471. 497. 502. 503 514. 516. 517. 519. 522. 523. 549. 560. 563. 585. 586. 587.

49. Эстляндская: 126. 192. 229. 282. 295. 388. 477. 479. 501. 507. 509.

50. Ярославская: 2. 49 201. 512. 515. 522. 559.

Польша: 91. 192. 475. 485. 487. 500. 501. 515. 516. 518. 530. 581.

Кавказ: 11. 25. 27 28. 59 92. 106 108. 113. 114. 118 120. 121. 123. 12 126. 132. 142. 144. 145. 149. 150. 154. 155. 157. 158. 159. 163. 167. 172. 179. 180. 183. 190. 192. 201. 252. 264. 291. 305. 307. 312. 323. 347. 362. 398. 427. 428 443. 465. 470. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494 495. 501. 505. 508. 509. 515. 518. 519. 520. 521. 529. 530. 531. 532. 539. 568. 577. 584. 588. 594. 603.

Сибирь: 210. 509. 519. 538. 539. 550.

Туркестан: 523.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

(Указатель литературы на русском языке).

II. Отдельные профессионально-производственные группы [1]).

6. Кожевники и прочие профессии по обработке животных веществ (обработка шкур, кож, меха, пуха, пера, костей, рога, волоса) и изготовлению изделий из них.

Отдельные издания.

Ивановский, А. В. Сибирская язва на кожевенных и шубно-овчинных заводах. (Отд. отт. из «Вестника Обществ. Гигиены» за 1894 г.). Спб. 1894. 22 стр.

Лощилов, П. А. О санитарных условиях кожевенного производства в Нижегородской губернии. **Нижний** Новгород. 1902. IV+146+20 стр. Ц. 1 р.

Наркевич, Л. О. Опыт санитарного описания валяльного промысла в Нижегородской губернии. **Нижний** Новгород. 1901. 23 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Агеев. Среди петербургских шорников. «Рабочий по коже». Спб. 1906. № 1.

Барласов, А. Подростки в частных кожевенных предприятиях. «Голос Кожевника». Москва. 1922. № 57.

Белкин, Г. Положение кожевенной промышленности и занятых в ней рабочих. «Голос Кожевника»—орг. Центр. Комитета Всерос. Профес. Союза раб. и служ. кожев. произв. 1922. №№ 59—60, 61, 64, 65.

Богословский, С. Сапожные и портновские заведения Богородского уезда. «Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины». 1901. Октябрь.

Брагин, Е. Санитарный очерк валяно-сапожного производства в Балахнинском уезде. «Сведения медико-санитарного бюро Нижегородского губернского земства». 1912. № 4.

Валяно-сапожная промышленность и валяно-сапожники. «Нижегородская Земская Газета». 1908. № 10.

Виноградов, А. Письмо в редакцию. [Жизнь кимряков]. «Петербургский Сапожник». 1906. № 3.

Гольдберг, Г. Молодые кожевенники Москвы. «Юный Коммунист». Москва. 1922. № 3—4.

Гольдблат, И. О. Материалы к изучению санитарных условий производств из сырой кожи. «Врачебно-санитарный обзор Костромской губ.». 1905. № 2.

Гольдштейн, В. Санитарные условия перчаточного производства в Гренобле. «Промышленность и Здоровье». 1903. Кн. 5. (Сообщения из области гигиены и общ. экономии).

Данилова, Л. П. Опыт описания валяльного производства в Уфе. «Врачебно-санитарная хроника г. Уфы». 1913. № 5.

Ершов, С. М. Санитарные условия кожевенного производства. «Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины». 1890. Т. 5.

Заболеваемость рабочих при обработке волоса и пуха. «Сборник работ санитарной инспекции на Украине», под ред. проф. А. Ф. Никитина. Вып. I-й. Харьков. 1923.

Иваницкий, А. Положение щетинщиков в Пендельске [Саратовской губ.] «Голос Кожевника»—орг. Ц. К. В. П. С. раб. и служ. кожев. производства. 1922. № 58.

Ивановский, А. В. Сибирская язва на кожевенных и шкурно-овчинных заводах. «Вестник обществен. гигиены, суд. и практ. медицины». 1894. № 1.

И., П. К положению пендельских щетинщиков. (Пендельская щетинная фабрика, ее рабочие и условия их труда и быта). «Голос Кожевника». Москва. 1923. № 3.

Кожевенное производство. «Вестн. обществ. гигиены, суд. и практ. медицины». 1912. № 4. (Хроника).

Кожевенные заводы в Вологодском уезде. «Вестник обществен. гигиены, суд. и практ. медицины». 1913. № 4. (Хроника).

Кожевенные заводы г. Богородска. «Гигиена Труда». 1923. № 5—6. (Хроника Россия).

Кожевенные заводы Иркутска. «Вестник обществен. гигиены, суд. и практич. медицины». 1912. № 7. (Хроника).

Ланчиков, М. К положению рабочих кустарей. «Голос Кожевенника»—орг. Всер. Сов. Проф. Союз. кож. произв. 1918. № 14.

Летавет, А. Сибирская язва среди рабочих Пенсильванской кожевенной индустрии. «Гигиена Труда». 1923. № 3—4. (Важнейшие вопросы проф. гигиены в американской журнальной литературе).

Линтварев, С. И. К вопросу об этиологии сибирской язвы у человека. (Из 10-летних наблюдений земского врача). «Врачебная Газета». 1903. № 36—37.

Л., М. Очерки санитарного состояния фабрично-заводских предприятий г. Одессы. I. Пух и перо. III. Кожевенное производство. «Профессиональная Жизнь». Одесса. 1923. № 31—32.

Лурье, Е. А. Результаты обследования предприятия «Пух и Перо». «Практика социального страхования». Вып. I. Одесса. Изд. Губ. Управления Соц. Страхования. 1923

[**Мальчики** на клееваренных заводах в Балахнинском уезде]. «Врачебная Газета». 1901. № 42. (Хроника и смесь).

Машебов, Ф. Прежде и теперь. [Положение сапожников-ремесленников]. «Петербургский Сапожник». 1906. № 1.

Наркевич, Л. Отчет об осмотре кожевенных и клееваренных заводов в с. Городце и Катунках Балахнинского уезда. «Сведения медико-санитарного бюро Нижегородского губ. земства». 1900. № 11.

Новиков, П. С. Сапожно-валяльные заведения Кинешемского уезда. «Врачебно-санитарный обзор Костромской губ.» 1910. № 2.

Пахомычев, А. Условия труда в щетинном производстве. (По данным обследования в гор. Н. Новгороде). «Гигиена Труда». 1923. № 3—4.

П., М. Положение женщины-работницы в домашней кожевенной промышленности. «Голос Кожевника». 1919. № 24—25.

П., М. Положение Ярославской промышленности и рабочих. «Голос Кожевника». Москва. 1923. № 1—2.

Положение рабочих в петербургских гамбургских и черподельных мастерских. «Рабочий по Коже». Спб. 1906. № 1.

Положение рабочих в сапожных мастерских. «Рабочий Союз». Москва. 1906. № 7.

Положение сапожных валяных заводов Шевалдовской волости (по докладу инспектора труда). «Рабоче-Крестьянское Хозяйство». Иваново-Вознесенск. 1919. № 4—5.

Р. По поводу дела о пище и помещении на фабрике [кожевенном заводе] купца Егорова. «Архив судебной медицины и общественной гигиены». 1871. № 1.

Родигин. Из жизни рабочих овчинников раньше и теперь. «Вятский Кожевник». 1922. Октябрь. Юбилейный №.

Розенбаум, Н. Д. Результаты обследования состояния здоровья ра-

[1]) См. книги 3, 4 и 5 «Вестника Соц. Академии».

бочих скорняжного производства. «Швейник». Москва. 1923. № 2.

С. Могилевские кожевники. (Письмо из Могилева-губ.). «Неделя». 1899. № 24.

Семаков, Д. М. Положение вятских рабочих кожевников. «Голос Кожевника». Москва. 1923. № 12.

Семашко, Н. Данные о заболеваемости заразными болезнями в с. Богородском Горбатовского уезда в 1900—1903 годах. (К вопросу о санитарном значении кожевенного производства). «Сведения медикосанитарного бюро Нижегородского губернского земства». 1904. № 11.

Серегин, Ф. Как живут посадчики. «Голос Кожевенника». Москва. 1918. № 12.

Соколов, И. Сестрорецкие перчаточницы. «Мир Божий». 1902. № 8.

Сысин, А. Санитарные условия кожевенного производства в с. Богородском Горбатовского уезда. «Сведения медико-санитарного бюро Нижегородского губ. земства». 1911. № 10.

Сысоев, И. Письмо к товарищам. [О положении ремесленников-сапожников]. «Петербургский Сапожник». 1906. № 1.

Фердинандов, В. В. О санитарном состоянии кожевенных заводов в сл. Калаче и о правильном за ними надзоре. «Врачебно-санитарная хроника Воронежской губернии». 1899. № 10.

Шелгунов, Н. [Промышленный пролетариат ветлужских рогожников и калужских кожевенников]. «Дело». 1870. № 6. (Внутреннее обозрение).

Ширард, О. Белые рабы в Англии. Москва. 1904. Гл. III. Лидские башмачники и портные.

Шляхтер. Среди юных кожевников. (Вятка). «Голос Кожевника». Москва. 1923. № 1—2.

Штейнфельд, А. П. Санитарно-статистическое исследование кожевенных заводов в с.с. Шарташе и Уктусе. «Записки Уральского Медицинского Общества». 1894. Вып. 2.

7. Медико-санитарные работники (включая работников аптечного и ветеринарного дела).

Отдельные издания.

Кедров, П. И. Условия труда и жизни лиц низшего медицинского персонала в России. Спб. Изд. «Медицинского журнала д-ра Окса». 1902. Ц. 50 к.

Маркс, Н. И. О правовом положении фармацевтов. Доклад, прочитанный в общем собрании професс. союза служащих фармацевтов г. Чернигова и губернии 16 апреля 1917 г. Чернигов. 1917. 8 стр.

Нижегородцев, М. Н. О мерах к поднятию уровня и улучшению положения служительского персонала в заведениях для душевно-больных. Спб. 1897. 70 стр.

Новосельский, А. Смертность врачей в России.

Совет Воронежского Общества помощников врачей. О положении помощников врачей. Воронеж. Изд. Губ. Земск. Управы. 11 стр.

Труд и быт медработников г. Москвы и Московской губ. Сборник статей и материалов. Вып. I. Москва. Изд. Моск. Губотдела Союза Всемедиксантруд. 1923. 295 стр.

Условия труда и жизни служащих в аптеках фармацевтов. Опыт аналитического исследования. Москва. Изд. Российского Фармацевтического О-ва. 1900. 57 стр. Ц. 1 р.

Ш., Н. О положении и нуждах фельдшеров. Книгоизд. «Северное Эхо». 1905. Ц. 25 к.

Юрьев, Н. П. К вопросу о материальном положении врачей, служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в губерниях и областях России. Диссертация. Спб. 1904. 161 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Аврамов, В. Заболеваемость и смертность медицинского персонала от сыпного тифа. «Известия Народного Комиссариата Здравоохранения». 1919. № 11.

Арсеньев. Очерки из быта докторов иноземцев в древней Москве. (По бумагам Аптекарского приказа). «Русская Старина». 1895. Май и июнь.

Балов, А. Больничная прислуга. «Врачебная Газета». 1905. № 28.

Биншток, В. И. Смертные случаи среди лиц медицинского персонала в С.-Петербурге в 1911 г. «Врачебная Газета». 1912. № 12.

Биншток, В. И. Смертные случаи среди лиц медицинского персонала в С.-Петербурге в 1913 г. «Врачебная Газета». 1914. № 11.

Богданов, А. Фармацевты в железнодорожных аптеках. «Фельдшер». 1904. № 21.

Болгария. Материальное положение медико-санитарных и ветеринарных служащих. [Из «Работнического Вестника»]. «Медицинский Работник». Москва. 1922. № 10.

Вигдорчик, Н. Врачебные отклики. Страничка из жизни немецких врачей. «Практический Врач». 1911. № 47.

Гардин, А. Врачебный труд. «Всероссийский Врачебный Вестник». 1911. № 1.

Где исход? О положении сельских аптекарей. «Фармацевтический Труд». 1907. № 30.

Гершуни, Г. О женщинах фармацевтах. «2-й Фармацевтический С'езд». 1889.

Гиря, П. Еще о фельдшерах. «Фельдшер». 1906. № 15.

Гиря, П. Фабричные фельдшера. «Фельдшер». 1906. № 13.

Гонфенгаузен, О. И. О работе экономок в лечебницах Московского губернского земства. «Сведения земской санит.-врач. организ. Моск. губ.». 1916. № 12.

Гордон, Г. Несколько слов о врачебном пролетариате. «Практический Врач». 1906. №№ 39 и 40.

Грацианов, П. Об улучшении условий службы фельдшерского персонала. (Прилож. к журналу Лебединского сан. Совета 16 сент.). «Врачебная хроника Харьковской губ.». 1907. № 10.

Гребенщиков, В. И. Таблица смертности русских врачей за 1890—96 г.г. «Вестник обществ. гигиены, судеб. и практич. медицины». 1898. № 7. (Медико-статистическ. сведений).

Двинский, С. Положение низшего медицинского персонала в Печерском крае. «Фельдшер». 1904. № 10.

Ермаков, И. Н. Каким образом обращаться с медицинскими чинами. [Повеление вел. князя Александра Павловича в 1796 г.]. «Русская Старина». 1877. Т. 20. Стр. 715.

Жадановский, П. Ф. Кое-что о положении фельдшеров Ахтырского земства Харьковской губернии. «Лекарский Помощник». 1907. № 17—18.

Женский труд в аптеке. «Фармацевтический Труд». 1907. № 47.

Иванов. Сестры милосердия и фельдшера. «Фельдшер». 1906. № 2.

Ивинов, Ф. Н. Об условиях труда и быта фельдшеров, состоящих на общественной и государственной службе. «Гигиена и Санитария». 1912. № 21, 22.

Калинин, П. А. и **Соловьев, Ф. Н.** Условия службы фельдшерско-акушерского персонала на фабриках и заводах. «Труды I Всеросс. с'езда фабричных врачей и представит. ф.-з. промышл.». Т. II. Москва. 1910.

Касторский, Ф. Л. К вопросу о материальном положении медицинского персонала Коломенского земства. «Сведения о заразных болезнях и санит.-врачебной организации Московской губ.». 1909. № 9.

Кац, Я. Ю. О положении фельдшерского персонала в Московской губернии. «Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации Московской губ.». 1909. № 9.

Кедров, П. И. Условия труда и жизни низшего медицинского персонала в России. «Медицинский Журнал д-ра Окса». 1901. № 6—12.

Кедров, П. И. Условия труда и жизни служащих в аптеках фармацевтов. «Медицинская Беседа». 1900. № 4—5.

Корсаксвич-Ющенко, С. С. Женский труд в учреждениях для лечения и призрения душевно-больных в России. «Труды I-го Всероссийского женского съезда при русском женском обществе в Спб. 10—16 декабря 1908 г.». Спб. 1909.

К., Н. Служба медицинских фельдшеров в Архангельской губернии. «Фельдшер». 1905. № 2.

К положению морских врачей в Северо-Американских Штатах и Франции. «Медицинские прибавления к Морскому Сборнику». 1888. № 4. (Рефераты).

К—т, Н. О женском труде. «Фармацевтический Труд». 1907. № 2.

К—т, Н. О фармацевте-пролетарии. «Фармацевтический Труд». 1907. № 5.

Кузнецов, Н. Условия службы фельдшеров в Новохоперском уезд-

ном земстве. «Лекарский Помощник». 1908. № 14.

Кулешов, Л. Ф. 1. Земский врач, как работник и его обеспечение. 2. К вопросу об обеспеченности земских врачей. «Врачебно-санитарная хроника Воронежской губернии». 1910. № 7—8.

Левчаткин, В. И. Некоторые данные о применении женского ухода в мужских отделениях психиатрических больниц. «Современная Психиатрия». 1913. Ноябрь.

Летников, К. М. Материальное положение земских врачей. «Врачебно-санитарная хроника Саратовской губ.». 1911. № 7.

Литкенс-Мееркова, Е. А. К вопросу о материальном положении врачей Воронежской губ. «Врачебно-санитарная хроника Воронежской губернии». 1912. № 1.

Л., П. Н. Из жизни медработников в провинции. Гор. Мамадыш, Татреспублика. «Медицинский Работник». Москва. 1923. № 1. (На местах).

Маас, А. А. Несколько слов о положении морских фельдшеров. «Фельдшер». 1906. № 9.

Марков, Д. Очерки врачебного быта в древней Руси. «Медицинский Современник». 1915. №№ 21—24.

Маркс, Н. И. О правовом положении фармацевтов. «Врачебно-санитарная хроника Черниговской губ.». 1917. Март—апрель.

Машута, Иг. Условия службы фельдшеров в Богодуховском уезде, Харьковской губ. «Фельдшер». 1905. № 2.

Мелков, М. Об условиях фармацевтического труда в Одессе. «Фармацевтический Вестник». Москва. 1904. № 15.

Михайлов, Н. Н. О низшем больничном персонале. «Русский Медицинский Вестник». 1901. № 23.

Мурзлевич, В. Некоторые данные об условиях службы врачей в уездных земствах. «Русский Врач». 1908. № 49.

О материальной обеспеченности земско-медицинского персонала. «Врачебно-санитарная хроника Киевской губ.». 1907. № 4.

Отчет о работах комиссии по обследованию труда медицинского персонала. «Вопросы изучения труда». Сборник статей под ред. Бехтерева, Кашкадамова и Белоусова. Спб. 1922.

Паперин, Г. Нормальные условия труда в аптеках. «Всероссийский съезд служащих фармацевтов 25—28 августа 1917 г.». Пгр. 1918.

[Пенев], делегат Профинтерна из Болгарии. Положение медико-санитарных работников в Болгарии. «Медицинский Работник». Москва. 1922. № 10.

Перлов. Положение медицинского и ветеринарного фельдшерского персонала Козьмодемьянского земства. «Фельдшер». 1907. № 6.

Пинегин, Г. Н. Доклад о квартирах вспомогательного медицинского персонала в Елисаветградском земстве. «Врачебная хроника Херсонской г.». 1913. № 3.

Попов, А. В. О материальном положении среднего медицинского персонала в Ковровском уезде. «Врачебно-санитарная хроника Владимирской губ.». 1910. Июль.

Поникаровский, Г. И. К вопросу о положении прислуги в больницах и амбулаториях Балашовского уезда. «Врачебно-санитарная хроника Саратовской губ.». 1912. № 10.

Потресов, В. За рубежом. [Положение врачебного труда в Австралии]. «Практический Врач». 1908. № 38.

Профессиональное движение работников лечебно-санитарного дела. Под ред. А. Алуфа. Москва. 1921. Глава: Условия труда лечебно-санитарного дела в России.

Пятаев, Т. Г. Положение фельдшеров в Томской губернии. «Фельдшер». 1906. № 17.

Радченко, Д. Положение медицинского персонала на пассажирских судах Каспийского моря. «Фельдшер». 1907. № 12.

Радченко, Д. Положение медицинского персонала на судах Каспийского моря. «Фельдшер». 1906. № 14.

Румянцев, В. Смертность врачей Саратовской губернии за последнее десятилетие. «Саратовский Вестник Здравоохранения». 1923. № 5—6.

Русинов, Н. В. Тип ветеринара в литературе и вопросы психологии ветеринарной профессии. «Вестник общественной ветеринарии». 1906. №№ 21, 22.

Рюмина, Е. Условия труда фельдшерско-акушерского персонала в Московском уезде. «Фельдшерский Вестник». 1908. № 10.

Савваитов, Н. П. О смертности ветеринарного и медицинского персонала от заражения при экспериментальных и служебных работах. «Вестник обществ. ветеринарии». 1909. № 27.

Салогуб, П. Положение фельдшеров в Конотопском земстве. «Фельдшер». 1907. № 13.

Сердюк. Служба и быт фельдшеров на Либаво-Роменской железной дор. «Фельдшер». 1904. № 15.

Скорняков, А. Я. По поводу доклада Ф. А. Касторского: «К вопросу о материальном положении медицинского персонала Коломенского уезда». «Сведения о заразных болезнях и санит.-врач. организ. Моск. губ.». 1909. № 10.

Солоноуц, А. Женский вопрос в аптеке. «Фармацевтический Труд». 1907. № 24.

Танин, М. Фармацевты служащие и аптечные рабочие. «Фармацевтический Труд». 1908. № 24.

Тераевич, С. С. Об условиях службы врачей в губернских земских больницах. «Сведения о заразн. больн. и деят. медицин. организ. в Смоленской губ.». 1909. № 10.

Тиркельтауб, Б. Кое-что о положении служащих фельдшеров и акушерок в Могилевской губ. «Фельдшерский Вестник». 1907. № 18.

Толмачев, Г. Положение медицинского персонала Кубанской области. «Фельдшер». 1907. № 12.

Торопова, Д. И. К статистике женщин-врачей в России. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1914. № 6.

Тржемесский, И. И. Морские врачи в Соединенных Штатах Северной Америки. «Морской Врач». 1914. № 7.

Тржемесский, И. И. Современное положение морских врачей в некоторых иностранных флотах. «Медицинские прибавления к «Морскому сборнику». 1911. № 5.

Условия труда низших служащих на городских трамваях и в больницах в Англии. «Известия Московской Городской Думы». 1900. № 7.

Фармацевт. Пролетарии ли фармацевты? «Пролетарий» — центр. орг. Р. С.-Д. Р. П. Женева. 1905. № 19.

Ф., М. Несколько данных об условиях работы служительского персонала в городских больницах Германии. «Общественный Врач». 1914. № 5. (Городская медицина).

Х. О положении фельдшеров Макарьевского земства, Костромской губернии. «Лекарский Помощник». 1906. № 2—3.

Шепитовский, Н. Положение фельдшеров-кондукторов и о переименовании их в лекарские помощники. «Фельдшер». 1908. № 13.

Шерман, И. Условия труда медработников. «Профессиональн. Жизнь». Одесса. 1923. № 38—39.

Шиперович, М. В. Врачи в Сербии. «Медицинский Современник». 1915. № 4.

Шиперович, М. В. Врачи-поденщики. [Деятельность и материальная необеспеченность петроградских думских врачей]. «Медицинский Современник». 1915. № 2.

Шор, Р. П. Условия службы фельдшерского персонала в земствах, неземских губерниях, на железных дорогах, заводах, фабриках, приисках и рудниках. «Фельдшер». 1903. №№ 4, 5.

Щербович-Вечор, Г. Д. Условия быта городовых врачей в связи с положением их на службе. Законоположения о них. «Труды второго съезда врачей Минской губ. 12—15 января 1911 г.». Минск. 1911.

Экк, В. В. Настоящее положение фабричного врача. «Сведения о зар. болезнях и сан.-врач. организ. Московской губ.». 1907. № 10.

Экк, В. В. Положение фабричного врача в бытовом, экономическом и правовом отношениях, в связи с организацией фабричной медицины. «Труды I-го Всеросс. съезда фабричных врачей и представителей ф.-з. промышл.». Т. II. Москва. 1910.

Энзе. К вопросу о бытовом положении военных врачей на Дальнем Востоке. «Сибирские Врачебные Ведомости». 1907. № 1.

8. Металлисты [1]).

Отдельные издания.

Андржеевский, И. Болотные болезни на севере. Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. (Диссертация). Спб. 1880.

Гордон, М. Материалы к истории рабочих Обуховского завода («Большевик»). Пгр. Изд. Культ.-Просвет. Отдела Петрогр. Совета Проф. Союзов. 1923. 25 стр.

Козьминых-Ланин, И. М. Рабочие Московской губернии, занятые обработкой хлопка и обработкой металлов. Распределение и заработки рабочих в связи с отдельными профессиями, полом, грамотностью и занимаемой квартирою. Москва. 1912. 108 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Курская, А. С. Производство часов в Москве и в Московской губернии. Москва. Изд. семинария по политической экономии при высших женских курсах. 1914. VIII+172 стр.

Лисовский, Н. М. Рабочие в военном ведомстве. (По поводу трудов Высочайше учрежденной Комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства). Спб. 1906. II+239 стр.

Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. Спб. 1909. 128+24 стр. Ц. 50 к.

Молессон, М. И., и Рума, Р. Состав населения Нижне-Тагильского завода. Биостатический очерк. Пермь. 1885.

Спасский, Ир. Опыт изучения влияния некоторых работ ижевских оружейников на их здоровье и физическое развитие. Диссертация. Спб. 1888. 207 стр. (Серия диссертаций, допущен. к защ. в Имп. Врач.-Мед. Акад. в 1887—1888. № 65).

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Амстердамский, А. В. Кузницы г. Москвы [в санитарном отношении]. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1915. № 2. (Хроника).

Андржеевский, И. Ижевский оружейный завод. «Военно-Медицинский Журнал». 1877. №№ 5 и 6.

Андржеевский, И. Очерки деятельности приемного покоя Ижевского оружейного завода с 1867—1874 гг. «Военно-Медицинский Журнал». 1877. №№ 11—12.

Астров. Жизнь заводская в 1910 г. «Металлист». Спб. 1911. № 1.

Бендер, И. Златоустовская забастовка в 1903 г. [Сведения об условиях работы на златоуст. оружейном заводе]. «Архив истории труда в России». Пгр. 1923. Кн. 4.

Благовещенский, В. На литейном заводе. (Из очерков русского чернорабочего труда). «Неделя». 1871. № 8.

Благовещенский, Н. На литейном заводе. (Из очерков русского чернорабочего труда). «Отечественные Записки». 1873. № 4.

Богуславский, Я. М. Очерк санитарных условий судостроительных работ в Николаеве. «Сборник работ санитарной инспекции на Украине», под ред. проф. А. Ф. Никитина. Вып. I. Харьков. 1923.

Бутырский район. На иностранном заводе. «Рабочее Знамя»—орг. Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. 1908. № 7. (Хроника).

Бюджет Надеждинского рабочего в декабре 1922 г. «Бюллетень по статистике труда Екатеринбургской губернии». 1923. № 1.

Вандаловский, В. А. Коленцевская игольная фабрика в гигиеническом отношении. «Врач». 1880. № 25.

Вебер, Р. Ю. Сведения о врачебной деятельности и ходе заболеваний среди рабочих и служащих Екатеринославского сталелитейного завода за 1903 г. «Вестник Екатеринославского Земства». 1904. № 5.

Вив. Несчастные случаи на Путиловском заводе. «Просвещение». 1913. № 4.

Вредные испарения в литейных мастерских и лихорадка литейщиков. «Сборник работ санитарной инспекции на Украине», под ред. А. Ф. Никитина. Вып. I. Харьков. 1923.

Гибсон, И. Условия работы и производительность американских сталеделательных заводов. «Вестник Инженеров». 1915. №№ 14—15—16. (Технические заметки).

Гибсон, И. Уральский рабочий. «Бюллетени Политехнич. Общества, сост. при имп. Техн. Училище». Москва. 1909. № 2.

Г., Л. Экскурсия на завод «Серп и Молот». [Условия работы]. «Вопросы Страхования». 1923. № 34.

Г—н, И. Рабочая жизнь на Урале. «Голос Жизни». 1906. № 3—4.

Говорливый, З. Медико-топографический очерк Чермосского завода. «Медико-Топографический Сборник», изд. Мед. Департаментом. Спб. 1870.

Гордон, М. Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе («Большевик»). «Архив истории труда в России». 1923. Кн. 9.

Горный, Н. А. Из жизни на Уральских заводах. (По личным воспоминаниям). «Вестник Европы». 1904. № 8.

Гуревич, А. Переговоры об условиях труда с фирмой «Юнкерс». «Металлист». Москва. 1923. № 7.

Здоровье рабочих в Тульских металлообрабатывающих заводах. «Гигиена Труда». 1923 г. № 7. (Хроника. Россия).

Здоровье рабочих. (Медицинский осмотр рабочих тверского вагоностроительного завода). «Металлист». Москва. 1923. № 13—14.

Из жизни Пермских рабочих. «Кузнец»—орг. рабочих по обработке металлов. Спб. 1907. № 3—4.

Израэль, М. Вредность работы на медноплавильном цехе Калатинского завода и охрана труда рабочих. «Металлист». Москва. 1923. № 15—16.

Ильин, И. Рабочие металлисты во время войны и революции. [Состав и положение рабочих в металлообрабатывающей промышленности]. «Рабочий Мир». Москва. 1919. № 10—12.

Ильинский. Среди огня и жидкого металла. (К характеристике условий труда металлургического рабочего). «Вестник Европы». 1914. № 10.

Кацман, А. Я. Металлообрабатывающая промышленность Ростова и Нахичевани н/Д. «Гигиена Труда». 1923. № 7. (Хроника. Россия).

Князев. Доклад о личильнях в Павловском районе Горбатовского уезда. «Сведения медико-санитарного бюро Нижегородского губ. земства». 1909. № 5.

Кузьмин, Н. Как живет рабочий. (Котельный завод «Паростроп»). «Металлист»—изд. Ц. К. В. С. Р. М. 1923. № 9—10.

Лопуховский, А. Волжский сталелитейный завод. [Санитарные и жилищные условия]: «Саратовская Земская Неделя». 1904. № 9.

Л—ский, Р. В Мытищах. (Вагоностроительный завод). «Профессиональное Движение»—орг. Моск. Совета Проф. Союзов. 1923. № 10.

Львович, Г. Завод «Серп и Молот». «Металлист».—изд. Ц. К. В. С. Р. М. 1923. № 9—10.

Львович, А. Требования рабочих Балтийского и других морских заводов в январские дни 1905 г. «Архив истории труда в России». Пгр. 1922. Кн. 4.

Львович, Г. На 4-ом автомобильном заводе «Спартак». «Металлист». Москва. 1923. № 11—12.

Молессон, И. Рабочие механического заведения общества «Кавказ и Меркурий». Материалы для изучения положения рабочих. «Архив судебной медицины и общ. гигиены». 1870. № 3.

На механических заводах. [Положение рабочих]. «Единство». Спб. 1909. № 9.

П., Е. Катастрофы на орудийных заводах. «Известия Московского Военно - Промышленного Комитета». Москва. 1916. № 25—26.

Полетылло, А. Наши мастерские. [Состояние депо и мастерских Северных жел. дорог]. «Спутник Северянина»—изд. Дорожного Комитета профсоюза работн. железнодор. транспорта Северных жел. дорог. Москва. 1923. № 1—2.

Положение труда и промышленности. «Рабочий по металлу». Спб. 1907. №№ 10—16, 18, 21.

Попов, Р. С. Несколько данных о профессиональных заболеваниях ра-

[1]) Сюда же отнесены рабочие судостроительных заводов и ж. д. мастерских.

бочих на вагоностроительном заводе в Б. Мытищах. «Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губ.». 1900. № 2.

Р., А. Рабочие Самарских заводов. «Народное Хозяйство». 1902. №№ 4 и 5.

Рабочие на южных металлургических заводах. «Вестник Финансов, Промышл. и Торговли». 1909. № 4.

Рабочие по металлу в С.-Петербурге. «Вестник Финансов, Промышл. и Торговли». 1909. № 3.

Рабочий вопрос в американском стальном тресте. «Вестник Финансов, Промышл. и Торговли». 1908. № 11.

Розов. Обозрение санитарного состояния кадра постоянных мастеровых и рабочих адмиралтейских Ижорских заводов за 1869 г. «Медицинские прибавления к Морскому сборнику». Вып. XI.

Романов, А. Ижевский оружейный завод. (Медико-топографические очерки). «Сборник сочинений по судебной медицине». 1875. Т. 3. 1876. Т. I.

С., А. Рабочий вопрос на Калатинском заводе. «Металлист», изд. ЦКВСРМ. 1923. № 9—10. (По московским заводам).

Сбежанский, В. Условия жизни и труда железняков. «Вопросы Страхования». 1915. № 10.

Семенов-Булкин, Ф. Экономическое положение рабочих металлистов до 1905 г. «Архив истории труда в России». Пгр. 1923. Кн. 9.

Скиада, М. М. Кузнечный промысел в пригородных слободах г. Воронежа и в Воронежском уезде. [Имеются сведения о рабочих в кузницах и условиях их работы]. «Памятная книжка Воронежской губ.» на 1878—79 г.

Соловьев, Д. А. К вопросу о профессиональных заболеваниях на Пермских пушечных заводах. «Труды XI съезда врачей и представителей земств Пермской губернии» (26 мая—4 июня 1914). Часть 3-я. Пермь. 1915.

Солонцов, К. О заболеваниях рабочих на заводе Вестингауза. «Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины». 1911. № 2.

С.-Петербург. Невский механический Путиловский завод. [и др.]. «Рабочая Мысль». Спб. 1900. № 8.

Среди николаевских металлистов. [Ухудшение положения металлистов вследствие голода. Безработица. Жилищная кампания]. «Вестник профдвижения Украины». Харьков. 1922. № 5.

Сурожский, П. Выксунские заводы. «Металлист». Москва. 1923. № 9—10.

Травматизм в Лысвенском заводе. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1910. № 4. (Хроника).

Трамбицкий, Г. Исследование органа слуха у котельщиков Харьковских паровозных мастерских Южных железных дорог. «Сборник работ санитарной инспекции на Украине», под ред. проф. А. Ф. Никитина. Вып. I. Харьков. 1923.

Тун, А. Производство холодного оружия в Золингене. «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России». Вып. 5. Спб. 1880.

Условия труда в германской железоделательной промышленности «Вестник Финансов, Промышл. и Торговли». 1913. № 22.

Хаит, Д. На крымском побережье Портовый завод в Севастополе. «Металлист». Москва. 1923. № 11—12.

Цвингман. Санитарный обзор Кронштадтского пароходного завода за 1869 г. «Медицинские прибавления к Морскому сборнику». Вып. XI.

Ширард, Р. Белые рабы в Англии. Москва. 1904. Гл. II. Производство гвоздей в Бромегрове. Гл. VI. Цепники Кредлей-Хиза.

Шляпников, А. О бельгийских металлистах. «Просвещение». 1914. № 4.

Шляпников, А. Рабочий Париж. Металлисты. «Просвещение». 1912. № 5—7.

Экономическое положение металлорабочих в Германии. «Вестник Финансов, Промышл. и Торговли». 1910. № 42.

Экономическое положение московских металлистов. «Металлист». Спб. 1911. № 3.

Экономическое положение рабочих металлистов. «Союз рабочих металлистов Украины в период от 1 июня 1918 г. по 1 января 1919 г.». Харьков. 1919.

9. Минеральных веществ обработка (глина, кирпич, стекло, фарфор, мрамор, цемент [11]).

Отдельные издания.

Кедров, П. И. Санитарные условия труда и жизни рабочих на кирпичных заводах. Москва. 1899. 53 стр. (Имп. Русское Техническое Общество. Московское Отделение. Санитарная группа).

Морович, Г. И. Цементный завод Московского акционерного общества для производства цемента и других строительных материалов близ гор. Подольска в санитарном отношении. Москва. 1896. 68 стр.

Погожев, А. В. Кирпично-гончарное производство Московского уезда. Опыт санитарно-промышленного исследования. Москва. 1881. V+238 стр. (Сборник санитарно-статистич. сведений по Моск. губ. Отдел санитарной статистики. Т. III. Вып. 2).

Саноцкий, Т. Ф. Кирпичное производство на р. Неве и ее притоках. [Сведения об условиях работы]. Спб. 1904. 101 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Скибневский, А. И. Фарфоро-фаянсовое производство Гжельского района Московской губ. в санитарном отношении. Москва. Изд. Моск. Губ. Земства. 1904. 57+13 стр. (Сборник статистических сведений Московской губ. Т. VIII. Вып. 3).

Спасский, А. М. Санитарные условия гончарного производства в Екатеринбургском уезде. Спб. 1902. 23 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

А., Н. Гигиенические условия на фабриках фарфора. [В Англии]. «Гигиена и Санитария». 1911. № 5. (Рефераты).

Б., В. Отхожий промысел Московского уезда. (Положение рабочего на кирпичных заводах). «Труды Имп. Вольно-Экономич. общества». 1878. Т. III. Вып. I.

Бельский. Свинцовое отравление на гончарных заводах в окрестностях Пскова. «Вестник Псковского Земства». 1881. № 41.

Благовещенский, Н. Сельские фарфоровые заводы. «Отечественные Записки». 1871. № 2.

Богословский, С. Санитарное состояние рабочих керамической промышленности в Германии. «Общественный Врач». 1914. № 1. (Рефераты).

Голлербах, Э. Условия труда и быт рабочих на государственном фарфоровом заводе. «Архив истории труда в России». Пгр. 1923. Кн. 6—7.

Зайцев, В. Положение рабочих стекольной промышленности Владимирской губ. «Новый Труд»—орг. Владимирского Губпрофсовета. 1920. № 1.

Кедров, П. И. Санитарные условия труда и жизни рабочих на кирпичных заводах. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1899. № 6.

Кедров, П. И. Санитарные условия труда и жизни рабочих на кирпичных заводах. «Записки Московского Отдела Имп. Русского Технического Общества». 1899. Вып. 1—3.

Кохомский, С. Алебастровый промысел в Изборской волости. «Памятная книжка Псковской губернии на 1880 г.». Псков. 1880.

Крупский, А. Стеклянные заводы Северной группы. «Вестник Промышленности». 1884. №№ 7 и 8.

Лебедев, Н. Н. Измерение мышечной силы у рабочих кирпичного завода. «Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины». 1903. № 3.

Лидов, А. П. Стеклянное производство в санитарном отношении. «Труды комиссии, учрежд. московским ген.-губернатором для осмотра фабрик и заводов в Москве. Описание состояния некоторых фабричных и заводских производств в санитарном отношении». Вып. I. Москва. 1882.

Материалы по болезненности населения Московской губернии за 1911 год. Заболевания, наблюдавшиеся в профессиональных группах рабочих по полу на кирпичных заводах Московского и Звенигородского уездов. Общая сводка за 1911 год. «Сведения земской сан.-врач. организации Московской губ.». Прилож. к № 11 за 1914 г.

М., В. Санитарные условия труда на фарфоро-фаянсовых заводах России. «Общественный Врач». 1913. № 1.

Морович, Г. Очерк заболеваемости

рабочих на цементном заводе, в гор. Подольске. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1894. № 6.

О жилищах рабочих на кирпичных заводах и на постройках. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1910. № 12. (Хроника).

О работницах и несовершеннолетних на кирпичных заводах. «Вестник общественной гигиены, суд. и практической медицины». 1899. № 4. (Хроника).

Попов, Р. Мраморные работники. «Неделя». 1873. № 51.

Прусевич, А. Н. Санитарно-гигиеническое положение гончарства в Подольской губ. «Врачебно-санитарная хроника Подольской губ.». 1914. №№ 6—9.

Спасский, А. М. Санитарные условия гончарного производства в Екатеринбургском уезде. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1902. № 9.

Станчинский, В. В. Стеклянное производство в санитарном отношении. «Труды комиссии, учрежд. московским ген.-губернатором для осмотра фабрик и заводов в Москве». Вып. I. Москва. 1882.

Условия труда на императорском заводе. Императ. фарфоровый завод. «Рабочая Мысль». Птб. 1900. № 10.

Френнель, З. Плитный промысел по берегам Волхова. (Санитарно-экономический очерк). «Жизнь». 1899. №№ 10 и 11.

Шатько, П. П. О положении рабочих на Мальцовских стеклянных заводах. «Труды Всерос. торгово-промышл. съезда 1896 г. в Нижнем-Новгороде». Спб. 1897. Вып. 5.

Шор, Р. Н. Санитарно-экономические условия кирпичного производства при устье реки Тосны. «Промышленность и Здоровье». 1903. Кн. 3.

Штейнфельд, А. П. Хроническое отравление свинцом у рабочих в гончарных заведениях. «Записки Уральского Медицинского Общества в Екатеринбурге». 1902.

Эмме, В. Е. Опыт выяснения малярии при работе с землей вообще и в частности при кирпичном производстве в Усть-Ижоре. «Военно-Медицинский Журнал». 1886. Кн. 8 и 9.

10. Муниципальные (коммунальные) рабочие и служащие [1]).

Отдельные издания.

Ачадов. Третий элемент. (Служащие в городских и земских учреждениях). Его значение и организация. Москва. 1906. 45 стр.

Гордон, М. Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда. Очерки 1 и 2. Пгр. Изд. Культурно-Просветит. Отдела Пгр. Совета Проф. Союзов. 1923.

Линдеман, Г. (К. Гуго). Пролетариат и городское хозяйство. (Рабочий вопрос в германских муниципалитетах). Пер. с нем. А. Розенштейн, под ред. и с пред. В. Канеля. Москва. Изд. Скирмунт. 1908. XXI+538 стр.

Никольский, Д. П. Несчастные случаи с пожарными. 1913. Ц. 15 к.

Обзор деятельности общества для удовлетворения квартирной нужды среди служащих по московскому городскому управлению за 1914 г. Москва. 1915. 83 стр.

Ольшванг, А. В. О предупреждении несчастных случаев от электрического тока. [Статистические данные о несчастных случаях от электрического тока]. Москва. 1912. 82 стр. Ц. 75 к.

Рабочие на городской службе в Москве. Москва. Изд. музея содействия труду. 1909.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Бакинская пожарная команда. «Коммунальный Работник». Москва. 1923. № 3.

Бирюков, И. К вопросу об устранении жилищной нужды служащих Московск. городского управления. «Городское Дело». 1917. № 8.

Б., Л. Из жизни рабочих Казанского горводопровода. «Коммунальный Работник». Москва. 1923. № 3. (От наших корреспондентов).

Блюменфельд, М. Л. Отчет санитарного врача за июнь—август. Жилищные условия городских рабочих и служащих. «Врачебно-санитарная хроника гор. Иркутска». 1911. № 8—9.

Бычков, Н. Рабочие на городской службе в Москве. «Записки Московск. Отд. Имп. Русск. Технического Общества». 1904. № 3.

Вопросы труда в городском хозяйстве (конки, трамвая, бойни). «Народное Хозяйство». 1900. № 2.

Г., И. Статистика несчастных случаев на электрических установках в Англии. «Известия Московского Общ. для надзора за паровыми котлами». 1913. № 10. (Разные известия).

Глейх, Б. А. Условия труда и жизни на одесских полях орошения. «Помощник Врача». 1906. № 9.

Г—н, М. Положение коммунальных рабочих в европейских городах. «Известия Московской Городской Думы». 1913. Декабрь.

Гордон, М. Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда. «Архив истории труда в России». Пгр. 1923. Кн. 8 и 9.

Григоровский, А. Вопросы труда в городской жизни. «Городское Дело». 1909. № 17.

Григоровский, А. Вопросы труда в городской жизни. «Городское Дело». 1910. № 4.

Гурский, Ч. Заболеваемость у петербургских трамвайщиков. «Вопросы Страхования». 1914. № 7.

Данилов, Н. П. Прачешный промысел и его санитарные условия. «Вестник обществени. гигиены, судебн. и практич. медицины». 1912. № 5.

Деятельность городов Франкфурта-на-Майне и Шарлоттенбурга по улучшению жилищных условий городских служащих. «Известия Московской Городской Думы». 1904. Вып. 5 (март).

Дома для городских служащих. «Городское Дело». 1916. № 22. (Хроника).

Женщины на городской работе в государствах Западной Европы. «Известия Московской Городской Думы». 1912. Май.

Журавлев, А. Дом городских служащих. «Городское Дело». 1913. № 5.

З., Л. Условия труда в муниципальных предприятиях Германии. «Известия Московской Городской Думы». 1914. Апрель. (Хроника иностранной городской жизни).

Канель, В. Я. Из муниципальной жизни в Германии. (Рабочие на городской службе. Жилищный вопрос). «Русская Мысль». 1905. №№ 1, 3—4.

Козловский, П. И. К вопросу о санитарном состоянии прачешных 2-го участка Рождественской части Петербурга. «Журнал Русского Общества Охран. Народного Здравия». 1913. № 7—8.

Кокшайский, И. и Гибшман, А. Несколько данных о квартирных условиях служащих в Москве. «Известия Московской Городской Думы». 1911. Январь.

Кременчуг. Положение рабочих в прачешных заведениях «Искра» 1904. № 52. (Письма с фабрик и заводов).

Курский, Д. Городские рабочие в муниципалитетах на Западе. «Самоуправление»—орг. городск., сельских, земск. и обл. обществ. управлений. Москва. 1907. № 4.

Л. Рабочие на службе у городской общины в Германии. «Русск. Мысль». 1903. № 4.

Л—ая. Повышенная заболеваемость и смертность рабочих и работниц прачешных заведений. [По данным проф. Ляндузи]. «Русский Врач». 1908. № 32. (Из текущей печати).

Лейтес, К. Городское управление и рабочие в Швейцарии. [Имеются сведения о положении рабочих в городских предприятиях]. «Русская Мысль». 1909. № 6.

Листов, С. Несчастные случаи со служащими в московской пожарной команде. «Известия Моск. Гор. Думы». 1903. № 15.

Наов; В. Анапа. Положение городских служащих. «Местное Самоуправление на Северном Кавказе». Екатеринодар. 1919. № 16—18.

Н., Б. Низшие городские служащие. «Известия Московской Городской Думы». 1904. Февраль.

Никитин, Б. Низшие городские служащие. «Известия Московской Городской Думы». 1903. Февраль.

Никольский, Д. К вопросу о несчастных случаях на городских рельсовых путях при конной, паровой и электрической тяге. «Городское Дело». 1909. № 7.

[1]) Сюда отнесены также рабочие электростанций, трамвая, водопровода, прачешных заведений и пожарные.

Никольский, Д. Несчастные случаи на линиях петроградских городских железных дорог. «Русский Врач». 1915. №№ 19—20.

Никольский, Д. Несчастные случаи на трамвае и конно-железных дорогах. «Русский Врач». 1908. № 46.

Никольский, Д. Несчастные случаи с пожарными. «Врачебная Газета». 1910. № 51. (Заметки из области гигиены и санитарии).

Никольский, Д. П. Несчастные случаи с пожарными. «Журнал Русского Общества Охранения Народного Здравия». 1913. № 45.

Никольский, Д. П. О несчастных случаях на городских железных дорогах. «Труды XI Пироговского съезда». Том II. (Подсекция: фабрично-заводская медицина). Спб. 1911.

Никольский, Д. П. Санитарно-бытовые условия рабочих на полях орошения в Одессе. «Врачебная Газета». 1903. № 11.

Обухов, А. М. Некоторые черты из жизни городских служащих. «Известия Московской Городской Думы». 1913. № 10.

Овсянников, Д. Артельное харчевание фонарщиков гор. Москвы. «Известия Московской Городской Думы». 1916. Август.

Оганесян, К. Прачечные заведения г. Баку в санитарном отношении. «Сведения медико-санитарного бюро г. Баку». 1914. Февраль—апрель.

Одессит. Условия труда служащих в одесском водопроводе. «Начало». 1899. № 5.

Петрович, Гр. Городские рабочие. «Наш Путь». Спб. 1911. № 21.

Плесков, В. Вопросы труда в городских самоуправлениях. «Местное Самоуправление на Северном Кавказе». Екатеринодар. 1919. № 13.

Положение городских служащих. «Городское Дело». 1912. №№ 11—12, 13—14, 18. (Муниципальное обозрение).

Положение городских служащих. «Городское Дело». 1913. № 11—12. (Муниципальное обозрение).

Положение служащих в германских городских управлениях. «Городское Дело». Спб. 1911. № 2.

Попов, В. А. Жилищные условия муниципальных рабочих города Екатеринодара. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1907. № 10. (Общ.-мед. хроника).

Прачешные г. Севастополя. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1910. № 7. (Хроника).

Прачешные заведения гор. Казани. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1915. № 2. (Хроника).

Прокопович, С. Об условиях труда служащих московского трамвая. «Современник». 1913. № 11.

Рабочие в городских предприятиях и городские самоуправления. Одесские поля орошения. Условия жизни рабочих на полях орошения. Рабочий день. Питание. Жилища. Заболевания рабочих. «Врачебная Газета». 1906. №№ 42 и 43. (Летопись общественной медицины).

Рутковский, Л. Как живут пожарники. «Профессиональное Движение»—орг. Московского Губ. Совета Проф. Союзов. 1923. № 11.

[Санитарное состояние помещений для рабочих на московских городских полях орошения]. «Русский Врач». 1908. № 36. (Хроника).

Середа, В. К. О санитарном состоянии прачешных заведений, принадлежащих частным лицам в Симферополе в 1900 г. «Труды О-ва Симферопольских врачей». 1902.

Смелянский. Жизнь и труд парикмахеров. «Коммунальный Работник». Москва. 1923. № 7.

Соколов, Г. Д. Санитарное состояние одесских полей орошения в связи с условиями быта пришлых рабочих. «Сведения о врачебно-санитарной организации и эпидемических заболеваниях гор. Одессы». 1906. № 11—12.

Соловьев, Н. В. Санитарные условия труда на Александровской дизельмоторной электрической станции в Киеве. «Сборник работ санитарной инспекции на Урале», под ред. А. Ф. Никитина. Вып. I-й. Харьков. 1923.

Ставровский, В. Ф. Пищевое довольствие рабочих по вывозу отбросов из канализированных владений гор. Москвы. «Труды 2-го Всеросс. съезда фабричных врачей». Вып. 2—4. Москва. 1911.

Трамвайные служащие в Берлине и Мюнхене. «Известия Московской Городской Думы». 1904. Январь.

Трамвайные служащие в Сев. Америке. (Спец. корресп. из Вашингтона). «Вестник Финансов, Промышл. и Торговли». 1906. № 6.

Условия жизни городских рабочих во Франкфурте-на-Майне. «Промышленность и Здоровье». 1902. № 1. (Хроника и смесь).

Условия службы городских рабочих в Париже. «Известия Московской Городской Думы». 1910. Январь. (Хроника иностранной городской жизни).

Условия труда коммунальных рабочих в Германии. «Известия Московской Городской Думы». 1913. Январь. (Хроника иностранной городской жизни).

Условия труда низших служащих на городских трамваях и в больницах в Англии. «Известия Московской Городской Думы». 1905. № 7. (Хроника иностранной городской жизни).

У., Г. На электростанциях МОГЭС. (Обследование электростанций Могэс). «Металлист». Москва. 1923. № 6. (По заводам).

Фрейфельд, Е. Я., и Соколов, Г. Д. Санитарное состояние одесских полей орошения; положение рабочих, их профессиональная заболеваемость. «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». 1907. № 2. (Общественно-медицинская хроника).

Шапирер, П. И. Некоторые статистические данные о несчастных случаях от действия электричества. «Электричество». 1913. № 5. (Труды VII Всероссийского Электротехническ. съезда).

Ш., В. Несчастные случаи на городских железных дорогах. «Известия Московской Городской Думы». 1904. Июнь—июль.

Шереметьевский, М. Несчастные случаи на городских железных дорогах в Москве. «Известия Московской Городской Думы». 1911. № 5.

Шрейдер, Гр. Городское хозяйство. Вопросы труда в городском хозяйстве. Положение служащих в концессионных предприятиях. «Собственные» служащие в муниципализированных предприятиях. «Народное Хозяйство». 1900. № 2.

Як., П. Улучшение в быте городских рабочих в Тифлисе. «Самоуправление»—орг. гор., сельск., земск. и обл. обществ. управлений. Москва. 1907. № 14.

С. Каплун.

(Продолжение следует).

КАБИНЕТ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ.

Список книг издания 1920 г.

Мировая война.

Fr. Charles-Roux. „L'Expédition des Dardanelles au jour le jour". Paris. 1920—p. 347.

Это дневник участника Дарданелльской операции, начиная с получения приказа об отправке (28 февр. 1915 г.) и кончая 13 января 1916 г.

M. Erzberger. „Erlebnisse im Weltkrieg". Stuttg. 1920. S. 396. Политические и личные причины не позволили автору—главе партии центра в Германии, министру и руководителю переговоров о перемирии,—полностью изложить свои воспоминания или даже называть некоторых лиц по именам. Изложение ведется „по вопросам", в конце—в хронологическом порядке Отдельные главы: Вступление Италии в войну; Армянский вопрос; Болгария; Румыния. Последние главы: Перемирие; Борьба за мир.

Dr. Alfred Fried. „Mein Kriegstagebuch".—Kriegsjahre 1,2,3 и 4. B. I—IV. Zürich 1918—1920 г. Ss. 472+384+320+461. Дневник за четыре года войны известного пацифиста, одного из немногих, оставшихся неотравленными военным угаром.

Mémoires du général Gallieni.—Défense de Paris. Paris, 1920, pp. 269. Изложение обстоятельств, при которых ген. Галлиени был призван защищать Париж (25 авг.—11 сен. 1914 г.), и тех боев при Урке, благодаря которым инициативе генерала удалось задержать наступление неприятеля. К тексту приложен ряд документов — приказы и письма и несколько карт.

Generalfeldmarschal von Gindenburg. „Aus meinem Leben". Leipzig, 1920, S. 408. Того же характера, что и воспоминания Людендорфа (см. ниже), но с большим авто-биографическим введением. Изложение событий доведено до 9/XI 1918 г. Написана книга уже после войны, в 1919 г.—Изд. „Мысль" сделало из нее тоненькую брошюрку в 120 стр. и выпустило ее в русск. пер. в 1922 г. под названием: „Воспоминания Гинденбурга".

Graf v. d. Goltz. „Meine Sendung in Finnland und in Baltikum", Leipzig. 1920. S. 320.

Военные воспоминания известного немецкого „политического генерала". Первая глава: генерал до поездки в Финляндию командует гамбуржцами, „из к-ых 85% были социал-демократы и которые превосходно дрались под моей командой до конца войны". Остальные главы (большая часть книги) дают картину Финляндии и Прибалтики во время войны, выходящую из рамок чисто военного дневника.

Le maréchal Joffre. La préparation de la guerre et la conduite des opérations", Paris, 1920, pp. 146 Небольшой мемуар технически-военного характера, представленный Жоффром одной комиссии и относящийся к 1914—1915 гг. Больше половины книжки составляют приложения из приказов, писем и т. п.

Vernon Kellogg. „Herbert Hoover.—The man and his work. New-York London". 1920. pp. 376. Биография известного американского деятеля, главы АРА, дающая некоторый материал и для знакомства с американским бытом. Важнейшие главы: Помощь в Бельгии; и особенно—об АРА. Четыре обширных приложения содержат главнейшие интервью и доклады Гувера.

General v. Lettow-Vorbeck. „Meine Erinnerungen aus Ostafrika". Leipzig. 1920—S. 320.

Автор—начальник немецких войск в немецкой Восточной Африке. С 300 белых и около 11.000 туземцев он держался в течение всей войны против во сто раз сильнейшего неприятеля. За пределы чисто военных описаний книга выходит редко.

Paul Lindenberg. „Das Buch vom Feldmarschall Hindenburg". Berlin, 1920. Ss. 372.

Биография германского главнокомандующего, написанная составителем военных сообщений при верховном германском командовании и большим почитателем Гинденбурга.

E. Ludendorff. „Souvenirs de guerre (1914—1918)", Paris, 1919. V. 1+II, pp. 443+408, с предисловием ген. Бюа. Немецкий оригинал воспоминаний первого генерал-квартирмейстра германской армии появился в 1919 г.; в 3-ей книге „Вестника" отмечено сокращенное издание, появившееся в 1921 г. (Русский пер., ч. I—в 1923 г.) Один из главнейших источников по истории войны 1914 г. не только с военной, но и с политической стороны.

George Herbert Perris. „The battle of the Marne London, 1920, p. 274. История Марнской битвы, описанная сотрудником „Daily Chronicle". Личные воспоминания и наблюдения связаны с данными, почерпнутыми из приказов и заявлений виднейших представителей командования.

Général Sarrail. „Mon Commandement en Orient (1914—1918)". Paris. 1920—p. 415.

Саррайль—один из наиболее видных генералов французской армии, все время вел дневник ближневосточных операций союзников, участником и руководителем к-ых он являлся с конца 1915 г. и до 22 XI 1917 г. Свыше ста страниц мелкой печати занимают приложения из разного рода документов, преимущественно приказов, донесений и телеграмм.

Версальский мир.

Ray Stannard Baker. „What Wilson did at Paris". N w-York 1920, p. 113.

Ряд небольших очерков, излагающих основные моменты деятельности Вильсона на мирной конференции с целью разъяснить главные вопросы, стоявшие перед ним, главные его победы и причины его поражений. Закончена к ноябрю 1919 года и выпущена в свет раньше большого труда того же автора: „Вудро Вильсон. Мировая война Версальский мир". (Русск пер. Гос. изд., 1923).

Bernard M. Baruch: „The making of the Reparation and Economic Sections of the Treaty". New-York and London. 1920, p. 353.

Работа главы америк. представительства в репарационной комиссии при мирной конференции, посвященная изложению и объяснению экономич. постановлений мирного договора, „лучших из возможных при данных условиях". Главную часть книги занимает подлинный текст соответствующих статей договора и некоторых документальных приложений. Оригинального изложения—123 стр.

Graf Brockdorff-Rantzau. „Dokumente" (Charlottenburg), S 200.

Сборник программных заявлений, речей, диплом. нот и пр. герм. министра иностр. дел и руководителя парижских переговоров; с 9 дек. 1918 года (условия принятия министерского поста) и до 20 июня 1919 г. (прошение об отставке). Важный источник при изучении немецкой внешней политики периода мирных переговоров и немецкой точки зрения на условия мира.

Geheimrat Cuno. „Der Friedensvertrag und die deutsche Schiffart", Berlin. 1920, S. 22.

Брошюра главного директора Гамбург-Американской Линии,—позже рейхсканцлера—Куно, о сущности версальских постановлений о германском судоходстве и их значении для Германии с конечным выводом о необходимости пересмотра договора 28 июня 1919 года.

D. E. M. J. Dillon. „The Peace Conference". London, 1920, pp. 436.

Большой и солидный „этюд" о характере и условиях работы мирной Парижской конференции, не ставящий себе, однако, задачи быть историей конференции. Из 16 глав 3 посвящены России и большевизму.

W. Feilchenfeld. „Die Stellung der Weine und Spirituosen im Friedensvertrage". Berlin, 1920, S. 62.

Текст и юридический анализ соотв. статей Версальского договора с указанием изменений, требуемых им от

германского законодательства о винах и спиртных напитках.

„A History of the Peace Conference of Paris". Edited by H. W. V. Temperley.—London. 1920. vol I, II and III. Pp. 517 + 488 + 457.

Английский и америк. отделы „Института Международных Отношений", основанного в Париже в 1919 году, печатают совместно это обширное и солидно разработанное собрание материалов и документов по истории мирной конференции при участии видных специалистов. Основное устремление труда — возможная беспристрастность и объективность.

„Die amtlichen Karten zum Friedensvertrage". — Charlottenburg 1920.

Четыре карты в красках большого размера: 1) Граница Германии по Версальскому миру; 2) Саарский бассейн; 3) Шлезвиг; 4) Данциг. — Сделаны по поручению германского министерства иностранных дел.

Kommentar zum Friedensvertrage, herausg. v. Prof. Dr. W. Schücking:

а) „Urkunden zum Fridensvertrage von Versailles vom 28 Juni 1919." Zusammengestellt von **N. Kraus** und **G. Rödiger.** — Erster Teil. Berlin. 1920 S. 765.

Исчерпывающее собрание документов к истории Версальского мира. Охваченный этой частью период начинается с переговоров о перемирии и кончается подписанием мира. В числе прочих материалов: 27 „Вильсоновских пунктов", исчерпывающая переписка Германии с Соед. Штатами по поводу перемирия, текст полномочий всех представительств держав антанты на мирной конференции, договор 5 главнейших держав антанты с Польшей. (Вторая часть труда охватывает период от подписания мира до 31. V. 1920. — О ней в кн. III „Вестника").

б) **Bruck E.** „Die Behandlung der Versicherungs-Verträge im Frieden v. Versailles. Berlin. 1920, Ss. 43.

Текст, пояснения и юридический анализ к ст. 303 прилож. § 8-24 Версальского договора.

в) **Prof. Dr. Albert Osterrieth:** Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht im Frieden von Versailles". Berlin, 1920. S. 80.

Текст, пояснения и юридический анализ к стт. 306—311, а также 274 и 275 мирного договора 28. VI. 1919.

г) **F. C. Zitelmann** „Russland im Friedensvertrag von Versailles". Berlin, 1920 S. 126.

Текст, пояснения и юридический анализ стт. 116, 117, 292, 293 и 433 Версальского договора.

д) **Herbert Kraus und Gustav Rödiger:** „Chronik der Friedensverhandlungen nebst einer Uebersicht über die Diplomatie des Weltkrieges". Berlin, 1920. S. 155.

Хронология важнейших событий периода войны и мирных переговоров с 28. VI. 1914 г. (убийство Франца-Фердинанда) и до 10 XI 1919 г. (Сен-Жерменский мир), с кратким изложением существа событий выдержками — иногда весьма пространными — из важнейших документов и указанием источников или первоисточников.

„Labour and the Peace Treaty. An Examination of Labour Declarations and The Treaty Terms". London, 1920, p. 87.

Заявления рабочих партий разных стран в связи с постановлениями Версальского мирного договора. В частности, заявления о пересмотре договора, об открытой дипломатии, о Лиге Наций, об ответственности за войну, о репарациях, о союзниках Германии и об Австрии, о колониях, о военных гарантиях и разоружении, о России и большевизме — в связи с Версальским миром.

Carl Melchior. „Deutschlands finanzielle Verpflichtungen aus dem Friedensvertrage". Berlin, 1920. S. 26.

Сжатое изложение финансовых обязательств Германии по Версальскому миру с указанием противоречий между текстом договора и первоначальными обещаниями победителей, а также с обоснованием неосуществимости договора в этой его части.

Мирный договор между Германией и странами Согласия. Русск. перевод под ред. и с предисловием В. Я. Назимова. Берлин, 1920 С. С. 192.

Кроме текста договора — текст „14 пунктов Вильсона" и германских контр-предложений к мирным условиям вместе с сопроводительной нотой 29/V 1919.

Marion J. Newbigin. „Aftermath" — A. geographical Study of the Peace Terms", Edinburgh, 1920, p. 128.

Описание нового географического положения стран на основе мирных договоров 1919—1920 г.г.

A. Pillet. „Le traité de Paix de Versailles". Paris, 1920, p. 107.

Четыре лекции, читанные автором (известным профессором междунар. права) в „свободной школе социальных наук". Первая лекция посвящена Германии, вторая — Лиге Наций, третья — тому, что Версальский договор дал Франции, четвертая — репарациям. Автор недоволен договором, т. к. он „недостаточно отвечает жертвам и законным вожделениям Франции".

H. Poeschel. „Die Kolonialfrage im Frieden von Versailles". Berlin, 1920 S. 246.

Ch. Sarolea „Um den Vertrag von Versailles und den Völkerbund". 1920 S. 119.

Критика Версальских постановлений о Лиге Наций, исходящая из мысли, что демократия не пригодна для ведения внешней политики.

Walter Simons. „Die Belastung der deutschen Souveränitet durch die fremden Kommissionen". Berl. 1920.—S. 23.

Обзор по категориям комиссий Антанты в Германии по Верс. миру (территориальных, военных и экономических) с указанием круга их правомочий. Особенно подробно о репарационной комиссии, которая оказывалась сильнее Национ. Собрания.

Dr. Simons. „Der Friedenvertrag und seine finanzielle Folgen". Berlin, 1920. S. 24.

Очень краткое описание финансового положения Германии до войны и во время войны и несколько более подробное изложение финансовых постановлений Версальского мира.

Friedrich Stampfer. „Von Versailles zum Frieden". Berlin. 1920, S. 136. — На английском языке: „From Versailles to Peace". Berlin, p. 128.

Политическая характеристика, систематическое изложение и юридический анализ постановлений Версальского мира. Наиболее подробно: о тайных договорах, о Лиге Наций, о территориальных постановлениях, о разоружении, о международной охране труда. Заключительная глава (стр. 116—136): „Что нужно всем?".

Charles T. Tompson. — „The Peace Conference Day by Day. — A Presidential Pilgrimage leading to the discovery of Europe." — New-York, 1920 p. 423.

Представитель америк. „Associated Press" в Париже во время мирных переговоров описывает подготовку и ход их, начиная с середины декабря 1918 г. (предварит. междусоюзнические совещания) и кончая 29/VI 1919 — днем отъезда Вильсона в Америку. Главнейшее внимание автора сосредоточено на Вильсоне.

„The Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Germany". London. 1920, pp. 309.

Официальное английское издание текста договора вместе с другими договорами, заключенными в Версале 28/VI 1919. и ответом держав Антанты на германские возражения против мирных условий.

L. Wertheimer. „Wirtschaftliche Wirkungen des Friedensvertrags". — Gotha. 1920. S. 29.

Краткие замечания по поводу экономических постановлений Версальского мира.

„Die deutsche Waffenstillstands-Kommission". Charlottenburg, 1920, S. 370.

Официальный отчет о деятельности германской комиссии по заключению перемирия. Три главнейших части отчета соответствуют трем представительствам Германии в комиссии: военному, политическому и по экономич. вопросам.

„Die Wirkungen von Versailles heute und morgen — Wo stehen wir? Wie helfen wir uns". Berlin. 1920. S. 82.

„Руководство для политиков, экономистов, лекторов и частных лиц". Пять статей разных авторов на тему о несправедливостях и тяготах Версальского мира.

Договоры Севрский, Сен-Жерменский и др.

„Der Friedensvertrag zwischen Bulgarien und den Alliirten und Assoziirten Mächten nebst dem Schlussprotokolg ezeichnet in Neuilly sur Seine am 27. November 1919". Berlin, S. 168.

Официальный французский текст договора в Нейи, изданный по поручению герм. министерства Иностр. Дел. — При тексте карта и указатели на немецком и французском языках. В предисловии предпослан текст соглашений о перемирии от 29/IX 1908 с приложением к нему. Особо — закон 3/VIII 1920 г., уполномачивающий французского президента ратифицировать договор.

Franz Klein „Die Revision des Friedensvertrages von St. Germain". Wien-Leipzig-Zürich Amsterdam, 1920. S. 63.

„Свободный от преувеличений" обзор тягостных для Австрии постановлений Сен-Жерменского мира с указанием тех из них, которые должны быть изменены. В кратких вступительных главах даны история заключения мира, характеристика работы Парижской конференции и оценка результатов договора.

Gustav Ratzenhofer—„Der Fridensvertrag von Saint-Germain". Wien, Leipzig, 1920, S. 63.

Сводка постановлений Сен-Жерменского договора в порядке расположения разделов и статей самого договора.

Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Bulgaria and Protokol. Signed at Neilly sur-Seine, November 27, 1919. London, 1920, p. 87.

Официальный английский текст договора в Ней и в издании представленном Палате Общин. При тексте—карта в красках (Без предметного указателя и указателя имен).

Treaty of Peace with Turkey. Signed at Sèvres. August 10, 1920. London, 1910 p. 99

Официальный английский текст Севрского договора в том виде как он был представлен Палате Общн.— При тексте три карты в красках. (Без предметного указателя и указателя имен).

Vorlage der Staatsregierung betreffend den am 10 September 1919 unterfertigten Staatsvertrag von Saint-Germain mit den alliirten und assoziirten Mächten samt drei Annexen. S. 250.

Официальный текст Сен Жерменского договора на английском, французском и немецком языках.

Лига Наций.

Paul Auer. „Das Pariser Völkerbundabkommen".

История возникновения Лига Наций: межгосударственная организация до войны. Текст с постатейной критикой и комментарием Положения о Лиге согласно Версальскому договору.

Prof L. Bernhard. „Was wird aus dem Völkerbund?" – Berlin, 1920. S. 48.

Характеристика обстановки, в которой создавалась Лига, и личные характеристики некоторых ее создателей.

„Denkschrift... an den Völkerbund"... Prag, 1920. S. 59.

Записка немецких парламентариев и членов чехо-словацкого союза национальностей о положении национальных меньшинств в Чехо-Словакии, защита которых предусмотрена Сен-Жерменским договором.

W. Goetz. „Nation und Völkerund", Berlin, S. 16.

Доклад о необходимости для Германии вступить в Лигу Наций даже при условии „бесправия", который изза протестов публики не удалось прочесть (14. XI. 1919).

H. Grauert. „Zur Geschichte des Weltfriedens, des Völkerrechts und der Jdee einer Liga der Nationen". München. 1920, S. 264.

История идеи международной юридической организации в теоретической литературе и проявлений ее практического осуществления в разных странах с отдаленных времен и до наших дней. Начиная с 70-й стр.— автор уже в XX веке.

H. Kraus „Vom Wesen des Völkerbundes". Berlin, 1920, S. 63.

Наполовину отвлеченно-теоретическое рассуждение о принципах общего союза народов, наполовину—анализ постановлений о существующей Лиге Наций.

N. Lammasch.—„Der Friedensverband der Staaten". Leipzig. 1920, S. 43.

Теоретический анализ вопроса о международной юридической организации без прямого отношения к женевской Лиге Наций.

N Lammasch. „Völkermord oder Völkerbund?" Haag, 1920, S. 128.

Автор, известный международник, разбирает пути к обеспечению прочного мира, как-то: третейский и обязательный международный суд, согласительная камера, санкции, разные виды деятельности союза народов.

„The League of Nations. History of the Conflict between the President and the Republican Members of the United States Senate". Washington. D.C. 1920. p.64.

Издание американского национального республиканского комитета. История расхождения президента Вильсона с американским сенатом по вопросу о Лиге Наций. В приложении текст положения о Лиге Наций с постатейными поправками к нему сената Соед. Штатов.

„League of Nations.—Official Journal.—Société des Nations - Journal officiel". London, 1920, №№ 1—7 (February—October 1920), pp. 456. Special Supplements. №№ 1—3 (August—October 1920), pp. 66+14+19.

В журнале: протоколы первых девяти сессий Совета Лиги; заявления и постановления о допущении

в Лигу новых членов; письмо Ллойд-Джорджа, о миссии Лиги Наций в России; отчеты комиссии по управлению Саарским бассейном; документы и материалы относительно Данцига; материалы о работах комиссий при Лиге Наций; разного рода переписка.

Специальные приложения посвящены: №№ 1 и 3—Аландскому вопросу (тезисы финляндский и шведский и доклад Комиссии Юристов); № 2—проект организации Постоянной Палаты международного суда.

League of Nations.—„Report by the Secretary-General to the First Assembly of the League on the work of the Council".—London. 1920, pp. 24, in 4°.

Доклад генерального секретаря Лиги Наций по организационным вопросам, о политической и гуманитарной деятельности Лиги и о помощи ее „развитию международной кооперации".

League of Nations—Treaty Series. Vol. I. №№ 1—3 (September—November) 1920, pp. 212.

Первые, опубликованные Лигой Наций на английском и французском языках международные договоры.—В числе главнейших: Дополнения 16|X 1875. к монетной Скандинав. конвенции 1873 г. и 25 III 1920 к соглашению о латинском монетном союзе; русско-английское соглашение 12 II 1920 об обмене пленными; — франко-английское соглашение 24 IV 1920 в Сан-Ремо о разделе запасов европейской, азиатской и африканской нефти;—англо-эстонское торговое соглашение от 20/VII 1920;—франко-канадские торговые соглашения 1907 и 1909 гг. и отказ Канады от них, от 19 III 1920. Международная радио-телеграфная конвенция 5 VII 1912 г.

„The League of Nations Starts". London, 1920, p. 252.

Сборник статей различных авторов, посвященный организации Лиги, кооперации союзников во время войны, первым этапам в истории Лиги, постоянной палате международ суда, прямому междунар. управлению, разоружению, международной организации труда, охране здоровья и т. д.—В приложениях ряд справок; в конце книги обширный список литературы по вопросу о Лиге Наций.

Prof. A. Manes. „Der deutsche Regierungsentwurf für ein Weltarbeiterrecht". Berlin. 1920, S. 16.

Текст германского проекта междунар. рабочего права со вступительной статьей по истории междунар. рабочего права и кратким списком литературы. предмета.

Prof. Ch Meurer. „Die Grundlagen des Versailler Friedens und der Völkerbund". Würzb, 1920, S. 159.

Критика основ Лиги Наций („14 пунктов Вильсона") и разбор противоречий между тем, что обещано и что дано —Подробный анализ организации Лиги и главнейших ее задач.

„The Nations and the League". London, 1920, p. 263.

Мнения „представителей семи наций" касательно Лиги Наций.

William Penns. „Völkerbundplan".

Немецкий перевод с краткой вступительной статьей проекта международной организации Уильяма Пенна (1644—1718), известного квакера, основателя кол Пенсильвании и гор. Филадельфии, создавшего прототип конституции С.А. Соед. Штатов.

Walter Schätzel. „Nationalismus, Bolschevismus, Völkerbund". Berlin, 1920, S. 32.

Три идеи пытаются вывести мир из послевоенного хаоса: национализм, большевизм (единственная „действительная новая идея") и союз народов". Выяснению содержания этих идей и посвящена брошюра.

R Thadden. „Völkerrecht und Völkerbund". Berlin, 1920. S. 64.

Публицистического характера рассуждения о международном праве (ст. 1—30) и о Лиге Наций (ст. 31—62) с анализом и критикой современного положения вещей.— Краткий список немецкой литературы к вопросу.

F. Turba „Das Nationalitätenproblem und der Völkerbund". Berlin, 1920. S. 16.

Брошюра публицистического характера.

Veit Valentin. „Geschichte des Völkerbundgedankens in Deutschland". Berlin, 1920, S. 167.

Изложение точек зрения и учений немецких философов, государствоведов и политиков относительно Союза народов, начиная с Лейбница. Параллельно и обще-теоретическое освещение вопроса. Последняя глава—Союз Народов и будущее Европы.—Обширный указатель литературы.

H. Wehberg. „Der Völkerbundvorschlag der deutschen Regierung". Berlin, 1920, S. 19.

Об'яснения к германскому проекту Лиги Наций (6 стр.) и текст самого проекта (XI разделов, 66 статей).

Ю. К.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В кн. 5-ой „Вестника Социалистической Академии“ отпечатана лишь часть заголовка статьи т. Л. Крицмана.

Вместо „О накоплении капитала и „третьих“ лицах“ надо читать:

В защиту Маркса

(Несколько замечаний о накоплении капитала и „третьих“ лицах).

Редакционная коллегия:
Н. И. Бухарин, В. П. Милютин, М. Н. Покровский Е. А. Преображенский Ф. А. Ротштейн.

Открыта подписка на 1924 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й. **„ВЕСТНИК** **ГОД ИЗДАНИЯ 2-й.**

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ“.

Научно-исследовательский журнал, выходящий под редакцией т.т. **Бухарина, Н. И.; Милютина, В. П.; Покровского, М. Н.; Преображенского, Е. А. и Ротштейна, Ф. А.**

Журнал ставит своей задачей разработку вопросов методологии и исследование отдельных проблем в области общественных и точных наук в свете марксизма. Являясь органом Социалистической Академии, журнал отражает на своих страницах ее работу, как научно-исследовательского коллектива.

Помимо статей и исследований в приложениях к журналу даются систематические, библиографические указатели по различным вопросам.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. Статьи и исследования.
2. Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии.
3. Научная библиография.
4. Хроника Соц. Академии.
5. Приложения.

В 1923 году следующие авторы поместили статьи: Аксельрод, Л.; Базаров, В.; Баммель, Г.; Бешкин, Г.; Богданов, А.; Бронский, М.; Боричевский, И.; Бухарин, Н.; Волгин, В.; Горев, Б.; Дволайцкий, Ш.; Деборин, А.; Дитякин, В.; Дрей, М.; Дубровский, С.; Ерманский, О.; Иванов, И.; Капелюш, Ф.; Каплун, С.; Ключников, Ю.; Кривцов, С.; Крицман, Л.; Кузовков, Д.; Лукач, Г.; Луначарский, А.; Милютин, В.; Моносов, С.; Мороховец, Е.; Мотылев, В.; Никольский, В.; Орлов, И.; Павлович, М.; Пашуканис, Е.; Переверзев, В.; Покровский, М.; Попов, П.; Преображенский, Е.; Разумовский, И.; Реваи, И.; Рейснер, М.; Ротштейн, Ф.; Рязанов, Д.; Стучка, П.; Тальгеймер, А.; Троцкий, Д.; Тюменев, А.; Чернышев, В.; Удальцов, А.; Фирсов, В.; Фогарази, А.; Фриче, В.; Хлебников, Д.; Шмидт, В.

В приложениях были даны: **Дрей, М.**—Опыт указателя литературы по истории партии „Народной Воли“. **Каплун, С.**—Положение рабочего класса (указат. литер. на русском языке). **Мороховец, Е.**—Опыт библиогр. указат. по ист. крестьян. движ. **Бешкин Г.**—Литература о петрашевцах. **Бирман**—Обзор иностранной периодики, поступающей в Соц. Академ.

Журнал выходит раз в два месяца, книжками размером около 25 печ. листов.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На **1** год—**15** руб. зол. На **6** мес.—**8** руб. зол.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ В КОНТОРЕ ЖУРНАЛА.

Цена об'явлений—110 руб. зол. за 1 страницу.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ Москва, Социалистическая Академия, Знаменка, 11. Тел. 1-94-66.

Содержание вышедших книг „Вестника Социалистической Академии“.

Содержание 1-й книги.

I.

Стр.

От редакции 3
Ближайшие задачи Социалистической Академии. *Е. Преображенского.* 5
Очерк истории Социалистической Академии (1918—22 гг.) *А. Удальцова.* 13
Фактические замечания к очерку истории Соц. Акад. *М. Покровского.* 38
Внеклассовая теория развития русского самодержавия. *М. Покровского.* 49
Русская революция. *Л. Крицмана.* 59
Идейное наследие бабувизма. *В. Волгина.* 67

Вопросы научной организации труда и производства.

Основные положения организации предприятий статьи проф. Шиллинга и инж. Герлиц). *Д. Бружес.* 85
Не очень из новейшей немецкой литературы по научной организации производства. *Д. Хлебникова.* 96

II.

Стенограммы докладов, читаемых в академии, и прения по ним.

„Версальское устроительство“. Доклад *А. Богданова.* . . . 106

III.

Научная библиография.

а) Экономика.

Стр.

Проф. Швиттау. „Революция и народное хозяйство“. *Е. Преображенского.* 154

б) Политика и право.

Д. М. Кейнс. „Пересмотр мирного договора“. *В. Милютина.* 157
Проф Котляревский. „Развитие международных отношений в новейшее время“ *Ф. Р.* 160
Манвендра Нат Рой. *Ф. Р.* 163
Библиография по теории права и государства. *П. Стучка.* 164
Общая теория права тов. П. И. Стучки. *М. Реснера.* 173

в) Литература и искусство.

Очерки научно-художественной литературы. *А. Луначарского.* 182
Segert. „Kunst und histor. Materialismus“. *В. Фриче.* 189
Сакулин. „Русская литература и социализм“. *В. Переверзева.* 192

IV.

Хроника. 195

Содержание 2-й книги.

I-й отдел. Статьи.

Стр.

Откуда взялась внеклассовая теория русского самодержавия. *М. Покровского.* . . . 3

Финансовая система в период первоначального социалистического накопления. *Д. Куловкова.* 18
Учение об аналогиях (по книге Мишеля Петровича). *А. Богданова.* 78
О предмете диалектики. *Тальгеймера.* 98

Научная организация труда и производства.

Стр.

Проблема трудового ритма. *О. Ерманского.* 106
Положение и задачи психотехники на Западе и в Р.С.Ф.С.Р. *И. Шпильрейна.* . 114

II отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

О сущности религии. Доклад *Б. Горева.* 130
Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства. Доклад *В. Милютина.* 165

III отдел. Библиография.

а) Экономика.

Обзор литературы по мировому хозяйству. *М. Бронского.* 210
Е. Преображенский. „От нэпа к социализму“. *В. Милютина.* 223
За 5 лет. Сборник агитотд. ЦК РКП. *В. Фарсова.* . . . 226
Современная русская литература по аграрному вопросу (критический очерк). *С. Дубровского.* 230
Проблемы социализации в германской литературе. Сводный обзор). *А. Визгова.* . . 247

б) История революционного движения.

Козьмин. „П.Н. Ткачев и революционное движение 60-х годов“. *М. Покровского.* . . 259
Айзафт. „Зубатовщина и Гапоновщина“. *М. Покровского.* . 262

в) Исторический материализм и философия.

Стр.

Новые книги по философии марксизма. *Б. Горева.* . . 268
Карл Форлендер. „Общедоступная история философии“. *Б. Горева.* 271

г) Литература и искусство.

Очерки научно художественной литературы. *А. Луначарского.* 272
Кризис буржуазного искусства. *В. Фриче.* 281

д) Приложение.

Списки книг, полученных за последние годы:
Кабинет экономики. 285
Кабинет мировой войны и международной политики. 290

IV отдел. Хроника.

О коммунистическом научно-исследовательском институте в Петрограде. 293
Кабинет Карла Маркса при Томском рабфаке. 296

Социалистическая Академия в Москве.

О секции по общей теории и истории права и государства. 297
О работе экономической секции. 298
Секция литературы и искусства. 299
Читальный зал Социалистической Академии. . . . . —
Общество „Октябрь Мысли“. 300

Содержание 3-й книги.

I-й отдел. Статьи.

Стр.

К постановке проблем теории исторического материализма. *Н. Бухарин.* 3
Исторический материализм и вопросы первобытной жизни. *А. Богданов.* 16
Диалектика в системе Фихте. *А. Деборин.* 28
Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле. *Е. Преображенский.* . . 58

Стр.

Математические законы денежной комиссии. *О. Шмидт.* 85
К теории рынка. *Ш. Двольцкий.* 100
Закон тенденции нормы процента к понижению. *В. Е. Мотылев.* 134
В защиту революционно-марксистского понятия классового права. *П. Стучка.* . . . 159

Научная организация труда и производства.

Стр.

Задачи научной организации труда и ее положение. *О. Ерманский* 170

Персонализм Вильяма Штерна в его отношении к психотехнике. *Исаак Шпильрейн.* 200

II отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии.

Проблема психологии в теории исторического материализма. Доклад *М. А. Рейснера.* 210

Прения по докладу О. Ю. Шмидта: „Математические законы денежной эмиссии" и заключительное слово докладчика. 256

III отдел. Библиография.

Обзор литературы по мировому хозяйству. *М. Бронский.* 278

Обзор литературы по аграрному вопросу. *С. Дубровский.* 295

Статистика 1918—1922 гг. *П. Попов.* 311

Обзор научно-популярной литературы по теории относительности. *В. Базаров.* . . 324

Литература по чартизму. *Ф. Ротштейн.* 342

Обзор литературы о революции 1848 г. *Ст. Кривцов.* . . 363

Стр.

Старое и новое в доистории. (Обзор литературы по первобытной культуре). *В. Никольский.* 376

Рецензии.

Оптимальные размеры с.-х. предприятий (Труды Высшего Семинария с.-х. экономии и политики при Петровской с.-х. Академии). *Л. Н. Крицман.* 400

Макс Адлер. „Учение марксизма о государстве". *Г. Лукач.* 407

Кайо. „Куда идет Франция". *М. Павлович.* 411

Приложение.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения. *Е. А. Морохоевец.* 415

Указатель русской литературы по положению рабочего класса. *С. П. Каплун.* . . . 421

Книги издания 1921 г., полученные в кабинете мировой войны и внешней политики Соц. Академии. . . . 433

IV отдел. Хроника.

Доклады в Социалистической Академии. 441

Издание „Соц. Энциклопедии". —

Подарок уральских рабочих. 442

Секция советского строительства. . . . . —

Секция по общей теории и истории права государства. 443

Библиотека Социалистической Академии. . . . . —

Содержание 4-й книги.

I отдел. Статьи.

Стр.

О кривой капиталистического развития. (Письмо в редакцию вместо обещанной статьи). *Л. Троцкий.* . . . 3

Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия. (Окончание.) *М. Покровский.* . . . 13

К методологии изучения денежной эмиссии *В. Баваров.* 28

Материалы по теории и политике денежного обращения в России (период 1914—1923 г.). *Д. Кузовков.* . . . 101

Стр.

Теория накопления Розы Люксембург. (По поводу статей тов. Двалайцкого). *В. Е. Мотылев.* 136

Материальный базис коммунистического общества. *И. Иванов.* 169

Материализация и пролетарское сознание. *Г. Лукач.* 186

Сущность идеологического воззрения. *И. Разумовский.* . . 223

Организационные принципы социальной техники и экономики. *А. Богданов.* 272

Идеалистическая легенда о Канте. *И. Боричевский.* . . 285

Стр.

Комплексный метод в доистории. *В. Никольский.* 309

К постановке проблемы стиля. *В. Фриче.* 350

Мировоззрение и формы стиля. *З. Диммер.* 362

II отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

Маркс, как историк. *М. Покровский.* 372

Действительность и диалектика в философии К. Маркса. *Л. Аксельрод-Ортодокс.* 385

III отдел. Библиография.

Обзор литературы по мировому хозяйству. (Продолжение). *М. Бронский.* 397

Обзор русской литературы по аграрному вопросу. (Окончание). *С. Дубровский.* . . 413

Проблемы логики в современной философии. (Обзор литературы 1916—1922 гг.). *Г. Баммель.* 431

Рецензии.

Запоздалая критика Маркса (по книге) *И. Ревз.* . . . 446

Стр.

Первый опыт библиографии марксистской критики. (О книге Мандельштама „Художественная литература в оценке русской марксистской критики"). *В. Переверзев* 453

IV отдел. Хроника.

Кабинет внешних сношений. Соц. Академии. 456

Библиотека соц. академии за первую треть 1923 г. . . . 457

Курсы по изучению марксизма при Соц. Академии (по поводу 1-го выпуска) 459

Приложение.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России. (Продолжение). *Е. Морохоевец.* 465

Положение рабочего класса. (Указатель литературы на русском языке). (Продолж.). 473

Обзор иностранной периодики, поступающей в Соц. Академию. 487

Кабинет внешних сношений Соц. Академии (новые книги) 492

Кабинет экономики Соц. академии (новые книги). 496

Содержание 5-й книги.

I отдел. Статьи.

Стр.

Теория реализации Р. Люксембург:

1) На старых позициях марксизма. *Двалайцкий, Ш.* . 5

2) О накоплении капитала и „третьих" лицах. *Крицман, Л.* 51

Материализация и пролетарское сознание. *Лукач, Г.* . 74

Революция 1905 г. и расслоение сельского населения. *Тюменев.* 121

Трагедия художественного творчества у Гончарова. *Переверзев. В.* 164

II отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

Доклады, посвященные памяти Воровского: *Покровский, Фриче, Кривцов, Чичерин.* 178

III отдел. Библиография.

Стр.

Проблема логики в современной философии. *Баммель* . . 204

Обзор литературы по общей теории права. *Пашуканис.* . 227

Mautner: Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande. (Vier Bände). *G. Lukacs.* 233

Hermann Schmalenbach: Leibniz.— *G. Lukacs.* 237

Friedrich Kuntze: Die Philosophie Salomon Maimons. *G. Lukacs.* . 240

Wilheim Dilteys gesammelte Schriften. *A. Fogarassi.* 245

Приложение.

Опыт указателя литературы по истории партии Народной Воли. *Дрей* 250

Опыт библиограф. указат. по ист. крестьянск. движ. (Продолж.). *Морохоевец* 276

Положение рабочего класса. (Указ литер. на русск. языке). *Каплун* 290

Книгоиздательство Социалистической Академии.

Знаменка, д. № 11. Телеф. 1-94-66.

НОВЫЕ КНИГИ:

1. **Стучка, П.** Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 2-ое пересмотренное и дополненное издание. Стр. 154. Ц. 75 к.

2. **Адоратский, В.** О государстве. (К вопросу о методе исследования). Стр. 96. Ц. 50 к.

3. **Сапронов, Т.** Очередные вопросы Советского строительства. Стр. 60. Ц. 40 к.

4. **Гурвич, Г. С.** проф. История Советской Конституции. Стр. 216. Ц. 1 р.

5. Библиография периодики. Вып. I—IV: 1. Указатель статей и материалов, помещенных в журнале „Научное Обозрение" (1897—1902 гг.). 2. Указатель статей и материалов, помещенных в русских исторических журналах за 1922 год. 3. Указатель статей и материалов, помещенных в журналах „Былое" и „Минувшие Годы" за 1906—1908 гг. Стр. 165. Ц. 1 р.

Открыта подписка на 1924 год.

Год издания третий. **Год издания третий.**

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ, ФИЛОСОФСКИЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

Орган воинствующего материализма (Materialismus militans!).

Основная задача журнала—защита ортодоксального марксизма и материализма от извращений, идеализма и оппортунизма, откуда бы они не исходили.

В журнале имеются постоянные отделы:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА, ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛИЗМА, ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА, ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ, ВОПРОСЫ ИСКУССТВА В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ, статьи по **ВОПРОСАМ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ,** статьи по **ВОПРОСАМ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ.**

В журнале принимают участие все лучшие силы марксизма и материализма, к участию в журнале привлекаются все ученые силы республики, стоящие на материалистической точке зрения.

В журнале, как и прежде, продолжают печататься материалы из архива Института К. Маркса и Фр. Энгельса, под редакцией Д. Рязанова.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1924 ГОД:

с пересылкой на один год (не менее 8 книг)—20 черв. рубл., на полгода (не менее 4 книг)—11 черв. рубл.

Подписная плата принимается червонцами или совзнаками по курсу дня взноса.

Подписка принимается: в конторе Редакции — Никольская, 11 и в издат. «Московский Рабочий»—Б. Дмитровка, 26.

В Редакции имеются: за 1922 г.—№№ 3, 7—8, 9—10, 11—12. за 1923 г.—№№ 1, 2—3, 4—5, 6—7, 8—9, 10.

ПЕЧАТАЕТСЯ И НА ДНЯХ ВЫЙДЕТ № 11—12 (ноябрь—декабрь).

В номере статьи и заметки: Д. РЯЗАНОВА, Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. ВАГАНЯНА, А. ДЕБОРИНА, ГОЛЬБАХА, Г. БАММЕЛЯ, Б. БЫХОВСКОГО, А. ТИМИРЯЗЕВА, РЕЗЕРФОРДА, В. НЕВСКОГО, И. ОРЛОВА, С. КРИВЦОВА, В. СЕРГЕЕВА, П. МЕСЯЦЕВА, Н. КОВАЛЕВСКОГО, И. РАЗУМОВСКОГО, В. РУМИЯ, И. Л., И. Л-Л., Н. КАРЕВА, А. ТРОИЦКОГО, В. ПОЛЯНСКОГО, В. СЕМЕНЧЕНКО, В. В., Н. ЛЕНЦНЕРА, Ц. ФРИДЛЯНДА, КЕЛЛЕРА и ДР.

Адрес Редакции: Москва, Никольская ул., дом № 11, тел. 2-34-53.

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
ФИНАНСОВ и ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

под редакцией: **М. Г. Бронского, Г. Л. Пятакова, М. А. Савельева, В. Н. Сарабьянова, И. Т. Смилги и Г. Я. Сокольникова,** при ближайшем участии: **М. И. Галицкого, В. Г. Громана, Н. Н. Деревенко, С. М. Киселева и С. Т. Кистинева.** Секретарь редакции **Н. С. Семенович.**

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

Редакция ставит своей задачей выявление важнейших вопросов современной экономики, теоретическое обоснование и углубление очередных задач экономической политики.

Считая крайне важным всестороннее выявление основных точек зрения как по принципиальным вопросам общей экономики, так и экономической политики, редакция, оставаясь на общей платформе марксистского мировоззрения, предоставляет возможность отдельным авторам выявить индивидуальные точки зрения. Редакция оговаривается в связи с этим, что не будет особо отмечать каждый раз статьи, идущие в дискуссионном порядке, по тому или другому отдельному вопросу.

Наряду с вопросами внутреннего хозяйственного строительства, журналом будет уделяться серьезное внимание вопросам международной экономики, а также периодическому освещению и критической оценке выходящей в свет экономической литературы как русской, так и иностранной.

БЛИЖАЙШИМИ СОТРУДНИКАМИ ЖУРНАЛА ЯВЛЯЮТСЯ:

С. Антропов, С. Бернштейн-Коган, Л. Берг, В. Бриф, А. А. Блюм, П. А. Богданов, Д. П. Боголепов, М. Г. Бронский, Н. И. Бухарин, А. Вайнштейн, Е. Варга, Н. М. Вишневский, М. И. Галицкий, П. П. Гензель, А. З. Гольцман, В. Г. Громан, М. И. Даринский, Н. Н. Деревенко, Ш. Дволайцкий, А. Дорошенко, М. Зеликман, А. Ингульский, А. Канторович, Л. Б. Кафенгауз, З. С. Каценеленбаум, С. М. Киселев, С. Т. Кистенев, Н. Д. Кондратьев, А. Константинов, Д. Коцюбинский, В. Кравец, Л. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, Л. Крицман, Ю. Ларин, А. И. Любимов, И. М. Майский, Б. С. Мальцман, П. Месяцев, И. И. Маклаук, В. И. Межлаук, В. П. Милютин, В. Г. Михайловский, П. Г. Муравьев, Н. Осинский, Г. Л. Пятаков, А. И. Потяев, Ф. И. Пленкин, А. Рабинович Рамзин, В. С. Розенбаум, В. А. Ревякин, Н. Рой, М. А. Савельев, Л. Сабсович, В. Н. Сарабьянов, В. М. Свердлов, А. Свидерский, Н. С. Семенович, А. Серебровский, И. Т. Смилга, К. Смирницкий, В. М. Смирнов, Г. Я. Сокольников, И. И. Спивак, Я. Старк, С. Г. Струмилин, Султан-Заде, И. А. Теодорович, И. Трахтенберг, А. П. Трояновский, А. Д. Удальцов, И. Д. Удальцов, А. Б. Фейгин, С. Л. Фридман, М. И. Фрумкин, Л. М. Хинчук, Циперович, С. Б. Членов, В. Я. Чубарь, Н. Шапиро, В. Швецов, И. М. Шенкман, А. Л. Шейнман, М. Е. Шефлер, Б. Штейн, Л. Н. Юровский, А. Яковлев и др.

АДРЕС

РЕДАКЦИИ:
МОСКВА, Варварская площадь, Деловой Двор, 5-й подъезд, 3-й этаж. Тел. 1-04-17.

ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:
Издательство „Красная Новь“, Отдел периодич. литературы.
МОСКВА, Милютинский, 22, тел. 16-07.

Подписка принимается только на вторую половину 1923 года.

Подписная цена за ½ года 1 червонец.

Цена № 6—8 (август—октябрь) 4 руб. зол.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в ГЛАВНОЙ КОНТОРЕ.

„СЕЛЬСКОЕ и ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО“.

Научный орган Наркомзема РСФРС.

Под редакцией: ***С. С. БАЗЫКИНА (Расинского).***

При ближайшем участии ***С. М. ДУБРОВСКОГО,*** проф. ***А. О. ФАБРИКАНТА,*** проф. ***М. М. ШУЛЬГИНА.***

Серкретарь редакции ***Л. И. КАШТАНОВ.***

Журнал имеет следующие постоянные отделы:

I. Экономика и организация хозяйства.
II. Земледелие и животноводство.
III. Землеустройство и мелиорация.
IV. Лесоводство.
V. Государственные сельскохозяйственные предприятия.
V. Сельскохозяйственное обозрение.
VII. Заграницей.
VIII. Научная хроника.
IX. Критика, библиография и указатель новых книг.

По наиболее актуальным вопросам сельского и лесного хозяйства, требующим более подробного освещения, журнал даст специальные предложения.

Адрес редакции и главной конторы:

Москва, Старая площадь, д. 6, 5-й этаж.

Тел. 1-80-93 и 99-04.

Прием ежедневно от **2** до **3** часов дня.

Продолжается подписка:

Склады изданий в книжных магазинах Издательства НАРКОМЗЕМА

„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“.

МОСКВА, 1) угол Тверской и Моховой, 2) Вол. Златоустинский пер., д. 6.
ПЕТРОГРАД, Проспект 25 октября (б. Невский), 54.

Продажа во всех лучших магазинах других фирм.

ПЕЧАТАЕТСЯ И В ДЕКАБРЕ ВЫЙДЕТ В СВЕТ

СЕДЬМАЯ КНИГА

журнала литературы, искусства, критики и библиографии.

„ПЕЧАТЬ и РЕВОЛЮЦИЯ".

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ:

А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и И. И. Степанова-Скворцова.

Содержание:

СТАТЬИ и ОБЗОРЫ: А. В. Луначарский—Лев Давидович Троцкий о литературе. А. Дивильковский.—Разложение меньшевизма. И. Звавич.—Уптон Синклер и американские университеты. Я. Зунделевич.—О современной польской литературе. П. Эттингер.—Из мира графики на Западе. Б. Арватов.—Язык поэтический и язык практический. **ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**: М. Лиров.—Об упростительстве и попустительстве. К. Локс. Современная проза. В. Брюсов. Среди стихов. Р. Голосвин.—Лишние люди. Ю. Соболев.—Чеховиана. М. Рейснер.—Обзор литературы о религии и церкви. **В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ**: Синеира.—Заключительное слово и дискуссии об элементах бланкизма. В. Горев.—Письмо в редакцию. Н. Гарелин.—Выставка немецкой книги.

ОТЗЫВЫ о КНИГАХ: М. Зеликмана, Горева, В. Невского, М. Брагинского, И. Звавича. М. Павловича, Ц. Фридлянда, Ю. Вильдо, Г. Эльяшева, В. Цигульского, Р. Галперина, Я Фина, В. Дитякина, В. Кряжина, П. Лепешинского, А. Слуцкого, М. Клевенского, М. Рафеса, Н. Кашина, Н. Щербакова, М. Мебеля, Г. Лелевича, Ф. Кона, И. Волковичера, В. Виленского (Сибирякова), С. Пионтковского, К. Добраницкого, Б. Козьмина, К. Злинченко, П. Преображенского, К. Грасиса, Н. Григорьева, С. Геллерштейна, П. Стучки, А. Пионтковского, Н. Чехова, Б. Жеребцова, М. Слуховского, Л. Хавкина, Н. Орлова, Н. Здобного, В. Адарюкова, М. Гремяцкого, М. Виноградова, Н. Андреева, Б. Андреева, В. Михельсона, Ф. Капелюша, И. Евдокимова, В. Фриче, П. Гливенко, Н. Фатова, В. Переверзева, Л. Розенталя, Э. Бика, Д. Благого, Ю. Соболева, М. Эйхенгольца, В. Волькенштейна, И. Аксенова, А. Юрлова. И. Кубикова, Д. Фурманова, Бугославского. Л. Сабанеева, А. Сидорова, И. Горбунова, А. Некрасова, Г. Жидкова, Б. Арватова, П. Тарабукина, А. Греча, С. Милеева, А. Хавина, С. Обручева.

В НОМЕРЕ СВЫШЕ 35 ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Никитский б. д., № 8. („Дом Печати").

Заказы направлять в Отдел Подписки Госиздата: Москва, Никольская ул., дом. № 3.

В конце декабря выходит из печати № 7 (17) журнала.

„КРАСНАЯ НОВЬ".

СОДЕРЖАНИЕ:

Д. Крентюков. Обстоятельные люди—рассказ.
Л. Сейфулина. Будний день—рассказ.
Н. Никандров. Проклятые зажигалки—повесть (окончание).
М. Чистякова. Четыре дня—рассказ.
Н. Пришвин. Второй Адам—конец 3-го звена „Кощеевой Цепи".
И. Бабель. Миниатюры.

Стихи: *П. Дружинина, В. Инбер, В. Казина.*

А. Луначарский. Мораль и свобода.
И. Ходоровский. О народном образовании.
Л. И. Аксельрод. (Ортодокс). Об аналогическом методе в социологии.
Р. Семковская. Роза Люксембург.

За рубежом.

М. Танин. Англо-французская борьба (окончание).

От земли и городов.

М. Пришвин. От земли и городов.

Литературные края.

Ив. Касаткин. Литературные ухабы.
А. Воронский. О пролетарском писателе и художеств. политике.
П. Журов. Андрей Белый. („После разлуки").
В. Правдухин. Литературная корь.

Рецензии: *В. Правдухина, Н. Смирнова, В. Кряжина, Г. Лаяна, И. Гроссман-Рощина, А. Цинговатова* и др.

Адрес редакции: **Москва**, Покровка, Б. Успенский, 5, кв. 36.
Тел. 19-82.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА—ПЕТРОГРАД.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Библиотека научного социализма

под общей редакцией **Д. Б. РЯЗАНОВА.**

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения под редакцией и с примечаниями Д. Рязанова.

Т. I. **К. Маркс.** Статьи и письма 1837—1844 гг. С иллюстрациями. Стр. XXXII+563. Ц. 2 р.

Т. II. **Ф. Энгельс.** Статьи и корреспонденции 1839—1844 гг. С иллюстрациями. Стр. 624.

2. Г. Плеханов. Сочинения под редакцией Д. Рязанова.

Т. I. Статьи до 1883 г. Период народнический. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.

Т. II Статьи 1883—1888 гг. От основания группы „Освобождение Труда" до организации „Русского Социал-Демократического Союза". Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к.

Т. III. 1888—1892 гг. На русские темы. Стр. 428. Ц. 1 р. 50 к.

Т. IV. На международные темы. 1877—1894 гг. Стр. 332. Ц. 1 р. 25 к.

Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Часть первая. Стр. 331. Ц. 1 р. 50 к.

Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Часть вторая. Стр. 411. Ц. 1 р. 50 к.

Т. XI. Критика наших критиков. Стр. 397. Ц. 1 р. 50 к.

3. К. Каутский. Сочинения под редакцией Д. Рязанова.

Т. X. Происхождение христианства. Стр. 443. Ц. 2 р. 10 к.

Т. XII. Размножение и развитие в природе и обществе. Стр. XVI+284. Ц. 1 р. 50 к.

Популярная серия.

а) К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. 3-е доп. изд. с введением и примечаниями Д. Рязанова. Стр. 343.

б) К. Маркс и Ф. Энгельс. То-же. Карманное издание. Стр. 338. Ц. 1 р. 50 к. в папке.

Г. Плеханов. Основные вопросы марксизма под редакцией и с примечаниями Д. Рязанова. Стр. 126. Ц. 35 к.

Г. Плеханов. Очерки по истории материализма под редакцией и с примечаниями Д. Рязанова. Стр. 288.

Библиотека материализма.

Людвиг Фейербах. Сочинения.

Т. I. Избранные философские произведения. Вступительный очерк А. М. Деборина. Стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.

А. Деборин. Людвиг Фейербах. Жизнь и деятельность. Изд. „Материалист". 1923 г. Стр. 354.

В. Ваганян. Опыт библиографии Г. В. Плеханова с предисловием Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.

Д. Рязанов. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК. Издательство „Московский Рабочий". 1923 г. Стр. 63.

Находятся в печати.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Томы III, X, XI.

Г. Плеханов. Сочинения. Томы V, VI, IX, X и XII.

Н. Каутский. Сочинения. Том I. Экономические работы.

Л. Фейербах. Сочинения. Том II. Лекции о сущности религии.

Ламеттри. Избранные сочинения.

Гольбах. Система природы.